

В. Г. Тунян

“Защитник отечества” -
католикос всех армян Нерсес Аштаракецци
1826 - 1857 гг.

Ереван 2007

В. Г. Тунян. "Защитник отечества" - католикос всех армян Нерсес Аштаракеци. 1826 - 1857. Ереван. Св. Эчмиадзин, 2007-440 с.

Посвящается брату Артему

В монографии рассматривается деятельность католикоса Нерсеса Аштаракеци в тесной взаимосвязи с политикой самодержавия России с 1826 по 1856 гг. Этот отрезок времени характеризуется борьбой за освобождение Араратской страны, завершением раздела Армении между Россией, Турцией и Персией, наличием национальных устремлений, определением статуса армянской церкви и армянского населения со стороны самодержавия. Представлен процесс адаптации руководства Эчмиадзинского престола к политическим условиям функционирования Российской империи. Показано стремление сохранить самобытность древнего христианского вероучения Востока и защиты интересов духовной паствы. Изложены различные точки зрения по затронутым в исследовании вопросам.

Монография предназначена для историков, политологов и всех тех, кто интересуется политической историей армянской церкви и русско-армянскими отношениями. Книга является очередным звеном в галерее исторических образов руководства Армянской апостольской церкви. Используются материалы различных архивов правительственных ведомств Российской империи и именных фондов, делопроизводство католикоса Нерсеса Аштаракеци и личная переписка, воспоминания современников и публикации прессы.

Рецензент докт. фил. наук. М. Н. Минасян

Введение

В 301 г. Григорий Просветитель крестил Армению. Принятие христианства в качестве официального вероисповедания обусловило особенности развития армянской нации. Было провозглашено равенство всех армян, независимо от социального происхождения и имущественного положения. Произошло разделение духовной и светской жизни личности. Каждый человек стал рассматриваться как микрокосмос, получивший право на бессмертие. Христианство брало на себя защиту верующего, обещая карать неправедных и воздавать должное праведным. В отношении к государству использована формула: "Власть от Бога и нет власти не от Бога". Существование Армении в языческом окружении содействовало уникальности армянского монофизитского исповедания, когда Единородный сын Бога сошел в Эчмиадзине. Армянская государственность провозглашалась исключительным явлением в варварском окружении, требующим сплочения национальных сил и самоутверждения.

Начальному христианству в Армении были присущи определенные черты. Утверждение в качестве социального и нравственного идеала "царства Божия" в национальных пределах должно было обеспечить гармонию интересов общества и индивида. "Царство Божие" предусматривало вытеснение из общественного сознания языческих идей, формирование национального менталитета в среде арийских народов, содействие государственности и независимости. Утверждение христианства в Армении обусловило её вселенский и соборный характер для всех армян. Потребовалось проведение колоссальной работы по изменению общественных устоев. Решающим средством явилось приобретение народного статуса. Ключевым моментом стало изобретение армянского алфавита Месропом Маштоцом в 405 г. Имел место расцвет армянской литературы в пятом веке, получивший образное наименование "золотого века". Созданы оригинальные и переводные труды. Образована армянская классика: жемчужина армянской философии - "Книга откровений" Езника Кохбаци, "История Армении" Мовсеса Хоренаци, армянский перевод "Библии". Вклад в развитие астрономии и математики внес Анания Ширакаци. Богослужение в церквях проводилось на родном языке, а духовенство занималось образованием подрастающего поколения. Политическое размежевание с соседними народами обусловило длительную кон-

фронтацию с Сасанидской Персией и Византийской империей. Национальная индифференциация от язычества персов и сохранение самобытности от греков сформировали национальную доминанту развития как миницивилизации, имеющей самодостаточный и цивилизный уровень.

На протяжении веков армянская церковь выступала как соратник армянской государственности. В период её потери она становилась национальным политическим институтом, являющимся притягательным маятником для всех разбросанных армян, сплачивая их вокруг единого духовного центра Эчмиадзинского престола. Движущими силами армянской церкви являлись её народный характер, демократическая доступность всем сословиям, поборничество во имя национальных и светских идеалов. Церковь сплывала, ваяла, образовывала. Эчмиадзин стал центром армян и нормой жизни армянской семьи.

Армянская церковь возглавила борьбу нации за национальное возрождение в Новое время. В начале XIX в. армянская апостольская церковь состояла из патриаршеств: Араратского, Ахтамарского, Сисского, Константинопольского и Иерусалимского. Главы первых трех патриаршеств имели титул католикоса, но католикосом всех армян являлся руководитель Эчмиадзинского престола. Своеобразие исторического процесса развития армянского народа, длительность его порабощения привели к уничтожению старой феодальной знати, за исключением незначительного числа. Глава армянских патриархов выступал как руководитель армянских титулярных патриархов, духовный владыка нации, который представлял её политические и гражданские интересы. Это явление учитывалось в политических видах соседних государств. В ходе закавказских войн первой трети XIX в. армянское духовенство не только призвало народ к национальной борьбе, проповедуя национально-духовную деятельность Вардана Мамиконяна, но и возглавило её. Эчмиадзинский престол являлся светочом просвещения. Было создано училище Нерсисян, имевшее в 1824 г. 80 учащихся, а в 1826 г. - 360. Начато формирование церковно-приходской системы образования.

Тема политической истории армянской церкви в XIX в. является одним из направлений наших исследований. На их основе созданы такие работы, как "Эчмиадзинский престол в XIX в. и нач. XX вв.", "Положение" армянской церкви в 1836-1875 гг.", "Эчмиадзинский вопрос в политике России 1873-1903 гг.", "Церковная политика самодержавия России в Закавказье I п. XIX в." В то же время были написаны труды, посвященные деятельности католи-

косов Мкртича Хримяна и Матевоса Измирляна. Эти работы побудили выдвинуть вопрос создания монографического труда о деятельности Нерсеса Аштаракеци, которого армянский народ любовно прозвал "Защитником Отечества". Определяющим императивом в исследовании всегда является дело, как ответ на данное слово. Данный подход отвергает сиюминутность отношения к личности Нерсеса Аштаракеци, представляет накопленный опыт исторической деятельности и осмысления прошлого.

Деятельность католикоса Нерсеса Аштаракеци всегда привлекала внимание при изучении проблем политической истории Армении I п. XIX в., отражая значение церкви как политического института и духовного центра всех армян, представляя Армянский вопрос в отношениях между Россией, Персией и Османской Турцией. Хронологические рамки исследования охватывают зрелые годы деятельности Нерсеса Аштаракеци с 1826 по 1857 г., когда он вышел на общенациональную арену деятельности. С учетом фрагментарности и малоизученности ряда аспектов деятельности архипастыря поставлена цель исследования следующих главных задач:

- участие в освобождении Араратской страны;
- деятельность в Ереванском временном правлении;
- национальные устремления армянских деятелей;
- руководство Бессарабской епархией;
- взаимоотношения с самодержавием России;
- управление устоями армянской церкви.

В исследовании задействован весь фактический исторический материал, извлеченный из архивов Еревана, Тбилиси, Москвы и Петербурга, получивший отражение в различных публикациях и на страницах прессы. В архиве внешней политики России основополагающим является дело "О поведении армянского духовенства в продолжении похода 1828 г. против Азиатской Турции, о поступках архиепископа Нерсеса и о предположениях относительно духовного устройства нации Армянской".¹ Лейтмотивом является мысль о национальной деятельности Аштаракеци: "Распоряжения армянского архиепископа Нерсеса Аштаракеци по духовным делам его, Закавказом проживающих, а наипаче в Эчмиадзине, не во всем соответствуют предположениям правительства об армянском народе".² В военно-историческом архиве России ценным являлись материалы дела "О поведении армянского архиепископа Нерсеса и о жалобах его на генерал-адъютанта графа Паскевича-Эриванского".³ Исключительный интерес представляют материалы отдела письменных источников государственного исторического музея г. Москвы относительно времени обострения отношений

католикоса Нерсеса Аштаракеци с высшей властью Российской империи, хранящиеся в именном фонде Н. Н. Муравьева-Карсского. Аналогичные материалы о деятельности Нерсеса Аштаракеци выявлены в других архивах, в том числе ведомственных структурах. Ценные сведения содержат те или иные воспоминания современников. Из исторических глубин возникли новые факты, а имеющиеся подверглись осмыслению сквозь призму реалий. При этом автор строго следовал установленным историческим фактам, стараясь преодолеть стереотипы и мифы вокруг личности легендарного католикоса.⁴

Историческая галерея политических портретов армянских католикосов XIX в. показывает, что они соразмеряли свою деятельность с деятельностью Нерсеса Аштаракеци. Он являлся тем национальным камертоном, отталкиваясь от которого они выстраивали свою деятельность. В этом проявлялась понимание исключительности и многогранности личности Аштаракеци. Как национальный деятель он словом и ратью прокладывал путь к освобождению Восточной Армении, стремился к образованию армянской государственности в составе Российской империи, использовал все возможности для возвышения роли Эчмиадзинского престола среди всех армян, предпринял усилия по созданию национальной системы образования. В этом большую роль сыграли обширные связи Нерсеса Аштаракеци с представителями России, Турции и Персии. Наиболее исключительный характер имели контакты с представителями фамилии Лазаревых, наместниками Кавказа М. С. Воронцовым и Н. Н. Муравьевым. В то же время Нерсес Аштаракеци является примером стойкости и борца за справедливость, которому удалось вновь взойти за церковный Олимп после удаления от руководства армянской церкви и вернуться к решению национальных проблем. Показательны и те средства, которые Аштаракеци выстраивал и использовал в различные отрезки времени для реализации поставленных целей. Для него насущными являлись слова: "Служение нации и верность учению Иисуса Христа".

-
1. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Армянские дела, 1828 - 1830, д. 4. Тит. лист.
 2. Там же, л. 3.
 3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3769. Тит. лист.
 4. Отдел письменных источников государственного исторического музея г. Москвы (ОПИ ГИМ), ф. 254, оп. 1, д. 239, л. 1-25

Глава I. Политический взлет

1. Организация отпора персидскому вторжению

На рассвете 16 июля 1826 г. персы неожиданно атаковали посты в русской части Восточной Армении - Мираке, Гамзачимане и с. Малом Караклисе. Возглавлял боевые действия брат Ереванского сардара Гасан хан, умело маневрировавший иррегулярной конницей, проявляя решительность и жестокость. Часть полковника Л. Я. Севарсемидзе, под натиском 3 тысячного войска персов, была вынуждена отступить от Мирака к Гюмри. Ужасному разгрому подверглось село Малый Караклис. Подоспевший на помощь отряд из 80 солдат Тифлисского пехотного полка во главе с подп. Дехтяревым мало кого застал в живых. Спаслись лишь те, кто сумел дать организованный отпор. Командиром седьмого карабинерного полка Н. Н. Муравьевым отмечено: "Когда персияне ворвались в селение и начали производить неслыханные неистовства, закалывать младенцев, стариков, насилуя дев и производя все ужасы, сродные зверскому и бесчеловечному нраву их, тогда десять семейств армянских, укрывшись в несколько домов, защищались и удержались до самого прибытия Дехтерева, побив у неприятеля много людей. Ими предводительствовал армянин Саркис, человек отважный, но простой".¹ Было угнано в плен 200 армянских семейств. Полностью вырезан русский гарнизон поста Гамзачиман. В тот же день нападению подверглись отдельные места в Шамшадинской дистанции и в Гильской долины о. Севан, что завершилось потерей среди казаков и армян.

18 июля произведено нападение на Балукчайский пост. Кавалерийские силы противника превосходили по маневренности и численности русские формирования, что позволяло добиться оперативного успеха не ввязываясь в столкновения с русской пехотой. Была продумана дислокация противника: отряд Наги хана в 100 человек располагался у озера Севан; в том же числе карапахацкая конница под руководством Суин - Кули хана находилась у Балыкчая; в Мараге находился Ереванский сардар Гусейн - Кули хан с двумя батальонами пехоты, тремя тысячами конницы и шестью орудиями, а Гасан хан имел до 5 тыс. конницы.² Ереванский сардар обратился с призывом к руководству "татарского" населения приступить к истребительной политике: "Всех русских, находящихся среди вас, должны вы убить, и будете во избавление себе, нам сотрудниками. Постарайтесь с помощью бога истребить

всех русских".³

Для парализования отпора армянского населения Ереванский сардар постарался захватить главу армянской церкви Ефрема Дзорагехци в Ахпатском монастыре: "Чтобы или в живых или отсеченную голову верховного патриарха армянского доставили к нему".⁴ Лишь благодаря смелости отряда шамшадинского епископа Григория Манучаряна удалось предотвратить захват католикоса. На рассвете отряд Гасан хана застал пустую келью.⁵

Ереванское направление вторжения носило второстепенный характер для персов, отводивших решающее значение Карабахскому направлению. Успех в этом направлении должен был сплотить "татар" Восточного Закавказья и содействовать захвату Тифлиса. 17 июля 1826 г. наследный принц Аббас-Мирза, перейдя реку Аракс у Худоферинского моста, встретил делегацию карабахских беков, сообщивших о концентрации русских пограничных частей в количестве 1500 чел. у с. Горис. Беки не выполнили обещания захватить крепость Шуши. В случае прихода Горисского гарнизона овладение крепостью Шуши признавалось невозможным. Неожиданное известие побудило шах-заде изменить очередность наступательных действий. Вместо победного марша в глубь Восточного Закавказья предстояло решить задачу Горисского гарнизона и захвата крепости Шуши. Трудности пути, связанные с отсутствием воды, сильной жарой и т. д., был преодолен авангардом персов довольно быстро.⁶ В ночь на 20 июля настоятель Татевского монастыря архиепископом Мартирос предупредил руководителя Горисского гарнизона под. Ф. Назимку о подходе "скопища" персов.⁷ Отступающий отряд Назимки у с. Корнидзор был разбит в четырехчасовом бою. При содействии армянского населения до крепости Шуши добрались лишь 21 солдат и 2 офицера.⁸

В триумфаторской реляции Аббас-Мирзы было заявлено о предрешенности занятия крепости Шуши.⁹ Однако сюда из лагеря Чинахчи подошел 42-й егерский полк во главе с полк. Реутом. Под его руководством находилось 1000 штыков, 500 представителей Донского казачьего полка и подоспевшее окрестное армянское население. 25 июля к Шуше подошла армия Аббас-Мирзы, насчитывающая 40 тыс. пехоты, 24 орудия и иррегулярную конницу. 27 июля была затребована сдача крепости. "Татарский" посланец представил Реуту "перехваченный дубликат" приказа главы Кавказа А. П. Ермолова об отступлении к Тифлису. Военный совет затребовал нового приказа для сдачи Шуши и Карабаха.¹⁰ Армянским защитникам было роздано 1500 заручных ружей.¹¹ Началась

осада крепости Шуши. Проводилась систематическая пропаганда против армян, чтобы они перестали оказывать содействие русским, используя различные психологические средства давления. Составлено обращение захваченного митрополита Саркиса Джалалянца к защитникам крепости с призывом сдаться, не нашедшее отклика. Развеян по ветру прах родителей военно-окружного начальника князя Валериана (Ростома) Мадатова, известного военными доблестями и административными способностями. Смысл акции заключался в устрашении армянских крестьянских масс.¹² Однако персидский расчет не сработал. Из казенных крестьян героизм проявили шушакецты братья Яков и Сергей Бадаковы, получившие боевые ранения. Самооборону армян возглавил прапорщик Тарханов. С положительной стороны проявили себя Петрус бек, Мадатов, Багдасар бек Долуханов, Сафар юзбаши. Активную роль играл городской голова Калантаров.¹³

26 июля 1826 г. состоялся военный совет отдельного Кавказского корпуса на котором обсуждалось создавшееся военное положение в регионе. На совете присутствовали экзарх Грузии Иона и архиепископ Нерсес Аштаракеци, заверившие о поддержке мер по стабилизации обстановки. Итогом явился приказ Кавказскому корпусу о вторжении персов, нарушивших мирные отношения между обеими державами, ведущих истребительную войну. Целью Аббас-Мирзы представлено отнятие закавказских провинций России. Поставлена задача "защищаться с твердостью", ждать времени наступления, проявить верность царю.¹⁴ Лаконичный тон приказа, указание о защитных действиях свидетельствовали о напряженном состоянии главнокомандующего Кавказским корпусом. Царю Николаю I было отправлено сообщение о вторжении в Закавказье более 100 тысячной армии персов и необходимости военной помощи. Приняты экстренные меры по защите края. Из Минеральных Вод был отозван князь Мадатов, находящийся там на лечении.

Ночью проконсул Кавказа Ермолов посетил архиепископа Нерсеса Аштаракеци для обсуждения деликатной темы о мерах самообороны. Военная ситуация признана критической: "Владыка, только Вам я могу сообщить тайну, зная Вас и преданность армянской нации к Российскому престолу. У нас мало войск на Кавказе, особенно в Тифлисе. Грузинский царевич (Александр) с персидским войском вступил в Карабах и возмущает грузин против нашей державы. Дядя шаха, сардар Амир хан, с большим скоплением пришел и осел на равнине Шамхора, намереваясь начать наступление на наши границы. Я запросил быстрой присылки

вспомогательных войск, но до их прибытия наше положение может ухудшиться".¹⁵ Запрошено содействие по созданию армянского ополчения в Тифлисе для защиты города.

Архиепископ Нерсес Аштаракец (Торос Тер-Арутюн Шахазян) являлся видным деятелем Эчмиадзинского престола и национально-освободительного движения. Его политическая деятельность стала следствием активного участия в борьбе патриарха Даниила с Давидом,¹⁶ когда ставилась задача присоединения Араратской страны к России. При главноначальствующем Закавказья П. Д. Цицианове в 1804 г. он принял участие в походе по освобождению Еревана. Осенью 1808 г. в звании епископа Нерсес Аштаракец в Эчмиадзинском кафедральном соборе, в присутствии главноначальствующего И. В. Гудовича, выступил с речью "Слово об успехах христоролюбивого российского воинства, при случае вступления в пределы Араратские". За содействие России был брошен в зиндан Ереванского правителя, но лишь подкуп влиятельных лиц позволил избежать смерти.¹⁷ С 1814 г. Аштаракец возглавил Грузинскую армянскую епархию, что предоставило возможность деятельному архипастырю сблизиться с проконсулом Кавказа Ермоловым. После ухода католикоса Дзорагехци в 1822 г. в закавказские пределы, с формальным отказом от власти, Аштаракец как первенствующий член Синода и управляющий закавказскими духовными общинами стал фактическим регентом армянской церкви, осуществляя защиту интересов Эчмиадзинского престола перед Тегеранским двором.¹ Его установкой было освобождение Армении с помощью русского оружия: "Россия - меч Божий".¹⁹

После обращения за помощью проконсула Кавказа Аштаракец созвал совещание старейшин, отдельно знатных представителей армянской общины, затребовав организации обороны города до прибытия вспомогательных частей из России. Положительное решение имело жизненно важное значение, так как в то время большинство населения Тифлиса составляли армяне. 29 июля Аштаракец издал воззвание к армянскому населению Тифлиса, Елисаветполя, Карабаха, Нухи, Шемахи, Дербента, других городов и селений. Лейтмотивом являлся призыв объединения с российскими формированиями для совместной борьбы, проявлению твердости и терпения, защите национальной чести и достоинства: "Против чаяния всех благомыслящих, персы вступив в пределы Всероссийской империи, нападают разбойнически на армянскую нацию, обитающую без всякой предосторожности и опасения в селениях, пленяют и бесчеловечно терзают". Естественным союз-

ником армянского народа охарактеризована Россия: "Известна вам и цель августейшей Всероссийской державы - она распростерла мощную десницу свою на отечество наше не столько для собственной пользы, сколько для спокойствия и благоденствия нашего, для защищения святой веры и церкви Христовой".²⁰

Напоминалось о судьбе г. Тифлиса, подвергнутого разграблению Ага-Мохамедом шахом в 1795 г., когда в плен было взято поголовно городское население - 12 тыс. армян и 4 тыс. грузин. В то время персы так и не сумели осуществить вторжение в пограничные города России. Слабостью текущего вторжения персов указывался тот факт, что, в отличие от прошлого, они направляли свои действия лишь против сельского населения, грабя их и угоняя в плен.

Армяне призывались быть достойными своего славного исторического прошлого: "Вспомните великие подвиги и неподражаемые добродетели отцов ваших. Вы дети их, их кровь обращается в жилах ваших. Подобно отцам вашим и предкам, верность к Богу, к христианству и благодетелю нашему боговенчанному монарху России предпочтите стяжаниям вашим и жизни". Все посулы персов признаны уловками, требующими отвержения и сопротивления: "Не страшитесь гласа и вопли персов - вся их сила состоит в одном шуме и угрозах, но никогда в штатном могуществе и благоразумии".²¹ Верность и доблесть ставились превыше всего. Руководство армянской церкви провозгласило борьбу за веру, за отечество, за спасение народа вместе с Россией.²² Обращение стало зачитываться в армянских церквях Закавказья. Архиепископ Аштаракеци отдал указание подчиненным священнослужителям в закавказских провинциях поднять массы для защиты родных пределов и отправить защитников в Тифлис.

В конце июля Ермолов сконцентрировал вокруг Тифлиса войско почти из 20 тыс. Замедленность боевых действий персов позволила 8 августа 1826 г. выделить 8 - тысячный отряд кн. Мадатова для противодействия противнику на Шамхорском направлении. Затем проконсул Кавказа планировал выехать вместе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци в район боевых действий, что должно было содействовать как сплочению армянского населения против противника, так и обеспечению провиантом русские формирования.²³

Вторжение персов вызвало озабоченность царя Николая I. 10 августа он затребовал от Ермолова обеспечить спасение гарнизона крепости Шуши во главе с полк. Реутом. Указан план кампании, в разгроме персов по частям, предполагающий начать с оса-

ждающего отряда крепости Шуши. Сообщено о выделении на помощь 20-й пехотной Крымской дивизии из Севастополя во главе с ген. А. И. Красовским и Уланской дивизии. Прибытие дивизии Красовского должно было освободить части 22 - й дивизии для наступательных действий. В помощь присылались два известных генерала - ген. ад. И. Ф. Паскевич и ген.- м. Д. В. Давыдов. С первым царь учился в Парижской академии и проходил у него военную стажировку, за что получил ласковое прозвище "отец-командир". Он стал командиром Кавказского корпуса под начальством Ермолова. Царь не отметил предоставление бланш-карты Паскевича, а именно - рескрипта о смещении, в случае необходимости Ермолова. Генерал Давыдов являлся героем Отечественной войны и двоюродным братом проконсула Кавказа.²⁴

11 августа 1826 г. царь Николай I выразил несогласие с распоряжениями Ермолова относительно обороны и отдал повеление действовать по "возможности" наступательно. Из Киева был направлен в Тифлис парк тяжелой осадной артиллерии для захвата крепости Еревана.²⁵ Николай I, имея военное образование, стремился разобраться в происходящих кавказских событиях. Девизом в управлении страны был постулат: "Мы все на службе не за тем, чтобы гулять, а чтобы дело делать".²⁶ В кабинете монарха находились комплект журнала "Вестник Европы" за 1825 г. и книга "Описание Кавказа с кратким и статистическим описанием Грузии".²⁷ В журнале "Вестник Европы" была опубликована статья "Исторический взгляд на Армению и Георгию" Д. Арзанова, бегло излагавшая историю Армении со времен прародителя Гайка.²⁸ Книга "Описание Кавказа" отражала уровень знаний в России о закавказских народах начала XIX в. Имелся тезис о "покровительстве" России армянскому народу, предоставлении Эчмиадзинскому католикосу независимости от Ереванского хана.²⁹ В августе 1826 г. на коронации Николая I находились главы Бессарабской и Астраханской епархий архиепископы Григорий и Иоаннес. Последний поставил в известность Аштаракеци о желании монарха освободить Армению от персидского владычества.³⁰

Ознакомление с распоряжениями царя Николая I заставило Ермолова отказаться от выезда на фронт, начать готовить силы для контрнаступления. Собрано грузино-армянское ополчение в 1000 человек.³¹ Первый отряд ополченцев был направлен в Казахскую дистанцию. Архиепископ Аштаракеци послал двух нарочных армян в крепость Шушу, чтобы сообщить полк. Реуту о нахождении Ермолова в Грузии и подходе войск из России. Проконсулом Кавказа предписано было Реуту не сдавать крепость Шуши про-

тивнику, - "Защищайтесь до последнего",-³² поскольку она сдерживала 15 - тысячное войско Аббас-Мирзы с 14 пушками. 21 августа Ашгаракеци обратился с воззванием к армянскому населению Лори о содействии русским частям в борьбе против персов.³³ Отряд кн. Мадатова действовал в направлении Карабаха и Ширака, дислоцируясь в с. Шамшадин, препятствуя продвижению сардара Амирхана. Для установления связи с ним, по распоряжению Ермолова, архиепископ Нерсес Ашгаракеци послал отряд епископа Григория Манучаряна. Был отдан приказ о переходе к наступательным действиям.³⁴

29 августа 1826 г. Паскевич прибыл в Тифлис.³⁵ На совещании с Ермоловым была обсуждена военно-политическая ситуация в регионе. Для снятия осады Шуши Ермолов подготовил сводный отряд под командой Мадатова, насчитывающий семь батальонов, 24 орудия, 700 казаков и 800 воинов грузино-армянской конницы. Паскевич предложил укрепить сводный отряд прибывшим драгунским полком, "ибо регулярную кавалерию еще в этой земле не видели, и один полк может довершить победу".³⁶ Встретив взаимопонимание со стороны проконсула Кавказа, Паскевич не предъявил рескрипт о его смещении. Было решено поручить Паскевичу возглавить экспедицию против Аббас-Мирзы. В тот же день Ермолов сообщил царю о наступлении против персов.³⁷

2 сентября 1826 г. Мадатов атаковал неприятеля, находившегося на правом берегу реки Шамхор, насчитывавшего под командованием Мамед-Мирзы, сына шах-заде, и Амир хана, дяди последнего, 2 тыс. регулярной пехоты, 8 тыс. конницы, четыре орудия и 20 фальконет (легких пушек) на верблюдах. Русская артиллерия подавила персидскую кавалерию противника. Перейдя брод русская конница, состоящая из 800 ополченцев, грузино-армянского ополчения и "нескольких татар" Казахской дистанции, осуществила разгром пехоты неприятеля.³⁸ В победной реализации отмечено: "Персияне были сбиты и обращены в бегство, казаки кололи их пиками до изнеможения сил; в руках их остались только обломки древ. Весь неприятелький корпус, смешавшийся в беспорядочную толпу, бежал без оглядки и от страха не мог даже попасть в Елисаветполь, гарнизон которого, объятый ужасом, поспешил очистить крепость".³⁹

Противник потерял убитыми 100 человек, двух ханов, в том числе дядю Аббас-Мирзы, одно орудие с военными снарядами и одиннадцать фальконетов. Разбитых персов преследовали безостановочно на протяжении 10 верст. На следующий день Мадатов занял крепость Елисаветполь. Персидский гарнизон поспешил пере-

правиться за реку Зейва, потеряв значительное количество провианта и пороха.⁴⁰ Путь отступления персам отрезал отряд епископа Григория Манучаряна. Части Зограб хана и агаларов Шамшадинской дистанции, оказавшись в окружении, были разбиты в деревне Амирлах русским отрядом.⁴¹ Главнокомандующий Кавказским корпусом Ермолов предписал Паскевичу присоединиться с дополнительными частями к Мадатову, победа которого рассматривалась личным достижением для снятия осады с крепости Шуши.

Обозначившийся перелом в ходе боевых действий побудил Аббас-Мирзу выступить с главными силами из-под Шуши, насчитывающими 15 тыс. регулярной пехоты и 20 тыс. иррегулярных частей. Была занята позиция на реке Тертер, в 40 верстах от Елисаветполя.⁴² Оставленный блокадный отряд персов был разбит ночью 4 сентября русским гарнизоном крепости Шуши с Реутом и армянскими бойцами.⁴³ Ночью 9 сентября произошло соединение частей Паскевича и Мадатова. Должно было состояться долгожданное масштабное сражение между обеими сторонами, что определило бы судьбу персидского вторжения.

12 сентября 1826 г. русские части встали навстречу противнику, подходившему к Елисаветполю. Сводный отряд имел 8 тыс. чел. Боевые действия возглавил Мадатов, заметивший несогласованность в рядах неприятеля. Очевидец четко отметил: "Заметив это, командовавший первою линею доблестный кн. Мадатов, обнажив шпагу, закричал ура! Это было сигналом к общему наступлению всего корпуса".⁴⁴ Удар в центр противника, попытавшегося на флангах перехватить инициативу, решил исход сражения. Сдалось в плен 1100 сарбазов, захвачено 8 орудий и три знамени. Поражение окончилось бы более плачевно для тридцатипяти тысячной армии персов, будь у русского отряда достаточное количество конницы.⁴⁵ Отступившие части противника двинулись к лагерю под Шушой, но русско-армянские части заставили повернуть к Худоферинскому мосту. Отсутствие армянской конницы снизило эффект преследования неприятеля.⁴⁶

Маневренный отряд епископа Манучаряна, при содействии грузино-армянского ополчения и армян Шамшадинской дистанции, разбил персидского Маман-Замах хана при речке Асрик. Сопровождал хана грузинский царевич Александр.⁴⁷ 15 сентября ген.- м. Давыдов принял командование отрядом в Джелал-оглу, включавшим армянскую пехоту и грузинскую конницу. На следующий день началось наступление и 21 сентября был занят пост Мирак. После похода в персидскую территорию за провиантом Давыдов вернулся в Джелал-оглу.⁴⁸

Русские воинские формирования отбросили персов к исходному рубежу вторжения. Расследование участия масс в содействии персам подтвердило лояльность армян российскому режиму. Армянское население, укрывшееся в горах от Гориса до Капана, просило выдать оружие для обеспечения безопасности. Отдельные вылазки противника, совершившего нападение на Татевский монастырь, держали жителей в напряжении.⁴⁹

Благонадежность армянского населения получила отражение в распоряжениях военного руководства региона. Генерал Паскевич вынес благодарность армянам "за пособие и мужество ополчения", обещав доложить царю.⁵⁰ Инициатива признания заслуг армянского населения шла и от руководителей армянской самообороны во главе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци. Епископ Григорий Манучарян подал записку Ермолову, по его прибытии в Шамшадинскую дистанцию, об освобождении армянского населения Борчалу, Казаха и Шамшадина от власти "татарских" беков и агаларов, что затем было осуществлено.⁵¹ 1 октября 1826 г. Ермолов подписал благодарственное свидетельство Манучаряну в лагере при р. Гасан су, отметив исключительные заслуги архипастыря в обороне края.⁵² Ермолов предписал Мадатову осуществить вознаграждение представителям армянского населения, разоренного от вторжения персов, которые принимали участие в самообороне крепости Шуши.⁵³

24 октября 1826 г. Николай I поздравил Ермолова и Паскевича с успешным изгнанием Аббас-Мирзы за р. Аракс. Утверждено мнение проконсула Кавказа о необходимости замирения закавказских владений в качестве условия для переноса боевых действий на территорию противника: "Я весьма согласен, что прежде, нежели перейти Аракс, лучше очистить наши провинции совершенно от неприятеля, упрочить спокойствие оных и обеспечить продовольствие войск на дальнейшее действие, внести тогда уже войну в пределы Персии и действовать решительно". Указано на необходимость использования всех возможностей дипломатии и войны для приобретения Еревана: "Не должно однако же упускать случая, если бы таковой представился, к овладению Ереваном силою ли оружия, посредством денег или тайных сношений с Ереванским сардаром. Я всё поручаю вашему усмотрению".⁵⁴

Царь Николай I стремился к тотальной информированности о положении дел в закавказских провинциях, используя возможности различных правительственных структур, в том числе и известной дворянско-предпринимательской армянской фамилии Лазаревых. Представители младших Лазаревых - Иван (Ованес), Ха-

чатур и Лазарь (Егиазар) - являлись чиновниками особых поручений. Первый состоял при Московском генерал-губернаторе А. А. Закревском, второй, как чиновник Министерства иностранных дел, находился при шефе корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфе, а последний служил во внутренней страже. Хачатур Лазрев должен был составлять Бенкендорфу и начальнику главного штаба И. И. Дибичу сводки донесений о положении дел в закавказских провинциях, "проекты" об азиатских народах, поступавшие на усмотрение царя Николая I. Миссии Хачатура Лазарева содействовали фамильные связи с видными представителями армянских общин России, в том числе с Аштаракеци.

В информативной сводке от 6 ноября 1826 г. Хачатур Лазрев обратил внимание на двойной стандарт отношения проконсула Кавказа Ермолова к Аштаракеци: приближал, в случае необходимости, и отстранял - при отсутствии надобности. Сообщалось: "Епархиальный архиепископ Нерсес обитающих в Грузии армян, по общему доверию паствы своей и по большим сношениям своим в Грузии и в Персии, для выгоды России, как в мирное время, так и ныне, много содействовал, доказал на опыте большие заслуги. Генерал Ермолов, видя в нем необходимость, употреблял его во многих случаях. Некоторое время при начале войны, когда он был ему более нужен, тогда он его любил и уважал, но потом оказывал против, теперь во время войны по крайности с ним весьма хорош, имеет частые свидания и сношения, даже во многих случаях действует через него, иначе не мог бы успеть, ибо все известия о персиянах и горских народах получают верные, по участию и врученных через надежных армян".⁵⁵

Представление значительности роли Аштаракеци в персидской кампании получило резонанс в высших кругах. 16 ноября 1826 г. в Тифлис прибыл брат шефа корпуса жандармов ген. Константин Бенкендорф. 18 ноября состоялась теплая беседа с Аштаракеци, которому было передано письмо от Хачатура Лазарева, с обсуждением положения дел Эчмиадзинского престола и приверженности армян России.⁵⁶ Было отмечено, что Эчмиадзинский монастырь обезлюдел, епископы Ефрем и Степан находятся под арестом в Ереване, а передвижение оставшихся монахов контролируется персидским гарнизоном.⁵⁷

Затишье на персидской границе стимулировало появление различных видов с Персией. 29 ноября 1826 г. царь возвратил министру финансов Е. Ф. Канкрину записку "Мысли о Грузии". В ней присоединение Грузии (Картли-Кахетинского царства) в 1801 г. рассматривалось "невыгодой" для державных интересов, уси-

ленной завоеванием новых персидских провинций по Гюлистанскому трактату 1813 г. Отрицательная рентабельность закавказских владений представлена неизменной даже в случае закрепления границы по р. Аракс, поскольку это явилось бы поводом к сохранению напряженных отношений с Персией: "Но сему нельзя уже помочь, - указывал Канкрин, - и даже новое расширение наших владений определением Аракса границей будет необходимым только следствием настоящего положения дел, хотя через таковую границу ещё более усиливается состязание с Персиею".⁵⁸ Новую границу предстояло обставить укрепленными пунктами, создать запасники аммуниции и продовольственные магазины. Предложено управлять Закавказским краем "благоразумной колониальной системой", предусматривающей развитие в качестве сырьевого придатка и управление как азиатской провинцией. Содержание записки удостоилось благосклонного внимания царя Николая I: "Возвращаю с моей благодарностью".⁵⁹

30 ноября 1826 г. начальник главного штаба Дибич сообщил Ермолову о двух "общих предначертаниях" предстоящей кампании 1827 г. по разгрому Персии на её территории. Первое "предначертание" намечало планомерное занятие "внешних провинций" неприятеля, смыкавшихся с закавказскими владениями России. Для этого отряд левого фланга под командой Паскевича из Карабаха, перейдя реку Аракс, должен был занять г. Агар и направиться к Тавризу. Действия отряда должны были сконцентрировать на себе внимание противника, отвлечь от защиты крепости Еревана. Главные силы Кавказского корпуса, находящиеся в Лорийской долине, обязывались оставить часть подразделений для осады крепости Еревана. Перед корпусом ставилась цель обойти сардарский оплот и двинуться по маршруту Нахичеван - Маранда - Тавриз.

Второе "предначертание" рассматривалось, скорее, теоретической возможностью. Предполагалось присоединить значительные части войск к отряду Паскевича, находящегося около Нижнего Аракса. Затем, перейдя вместе с главными силами Худоферинский мост, они должны были направиться к Тавризу, Еревану и Нахичевану. Отрезанные от помощи персы оказались бы осажденными отрядом правого фланга." Этот план мог вступить в действие лишь при окончательном "умиротворении" закавказских провинций, обеспечении зерновых запасов в Мугани и возможности их бесперебойной поставки войскам,двигающимся на Тавриз.

Оба плана были направлены на занятие Тавриза. Покорению крепости Еревана отводилась второстепенная роль из-за отсутст-

вия тяжелой осадной артиллерии, желания решить исход кампании быстрым и решительным ударом, стремлении избежать больших человеческих потерь, необходимости ускорить завершение персидской войны. Персидский поход предписывалось осуществить под главным командованием Ермолова, а "частное" вверить Паскевичу либо ген. - м. Красовскому. Запасным частям приказывалось дислоцироваться в Грузии под командованием ген. лейт. Вельяминова, которому вверялось также гражданское управление краем на правах военного генерал-губернатора.⁶⁰

21 декабря 1826 г. Хачатур Лазарев представил Бенкендорфу соображения о мире с Персией. На основе информации из Закавказья утверждалось о возможности занятия Тавриза в результате январского либо февральского наступления. Включение Ереванской и Нахичеванской областей в состав Российской державы, получение военной контрибуции и переселение армян сочтены главными компонентами выгодного мира: "До реки Аракс утвердится твердая граница, притом персияне разорятся по требованию знатной суммы, ибо шах и народ его ныне в совершенном унынии и отчаянии, без достаточного войска, без средств и по неудобности времени не способны и не могут вести оборонительной войны".

Сообщалось о давнем желании католикоса Ефрема и архиепископа Аштаракеци увеличить количество армян в Грузии, имея в виду под этим понятием закавказские владения России. По данным Лазарева, в Грузии и сопредельных областях, "кои составляли в прежние времена большую и малую часть Армянского царства", насчитывалось 20 тыс. семейств армян, составляющих 100 тыс. чел., при наличии 5 чел. в семье. Значение переселенческой акции усматривалось в росте благоустройства, безопасности и закреплении Южной окраины: "От увеличения народонаселения безопаснее была бы Грузия, притом торговля и промышленность могли бы с большой выгодой для правительства процветать. Сверх того, при вторжении врагов земские ополчения удобнее составлялись бы и с успехом отражали".⁶¹ Переселение предлагалось организовать при минимальном содействии казны, но непременно покровительстве властей, ограждении законности и порядка. Необходимость законности обоснована недовольством закавказского населения существующим управлением Ермолова на протяжении последних восьми лет. Источник недовольства "азиатцев в Грузии" связан с попранием законов начальством на всех уровнях. От заведения должного порядка ставилась судьба процветания закавказских владений: "Когда же отдаленная страна Грузия

и сопредельные области столь будут осчастливлены, что оснуется в оных кроткое правительство на справедливости и без притеснения, и когда положительные правила начальниками соблюдаться будут и каждый, яко мирный гражданин обеспечится, тогда негодования прекратятся, мятежи исчезнут и пути откроются на водворение к переселению. Большая часть жителей из сопредельных областей Персии с готовностью перейдут по покров и мудрое владычество России".

Обращено внимание на распыленность русских войск по региону в начале войны, которые не имели опорных пунктов и запасов провианта. Подчеркнут вклад армянского народа в дело организацию и разгрома противника, которого к защите воззвало высшее духовенство, помогавшее снабжением русских формирований оружием и провольствием. Однако при этом оценка деятельности армянского населения на высшем уровне власти оказалась не на должном уровне. Лазарев отмечал: "Без значительного содействия и без помощи армянского населения Грузия была бы в худшем положении. Но все доказательства толико очевидной преданности армян остались без внимания, и все неправильно приписано к распоряжениям начальства".⁶²

Представленные соображения содержат два компонента - конструктивный и критический. Конструктивный намечал консолидацию армянского населения в российских пределах, улучшение управления и развитие экономики закавказских владений России. Обоснована важность роли армян в закреплении естественной границы по р. Аракс. По данным купца Нубарова, представленным Ермолову в 1823 г., в Персии насчитывалось 21354 армянских семейства или же 106720 чел. Наиболее населенными армянами местами считались г. Ереван и Эчмиадзин. Эти же данные практически подтвердил участник русского посольства 1826 г. в Персии поручик Носов, составивший записку "Картина Западной Персии". Восточноармянские земли входили в состав провинции Азербайджан, которой правил принц Аббас-Мирза как наместник, имевшей пять крепостей - Ереван, Тавриз, Аббас-Абад, Хой и Ардебиль.⁶³ Предложение оставить часть восточноармянских земель за Араксом исходило из намерения высших кругов Российской империи обеспечить естественную границу с Персией, не тратясь значительно на её обустройство. При этом отрицательные последствия от подобного передела Персидской Армении для армянского народа не учитывались, поскольку сокращался этнотерриториальный национальный массив.

Присоединение Араратской страны, переселенчество из Хоя,

Сламаста и Тавриза практически привели бы к удвоению армянского населения в западном Закавказье. Был бы создан консолидационный очаг в российских пределах, который активностью в развитии торговли, промышленности и производительных сил обусловил бы возрождение нации под попечительным покровом самодержавия. Гарантируя безопасность значительной части персидской границы, принимая участие в её охране, армяне Араратской страны получили бы возможность благоприятного мирного развития. Правительственные виды удовлетворялись необходимостью наведения правопорядка, закрепления Закавказья в политическом, экономическом и культурном отношениях. В этом отношении соображения Х. Лазарева и высшего руководства армянской церкви дополняли представления министра финансов Канкрин. В то же время они имели национальное содержание. Подобные "проекты" Лазарева шеф корпуса жандармов Бенкендорф обычно предоставлял на усмотрение царя.⁶⁴

5 января 1827 г. Ермолов изложил начальнику главного штаба Дибичу свое мнение по двум "предначертаниям" войны против Персии. Оба варианта военных действий были забракованы. Первый план признан опасным из-за отсутствия синхронности действий левого фланга с главными силами при наступлении на Тавриз. Реализация же второго плана требовала полного замирения мусульманских провинций Закавказья, наличие провианта в Ширване и обеспечение двухмесячного продовольствия для отряда,двигающегося на Тавриз.

Ермолов вынес собственный проект на царское усмотрение. Первоочередной задачей сочтено покорение Араратской страны. Предложено сосредоточить действия главного отряда для овладения кр. Еревана. Учтено отсутствие тяжелой осадной артиллерии. Главный отряд, ранней весной, подойдя к Еревану должен был выделить часть войск для осады крепостей Еревана и Сардар-Абада, разместив другую часть у реки Арпачай, действуя при этом с учетом местных обстоятельств. Отряд левого фланга и Карабаха был призван сдерживать возможное нападение персов, расположившись весной между Асландузом и Худоферинским мостом. Общее командование походом проконсул Кавказа оставлял за собой.⁶⁵

В тот же день Паскевич представил свои соображения Дибичу. Им было отдано предпочтение второму "предначертанию", предусматривающему поход из Карабаха на Тавриз. Численность наступательных войск определялась в 20 тыс. чел. Подвоз провианта намечался из Астрахани в Баку, с последующим складированием в

монастыре Ах-Оглане либо Шуши. Блокирование Ереванской и Нахичеванской провинций рассматривалось возможностью не допустить выселения местных жителей. При удачном выполнении маневра рассчитывалось осуществить осаду Тавриза до подхода на помощь неприятельской армии.⁶⁶ Военная фортуна могла возвысить Паскевича, а провал кампании либо её задержка можно было бы связать с деятельностью администрации Ермолова.

22 января 1827 г. Дибич сообщил Ермолову об утверждении царем представленного плана кампании против Персии. 1 апреля было назначено самым крайним сроком открытия боевых действий. К этому сроку требовалось завершить подготовительные мероприятия. Разрешено создание сводных отрядов, с последующим восстановлением места отдельных частей в составе разъединенных бригад и дивизий. Санкционировалась блокада авангардом Ереванской и Сардар-Абадской крепостей, который до прибытия основных сил должен был занять Нахичеван и крепость Аббас-Абад. Утвердившись на Араксе, главный отряд должен был содействовать покорению Еревана. Вспомогательный отряд из Карабаха должен был оказывать помощь. Переход вспомогательного отряда за Аракс разрешался при обеспечении безопасности Карабаха и Ширвана, а также отступлении персидской армии. Командование Карабахским отрядом вверялось ген.-лейт. Мадатову. Паскевичу предписывалось исполнять обязанности корпусного командира, имея при себе главный штаб, под общим руководством Ермолова. Командир 20-й пехотной дивизии ген.-лейт. Красовский должен был организовать осаду крепостей Еревана и Сардар-Абада. Распределены роли других военачальников: главный авангард поручен ген. ад. Бенкендорфу, весь резерв-ген.-м. Ведбельскому, регулярная кавалерия и резерв-ген.-м. Г. В. Розену, резерв пехоты - ген. м. Мерлини, отряд специального назначения ген.-м. Давыдову. Затребовано "кроткое обхождение" с мирным населением противника.⁶⁷

Предстоящая кампания в Араратской стране резко увеличила значение деятельности архиепископа Аштаракеци. 2 февраля 1827 г. царь Николай I подписал рескрипт на его имя с благодарностью армянскому народу за приверженность России. Вторжение персов в Закавказье и противодействие армянского народа получило признание со стороны монарха: "Поручаем Вам изъяснить всем армянам, в духовном вашем управлении находящимся, совершенное благоволение наше и уверить их императорским словом в продолжении к ним особенных наших милостей". Заявлялось о последовательном проведении попечительной политики в

отношении армянского народа: "Доколе прибудет непоколебима верность народа вашего, обретшего надежное убежище под сенью российского правительства, мы вменим себе в обязанность, неусыпно пеших о его счастья и успокоении".⁶⁸ Выделена роль Аштаракеци: "Относя похвальное поведение духовной паствы вашей к действиям пастырских ваших увещаний, мы изъявляем Вам монаршую нашу признательность и пребываем императорской нашей милостью к Вам благосклонной".⁶⁹

Рескрипт был знаковым. Последняя фраза о благосклонности действительно означала приязнь и содействие. Её отсутствие означало бы недоверия и явилось бы предвестником перемен как на служебном поприще, так и в личном плане. Главным же просчитывалось обеспечение лояльности и содействие армянского населения видам России, в чем значительную роль играло руководство Кавказа. 15 февраля 1827 г. проконсул Кавказа Ермолов направил письмо Аштаракеци с благодарностью за верную службу и оказанные услуги.⁷⁰

К этому времени противостояние между Паскевичем и Ермоловым достигло кульминации. Начальник главного штаба Дибич был послан для ознакомления с положением дела на Кавказе которому, при необходимости, разрешалось заменить Ермолова на Паскевича. Поручено доставить благодарственный рескрипт на имя архиепископа Нерсеса Аштаракеци.⁷¹ 20 февраля Дибич прибыл в Тифлис. В тот же день Дибич доложил монарху о вручении высочайшего рескрипта Аштаракеци, выразившего благодарность, заверившего о его прочтении в церквях и публикации на армянском языке. Главным явилась гарантия в содействии армянского народа русским формированиям, в помощи в сборе провианта при вступлении в Ереванскую область.⁷² В ходе бесед Дибич поднял вопрос о создании армянских частей для содействия русским войскам.

28 февраля Ермолов доложил царю о составлении с Дибичем общего плана кампании. 5 апреля намечалось выступление передового отряда в Ереванское ханство с использованием Эчмиадзинского монастыря в качестве главного этапного пункта. При наличии фуража главные силы предполагалось сконцентрировать в Шурагеле между 10-м и 15-м апреля. Отряд левого фланга должен был перейти р. Аракс у Худоферинского моста и действовать в направлении персидского города Агар в Карадаге, чтобы разведать дислокацию и возможности противника. Главные силы обязывались через Талын и Баш Абаран подойти 5 мая к Ереванской крепости. В конце мая намечалось оставить отряд Красовского

для осады Ереванской крепости и соединиться с силами левого фланга. Затем намечалось использование двух сценариев. В зависимости от погодных условий предполагалось идти на Тавриз либо занять Нахичеван и стать лагерем, ожидая благоприятной погоды. В последнем случае отряду левого фланга предписывалось базироваться у г. Агар либо на левом берегу р. Аракс.⁷³

Предложенный план, который стал основой кампании 1827 г., отвечал требованиям царя об осуществлении наступления на Тавриз, позволяя не допустить выселения населения Араратской страны в глубь Персии. В любом случае ход развития наступательных операций должен был завершиться занятием г. Тавриза.

Недоверие Николая I к проконсулу Кавказа, подозреваемому в близости к декабристам, оказалось решающим. 12 марта царь предписал Дибичу осуществить замену Ермолова Паскевичем. Осуществлена смена состава военнополитического руководства Южной окраины, основанного на наличии блестящей плеяды военачальников. На должности начальника штаба Кавказского корпуса намечались полковники Гурко и Рененкампф, либо ген.-лейт. Красовский. Гражданское управление края поручено вручить ген.-ад. Н. М. Сипягину, имевшему значительный административный опыт, получившему статус Тифлисского военного губернатора. 29 марта Ермолов подал в отставку.⁷⁴ Этой переменной был "очень доволен" Паскевич.⁷⁵

Произведено изучение обстановки и настроения жителей Ереванского ханства. 1 марта житель Еревана Калантар Барсегов в письме архиепископу Нерсесу сообщил о персидском плане войны. Он намечал при наступлении русских войск изгнание армянского населения в Персию. По совету английских специалистов, созданы летучие отряды для поджога хлеба и фуража, чтобы использовать преимущества тактики выжженной земли. К 17 марту от армянских старшин селений и купцов города Еревана накопились сведения о том, что противостоять персидскому плану войны возможно лишь путем движения русских войск со стороны Памбака, Шурагели к Еревану и со стороны Карабаха к Нахичевану. Это позволило бы сорвать переселение армян в Персию, как при шахе Аббасе Великом в начале XVIII в., вследствие чего Восточная Армения обезлюдела. Армянские старшины обещали также содействие русским частям в случае если Нахичеван был занят раньше, чем они вступили бы в Ереванскую область. Прогнозировалась партизанская война Гасан хана с местопребыванием в горах. В сведениях, представленных архиепископом Нерсесом, Паскевич увидел лишь подтверждение своего плана действия из Карабаха

на Нахичеван, чтобы спасти Ереванскую и Нахичеванскую области от выселения населения.⁷⁶ К 30 марту произведена концентрация сил отряда ген. Бенкендорфа в с. Шулавер.⁷⁷

Сделан приступ к организации армянского ополчения. Вначале за дело взялся порученец Паскевича И. О. Корганов (Ванька-Кайин). Им была осуществлена ограниченная вербовка добровольцев из армянских знатных семейств Тифлиса. Их сбор и представление ген. Дибичу Корганов осуществил во дворе своего дома.⁷⁸ Необходимость расширения численности добровольцев побудила привлечь также возможности архиепископа Нерсеса Аштатаракеци. 30 марта архипастырь на коне с крестом и саблей произвел смотр первых 200 ополченцев. Ввиду приближающегося Ереванского похода регламентирование деятельности армянского ополчения было возложено на специальный комитет, в состав которого входили: председатель - Тифлисский военный губернатор Сипягин, члены полковник Муравьев, ректор училища Нерсисян дьяк Артемий Аламдарян и представители знатных фамилий.⁷⁹ Генерал Паскевич предписал архиепископу Нерсесу Аштатаракеци сопровождать авангард русских сил в поход на Ереван.⁸⁰

-
1. Записки Н. Н. Муравьева. - Русский Архив. 1888, кн. 3, вып. II, с. 411.
 2. Нерсисян М. Г. Материалы по новой истории Армении. - В кн.: Страницы из новой истории Армении. Ер., 1982, с. 289, 290.
 3. Присоединение Восточной Армении к России (ПВА). Под ред. Ц. П. Агаяна. Ер., 1978, т. 2, N 133, с. 212.
 4. Русско-армянское сотрудничество в период присоединения Восточной Армении к России в 1826 - 1828 гг. (РАС). Рук. В. С. Эвоян. - Вестник архивов Армении. 1978, N 2, с. 22.
 5. Национальный архив Армении (НАА), ф. 42, оп. 1, д. 64, л. 8 об.
 6. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (АКАК). Тифлис, 1876, т. 6, ч. 2, N 650, с. 357.
 7. Материалы к истории персидской войны. - Кавказский сборник. Тифлис, 1903, N 64, с. 123.
 8. Бегларян В. А. Помощь армянского населения Казаха-Дилижана и Шамшадина русской армии в русско-персидской войне 1826 - 1828 гг. - Историко-филологический журнал. 1967, N 2 - 3, с. 222. - На арм. яз.
 9. АКАК, т. 6, ч. 2, N 650, с. 357.
 10. Генерал-лейтенант Клюки фон Клюгенау. Очерк военных действий на Кавказе, 1818 - 1850 гг. - Русская старина. 1874, сентябрь, с. 137, 139 - 141.
 11. Материалы к истории персидской войны..., т. 25, N 32, с. 116; т. 26, N 85, с. 106.
 12. Там же, т. 24, N 4, с. 56.
 13. Национальный архив Грузии (НАГ), ф. 2, оп. 1, д. 5091, л. 96, 96 об.
 14. РАС, N 1, с. 85.

15. Самуэлян С. Воспоминания из жизни католикоса Нерсеса У. - Базмавеп. 1904, с. 208, 209. - На арм. яз.
16. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 19, ед. хр. 72, л. 1 - 2.
17. Записки Н. Н. Мурзакевича. - Русская старина. 1888. т. 59, с. 601.
18. Национальный архив Армении (НАА), ф. 53, оп. 1, д. 12, л. 4 - 7.
19. ПВА, т. 2, N 56, с. 82.
20. ПВА, т. 2, N 124, с. 200.
21. Там же, с. 201.
22. Там же, с. 199 - 202.
23. РАС, N 7, с. 26, 27.
24. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1406, оп. 1, д. 250, л. 20 -21.
25. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1018, оп. 2, д. 85, л.68, 69.
26. Зайончковский А. Восточная война 1853 - 1856. Спб., 1907, т. 1, с. 62.
27. РГВИА, ф. 35, оп. 5, д. 623, л. 109.
28. Тунян В. Г. Просветители. - Урарту. 1995, N 1 - 2, с. 8.
29. Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. Спб., 1805, с. 48, 49, 59, 68 -72.
30. Парсамян В. А. А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, 1947, с. 29. - На арм. яз.
31. РАС, N 9, с. 28.
32. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, мифах и биографиях. Спб., 1887. т. 3, с. 84, 86.
33. РАС, N 5, с. 23 - 25.
34. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 209, 210.
35. РГИА, ф. 1018, оп. 2, д. 95, л. 1.
36. ВПР, т. 6, N 210, с. 590.
37. Там же, с. 589, 590.
38. ПВА, т. 2, N 129, с. 205.
39. Генерал-лейтенант Ключи ..., с. 151.
40. ПВА, т. 2, N 127, 128, с. 203, 204.
41. НАА, ф. 42, оп. 1, д. 64, л. 1.
42. Генерал-лейтенант Ключи ..., с. 152.
43. РГВИА, ф. ВУА, д. 894, л. 3 об.
44. Генерал-лейтенант Ключи ..., с. 152, с. 433.
45. ПВА, т. 2, N 129, с. 205.
46. Материалы к истории персидской..., т. 24, N 59, с. 84.
47. НАА, ф. 42, оп. 1, д. 64, л. 1 об.
48. ПВА, т. 2, N 133, с. 221 - 223.
49. Материалы к истории персидской..., т. 26, N 27, с. 47; N 30, с. 51; N 76, с. 99; N 85, с. 106.
50. РАС, N 12, с. 31.
51. РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 139, л. 128.
52. НАА, ф. 42, оп. 1, д. 62, л. 1, 1 об.
53. РАС, N 42, с. 74, 75.
54. ПВА, т. 2, N 132, с. 208.

55. РАС, N 15, с. 38.
56. Там же, N29, с. 56.
57. Там же, N 63, с. 96.
58. РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 18, л. 2 об.
59. Там же, л. 1.
60. Материалы к истории персидской..., т. 26, N 105, с. 129.
61. РАС, N 27, с. 53.
62. Там же, с. 54.
63. Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ), ф. 19, оп. 4, д. 450, л. 64, 72, 80, 84.
64. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1252, оп. 1, д. 698, л. 2 об.
65. ПВА, т. 2, N 137, с. 235 - 240.
66. РАС, N 69, с. 100, 101.
67. Там же, N 73, с. 104 - 106.
68. Там же, N 76, с. 109.
69. Там же, с. 109, 110.
70. ПВА, т. 2, N 138, с. 240.
71. РГИА, ф. 728, оп. 1, д. 1457, л. 15.
72. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал Паскевич. Его жизнь и деятельность. Спб., 1891, т. 3. Прил. к главе 4, N 6, с. 165.
73. АКАК, т. 6, ч. 2, N 710, с. 391, 392.
74. Ермолов, Дибич и Паскевич в 1826 - 1827 гг. Переписка императора Николая. Из бумаг К. В. Чевкина. - Русская старина. 1880, т. 29, N 11, с. 619, 620.
75. РГВИА, ф. ВУА, д. 4323, л. 79.
76. Там же, N 141, с. 242, 243.
77. ПВА, т. 2, N 143, с. 245.
78. Тунян В. Г. Материалы к новой истории Восточной Армении (1828 - 1849). - Вестник общественных наук. 1986, N 8, с. 85.
79. Ерицов А. Д. Патриарх всех армян Нерсес V - й и кн. Михаил Семенович Елисавета Ксаверьевича Воронцовых, в их частной переписке. Тифлис, 1898, с. 162, 163..
80. РАС, N 90, с. 120.

2. Освобождение Араратской страны

1 апреля 1827 г. авангардный отряд с ген. Бенкендорфом выступил из Шулавер, вступив 4 апреля в укрепление Джелал-оглу. 6 апреля начался переход через гору Безобдал. 13 апреля отряд занял Эчмиадзинский монастырь, дружественно встреченный 22 монахами.¹ Пять старших монахов были увезены персами. Также были вывезены съестные припасы. Часть окрестного армянского населения была изгнана за Аракс, оставивших уполномоченных для наблюдения за имуществом и садами. В монастыре был устроен госпиталь. Лазутчики были направлены к крепостям Сардар-Абад и Ереван для изучения военных приготовлений противника.²

Наличие провианта лишь на пять суток заставило Бенкендорфа 16 апреля предпринять попытку овладеть крепостью Сардар-Абад. На следующий день комендант крепости отказался её сдать, заявив, что вместе с гарнизоном предпочтет вместе капитуляции смерть под взорванными стенами. В тылу отряда активность проявили персидская конница и сарбазы под руководством коменданта Ереванской крепости Сван-Кули хана, которые стали угрожать безопасности Эчмиадзинского гарнизона, что заставило на время отказаться от мысли занять Сардар - Абад.³

При прохождении авангарда через селения Дарбаз, Аджикар, Амамлы, Аштарак архиепископ Нерсес Аштаракецци направил воззвания к армянским общинам об освобождении родины: "Наступает час, когда воочию увидим мы освобождение стран Араратских и народа армянского".⁴ Отмечалась необходимость освобождения духовного центра армянского народа: "Наступает час, когда первопрестольный Эчмиадзин восстановит прежню свою независимость".⁵ Из крупных пунктов маршрута, таких как Джелал-оглы и Судагент архипастырь отправлял донесения католикосу Ефрему, находящемуся в связи с болезнью в Тифлисе. Успех освободительного движения воодушевил Ефрема Дзорагехци, который послал 14 апреля кондак с пожеланием успеха русским частям.⁶

15 апреля 1827 г. Аштаракецци в Эчмиадзине издал прокламацию к армянскому населению Ереванской и Нахичеванской провинций.⁶ В ней говорилось о нарушении Тегеранским двором "дружественного союза" с Россией по Гюлистанскому трактату 1813 г., поскольку персы осуществили вторжение в закавказские провинции. Заявлялось об окончательном приходе русских в Араратскую страну: "Хотя я знаю, что уже шестой раз, как Российское войско вступило в Ереванскую и Нахичеванскую области, и вы еще теперь находитесь в недоумении, но можете отличать сами, что сего вступление Российского войска не оставит вас попрежнему в печали и угнетении". Указано на необходимость достижения освобождения применением силы: "Ограждать силу силою и войну войною".⁷ Прогнозировался военный успех России и излагалась политическая установка: "Приступили войска гораздо большим количеством конницы и пехоты не только до Еревана и Нахичевана, но до самого Табриза и далее с разделением на три части и четвертая часть уже под начальством Его Превосходительства ген. ад. Константина Христофоровича прибыли в Араратскую степь".⁸ На примере кавказских территорий и от имени армянской церкви заявлялось о присоединении Араратской страны к России: "Я же, как духовная особа и верный свидетель, уве-

ряю всех армян, что Ереванская и Нахичеванская области впредь присвоены Российскому государству, как Тифлис, Елисаветполь, Астрахань и прочие области и дистанции обширного Российского государства, и войско не отступит по - прежнему, а вечно должно остаться для защищения Армянской нации и избавления угнетенных, огорченных наследников Арама".⁹ Армяне призывались оказывать всевозможную помощь русским частям. Прежде всего требовалось содействие в решении провианта - пшеницы, ячменя, волов, вина и водки и т. д. - за денежное восполнение.¹⁰ 20 апреля архипастырь запросил у Хачатура Лазарева экземпляр конституции царства Польского. Запрос мотивирован необходимостью осмысления положения армянского народа Восточной Армении в составе Российской державы.¹¹

22 апреля 1827 г. из Джелал-оглу прибыл в Эчмиадзинский монастырь транспортный хлеб на десятидневный срок, что облегчило ведение военных действий авангардного отряда. 23 апреля Бенкендорф двинул 5 - и тысячный отряд пехоты для занятия крепости Еревана. Архиепископ Аштаракец начал переговоры с одним из руководителей карапапахцев Наги ханом о переходе на сторону России.¹² Подойдя к Еревану и начав осадные действия 29 апреля, Бенкендорф направил населению "Прокламацию" с требованием стать верноподданными России: "Объявляю вам именем Великого Российского императора, которого я имею счастье быть генерал-адъютантом, что со дня вступления моего в Эчмиадзин Эриванская и Нахичеванская провинции принадлежат Российской державе на вечные времена!"¹³ Жителям Еревана предлагалось отворить ворота крепости и наслаждаться российским подданством. На сдачу крепости Бенкендорф отводил 24 часа, угрожая, в противном случае, поступить с населением, как с "изменниками Государя".¹⁴ Расчет на желание населения Еревана перейти в подданство России не оправдался из-за противодействия персидского гарнизона.¹⁵ Сработала также превентивная мера, заключающаяся во взятии аманатов из виднейших жителей г. Еревана и области. С целью предотвращения возможного восстания использован принцип смешанного состава гарнизона: в Ереванскую крепость было назначено 1000 ереванских жителей и 1000 нахичеванских сарбазов, а в Сардар-Абадскую крепость - 1000 ереванских сарбазов и 1000 хойских.¹⁶

Между тем в высшем эшелоне власти Российской державы завершилась выработка платформы мира с Персией. В конце апреля 1827 г. вице-канцлер К. В. Нессельроде направил Дибичу для ознакомления проекты мирного договора, конвенции о торговле и до-

полнительные постановления, которые, по утверждению царем, направлялись Паскевичу. "Проект мирного договора между Российской империей и Персидской державой" состоял из одиннадцати статей. Лейтмотивом являлась умеренность предъявляемых требований, призванных обеспечить ускорение мира и надежность границы. Присоединением Араратских ханств - Еревана и Нахичевана-намечалось установить естественную и прочную границу на реке Аракс. От неё ожидалась военные и политические "выгоды". В угоду принципу естественной границы намечался отказ от части Ереванского ханства, именуемого Макинским магалом, лежащим на правом берегу реки Аракс. Предполагалось предоставить право русским подданным беспрепятственно посещать уступаемую территорию, в том числе осуществлять заготовку соли. Особый акт должен был покровительствовать российской торговле и купечеству. За основу мира были взяты положения Гюлистанского трактата и торгового договора с Османской Турцией. Конtribusiа предусмотрена в размере 40 млн. руб.¹⁷

Обсуждение значимости новой границы с Персией осуществил военный комитет: управляющий штабом е.и.в. гр. Толстой, малороссийский военный губернатор кн. Репин, командир поселений резервного корпуса гр. Витте, начальник штаба военных поселений ген. Клейнмихель. 27 апреля 1827 г. комитет постановил переселить к границе по Араксу 80 тыс. малороссийских казаков, чтобы составить пояс безопасности между мусульманами Персии и закавказских провинций. Составным компонентом планируемой Персидской линии на Араксе должно было стать армянское население.¹⁸ Уполномоченный для ведения переговоров о мире с Персией Обрезков отбыл в Грузию.¹⁹

Прибывший 1 мая очередной транспорт с провиантом позволил Бенкендорфу 2 мая затребовать сдачи от коменданта Ереванской крепости. Удалось отправить письма министру иностранных дел Персии и английской миссии внешнеполитического ведомства России. Был начат обстрел крепости 9-ю легкими пушками, которые не причиняли вреда.²⁰

Отсутствие осадной артиллерии, недостаток сил делали эфемерной возможность штурма Ереванской крепости. Авангардный отряд приступил к блокировке крепости, не допуская проникновения подкреплений на помощь осажденному гарнизону.²¹ Сочтя выполненной задачу по занятию Эчмиадзина и окрестностей г. Еревана,²² Бенкендорф намеревался двинуться на Нахичеван. Рассчитывалось запастись продовольствием и вернуть угнанных жителей. Главнначальствующий Паскевич предписал заняться обе-

спечением безопасности подвоза провианта к Эчмиадзину для подготовки последующих действий.²³

Персидское командование искало способы усиления противодействия русской пропаганды. Эффективность действий армянского духовенства в пользу России побудила Аббас-Мирзу, Ереванского сардара и ряда ханов высказаться за отречение католика Ефрема Дзорагехци от сана и избрания нового главы армянской церкви. Этой мерой надеялись обеспечить поддержку видов Персии, но было безуспешно. В условиях нахождения русского гарнизона у г. Еревана, а Нерсеса Аштаракеци в Эчмиадзине никто не горел желанием стать коллаборационистом и персидский замысел не сработал.²⁴

Противник стал осуществлять тактику опустошения Араратской страны. Действия Ереванского сардара Паскевич охарактеризовал как опасную меру для россиян: "Персияне жгут деревни, дабы мы не могли находить дров, потребляют хлеб".²⁵ 9 мая черноморские казаки нанесли поражение Гасан хану, преследуемому до Сардар-Абада. Неприятель ответил усилением репрессивных мер. За каждую русскую и армянскую голову обещалось вознаграждение в 100 и 50 рублей. Гасан хан предписал убивать поселян, осуществляющих полив зерновых злаков вопреки воле сардара.²⁶ Угнанные армяне за Аракс, ожидая переселения в глубь Персии, прислали делегацию к Бенкендорфу за содействием: "Генерал, помоги нам, сжался над нами, Гасан хан отправляет нас внутрь Персии".²⁷ Для оказания помощи Бенкендорф выделил конницу и 100 солдат с орудиями. В ходе сражения за Араксом был убит командир Черноморского казачьего полка; потери казаков составили около 100 человек, а армян - 8. Из них пятеро являлись родственниками Нерсеса Аштаракеци.²⁸

11 мая 1827 г. Паскевич направил рапорт Дибичу о формировании земского армянского ополчения и наличии желающих для грузинского ополчения.²⁹ Разработку проекта осуществил полк. Муравьев. Составлено "Положение для формирования армянских батальонов", образующих регулярный полк, имевший бы общевойсковую структуру.³⁰ Основой батальонов являлись дружины - сотни. Идеино-политическое значение акта получило отражение в "Предположении о формировании Армянской дружины": "Ежели одушевить армян, живущих в наших границах, то при шествии в пределах неприятельских все там живущие стремиться будут соединиться со своими единоплеменниками, шествующими с победоносными нашими войсками. Потому и следует ввести за границу или кадры формируемых полков, или, по крайней мере, так

устроить армянское войско, чтобы было бы удобно являющихся охотников принять, вооружить и сей час же употребить на службу".³¹ Армянские батальоны, насчитывающие по 600 человек в каждом, подразделялись на сотни. Батальоны возглавлял штабс-офицер из армян, либо лица, знающие армянский язык и психологию армян. Обдуманно штатное расписание, включавшее двух музыкантов барабанщиков, архиепископ Аштаракеци привлечен к выделению церковных чинов.

"Условия при определении на службу" предусматривали выборность офицерского состава, утверждаемого корпусным командиром, имеющего право вернуться к мирной жизни после войны. Сотенные командиры назначали унтер-офицеров. Вольнонаемные рядовые и унтер-офицеры в возрасте от 17 до 30 лет обязывались иметь рекомендации о примерном поведении. Поощрение дружинников предусматривало освобождение их и членов семьи от всех видов податей и повинностей. Дружинник ознакамливался с извлечением из "Устава" Петра I о службе, излагавшим наказание за отказ от выполнения приказаний начальства. Вводилось жалование по окладу армейских чинов. Земское войско распускалось после войны. Раздел "Обмундирование" предусматривал наличие чистой и опрятной одежды, на приобретение которой выделялось 10 руб. сер. В комплект одежды входили: суконный чекмен зеленого цвета с откинутыми рукавами, шаровары из темного цвета, кинжал и пистолет. Унтер-офицер обязывался носить саблю. Патронаж включал 30 патронов. Непременный запас провианта был рассчитан на четыре дня. Клятвенное обещание служить доблестно давалось царю перед святым Евангелием.³²

Содержание "Предположения" Паскевич счел неполным, но достаточным для руководства к действию. Тифлисскому военному губернатору было разрешено вносить необходимые изменения. Разработанный документ был признан примерным для создания ополчений из других национальностей.

15 мая 1827 г. в армянском соборе св. великомученика Георгия города Тифлиса первая дружина, совершив молебствие, была приведена к присяге. Освящено батальонное знамя "Армянского ополчения".³³ С патриотической речью выступил протоиерей Артемий Аламдарян, призывавший беречь врученное знамя как зеницу Божию, быть достойными лишенного армянского царства и проявлять доблесть сынов Гайка: "Исходит пятое столетие о, сироты Армении! Как мы, лишившись царства, отечества и всех достойных предков наших, стонем под тяжелым ярмом Христоненавистных персов; скорбим и сетуем под игом сих варваров! Они ог-

рабили у нас не одни внешние достояния - они похитители нравственных и физических достоинств армян."³⁴ Члены дружины призывались к "восстановлению любезного Отечества нашего из вековых развалин его": "Дивен Господь в путях своих!" Свой долг дружинники обязывались исполнять до последней капли крови.³⁵

17 мая первая Армянская дружина, руководимая подпоручиком Ширванского гренадерского полка Г. Сумбатова, двинулась к Еревану. Ожидалось, что по прибытии к месту назначения она, пополнившись соотечественниками, составит 1000 человек.³⁶ Католикос Ефрем Дзорогехци оказывал содействие в создании "Армянского полка". 20 мая он рекомендовал Тороса Довлатяна Аштаракеци для службы в армянском войске.³⁷

Выполняя волю главнокомандующего, командующий войсками в Грузии, Тифлисский военный губернатор Сипягин 24 мая издал в Тифлисе "Воззвание Армянам". Храбрость армян в сражениях против персов, верность христианству и России предоставлены характерными чертами армянской нации. Благожелательность царя, с учетом наличия "достаточных войск", отмечена стимулом создания армянского ополчения. Отмечен положительный резонанс: "Армяне с восторгом соответствовали сделанному выбору". В "Воззвании" представлялся достигнутый успех: "Я видел первую Армянскую дружину, собранную под ружье; при мне совершено Божественное молебствие".³⁸ Для новых желающих стать ополченцами публиковались "Предположения о формировании Армянской дружины".³⁹

Опубликованный на армянском языке документ назывался "Предположения для образования армянского войска" и имел некоторые отличия, но в целом повторял разработку Муравьева.⁴⁰ В конце мая была создана вторая армянская дружина, которая также отправилась к Еревану. Как первая дружина, так и вторая получили специальные знамена с изображением армянских царей Трдата, Абгара, Тиграна и Арама.⁴¹ Для поддержания пропагандистского накала среди армянского населения ген. Бенкендорф представил архипастырю Аштаракеци газету военного ведомства "Русский инвалид" за N 86, где был напечатан высочайший рескрипт о благоволении царя к армянскому народу.⁴² 2 июня Дибич сообщил Паскевичу о воле Николая I относительно деятельности армянского ополчения лишь в период военного времени. Вопрос создания армянского войска - "постоянной армянской стражи"- намечено разрешить в дальнейшем.⁴³ Для сбора новых добровольцев в различные части края отправлены были посланцы. В Шамшадинской дистанции набор осуществлял брат епископа Ману-

чаряна, другие представители действовали в Нухинской области и Казахской дистанции.

12 мая 1827 г. Паскевич выехал на фронт. Приняв Кавказский корпус, "отец-командир" приложил максимум усилий для оправдания доверия царя и обеспечения блестящей карьеры. Нехватка опыта на Кавказе компенсировалась усидчивостью, отсутствие навыков - самоуправством. Заместитель начальника главного штаба Муравьев указывает: "Он совершенно с ума сходил, трудился день и ночь, но не умел ни распорядиться, ни привлечь к себе людей. Не доверяя совершенно никому, он всё хотел сделать сам и ни в чем не успевал".⁴⁴ Намечено занятие крепостей Араратской страны при помощи легких орудий. Переутомление и желчная болезнь Паскевича вызвали боязнь окружения за судьбу Кавказского корпуса в случае его кончины. Муравьев предложил начальнику главного штаба Красовскому вступить в звание главнокомандующего.⁴⁵

После выздоровления Паскевич взглянул на ситуацию взором оскорбленного полководца, встретившего достойного соперника. Начались столкновения с Красовским, доверительно жаловавшимся Тифлисскому военному губернатору Сипягину: "Лучше быть пастухом, нежели генерал-лейтенантом и начальником штаба Кавказского корпуса".⁴⁶ Контрпретензии Красовского завершились эмоциональным взрывом Паскевича: "Вы, сударь, обижаетесь, извольте, я дам вам сатификацию, сейчас же в сей комнате на три шага".⁴⁷ Красовский был вынужден доложить Дибичу об отказе служить под командой Паскевича.⁴⁸ Начальником штаба стал Муравьев.

Другим опасным конкурентом главнокомандующему зрится ген. Бенкендорф, который просил прислать несколько батарейных орудий для успешного занятия Еревана и Нахичевана. Мнение руководителя авангардного отряда положило начало охлаждению отношений с главнокомандующим.⁴⁹ Доверенным лицом Паскевича стал его родственник А. С. Грибоедов, возглавивший дипломатическую канцелярию, являвшийся знатоком региона.⁵⁰

Активизация военных действий, блокада Ереванской крепости побудили Хачатура Лазарева 1 июня 1827 г. предоставить Бенкендорфу "Записку об Армянах", затрагивающую будущую судьбу Араратской страны. Включение Ереванской и Нахичеванской провинций с Эчмиадзинским престолом в состав Российской империи рассматривалось залогом создания армянской государственности: "Дают право России восстановить древнее царство Армянское".⁵¹ Предлагалось принять манифест, включить в император-

ские регалии корону и скипетр царя Трдата Великого. Эти меры позволили бы привлечь в российские пределы армян Османской Турции, Персии и Индии. Массовая миграция армян предусматривалась из персидских городов - Хоя, Салмаста, Урмии, Маранды и Тавриза, что сократило бы численность местных армян до 10 тыс. чел. Намечалось создать национальную милицию из христианского населения в качестве "пограничного оплота" для замещения русских формирований в крае. Политический эффект от образования армянской государственности и концентрации армянского населения обернулся бы массовой поддержкой армян русских формирований при войне с Блистательной Портой. Многочисленное армянское население содействовало бы закреплению за Россией новых территорий: "Поможет удерживаться в наших завоеваниях к западу до Трапезунда, и к югу до пашалыка Багдадского, без излишнего и обременительного размножения гарнизонов".⁵²

Записка носила программный характер и ставила цель определить на длительный период ближневосточную внешнюю политику России: армянская государственность, экономический ущерб Персии от массовой миграции армян, закрепление закавказских владений, смелый бросок на юг для обладания Черноморским побережьем до Трапезунда, овладение Турецкой Арменией и частью Месопотамии. Реализация программы позволила бы России приобрести доминирующие позиции на Ближнем Востоке, поставить под контроль поведение Османской Турции, подчинить влиянию Персию, резко ослабить влияние Англии в регионе. В то же время отсутствовало указание об исторической территории "Древней Армении", её восстанавливаемых пределах в составе России, характеристике структур управления.

Переселенчество помогло бы увеличить численность армянского этноса в российских пределах, став этнографической основой для армянской государственности. Однако масса новых жителей, отсутствие навыков государственного управления среди коренного населения Араратской страны создали бы трудности в налаживании мирной жизни. Нехватка кадров обусловила бы их восполнение из армянских общин, либо из русских служащих. Определенная роль отвелась бы армянским меликам, "возобновление титулов" которых предполагалось. Не говорилось о льготах для переселенцев, чтобы, вероятно, не обременять государственное казначейство. Записка не являлась детализированным документом. Главным являлась постановка проблемы - создание армянского царства в контексте активной внешней политики Рос-

сии на Ближнем Востоке.

С "Запиской об Армянах" был ознакомлен Дибич, поскольку она оказалась в военно-ученом архиве главного штаба, к которому Паскевич обратился за отправкою полковника Лазаря Лазарева в качестве чиновника особых поручений для оказания влияния на армянское население.⁵³ Несомненно, что в курсе записки был самодержец. Содержание принято к сведению. Записка отправлена в архив.

8 июня 1827 г. Паскевич прибыл в Эчмиадзин, где был тепло встречен армянским духовенством во главе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци. Состоялись беседы о местных достопримечательностях, состоянии госпиталя и действиях персидского гарнизона в Ереване. Отдано должное патриотической деятельности архипастыря. 10 июня Паскевич сообщил Дибичу: "Находящийся здесь армянский архиепископ Нерсес всевозможные средства употребляет, дабы усилить наше влияние в здешнем крае, я нашел сего архипастыря трудящегося о соединении всех армянских племен на пользу России".⁵⁴ Паскевич заказал художнику-баталисту В. И. Мошкову написать картину собственной встречи с армянским духовенством во главе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци. При этом из собственного окружения Паскевич потребовал исключить Красовского.

Между тем силы блокадного отряда Ереванской крепости иссякали от болезней. В течение пяти дней пребывания Паскевича в Эчмиадзинский госпиталь поступило 400 солдат. Прибытие главнокомандующего в Эчмиадзин обусловило разрешение альтернативы: покорение Ереванской крепости либо наступление на Нахичеван. Изучив обстановку, Паскевич 10 июня постановил двинуться главными силами на Нахичеван.⁵⁵ Решение вызвало негативную реакцию ген. Бенкендорфа, выступавшего за приступ Ереванской крепости. Вынужденный вступить в дискуссию, Паскевич дважды посетил Ираклиеву гору для обзора местности и рассмотрел возможности штурма.⁵⁶ Ген.- м. П. Х. Трузсон желал установить артиллерийскую батарею на правом берегу реки Зангу для уничтожения башни северной стороны крепости. Непринималось во внимание то, что левый берег Зангу превышал правый. Это требовалось учитывать при артобстрелах. После разбития башни надо было пробивать последующую и стену. Все это представлялось Паскевичу непреодолимым, поскольку нельзя было точно определить необходимое число зарядов. Их насчитывалось всего 3 тыс.⁵⁷

По возвращении в Эчмиадзин Паскевич 14 июня 1827 г. вручил

отряду Красовского "Инструкцию" деятельности. Предписывалась тройная цель: продолжить блокаду, не допустить противника в российские пределы, по прибытии тяжелой артиллерии осуществить осаду Ереванской крепости. Блокада имела значение для разрыва коммуникационных связей осажденных с внешним миром. Её требовалось прекратить с наступлением жарких дней. Рекомендовалось не вести никаких переговоров с Ереванским сардаром и комендантом крепости Сван-Кули ханом. Управление армянским населением вверялось архиепископу Нерсесу, призванному следить за орошением полей и обеспечением провианта. В Эчмиадзине размещался батальон с 4 орудиями и казачьей командой. Расстановку орудий требовалось провести с согласия архипастыря. Решение диктовалось, в частности функционированием, полного госпиталя в Эчмиадзине на 150 человек. При снятии осады намечался отвод сил Красовского к долине Судагена, чтобы по мере уменьшения подножного котрма приблизиться к Баш Абарану. Требовалось проявлять активность и сковывать противника. Важное место отводилось получению развединформации. После спада жары предусматривалось осуществить "вторичное наступление" на Ереван с тяжелой осадной артиллерией, должествующей выступить из Тифлиса 26 июля. Всякое "беспокойство" в Карсском пашалыке намечалось пресекать решительными мерами, не углубляясь в турецкие границы. Сообщение с Грузией, главным отрядом, предписывалось осуществлять через нарочных, либо усиленных команд. При этом отправка команд в Нахичеван запрещалась без специального предписания.⁵⁸

В тот же день приказом главнокомандующего Красовский стал командиром блокадных войск Ереванской крепости. Войска, выступавшие на Нахичеван, были разделены на две дивизии. Первую возглавил ген м. Ведбельский, а вторую - ген.-лейт. Е. Эристов. Руководство авангардом осуществлял ген.- ад. Бенкендорф.⁵⁹ Паскевич 18 июня собрал военный совет. Было решено двинуться главными силами на Нахичеван.⁶⁰ Намечалось не допустить выселение армянского населения во внутрь Персии. Эту меру паша Баязетский не разрешил в отношении ереванских жителей, находящихся на его территории, из-за писем обращения Бенкендорфа и архиепископа Аштаракеци.⁶¹

25 июня 1827 г. Паскевич занял Нахичеван. Противник сдал город без боя. Полковник Муравьев провел рекогносцировку крепости Аббас-Абад. Она была построена французскими инженерами по европейским канонам. Гарнизон составлял 4000 сарбазов и 500 чел. конницы. Защиту обеспечивали 18 орудий. Крепость

Аббас-Абад, имела значение как символ завершения покорения Нахичеванской провинции, облегчившая бы коммуникационные сообщения, могущая стать базовым пунктом для движения на Тавриз. Паскевич считал Аббас-Абад крепостью, равносильной Ереванской, овладение которой дало бы психологическое преимущество над противником. Новоназначенный комендант Магмед Амин сардар, являвшийся зятем шах-заде, отказался сдать крепость.⁶²

22 июня 1827 г. Красовский снял осаду Еревана из-за массового распространения желчной горячки.⁶³ Спустя неделю был оставлен лагерь, занимаемый между Эчмиадзином и Сардар-Абадом. Отряд разделен на две части: один, расположенный в Судагене, а другой - в 12 верстах от него в урочище Джангили. Отвод отряда вызвал ликование персидского гарнизона Еревана, среди которого была высокая смертность. Возникла иллюзия избавления от тяжелой участи пленения. Участник осады декабрист Е. Е. Лачинов чутко подметил происходящее: "Человек всегда охотно верит мечтам, для него лестным, нежели истине неприятной. Так и наше отступление от Эривани поманило жителей её мгновенным веселием, и тем чувствительнее будет для них невозможность противостать оружию русских".⁶⁴ Воспрянув духом, сардар Гусейн-Кули хан 3 июля окружил Эчмиадзинский монастырь с 2 тыс. сарбазами и 500 чел. конницы, затребовав письменно сдачи от архиепископа Аштаракеци. Подоспевший на помощь Красовский, оповещенный посыльным архиепископа, вынудил сардара отступить к Сардар-Абаду. На следующий день сардарский маневр повторился с прежним успехом. Убедившись в наличии сильной защиты Эчмиадзина, сардар был вынужден отступить от замысла по его захвату.

Вскоре сардара вызвал на совещание Аббас-Мирза, потерпевший поражение от Паскевича в сражении 5 июля в горах Дживан-Булага.⁶⁵ Попытка снять осаду Аббас-Абада провалилась. 7 июля крепость пала. Успеху содействовал мятеж командира нахичеванского батальона сарбазов Эксан хана, перешедшего на сторону России. Магмед Амин сардар вручил Паскевичу ключи от крепости. Было приобретено 18 орудий, 1000 пудов пороха и месячный запас провианта.⁶⁶

Значение побед оказалось весомым. 13 июля 1827 г. Аббас-Мирза направил к Паскевичу статс-секретаря Мирза-Салеха с личным посланием. Осуществлен зондаж позиции России о мире. Паскевич затребовав присоединения Араратской страны, установления границы по р. Аракс, уплаты контрибуции. Условия России вызвали растерянность в персидском стане, соглашавшемся в ли-

це шаха лишь на возмещение военных издержек. Паскевич принял решение послать на переговоры к Аббас-Мирзе Грибоедова. Личное знакомство, знание персидского языка и этикета явились весомым аргументом предпочтения перед Обрезковым.

21 июля Аббас-Мирза принял Грибоедова в деревне Карази-адин. Шах-заде изложил точку зрения о причинах войны, сводящуюся к признанию её виновниками проконсула Ермолова, посланника Мазаровича и князя Северсамидзе. Такая трактовка политики России была отвергнута Грибоедовым, указавшим на неприглядную роль Тегеранского двора в развязывании войны и выдвинувшим компенсационные требования России: "При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаем наши пределы и, вместе с тем, неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящем случае требуется уступка областей: Эриванской и Нахичеванской. Деньги также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг, ваше высочество, даже не вознаграждение за перетерпленные убытки. Требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время".⁶⁷ Завершая препирания, Аббас-Мирза заговорил о взаимном доверии, отметив значимость пропаганды руководства армянского духовенства: "У вас тоже не одна воля: в Петербурге одно говорят, Ермолов - другие. У нас был муштеид для мусульман; вы тоже для возбуждения против нас армян выписали в Эчмиадзин христианского халифа Нерсеса".⁶⁸ Переговоры окончились безрезультатно. 25 июля состоялась прощальная аудиенция.⁶⁹

Временное затишье имелось на Эчмиадзинском направлении, где была налажена широкая система сбора информации о неприятеле. По представлению Аштаракеци, лазутчики посылались в Сардар-Абад и Ереван. Ставилась задача выяснить состояние боевых частей, возможность ведения наступательных операций, общее умонастроение. Поддерживалась коммуникационная связь с Грузией и лично с Паскевичем. Прибытие осадной артиллерии из Тифлиса ожидалось в начале августа. Радостный отклик в отряде Красовского вызвало известие о падении Аббас-Абадской крепости. Нерсес Аштаракеци обеспечивал войсковые части провиантом, закупив, в частности, 350 пудов соли. Донесения главнокомандующему дублировались. Одно 12 июля вез Хамза Есайе, а дубликат другой порученец. Кзиар Арутюнов занимался разведкой неприятельских передвижений. В случае необходимости, из-за разъездов персов, посылался местный "татарин". Проявлялось внимание к отведению угрозы Эчмиадзина как главному этапному пункту и духовному центру армян. 7 августа Красовский из ла-

геря Джангили сообщал Аштаракеци: "Теперь я весьма интересуюсь знать, какое намерение неприятеля, собравшегося в лагере при Кара су? Если он приступит к вам, то я по первому известию тотчас выступлю на помощь со всеми войсками, для чего от утра до вечера делается наблюдение с моих передовых постов и в зрительную трубку видно каждого конного подъезжающего к монастырю".⁷⁰ На рассвете из Эчмиадзина выходила рота для выявления неприятеля в окрестностях.⁷¹

Седьмого августа Красовский оповестил Паскевича о значительной концентрации сил противника. Шах - заде Али Наги Мирза Казбинский и царевич Александр во главе с 15-тысячной кавалерией и пехотой разбили лагерь у реки Кара су в шести верстах от Сардар-Абада. С местным пополнением общая численность группировки противника определялась в 20-25 тыс. Насчитывалось 20-24 пушек. По достоверным источникам, противник стремился решить тройную цель: напасть на Эчмиадзин либо лагерь Джангили, захватить транспорты с провиантом и осадной артиллерией; осуществить вторжение в российские пределы. В случае атаки на Эчмиадзин Красовский предполагал ответить контратакой. Намечены меры по обеспечению безопасности прохода транспорта осадной артиллерии и недопущению противника вторгнуться в закавказские пределы. С прибытием осадной артиллерии намечалось начать осаду Ереванской крепости. Затруднением представлялось наличие в тылу значительной группировки противника. Предполагалось дать сражение как средство разрядки военной ситуации. Боеспособными в отряде сочтены 3600-3800 человек.⁷²

7 августа поступили известия от армянского старшины Мелик-Агамаяна Саака, командующего армянской пехотой сардара, о приходе к Эчмиадзину войск Аббас-Мирзы. Армия престолонаследника насчитывала 20 тыс. войск - 13 тыс. кавалерии, 7 тыс. пехоты, батальон беглых русских солдат и 24 орудия. Стоянкой избрано урочище Саванлор, насчитывающего в 15 верстах от Эчмиадзина и Еревана. Подтверждено прибытие группировки Али Наги Казбинского и грузинского царевича Александра.⁷³

13 августа, ночью противник скрыто подобралшись через лоцины, атаковал лагерь Джангили и Судагенет. Атака на Джангили имела отвлекающий характер, ставящая цель выманить русские части к Еревану и Эчмиадзину, чтобы нанести главный удар по Судагенету со стороны Алагяза. Разгадав замысел противника, Красовский прекратил преследование и повернул к Судагенету, где застал сражавшегося Сипягина, который прибыл для проверки состояния частей в лагере при горе Безобдал. Неприятель был

рассеян в горах. На нем впервые "удачно" испытано 20 конгрегов-ных ракет.⁷⁴ Алагязское сражение выявило бесперспективность нападения на лагерь Красовского.

16 августа было совершено нападение персов на Эчмиадзин. Нападающих возглавляли вероотступники Юсуф хан, Зограб хан и Топчиба. Соппротивление Эчмиадзинского гарнизона заставило их вступить в переговоры. Аббас - Мирза затребовал сдачи Эчмиадзина, угрожая в противном случае разрушить монастырь. Последовал гордый ответ Аштаракеци о непривычке русских к капитуляции. Угроза разрушения монастыря сочтена эфемерной: "Разрушь, я построю из золота".⁷⁵ Договорились продолжить переговоры на следующий день, что позволило Аштаракеци оповестить Красовского посредством аштаракского жителя Петроса о нападении персов на Эчмиадзин. Гарнизон осажденных составляли вторая армянская дружина, местные жители, около 700 больных солдат и пять орудий.

Сразу после получения известия Красовский форсированным маршем выступил из лагеря, достиг села Аштарак и расположился на ночь при реке Касах. Аббас-Мирза сумел использовать особенности местности. Персы расположили артиллерию на высоком Ошаканском холме, чтобы русский отряд не мог пользоваться водой из речки. Других водных источников в окрестности не имелось. Отряд Красовского составили четыре батальона пехоты и 500 казаков, всего - 3 тыс. чел. При отряде находилось 12 орудий. Численность противника превышала почти в десять раз. Армия Аббас-Мирзы насчитывала 15 тыс. кавалерии, 10 тыс. пехоты и 24 орудия.

Красовский должен был решить тройкую цель: доставить продовольствие в Эчмиадзин, предотвратить захват осадной артиллерии, нанести поражение противнику в сражении.⁷⁶ В приказе отряду от 16 августа Красовским было указано: "Ребята! Я уверен в вашей храбрости и усердии, уверен в готовности бить неприятеля, что я уже видел на опыте. В каких бы силах он с нами не встретился, мы не будем считать его, а постараемся нанести решительное поражение".⁷⁷

В 8 часов 17 августа 1827 г. около с. Ошакан завязалось сражение. Противник показал неукротимость, ярость, умение жертвовать: "Запальчивы были натиски, батальонный огонь не удерживал стремления; даже рассыпаемые картечными выстрелами, они вновь выстраивались, и егеря более 10 раз принуждены были опрокидывать их холодным орудием".⁷⁸ Преимущество противника, невыгодность позиции нивелировала отлично действующая

русская артиллерия. Однако даже выдавший виды Красовский, неоднократно сражавшийся против турок и французов,⁷⁹ также был поражен самоотречением противника: "Колонны сарбазов беспрестанно были опрокидываемы картечами и штыками, возвращались с новым бешенством в бой. Запальчивая стремительность конницы изумляла нас, что едва ли когда-нибудь можно было ожидать от народа персидского, и одним только русским свойственно было преодолеть такую стремительную и несоразмерную битву".⁸⁰ Содействие россиянам оказал топчий (артиллерист) Акоп Арутюнов. Он стрелял из пушки в "фальшивом направлении", да так, что заряды "ударяли не в российское, а в персидское войско". Поступок смельчака обернулся тяжелым наказанием. Арутюн был лишен зрения, отрезаны нос, губы и пятки.⁸¹

Самое кровопролитное сражение персидской кампании завершилось около 16 часов пополудни. На его ход повлияли изнуряющая жара. В двух верстах от Эчмиадзинского монастыря находился ров, который персы заполнили водой из р. Касах. Когда жаждущие воды солдаты стали её пить, оставляя ружья, персы из засады стали сечь истомленных людей. При виде этого Эчмиадзинский гарнизон выступил на помощь, чем и завершился проход отряда Красовского.⁸² Потеря персов составила 3000 чел., а русских 1131. Пали смертью храбрых командир Крымского пехотного полка подп. Головин и Севастопольского пехотного полка майор Бельзер. Погибли: штаб-офицеры - 2, обер-офицеры - 4, нижние чины - 678. В плечо был ранен Красовский. Имелось значительное число раненых: штаб-офицеров - 3, обер-офицеров - 13, нижних чинов - 313. Без вести пропало 134 нижних чина.⁸³

Положительную роль в сражении сыграла активность Эчмиадзинского гарнизона, возглавляемого архиепископом Аштаракеци. Есть несостоятельная точка зрения о пассивности архипастыря: "Пока бой продолжался, Нерсес и вся Эчмиадзинская братия в облачениях, собравшись в соборе и перед местом св. Сошествия, коленопреклонные, молились перед Господом о даровании победы русским войскам".⁸⁴ Горячие молитвы и использование архипастырем святого копья, омоченного в кровь Иисуса Христа, имело место. Однако Нерсес Аштаракеци был не только духовным поборником, но и воином. В военном архиве главного штаба е. и. в. есть донесение о ходе боя, положении Эчмиадзинского монастыря и реальной роли архипастыря: "Персы были в весьма близком расположении и готовы были уже овладеть оным, но архиепископ Аштаракеци лично подавал первый разительный пример к защите, сам заряжал и стрелял из пушек; все духовенство и все

жители в отчаянии соединились с ним и с помощью слабого и весьма малого гарнизона сопротивлялись до того времени, пока подошли части ген. Красовского".⁸⁵ Весь ход сражения почти десятичасового сражения представлен знаменательным: "С обеих сторон борьбы была равная, отчаянная и неустрашимо неимоверная. Россияне поражали, а персияне с мужеством отражали".⁸⁶

Прибыв в Эчмиадзин, Красовский вечером отправил шесть армян лазутчиков в лагерь Джангили с предписанием, чтобы оставшиеся части по прибытии осадной артиллерии с Кабардинским полком подошли к Ошакану. По артиллерийскому сигналу Красовский должен был выступить, "чтобы поставить неприятеля между двух огней, разбить его или принудить к отступлению".⁸⁷ Транспорт осадной артиллерии, состоящий из двух тысяч арб, тянулся от Безобдала до Эчмиадзина. Путь пролегал через неприятельские разъезды, но моральный дух персов оказался парализован. Бесплодный итог Ошаканского сражения сломил их. Весь транспорт собрался в лагере 23-го вечером. Подоспевший Кабардинский полк застал лишь арьергард армии Аббас-Мирзы, который отошел к Еревану. Победитель сражения Красовский не имел достаточных сил, чтобы воспользоваться победой. Из Тифлиса выступила на помощь третья армянская дружина,⁸⁸ что являлось каплей в море. Осада Еревана с огромным количеством повозок артиллерии, при сохранявшейся армии Аббас-Мирзы, могла обернуться поражением. Значительность потерь заставила Красовского доложить Паскевичу об отложении осады Ереванской крепости, так как в наличии имелось около 4 тыс. чел., а требовалось не менее 8 тыс. Окончательное мнение оставлялось на вердикт главнокомандующего.⁸⁹

Паскевич был недоволен действиями Красовского, оставаясь в плену иллюзии, что лишь занятие Тавриза решит исход кампании. Противоположную точку зрения отстаивал Красовский, считая, что от покорения Ереванской крепости зависит итог войны и участь самой Персии.⁹⁰ 26 августа Паскевич получил донесение Красовского, заставившее изменить подход к ведению кампании. Главнокомандующий донес царю, что Красовский "заперся" в Эчмиадзине и ждет помощи. Сообщено об изменении плана кампании и замедлении действий по реализации главной цели - занятию Тавриза.⁹¹ Спустя три дня отряд главных сил выступил из лагеря Карабабы. Оставшимся частям в лагере Карабабы во главе с кн. Е. Эристовым было предписано обеспечить тыл. Им вменено подойти к Нахичевану, а затем предпринять экспедицию к Марануш, Чорсу и Маку.⁹² 1 сентября Паскевич занял деревню Са-

дарак. Оповещенный разъездами о приближении главных сил россиян, Аббас-Мирза стал отступать к Сардар-Абаду.⁹³ 4 сентября Красовский покинул лагерь Джангили и встретил главнокомандующего при переходе через реку Зангу. 5 сентября Паскевич позно вечером прибыл в Эчмиадзин.⁹⁴

Разобравшись в ситуации, Паскевич был взбешен. Положение оказалось менее опасным, чем представлялось по донесениям Красовского. Содействие, как казалось, осажденному отряду в Эчмиадзине побудило отложить наступление на Тавриз. Между тем не было запасов провианта. Главнокомандующий задал Красовскому вопрос о причине помощи Эчмиадзинскому монастырю. Последний указал на неизбежность его занятия персами. "Отецкомандир" нашел, что лучше было бы его потерять, "чем рисковать всею войною для его спасения".⁹⁵ Красовский заверил о доблестном поведении отряда и указал на необходимость награждения "сотрудника" архиепископа Нерсеса. Негативная реакция главнокомандующего была незамедлительной: "Я отделаю твоего господина архиепископа добрым порядком, чтобы он не смел вводить в ошибки там, где нет моего присутствия".⁹⁶ При этом обращено внимание, как поступить с Ереванской крепостью. Красовский заверил о своей готовности выступить с осадной артиллерией для занятия Ереванской крепости.⁹⁷

Паскевич не спешил разобраться с Красовским. 7 сентября 1827 г. главнокомандующий затребовал у него ответа на ряд вопросов: раскрыть причину решения атаковать неприятеля с малым количеством войск; сообщить срок наличия продовольствия в Эчмиадзинском монастыре, объяснить неразрушенность старых строений близ монастыря, отметить как поведение офицеров и солдат во время Ошаканского сражения, так и последующее моральное состояние частей, принимавших в нем участие.

На следующий день Красовский рапортом связал открытие боевых действий с угрозой неприятеля занять Эчмиадзин: "Я никак не мог оставаться в бездействии и должен был решиться: или принудить неприятеля оставить Эчмиадзин, или предоставить ему столь важный для нас пункт с имевшимся в нем гарнизоном и артиллерией".⁹⁸ В Эчмиадзинском монастыре на 17 августа имелось 87 четвертей муки, 161 четверть сухарей и 196 четвертей пшеницы. Для пополнения провианта Эчмиадзина Красовский взял десятидневное довольствие - 60 четвертей муки и 20 четвертей крупы. Эчмиадзинские строения, находящиеся в пределах ружейного выстрела, требовали времени на разрушение и значительных средств, которыми Красовский не располагал. Подчеркнута безуп-

речность действий офицеров и солдат в Ошаканском сражении, сохранивших высокий моральных дух.⁹⁹

8 сентября состоялся военный совет о ходе кампании. На деле Паскевич дал ход рассмотрению рапорта Красовского об Ошаканском сражении, чтобы заручиться мнением присутствующих против него. На совете находился и архиепископ Нерсес Аштаракецци, который, видя молчание присутствующих генералов, выступил в роли защитника героя Ошаканского сражения. Напомнено о наличии разногласий в июне 1827 г. по поводу штурма Ереванской крепости. Заявлено следующее: "Я буду жаловаться императору и как верный ученик святого Евангелия доведу всю справедливость. Согласно моей обязанности, я ранее дал совет Вам осадить Ереванскую крепость, и если Бог помог, то затем крепости Нахичеван, Аббас-Абад и Сардар-Абад сдались бы без боя, поскольку Ереванская крепость является ключом ко всем крепостям области. Вы не пожелали меня выслушать. Оставив Ереванскую крепость, разделили мощь войска, пошли на Аббас-Абад". Отвергнут одиозный аргумент об Ошаканском сражении исключительно из-за Эчмиадзинского монастыря: "Генерал Красовский пришел не только для защиты Эчмиадзинского монастыря, хотя Эчмиадзин немало услуг оказал императорскому войску. Когда войско имело большую потребность в хлебе, Эчмиадзин из потайного амбара выделил 20 тысяч пудов зерна. Наше братство не пожалело последней копейки, чтобы по-христиански и братски предоставить все, что могло". Обращено внимание на военный аспект положения Эчмиадзинского гарнизона: "В монастыре оставленные Вами 4 орудия и 300 солдат могли противостоять против 60-тысячной армии Аббас-Мирзы?". Подчеркнуто политическое значение возможной утери Эчмиадзина: "Если бы мы сдались персам, то разве не было бы умалением русского императорского войска и чести оружия. И не стало бы это ободрением и поощрением враг, и затем, кто знает, какой оборот бы приняла война".¹⁰⁰

Мнение Аштаракецци поддержали начальник штаба ген. Сухателен и граф Бенкендорф, что заставило Паскевича сменить содержание и тональность дискуссии. Хотя сам Аштаракецци спустя время пришел к заключению, что с этого времени Паскевич стал проявлять к нему холодность. На принятие жестких мер против Красовского Паскевич не решился, так как сам доложил царю о сражении 17 августа, как "новом опыте русской смелости".

Точка зрения архипастыря о происшедшем не являлась наитием. После Ошаканского сражения он находился под его впечатлением. По его мнению, Красовский допустил лишь "неосторож-

ность", остановившись с отрядом на ночной отдых, вместо того, чтобы продолжить путь до Эчмиадзинского монастыря.¹⁰¹ Потери русских воинов приносили ему боль. В частном письме Бежану Оганяну от 3 сентября 1827 г. в Тифлис им указано: "Это напрасное кровопролитие затмило все успехи (русских), которые поколебали всю мощь неприятеля так, что до сих пор не смеют смотреть в сторону русских войск, вырвало из сердец многих совершенную радость, когда, казалось, пришло время нам воскликнуть вместе с пророком: "Господь, господь дал силу, помог наступить на шею врага и дал мне покоя".¹⁰² Указана желательность продолжения кампании по реализации национальных желаний - занятие Ереванской и Сардар-Абадской крепостей, возвращение угнанного армянского населения, "освобождение родины".¹⁰³ 10 сентября католикос Ефрем поздравил Аштаракеци в связи с разгромом персидских войск у Эчмиадзина.¹⁰⁴

14 сентября 1827 г. Паскевич доложил царю Николаю I о наличии "некоторой неуверенности" в действиях Красовского и спаде волевого настроения участников Ошаканского сражения, принуждающих главнокомандующего заняться покорением Ереванской и Сардар-Абадской крепостей. Незначительность запасов провианта и мощь Ереванских укреплений поставили первоочередной целью занятие Сардар-Абадской крепости, где можно было бы найти запасов провианта более, чем на полтора месяца.¹⁰⁵ Паскевич подчеркнул весомость продовольственного и климатического факторов по занятию главных крепостей Араратской страны: "Каким несчастьем должны мы подвергнуться, если прежде зимы Сардарабад и Эривань не будут взяты. Без продовольствия нельзя быть! Осадную артиллерию невозможно обратно тащить через горы. Оставлять её опасно без сильного охранения, а и малое число войск с трудностью можно прокормить!"¹⁰⁶

В порядке очередности занятия крепостей важную роль сыграл Аштаракеци. Сперва он выявил амбар с зерном в селении Кульпы, отказавшись взять у главнокомандующего мешочек с голландским золотом в оплату, посоветовав затем начать штурм с Сардар-Абада. По имевшимся сведениям, там находился значительный амбар пшеницы. У гарнизона во главе с Гасан ханом не хватало сил для обеспечения безопасности крепости.

16 сентября 1827 г. началась осада крепости Сардар-Абада. Штурмующими силами руководил Красовский. Первый выстрел из пушки произвел Аштаракеци.¹⁰⁷ Архипастырь распространил обращение к осажденным о необходимости принятия подданства России. 18 сентября была пробита брешь в стене. Её расширение

побудило Гасан хана вечером следующего дня запросить три дня для сдачи крепости. Паскевич затребовал немедленной капитуляции. Гарнизон крепости, часть которого была одета в белое для борьбы до смерти, стал выходить из крепости. Гасан хан бежал под покровом ночи. На рассвете 20 сентября вся крепость была занята. Русские части были встречены крестным ходом армянского духовенства. Выявленные 14 тыс. четверти пшеницы, в амбаре которых окунулся от радости Паскевич, сочтены "драгоценным подспорьем" для осады Еревана.¹⁰⁸

23 сентября 1827 г. войска создали лагерь в пяти верстах от Ереванской крепости. Сардар покинул крепость, возложив защиту на брата Гасан хана. По данным перебежчиков, гарнизон крепости насчитывал 4000 вооруженных людей. 28 сентября был начат обстрел крепости. Осадные орудия, начавшие обстрел юго-восточной башни, производили устрашающее воздействие на население. Полковником Муравьевым отмечено: "Действие осадных орудий всего более сказалось на умах и нравственности персиян, которые и после еще говорили, что мы стреляли из таких больших пушек, что ядра их, пробивая обе стены крепости, долетали до Арагатской горы и её ещё пробивали насквозь".¹⁰⁹ Связь с населением Еревана поддерживалась через письма архиепископа Ашгаракеци. Рост недовольства жителей постарался использовать Паскевич, обещая в случае сдачи "полное покровительство". Гасан хану предложена почетная сдача, чтобы выиграть время перед грядущей осенней слякотью. 30 сентября Гасан хан запросил разрешение на получение санкции на сдачу Ереванской крепости у Аббас-Мирзы. Исчезли надежды на возможность выдержать штурм. Ответом явилось предложение о немедленной сдаче крепости, либо в действие вступит русское оружие. Юго-восточная башня крепости была разрушена. Пробита брешь в северной части стены крепости.

1 октября 1827 г. в восемь часов утра на юго-восточной башне появился белый платок. Представители населения заявили о сдаче. Аналогичный шаг собирался предпринять один батальон сарбазов, но два батальона, якобы, намерены были сражаться.¹¹⁰ По приказу Гасан хана, испытывавшего давление со стороны населения, из - под ареста были освобождены представители армянского духовенства. Им было поручено встретить русское воинство крестами и иконами, чтобы не допустить резни мусульманских жителей. Через порушенную стену в крепость стали входить части гвардейского полка. Красовский первым подошел к северным воротам крепости, потребовав её сдачи. Ответом явился

выстрел Гасан хана, сразивший адъютанта П. Д. Белова.¹¹¹ Затем хан удалился в мечеть. Здесь Красовский принял у него оружие, отправив хана к главнокомандующему.¹¹² Между тем Паскевич "преспокойно спал" в лагере, ожидая штурма крепости. Спустя два часа после занятия крепости главнокомандующий въехал в Ереван. Был отдан приказ об усилении дисциплины, установлены караулы на въездах, заведены патрули.¹¹³ Скоротечность занятия Ереванской крепости Паскевич связал с собственным умелым руководством, игнорируя воздействие осадной артиллерии и политическое воздействие Аштаракеци на старшин и население города. Паскевич поступал по принципу триумфатора: "Победителю не нужно оправдывать своих действий, победа их гасит и венчает".¹¹⁴

За взятие Сардар-Абада и покорение Еревана царь наградил Паскевича орденом св. Г. Победоносца. 6 октября 1827 г. главные силы Кавказского копруса двинулись на Нахичеван, имея целью перейти Аракс и занять Тавриз. Главнокомандующий собирался лично занять Тавриз, но 13 октября его опередили кн. Эристов и полковник Муравьев. Сработало значение победы в Араратской стране.¹¹⁵

Активное участие в ходе освобождения Араратской страны приняло армянское население: организация воинских формирований, поставка провианта, разведка, сдача Сардар-Абадской и Ереванской крепостей. Воодушевляли борьбу за освобождение Араратской страны верховный католикос и Нерсес Аштаракеци.

-
1. ПВА, т. 2, N 143, с. 245 - 248.
 2. РАС, N 95, с. 125.
 3. ПВА, т. 2, N 143, с. 251, 252.
 4. Ерицов А. Д. Патриарх всех армян Нерсес V - й ..., с. 160.
 5. Там же, с. 160, 161.
 6. РАС, N 92, с. 121.
 7. Матенадаран, ф. Архив разных авторов, п. 240 г, ед. хр. 206, л. 76
 8. Там же, л. 76, 76 об.
 9. Там же, л. 76 об.
 10. Там же, л. 77.
 11. Матенадаран. Архив Лазаревых, п. 106, д. 51, ед. хр. 13, л. 1; ПВА, т. 2, N 149, с. 261, 262.
 12. Там же, N 152, с. 265, 266.
 13. ГИА, ф. 728, оп. 1, д. 1457, л. 65.
 14. Там же, л. 63 - 65.
 15. ПВА, т. 2, N 151, с. 264.
 16. РАС, N 88, с. 118, 119.
 17. ГИА, ф. 728, оп. 1, д. 15178, л. 38, 38 об.

18. Тунян В. Г. Восточная Армения в составе России. Ереван, 1989, с. 6.
19. ГИА, ф. 728, оп. 1, д. 15178, л. 38, 38 об, 47.
20. РАС, N, 98, с. 128.
21. ПВА, т. 2, N 143, с. 251- 254.
22. РГВИА, ф. ВУА, д. 4323, л. 59.
23. ПВА, т. 2, N 151, с. 264.
24. РГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 13.
25. РАС, N 99, с. 129.
26. Там же, N 107, с. 135.
27. РГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 49.
28. Там же, л. 49, 49 об.
29. ПВА, т. 2, N 153, с. 266.
30. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 23, л. 70 - 72 об.
31. Там же, д. 168, л. 28.
32. Там же, л. 27 - 37 об.
33. РГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 38.
34. Матенадаран, Архив разных авторов, п. 240 г., ед. хр. 206, л.90.
35. Там же, л. 90 - 91.
36. РГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 38.
37. РАС, N 102, с. 131.
38. РГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 51.
39. Там же, л. 51, 51 об.
40. Нерсисян М. Г. Присоединение Восточной Армении. - В кн.: Стра - ницы..., с. 79, 80.
41. РАС, N 104, с. 133. РГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 57 об.
42. Там же, N 105, с. 133.
43. ПВА, т. 2, N 153, с. 266, 267.
44. Записки Н. Н. Муравьева..., 1889, кн. 3, вып. 9 -12, с. 89.
45. Там же, с. 92, 276.
46. РГВИА, ф. ВУА, д. 4324, л. 8 об.
47. Там же, л. 9.
48. Там же, ф. 35, оп. 8, д. 62, л. 5 - 6 об.
49. Записки Н. Н. Муравьева..., 1889, кн. 3, вып. 9 -12, с. 278, 279.
50. Тунян В. Г. Грибоедов и Армения. Ер., 1995, с.38.
51. Тунян В. Г. Материалы об организации управления Восточной Арме - нии в 1827 - 1828 гг. - Историко-филологический журнал. 1986, N 1, с. 209.
52. Там же, с. 210.
53. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 106, д. 51, ед. хр. 32, л. 1,1 об.
54. РАС, N 108, с. 135.
55. Там же, N 110, с. 137; N 146, с. 180.
56. Записки Н. Н. Муравьева..., вып. 9 -12, с. 287, 289.
57. РАС, N 110, с. 137.
58. ПВА, т. 2, N 159, с. 269 - 272.
59. Там же, N 160, с. 272 - 275.
60. Записки Н. Н. Муравьева..., вып. 9-12, с. 287, 289.
61. РАС, N 112, с. 143.

62. Там же, N 115, с. 148.
63. РГВИА, ф. ВУА, д. 4224, л. 12.
64. Дневники и записки Е. Е. Лачинова. - В кн.: Декабристы об Армении и Закавказье. ч. I. Ер., 1985, с. 63.
65. ПВА, т. 2, N 162 - 165, с. 276 - 281; N 170, с. 286.
66. Отдел рукописей государственной публичной библиотеки им. С. Щедрина (ОР ГПБ), ф. 225, оп. 1, ед. хр. 5, л. 45.
67. Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1988, с. 551,552.
68. Там же, с. 552.
69. Там же, с. 548-562.
70. НАА, ф. 53, оп. 1, д. 13, л. 35.
71. ПВА, т. 2, N 175, с. 299.
72. Там же, с. 300.
73. РАС, N 125, с. 299
74. ПВА, т. 2, N 179-181, с. 304-309.
75. Самуэлян С. Воспоминания..., с.246.
76. ОР ГПБ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 2, л. 2.
77. Нерсисян М. Г. Ценный первоисточник об Ошаканской битве. - В кн.: Страницы..., с. 319.
78. Дневники и записки Е. Е. Лачинова..., с. 72.
79. ОР ГПБ, ф. F. IV, ед. хр. 824, л. 2.
80. Нерсисян М. Г. Ценный первоисточник..., с. 324, 325.
81. ПВА, т. 2, N 284, с. 495, 496.
82. Адамян А. Документы..., N 8, с. 113.
83. Известия из отдельного Кавказского корпуса. - ИСГЖИ, 1827, ч. 3, кн. 3, с. 231.
84. Алавердянц М. Я. Граф И. Ф. Паскевич и его деятельность на Кавказе в очерках армянского историка. Спб., 1912, с. 16.
85. РГВИА, ф. ВУА, д. 4338, л. 61 об.
86. Там же, л. 62.
87. Нерсисян М. Г. Ценный первоисточник..., с. 329.
88. РАС, N 130, с. 156.
89. ПВА, т. 2, N 184, с. 312.
90. Нерсисян М. Г. Ценный первоисточник..., с. 330.
91. ПВА, т. 2, N 194, с. 318, 319.
92. РАС, N 131, с. 156.
93. Щербатов А. П. Указ. соч., с. 303 - 307.
94. Нерсисян М. Г. Ценный первоисточник..., с. 331, 332.
95. ПВА, т. 2, N198, с. 322.
96. РАС, N 146, с. 192.
97. ПВА, т. 2, , N 203, с. 344.
98. ОР ГПБ, ф. 564, оп. 1, ед. хр. 2, л. 5.
99. Там же, л. 4 - 6.
100. ПВА, т. 2, N 194, с. 320.
101. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 246.
102. ПВА, т. 2, N 311, с. 540.
103. Там же, с. 539 - 541.

104. РАС, N 135, с. 160.
105. Там же, N 137, с. 161.
106. Там же, с. 162.
107. Записки М. И. Пущина. - В кн.: Декабристы об Армении..., с. 63.
108. ПВА, т. 2, N 203, с. 348; Самуэлян С. Воспоминания..., с. 248.
109. Записки Н. Н. Муравьева..., с. 31.
110. Дневники и записки Е. Е. Лачинова..., с. 81.
111. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 249.
112. Дневники и записки Е. Е. Лачинова..., с. 81.
113. ПВА, т. 2, N 207, с. 384.
114. Там же, N 225, с. 404.
115. Записки М. И. Пущина..., с. 194.

3. Ереванское временное правление

Нерсес Аштаракецци оценил освобождение Еревана как долгожданную благодать. В письме к Хачатуру Лазареву от 3 октября 1827 г. сообщено: "Божия милость воссияла над Армениею и спасла сию страну. По шестидневному обложению взята крепость Сардарабат в ночь на 20 число сентября, а по семидневной осаде взята почитаемая донныне неприступной крепость Эриванская 1 - го октября, причем пленены: притеснитель общий и престола Эчмиадзинского Гасан хан и Савран Гули хан (комендант крепости) со многими другими ханами и войсками более 2500 человек без всякого кровопролития, что привело в изумление всех азиатцев и самих европейцев".¹

Для управления г. Ереваном Паскевич создал Временное правление из трех членов: председателя ген. лейт. Красовского, являвшегося командующим местных частей, коменданта Ереванской крепости подп. А. И. Бороздина, близкого к Паскевичу, и архиепископ Нерсеса Аштаракецци. В "Общих правилах для управления Эриванской областью" главная цель администрации определялась в налаживании гражданского быта и обеспечении защиты населения от неприятельских нападений. Организация местной обороны предусматривала создание вооруженной стражи из армян, обеспечение продовольствием гарнизонов крепостей Еревана, Сардар-Абада, осуществление разведки в сопредельных турецких областях. Намечалось возобновление транспортно-торговых отношений с Грузией через Абаран и Дилижанское ущелье, обеспечение сбыта доставшегося" хлопка в Ереване и Сардар-Абаде, расширение добычи соли на Кульпинском солеруднике. Предусматривалось описание имущества и доходов персидской администрации, их преобразование в казенную собственность и источник поступления финансов, обеспечение интересов лиц, пострадавших при защите интересов России.²

Главным пунктом "Общих правил", состоящих из 15 статей, Паскевич считал выявление казенного имущества и доходов.³ Образованный орган правления, в котором преобладали военные, должен был решать задачи переходного времени.

8 октября 1827 г. открылось первое заседание Ереванского временного правления, именуемого изредка в местных документах "Правительством".⁴ Заседание было посвящено выполнению "Общих правил" главнокомандующего Паскевича. Первоочередное внимание было отведено экономическим вопросам. Трудности налаживания хозяйственной жизни были связаны с отсутствием росписей и отчетов, ведомостей о соборах и пошлинах, откупных статей при персидском режиме, с неимением данных о количестве деревень в Ереванской провинции, численности и занятий местных жителей. Требовалось после разрушений, вызванных осадой, привести в порядок Ереванскую крепость.⁵

Известие о падении Сардар-Абадской и Ереванской крепостей побудило значительную часть местного населения, угнанного в Карсский и Баязетский пашалыки, возвратиться в родные очаги. Вначале турецкие власти не чинили препятствий,⁶ но затем возникли осложнения в обеспечении безопасности пути. За Аракс была послана экспедиция полк. Хомутова, позволившая вернуть из Карса и Баязета 4000 семейств ереванских жителей, выявить в деревнях казенную собственность на 800 руб. сер., зерна свыше 350 четвертей и рогатого скота. Оставшиеся в Карсе армянские семейства, по случаю наступления зимы, выразили желание возвратиться весной.⁷ Стараниями архиепископа Нерсеса, с санкции правления, было предоставлено зерно для посева озимых. Неимущим семьям выделены семена из сардарских запасов.⁸ Мера позволила обеспечить хлеб насущный на следующий год.⁹

В ведение казны поступили из Еревана три караван-сарая и 230 лавок, стимулировавших устройство тарифной части.¹⁰ 16 октября Аштаракецци представил временному правлению сведения о тарифной системе сардара. Ереванская таможня отдавалась на откуп. С каждого вьюка привозимых товаров для местного потребления (хлопок, сахар, чернильные орешки, кожа, хина, красные товары, мягкие вещи) взимались четыре миналтуна (1 руб. 60 коп. сер.). Провоз каждого вьюка обходился в пять реалов (2 руб. 50 коп. сер.) Льготным сбором облагались ереванские купцы, занимавшиеся ввозом и вывозом, поощрявшие деятельность местных коммерсантов: красные товары - 1 реал (50 к. с.); изюм, масло и рис - 1 миналтун (40 к. с.); мед - 2 миналтуна (80 к. с.); шелк, кубовая краска и меха - 10 миналтунов (4 руб. сер.). С вывозимых товаров

из Еревана откупщики обязывались выплачивать за вьюк писарю 6 коп., ночному караулу 2 коп., доставщику билетов 2 коп. и чиновникам - 4 коп. сер. Сардарский тариф исходил из интересов монопольной власти, имевшей неограниченные права на откуп, покупку и перепродажу всех произведений земли, учитывая интересы ереванских купцов.

На основе сведений Аштаракеци был составлен "Проект правил, регулирующих тарифное устройство Ереванской области". Выполнение обязанностей Ереванской таможни возлагалось на ереванского, сардарабадского и эчмиадзинского комендантов. Им в помощь назначались два чиновника из военных и гражданских лиц, по усмотрению Аштаракеци, с переводчиком. Таможенная пошлина сохранялась на уровне сардарского тарифа, вплоть до принятия Общего учреждения на основе положения о таможенных заставах. Отменялся сбор в пользу приказчиков, писарей, караульных и поставщиков билетов. Лишь "временное правительство", по мере поступления пошлин, имело право вознаграждать усердных чиновников. Комендантам предписывалось выдавать купцам свидетельство о взыскании пошлины, которые были обязаны получить пропускной билет от временного правления в Ереване. При этом караван товаров, не ожидая купца, должен был двигаться по назначению. Запись товаров намечалось осуществлять в шнуровых книгах с указанием имен купцов, количества вьюков и взыскаемого сбора. Все статьи подлежали засвидетельствованию как лицами по сбору пошлин, так и купцами. Общую отчетность и собранные суммы требовалось предоставлять первого числа каждого месяца.¹¹ Сардарский тариф использовал "Проект тарифных правил", регулировал коммерческие связи с Османской Турцией, Персией и Грузией, создавал Ереванскую таможню как складочную в крае вдобавок к Тифлисской и Бакинской. Копии проекта были разосланы комендантам Эчмиадзина и Сардар-Абада для руководства к действию. Ереванское правление рапортом от 24 октября направило оригинал на утверждение Паскевичу за подписью всех трех членов.¹²

Налаживание мирной жизни Красовский осуществлял исходя из представления о преимуществе российского правления перед персидским. 20 октября 1827 г. им было издано объявление о прекращении незаконных поборов, направленное жителям Ереванской области и Еревана: "Дошло до моего сведения, что во время персидского правительства чиновники и начальники, по введённому обыкновению, делали подарки главным начальникам, под предлогом чего собирали с купцов и народа деньги, вещи, хлеб,

скот и другие припасы, сколько кому угодно было, и чрез сие не только притесняли, - допускали разные злоупотребления, - но и разоряли купцов и народ, что было главнейшею причиною существующего недовольствия и даже ненависти к персидскому правительству".¹³

Провозглашалась отмена поборов и коррупции как мера новой власти: "Почитая такой обычай вредным для общего блага и противным закону и правилам российским, я строго запрещаю всем вообще и каждому из чиновников и начальников, управляющих как в городе Эривани, так и в других местах и деревнях, без моего или здешнего временного правительства предписания отнюдь не делать никаких сборов с купцов или народа, как для подарков, так и для других каких бы то ни было надобностей деньгами, вещами, хлебом и скотом".¹⁴ Нарушителем требования честной этики управления обещалась "строгость" российских законов и двойной штраф. Однако имелась отдушина. Для лиц, которые пожелали бы принести пожертвования в пользу российского войска, обещалась "признательность Ереванского правительства", с объявлением местному населению и высшему начальству. Романтизм и желание наглядно показать преимущества нового правления сплелись воедино.

Указанное допущение о пожертвованиях использовал Аштаракеци. 5 декабря 1827 г. архиепископ направил 1600 руб. сер. Красовскому, предназначенных для угощения 8000 нижним чинам, то есть каждому по 20 коп. сер. Пожертвование было осуществлено как знак благодарности к русским освободителям и в честь тезоимяньства царя.¹⁵

Покорение Араратской страны потребовало уяснения различных видов. 15 октября председатель Ереванского правления Красовский получил отношение управления штабом Кавказского отдельного корпуса о необходимости быстрого предоставления Паскевичу сведений о границах Ереванской области и ханства, реках, ручьях и хребтах. Особенное внимание предлагалось уделить принадлежности Макинского магала, находящегося на левом берегу р. Аракс: "Точно ли он принадлежит к Ереванской области?"¹⁶ Аналогичные сведения запрашивались по Нахичеванской области. Рапортом от 18 октября Красовский представил подробные записки "О границах Ереванской области" и "О границах Нахичеванской области и Макинского магала". В последнем выделен армянский монастырь Фадея Караклисского.¹⁷ Оперативность сообщенных сведений имела связь с привлечением Аштаракеци к управлению Ереванской областью Мелик Саака как главы армян-

ской общины.¹⁸ Архиепископом Нерсесом Аштаракеци была послана записка о необходимости статьи в мирном договоре с Персией о переселении христианского населения в российские пределы. Экстракт записки полк. Лазарь Лазарев, являвшийся комендантом Тавриза и Дей-Карганской конференции, представил главнокомандующему Паскевичу.

В денежном обращении Ереванской провинции находились персидские и турецкие знаки: туман, миналгун, пана-абат, дарахлафа, магмудия, еучи магмудия. курую и медные деньги. 3 ноября 1827 г. Ереванское правление издало объявление о необходимости приема местных мелких денег при покупках. Ослушникам грозило законное наказание. Пятьдесят шаи (медная копейка) приравнены к серебряному российскому рублю. Подтвержден вес ереванского литра, составлявшего 1000 золотников, содержащего 10 фунтов и 40 золотников. Запрещалось использование грузинских литров, имевших вес в 8 и 9 фунтов. Реализация постановления встретила затруднение. 7 ноября Бородин известил правление о приостановке оборота медных денег из-за приравнивания пятидесяти шаи к серебряному рублю.¹⁹ Изучение вопроса со стороны коменданта и известного откупщика Ага-Бабы²⁰ позволило в качестве выхода из кризиса наметить следующее соотношение медных денег: первую медную монету кес-шаи (полкопейки) определить в 2 коп.; панаг-ажат (абазник) считать состоящим из 30 кес-шаи, либо 15 шаи; сагат-коран (двуабазник) - в 60 кес-шаи, или 30 шаи. Российский серебряный рубль определен в 150 кес-шаи (300 медных копеек) или 75 шаи. Предложение означало возвышение значения серебряного рубля на 25 шаи.

Из рапорта исправляющего должность полицмейстера майора Повало-Швейковского от 14 ноября выясняется, что Ереванское правление пошло дальше предложения Бородина и приравнило один серебряный рубль к 100 шаи. Этим было укреплено высокое качество русской звонкой монеты. Несоответствие курса сразу испытали хлебопекари и резники, преимущественно контактирующие с медными деньгами покупателей, затруднявшихся закупать зерно и скот у поставщиков. Приезжие поставщики требовали звонкую монету, которую вывозили за границу, а медные деньги отвергали. Делегация от торговцев, хлебопекарей и резников объявила полицмейстеру о вынужденности приостановления торговли из-за её убыточности. Затребовано 40 шаи приравнять к одному тифлисскому абазу. Полицмейстер отмечал: "Жители города Эривани объявили Мне, что по существующему курсу медной монеты в торговом обороте она ход свой имеет не иначе как

с большими затруднениями".²¹ Правление сочло возможным учесть мнение торгового сословия.²² Найденный компромисс позволил завершить первую стачку в г. Ереване при российском правлении.

Насущный интерес к новой окраине имел министр финансов Канкрин. 27 октября 1827 г. он представил царю записку "Меры, предполагаемые по присоединению Ереванской провинции, по части министра финансов". Ставилась цель обосновать систему правления Араратской страны, исходя из взгляда на Закавказье как перспективной колонии, используя азиатские формы. Пристальное внимание уделялось организации финансовой части, осуществлению переселения армянского населения из Персии, созданию ландмилиции, введению денежных налогов, изучению минеральных богатств и Арарата. Границу требовалось установить по Араксу во имя установления приязненных отношений с Тегеранским двором: "Не следует распространять границу далее Аракса, дабы положение с персиянами не было слишком напряженно".²³

Записка привлекла внимание царя. 12 ноября в С.- Петербурге управляющий Министерством внутренних дел В. С. Ланской поставил в известность Канкрин о высочайшей воле создать межведомственный комитет для обсуждения положений представленной записки. Правительственный комитет составили: министр финансов Канкрин, начальник главного штаба Дибич, главы внутренних и иностранных дел Ланской и Нессельроде, ген. лейт. Вельяминов.²⁴

Активно лоббировал армянские интересы на высшем уровне власти Российской империи Хачатур Лазарев. 9 ноября 1827 г. он подал докладную записку "О заслугах, оказанных верховным патриархом всея Армении Ефремом и архиепископом Нерсесом".²⁵ В ней руководители армянской церкви представлялись национальными лидерами со времен Петра Великого: "Народ армянский, в России, Бессарабии и Грузии обитающий, большей частью переселившийся из-за границы привлечением своих архипастырей, по сему и по духу религии приобык чтить в них как бы вождей и представителей своих". Аналогичная роль была осуществлена в ходе персидской кампании: "Со времен вторжения персиян в пределы России осмидесятилетний чтимый старец Ефрем, верховный патриарх прибыл в Тифлис и возбуждал грамотами и воззваниями народ армянский к защите от нашествия и к ополчению. Епархиальный архиепископ Нерсес, неукоснительно мудро бодрствуя, доставлял все нужные сведения к ограждению замыслов

врагов. Народ армянский, руководствуясь истинною преданностью к России и гласу архипастырей своих, ополчился и на многократных доводах доказал полный подвиг заслуг; не щадя ни средств, ни жизни". Выделена патриотическая деятельность Нерсеса Аштаракеци: "Архиепископ Нерсес, как пастырь и воин, неустрашимо действовал опытностью и советами, так и лично храбростью. Подавал пример со всем духовенством и жителями, защищал Эчмиадзинский монастырь и был при взятии обеих крепостей - Сардар-Абада и Еревана".²⁶

Оба иерарха представлялись к российским наградам. Католикос Ефрем Дзорагехци имел орден св. Анны 1-й степени, бриллиантовый крест на клобуке и орден св. А. Невского. Для носителя высокого сана испрашивалось награждение орденом св. Владимира I-й степени либо св. Андрея Первозванного. Архиепископ Аштаракеци был награжден со стороны царя Александра I орденом св. Анны 1-й степени и бриллиантовым крестом на клобуке. За проявленные заслуги он представлялся к награждению орденом св. А. Невского либо за личные военные подвиги - св. Георгия Победоносца 2-й степени.²⁷

Российские имперские ордена имели определенный статут, символы и награждались в порядке возрастания - сначала младшими, а потом старшими. Ефрем Дзорагехци и Нерсес Аштаракеци являлись носителями ордена св. Анны с девизом: "Любящим правду, благочестие и верность". Испрашиваемые ордена являлись выше по рангу. Так, пятую позицию имел орден св. Владимира с девизом: "Польза, честь и слава". Высшей же наградой Российской империи был орден св. Андрея Первозванного с девизом: "За веру и верность". Представление Хачатура Лазарева о награждении католикоса имело как минимальный (орден св. Владимира), так и максимальный (орден А. Первозванного) характер. Орден св. А. Невского значился на третьем месте в ранге орденов с девизом: "За труды и отечество", а орден св. Георгия был на четвертом месте с девизом: "За службу и храбрость". Орден А. Невского имел преимущество перед орденом Георгия в плане общих заслуг.²⁸ Однако все испрашиваемые ордена относились к категории высших наград.

9 декабря 1827 г. Канкрин представил окончательный журнал "О правилах, которые должны служить основанием при управлении Эриванской провинции и пр." начальнику главного штаба Дибичу, подписанный всеми членами комитета. "Правила" представляли собой разработку идеи сохранения азиатской системы управления для планируемой Ереванской провинции. Намечалось сохра-

нение уровня доходов при персидском режиме. Дибич утвердил журнал,²⁹ который после высочайшей санкции был направлен Паскевичу 15 декабря. Николай I повелел главнокомандующему иметь в виду "Правила" для управления Ереванской провинцией "не для руководства, а для соображений".³⁰

17 и 25 декабря 1827 г. Лазарев представил Бенкендорфу и Дибичу "Обзоры сведений относительно азиатских народов", где содержались виды Екатерины II по восстановлению царства Армении. Старые политические наметки Лазарев стремился включить в контур реальной политики. Ставился вопрос о возможности создания княжества Северной Армении либо царства Армении в составе Российской империи. Важное место отводилось переселению армян из Персии, Турции и Индии. Для реализации этого положения предусматривалось воззвание католикоса Ефрема к Константинопольскому армянскому патриарху, к епархиальным архиепископам в Смирне, Иерусалиме, в Трапезунде, других местах и Индии.³¹

Ереванское временное правление продолжало налаживание мирной жизни. 21 ноября 1827 г. Красовской доложил Паскевичу об осмотре турецкой границы и Кульпинского солерудника. На реке Арпа-чай был поставлен усиленный пост, с наблюдательными постами на дорогах, идущих из Карсского пашалыка. По собранным данным доход Кульпинского солерудника Ереванскому сардару составлял 3500 туманов ежегодно. Возвышение дохода допущено за счет контроля деятельности работников солерудника. Заявлено о строгом наказании за "плутовство" в работе.

28 ноября доложено о завершении посевов озимого хлеба населением Ереванской области под руководством архиепископа Нерсеса Аштаракеци. Значительная часть разоренных жителей получила пшеницу для посева из сардарских запасов. Отмечена трудность кадастрации земли, проведения статистического и камерального описаний, выявления источников дохода. По мнению бывшего везиря Ереванского сардара Мирзы-Исмаила, на описание деревень, выяснение численности жителей, количества земли и получаемой продукции требовалось более 20 лет. В то же время отмечалась значительная работа Ереванской администрации в этом направлении. Исправленной сочтена ирригационная система для полива полей и садов. В деревнях были созданы третейские суды из трех человек для рассмотрения спорных вопросов и злоупотреблений. Отмечено о восстановлении порядка в форштадте и караван-сараях, развитие торговли. Возобновлена деятельность разрушенных мельниц. В Ереванской крепости были проведены

санитарно-очистительные работы, но восстановление брешей и разрушенных стен требовало финансовых средств.

Важным фактом безопасности сочтено проведение прямой выючной дороги от Еревана к Эчмиадзину, выполненной солдатами, запланированной в качестве составной главного военного тракта. Потребность в хорошей дороге обуславливалась нарушением коммуникационных связей с Грузией из-за снежных заносов в Дилижанском ущелье, необходимостью иметь сообщение с Гюмри по маршруту Эчмиадзин-Сардар-Абад - Талын. Обращено внимание на запрет продажи пшеницы для населения Ереванской провинции в соседних турецких провинциях.

6 декабря 1827 г. был произведен праздничный фейерверк в честь тезоименства царя Николая I. Сделан 101 выстрел из крепостных орудий в честь царского дома. Произведен парад. Освящена церковь св. Богородицы. Архиепископ Нерсес представил 2 тыс. руб. сер., а мусульманская община - около 1 руб. для раздачи войскам в Ереванской провинции. 13 декабря Красовский приступил к изучению турецкой границы от Арарата до Гюмри. По возвращению 23 декабря Красовский получил повеление царя представить сведения об Ошаканском сражении.³²

Деятельность Ереванского правления не всегда получала адекватную оценку со стороны главноначальствующего Закавказья. В обзоре сведений за 17 декабря 1827 г. Х. Лазарев обратил внимание руководства державы на поведение Паскевича с окружением. Незавершенность процесса самоутверждения главнокомандующего, трудности ведения переговоров с персами, сложности взаимоотношений с подчиненными наложили отпечаток нервозности и подозрительности на характер главнокомандующего: "Удивительная перемена последовала в главноначальствующем Паскевиче. Как он отличен в воинских подвигах, особенно в минуту сражения, так он суров и непостоянен в благоприятное время. Это уже не тот человек, которого знали в С. - Петербурге и здесь в начале его вступления. Счастье людей часто портит и балует, а иногда возвышает, открывая их большие или посредственные способности". Обращено внимание на опалу ген. Бенкендорфа. Заострено внимание на "недоброжелательство" Паскевича к Нерсесу Аштаракеци за записку о переселении армян из Персии: "Архипастырь сей без требования, единственно из преданности к престолу и России, доставил от себя записку об армянах для включения при переговорах о мире".³³

Напряженность отношений с Паскевичем встретила достойный стоицизм архипастыря. Лазарев отмечал: "Он с христианским

терпением переносит несправедливости огорчения по мере средств устройства Эчмиадзинского монастыря и паствы своей, сожалея, что отчужден от общего дела для блага страны ему соплеменной". Обобщая сведения об опале кн. Эриванского, ген. Бенкендорфа и Аштаракца, Хачатур Лазарев указывал на деликатность информации: "Известия сего рода неприятны, сопряжены с опасностью, повредить могут, - в последний раз сие сообщается".³⁴

24 декабря Аштаракец получил информацию об уступке Макинского магала Персии. Запрошено содействие Красовского о пересмотре подхода к этому "главному пункту" переговоров с Персией перед Паскевичем и Бенкендорфом.³⁵ В тот же день Красовский секретным донесением Паскевичу поставил вопрос о необходимости присоединения Макинского магала к Ереванской провинции. Поступившая информация о предстоящей его уступке сочтена огорчительной для местного населения. Отмечалось военно-стратегическое значение Макинского магала как природной крепости, которая прикрывала со стороны Арарата всю границу от Еревана до Нахичевана: "Если сия страна останется за Персией, то послужит она безопасным гнездом злых людей, угрожающих части Эриванской провинции, по обеим сторонам Аракса лежащей, ежели же будет состоять по-прежнему в ведомстве эриванского правления, то страна сия послужит преградой всех злонамеренных движений персиян и турок". Из 31 деревни Макинского магала восемь сочтены армянскими, имеющими 500 дворов. Около 3 тыс. дымов составляли курды.

Точка зрения Красовского о Макинском магале являлась открытым вызовом главнокомандующему, взаимоотношения с которым оставляли желать лучшего. В ноябре председатель Ереванского временного правления откровенно заявил одному из героев взятия Тавриза Муравьеву о значении содеянного для "отца-командира": "Я думаю, ему вы нож острый вонзили в сердце".³⁶ Получение 20 декабря рескрипта и ордена св. Владимира 2-й степени от царя, лично проанализировавшего и высоко оценившего Ошаканское сражение, резко повысило настрой Красовского.³⁷ Девиз ордена св. Владимира гласил: "Полезьа, честь и слава".³⁸ Красовский оповестил части Ереванского гарнизона о воле царя представить подробное описание Ошаканского сражения для вознаграждения раненых и убитых, предоставления помощи семьям пострадавших.

Необходимость лечения раны после Ошаканского сражения побудила отрядного командира запросить отпуск у командира Кавказского корпуса.³⁹ Отказ главнокомандующего, заявившего о возможности удовлетворения просьбы лишь по заключении мира с

Персией и отсутствии войны с Турцией, получил негативную реакцию. Красовский 25 декабря 1827 г. обратился за содействием к начальнику главного штаба. Препровождены "Записки генерал-лейтенанта Красовского" об участии в персидской кампании для беспристрастной оценки: "Нынешние обстоятельства достаточно убеждают меня, что едва ли буду я иметь возможность получить просимое мною увольнение, почему беру смелость представить при сем на благорассмотрение Вашего Сиятельства записки мои со времени прибытия в Грузию, которые я желаю вручить Вашему Сиятельству".⁴⁰ Подчеркнуто, что скромность - его кредо жизни, но отношения с Паскевичем представлены переполнившими чашу терпения: "Я даже осмелился решительно скрыть и пред Вашим Сиятельством причины, побудившие меня оставить звание начальника штаба Кавказского корпуса".⁴¹

29 декабря 1827 г. Красовский вместе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци выехали для осмотра Ереванской области. В тот же день они прибыли в родное село архипастыря-с. Аштарак, которое ранее насчитывало более 900 семейств, а теперь - около 100 семейств. Генерал посетил двоюродного брата архипастыря Петроса Маркарова, который часто доставлял важную информацию о противнике и перевозил особые донесения. Затем он посетил кладбище Шахазизян-Камсараканов, где покоился отец архипастыря. Значение этого посещения отмечено декабристом Е. Лачиновым:⁴² "Последняя воля родителя Нерсеса состояла в том, чтобы он не приходил к могиле его до тех пор, пока не исполнится пламенное ожидание армян и не воскреснет утесняемая магометанами святая вера христианская; собственно желание архиепископа было прийти поклониться гробу отца с русским начальником - желание сие исполнилось".⁴³ Посещены села Мугни и Ханаванк, осмотрен персидский лагерь перед Ошаканским сражением. 1 января 1828 г. в Сардар-Абаде была открыта греко-российская церковь в честь Николая Чудотворца, построенная армянским населением. 2 января состоялся осмотр места около Эчмиадзина, где по инициативе Нерсеса Аштаракеци, должен был быть построен памятник в честь павших русских воинов в Ошаканском сражении. На следующий день они возвратились в Ереван.⁴⁴

5 января 1828 г. Красовский отправил письмо Дибичу, где отмечалось о приверженности армян Ереванской провинции России. Сообщено о значительности роли архиепископа Нерсеса Аштаракеци, достойного портретного запечатления для исторической памяти: "Имею справедливую обязанность доложить в. с-тву, что высокопреосвященный архиепископ Нерсес есть пастырь народа

армянского, достойный по всем отношениям удивления и с неподражаемою деятельностью оказывает главнейшее содействие как в устройстве здешнего края, так и в приобретении приверженности соседственных народов, и я вслед за сим надеюсь прислать к в. с-ву для выгравирования портрет его".⁴⁵ Указано на работу архипастыря в подготовке ресурсов для предстоящей войны с Османской Турцией: "Сей почтеннейший пастырь оказывает также особенное содействие в приготовлении 400 конных и 800 человек пеших из лучших молодцов - армян здешней провинции, которые будут готовы воевать с нами и для которых я исправляю оружие из числа взятого в крепостях здешних. Сии люди обязываются служить на собственный счет, кроме продовольствия во время похода".⁴⁶ Запрошено разрешение прибыть на короткое время в С. - Петербург для ознакомления с местными обстоятельствами.

6 января 1828 г. торжественно состоялся праздник крещения Иисуса Христа. Йордан был построен на берегу р. Зангу. В нем приняли участие архиепископ Нерсес Аштаракец и все армянское духовенство. За объединенной русско-армянской процессией следовали массы армянского населения, которые получили возможность открыто исполнять культовые потребности: "Крест погружен - и в первый раз освятились воды Занги".⁴⁷ Лачиновым выделена роль Нерсеса Аштаракец в осуществлении праздника как знаковой личности: "Армяне! Вы чувствуете счастье ваше; но кто из соотечественников ваших, во все продолжение войны, более заботится в доставлении вам онаго? Кто более всех содействовал победителям? Архиепископ Нерсес. Жизнь его посвящена благоденствию вашему; деятельность, достоинства, благонамеренность его ручаются за успех. Молитесь же у престола всевышнего, да укрепит он силы добродетельного пастыря вашего и да продлит дни его для пользы вашей".⁴⁸

Приняты меры по определению количества населения Ереванской провинции. 10 января 1828 г. прапорщик 40-го егерского полка Кашанский получил предписание Красовского об описании наличного числа душ провинции. Требовалось объездить все деревни, составить списки ранее проживавших дымов и наличных, показать численность армянских и других семейств. В каждом селении предписывалось сделать известными объявления Ереванского правления. Прапорщику вменялось выяснить наличие "притеснений", собрать жалобы и составить справки. Аналогичная миссия была поручена подпоручику Рубану.⁴⁹ Декабрист Лачинов, занимавшийся делопроизводством у председателя областного пра-

вления, в течение двух недель составил подробную программу статистического описания. Она затем была использована известным статистом И. И. Шопеном при описании Армянской области, что потребовало несколько лет тяжелого труда.⁵⁰

21 января Красовский и Аштаракцы выехали на кратковременный отдых в с. Аштарак. Ставилась цель отдохнуть от занятий по составлению проекта административного управления Ереванской областью. Был устроен деревенский праздник - рыбная ловля в реке Абаран. Он заключался в выявлении рыб из-под каменных убежищ. Холод, мороз и ветер не были помехой. Архиепископ Нерсес Аштаракцы доставил удовольствие присутствующим, выловив несколько рыб. На следующий день осмотрены пещеры в окрестностях Аштарака, служащие местом убежища местным жителям при нашествии врагов. Посещена 500-летняя церковь св. Богородицы. 24 - го января они возвратились в Ереван.⁵¹

25 января 1828 г. председатель Ереванского временного правления ген. лейт. Красовский направил начальнику главного штаба письмо и ряд документов: административный проект, программу статистического описания, копию рапорта о посылке штабс-капитана Дюнанда в Баязет и Маку. В письме Красовский оповестил Дибича о возвращении после осмотра Ереванской провинции. Сообщено о получении копии рапорта дежурного генерала главного штаба, адресованного Паскевичу, излагавшего желание Дибича назначить Красовского командующим войск запланированной Персидской линии. Создание новой оборонительной линии началось по заключении мира с Персией. Выразив уважение мысли начальнича главного штаба, предполагавшей ослабление власти командира отдельного Кавказского корпуса, Красовский указал на болезнь руки требующей, незамедлительного лечения в тифлиских минеральных водах. Испрашивалась поездка в Россию для "пользы службы" и управления Араратской страной, устройства семейных дел. Во время отсутствия управление предусматривалось вверить ген. - м. Панкратьеву либо ген. - м. Антропову при содействии архиепископа Аштаракцы: "До возвращения моего в Эривань может с пользою выполнять управление войсками и краем при содействии архиепископа Нерсеса по заведенному ныне порядку до нового образования генерал- майор Панкратьев. Долженствующий, как старший, по мне вступить в командование дивизиею, или в случае какой-либо непредвиденности генерал-майор Антропов".⁵² Красовский поставил в известность тифлиского военного губернатора Сипягина о желании посетить С.- Петербург прежде принятия командования Персидской линией. То

же самое доведено до сведения Паскевича.⁵³

Среди представленных документов важное значение занимал проект организации управления Араратской страной: "Имею честь представить на благорассмотрение Вашего Сиятельства проект, мною составленный для управления Эриванскою и Нахичеванскою областями".⁵⁴ Представленный административный проект состоял из трех частей: "Предположения", "Взгляд" и "Проект". Каждая из частей имела развернутый подзаголовок. "Предположения на составление проекта для управления Эриванской и Нахичеванской провинциями" предусматривали единое управление всех частей Араратской страны: "Местное положение сих провинций, Макинского магала и народы оные населяемые требуют, чтобы управление оными было нераздельно".⁵⁵ В состав Араратской страны включались Ереванская и Нахичеванская провинции, Шурагель и Бамбак. Управление краем возлагалось на правление, имевшее упрощенную структуру и несложное законодательство, доступное восприятию населения. Полномочия правителя края должны были иметь ограниченный характер для недопущения самовластия, создания предпосылок для надзора. Гражданское делопроизводство намечалось сосредоточить в особом присутствии. Отсутствие инстанций в правлении представлялось залогом ускоренного хода делопроизводства и возможностью избежания бюрократической "запутанности".

В составлении "Проекта" намечалось участие архиепископа Нерсеса Аштаракеци как личности с глубокими познаниями о местном населении, дальнозоркого и объективного, пользующегося популярностью во всех слоях населения. Областной совет Араратской страны составляли чиновники: военный, гражданский, духовный, прокурор, секретарь и депутат от всех сословий. Члены областного совета обязывались служить рачительно и добропорядочно: "В Совете Областном никак не должны присутствовать чиновники, имеющие должности в других местах, дабы решительно отложить повод к злоупотреблению, каковое может случиться при рассмотрении собственных их устремлений".⁵⁶

"Взгляд на прежнее управление Эриванскою и Нахичеванскою провинциями и Макинского магала" представлял собой исторический экскурс. Отмечалось управление Араратских провинций Еревана и Нахичевана ханами, подчинявшимися шаху либо Аббас-Мирзе. Их смещение или назначение требовало особых предписаний повелителя Персии. Исключением представлено управление Макинского магала, находящегося вглуби персидской территории, удаленного от границы с Россией: "Правление хана Ма-

кинского с давнего времени переходит по наследству, и последние ханы, сего крепкого от природы места, повсеместно исполняли волю шаха и Аббас-Мирзы".⁵⁷ Власть ханов имела произвольный характер, отвергавших отчетность и заинтересованных в корыстном обогащении путем захвата чужой собственности. Благополучие местного населения представлено прямо зависящим от власти правителя. Верховом азиатской системы правления характеризовалось отсутствие специальных структур для решения гражданских и уголовных дел. Их скоротечный характер возвышал власть ханов. Несмотря на участие мусульманского духовенства в разборе гражданских, уголовных и брачных дел, окончательный вердикт оставался за ханом. Система правления обеспечивала мусульманскому населению преимущества перед христианским населением.

"Проект для составления узаконений к управлению областью Эриванскою, с присовокуплением к оной Нахичеванской, а также Макинского магала и уездов Шурагельского и Бамбакского" содержал восемь глав, которые детализировали структуру присутствий. Управление Ереванской областью поручалось военному губернатору, либо областному начальнику, которому вверялась гражданская часть, пограничные дела и командование местным войском. Канцелярия военного губернатора намечалась из секретаря, обер-аудитора, двух переводчиков для письменных дел и устного общения, четырех писарей. Областной совет включал: председателя генерал-майорского чина либо полковника, двух советников из военных и гражданских служащих штабс-офицерского чина, прокурора и секретаря, духовных депутатов армянского и мусульманского исповедания из первенствующих лиц. Областной суд подразделялся на два департамента уголовных и гражданских дел с соответствующим штатом. Предполагалась следственная комиссия. Полиция возглавлялась полицмейстером из военных штабных офицеров; управу благочиния составляли два советника из военных и гражданских лиц; областное казначейство вверялось штабс-офицерам. Важное место отводилось комиссиям для взыскания пошлин и гражданских депутатов от населения, образуемых под председательством комендантов.

Основу административного деления Ереванской области составляли магалы. В Ереванской провинции магальные правления предусматривались для девяти укрупненных магалов: 1. Макинский с Бамбакским. 2. Шарурский. 3. Гарни-Басарский с Веди-Басарским. 4. Занги-Басарский или Кирхбулагский. 5. Гарни-Басарский с Абараном, Баш-Абараном и Талыном. 6. Шорагель с Бамбаком. 7.

Сурмалинский с Парчинским и Даракентским. 8. Дарачичагский. 9. Гокчинский с Коландаром. В Нахичеванской провинции намечалось сохранить прежнее магальное деление, о котором отсутствовали данные. Магальное правление составляли: магальный пристав из военных обер-офицеров, два старших кехва (старейшины) из армян и "татар" и переводчики. В каждом магале население должно было избирать трех старшин для словесного разбора и решения маловажных дел и ссор. Независимо от деятельности старейшин намечался третейский суд.

Для образования и управления Ереванской областью предусматривалась должность товарища военного губернатора либо областного начальника, которую должен был замещать архиепископ Нерсес Аштаракец. При военном губернаторе намечалось иметь четырех чиновников особых поручений. В Нахичеване учреждалась специальная следственная комиссия, с включением в неё стряпчего и казначея, под наблюдением местного военного начальника. Все издаваемые законы и инструкции по Ереванской области предусматривалось вывешивать в каждом магальном правлении на армянском и "татарском" языках. Нахичеван намечался местом пребывания полицмейстера, управы благочиния и полиции. В Шурагельском с Бамбаком и Макинском магалах приставы избирались из штабс-офицеров, имевших власть также полицмейстеров, дела которых прямо поступали в Областной суд. Регламентировался порядок сбора податей, денежных и натуральных налогов. Гарантировалась неприкосновенность собственности, могущей быть нарушенной лишь с санкции царя. Для охраны края в мирное время сочтено достаточным наличие трех полков, каждый из трех батальонов, трех казачьих полков и Армянского легиона. Армянскую часть намечалось образовать из 1500 человек пехоты и 500 кавалеристов. Место расположения штабных полков предусматривалось на границе у Дилижана, другое - в Талыне, а третье - в Ордубаде.⁵⁸

Административный проект был прочитан Дибичем. Являясь слепком общегубернского учреждения, он не вызвал особых эмоций у начальника главного штаба. Отдельные пометы были вызваны отклонением от державного стандарта. Подчеркнуты в "Проекте" строки о необходимости назначения состава канцелярии военного губернатора. Про этом отмечено: "Почему". Проставлен знак обращения внимания на отсутствие сведений о магальном делении Нахичеванской провинции, назначение там двух старших кехв из армян и "татар", необходимость создания особенной следственной комиссии. Проявлено несогласие с вклю-

чением Макинского магала в состав Ереванской области. Об этом свидетельствует зачеркивание строк о Макинском магале, предусматривающее назначение приставов в Макинском магале и Шурагели с Бамбаком. Восклицательных и вопросительных знаков удостоились положения о ревизии делопроизводства в каждом квартале и назначении магальных приставов из военных губернаторов. Выделению карандашом удостоились абзацы о принятии специальных правил по запрещению подарков и приношений, награждению и получению заслуг военными чинами соответственно положению гражданских чинов.

Характер помет указывает на изучение административного проекта Красовского начальником штаба главного штаба для доклада царю. Намечено его сопоставление с мнением главнокомандующего Кавказским корпусом при предоставлении заключения о "Правилах" по управлению Ереванской провинцией правительственного комитета. Пометой отмечено: "4 марта. Иметь в виду, когда будет о сем представление от г. а. Паскевича".⁵⁹ В послании к Дибичу от 3 февраля 1828 г. "отец-командир" обещал предоставить заключение по каждому пункту "Правил" правительственного комитета при собрании соответствующих сведений.

Проект Красовского отразил пик политического взлета архиепископа Нерсеса Аштаракеци, который был предназначен в товарищи военного губернатора (областного начальника) Ереванской области как русской провинции после заключения мира с Персией. Возразительных помет против такого назначения Аштаракеци со стороны Дибича не выявлено.

25 января 1828 г. Паскевич ответил на письмо архиепископа Нерсеса Аштаракеци от 27 декабря о переселении персидских армян в российские пределы. Главнокомандующий ставил в известность, что проблема переселения находится в поле зрения и исходит от депутатов от армянского и греческого населения. Выражена поддержка миссии епископа Степана и архимандрита Никогоса, присланных архипастырем для пропаганды идеи переселения среди местных армян. Предложение Аштаракеци о принятии имущества домов, садов, мельниц и имений персидской стороной за вознаграждение сочтено противоположным принципам Тегеранского двора. Продажу имущества частным лицам сочтено возможной осуществить в пятилетний срок. Заявлялось о содействии переселению, на основании предстоящего мирного договора, пока русские войска будут находиться в провинции Азербайджана Персии.⁶⁰

В тот же день 25 января 1828 г., Николай I подписал рескрипт

о награждении Нерсеса Аштаракеци орденом св. А. Невского. Отмечались давние заслуги иерарха в содействии закавказской политике России, в особенности при текущей персидской кампании: "Подвергаясь даже личной опасности". Указано на наличие неоднократных донесений Паскевича о вкладе архипастыря в победу русского оружия: "Изъясняя, что во все продолжение военных действий вы ознаменовали себя особенным усердием к пользам России, постоянно сохраняя в народе армянском приятное к нам расположение, не только благоразумными советами и внушениями, но и личным своим примером".⁶¹ Высочайшая награда означала одобрение политической деятельности Нерсеса Аштаракеци, выражала признательность и означала благорасположение монарха. Тем более, что с награждением католикоса Ефрема Дзорагехци в С.- Петербурге не спешили.

Реакция руководства Закавказья на проект Дибича об организации Персидской линии оказалась неординарной. Управляющий гражданской частью края Сипягин 3 февраля 1828 г. выразил согласие с волей начальника главного штаба по созданию новой оборонительной линии на Араксе. Идея признана "весьма полезной". Поддержано предложение о её заселении малороссийскими казаками. Намечено для простых гарнизонов создать армянское ополчение как вид земского войска.⁶²

3 февраля Паскевич доложил Дибичу о вопросе создания Персидской линии и сохранения Кавказской линии за ген. Эммануэлем. Вследствие "беспрестанных просьб" Красовского о лечении "отец-командир" дозволил его отъезд в Тифлис. Выезд в Россию был поставлен в зависимость от санкции Дибича. Отведена кандидатура Берхмана на должность областного начальника Ереванской провинции, представленная Красовским, административные способности которого характеризовались "неизвестными". Новым правителем назначен ген. - м. А. Г. Чавчавадзе: "Я его почитаю к управлению провинции весьма способным". Сменено руководство бывшего Нахичеванского ханства. Вместо "неопытного" в гражданских делах коменданта Аббас-Абадской крепости полк. Волшиновского бразды правления вручены ген. м. Мерлини. Заявлено об отсутствии компетентных чиновников для занятия должностей, где военное управление сочеталось с гражданским. Распоряжения по Ереванской и Нахичеванской провинциям представлены мерой по их интегрированию в державный правопорядок. Возвышение Красовского пришлось не по вкусу Паскевича. Был заготовлен тактический ход: ревизия Ереванского правления, смена состава управления, означающее удаление Нерсеса

Аштаракечи, критика всех мероприятий администрации Красовского. Примеряя тогу победителя Персидской войны, Паскевич стремился повсеместно расставить доверенных исполнителей.⁶³

Ереванское правление проявило внимание к наведению отчетности в торговой сфере. 26 января 1828 г. была образована комиссия "для устройства порядка в Эриванском караван-сараяе и на форштате" в составе майора Швейковского, местных граждан Барсега Бароева и Али Аскяр бека. В руководство предоставлена инструкция из 20 пунктов. Требовалось привести в известность количество лавок в караван-сараяе, учредить в нем караул, утвердить должный порядок. Между крепостью и форштатом запрещалось иметь постройки.⁶⁴ В форштате насчитывалось шесть караван-сараяев: Гюджи, Зарап хан, Суки Калоба, Сусус Кимча и Кайсрай.⁶⁵ Созданная комиссия явилась органом по управлению торговой частью Ереванского правления.

28 января 1828 г. временное правление получило очередную просьбу ереванского купечества о рассмотрении существующего денежного курса. Сообщалось, что сардар Гусейн-Кули хан для собственной выгоды возвысил курс турецкой золотой монеты дархалафа и медных денег. Указывая на российское подданство и наличие убытков от неравноценного курса, купцы просили определить паритет дархалафы в 1 руб. 70 коп. сер, а "теперешний абаз"- в 50 шаи. Речь шла о пожелании снизить курс дархалафы и возвысить содержание тифлисского абазы на 10 шаи. Желая избежать самовольного установления курса, учитывая имевшийся опыт, ереванское правление завело переписку с руководством региона. 27 февраля Сипягин сообщил о соответствии турецкого червонца в Тифлисе 1 руб. 40 коп. сер. Сообщение тифлисского военного губернатора подтверждало завышенность курса дархалафы. Ереванской полиции предписано издать объявление о приравнивании турецкого червонца к 1 руб. 50 коп. сер.⁶⁶

Позитивное разрешение получили меры по статистическому описанию. 22 января 1828 г. подпоручик Севастопольского пехотного полка Рубан представил рапорт отрядному командиру Красовскому о выполнении задания по объезду деревень. Отмечено о жалобах от населения. Составлен список армянских и "татарских" деревень Гарнийского и Шарурского, Карпинского и Сардар-Абадского магалов.⁶⁷ 2 февраля доложил о выполнении задания прапорщик Кашанский. Были составлены списки жителей деревень Занги-Басарского, Гарнийского и Шарурского магалов. Ведомости содержали бесхитростные сведения. В рубрике "Прежде было" Занги-Басарского магала отмечалось: христианских дворов-

233 и семейств - 607; мусульманских дворов - 560 и семейств - 1041. В рубрике "Ныне находится" указывалось: христианских дворов - 347 и семейств - 506; мусульманских дворов - 46 и семейств - 1041. Данные свидетельствовали о возвращении преобладающей части армянского населения. Неполными были данные по Гарнийскому и Шарурскому магалам. Здесь ранее проживало 258 христианских и 231 мусульманских семейств, а из имевшихся значилось лишь 133 христианских, так как сведения по магометанским семействам уточнялись. Показано наличие пропуска 12 семейств в рубрике христианских жителей "За прежнее время."⁶⁸ При всем несовершенстве и относительности данных, они отражали первые шаги на стези демографической статистики и административного учета численности населения.

20 февраля 1828 г. Временное правление создало Ереванское казначейство, тем самым освободившись от бремени непосредственных финансовых обязанностей. В ведение казначейства поступали все казенные доходы Ереванской провинции, выдача жалованья и сумм на управление. 21 февраля Нерсес Ашгаракеци краткой запиской известил правление о том, что поземельные и денежные сборы по Ереванской провинции при сардаре составляли 114633 тумана 5125 диан. Со слов везира сардара Мирзы Исмаила, в пересчете это составляло 458533 руб. 25 коп. сер. При сопоставлении с поступлениями от Карабаха и ряда закавказских провинций России сумма впечатляла. Информация была направлена корпусному командиру с предоставлением ведомостей.⁶⁹

10 февраля состоялось подписание Туркманчайского мирного договора между Россией и Персией. Интересы армянского народа получили отражение в ряде статей. Шах отказывался от Араратских ханств - Еревана и Нахичевана. Определена граница, проходящая по вершине малого Арарата, течению и руслу реки Аракс до Аббас-Абада. Окружающая территория крепости в 31,2 российских верст (пол-агача) передавалась России. Затем пограничная линия шла по берегу и руслу Аракса до Едибулагского брода, как значилось в соответствующей записке Красовского. Намечена сдача в шестимесячный срок всех документов относительно управления Араратских ханств. Предусмотрено переселенчество для подданных обеих держав с правом продажи недвижимой собственности в течение трех лет, за исключением имений сардара Еревана, его брата и бывшего правителя Нахичевана Керим хана. Россия получала часть Ереванского ханства, лежащего на правом берегу Аракса, но без Макинского магала. Размер контрибуции определен в 10 курур или 20 млн. руб. сер. Провозглашен вечный

мир.⁷⁰

Заклученный мир позволил Красовскому получить долгожданный отпуск для лечения в Тифлисе. 21 февраля 1828 г. председатель Ереванского временного правления в связи с уходом с занимаемой должности издал приказ по отряду, согласно которому командование войск передавалось ген. Берхману, а должность начальника Ереванской области ген. Чавчавадзе, прибытие которого задерживалось. Выражена благодарность всему составу вверенных войск за доблестную службу. Вынесена признательность "неутомимому сотруднику" по управлению Ереванской областью архиепископу Аштаракеци: "Его благонамеренностью, его познаниям, благоразумию его обязан и многими советами, полезными для блага новых сограждан наших".⁷¹

Было решено преподнести на память любимому начальнику прощальное письмо, портрет и картину Ошаканского сражения. Картина Ошаканского сражения изображала Красовского в минуту смертельной опасности, когда генерал оказался отрезанным курдами от русских солдат и спасся благодаря самоотверженности окружения. Прощальное письмо выражало благодарность Красовскому за умелое руководство отрядом в Ошаканском сражении, достойно оцененное царем, сохранение осадной артиллерии и спасение Грузии от вторжения неприятеля. Отмечено о намерении армянского населения поставить памятник подвигу русского воинства и решении армянской церкви ежегодно отмечать эту дату как день освобождения Эчмиадзинского монастыря.⁷²

22 февраля 1828 г. Красовский выехал в Тифлис.⁷³ Дела принял Чавчавадзе, назначивший спустя три дня членом Ереванского правления полк. Хомутова вместо Бородина, возвратившегося к командованию Ширванского пехотным полком. Членами правления от местного населения стали Мелик Саак и сартип Магмед хан.⁷⁴

Известие о заключении мира вызвало у Аштаракеци огорчение за судьбу Макинского магала. 27 февраля 1828 г. он обратился к шефу корпуса жандармов Бенкендорфу с просьбой содействовать урегулированию проблемы Макинского магала. Сообщалось о приказе Паскевича Красовскому не вмешиваться в дела, не относящиеся к нему. Обладание Макинским магалом рассматривалось преградой "всем злонамеренным движениям персиян и турок".⁷⁵ В то же время была реализована установка Аштаракеци по переселению персидских армян в Араратскую страну. 29 февраля Паскевич направил указание Ереванскому временному правлению об организации приема переселения из Персии.⁷⁶

Были учтены усилия архипастыря и по созданию армянского

ополчения на случай войны с Османской Турцией. 29 февраля 1828 г. Дибич направил Красовскому сообщение о высочайшем указании о наименовании формируемых армянских частей из 800 пеших и 500 конных Ереванским армянским батальоном и первым армянским полком, отдавая должное проделанной работе Ереванского временного правления. Отмечена необходимость составления "татарского" ополчения и использования курдских племен в войне против Турции.⁷⁷

-
1. РГВИА, ф. 476, оп. 1, д. 4, л. 15.
 2. АКАК, т. 7, N 432, с. 480, 481.
 3. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3744, л. 11 об.
 4. Материалы к истории персидской войны..., т. 29, N 122, с. 170.
 5. Там же, N 123, с. 171.
 6. Там же, N 121, с. 169.
 7. РГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 13, 13 об.
 8. Материалы к истории персидской войны..., т. 29, N 123, с. 171.
 9. Тунян В. Г. Новые источники к экономической истории Армянской области (1828 - 1837). - Вестник архивов Армении. 1986, N 2, с. 83.
 10. РГВИА, ф. 35, оп. 5, д. 3166, л. 1.
 11. Тунян В. Г. Материалы об организации управления..., N 2, с. 210, 211.
 12. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 1985, л. 2-3.
 13. РАС, N 146, с. 197.
 14. Там же, с. 198.
 15. Матенадаран, Архив разных авторов, п. 240 г., ед. хр. 206, л. 92.
 16. НАА, ф. 90, оп. 1, д. 2, л. 1.
 17. Там же, л. 1-3.
 18. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 249.
 19. НАА, ф. 90, оп. 1, д. 454, л. 42 - 44.
 20. Там же, д. 10, л. 67 об.
 21. Там же, д. 5, л. 1-2 об.
 22. Там же, л. 4.
 23. Тунян В. Г. Материалы правительственного комитета о включении Ереванского ханства в состав Российской империи. - Вестник общественных наук. 1985, N 1, с. 82
 24. Там же, N 2, с. 82, 83.
 25. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3698, л. 1.
 26. Тунян В. Г. Материалы об организации..., N 5, с. 213.
 27. Там же, с. 213, 214.
 28. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991, с. 204, 205, 208.
 29. Тунян В. Г. Материалы правительственного..., N 1, с. 81, 82.
 30. АКАК, т. 7, N 435, с. 482, 483.
 31. РГВИА, г. ВУА, д. 4377, л. 21.
 32. РАС, N 146, с. 198 - 206.
 33. РГВИА, ф. 476, оп. 1, д. 4, л. 6.
 34. Там же, л. 6 об.

35. Тунян В. Г. Материалы к новой истории Восточной Армении (1828 - 1849). - Вестник общественных наук. 1986, N 28, с. 83.
36. Записки Н. Н. Муравьева..., 1891, кн. 3, с. 213.
37. Дневники и записки Е. Е. Лачинова..., с.103.
38. Шепелев Л. Е. Титулы..., с. 195.
39. РАС, N 146, с. 206.
40. РГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 1.
41. Там же, л. 2.
42. Дневники и записки Е. Е. Лачинова..., с. 113, 114.
43. Там же, с. 116, 117.
44. Там же, с. 115.
45. РГВИА, ф. 38, оп. 5, д. 68, л. 2.
46. Там же, л. 3.
46. Дневники и записки Е. Е. Лачинова..., с. 112.
47. Там же, с. 112, 113.
48. Там же, с. 113.
49. НАА, ф. 90, оп. 1, д. 5, л. 1 - 2 об.
50. Тунян В. Г. Об одном документе, составленном Е. Лачиновым. - Историко-филологический журнал. 1982, N 4, с. 203, 210.
51. Дневники и записки Е. Е. Лачинова..., с. 115 - 117.
52. РГВИА, ф. 35, оп. 5, д. 2488 В. л. л. 13.
53. Там же, л. 39.
54. Там же, л.13.
55. Там же, л. 43.
56. Там же, л. 44 об.
57. Там же, л. 45.
58. Там же, л. 14 - 24 об.
59. Там же, л. 12.
60. ПВА, т. 2, N 243, с. 443, 444.
61. Там же, N 242, л. 443.
62. РГВИА, ф. ВУА, д. 6230, л. 48, 48 об.
63. Там же, ф. 35, оп. 5, д. 2488 В, л. 41 об, 42.
64. НАА, ф. 90, оп. 1, д. 6, л.1-2.
65. Там же, д. 10, л. 3.
66. Там же д. 454, л. 14, 16, 19.
67. Там же, д. 6, л. 207 - 211.
68. Там же, д. 5, л. 3 - 8 об.
69. Там же, д. 6, л. 6.
70. ПВА, т. 2, N 245, 246, с. 446 - 452.
71. Дневник генерала Красовского. - Кавказский сборник. Тифлис, 1901, т. XXII, с. 60.
72. Дневники и записки Е. Е. Лачинова..., с. 121, 125 - 127.
73. РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 2 а, д. 3744, л. 2.
74. ПВА, т. 2, N252, с, 460.
75. Тунян В. Г. Материалы к новой истории..., N 2, с. 83, 84.
76. ПВА, т. 2, N 256, с. 466468.
77. РГВИА, ф. ВУА, д. 4329, л. 30 - 31.

Глава 2. Остракизм

1. Армянский протектор

Предстоящее назначение Красовского главой Персидской линии, как и намерение царя Николая I сохранить его во главе Ереванской провинции, а также неугомонность Нерсеса Аштаракеци в защиту национальных интересов вызвали раздражение главнокомандующего Паскевича. 3 марта 1828 "отец-командир" рапортом из Тавриза Дибичу изложил свою точку зрения о деятельности неугодных сотрудников. Относительно Красовского повторен миф о "разбитии" отрядного командира в Ошаканском сражении и потере "нравственной бодрости" его частями. Деятельность Ереванского временного правления была охарактеризована малоэффективной: "Можно утвердительно сказать, что в продолжении почти 5-ти месяцев со времени учреждения сего правления оно совершенно оставалось в бездействии, или если что-либо сделано, то по тем только предметам, в коих принимал участие один архиепископ Нерсес".¹

Паскевич счел необходимым коснуться "многих мыслей" архипастыря. Лейтмотивом деятельности Аштаракеци представлена защита интересов армянской церкви: "В бытность мою в Эчмиадзине, в разговорах с Нерсесом, я заметил в нем большую склонность к претензиям в пользу монастыря, коему, по его уверениям, принадлежали многие земли и деревни в провинции Эриванской, и я имею причину думать, что противоречия мои по сему предмету и удостоверенность, что во время моего здесь начальства он не успеет в своих видах, заставили его соединиться столь тесно с генералом Красовским и не выполнять моих приказаний насчет собрания сведений о землях и доходах".

Дав отрицательную характеристику Аштаракеци, поддерживавшего Красовского в гражданском управлении, "отец-командир" высказался за удаление его из состава временного Ереванского правления. Для усиления собственной аргументации он провел историческую параллель с положением в Грузии и Карабахе: "Насчет Нерсеса, я нахожусь в большом затруднении, политика запрещает мне устранить его совершенно от дел; между тем, если оставить при сем влиянии, то монастырские притязания будут без конца, а от них Эриванская и Нахичеванская провинции могут быть доведены до такого состояния, в каком находится Грузия, где земля в течение 25 - ти лет и ди сего времени не приведена

ещё в известность, и Карабах, где всё разобрано частными лицами, так что провинция сия не приносит казне более 15 тыс. рублей сер. дохода".²

Обвинения в адрес архипастыря завершались утверждением о необходимости устранить Красовского от должности главы Ереванского правления: "Я позволяю себе мыслить, что он в сём звании не может быть полезен".³ Обвинительный вердикт Паскевича в адрес Ереванского временного правления строился на тезисе о "совершенном бездействии".

Рапорт Паскевича сочетал в себе одновременно донос и политический компромат. Донос был направлен против Красовского, но главнокомандующий не знал как о той колоссальной работе, которую проделало Ереванское временное правление, так и то, что все данные находились в распоряжении начальника главного штаба. Паскевич знал лишь вершину проделанной работы, но не всю её массу. Во всяком случае, он страховался, списывая имевшиеся достижения на архиепископа Нерсеса Аштаракеци. Однако, резон имелся. Бывший проконсул Ермолов, не симпатизировавший ни Паскевичу, ни Красовскому, был удивлен хорошим состоянием управления Ереванской области.⁴

Политический компромат адресовался Нерсесу Аштаракеци на основе бесед 8-15 июня 1827 г. в Эчмиадзине и анализа деятельности в составе Ереванского временного правления, что позволило оформить концепцию "монастырских притязаний" Нерсеса Аштаракеци. Как глава Закавказья, "отец-командир" располагал всей прошлой и текущей информацией по управлению регионом, что позволяло анализировать и прогнозировать развитие событий. Составной частью политики самодержавия в Закавказье являлись отношения с местными конфессиями. Паскевичу приходилось уделить внимание взаимоотношениям с армянским, грузинским и мусульманским духовенством, имея возможность учитывать общее и особенное в видах Петербургского двора.

С точки зрения Паскевича "монастырские притязания" означали вмешательство церкви в управление делами светской власти. Примером являлась Грузия. Здесь еще в 1801 г. самодержавие наметало провести секуляризацию имущества церкви Восточной Грузии, что встретило противодействие католикоса Антония II, сына царя Ираклия. В 1811 г. католикос был назначен членом св. Синода и оставлен в России. Были упразднены Мцхетский и Бичвинтский католикосаты. В 1814 г. создан экзархат Грузии и Иметии, который спустя три года возглавил Феофилакт Русанов. Осуществлено описание церковного достояния. Начата политика

секуляризации, которая вызвала восстание в Гурии, Мингрелии и Имеретии в 1819-1821 гг. Противники церковной политики наказывались. Просьбы католикоса Антония II о возвращении на родину не получали удовлетворения из-за политического влияния на грузинский народ. Он умер 21 декабря 1827 г. в Нижнем Новгороде.⁵ Отсюда естественное внимание Паскевича к интересам и претензиям армянской церкви.

О содержании концепции "монастырские притязания", с точки зрения Нерсеса Аштаракеци, позволяет судить его переписка за ноябрь 1824 г. По его мнению, армянское духовенство Араратского престола являлось "пленником Ереванского сардара", который беспощадно эксплуатировался экономически. Долг Эчмиадзинского монастыря Ереванскому сардару составлял 336845 руб. 90 коп. По нему было уплачено 355363 руб. 20 коп., однако из-за процентов оставалась задолженность в 320000 руб. сер. (1,5 млн. руб. асс.).⁶ Положение Эчмиадзина являлось архикритическим за 15 веков своего существования. Поэтому Эчмиадзинский монастырь не имел права получать пожертвования от армян Российской державы, за исключением воска на освящение храма. Отсюда необходимость восстановления экономических устоев путем содействия России, которое можно было осуществить возвращением церковных деревень.⁷ В это время таковыми признавались села: Вагаршапат - 450 сем., Ошакан - 40 сем., Аштарак - 70 сем., Мугни - 20 сем., Егвард - 50 сем., Гетаргел - 20 сем., Мастара - 40 сем.⁸ Во взаимоотношениях же со светской властью Аштаракеци руководствовался принципом: Богу-богови, Кесарю-кесарево. Это означало невмешательство в распоряжения светского правления. Полем собственной деятельности признавались вопросы веры, церкви и Эчмиадзинского престола.⁹

Материальные основы армянской церкви подлежали восстановлению при христианской власти России. Армянское высшее духовенство возглавило борьбу армянского народа за освобождение Араратской страны и рассчитывало на учет собственных интересов. Справедливость этого подхода признал царизм, вернув в 1836 г. вышеуказанные церковные деревни Эчмиадзину, которые получили освобождение от государственных налогов и повинностей. В это же время один из карабахских купцов закрыл все векселя Эчмиадзинского монастыря по сардарскому долгу.¹⁰

Рапорт Паскевича от 3 марта 1828 г. был изучен начальником главного штаба. Дибич обратил внимание на тезисы корпусного командира о "разбитии" Красовского в Ошаканском сражении, что было удостоено карандашной пометы, и утрату отрядом "нра-

вственной бодрости", поставив против него помету и вопросительный знак. Все это исходило из имевшегося опыта общения с Паскевичем и знания поднаготной Ошаканского сражения. Осторожность проявлена к положению о "монастырских притязаниях" Аштаракеци. Подчеркиванию удостоилась фраза, что они "будут без конца". Сверху неё карандашом проставлено "доклад", что означало доведение мнения Паскевича до царя.¹¹ Спокойное отношение начальника главного штаба к этому утверждению шло от личного знакомства с архипастырем, при разбора взаимоотношений Ермолова-Паскевича, а также по донесениям Хачатура Лазарева. Характер помет свидетельствует о предоставлении суждений Паскевича без дополнений и пояснений, поскольку предмет спора был знаком монарху, а в случае необходимости - использовались бы собственные познания.

8 марта 1828 г. Красовский прибыл в Тифлис для лечения минеральными водами, о чем на следующий день было сообщено начальнику главного штаба Дибичу с указанием о положительной санкции главнокомандующего Паскевича. Озабоченность предстоящей войной с Османской Турцией побудила Красовского предложить усилить Ереванский отряд 2-й бригадой 20-й дивизии, казачьим полком и армянским ополчением. Армянская конница была готова в составе 500 человек. Главным острием деятельности представлялось покорение Карсской крепости, на что, при необходимости, можно было использовать осадную артиллерию в Ереване. Однако большая часть осадных пушек нуждались в ремонтном обслуживании, с чем не справились присланные мастера-вые.¹²

Военная напряженность с Османской Турцией заставила монарха внести коррективы в кадровую политику. 9 марта 1828 г. товарищ военного министра А. И. Чернышев оповестил Паскевича об конфирмации его просьбы об отказе Красовскому в предоставлении отпуска в связи с предстоящей войны с Турцией. В качестве временной меры воспринято назначение кн. Чавчавадзе главой Ереванского правления, а ген. Мерлини - главой Нахичеванской провинции. Царь предписал по возвращении Красовского из Тифлиса и вступлении в должность управление Нахичеванской провинцией предоставить Чавчавадзе.¹³

Общий оборот дела конфронтации с тандемом Красовский-Аштаракеци был для Паскевича неожиданным. Забросив все дела по подготовке к войне против Османской Турции, главнокомандующий 16 марта 1828 г. прибыл в Ереван для ревизии дел местной администрации. В "Журнале Кавказского корпуса" за 17 марта

указано об отсутствии укрепительных фортификационных перемычек: "Нашел крепость Эриванскую в том же положении, как и оставил; брешь по случаю зимнего времени не заделана". Делегация мусульманского духовенства получила удовлетворение просьбы о возвращении главной мечети: "Находя, что весьма непolitически показывать народу неуважение к его религии, я согласился на их просьбу и предложил им вспоможение для поправления мечети, они не замедлили оную принять". Рачительность к иноверческому населению главнокомандующий обосновал желанием стабилизировать отношения между "татарами" и армянами:¹⁴ "Я стараюсь поселить в магометанах привязанность к правительству, здешнее население большей частью из них состоит, ибо в Эриванской области обитают только 10000 магометанских и только 3000 армянских (семейств); предпочтение к армянам произвело здесь дурное влияние на магометан, многие из них подали мне просьбы, сие обнаруживается". В то же время положительной оценки удостоено состояние подготовки войск: "Вчера и сегодня я был у развода и нашел все в порядке: люди чисто одеты, довольно выучены и разведены были хорошо".¹⁵

Пометами Дибича удостоены сообщения Паскевича о численности этносов в Ереванской области, предоставлении преимуществ армянам и состоянии войск. Распоряжение главнокомандующего о возвращении главной мечети шло в унисон с подготовкой войны с Турцией. Положительное состояние войск говорило в пользу деятельности администрации Красовского, оставшееся же шло вразрез с волей царя о заселении Ереванской области армянским элементом. Обойдена вниманием репрессивная демографическая политика ереванских ханов по отношению к армянскому населению, выселяемому в глубь Персии и удалявшемуся в российские пределы. Не учтены данные описания населения Ереванской провинции прапорщика Кашанского и подпоручика Рубана. Игнорировано начавшееся армянское переселенчество из Азербайджана. Сознательный крен в национальных отношениях был связан с желанием заручиться поддержкой мусульманского населения в войне против Османской Турции.

Свою позицию относительно тандема Красовский-Аштаракец Паскевич развил в донесении к Дибичу от 17 марта 1827 г. Ереванское временное правление было представлено сонмом равнодушных деятелей к видам державы: "В Ереване я нашел более неустройства, нежели ожидал. - Совершенно ничего не сделано, ничего не начато, правление было отдано архиепископу Нерсесу. Жители не знают, к кому обратиться с просьбами о своих нуж-

дах. Одни Армяне, или же некоторые, имея доступ к Нерсесу, получали удовлетворение. Мусульмане же, видя предпочтение им Армян, теряют доверенность к правительству".

Виновниками создавшейся ситуации сочтены архипастырь и отрядный командир, хотя признавалась и доля собственной вины для представления объективности подхода: "Признаюсь, что, допустив Нерсеса к управлению области, я сделал большую ошибку. Я полагал, что он как человек, оказавший особенное усердие и знающий сей край, будет полезен; но мог ли я представить, что генерал Красовский до того забудет политику, что останется простым исполнителем односторонних видов архиепископа в провинции, в которой 3/4 населения составляют мусульмане и 1/4 часть армяне".¹⁶

Опираясь на декларируемое невыполнение "Общих правил для управления Эриванской областью" от 6 октября 1827 г., Паскевич удалил архиепископа Нерсеса Аштаракецки из Ереванского временного правления. При этом Дибичу эта мера обоснована необходимостью организации управления духовной частью армянской церкви. Предсказаны "новые происки" в пользу Эчмиадзинского престола и охлаждение взаимных отношений. Подтверждена точка зрения о необходимости отстранения Красовского от управления Ереванской администрацией: "Я весьма не желал бы служить с ним".¹⁷ Состояние войск сочтено в "должном порядке", лишь отмечено некоторое увеличение числа больных солдат из-за употребления необработанного риса. Запрещена деятельность театрального кружка, представители которого занимались репетициями во время военного поста.

К донесению был приложена секретная записка "О жалобах мусульман, доведенных до моего сведения посредством ереванских старшин Мамад хана, Казы Муллы Керима и Ахунда Муллы Мехти". Из неё явствовало о преимущественной раздаче пшеницы из провиантского магазина армянскому населению. Негодование вызвал слух, якобы исходящий из армян, что при нахождении оружия у мусульман оно будет отобрано. Следствием указана продажа оружия за границу, что игнорировало распоряжение Красовского о сборе различных видов оружия. Выставлены возможности "татарского" населения: "Всяких услуг можно ожидать от мусульман более, нежели армян".¹⁸ Предложено не допускать вмешательства архиепископа Аштаракецки в дела мусульман.

Состав просителей записки примечателен. Сартип (полководец) Мамад хан являлся сыном бывшего Ереванского хана, который не раз изменял присяге на верность России и желал снова обоснова-

ться в Ереване с получением имущества. Последние двое были представителями высшего мусульманского духовенства, что свидетельствовало о значительной их чувствительности к участию архипастыря в деятельности Ереванского временного правления. До приезда главнокомандующего мусульмане намерялись послать к нему депутацию в Тифлис с изложением чаяний. Свою роль, очевидно, сыграло заигрывание Паскевича в Тавризе с духовным главой Азербайджана муштеидом Ага Мир-Фетте. Высокий мусульманский сановник был взят Паскевичем в Тифлис для духовного влияния на мусульманское население региона. В случае провала миссии депутации, по словам Паскевича, мусульмане собирались просить разрешение на переселение в Турцию, либо Персию. Ситуация сочтена не отвечающей державным видам: "Область может быть привязана к правительству и довольною, и ежели теперь откроется война с Турциею, может формировать бывшие два батальона 1500 сарбазов, за верность коих отвечает сам сартип (Мамад хан); впоследствии можно будет выставить в случае 4 или 5 т. войска".¹⁹

Подачей записки Паскевич проявил себя как тактик, ставящий целью обеспечить вспомогательные мусульманские части на случай войны с Турцией при удалении архиепископа Нерсеса Аштаракеци от светских дел и отстранении его от услуг в формировании армянского ополчения. Упор ставился на использование бывших участников персидской кампании, воевавших против России, как сартип Мамад хан, но имевших боевой опыт. Наводилась тень на всю деятельность администрации Красовского, обосновывалось удаление архипастыря. Личность Аштаракеци давала возможность обыграть дискомфортность мусульманского населения при новой власти, ставшего внезапно из господствующего племени равным армянским жителям, а также позволяла свести личные счеты. В записке Дибича привлекала лишь возможность создания дополнительных частей.²⁰

Расчет Паскевича на шум вокруг деятельности администрации Красовского оказался несостоятельным, так как он не знал вначале об административном проекте, "Статистической программе" Лачинова, функционировании тарифно-таможенной части, мерах по учету населения Ереванской провинции, приведении в известность доходов сардара и общего управления бывшего ханства, о чем были осведомлены Дибич и монарх.

19 марта 1828 г. Паскевич образовал новую областную администрацию. "Правила, данные в руководство Эриванскому правлению", предусматривали областное правление в составе председа-

теля ген. м. Чавчавадзе и советников - двух военных офицеров, до назначения гражданских, в лице коменданта подп. Н. Кошкарева и майора В. Медокса. Совещательный голос имели Мелик Саак и сартип Мамад хан. Областное делопроизводство осуществлялось в канцелярии. Власть областного правления распространялась на провинции Ереванскую, Нахичеванскую, Ордубадскую и округа - Мегринский и Капанский. От второго состава Ереванского временного правления затребовано обеспечение равных отношений к армянскому и "татарскому" населению. "Окончательное учреждение" власти в Араратской стране намечалось осуществить в дальнейшем.²¹

Одновременно глава Кавказа осуществил регламентирование отношений с управляющим делами армянской церкви. 19 марта 1828 г. Паскевич направил письмо Аштаракеци N 457 с требованием предоставлять ему на предварительное утверждение содержание заграничной переписки: "Дошло до моего сведения, что Ваше Преосвященство посылаете от себя в соседственные турецкие пашалыки разные объявления и прокламации. Не сомневаюсь я, что вообще в заграничных сношениях Ваших руководствуетесь Вы тем же усердием к пользам России, которым Вы доселе относились, но как Вам не могут быть известны в полной мере предположения и политические виды правительства, а от сего могут случиться немало недоразумений, но и жалоб со стороны начальников заграничных". Предписывалось заниматься духовными делами, а при необходимости заграничной переписки - согласовывать с вышестоящим руководством: "То я и поставляюсь в обязанность Вас, милостливый государь, покорнейше просить, дабы Вы во всех тех делах, которые не относятся непосредственно до управления церковного, не приступали к никакой заграничной переписке, а предварительно доводили бы до моего сведения как причины, по коим вы признаете необходимым послать туда какие-либо бумаги, так и самое содержание сих бумаг, доставляя ко мне копии с оных; я же по соображении всех обстоятельств не замедлю всякий раз извещать Вас о моем по оным мнении".

Паскевич расставил ловушку Аштаракеци. Отказ от признания наличия заграничной переписки мог быть опровергнут с политическим выводом, а при согласии подвергнуться цензуре главнокомандующего мог - последовать тот же вывод. Свой замысел он постарался прикрыть личной заботой об интересах архипастыря: "Зная характер и правила Вашего Преосвященства, я остаюсь в полной уверенности, что Вы такие наставления мои не припишете никаким другим причинам, кроме искреннего желания моего пре-

дупредить все* неприятности, последствиями которых могли бы, от сношений Ваших заграничных по делам, до армянской церкви не относящимся, без сведения Главного в сем крае начальства".

Содержанию последних строк Паскевич уделил внимание. Первоначально вместо помеченного звездочкой было написано: "всяких неприятностей и для правительства и не соответствующего для всех, могла бы последовать, от заграничных сношений Ваших по делам светским или вообще до армянской церкви не относящимся, без сведения главного в сем начальстве".²² В этих строках более наглядно сквозила политическая угроза расправы, которая была смягчена в последующей редакции.

Неудовлетворенность расстановкой акцентов отправленного письма относительно деятельности Аштаракеци заставила Паскевича в тот же день направить к нему новое письмо за N 461. В нем отдавалось должное деятельности архипастыря в персидской кампании: "Ваше Преосвященство с самого начала войны с Персией руководствовались истинным усердием к пользам России, во всяком случае изъявляли готовность содействовать видам правительства и способствовать успехам оружия нашего влияния Вашим и внушениями между народом Армянским". Выдвинуто положение о несоответствии между духовным призванием Аштаракеци и деятельностью в Ереванском временном правлении: "Потом по покорении Эриванской провинции с ревностию, всегда Вас отличающею, Вы согласились тотчас на предложение моё участвовать в управлении сею провинциею и быть членом во временном правлении, невзирая на то, что большая часть времени Вашего должна быть посвящена попечениям об Армянской церкви".²³

Признавалось наличие представлений царю Николаю I о заслугах архипастыря. Мир с Персией обусловил присоединение Ереванской и Нахичеванской провинций к России, которые подлежали "внутреннему благоустройству". Этим объяснялась смена состава Ереванского временного правления, подчинившего своей власти Нахичеванскую провинцию с округами Мегри и Капан, члены которого должны были безвыездно находиться в Ереване. Делалось заключение о необходимости вывода из его состава Аштаракеци: "Зная, сколько Ваше Преосвященство озабочены делами собственно по управлению армянскою церковью, тем более, что за отсутствием патриарха все бремя управления дел духовных лежит теперь непосредственно на Вас, при всей уверенности моей в пользе, которую могли бы принести личное присутствие Ваше в Областном правлении, я не могу не предвидеть, что не то-

лько тягостию для Вас, но даже невозможно будет при управлении Вами делами армянского духовенства постоянно заниматься и делами мирскими по области Эриванской, и поэтому, желая в сем отношении сколько можно облегчить Вас и доставить способ свойственного Вам занятия не менее важными делами паствы народа армянского, я полагаю возможным, дабы без личного присутствия Вашего в Эриванском Областном правлении правление сие во всех случаях, в коих должно оно руководствоваться сведениями Вашими и познанием сего края, спрашивало бы Ваших советов и руководствовалось бы оными в своих распоряжениях".²⁴ Соответствующее предписание было дано Ереванскому областному правлению.²⁵

Вторым письмом Паскевич расставил все акценты по удалению Аштаракеци из управления Ереванской области, предоставив поприще духовной деятельности по управлению армянской церкви до возвращения католикоса в Эчмиадзин. Это письмо было заранее подготовлено, но, очевидно, как и первое за № 457, подверглось редактированию, что вызвало задержку в очередности и отправлении. Спешка в отправлении первого письма диктовалась предстоящим отъездом 19 марта из Еревана и желанием регламентировать деятельность Аштаракеци в качестве управляющего Эчмиадзинским престолом.

Более того, имеется еще одно письмо Паскевича к Аштаракеци за 19 марта 1828 г., № 469. Оно являлось ответом на письмо Аштаракеци от 17 марта. В нем иерарх поднял вопрос наказания настоятеля монастыря Варфоломея епископа Израиля, который противился выселению местного армянского населения в российские пределы. Обращение кн. Чавчавадзе к русскому коменданту Хоя о высылке епископа в Эчмиадзин осталось безрезультатным, так как он затребовал санкции главнокомандующего. Паскевич сообщил о запоздалости обращения к нему Аштаракеци, поскольку после заключения мира акция могла вызвать справедливые протесты правительства Персии. Обещано лишь содействие через ген. - м. Панкратьева либо принца Аббас-Мирзы, чтобы епископ Израил прибыл в Эчмиадзин для оправдания своей деятельности перед Аштаракеци.²⁶

Наличие значительной переписки между главнокомандующим и Аштаракеци свидетельствует о том, что он не горел желанием встретиться с иерархом, предпочитая визуальной встрече дистанционное урегулирование интересующей проблемы отстранения его из состава Ереванского временного правления. На ревизию правления было затрачено четверо суток, так как поступило

известие о предстоящей войне с Османской Турцией. 19 марта 1828 г. Паскевич выехал из Еревана. На окрестной каменной дороге лошадь поскользнулась, нанеся травму главнокомандующему. Поэтому он был вынужден в течение пяти дней на носилках добираться через Дилижан до Тифлиса.²⁷

20 марта 1828 г. состоялось заседание Ереванского областного правления под председательством ген. м. Чавчавадзе. Присутствовали: полк. Н. Кошкарев, майор В. Медокс, Султан Махмуд хан и Мелик Саак. Были заслушаны "Правила, данные в руководство Эриванскому временному правлению", правителя Закавказья Паскевича. Лейтмотивом являлась мысль о "совершенном бездействии" и "невнимании" к представлениям "отца-командира" со стороны первого состава Ереванской области: "В особенности удивляла его беззаботливость онаго правления насчет собрания сведений об имуществе сардарском и, вообще, о всем том, что после обретения Эриванской провинции должно составлять собственность казенную".²⁸ Вышесказанным обоснована смена руководства Ереванского временного правления. Перед новым составом поставлена задача воплотить "Правила" правительственного комитета, преобразованные корпусным командиром в 27 пунктов. Мнение главноуправляющего Кавказа принято к исполнению.²⁹

Взаимоотношения Паскевича с окружением не являлись секретом полишинеля для правящих верхов Российской державы, создавая своеобразную ауру личных и имперских видов. 16 марта 1828 г. Грибоедов, привезший Туркманчайский трактат в С.-Петербург, сообщил "отцу-командиру" о живых отголосках происходящего со стороны шефа корпуса жандармов Бенкендорфа: "Как Александр Христофорович мне о вас говорил, о Вашей кампании, о Вашем мире, о славе, о делах Ваших; ей-богу, как патриот и как истинный ваш ценитель. И заметьте, что все Ваши отношения с его братом совершенно известны, и холодность, и причины. Воля Ваша, Иван Федорович, а вы с Бенкендорфами будьте хороши, тем более, что Вы точно их любите, да бог знает, как все умели сделать наыворот с Константином Христофоровичем, который благороднейший рыцарь в свете".³⁰

Получая указания сверху Паскевич стремился при их воплощении учитывать собственные виды. Эти два момента определяли его отношение к Армянскому фактору, его тактическое воплощение к Аштаракеци и управлению Ереванской области. Державные виды стратегического порядка получили отражение в законодательных актах царя Николая I. 21 марта 1828 г. монарх подписал манифест "Об окончании с Персиею войны и о заключении ме-

жду Россией и Персией мира". Заявлено о включении "части древней Армении" - Ереванского и Нахичеванского ханств в состав Российской империи. Объявлено о приобретении выгодным миром "твердых и безопасных границ" в Закавказье.³¹

В тот же день последовал именной указ Правительствующему Сенату о создании Армянской области из бывших Ереванского и Нахичеванского ханств. Монарх принял титул "Государь Армянской области" с включением в официальный императорский титул.³² Решение не являлось плодом наития, а прошло определенный путь. Основу составили донесения Хачатура Лазарева о создании армянской государственности. Николай I учел значение Армянского фактора во внешней политике. Создание Армянской области позволяло привлечь военно-политические симпатии западных армян в ходе предстоящих боев с Османской Турцией. Закреплялось политическое и нравственное влияние России над армянским народом. Создание Армянской области, отвечавшей государственным видам и минимизировавшей интересы армянской стороны, Хачатур Лазарев воспринял как реальный политик: "Превосходная мысль!"³³

Негласный спор Красовского и Паскевича об эффективности управления Ереванской областью был продолжен в Тифлисе. 30 марта 1828 г. Красовский доложил Дибичу о принятии к исполнению его распоряжений от 29 февраля, не доведенных до сведения корпусного командира из-за сдачи должности. Измаил хан был отправлен Сипягиным в Ереван для организации "татарского" ополчения. Подтверждена "готовность" старшин курдских племен защищать державные виды России. Представлено мнение "О сформировании военной и пешей дружины в Эриванской области", наименованных царем первым армянским конным полком и Ереванским батальоном. Общая численность вспомогательных частей из Ереванской и Нахичеванской провинций, подготовленных при содействии Аштаракеци, определялась в 2 тыс. Ополчение должно было состоять из батальонов, эскадронов и рот, функционируя по окончании сельскохозяйственных работ без казенного содержания. Армянское ополчение предусматривалось расширить в военное время. Красовский отмечал: "Я до сих пор не делал сборов дружины единственно потому, чтобы не подать туркам мысли, что сие делается для приготовления войны с ними".³⁴

Отсутствие сдвига в лечении боевой раны побудило Красовского обратить внимание начальника главного штаба на использование возможностей Кавказских минеральных вод. У "благодетеля" Дибича запрошена возможность личного объяснения отно-

шений с Паскевичем.³⁵

2 апреля 1828 г. Паскевич из Тифлиса послал Дибичу подробный рапорт о бездействии ереванской администрации. Донесение от 17 марта было пополнено новыми подробностями. Представлены "Правила" от 6 октября 1827 г. об управлении Ереванской областью, данные Красовскому, и сопоставительная справка "Извлечение из дел, каким образом Правила им были исполнены". Насчитано одиннадцать заседаний Ереванского временного правления, с 8 октября 1827 г. по 21 февраля 1828 г. Заседания во временном правлении открывались записками архиепископа Аштаракети, закрепляясь положительными резолюциями Красовского. Третий член правления Бородин присутствовал лишь на пяти заседаниях - с 8 октября по 8 ноября. В текущем году отмечалось одно заседание, когда ген. - лейт. Красовский 21 февраля 1828 г. сдал должность.

Указано на отсутствие донесений Красовского относительно реализации "главной цели" правления по "водворению спокойствия и благосостояния" в крае. Данные об имуществе Ереванского сардара, полученные на основе сведений везиря Мирзы - Исмаила, признаны недостаточно достоверными. Тезис обоснован ссылкой на мнение ген.-м. Чавчавадзе. Сообщено о неисполнении требования по снабжению продовольствием войск. В вину правлению поставлена раздача преимущественно армянскому населению 4500 четвертей пшеницы для сельскохозяйственных работ. Общий запас пшеницы был оценен в 15 тыс. четвертей. Отмечено об отсутствии донесений о распространении влияния России на население, живущее за Араксом, стимулируя в них "желание покориться", а также наличие лишь переселенцев из карапапахцев и курдов. Указывалось о провале организации оплеченцев, а также об отсутствии мер по защите интересов лиц, пострадавших за верность России, и определению сословных прав.

Отрицание положительной деятельности администрации Красовского имело гипертрофированный характер. Иллюстрацией является сфера коммерции, о чем Паскевич отмечал: "Никаких распоряжений не сделано, но торг возобновился и идет довольно успешно".³⁶ Отсутствием усилий представлено установление безопасности путей сообщений с Грузией через Абаран и Дилижанское ущелье. Из пятнадцати пунктов октябрьских "Правил" лишь три сочтены более или менее выполненными. Эффективной признавалась информация о положении дел в турецких пашалыках и военных приготовлениях османов: "Сведения были доставляемы часто".³⁷ Отмечена реализация части захваченного хлопка в Тиф-

лисе, но общее его количество в Сардар-Абаде показано невыясненным. Деятельность Кульпинского солерудника сочтена налаженной. Доходов за ноябрь-март поступило 6 тыс. рублей. Из них 7 тыс. составили рахтара и доход от Кульпинского солерудника.

Политической пристрастностью обосновано удаление Аштаракеци из состава временного правления. Поднят вопрос эффективности управления Ереванским правлением Мегринского и Капанского округов, которые сочтено необходимым передать в состав Карабахской провинции. Учрежденным в Ереване и Нахичеване городским управлениям предписано действовать согласно инструкциям. Магальное управление постановлено верить бекам из армянского и "татарского" населения на основе демографического состава и "обычаев" до подготовки проекта местного устройства. В связи с этим рекомендовано использовать административный проект Красовского.

Рапорт Паскевича отразил мероприятия по улучшению деятельности Ереванского правления. Изложено содержание новых временных "Правил". Залогом их воплощения сочтен новый состав правления во главе с Чавчавадзе.³⁸

Нерсес Аштаракеци не был согласен с обвинением в политизации собственной деятельности. 7 апреля 1828 г. он направил письмо Паскевичу из Еревана, в ответ на письмо от 19 марта N 457, где отвергнул факт рассылки объявлений и прокламаций в соседние турецкие пашалыки: "Жалобы по сему предмету от заграничных турецких начальников до сведения моего не доходили; отколь избретенны были же сии сведения, я остаюсь в недоразумении". Организация и получение информации о положении в заграничных территориях осуществлялось через секретную сеть, которая на основе "Правил" 6 октября 1827 г. представлялась ген. - лейт. Красовскому.³⁹

По всей вероятности, Аштаракеци написал еще одно письмо Паскевичу о своей деятельности в Ереванском временном правлении, где аргументированно представил приведение в известность сардарских доходов. На это указывает то, что Паскевич в отношении к Дибичу от 12 апреля 1828 г. был вынужден расписаться в максимализме своих требований. Указано о высылке 5 тыс. руб. сер. из доходов Ереванской области ген.- м. Чавчавадзе на ликвидацию повреждений Ереванской крепости и экстраординарные расходы. На основе собранных сведений Паскевич пришел к выводу о текущей малорентабельности присоединенной Ереванской территории: "Провинция сия при персидском правительстве, приносившая значительный доход, может быть еще

долго не только не будет нам доставлять существенной пользы, но отягощать будет казну государственную пополнением расходов до внутреннего управления и устройства оной относящихся".⁴⁰

Паскевич вынужденно расписался в несостоятельности обвинений в адрес администрации Красовского-Аштаракеци о неприведении в известность доходов Ереванского сардара, поскольку в Закавказье была направлена финансовая экспедиция во главе с П. Д. Завилейским для изучения состояния региона. Также несостоятельным оказался прогноз Паскевича о доходности Армянской области. Поступления от Армянской области за 1828 и 1829 гг. составили 118640 руб. и 114503 руб., а в 1837 г. - 273544 руб., обеспечив треть поступления от закавказских провинций.⁴¹

Затянувшийся конфликт между Красовским и Паскевичем получил разрешение лишь при вмешательстве Николая I. 10 апреля 1828 г. Дибич направил сообщение "отцу-командиру" о высочайшей санкции на увольнение Красовского, поскольку его дальнейшее пребывание в рядах Кавказского корпуса признавалось бесполезным и наносящим "вред". Боевому генералу предоставлялось время для излечения раны.⁴²

Был дан ответ на донесение Паскевича от 17 марта 1828 г. о бездействии Ереванского правления. 11 апреля Дибич сухо отписался о его получении, закрытии конфликта по случаю войны с Османской Турцией и удалении с закавказского поприща отрядного командира: "Сего дня отъезжаю я из С. Петербурга ко второй армии и крайне сожалею, что со всем не имею достаточного времени ответить в подробности на почтительное послание Вашего Сиятельства от 17 - го минувшего марта. Касательно г. л. Красовского, вы получите отзыв мой от вчерашнего числа, в коем сообщено Вам Высочайшее разрешение на счет его последовавшего. - Предстоящий мне вояж лишает меня, к сожалению, возможности писать Вам пространно. Примите уверения в совершенном почтении, с коим имею честь быть и пр."⁴³

Тем не менее, Дибич сохранял интерес к перпетиям позиции Паскевича. Об этом свидетельствуют пометы на рапорте командира Кавказского корпуса от 2 апреля. Полному зачеркиванию удостоено положение о доминировании Аштаракеци во временном правлении с отрицательными последствиями, а именно: "Неограниченное же влияние на все дела представленное ему ген. лейт. Красовским, было одной из главнейших причин продолжавшихся в Ереванской области неустройства и неудовольствия между мусульманами".⁴⁴ Отмечено о предложении Паскевича новому составу Ереванского правления использовать материалы ад-

министративного проекта Красовского. Обширному зачеркиванию подверглись мысли Паскевича о присвоении Аштаракеци полномочий протектора армян, покровителя Эчмиадзинского монастыря, слабости Красовского как руководителя. Характер помет свидетельствует о понимании Дибичем раздутости претензий, несостоятельности амбиций Паскевича и несогласии с обвинениями в адрес Красовского и Аштаракеци.

Высшей властью было намечено решение проблемы Аштаракеци. 13 апреля 1828 г. шеф корпуса жандармов Бенкендорф направил Паскевичу отношение, с высочайшего соизволения, о приглашении архиепископа Нерсеса Аштаракеци в Бессарабию. Приглашение мотивировалось кончиной духовного главы местной епархии архиепископа Григория Захаряна и монаршим "вниманием" к проживающему здесь армянскому населению. Препровождались два соответствующих сообщения католикосу Ефрему и Нерсесу Аштаракеци: "Сколько по доказанной преданности и заслугам, сколько же опытности и знанию края, полезно, если бы Преосвященный Нерсес в возможности нашелся приехать в Бессарабию".⁴⁵ В случае же помех, связанных со здоровьем и возрастом 57-летнего иерарха, рекомендовалось назначить другого священнослужителя со знанием западноармянского языка. Запрашивался ответ для представления царю.⁴⁶

Содержание приглашения имело связь с давней политической интригой вокруг Эчмиадзинского престола. В начале 1801 г. в Тифлис вместе с католикосом кн. И. Аргутинским-Долгорукиком прибыл честолюбивый архимандрит Григорий Захарян, пользующийся доверием фамилии Лазаревых. После скоропостижной смерти католикоса архимандрит Григорий сфабриковал духовное завещание о занятии Эчмиадзинского престола Константинопольским патриархом Ованесом или епископом Давидом Коргановым. Намечалось удаление Ефрема Дзорагехци с должности главы российской епархии и её замещение архимандритом Григорием. С ведома русской администрации в Грузии, завещание поступило к правительству России. Между тем, Эчмиадзинский собор признал католикосом архиепископа Даниела. Это сдетонировало известное противостояние католикоса Даниела и лжепатриарха Давида.⁴⁷

Архимандрит Григорий бежал в Россию, где добился в 1809 г. назначения духовным главой армянской епархии Бессарабии, Молдовы и Валахии. Здесь им были оказаны услуги правительству России в ходе войны с Османской Турцией с использованием возможностей члена дивана Молдовы князя М. Манук бей. После Бухарестского мира в 1812 г. епархия была переименована в Бес-

сарабскую с пожизненным управлением Григория, которому правительство России стало выплачивать жалованье. Сюда же переселился Манук бей, который планировал создать г. Александрополь из армян соседних стран, дочь которого Екатерина вышла замуж за Хачатура Лазарева. Нерсес Аштаракеци был знаком с Григорием и посетил Кишинев в качестве нвирака, то есть сборщика добровольных приношений среди местной армянской общины. Под давлением правительства России Ефрем Дзорагехци возвел Григория в сан епископа, который правил Бессарабской епархией самовольно.

В конце 1827 г. архиепископ Григорий скончался. На его место Лазаревы наметили бывшего ректора Лазаревского училища архимандрита Серовбе (Серафим) Карнеци, знающего восемь языков, искавшего возможность стать самостоятельным епархиальным. В поисках нового поприща он прибыл в конце 1827 г. в Тифлис.⁴⁸ В марте духовное правление С.-Петербургской армянской церкви обратилось к католикосу Ефрему Дзорагехци о назначении нового духовного предводителя для Бессарабской епархии, имея ввиду главу Грузинской епархии Нерсеса Аштаракеци архиепископа, либо одного из способных священнослужителей.⁴⁹

Сохранился недатированный оригинал письма Хачатура Лазарева к Нерсесу Аштаракеци за март 1828 г. с подготовкой армянского текста, где приглашение в Бессарабию рассматривалось как средство усиления политической значимости: "Открыть личные объяснения, прямые сношения с Константинопольским армянским патриархом и другими духовными лицами сего исповедания".⁵⁰ Уделено внимание установлению личностных дружеских отношений: "Я особенно буду радоваться, если лета Ваши позволят Вам прибыть в Бессарабию, в той надежде, что буду иметь счастье лично познакомиться со столь достойным пастырем".⁵¹

До этого Нерсес Аштаракеци направил инструкцию ктитору армянской церкви Григорию Худобашеву о приеме нуция Эчмиадзинского католикоса архимандрита Фомы. Руководить Бессарабской епархией Аштаракеци не желал. Начался прием имущества покойного архиепископа Григория. Между тем глава Астраханской армянской епархии Иоаннес объявил о подчинении своей власти бывшей Бессарабской епархии.⁵²

Мартовское обращение 1828 г. церковного правления армянской церкви в С.-Петербурге, принадлежащей фамилии Лазаревых, показывает озабоченность Хачатура Лазарева конфликтом отношений Паскевич-Аштаракеци. В апрельском письме из С.-Петербурга Хачатур Лазарев поставил архиепископа Аштаракеци

в известность о предстоящем своем отбытии в г. Измаил, согласно царскому повелению, с приглашением в Бессарабию. В случае невозможности рекомендовалось возвести архимандрита Серовбе в сан епископа и послать для руководства Бессарабской епархией.

Сообщена негласная информация, поступившая якобы от лиц, прибывших из Закавказья, что архиепископ Нерсес Аштаракеци осуществлял притеснение "татарского" населения вопреки данной "Инструкции". Источник информации легко читался, поскольку Хачатур Лазарев дал дружеский совет быть "осторожным" в отношениях с Паскевичем. Указано о наименовании Араратской страны Армянской областью с включением в состав императорского титула. Предлагалось оповестить во всех армянских церквях об указе царя о создании Армянской области.⁵³

Паскевич сразу же довел сообщения, приложенные к письму Бенкендорфа от 13 апреля 1828 г., до католикоса Ефрема и архиепископа Аштаракеци. Запрошен быстрый ответ для выполнения воли монарха.⁵⁴ Сообщение для архипастыря представляло собой письмо ген. Константина Бенкендорфа. Он извещал о получении письма Аштаракеци от 27 - го февраля 1828 г. по поводу судьбы Макинского магала, которому был дан ход: "Кому нужно, я сообщил со своей стороны".⁵⁵ Предлагалось этим ограничиться, поскольку требование о возврате Макинского магала не согласовывалось с границами заключенного Туркманчайского мира. Предлагалось прибыть в Бессарабию, находящуюся на европейской границе Турции и "с другой стороны Грузии". Сообщалось об ожидании встречи с братом Александром Бенкендорфом и частых беседах с "добрым приятелем" архипастыря Хачатуром Лазаревым.⁵⁶

В письме к католикосу А. Бенкендорф просил прислать достойного духовного сановника для армян Бессарабии, который способствовал бы их "благоустроению", следуя деятельности бывшего католикоса Аргутинского - Долгорукого и архиепископа Григория. Желание видеть Аштаракеци в Кишиневе мотивировалось тем, что он обратил на себя "особенное внимание" царя. Испрашивалась санкция католикоса Ефрема на выезд архиепископа Нерсеса с поручением его дел на случай отъезда другому "способному наместнику". Все это представлялось знаком высочайшего внимания.⁵⁷ "Из сего начертания моего, Вы, Святейший патриарх, можете быть удостоверены, сколь милостливо расположен Государь Император к народу армянскому и сколь желает продолжить к нему Всемилолюбивейшее Свое благоволение".⁵⁸

Учитывая конъюнктуру момента Паскевич 28 апреля 1828 г. на-

правил отношении Нерсесу Аштаракеци об изыскании средств для нужд переселенцев. Более 1000 семейств армян из окрестностей Тавриза и 100 семейств Мараги начали выселение и частично достигли Нахичеванской провинции. К переселению готовились армяне Урмии, Салмаста и Хоя. Большинство переселенцев относились к категории бедных, не имели запасов провианта, и при расстроеном вследствие войны хозяйстве Армянской области их ожидал голод. Паскевич отмечал принятие мер по обеспечению переселенцев пшеницей до получения ими нового урожая, но положение оценивал критически. Как Армянскому областному правлению, так и Нерсесу Аштаракеци предлагалось изыскать средства помощи, ставя упор на инициативу архипастыря в этом вопросе: "В таковых затруднениях, предложил я Армянскому областному правлению, дабы оно по делам, до переселенцев касающихся, по коему вы дали первое предложение и начало, испрашивало бы ваше мнение и осведомлялось бы, находите ли вы какое-либо средство для прокормления и прочного благосостояния их переселенцев в пособиях местных и армянского духовенства".

С учетом предстоящего отъезда Аштаракеци Паскевич прорабатывал вариант участия государственного содействия. Иерарху отмечено: "Или же полагаете, что все издержки для обеспечения сих христиан от голода и для приведения их в состояние безбедное должны падать на счет правительства, вовлеченного уже по сему предмету в неопределенные расходы, и если они уже непременно должны отяготить казну государственную, о чем должны были бы предупредить меня предварительно, то, по крайней мере, в. преосв., уведомили бы немедленно, до какой степени сии издержки должны простираться и какая потребна на то сумма, дабы люди сии не потерпели от переселения и не потеряли бы времени прийти в возможность существовать собственными трудами".⁵⁹

Общим ходом переселенчества руководил полк. Лазарь Лазарев. В качестве пособия на помощь переселенцам им было получено от ген. Панкратьева 3 тыс. червонцев, которые были розданы, и требовалась новая сумма. Лазаревым было отклонено представление Ереванского областного правления о том, что "всех, не имеющих собственных средств к продовольствию, оставлять на местах".⁶⁰ Предложение сочтено антигуманным и античеловечным, тем более что правительство Персии готово было свести счеты с остающимися.⁶¹ Обращение главы Закавказья побудило Аштаракеци активно принять участие в помощи переселенцам.⁶²

Легко просчитывая последствия удаления Нерсеса Аштаракеци,

Паскевич продолжал готовить против него новые обвинения. Действуя методично и последовательно, в духе обоснования предъявленных требований, не упуская из виду сохранение благожелательности католикоса всех армян. 28 апреля 1828 г. главнокомандующий запросил у иерарха справедливости обвинения в принуждении ратников армянского ополчения к служению в течени 25 - ти лет Эчмиадзинскому монастырю, что преследовало цель документировать концепцию "монастырских притязаний".⁶³ 2 мая Паскевич в отношении к католикосу Ефрему заверил, что Эчмиадзинский монастырь будет пользоваться "совершенным спокойствием" в российских пределах, и пребывание его там будет соответствовать "видам" правительства России и пользе армянского народа. Запрашивалось время выезда.

2 мая 1828 г. "отец-командир" ответил положительно на запрос графа Дибича от 9 апреля по поводу желательности награждения католикоса Ефрема Дзорагехци алмазными знаками ордена св. А. Невского. Такая щедрая награда представлялась "особым благоволением Государя императора ко всему армянскому народу" и знаком высочайшей оценки его деятельности в ходе персидской кампании.⁶⁴ 4 мая Паскевич внес предложение в Армянское областное правление о выдаче пособий армянам-патриотам за услуги, оказанные ими русским войскам. Само по себе представление было положительным и необходимым, но ставилась цель обосновать наличие упущения первого состава Ереванского правления. Армянское областное правление выдало пособия семействам топчи Акопу Арутюнову и Оганезу Осману, которые были физически изуродованы за содействие россиянам, а также вдове Аствацатуровой, муж которой был убит за сожжение писем российских начальников.⁶⁵

7 мая 1828 Нерсес Аштаракеци ответил Паскевичу по вопросу его обвинения относительно ратников армянского ополчения. Представлен протокол дознания. Командир 2-й армянской дружины капитан Лазарев заявил архипастырю, что некоторые из ратников отказываются служить, так как срок их службы истек с заключением Туркманчайского мира. Запрошено проведение совещания с Нерсесом Аштаракеци. Оно состоялось на следующий день, где Аштаракеци заявил о предстоящем их вознаграждении графом Паскевичем за усердную службу и необходимости "терпеливо ожидать распоряжений начальства". Других заявлений не было: "Ратникам сим я никогда не предлагал служить монастырю или мне на 25 лет нисколько, и никакой надобности в службе их монастырю или мне не предполагается; ибо деревни Эчмиадзина,

закрывающие в себе почти 400 дворов, подвластны монастырю и готовы во всяких случаях исполнить все услуги онаго, но и они отчасти свободны".⁶⁶

Следует отметить трудности, с которыми сталкивался Паскевич при организации ополчения для турецкой кампании. 3 мая 1828 г. он предписал Тифлисскому военному губернатору Сипягину осуществить сбор ополчения в разных местах турецкой границы. Однако при этом было указано, на опыте персидской кампании, "что никакая милиция более месяца не может оставаться в сборе, не имея продовольствия". Поэтому было предписано генералу-интенданту отдельного Кавказского корпуса выделять для ополчения продовольствие из казны, как казачьим полкам. Продовольственное содержание начиналось спустя неделю после выступления ополчения до его роспуска.⁶⁷

Паскевич задействовал имевшиеся в его распоряжении ресурсы для улучшения состояния Гюмринской дороги как аргумента в споре об эффективности деятельности Ереванского правления. 9 мая 1828 г. Тифлисский военный губернатор Сипягин поставил его в известность, что 1 и 2 пионерные роты 8-го пионерного батальона в количестве 385 служащих выступили для ремонта дороги Код-Гюмри.⁶⁸ 2 июня Паскевич в Тифлисе письменно уведомил католикоса Ефрема Дзорагехци, о том, что в Карсский пашалык он берет с собой архимандрита Серовбе для "внушения благоприятствующих мыслей" о России местному армянскому населению. Архимандрит Серовбе являлся уроженцем Эрзерума, но имел "знакомства и связи" в этой части Турции. Предложение обосновывалось тем фактом, что после прибытия из С.-Петербурга он не был задействован по духовной части, а в Карском пашалыке мог принести "значительные пользы".⁶⁹ Тем самым командир Кавказского корпуса осуществил политическую рокировку, которая ему представлялась беспроегрешной, заменив архиепископа Аштаракеци на архимандрита Серовбе.

Неопределенность ответа Нерсеса Аштаракеци относительно выезда в Бессарабию заставила Паскевича 21 мая 1828 г. повторить его. 26 мая Аштаракеци сообщил о выезде из Эчмиадзина 4 июня через Абаран в Тифлис. Относительно выезда заявлено о желательности личной встречи, для учета совета главы Закавказья, и достижения благоденствия армянского народа.⁷⁰ В ответ Паскевич сообщил о предстоящем выезде из Тифлиса для движения с войском. Возможным местом встречи определено Гюмри. Об этом, как и об отсутствии ответа от католикоса Ефрема на вызов Аштаракеци, Паскевич 6 июня сообщил шефу корпуса жан-

дармов Бенкендорфу.⁷¹

6 июня 1828 г. начальник главного штаба направил сообщение Паскевичу о том, что император сделал из его донесений заключение об аргументированной противоположности действий Нерсеса Аштаракеци интересам России: "Действия армянского архиепископа Аштаракеци Нерсеса противны видам и пользам правительства, чему служит доказательством и самая жалоба пред сим, принесенная Вам 85-и ратниками армянского ополчения, коих Нерсес самовольно обязывал служить 25 лет в Эчмиадзинском монастыре, и таковое отступление произвело между ними смятение". Дибич передавал запрос царя о выявлении политического поведения Аштаракеци: "Все сие дает повод к заключению, что, может быть, Нерсес питает какие - либо скрытные, секретные намерения и замыслы насчет присоединенных к России областей!" Царь Николай I требовал предъявления конкретных доказательств: "Посему Его Величество желает знать мнение Вашего Сиятельства: находите ли вы справедливым вышеизъявленное заключение на счет поведения архиепископа Нерсеса".⁷²

В отношении от 13 июня Паскевич уведомил шефа корпуса жандармов Бенкендорфа о встрече с Нерсесом Аштаракеци в Гюмри. Архипастырь заявил о выполнении воли царя: "Готов отправиться в предназначенный путь".⁷³ Главнокомандующий написал вице-губернатору Тифлиса распорядиться о выдаче прогонных денег иерарху до Кишинева. Сверх этого было намечено выделить 300 червонцев на путевые издержки из экстраординарных сумм. Об этом Паскевич известил письмом Аштаракеци 13 июня, но он отказался принять их как 30 серебряников. В то же время иерарх содействовал созданию ополчения для участия в боевых действиях против Турции, в которых приняли участие Ереванский и Нахичеванский сарбазские батальоны численностью в 1500 чел., состоящие из армян и мусульман,⁷⁴ хотя его возможности после удаления из Ереванского правления стали ограниченными.⁷⁵

Запрос царя катализировал усилия Паскевича по оформлению предъявляемых обвинений архипастырю. В черновой заметке Паскевича об архиепископе Нерсесе за июнь 1828 г. был набросан план обвинения: невооружение мусульман в Ереванской области; желание переселить мусульман в Персию; консолидация армян; вмешательство руководства армянского духовенства в светские дела; показания двух "татар" из Гюмри о посылке письма Нерсесом к Карсскому Шариф аге. Относительно пункта о консолидации армян Паскевичем было указано: "Это весьма трудно".⁷⁶ От-

носителем политической деятельности и влияния Нерсеса записано: "Не хочет действовать один".⁷⁷

Архиепископ Нерсес Аштаракецци стал готовиться к отъезду. 16 июня 1828 г. из Тифлиса он письмом в Кишинев поставил в известность Артема Худобашева и Арутюна Бархударяна о получении 870 голландских червонцев из сумм, собранных нуцием Фомой. Деньги были переданы католику Ефрему Дзорагехци, который 5 июня выехал в Эчмиадзин. Относительно оставшейся суммы архипастырь намеревался отдать распоряжение по прибытии в Кишинев. Также направлено письмо Григору Худобашеву в Григориополь о необходимости предоставить ему отчет в качестве ктитора местной армянской церкви. Сообщено о предстоящем прибытии в Кишинев, поскольку был назначен царем главой "Нахичевано-Бессарабской епархии".⁷⁸

Письма свидетельствуют о понимании Аштаракецци своего отстранения от руководства армянской церкви, стремлении найти опору в Бессарабской епархии, которую он определил как Нахичевано-Бессарабскую, то есть расширил территориальные рамки. При этом насколько шатко и опасно его положение, он не понимал, ибо не отказался бы от прогонных денег и 300 червонцев, подливая масло в политический сполох.

2 июля 1828 г. Нерсес Аштаракецци направил письмо шефу корпуса о получении его пригласительного письма в Бессарабию от 13 апреля. Задержка в выезде объяснена урегулированием дел, относящихся "благоустройству" католика всех армян, и занятием переселенчества армян Персии, которое им было возложено на Араратский Синод. В Тифлисе было уделено внимание "приведению епархиальных дел в надлежащий порядок".⁷⁹ Номинальное руководство епархии было вверено епископу Симеону Бзнуни, а реальное - его помощнику Арутюну Аламдаряну, который был возведен в сан архимандрита. Заверялось, что по окончании всех дел архипастырь отправится в путь 16 июля. Все его помыслы и чаяния, как патриота и гражданина, представлялись исполненными, в реализации которых принимал царь Николай I, причем в строго выдержанной тональности: "Все пожелания мои увенчаны счастливыми успехами. Армения спасена, чада её избавлены от когтей неумолимых тиранов и со всех сторон стекаются в недра её. Где несколько времени пред сим царствовали ужасы, кровопролитие, хищничество и непрерывные притеснения, там ныне владычествует мир и спокойствие, изобилие и благоденствие - везде улыбается счастье." Утверждалось о начале возрождения нации: "Пересозданная Армения ощущает теперь новое бы-

тие, новую приязнь и со смущающимися глазами радости и восторга беспрестанно благословляет царя победителя и Августейшего помазанника е. и. в. нашего Государя императора".⁸⁰ Предрекалась скорая встреча с шефом корпуса, хотя было отмечено: "Все в руках Господа Бога".⁸¹

В тот же день письмо к А. Бенкендорфу направил католикос всех армян Ефрем Дзорагехци. В нем заявлялось о принятии к исполнению воли царя по поводу создания новой епархии в Бессарабии и сопредельных странах. В то же время обращалось внимание на необходимость пребывания Нерсеса Аштаракеци в Эчмиадзине для управления армянской церковью: "Преклонности лет моих и удрученного здоровья давно уже принудили меня возложить все дела, касающиеся до духовного начальства, на первенствующего над армянским духовенством архиепископа Нерсеса, любезнейшего сотрудника моего".⁸² Отмечалась опытность иерарха и преданность видам России.

10 июля 1828 г. из лагеря при крепости Карс Паскевич направил свое мнение на запрос царя о политическом поведении Нерсеса Аштаракеци. Формально было указано об отсутствии антиправительственной деятельности архипастыря: "Поведение сего архиепископа и все его поступки до сего времени нисколько не обнаруживали ни вредных против правительства нашего замыслов, ни же скрытных каких-либо намерений насчет областей, к России вновь присоединенных. Напротив того, при начале персидской войны и потом в продолжении оной Нерсес заявлял всегда готовность к услугам в пользу нашу и показывал приверженность к России.". В вину архиепископу вменялась амбициозность, приведшая к вмешательству в дела светской власти: "Но, отдавая ему полную справедливость в сем отношении, я не могу умолчать, что властолюбие увлекает его за пределы обязанностей звания его и сана и что он не только в духовных, но и в мирских делах желает действовать с самовластием неограниченным".

Указывалось, что великовозрастность католикоса Ефрема Дзорагехци позволила Нерсесу Аштаракеци подчинить себе управление армянской церковью, безотчетное распоряжение её доходами, согласно имеющимся частным жалобам. Однако все это представлялось частным, а главным указывалось желание Нерсеса Аштаракеци представить себя Армянским протектором: "Не довольствуясь влиянием своим на армянскую церковь, архиепископ Нерсес хочет распространить оное и на дела мирские, желая выставить себя как бы главою и начальником всего Армянского народа." В связи с этим указывалось на издание прокламаций к заграничным

армянам и осуществление связей с руководителями соседних турецких пашалыков. Доказательством указано найденное после занятия Карса письмо Аштаракеци к местному видному чиновнику Шериф -Аге-Магасбертскому. Оно было написано после объявления войны Турции, когда Паскевич запретил иметь неконтролируемую заграничную переписку, чтобы турки не разоряли население церковной деревни. По мнению же Паскевича, он представлял себя "соседом" и владельцем берег реки: "На одной стороне реки я, а на другой находитесь вы".⁸³ Из этого следовало заключение о наличии политического самолюбования, "отделяющего собственные свои выгоды от общих интересов государственных".⁸⁴ Другим фактом сочтено обращение Аштаракеци, минуя Паскевича как главы края, к управляющему духовных дел Д. Н. Блудову о награждении одного из священнослужителей.

Односторонность деятельности архипастыря представлена и в стремлении к увеличению доходов Эчмиадзинского монастыря в ущерб правительству. При отдаче в откуп Кульпинской солеломки в мае Аштаракеци заявил о предоставлении византийским императором в 629 г. третьей части Кульпинских доходов Эчмиадзинскому монастырю. Журнал присутствия Армянского областного правления от 4 июля 1828 г. позволяет выяснить, что Аштаракеци с подобной просьбой обращался в правление 23 мая, заявив об уменьшении количества каменной соли, пожалованной сардаром. По свидетельству сартип Мамад хана, сардар безденежно отпустил Эчмиадзинскому монастырю 100 вьюков каменной соли и 50 мелкой. По показанию же везиря Мирзы Исмаила, выделялось 100 вьюков каменной и мелкой соли. Областное правление постановило выделить 100 вьюков каменной и мелкой соли Эчмиадзинскому монастырю.⁸⁵ Из византийской же грамоты Паскевич сделал далеко идущий вывод: "Можно ожидать, что и по другим доходным статьям и имениям в Эриванской области возникнут таковые же древние претензии".⁸⁶

В качестве обоснования деятельности архипастыря в пользу армянской церкви представлялась записка "Сведения об архиепископе Нерсесе", хотя за точность собранных предшественниками сведений Паскевич не ручался. В ней отмечались факт учреждения Араратского Синода Аштаракеци как духовного совета, борьба за возведение на Эчмиадзинский престол Даниела и Ефрема. Причем последний был вынужден дать клятву, что будет действовать во всем согласно решениям Синода. Как глава Грузинской епархии, он получил покровительство проконсула Кавказа Ермолова, что позволило полностью выйти из-под контроля католи-

коса. Утверждалось, что в 1824 г. Аштаракеци не позволил Эчмиадзинскому духовенству избрать нового католикоса из Константинопольских иерархов. Окончательным итогом происходящего в армянской церкви после персидской кампании стал "церковный раздор" Эчмиадзина и турецких армян.⁸⁷

Обобщающий вывод Паскевича о политическом поведении архипастыря формально носил щадящий характер, которого однако надлежало удалить из региона из-за своего влияния и возможных последствий: "Изяснив таким образом мнение мое насчет архиепископа Нерсеса, я долгом справедливости побуждаюсь решительно повторить, что со стороны его вредных предприятий против правительства ожидать не можно, но вместе с тем по известным мне его качествам имею честь представить благоусмотрению Вашего Сиятельства, какие могут произойти последствия, если властолюбие архиепископа Нерсеса и невластное пристрастие по делам армянским найдет себе опору в других знатнейших лиц из сего народа".⁸⁸ Прогнозировалось уклонение армянского населения от исполнения российских законов, затруднение региональной власти по исполнению державных порядков и стремление приобрести льготный статус по примеру армянских общин внутри России. В последнем виделась главная цель деятельности Аштаракеци: "Чтобы из народа, которого все благосостояние зависит от силы и покровительства России, составить особое привилегированное сословие, пользующееся всеми выгодами нашего управления, но не хотящего подчинить себя ни общим постановлениям Российским, ни обязанностям прочим подданным е. и. в. отбываемым". Имевшие льготы армяне старались не только их сохранить, но и распространить на своих соплеменников: "Разительный тому пример представляют армяне в губерниях, по северную сторону Кавказа водворенные, которые имея в виду Высочайший указ 1808 г., убеждающий их к подчинению общим правилам и повинностям Российских подданных, не только умели до сего времени от того уклониться, опираясь на привилегии, со времен императора Петра Первого им дарованные, но и стараются к ущербу казенному вводить в свои права новых выходцев своих единоверцев, которым их прав предоставлено не было".⁸⁹ Делался неутешительный вывод: "Такого же поведения можно ожидать и от армян здешних".⁹⁰

Таким образом, Паскевич оформил деятельность Аштаракеци в политических двух концепциях - монастырские притязания Эчмиадзина и приобретение льготного статуса для армян Армянской области по примеру армянских общин внутренних губерний Рос-

сии. Если первая концепция означала для казны лишь потерю доходов и имений, то развитие второй грозило обособлением. В любом случае политическая деятельность архипастыря представлялась противоречащей интересам Российской державы.

Концепция льготного статуса армян Армянской области имела в качестве основы ряд факторов. Относительно Аштаракеци она связывалась, очевидно, с "Правилами", по созданию в январе 1828 г. в с. Вагаршапат местного самоуправления как бывшей царской резиденции Армении. В них указывалось, что по повелению католикоса и согласно законодательству Российской империи, все села и города должны иметь голову, судью и попечителя. Состав совместного суда определялся из пятерых "достойных односельчан", которые должны были избегать "пристрастия к богатым" и "не притесняли бы бедных". Инспекционной инстанцией над судом назначался член правления Эчмиадзинского престола архимандрит Иосиф, а окончательной инстанцией являлось верховное правление. Распоряжениями Аштаракеци регламентировалась деятельность суда, в том числе покарание приносителей взяток.⁹¹

Что касается армянских общин России - Кизляра, Нового Нахичевана Астрахани, Старого Крыма, Святого Креста и Армавира, то они со времен Петра Великого и Екатерины имели льготы, освобождающие их от податей, рекрутской повинности. Азиатский суд, использующий Армянский судебник, и некоторые муниципалитеты вели делопроизводство на армянском языке. Привилегии, российскими венценосцами, были необходимы для закрепления южных новоприсоединяемых рубежей. По мере расширения Российской империи они становились внутренними губерниями, и с 1808 г. самодержавие России безуспешно стремилось лишить их льгот. Дело по этому вопросу находилось в комитете министров, где защитником армян являлась фамилия Лазаревых. Заключение по этому вопросу было затребовано от Ермолова, который высказался против сохранения льгот армянским колониям. Католикос Ефрем в январе 1827 г. направил прошение царю Николаю I о сохранении прав и преимуществ армянских обществ в Астрахани и в южном крае России. Паскевич аналогично подтвердил подход предшественника.⁹² Знание этой проблемы позволило Паскевичу составить концепцию льготного статуса для армян Армянской области как главной политической цели Аштаракеци и видных деятелей армянского народа.

Между тем Аштаракеци завершил приготовления к отъезду. К 10 июля 1828 г., после проводов католикоса, он вернулся из Эчмиадзина в Тифлис. 13 июля состоялась встреча с полномочным мини-

стром России в Персии Грибоедовым. Сообщено о переселении 8 тыс. армянских семейств в российские пределы, "обезлюдении" персидских провинций Мараги, Салмаста и Хоя, финансовых потерях Тегеранского двора, составивших 1000 тыс. туманов ежегодно, или 4 курура. Запрошено содействие в урегулировании ряда проблем с оставшимся имуществом.⁹³ Конкретно переселилось 8249 семейств христиан (армян и ассирийцев), на что казной было потрачено 8 тыс. червонцев. В то же время было выделено 20 тыс. червонцев на содержание преданных России персидских ханов, в том числе мушгеида Ага-Мир-Фетте.⁹⁴ 16 июля 1828 г. архиепископ Нерсес Аштаракеци выехал в Бессарабию.⁹⁵

-
1. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3744, л. 11 об.
 2. Там же, л. 14.
 3. Там же, л. 15 об.
 4. Письма А. П. Ермолова к А. А. Закревскому. - Сборник императорского русского исторического общества. Спб., 1890, т. 73, N 218, с. 449, N 230, с. 455.
 5. Государственный исторический архив Российской Федерации (ГИА), ф. 109, оп. 221, д. 10, л. 44.
 6. Тунян В. Г. Церковная политика самодержавия в Закавказье I п. XIX в. Ер., 2005, с. 3 - 12, 25, 26.
 7. НАА, ф. 53, оп. 1, д. 12, л. 4, 6.
 8. ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 450, л. 84
 9. НАА, ф. 53, оп. 1, д. 12, л. 6, 6 об.
 10. Тунян В. Г. Восточная Армения в составе России. Ер., 1989, с. 83, 88.
 11. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3744, л. 10 - 11 об.
 12. Там же, л. 2 - 3.
 13. Там же, ф. 35, оп. 5, д. 2488 В, л. 43, 43 об.
 14. Там же, ф. ВУА, д. 4329, л. 289 об.
 15. Там же, л. 289 об, 290.
 16. Там же, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3742, л. 8.
 17. Там же, л. 8 об.
 18. Там же, л. 9.
 19. Там же, л. 19 об.
 20. Там же, л. 9 - 10.
 21. Тунян В. Г. Материалы к новой..., N 1, с. 82, 83.
 22. Тунян В. Г. Материалы об организации управления..., N 8, с. 218.
 23. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3769, л. 71 об.
 24. Там же, л. 72, 72 об.
 25. Там же, л. 72 об.
 26. ПВА, т. 2, N 264, с. 474, 475.
 27. Там же, N 269, с. 478, 479.
 28. РГВИА, ф. ВУА, д. 4334, л. 8 - 9.
 29. Там же, л. 8 - 11.
 30. Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1988, с.566.

31. Полное собрание законов Российской империи. 2 - изд. (ПСЗРИ -2).
Спб., 1830, т. 3, N 1887.
32. Там же, N 1888.
33. Тунян В. Г. Восточная Армения..., с. 15, 16.
34. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3742, л. 13.
35. Там же, л. 10 - 13,
36. Там же, ф. 35, оп. 5, д. 2488 В, л. 13.
37. Там же, л. 71 об.
38. Там же, л. 76.
39. Тунян В. Г. Материалы об организации..., N 9, с. 218.
40. ПВА, т. 2, N 274, с. 485.
41. Тунян В. Г. Административно-экономическая политика самодержавия
России в Закавказье I пол. XIX в. Ер., 2003, с. 151, 156.
42. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3744, л. 10.
43. Там же, д. 3742, л. 11.
44. Там же, ф. 35, оп. 5, д. 2488 В, л. 64.
45. АКАК, т. 7, N 207, с. 252.
46. Там же, с. 253.
47. Ерицов А. Д. Участие России в деле избрания Эчмиадзинских католи-
косов. - Кавказ. 1884, 9 мая.
48. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 13, л. 48-49.
49. РАС, N 160, с. 220 - 222.
50. НАА, ф. Архив Лазаревых, п. 106, д. 51, ед. хр.143, л. 1.
51. Там же, л. 1 об.
52. Фаньян Дж. Описание армянских документов, опубликованных в
"Трудах Бессарабской губернской ученой архивной комиссии". -
Вестник архивов Армении. 1987, N 3, с. 111, 112.
53. РАС, N 164, с. 227.
54. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 16.
55. НАА, ф. Архив Лазаревых, п. 106, д. 51, ед. хр.158, л. 1.
56. Там же, л. 1-2.
57. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского на -
рода. М., 1833, ч. 1, с. 279, 280.
58. Там же, с. 281.
59. ПВА, т. 2, N 277, с. 488.
60. Там же, N 279, с. 492.
61. Там же, с. 491 - 493.
62. Грибоедов А. С. Сочинения..., с. 578, 584.
63. Матенадаран, ф. Архив А. Ерицяна, п. 154, ед. хр. 154, л. 1.
64. АКАК, т. 7, N 207, с. 253; Собрание актов..., ч. III, с. 376, 377.
65. РАС, N 169, с. 231.
66. Матенадаран, ф. Архив А. Ерицяна, п. 154, ед. хр. 154, л. 1.
67. РАС, N 165, с. 228.
68. Там же, N 166, с. 228.
69. РГИА, ф. 880, оп. 5, д. 387, л. 8.
70. РАС, N 210, с. 254.
71. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л.16 -17.

72. АКАК, т. 7, N 209, с. 253.
73. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 18.
74. Там же, л. 18, 18 об; Собрание актов..., ч. III, с. 380.
75. РАС, N 170, с. 233.
76. РГИА, ф. 1018, оп. 3, д. 6, л. 20.
77. Там же, л. 21.
78. Фаньян Дж. Описание армянских документов..., с. 112.
79. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 20.
80. Там же, л. 20 об.
81. Там же, л. 21.
82. Там же, л. 22.
83. АКАК, т. 8, N 211, с. 256.
84. Там же, с. 254.
85. НАА, ф. 90, оп. 1, д. 10, л. 165, 168, 171
86. АКАК, т. 8, N 211, с. 255.
87. Там же, с. 256.
88. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3769, л.3.
89. Там же, л. 3, 3 об.91. ПВА, т. 2, N 240, с. 438 - 441.
90. АВПР, Гл. архив, II - 3, 1826 - 1829, д. 4, л. 15 - 16.
91. Там же, л. 18.
92. Там же, л. 20.
93. Грибоедов А. С. Сочинения..., с. 578, 584.
94. Тунян В. Г. Политика самодержавия России в Закавказье XIX - нач. XX вв. Ер., 2006, ч. 2, с. 35.
95. Иститут народов Азии Академии наук (ИНА АН), ф. 58, оп. 2, 1529, л. 7.

2. Определение статуса

Рапорт Паскевича от 10 июля 1828 г. о политической деятельности архиепископа Нерсеса Аштаракеци был прочитан царем Николаем I. Прежде чем принять решение, он ознакомился с предшествующим представлением Паскевича о награждении католикаса Ефрема Дзорагехци алмазными знаками ордена св. А. Невского. Возвеличивание главы армянской церкви царской щедростью, по замыслу "отца-командира", должно было сделать его податливым к видам правительства и удалению Аштаракеци. 22 июля 1828 г. царь Николай I подписал рескрипт о награждении католикаса орденом А. Невского с алмазными знаками. Награда была оформлена по совокупности заслуг католикаса перед Россией: "Постоянное усердие ваше к державе Российской и отличающие Вас высокие нравственные качества, коими вы приобрели всеобщую любовь вверенного духовной пастве вашей народа армянского, не перестают обращать на себя наше особенное внимание, в ознаменованье онаго, а равно и совершенного нашего к вам благоволения, всемилостивейше жалуем Вам алмазные зна-

ки ордена св. благоверного великого князя Александра Невского. Пребываем к Вам благосклонны".¹

Представление Х. Лазарева от 9 ноября 1827 г. о награждении католикаса Ефрема и архиепископа Нерсеса Аштаракеци российскими орденами за заслуги в ходе персидско-русской войны сработало. Для главы армянской церкви испрашивалось награждение орденом св. Владимира I степени либо св. Андрея Первозванного. Однако вместо высшей награды Российской империи орденом св. Андрея Первозванного Владыка удостоился получить ту же награду, что и Аштаракеци, а именно - орден св. А. Невского с девизом "За труды и отечество". Фактически одна награда означала уравнение заслуг обоих церковных сановников. Однако, если рескрипт Аштаракеци был подписан 25 января 1828 г., то рескрипт католикаса - лишь 22 июля. Дистанционирование от награждения католикаса завершилось предоставлением алмазных знаков ордена А. Невского и метаморфозой в судьбе архипастыря. Политика и заслуги деятелей сопрягались воедино в прагматизме руководства империи.

После награждения католикаса Николай I принял решение о необходимости удаления архипастыря в Россию. Однако Аштаракеци пользовался покровительством влиятельных сановников. Поэтому монарх счел в этом вопросе заручиться поддержкой начальника главного штаба как знатока Кавказа и куратора конфликта Паскевича с тандемом Красовский-Аштаракеци. 29 июля 1828 г. начальник военанной канцелярии е. и. в. граф Адлерберг сообщил Дибичу о мнении самодержца для выяснения его точки зрения: "Государь Император полагает, что за сим дальнейшее пребывание архиепископа во вновь завоеванных областях и вообще за Кавказом, может иметь вредные политические последствия и потому считает нужным вызвать его под благовидным предлогом в Россию, где оставить на жительство, назначив ему приличное содержание и почести. Его Величество желает знать по сему мнение ваше, граф Иван Иванович!"²

Николай I наметил почетную российскую ссылку архиепископу Аштаракеци. Он мог, как грузинский католикос Антоний II, оказаться в Нижнем Новгороде, либо в Калуге, как ряд последующих закавказских деятелей либо в Полтаве. Тем самым Аштаракеци лишался возможности принимать участие в управлении делами армянской церкви и оказании воздействия на армянский народ. Вся его деятельность в освобождении Араратской страны подлежала официальному пересмотру. Забвение грозило армянскому деятелю, который, как живая вода, просачивался сквозь тернии и

оживлял деятельностью всех окружающих.

Дибич в это время находился в Болгарии. Несмотря на его занятость боевыми действиями, он 12 августа 1828 г. из лагеря при крепости Шумла представил секретной запиской требуемое мнение царю о ссылке Аштаракеци в России. Без обиняков заявлялось о поддержке решения царя, но предлагалось учесть реалии политики военного времени и необходимость деликатности к национальному предводителю: "Осмеливаюсь доложить Вашему Императорскому Величеству, что я совершенно соглашаюсь в необходимости вызвать архиепископа Нерсеса в Россию под благовидным предлогом, но полагаю, что с исполнением сего нужно бы повременить до окончания войны, ибо, судя по характеру сего хитрого и властолюбивого Пастыря армянской церкви, он, без сомнения, в нынешних обстоятельствах припишет такой вызов его в Россию за знак неблаговоления к нему, и легко ожидать, что он успеет поселить в армянском народе недоверчивость к нам, что всемерно избегать должно в нынешнее военное время".³

Мнение Дибича означало необходимость занять выжидательную позицию. По форме учитывался текущий политический момент, а на деле Дибич оказывал услугу Бенкендорфу и Лазаревым. После окончания войны с Османской Турцией можно было сотворить любой суд над Аштаракеци. Доводы Дибича возобладали, и царь на записке поставил резолюцию: "Согласен". 4 сентября 1828 г. граф Дибич сообщил о представлении Паскевича относительно Аштаракеци и резолюции царя графу Адлербергу с указанием отложить этот вопрос: "Посему оставить сие до окончания войны, а тогда привести в исполнение".⁴

Между тем Аштаракеци направлялся в Бессарабию, но в Новом Нахичеване заболел.⁵ В его адрес "отец-командир" вменил новое обвинение. 30 июля 1828 г. он уведомил Армянское областное правление, что архипастырь не оказал содействие провиантом около 200 душ армянских переселенцев, прибывших в Эчмиадзин, так как монастырь не имел средств пропитания. Вновь использовалось "обещание" иерарха прокормить переселенцев. Паскевич обязал правление отдать распоряжение о выделении переселенцам продовольствия в размере солдатского пайка для мужчин, а для женщин и малолетних - полпайки. 10 августа Армянское областное правление постановило затребовать у католикоса Ефрема список бедных армян, прибывших из Азербайджана в Эчмиадзинский монастырь. Он был представлен в конце октября. В списке насчитывалось 47 мужчин, 84 женщины и 9 мальчиков.⁶

Из Нового Нахичевана Аштаракеци направился в Одессу, куда

он прибыл 10 сентября 1828 г.,⁷ но царь с императорской квартирой уже переместился на Балканский полуостров. В Одессе холодный пот прошиб архипастыря, когда в местной церкви застал гроб с телом приятеля ген. Константина Бенкендорфа,⁸ который скончался от желтой горячки. Известие об этом вызвало ликование в стане Паскевича. Грибоедов ему сообщил из Тифлиса: "Судьба не щадит ваших неприятелей ни в поле, ни в постели. Бедный Бенкендорф умер от желтой горячки. - Брат покойного не так сильно против вас ожесточен и когда-нибудь искренно с вами примирится".⁹ 12 сентября Аштаракецци направил письмо Лазареву, который находился в г. Яссы (Молдовы), о прибытии в Одессу живым и здоровым, хотя в пути три раза переболел лихорадкой. Заявлено о направлении в Кишинев, где предполагалось ожидать распоряжений шефа корпуса жандармов. Последнему было послано аналогичное сообщение.¹⁰

В середине октября 1828 г. Аштаракецци прибыл в Кишинев. Двери епископии из-за смерти архиепископа Григория были опечатаны полицией, что обусловило временную остановку у местного дьяка. "Человеколюбивый прием" в его честь был устроен братьями Григорием и Артемом Худобашевым. Архиепископ был знаком с этим семейством, особенно с Александром Худобашевым, ещё со времени персидского посольства Ермолова 1817 г.¹¹ С присущей ему энергией Аштаракецци стал устраиваться в новом местожительстве. Он вступил в конфликт с представителями потомков католика Аргутинского-Долгорукого из-за присвоения части церковных территорий, чуть ли не доведя дело до суда. Лишь вмешательство Хачатура Лазарева заставило архипастыря отказаться от разбирательства, но церковное достояние было возвращено. Начато ведение отчетности ктиторов, усилено делопроизводство, стали строиться торговые лавки в Кишиневе для получения финансовых поступлений.¹²

Налаживание управления одной епархии не могло заполнить деятельную натуру Аштаракецци. 16 октября 1828 г. он написал Бенкендорфу об исполнении повеления царя: "Прибыл в Бессарабию из отдаленной новоприсоединенной Армянской области". Поставлен вопрос вопросов: "Что мне предпринять?". В то же время изложена программа возможной деятельности. Прежде всего обращено внимание на устройство Бессарабской епархии по примеру ранее существовавшего заведования церквями и Армянской епархии в Молдавии и Валахии. Предложено вместе со статским советником Хачатуром Лазаревым заняться проблемой "внешних сношений" европейского театра противостояния Турции, "касаю-

щихся единственно к пользе настоящего положения дел", а также предоставить "некоторые соображения" относительно управления Грузии (Закавказья) и её областей. Заявлялось о непоколебимой верности Российскому престолу и деятельности в пользу империи, ожидалось попечительство от Бенкендорфа как "покровителя Армянского народа".¹³

Проблема Бессарабской епархии была актуальной. Будучи мало-мощной, имевшей 5 церквей, она была присоединена архиепископом Иоаннесом к Астраханской епархии после кончины иерарха Григория Захаряна.¹⁴ Против этого подхода выступила армянская община Бессарабии. В сентябре 1828 г. в комитет министров от неё поступило всеподданнейшее прошение о преобразовании архиерейского дома в Кишиневе в училище и богадельню, объединении армян Новороссийского края и Бессарабии в отдельную епархию с местоположением главы епархии в Одессе либо в Симферополе.

Этим самым территориальная конфигурация отдельной епархии расходилась с видением Аштаракеци. Однако инициатором создания новой епархии выступал генерал-губернатор Новороссийского края граф М. С. Воронцов, который еще со времен главноначальствующего П. Д. Цицианова служил в Закавказье и был в приятельских отношениях с Аштаракеци.

Кроме того, почти одновременно с ходатайством армянской общины в комитет министров поступило обращение Аштаракеци о предписании царя направиться в Бессарабию, который направил соответствующую выписку управляющему иностранных исповеданий графу Блудову. Постановление комитета министров гласило, что реализация предложения графа Воронцова откладывается до окончания войны с Турцией, или же, согласно решению комитета министров 1826 г., оставить в Кишиневе одно духовное управление с подчинением Астраханской армянской епархии. Предусматривалось архиерейский дом в Бессарабии предоставить для проживания Нерсесу Аштаракеци, если г. Кишинев был бы определен его местожительством. Предусмотрена выплата ему жалованья в количестве 12 тыс. левов, предоставляемого архиепископу Григорию. Прошение Бессарабского общества об обращении архиерейского дома в училище было отклонено.¹⁵

16 октября 1828 г. Аштаракеци направил письмо графу Паскевичу. В нём ставилось в известность о прибытии в Бессарабию. Понимание политической подоплеки остракизма побудило архипастыря проявить сарказм и вынести благодарность виновнику своей участи: "Ныне, совершив многотрудный дальний путь,

первою приятною обязанностию вменяю принести Вашему Сиятельству чувствительную признательность за все доводы благорасположения ко мне и в особенности за покровительство, оказываемое Эчмиадзину и всему армянскому народу, обитающему в обширной стране, вверенной главному начальству Вашего Сиятельства". Выразалась надежда на защиту главой Закавказья интересов всех переселенцев.

Сарказм письма не имел границ. В прямой форме говорилось о дутой сущности внимания Паскевича: "За внимание, равно и за назначенные к выдаче мне на проезд до Кишинева прогонных денег и за отпуск, сверх того, 300 червонцев на путевые издержки изъявляю искреннюю благодарность. От принятия оной суммы я отказался, ибо ни в коем случае не желаю отягощать правительство. Как прежде, так и ныне не получал денежных пособий и не помышлял просить об оных, но всегда ограничивал свои надобности и действия тем, что имел". Указана мотивация деятельности: "Единая цель служить Богу, Государю Императору и правительству и в воздаянии трудов и преданности умолять о праведном покровительстве сиротствующей нации". Сказанное сочтено достаточным для "отца-командира": "Не смею более обременять Ваше Сиятельство, зная Ваши разнообразные и многия занятия".¹⁶

Аштаракеци играл с огнем. Письмо представляло собой обращение равного к равному. При этом он забывал о том, что он являлся политическим высленцем, а Паскевич амбициозным правителем, слава и значимость которого лишь набирали силу. Паскевич пользовался в русской армии репутацией "бешено-храброго" военначальника, который никому не давал спуска.¹⁷

Новым штрихом в Бессарабской проблеме стало всеподаннейшее обращение католикоса Ефрема о возвращении "достойного преемника" Аштаракеци к управлению армянской церковью. Приводилась характеристика деятельности архипастыря со дня вступления на Эчмиадзинский престол Ефрема Дзорагехци, который стал его опорой. Оно сыграло особенную роль, когда из-за преследования персов католикос удалился в российские пределы Закавказья, а проконсул Ермолов стремился вернуть его в Эчмиадзин: "Один он принял меня к себе, утешил, утирал с лица моего слезы и при горестных днях старости моей оказывал мне совершенно сыновью преданность".¹⁸ Письмо отразило понимание католикосом значения Аштаракеци для управления армянской церковью и являлось выражением признательности за совместную деятельность.

Удаление Аштаракеци вызвало определенный резонанс среди

различных структур власти. 25 октября 1828 г. Паскевич направил письмо католикусу Ефрему по поводу вручения архиепископом Аштаракеци управления всеми духовными делами Грузинской епархии архимандриту Арутюну Аламдаряну, который был специально посвящен в новый духовный сан. Для главы Закавказья непонятным представлялось такое назначение, совершенное в обход старшинства духовных иерархов, а также естественно собственных полномочий, о чем он умалчивал: "Не постигаю я, по какой причине архиепископ Нерсес поручил паству свою отцу Артемию, а не другому кому из старших епископов, известных трудами и подвигами своими в народе". Запрашивалось о правомочности распоряжения Аштаракеци и соответствии духовным канонам: "Прошу покорнейше Ваше Святейшество уведомить меня, есть ли ваше согласие на таковое распоряжение архиепископа Нерсеса и можно ли закону армянской церкви допустить архимандрита управлять паствой, когда находятся в той епархии епископы с достоинствами, свойственными их сану".¹⁹ Запрос означал необходимость изменения порядка деятельности управления армянской церковью, устроенного опальным архиепископом.

25 октября 1828 г. глава управления иностранными исповеданиями граф Блудов поставил в известность Бенкендорфа о сентябрьском постановлении комитета министров по созданию новой армянской епархии и архиепископе Нерсесе. Затем последовал запрос о предложении архиепископа Нерсеса подчинить его власти епархию в составе армянских обществ Бессарабии, Молдовы и Валахии. Шеф корпуса жандармов ответил секретной запиской: "Переписка по сему предмету теперь вне моих рук, она была возложена на статского советника Лазарева, который еще не прибыл в С. - Петербург". Нейтрально указано об отсутствии политической подоплеки в перемещении архипастыря. Николай I всего лишь удалил под "благовидным предлогом" архиепископа Аштаракеци из Закавказья, где "несогласие с графом Паскевичем Эриванским вредило государственному делу", предназначив занять место усопшего главы Бессарабской епархии. Отмечено о желании монарха иметь "умного и преданного человека", который имел бы влияние на местное армянское население.²⁰ Обо всем этом был в курсе католикос Ефрем Дзорагехци.²¹ Шеф корпуса жандармов взял под свой патронаж Аштаракеци, видя в нем не разрушителя, а созидателя. Осуществляемая Бенкендорфом примиренческая функция была как - то отмечена Николаем I: "В течении одиннадцати лет он меня ни с кем не поссорил, а со многими примирил".²²

Хачатур Лазарев раскрыл сферу предполагаемых внешнеполитических занятий Аштаракеци в обзоре сведений о Турции и Персии от 26 октября 1828 г. из Кишинева для начальника главного штаба. В нем отмечался перенос военных действий России в Западную Армению. Для видов России интерес представляло армянское население Баязетского, Ванского и Мушского пашалыков. Из них наиболее зажиточными указывались армяне Баязета, а общее число армян в трех областях определялось в 60 тыс. дворов. Предлагалось продолжить консолидацию армянского населения в Армянской области при содействии руководства армянской церкви, что соответствовало бы политэкономическим интересам и укрепило границу русских владений в Закавказье: "По воззваниям Верховного патриарха всея Армении и архиепископа Нерсеса, добровольно перейдет половина или даже менее, именно до 20 - или 15 - и тысяч дворов, вследствие высочайшего соизволения в новую Армянскую область, то в таком случае произойдет ощутительно важная польза для империи. Границы её, умножившиеся населением преданных христиан, будут представлять сугубо твердый оплот".²³ Намечалось присоединение Карсского пашалыка к Армении, а Ахалцихского пашалыка - к Сомхетии (Грузинской Армении).²⁴

В то же время "отец-командир" предпринял маневр, ставящий целью успокоить растревоженное братство св. Эчмиадзина относительно церковной собственности и отъезда Нерсеса Аштаракеци, внести раскол в ряды иерархов. 9 ноября 1828 г. он направил послание в Эчмиадзин: "Высокопочтенное и знаменитое сословие духовных особ Эчмиадзинского монастыря". В нем приносилась признательность за письменное обращение по поводу успехов российского войска над Османской Турцией и горячих молитв в пользу очередных значительных побед. Главным, оданко, являлось заверение в сохранении в неизменности церковной собственности: "Не сомневаюсь так же, что знаменитое сословие духовных особ Эчмиадзинского монастыря, убежденное несколькими примерами, сколь многие народы благоденствуют под кротким и мудрым правлением Великого нашего монарха, в полной мере имеют надежду на спокойствие и безопасность от всякого насилия. Но мне приятно удостоверить Вас, что собственность Ваша и монастыря будет неприкосновенна для каждого, и Российское покровительство, покровительствующее сей Монастырь, почтет священным долгом оградить Вас силою законов и от многочисленных притеснений".²⁵

Паскевич действовал лезтью и коварством, обманывая и обеща

одновременно. Высший состав армянского духовенства не мог не знать о церковной политике самодержавия в Грузии, где армянское вероучение с 1824 г. было признано иностранным исповеданием и после присоединения Араратской страны должно было подчиняться соответствующему ведомству. Царизм стремился подчинить православное грузинское духовенство своему влиянию путем ввода жалованья, но проблема отсутствия сдвига в секуляризации являлась помехой.²⁶ Обещание оградить законом и дать собственность привело к церковному "Положению" 1836 г., создавшему механизм контроля над главой армянской церкви и предоставившему священнослужителям право собственности. В армянской церкви у всего духовенства имелась лишь своя личная собственность, которая после их кончины переходила в распоряжение Эчмиадзина. Если в тактическом плане священнослужители выигрывали в материальном аспекте, получив возможность одаривать своих родственников, то в стратегическом аспекте дело шло к подрыву нравственных и материальных устоев Эчмиадзинского престола. Добровольные приношения адресовались не на пользу конкретного лица, а всей церкви.

Кроме того, "отец-командир" определился в проводниках своего влияния в высшем управлении армянской церковью. Ими стали Серовбе, который имел лишь сан архимандрита, и старейший епископ Иоаннес Карбеци. Если первому не доставало сана епископа для того, чтобы стать значительной фигурой, то последний с 1809 г. вел соперничество с Аштаракеци за главенство в армянской церкви. Однако при этом он не отличался как духовный пастырь и воитель за св. Эчмиадзин, имел среди современников образ стяжателя, который всеми средствами стремился к обогащению. В удалении Нерсеса Карбеци видел свой шанс получить главенство в армянской церкви, естественно, при содействии главы Закавказья, но для этого надо было занять ключевую кафедру в Тифлисе и упразднить влияние сторонников Аштаракеци.²⁷ Одним из них являлся Аламдарян, который, находясь под защитой авторитета Аштаракеци, позволял себе открыто пренебрегать мнением более высокопоставленных церковных деятелей. Карбеци открыто жаловался против сложившегося порядка вещей.²⁸

2 ноября 1828 г. католикос Ефрем Дзорагехци, минуя главу региона, через Аламдаряна, направил всеподданнейшее прошение о назначении Нерсеса Аштаракеци собственным преемником. Сообщалось о наличии собственных заслуг перед Российской державой, вручении монарху себя и Эчмиадзинского престола, Синода и армянского народа. Взамен испрашивалось особое покров-

вительство архиепископу Нерсесу, разрешения вернуться ему в Эчмиадзин и быть помазанным в сан католикоса всех армян. Запрашивался высочайший рескрипт, по аналогии с собственным в 1809 г., для утверждения Аштаракеци на Эчмиадзинском престоле.²⁹

16 ноября 1828 г. католикос Ефрем ответил на запрос Паскевича относительно управления Грузинской епархией архимандритом Артемием Аламдаряном. Католикос признал факт устройства управления армянской церковью в закавказских владениях Аштаракеци перед отъездом в Бессарабию по своему усмотрению и возможность Аламдаряна быть епархиальным: "Церковные законы все одни и те же у всех христиан, достойному духовному лицу, достигнувшему тридцати лет, свободно можно поручить заведование паствою. Епархиальный архиепископ Нерсес, будучи армянского духовенства главный правитель, всегда прилагал неусыпное попечение к благоустроенному управлению, подавая собою пример всем другим армянским епископам".³⁰ Находящиеся в компетенции Аштаракеци духовные управления были вручены различным иерархам: Шемаха-епископу Минасу, Шамшадин-епископу Григорию Манучаряну, Карабах - архиепископу Саркису Джалаляну, Бамбак - епископу Аракелу. Отличающийся опытностью в управлении церковными делами, Аштаракеци отлично знал и иерархический механизм власти. По этому поводу католикос указывал: "Мог ли архиепископ Аштаракеци поступить столь несправедливо, чтобы при испытанном своем разуме и беспристрастии главную епархию, в Тифлисе находящуюся, поручить одному молодому архимандриту?". К созданному механизму управления следует отнести главенство архимандрита Иосифа в Эчмиадзинском монастыре.

Официальным руководителем Грузинской епархии был оставлен архиепископ Симеон Бзнуни, а помощником Аламдарян с санкции главы армянской церкви. Оба деятеля представлялись опытными и знающими свое дело. Католикос отмечал: "Напротив того, истина сего дела есть следующая. Архиепископ Симеон, несколько лет уже находящийся в Тифлисе, участвовавший с архиепископом Нерсесом в правлении, по нашему общему согласию и назначен первым членом Тифлисского армянского духовных дел "правления" и церковных распоряжений. Под начальством архиепископа Симеона находится и упомянутый архимандрит Артемий".³¹ В пользу такого назначения указывалась высокая образованность Артемия Аламдаряна, который закончил Лазаревскую гимназию в Москве, знал иностранные языки, исполнял дол-

жность директора Тифлисского армянского училища. Им был издан "Краткий Российско-Армянский словарь".³² Оба руководителя Грузинской епархии каждый месяц докладывали о состоянии дел Эчмиадзинскому Синоду. Этот порядок управления католикос находил оправданным и лично санкционированным: "С согласия нашего так благоразумно распорядился архиепископ Нерсес епархию, ему вверенною".

В заключение Ефрем Дзорагехци запросил попечительства Паскевича относительно Нерсеса Аштаракеци, нации и Эчмиадзина. При этом католикос во имя возвращения Нерсеса Аштаракеци, который стал для него светочем, вынужден был представиться "богомольцем" и главой церкви: "Покорнейше прошу Вас, Милостливый Государь, с сердечною уверенностью иметь вышеозначенного архиепископа Нерсеса в благорасположении Вашего Сиятельства, обращая ваше попечение на Армению и всеми её жителями, на патриарший престол, верховный монастырь всея Армении, и богомольное общество онаго вместе со мною старцем, который есмь Вашего Сиятельства, присноготовый Богомолец, всея Армении верховный патриарх Ефрем".³³

Между тем Паскевич знать не хотел Нерсеса Аштаракеци. Он развернул против него настоящую "эпистолярную" войну, протекающую на различных уровнях власти. 16 ноября 1828 г. он направил отношение к Блудову, чтобы представить политический портрет иерарха. Развивались положения отношения к царю от 10 июля и записки "Сведения об архиепископе Нерсесе". Доминирующей чертой архипастыря указывалось стремление архипастыря главенствовать в армянской церкви. Новым являлось представление событий после того, как весной 1827 г. Аштаракеци оказался в Эчмиадзине, стремился к овладению Ереванской крепости, и принял верховное управление Эчмиадзинским монастырем. Паскевич утверждал о наличии у архипастыря "неуместных настояний" и предоставлении "неточных сведений". Главнокомандующий находил: "Он достиг своей цели, и какая нужда, что он подвергал весь авангард опасности".³⁴ Защита Эчмиадзинского монастыря привела к Ошаканскому сражению и поставила под сомнение всю персидскую кампанию.

Включение Аштаракеци в состав Ереванского временного правления объяснялось видением в нем личности, преданной видам России, знающей местные особенности бывшего Ереванского ханства и местных жителей. Однако оставались невыясненными доходы сардара и казны, льготы получали армяне, возникли "древние притязания" в пользу Эчмиадзинского монастыря. Вопреки

запрету главноуправляющего региона, иерарх издавал прокламации к заграничным армянам и вел негласную переписку с некоторыми турецкими чиновниками. Паскевич пришел к выводу о необходимости удаления под удобным предлогом Нерсеса Аштаракци из управления Ереванской области.

Вновь представлялись концепции "монастырских притязаний", неуместности Ошаканского сражения и "Армянского протектора", приведшие к Бессарабскому остракизму. Их озвучивание свидетельствовало о стремлении Паскевича окончательно раздавить Аштаракци как личного противника, используя все средства в этом направлении.

Паскевич предлагал осуществить программу регламентации деятельности армянской церкви. Прежде всего намечалось оставить Аштаракци в Бессарабии без права возврата в Закавказье. Намечалось убедить католикоса Ефрема Дзорагехци действовать совместно с Эчмиадзинским Синодом, который должен был иметь воздействие на главные дела. Архимандрит Иосиф должен был быть удален от управления церковными делами Эчмиадзинским монастырем, а архимандрит Аламдарян - Грузинской епархией. Первый обвинялся в нарушении прав Синода и Эчмиадзинского духовенства, под контроль которого перешли монастырь и его сокровищница. Второй контролировал Грузинскую епархию. Против этого, якобы, были готовы восстать "почетнейшие члены" армянской церкви, но их удержал архимандрит Серовбе. Синод обязывался затребовать отчет от Аштаракци о управлении Эчмиадзинским престолом и Грузинской епархией, а также руководствоваться инструкцией об "правильном употреблении" церковных доходов. Для "образования" армянского духовенства предлагалось основание школ и училищ, сокращение числа армянских епархий и священников. Важнейшим вопросом составление "Правил" для главного управления армянского церковью, определяя тем самым прерогативы власти католикоса, Синода и епархиальных.

Программа церковной реформы носила щадящий характер, поскольку Паскевич учитывал значение Эчмиадзина в малоазиатской политике и вселенский характер: "Не должно забывать при этом, что патриарх всея Армении есть глава армянского духовенства и духовный пастырь армян во всем мире, которые считают его некоторым образом главою народа в делах светских. Если это место займет человек предприимчивый, склонный к интригам и упрямый, то при всех усилиях правительства к лучшему образованию духовного управления армянского может прибегнуть к армянам

турецким и персидским и противопоставить их благим намерениям светского начальства".³⁵

Отношение Паскевича носило программный характер, ставя целью регламентировать деятельность армянской церкви с учетом нахождения значительной части армянского народа за границей, приспособить её функционирование к нахождению в Российской империи. При этом проявлено более высокое понимание значения и особенностей высшего управления армянской церкви, связанное с изучением дел Министерства иностранных исповеданий.³⁶ Учитывались региональное видение различных конфессий и борьба против Аштаракеци, которая превратилась в идею фикс. В черновом наброске от 22 ноября 1828 г. Паскевич наметил обращение муштеида Ага-Мир Фетте к ереванским мусульманам. Отмечено, что Нерсес назначил Арутюна Аламдаряна архимандритом для управления Грузинской епархией. Подчеркнуто об удалении Аштаракеци в Бессарабию по указанию царя.³⁷ Архипастырь стал душевной занозой, недающей покоя "отцу-командиру".

Актуальность проблемы Аштаракеци подчеркнула отношение начальника главного штаба Дибича из г. Яссы от 18 ноября 1828 г. шефу корпуса жандармов. Сообщалось о получении информации относительно приезда архиепископа в Кишинев и ожидания им указаний. Это обстоятельство, по словам Дибича, потребовало сообщения о наличии доклада царю о политическом поведении Аштаракеци. Николай I санкционировал пребывание Нерсеса в Бессарабии с тем, чтобы затем "под благовидным предлогом" вызвать в Россию. Статус архиепископа сочтен определенным, означаящим ненадобность его политических услуг, но требующим деликатного отношения.³⁸ В связи с этим Дибич счел необходимым изложить свое мнение Бенкендорфу для доклада Николаю I: "Архиепископ Нерсес, оказав пред сим услуги, получил за оные высокие монаршие милости, и если опасен в Армянской области по сильному влиянию своему, то заслуживает, однако, внимательного с ним обращения, настоящий же вызов его без явной причины и благовидного поручения может быть им сочтен наказанием и оскорбит приверженных ему армян".³⁹ К своей точке зрения для монарха Дибич практически ничего не прибавил, но, раскрывая её содержание и решение царя, он продолжал интригу против Паскевича и получал в союзники могущественного шефа полиции.

"Пышное" послание Паскевича Эчмиадзинскому братству от 9 ноября 1828 г. вызвало удивление католикаса Ефрема. Получив письмо 18 ноября, он провел расследование в Синоде: "Кто имен-

но писал бумагу?"⁴⁰ Оно завершилось признанием четырех иеромонахов: Захария Бегбудова, Авраама Вагаршапатского, Гукаса Матарского и Иоаннеса Шагриарского в том, что писание "тайной бумаги" было ими осуществлено по совету архимандрита Серовбе. 30 ноября католикос сообщил Паскевичу: "Сии лица под именем и предлогом первых и значительных из сословия Монастырского дерзнули самовластно и тайно от меня, от Синода и от других честных епископов писать к Вашему Сиятельству". Под сомнением была поставлена лишь достоверность их сообщения о причастности архимандрита Серовбе, которого "мы знаем по днес сыном Монастыря, и имели во внимании".⁴¹ Католикос узнал о связи Паскевича с архимандритом, поскольку 29 сентября получил вместе с ним помощь от главы региона, но ссориться с ним не хотел. По этому поводу в письме от 30 ноября было сообщено, что поступок четырех иеромонахов вместе с Синодом был оценен как деятельность "двойных возмутителей", так как они действовали вопреки воли Эчмиадзинского братства и выставили архимандрита Серовбе зачинщиком. Иеромонахи были подвергнуты временному покаянию, а происшедшее, по совету кн. Чавчавадзе, представлено на усмотрение Паскевича.⁴² О кознях четырех иеромонахов и Серовбе было сообщено Нерсесу Аштаракеци и Хачатуру Лазареву.⁴³

О наличии напряженности между региональной властью и частью армянского духовенства было отмечено в письме главы Грузинской епархии архиепископа Симеона Бзруни от 15 декабря 1828 г. руководителю департамента личных дел внешнеполитического ведомства ст. сов. Александру Худобашеву. В нем констатировались неприязненные отношения Паскевича к ген. К. Х. Бенкендорфу, ген.-лейт. Красовскому и архиепископу Аштаракеци. Недоброжелатели архипастыря ст. с. Г. Влангели, занимающийся переводами при главноуправляющем, и архимандрит Серовбе стали использовать ситуацию. Влангели в Карсе и Ахалцихе представил Паскевичу "множество нелепостей" о Нерсесе Аштаракеци: "А как граф Паскевич имел нерасположение к нему, то и дал веры такой клевете".⁴⁴ Архимандрит Серовбе же с рекомендательным письмом Паскевича направился в Эчмиадзинский монастырь, чтобы получить сан епископа. Не достигнув желаемого, он связал свой провал с позицией Нерсеса Аштаракеци и стал утверждать среди монахов, что он больше не вернется из Бессарабии, так как Паскевич "весьма невыгодно" доложил о нем царю и министру духовных дел иностранных исповеданий. Сообщалось, что 2 ноября католикос Ефрем через архимандрита Аламдаряна на-

правил всеподданнейшее прошение относительно назначения Нерсеса Аштаракеци на Эчмиадзинский престол.

Письмо было написано по совету полк. Лазаря Лазарева. Оно было переправлено Александром Худобашевым шефу тайной полиции Бенкендорфу, а от него 11 января 1829 г. графу Блудову. Содержание письма настолько заинтересовало последнего, что он оставил копию у себя.⁴⁵

Предложения Паскевича о составлении церковных "Правил" и недопущении Аштаракеци к Эчмиадзинскому престолу были рассмотрены царем. Блудову было предписано отношению главы Южной окраины от 16 ноября 1828 г. направить на рассмотрение вице-канцлера Нессельроде как затрагивающего внешнеполитические интересы России. Ему же было отдано обращение католикоса к царю о возвращении Нерсеса Аштаракеци. Нессельроде с Блудовым решили извлечь из архива министерства иностранных дел все сведения об армянской церкви для подготовки "Правил". Оба министра сочли необходимым оставить Нерсеса Аштаракеци в Бессарабии под "благовидным предлогом", иметь контроль над его перепиской, а Паскевичу сообщить письмо-ходатайство католикоса. Главе региона поручалось установить "тайный надзор" за епископом Иосифом в Эчмиадзинском монастыре и архимандритом Аламдаряном в Тифлисе, известными как ярые сторонники опального архиепископа. Соответствующую докладную записку Нессельроде царь Николай I утвердил 25 декабря 1828 г.⁴⁶

После долгого выжидания глава Закавказья 29 декабря 1828 г. ответил на письмо Аштаракеци из Кишинева от 16 октября. Задержка с ответом была связана с занятостью более важными делами. Отвергалось обращение архипастыря о покровительстве армянской церкви как неадекватный совет: "Зная в полной мере обязанности моего звания, я не требую наставлений посторонних. Первопрестольному Эчмиадзинскому монастырю, я считаю должным оказывать ему всякое покровительство и уважение как месту, в коем сосредотачивается верховное управление армянской церкви". Отказ иерарха от 300 червонцев и прогонных денег сочтен личным делом Аштаракеци, поскольку Паскевич выделил их по смете служебных дел и не желал обременять расходами армянскую церковь. О том, чтобы Аштаракеци сам финансировал поездку, не предполагалось, поскольку он считался личностью с ограниченными возможностями: "Я не мог думать, предполагая, что для лица, по сану своему отлученного от сует и блага мирского, таковой расход не только был бы тягостен, но и невозможен".⁴⁷ Также обращено внимание на положение Аштаракеци об армян-

ском народе как "сиротствующей нации", признаваемое правильным для армян живущих в Турции и Персии, а в Российской державе они находились под покровительством царя. Отмечалось, что в лице самодержца все народы имеют "общего отца и покровителя".⁴⁸

Ответ Паскевича являлся продиктованной мерой, носящей протокольный характер, призванной запечатлеть отношения с Аштаракцами для высшего эшелона руководства России, а также не допустить его морального преимущества. Он мог, конечно, проигнорировать письмо иерарха, но желание добить всеми силами нестигаемого противника превысило. Нюансы ответа, очевидно, были подготовлены окружением главноуправляющего.

5 января 1829 г. Паскевич обратил внимание графа Блудова на желание католикоса Ефрема передать сан архиепископу Нерсесу "в виде наследства". Это желание "отец-командир" объяснял "мыслью" католикоса о наличии у Нерсеса сильной предположения, что "главная цель" иерарха заключается в стремлении стать главой армянской церкви. Паскевич открыто выступил против этой возможности как не соответствующей державным интересам: "Откровенно скажу, что назначение архиепископа Аштаракца в патриархи всей Армении, собственно для пользы России и для спокойствия сего края, допускать не должно".⁴⁹ По мнению главноуправляющего, Нерсес для собственного величия стал бы привлекать к себе видных и богатых армянских деятелей, создавая из них определенное привилегированное со словие по примеру единомышленников в Астрахани, которые хотели пользоваться всеми льготами торговли, промышленности и преимуществами дворянства, не исполняя повинностей. Другим негативным аспектом сочтено создание прецедента будущим католикосам избирать себе преемника.⁵⁰

В подходе главы Южной окраины был резон, связанный с текущей политикой самодержавия, направленной на экономическое освоение региона. С 1818 г. в Грузии правительство России стремилось ввести гильдийскую систему для купечества, подавляющее большинство которых составляли армяне. Была учреждена комиссия для определения повинностей по сословиям, деятельность которой дворянство оценило как уравнивание с другими сословиями. Созданы две тарифно-таможенные зоны. Введением льготного тарифа 1821 г. самодержавие намечало активизировать деятельность русских предпринимателей в регионе и допустило транзит европейских товаров в Персию. Вопреки политэкономическим расчетам самодержавия, в регионе усилилась роль армянских предпри-

нимателей.⁵¹ В заграничных закупках 1828 г. участвовало 23 армянских коммивояжера, привезших товаров на 1 млн. руб. сер. Сократился вывоз товаров армянским купечеством из Нижегородской ярмарки через Астрахань в Тифлис. Наглядно стала ощущаться необходимость смены торгового курса в Закавказье и защита интересов русских предпринимателей, о чем вели переписку министр финансов Канкрин и Паскевич.⁵² Аштаракец имел переписку с заграничными армянами, ставя целью воспламенить их любовью к освобожденной Араратской стране и Эчмиадзинскому престолу для возвращения на родину. Примером является восторженное письмо индийских армян от 8 февраля 1829 г. архипастырю.⁵³

В защиту Аштаракеци выступил Хачатур Лазарева. 20 декабря 1828 г. из Кишинева он представил аналитическую справку о состоянии дел в армянской церкви за ноябрь. Констатировалось, что католикос Ефрем после переезда в Эчмиадзин был озабочен проблемой передачи власти преемнику: "Чувствуя приближение кончины и желая зависящими от себя средствами упрочить безопасность Армянской области и древнего монастыря, имеющего влияние на весь армянский народ, - сей преисполненный заслугами и добродетелями, сколько для пользы России, столько же и для блага нации, решился умолять Государя Императора, чтобы епархиальный архиепископ Нерсес с Высочайшего соизволения возвратился в Эчмиадзин и как первый достойный попечительный сотрудник по общей доверенности был бы его преемником в патриаршеском престоле".⁵⁴

Выделены заслуги Аштаракеци как преемника католикоса: "Известно, что первенствующий архиепископ Нерсес в продолжении уже многих лет заведовал общим управлением всеми духовными делами, простирающимися в разных странах света. Патриарх Ефрем благодарную и признательную свою грамоту (прошение) отправил прямо в С.- Петербург, через ген. Бенкендорфа, для подписания Государю Императору, и, вероятно бумаги сии уже получили".⁵⁵

Намечен ряд мероприятий для возвращения архиепископа Аштаракеци к деятельности по благоустройству армянской церкви. Первое заключалось в назначении преемника в Бессарабской епархии, что означало политическую реабилитацию: "В цели настоящего и будущего благоустройства существенно полезно будет преосвященному Нерсесу предоставить яко уполномоченного и в сей стране распорядить все нужное, как порядок потребует, избрав и вызвав из Эчмиадзина другого архиепископа для управле-

ния Бессарабскою епархиею армян". Затем должно было после - довать представление монарху и определение политических приоритетов, в том числе, очевидно, принятие обращений к армянам Османской Турции: "Вслед за сим архиепископу Нерсесу, с Высочайшего разрешения, для личного представления Государю Императору, равно и для разных особенной важности дел по нации и по другим надобностям правительства, прибыть в С. - Петербург, а отсюда уже отправиться в Грузию и потом - в Армянскую область и Эчмиадзин".

Необходимость царского представления мотивировалась также политической значимостью руководителя Эчмиадзинского престола: "Соображаясь со многими обстоятельствами прошедших царствований, нужно и даже полезно, чтобы Верховный патриарх всея Армении был сановник, объемлющий в кругу своих действий ближайшие связи и отношения России, тем необходимо сие ныне, ибо влияние Главного патриарха на весь армянский народ может предпочтительнее и удобнее всего споспешествовать по общей стезе благоустройства".⁵⁶

Обращалось внимание на доверительное отношение масс к руководству армянской церкви: "Дознано опытом, что главная духовная власть по привязанности к религии, по любви к своей древней и первобытной отчизне и по испытанной преданности к России без принуждения, без постороннего иждивения может в нации поселить благоприятные последствия как в сугубом водворении, так и в других предприятиях". Требовалось проявление деликатности к армянскому духовенству, в том числе и архиепископу Аштаракеци, на всех уровнях власти: "Необходима токмо взаимная доверенность к духовной власти, равно и к тем от местного правительства учреждениям, кои обеспечивать будут права и законную независимость всех и каждого. Впрочем, пребывание преосвященного Нерсеса для устройства епархии в Бессарабии, хотя на короткое время, не бесполезно, тем более и по случаю продолжения турецкой кампании".⁵⁷

Хачатур Лазарев выступил трубадуром исторического величия армянского духовенства в жизни армянского народа. Аналитическая сводка представляла собой программу политической деятельности высшего руководства армянской церкви во главе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци, намечавшую усиление малоазиатской политики России и дальнейшую консолидацию армянского народа. Представление носило актуальный момент, поскольку русская армия буксовала на Балканском фронте, а Кавказский корпус приостановил наступательных действия из-за зимы.⁵⁸

На сводке карандашом проставлено карандашом "26 декабря", что означало время поступления в главный штаб к Дибичу.⁵⁹

В сводке секретных известий за 17 января 1829 г. Хачатуром Лазаревым было сообщено о наличии "раздоров" в Закавказье. После кончины Тифлисского генерал-губернатора Сипягина бразды гражданского управления перешли в руки Паскевича, который использовал новый простор для расправы с неудобными деятелями. Имели место доносы, распри и беспорядки. Доказательством приводилась часть переписки главы региона с католикомом всех армян. Согласно доносу представителя дипломатической канцелярии главноуправляющего д. с. с. Влангали архимандрита Серовбе, Паскевич 25 ноября направил письмо католикому о несоответствии распоряжения архиепископа Нерсеса по духовному управлению Грузии на время его отсутствия. Приводилась детективная история Паскевича с ответным письмом от 9 ноября Эчмиадзинскому Синоду, которое оказалось фикцией, сфабрикованной иеремонахами. Очередной донос в С. - Петербург на Нерсеса Аштаракеци был состряпан из окружения главноуправляющего Закавказья, инициатором которого являлся архимандрит Серовбе. Преследовалась цель "навредить" архипастырю, умалить его заслуги перед армянским народом и Россией. Известие об этом вызвало отрицательный резонанс среди армянского духовенства и масс, "не постигающих, каким образом, без всякого повода, без всяких причин, при многих важных заслугах и пожертвованиях"⁶⁰ архиепископ Аштаракеци был удален из Закавказья.

Хачатур Лазарев приводил данные о том, что на протяжении 28 лет начала XIX в. Аштаракеци содействовал утверждению России на Южной окраине. Между тем, его имя пользовалось популярностью среди армян России, Турции, Персии и Индии. В числе заслуг архипастыря указаны возвращение католика в Эчмиадзин, устройство Грузинской епархии и Тифлисского училища, обеспечение содержания церкви и духовенства, осуществление хозяйственной деятельности, участие в освобождении Араратской страны. Сделан обобщающий вывод об исполнении им обязанностей фактического католика: "Патриарх не по названию, но совершенно по общепользным действиям, ибо он создал то, чего не было".⁶¹ Нахождение Аштаракеци в составе Ереванского временного правления указывалось вынужденной и обоснованной мерой главы региона: "Главноначальствующий в Грузии не по желанию, но по совершенной необходимости просил архиепископа принять на себя распоряжения новою областью".⁶² Удаление Аштаракеци из временного правления характеризовалось отрица-

льным явлением: "Как скоро преосвященный Нерсес удалился, то в новоприсоединенной стране и армяне и татары стали ощущать недостатки в управлении". Около 100 семейств переселенцев возвратились в Персию. Нерсес Аштаракеци представлялся незаменимым в регионе: "Решительно заключить должно, что без архиепископа Нерсеса нет объемлющего главы, по опытности и знанию соединяющей и устраивающей все части в общее целое".⁶³

Отмечалось о падении авторитета Эчмиадзинского монастыря, который являлся связующим звеном для якобы 10-12 млн. армян. В противовес регламентационным устремлениям управления армянской церкви, Лазарев находил необходимым сохранить независимый характер: "Из многих общих видов должно более самостоятельности древней сей обители и Синода её упрочить".⁶⁴ Определяющим для конфликта между Паскевичем и Аштаракеци представлялось желание архипастыря сохранить Макинский магал за Араратской страной. Гонения на архимандрита Артемия Аламдаряна были увязаны с покровительством Сипягина. Взятие кн. Эристовым Тавриза обернулось для него нападками со стороны Паскевича. В немилости у главы Кавказа представлялись ген. Бенкендорф, Сипягин и Красовский. Отрицательной характеристики удостоился архимандрит Серовбе, воспитанный в католическом Риме и возвратившийся в лоно веры предков. Предлагалось удалить из Закавказья архимандрита Серовбе.⁶⁵

Дибич в донесении Лазарева выделил строки, относящиеся к благодарственному письму Паскевича от 9 ноября 1828 г. к Эчмиадзинскому Синоду и определению Нерсеса как "необыкновенно мудрого и доброжелательного сановника". Это свидетельствовало о несостоятельности акции Паскевича по умалению значения "защитника отечества" и высоком авторитете Нерсесе Аштаракеци, укадывающейся в концепцию "Армянского протектора".⁶⁶

Поддержка Лазаревых и Бенкендорфа обеспечила активизацию архиепископа Аштаракеци за восстановление своего реноме. Почти одновременно с письмом Паскевича от 5 января 1829 г. к руководителю иностранных исповеданий Блудову поступило и письмо от Нерсеса Аштаракеци от 21 января. В нем имелась жалоба на деятельность Паскевича, который, вопреки привилегиям, данным высочайшими грамотами, вмешивался во внутренние дела армянской церкви, оказывая доверие "наветам" Влангали-Серовбе и других лиц. Архимандрит Серовбе представлялся пролезитом, который неоднократно менял веру и, который должен был понести наказание за свои поступки. Испрашивались представления Паскевича о деятельности Аштаракеци, чтобы изложить свои зас-

луги перед Россией в деле освобождения Араратской страны, во избежание односторонности в освещении собственной деятельности. Утверждалось, что причиной неприязненного к нему отношения "отца-командира" являлось требование о возвращении Макинского магала в состав Ереванской области. Запрашивалось награждение архимандритов Иосифа и Аламдаряна, минуя главу региональной власти. К письму прилагалась переписка католикоса Ефрема с графом Паскевичем, с подтверждением сведений, имевшихся в письме архиепископа Симеона Бзнуни.⁶⁷

21 января 1829 г. Аштаракец обратился с письмом к Дибичу.⁶⁸ В нем заявлялось, что он решил прекратить молчание относительно своих отношений с Паскевичем: "Сохранял молчание и в проезд Вашего Сиятельства через Кишинев ничего не объяснял. Крайность соболезнования и ограждение духовной паствы вынуждают ныне обратиться".⁶⁹ Кратко излагалось канва 28-летней деятельности в пользу Российской державы по закреплению Закавказья и выполнению распоряжения царя о прибытии в Бессарабию. Между тем, из Закавказья поступали пасквилы, свидетельствующие об "умышленном заговоре" против Эчмиадзинского монастыря, что приводило высшее армянское духовенство в "изумление". Руководство края, вопреки привилегиям высочайших рескриптов, активно вмешивалось в распоряжения высшего армянского духовенства. Прилагалась переписка католикоса с Паскевичем, как и в случае письма, адресованного руководителю иностранных исповеданий графу Блудову.

Эчмиадзин рассматривался духовно-политическим институтом армянского народа, численность которого в различных странах мира составляла 10-12 млн. чел. Предлагалось консолидировать армянский народ: "В общепользных видах необходимо соединение сего христианского племени для империи."⁷⁰ При этом региональная власть принимала меры, вызывающие негодование армян Австрии, Турции и Персии. Итог представлялся отрицательным: "Тогда Россия и Армения потерпят, ибо не будет общей связи между правительством и между нацией, могущей оказать сугубую пользу при благоустройстве и при попечении, во взаимной выгоде клонящейся". Между тем, граф Дибич был знаком с местной спецификой и лично с Нерсесом Аштаракеци.

Положительного мнения об Аштаракеци был проконсул Кавказа Ермолов. Сам Паскевич до прибытия в Ереван в июне 1827 г. имел тоже о нем положительное мнение, который находился в авангардном отряде ген. К. Бенкендорфа. После нахождения в отряде Красовского Паскевич изменил отношение. Пред-

ставлялась распечатка личных отношений, к которым был причастен и начальник главного штаба: "По возвращении из Нахичевани за неудачи в военных действиях граф был на меня в неудовольствии за то, якобы Вашим Сиятельством по моим словам были отправлены войска в Персию, что гласно объявил". Различные порицания главнокомандующего переносились архипастырем стойко. Последний в Кульпах выявил скрытые магазины пшеницы и решил продовольственный вопрос. Тем самым отвергся тезис Паскевича о незначительной роли архипастыря в освобождении Араратской страны: "Следовательно, во многих отношениях я на доводах содействовал графу Паскевичу в персидской кампании, и в особенности, при взятии крепостей Сардарабата и Эривани".

Активной была представлена деятельность в Ереванском временном правлении: "В новопокоренной области граф назначил меня членом правления, где я и находящиеся при мне из духовных и светских лиц в полной мере споспешествовали; по очевидности могут о том свидетельствовать генерал Красовский и другие его чиновники". Созданное не было оценено: "Возвратясь из Тавриза, граф, вместо признательности, оказал мне явне недоброжелательство без малейшего повода".⁷¹ Причиной недоброжелательства Паскевича указана его конфронтация с окружением: "Единственные же причины, полагаю, в том, что я находился по делам в частных сношениях с генералами Бенкендорфом, Красовским и Сипягиным".⁷² Озвучено и значение утери Макинского магала: "В ошибке и упущении после удостоверились, что Аббас-Мирза при переговорах по сей статье обманул. Вот главные причины подозрения, вражды и даже гонений графа Паскевича, чтобы помрачить мою службу и тем ослабить ко мне доверенность".

Сложившаяся ситуация представлена опасной не для личной судьбы, а для интересов Российской державы.: "Бог поборяет за правду - в чистоте чувств и правил, не боюсь преследований тем паче, что все показания имеют основанием вымыслы и наветы, на угождениях и на других видах составленные. Опасаюсь единого, чтобы вредными мерами местного главного начальства многие Высочайшие намерения и попечения не достигнут благотворной своей цели". Острой критике подвергнуты действия тандема Влангели - Серовбе, имевших дружеские отношения еще с С. - Петербурга. После негативной характеристики прозелита Серовбе указана его бесплодность: "Везде, где сей архимандрит Се-рафим ни находился, имели сомнения и осторожность; после опытов, убедясь в его бесполезности, оставлен он был без всякого занятия".⁷³

В заключении архиепископ Аштаракеци сообщил о "невыгодном представлении" о нем со стороны Паскевича главноуправляющему иностранных исповеданий Блудову. Время должно было выявить всю несостоятельность "вероятных наветов". Для доказательства истины запрашивалось отношение Паскевича: "Благоволите оное представление мне сообщить для объяснений. Если были бы какие справедливые неудовольствия или жалобы, то невозбранно каждый мог бы оныя приносить верховному патриарху, пребывающему в продолжении семи лет в Грузии, в епархии мне вверенной. Правосудие Творца обращает в ничто все порицания". Запрашивалась справедливость у графа Дибича: "Продолжайте быть поборником армянского племени, оно считает особу Вашу в числе своих покровителей".⁷⁴

Обращает внимание близость содержания писем Аштаракеци к Блудову и Дибичу, использование аргументации Христофора Лазарева, уже известной по его донесениям, означающее его участие в их составлении. Реальная численность армянского народа была значительно меньше указываемой цифры в 10-12 млн. Так, число армян в середине сороковых годов XIX в. составляло: Османская империя - 2, 5 млн., Российская держава - 300 тыс., Персия - 40 тыс., Австрия - 22 тыс., Индия - 20 тыс.⁷⁵ Отметим, что архимандрит Серовбе в прошении царю от 12 января 1827 г. определял численность армянского народа в 5 млн. чел.⁷⁶ Также представлена проблема манипуляции власти и армянского духовенства со стороны Паскевича и его окружения, формирующей негативный образ Аштаракеци и затрагивающей интересы армянской церкви.

Аштаракеци 21 января 1829 г. адресовал подобное письмо шефу корпуса жандармов. Утверждалось о несостоятельности надежд на установление стабильного развития и порядка после войны как следствие распоряжений главной региональной власти. Раскрывались политические мотивы собственной деятельности в форме консолидации армянского народа для политэкономических видов самодержавия по закреплению Южной окранны и созданию безопасной границы: "Цель состояла в том, чтобы привлечь и соединить армян в недро древней своей отчизны, чтобы воспользоваться народным восторгом и чтобы содействиями и направлениями знатного духовенства, преимущественно главы церкви католикоса всея Армении, основать и упрочить благотворные намерения Августейшего нашего Монарха - как в заселении колоний, так в сношениях - равно и в средствах ограждения границ империи". Наличие другой установки отрицалось: "Существенная по-

льза России со времен Петра Великого, чтобы водворить армян, укоренить и сблизить с россиянами". Именно к этому нацеливали высочайшие рескрипты со времени Петра Великого: "Цель моя служить Государю и отечеству, а не генералам".

Представлена эволюция отношений с Паскевичем - от дружественного характера до враждебного: "Главначальствующий в Грузии без всякой причины, без малейшего повода, вместо признательности, за многие содействия мои с однородцами в успехе персидской кампании и во внутреннем устройстве, - сначала показывал ко мне доброе расположение, - как миновалась надобность, тогда питал тайное негодование - теперь уже явно вооружился противу меня".⁷⁷ Запрашивалось последнее представление "отца-командиру" графу Блудову для опровержения и избежания отрицательных последствий для армянской церкви: "Сколь больно вести порицание, но готов предстать и доказать истину. Прискорбнее всего то, что Эчмиадзинский монастырь, - древняя общая обитель, вкупе с армянским народом, при таковых несовместных мерах начальства, кроме неблагоприятного, ничего доброго не предвидят". Установление абсолютизма Паскевича представлялось несовместимым с нормальным развитием общества: "При упадке соревнования и национального духа весьма трудно успеть в цели общественного блага". Живая память ген. Константина Бенкендорфа приводилась в свидетельство необходимости перемен: "Отличаясь на полях Армении, герой Персии и защитник Эчмиадзина, Его превосходительство Константин Христофорович был свидетелем подвигов армян; - драгоценный прах усопшего, и многие очевидцы в том залогом". Запрашивалось покровительство шефа тайной полиции: "Нация считает особу Вашу в числе своих покровителей - убеждает о защите за истину".⁷⁸

Письмо свидетельствовало о понимании Аштаракеци политической причины удаления в Бессарабию, хотя есть противное мнение,⁷⁹ поскольку асимметрично опровергались аргументы Паскевича об "монастырских притязаниях" и достижении привилегированного статуса для армян Армянской области по примеру армянских обществ России на основе высочайших причин. Приоткрыть завесу полного знания означало раскрыть источник и подвести Бенкендорфа с Хачатуром Лазаревым. В силу чего упор ставился на представления Паскевича черствого, расчетливого и неблагодарного деятеля. Как тертые калачи, Аштаракеци - Лазарев обходили горящий угол без средств тушения.

Другим интересным моментом письма является указание Аштаракеци о готовности содействовать "заселению колоний" на гра-

ницах Империи, отражающее знание части экономической политики самодержавия. В апреле 1827 г. министр финансов Канкрин предложил царю рассматривать Закавказье колонией "южных климатов", что предусматривало производство хлопка, сахара, табака, чая, цитрусов и прочее. Полеми колониционной деятельности предусматривались территории, прилегающие к р. Аракс. Об этом с 1820 г. Аштаракец вел, очевидно, разговоры с французским консулом в Тифлисе Ж. К. Гамбой.⁸⁰ В марте 1828 г. консул рекомендовал Аштаракец своего друга маркиза де Кюрс для приобретения 2-3 тыс. десятин земли в Ереванской и Нахичеванской провинциях с целью разведения хлопковых плантаций и продажи полученного продукта во Франции. Сообщалось, что армяне, переселяющиеся из Персии и угнетаемые в Османской Турции, получают возможность заниматься разведением произведений, свойственных "древней Армении" и "в свою пользу".⁸¹ В конце 1828 г. Сипягин предложил французу Моренасу осуществить разведение индиго, кошенили, сахарного тростника, масличных деревьев и пр. на берегах Аракса.⁸² 1 марта 1829 г. Николай I утвердил записку Канкрин "О разведении в Закавказских провинциях, особенно в Эриванской области, растений жарких и тропических климатов".⁸³ Занятие сельскохозяйственным производством, по мнению Аштаракец, должно было содействовать закреплению переселенцев армян, обеспечивая их работой и хлебом насущным.

Три январских письма Аштаракец взывали о справедливости с надеждой на милосердие и провидение. Изучение всех поступивших документов от Паскевича и Аштаракец, имевших "различное" освещение одних и тех же фактов, побудило графа Блудова войти для их рассмотрения в контакт с графом Нессельроде с целью выработки единой позиции.⁸⁴

Прекращение молчания Нерсеса Аштаракец по поводу конфликта с Паскевичем перед правительственными структурами, по всей видимости, было вызвано установлением за ним секретного надзора. 8 января 1829 г. вице-канцлер Нессельроде направил сообщение генерал-губернатору Новороссийского края графу Воронцову: "Распоряжения армянского архиепископа Нерсеса по духовным делам единоплеменников его, Закавказьем живущих, а наипаче в Эчмиадзине, не во всем соответствуют предположениям правительства об армянском народе. По сему уважению Государю Императору угодно, дабы во время пребывания Нерсеса в Бессарабии имели бдительный надзор, как за поведением, связям, так и за сношениям его, при соблюдении осторожности".⁸⁵ 28 января Воронцов поставил в известность об осуществлении "бдите-

льного надзора" за Аштаракеци, "дабы он о существовании за ним надзора не мог иметь сведения".⁸⁶

Русский вельможа граф Воронцов никогда не считал своего приятеля Аштаракеци антидержавным деятелем. Он не чурался встречи с ним. Одна из встреч состоялась в Одессе, где оба предавались воспоминаниям о Кавказе, их молодости, главноначальствующих Цицианове, Гудовиче, начальнике главного штаба Дибиче и осаде крепости Еревана. В доме Воронцова Аштаракеци встечался и с другим известным кавказским деятелем графом Симоничем. В приморской усадьбе графа Воронцова одесский известный деятель Мурзакевич запросил санкцию Аштаракеци на его портрет итальянским художником.⁸⁷ При этом в кулуарах Воронцов величал Аштаракеци "азиатским-персидским хитрецом", который умел разговорить любого, не раскрывая собственной цели.⁸⁸

11 февраля 1829 г. из С.- Петербурга был получен ответ от шефа корпуса жандармов. Сжато извещалось о получении письма от 21 января и выражалось понимание трудности положения архипастыря: "Душевно разделяю неприятное положение ваше по обстоятельствам в оном изложенным".⁸⁹ Так как имелось аналогичное обращение к начальнику главного штаба Дибичу, то предлагалось дожидаться ответа и от него. Уклончивость ответа означала принятие соответствующих мер в пользу архиепископа, но решающая роль отводилась Дибичу.

Граф Дибич возглавил Балканскую армию для выправления военной ситуации и вынужден был считаться с успехами Паскевича на Кавказском театре военных действий. Выявление определенных промахов Кавказского триумфатора на данном этапе были ему на руку. Однако он предпочел не показывать личной заинтересованности. 12 февраля 1829 г. граф Чернышев направил сообщение Паскевичу о письме архиепископа Аштаракеци к Дибичу с наличием претензий в его адрес. Так как Дибич выехал на Балканский фронт, то письмо было представлено Чернышевым на усмотрение царю, который направил на заключение "отца-командира": "Е. и. в., хотя и изволит быть удостоверенным в неосновательности жалобы сего архиепископа, но не менее того, отдавая справедливость деятельности и усердию к пользам нашим, неоднократно им как прежде сего, так и в персидскую войну оказанную, желал бы иметь от Вашего Сиятельства подробное изложение причин, подавших повод к описываемому им неудовольствию, возникшему между Главным правительством нашим в Грузии и Эчмиадзинским монастырем и вообще в отношении к наро-

ду армянскому".⁹⁰ Обращение монарха и препровождение оригинала письма Аштаракеци представлялось знаком высочайшего доверия. Требовалось не допускать репрессивных мер ни к Аштаракеци, ни к его сторонникам. Николаем I было заявлено о необходимости деликатного отношения с армянским лидером и с национальными чувствами: "Необходимо оказывать в народе, недавно присоединенном к империи, некоторое наружное уважение к лицам, пользующимся его доверенностью и расположением, хотя бы они по наклонностям и характеру своему того и не заслуживали, особенно если лица сии, занимая сан высокий в порядке церковного чиноположения, тем большее имеют влияние на умы народа".⁹¹

Решение царя о новом запросе Паскевича по делу Аштаракеци свидетельствовало об эффективности протекционизма Бенкендорфа-Лазаревых и вселяло надежду на пересмотр отношения. При этом, однако, Николай I использовал выражение о "характере" архипастыря, которое шло от доклада Дибича о недопущении высылки в России "хитрого и властолюбивого Пастыря армянской церкви" до конца войны с Османской Турцией. Возникло шаткое равновесие в отношении царя, но многое зависело от позиции Паскевича. Во всяком случае, временная перемена отношения царя была достигнута.

-
1. ПВА, т. 2, N 298, с. 510.
 2. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3769, л.2.
 3. Там же, л. 7.
 4. Там же, л. 8.
 5. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 251.
 6. НАА, ф. 90, оп. 1, д. 10, л. 431.
 7. ПВА, т. 2, N 314, с. 544.
 8. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 251.
 9. Грибоедов А. С. Сочинения., с. 597.
 10. ПВА, т. 2, N 314, с. 544, 545.
 11. Фаньян Дж. Описание армянских документов..., с. 109 - 112.
 12. РГИА, ф. 880, оп. 5, д. 33, л. 13 - 14.
 13. ГИА, ф. 109, I эксп., д. 51, л. 26, 27.
 14. Варандинов П. История министерства внутренних дел. Спб., 1862, ч. 3, кн. 1, с. 170.
 15. ГИА, ф. 109, I эксп., д. 51, л. 28.
 16. АКАК, т. 7, N 212, с. 256.
 17. Письма Д. В. Давыдова к А. А. Закревскому. - РИО, т. 73, с. 545.
 18. АКАК, т. 7, N 213, с. 256.
 19. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 22, л. 31.
 20. ГИА, ф. 109, I эксп., д. 51, л. 33.

21. Там же, л. 26, 27, 33.
22. ПВА, т. 2, N 321, с. 553.
23. Там же, с. 552, 553.
24. А. Х. Бенкендорф. - В кн.: Жандармы России. Спб., 2002, с. 416.
25. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 22, л. 33.
26. ПСЗРИ - I, т. 39, N 23744, 23831.
27. Из ближайшего прошлого. - Мшак. 1895, 27 июня.
28. РАС, N 170, с. 234.
29. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 2, л. 53
30. НАА, л. 31 об, 32.
31. Там же, л. 32.
32. РО ГПБ, ф. Полторацких, п. 55, ед. хр. 2, л. 25.
33. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 22, л. 32.
34. АКАК, т. 7, N 214, с. 258.
35. Там же, с. 262.
36. Там же, с. 258.
37. РГИА, ф. 1018, оп. 3, д. 10, л. 12.
38. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3769, л. 9, 9 об.
39. Там же, л. 9 об.
40. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 22, л. 34.
41. Там же, л. 34 об
42. Там же, л. 34 - 35.
43. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3769, л. 10.
44. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 30.
45. Там же, л. 34 - 37.
46. АКАК, т. 7, N 215, с. 262, 263.
47. АКАК, т. N 217, с. 263.
48. Там же, с. 264.
49. Там же, N 219, с. 265.
50. Там же, с. 264, 265.
51. Тунян В. Г. Административно -экономическая политика самодержавия в Закавказье I пол XIX в. Ер.,2003, с. 120, 140-143, 174, 175.
52. Тунян В. Г. Политика самодержавия России в Закавказье XIX - нач. XX вв. Ер., 2006, ч. 2, с. 66, 67.
53. ПВА, т. 2, N 340, с. 574, 575.
54. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3707, л.106.
55. Там же, л. 106, 106 об.
56. Там же, л. 106 об, 107.
57. Там же, л. 107.
58. Тунян В. Г. Россия и Армянский вопрос. Ер., 1998, с. 30, 36.
59. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3707, л.106.
60. Там же, д. 3769, л. 12 об.
61. Там же, л. 13 об.
62. Там же, 13 об, 14.
63. Там же, л. 14.
64. Там же, л. 14 об.
65. Там же, л. 14 об, 15.

66. Там же, л. 12.
67. РГИА, д. 821, оп. 140, д. 2, л. 54, 54 об.
68. РГВИА, ф. 1, по. 1, ч. 2 а, д. 3769, л. 26 - 29.
69. Письма архиепископа Нерсеса (впоследствии католикоса) к А. Х. Бенкендорфу. - Кавказский вестник. 1901, N 3, с. 152.
70. Там же, с. 153, 154.
71. Там же, с. 154.
72. Там же, с. 154, 155.
73. Там же, с. 155.
74. Там же, с. 156.
75. Тунян В. Г. Россия и Армянский вопрос..., с. 44.
76. Манукян Е. Процесс национальной консолидации армянского народа в Восточной Армении в конце 20 - х - начале 30-х годов XIX в. Ер., 2005, с. 70. - На арм. яз.
77. Письма архиепископа Нерсеса..., с. 157.
78. Там же, с. 158.
79. Мхитарян М. Лазаревский архив Матенадарана. - Вестник Матенадарана. 1960, N 5, с. 352. - На арм. яз.
80. Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1838, ч. II, с. 49, 51.
81. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 59, ед, хр. 558, л. 1 - 2.
82. Тунян В. Г. Административно-экономическая..., с. 150, 161, 162.
83. ПСЗРИ - II, т. 4, N 2706.
84. РГВИА, д. 821, оп. 140, д. 2, л. 54, 54 об.
85. АВГР, ф. Армянские дела, 1828-1830, д. 4, л. 12, 12 об.
86. Там же, л. 86 об.
87. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 254, 255.
88. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 390, л. 377.
89. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3769, л. 21.
90. Там же, л. 21 об.
91. Там же, л. 82.

3. Сюрпяс

28 февраля 1829 г. директор департамента иностранных исповеданий Блудов представил доклад царю "О неурействах в церковном управлении Армянской области". Он был построен на изложении различных точек зрения и подхода департамента. В начале излагалось мнение Паскевича, утверждавшего, что главной причиной расстрейства в управлении армянской церкви является архиепископ Аштаракеци, который подчинил своему влиянию католикоса и получил его согласие на унаследование патриаршей власти. Приводились соответствующие выдержки из донесений "отца-командира", построенные на известных постулатах о деятельности Нерсеса в ходе персидской кампании, которую он чуть не провалил, ведении заграничной переписки и издании проклама-

ций к зарубежным армянам. Во внутреннем управлении Аштаракеци представлялся "Армянским протектором" и защитником "неосновательных претензий" Эчмиадзинского монастыря. Паскевич под "благовидным предлогом" удалил Аштаракеци в Бессарабию, но тот продолжал управлять Эчмиадзинским престолом через своих уполномоченных архимандрита: Иосифа и протоиерея Аламдаряна. Итогом представлялись раздоры внутри Синода, необразованность простых священнослужителей и падение уважения среди масс. Перечислялись меры уже известного проекта церковной реформы Паскевича, призванные сохранить влияние Эчмиадзинского престола над заграничными армянами. Отмечалась поддержка Нерсеса Аштаракеци при Петербургском дворе и его желание составить из армян "привилегированное сословие". Главным представлялось нежелание главы региона видеть Нерсеса Аштаракеци католиком всех армян как не соответствующее интересам Российской державы.

По представлениям Паскевича отмечены совещания с вице-канцлером Нессельроде, которые завершились принятием "мер осторожности": 1) установлен тайный контроль над людьми, "подозрительными" с точки зрения главы региональной власти; 2) начат сбор архивных сведений в Министерстве иностранных дел об устройстве армянской церкви и из различных книг об Армении. Извлеченная информация свидетельствовала почти всегда об избрании католика с древних времен с согласия других епархий. Помимо этого, требовалась санкция той или иной державы. Католику Ефрему, как неутвержденному фирманом султана Турции, не повиновались армяне Константинополя. Из собранных сведений намечалось составить "Проект Устава Армянской церкви" в национальном духе. Блудов отмечал: "В коем, как я имею думать, должно стараться по возможности сохранить все древние постановления и обычаи, без сомнения, драгоценные народу".¹ Всю одобренную информацию намечалось проверить в Армянской области.

Приводились обращение католика Ефрема о назначении архиепископа Нерсеса своим преемником и его возвращении в Эчмиадзин, а также письмо главы Тифлисской епархии Симеона Бзнути о недоброжелательном отношении Паскевича к Аштаракеци из-за его дружеских связей с ген. К. Бенкендорфом и А. Красовским, подстрекательской деятельности архимандрита Серовбе (Серафима), приведшее к фабрикованию письма от Эчмиадзинского Синода и соответствующей реакции католика.

Был представлен подход Аштаракеци, изложенный в январ-

ском письме 1829 г. Главной причиной конфликта с Паскевичем указывалась проблема сохранения Макинского магала за Ереванской областью. Указывались гонения на архимандритов Иосифа и Аламдаряна, запрашивалось представление Паскевича. Прилагалась переписка католикоса с главой региона относительно Аштаракеци.

Наличие противоречий в аргументах Паскевича и Аштаракеци заставили графа Блудова начать новые контакты не только с вице-канцлером Нессельроде, но и начальником главного штаба Дибичем. Сформировался консенсус по делу Аштаракеци относительно правоты сильнейшего в личностном конфликте: "Прав не прав, но виноват". Блудов указывал: "Они согласно со мною находят, что хотя и нельзя определить, до какой степени достоверны дошедшие слухи до графа Паскевича-Эриванского о Нерсесе и не имелось в самом деле влияния на мнение его о сем архиепископе внушения личных его врагов, но что при столь явном его раздоре с Главнначальствующим было бы все равно противно и приличиям и пользам управления в новоприсоединенном к государству крае поставить их в необходимость иметь беспрестанные сношения по службе".²

Достигнуто взаимопонимание в вопросе сохранение порядка выборов католикоса в условиях нахождения Эчмиадзинского престола в составе Российской империи: "Присвоение патриархом права назначать себе преемников ни в каком случае допускать не должно, а надлежит стараться восстановить порядок избрания патриарха, сообразный с древними правилами и обычновениям церкви армянской, и только применить оный к настоящему положению Армении".³ Необходимость иметь во главе армянской церкви популярную личность обоснована политическими интересами России, которая содействовала бы в течение времени признанию примата Эчмиадзина со стороны турецких армян. Такой личностью не признавался Нерсес Аштаракеци: "Сего по ненадежному характеру Нерсеса едва ли можно ожидать от назначения его в преемники Святейшего Ефрема". Определена необходимость деликатного отношения к опальному архипастырю и использования лукавой тактики сохранения иллюзии по возможности занятия Эчмиадзинского престола: "С другой стороны в сношениях с Нерсесом, как с человеком, имеющим много друзей и приверженников между армянами, должно наблюдать крайнюю осторожность, стараясь по возможности не раздражать его самолюбия и даже не лишая его совершенно надежды быть патриархом после смерти нынешнего".⁴

На основе состоявшегося совещания граф Блудов для организации деятельности армянской церкви предложил три значительные меры. Первая мера намечала отвергнуть прошение католикоса Ефрема о назначении преемника и продолжить деятельность на пользу нации и самодержца. Вторая мера предлагала заверить архиепископа Нерсеса Аштаракеци в "проверенном доброжелательстве" и правосудности власти, - "Государь правосудный во всяком случае взирает на дела, а не на лица",⁵ - необходимости присутствия в Бессарабии по состоянию местных армян, в том числе занятых русской армией Молдовы и Валахии; оказании "новых услуг" воздействием на армян Европейской Турции. Третья мера предусматривала направить графу Паскевичу-Эриванскому все собранные сведения об управлении армянской церкви, пополнить их, чтобы начать разработку "Устава армянской церкви". Паскевичу предложено проверить действительность предания о возложении руки св. Григория, просветителя армян, при посвящении нового католикоса, рассмотреть возможность возврата исключительного права мирования Эчмиадзину, присвоенного патриархом Сиса (Киликии), чтобы обеспечить признание со стороны турецких армян. От главы Южной окраины намечалось получить сведения о вероятных проправительственных кандидатах на Эчмиадзинский престол, чтобы поддержать их среди армянского духовенства, уменьшить влияние архимандритов Иосифа и Аламдаряна посредством католикоса, затребовав от них отчета в истраченных суммах, в том числе и от Нерсеса, приведения в известность вверенного имущества и доходов, тем более что они могли быть захвачены армянским духовенством.

В случае одобрения представленной программы мер по "устройству" армянской церкви глава департамента иностранных исповеданий обязывался приступить к их реализации.⁶ Доклад Блудова был возвращен 5 марта 1829 г. На нем стояла резолюция Николая I: "Совершенно согласен".⁷

11 марта 1829 г. Блудов представил монарху заготовленные проекты по реализации представленной программы действий: рескрипт к католикосу Ефрему в ответ на просьбы о назначении преемника; отношение к архиепископу Нерсесу Аштаракеци; отношение к графу Паскевичу-Эриванскому со списком вопросов относительно управления армянской церкви. Предложено не отправлять письмо архиепископа Бзнуни Паскевичу, поскольку оно было получено конфиденциально от шефа копруса жандармов, а также повторяло обращение Нерсеса Аштаракеци. Главным же сочтено нежелание дать "новый повод" для конфликтов и обра-

щений к высшей власти. Царь 12 марта выразил согласие, кроме первой меры.⁸ Паскевич был взят под монаршую защиту.

12 марта 1829 г. граф Блудов направил письмо архиепископу Аштаракеци, где отмечал о его отношениях с Паскевичем и предстоящем служебном поприще. Задержка с ответом на письмо от 21 января обосновано продолжающейся болезнью и важными делами. Наличием "первой свободной минутой" представлена возможность рассеять имеющиеся "опасения" иерарха: "Смею думать, что они напрасны. Мне с точностью неизвестно состояние и свойство сношений Ваших с графом Паскевичем-Эриванским". Явно скромничая, умаляя свою роль, Блудов стремился отвести от себя любые ожидания: "Я даже не могу и входить в рассмотрение оных, как почти не касающихся до части мне вверенной во всех своих действиях". Воздавалось должное архипастырю: "Но как вы, конечно, во всех своих действиях руководствовались желанием общей пользы и соблюдали должное уважение к Главному высочайшею волею поставленному начальству края, то можете быть совершенно спокойны и без всяких дальнейших объяснений, Государь Император знает усердие Ваше к нему, преданность Вашу к России".⁹

Такой подход объяснен существующим правопорядком в империи: "Сверх того, осмеливаюсь присовокупить, никакая жалоба не принимается нашим правительством без рассмотрения. Монарх правосудный взирает на дела, а не на лица, и Государь Император, с отличающею Его твердостью, строго, во всяком случае, следует сему непреложному правилу". Заверялось в неизменности подхода: "Вы, Милостливый Государь, с одной стороны, продолжая действовать на пользу службы е. и. в. и соображая при том все поступки ваши, с порядком законами предписанными, можете быть удостоверены не только в справедливости, но и в продолжении благоволения, коего были удостоиваемы".¹⁰

Определялся круг занятий, которые оставались неизменными со времени вызова из Армянской области, в ходе очередной военной кампании с Османской Турцией: "Вам ныне предстоит случай вполне оправдать доверенность правительства. Состояние армян в соседственных Бессарабии княжествах Молдавском и Валахском и в других турецких областях, занимаемых нашими войсками, требует особого внимания, и для сего нужен человек с усердием к престолу, и отличное благоразумие, и точные по сей части сведения". Нерсес Аштаракеци представлялся избранным для этого поприща: "Вы предназначены к сему лестному для Вашего Пресвященства выбору Государя Императора и можете, впрочем,

действуя с надеждой и величайшей осторожностью, способствовать не только успехам наших войск в открывающейся кампании, но и к исполнению великодушных, беспристрастных видов политики е. и. в., посредством влияния вашего на армян, обитающих в Европейской Турции". Вырисовывается миражная надежда правительственной оценки: "Сия важная заслуга возвысит Вас в мнении монарха".¹¹

Письмо Блудова имело византийский дух: почтительность, явная недосказанность и наличие перспективы. При этом ни слова о духовном управлении армянской церкви - надейся и жди. Непосвященному человеку оно могло показаться верхом торжества справедливости, опытному политику - удовлетворением минимальных чаяний, хотя бы на время. Исследователям же истории, даже не знающим о межведомственном совещании по поводу оставления Аштаракеци в Бессарабии, приходилось судить по результатам политического процесса. Точно так же как для Аштаракеци, так и для Х. Лазарева требовалось время по осознанию происшедшего. Наглядно это выразил Лазарев: "Вопрос в том: преданный ли и полезный ли сочтен архиепископ Нерсес". Этот вопрос отныне будет всю жизнь сопровождать Нерсеса Аштаракеци в отношениях с высшим эшелонном власти.

Статс-секретарь Блудов направил 15 марта 1829 г. отношение к Паскевичу по делу Аштаракеци. Секретным порядком сообщалось о санкционировании "тщательного" контроля над теми представителями армянского духовенства, поведение которых могло показаться "подозрительным" главе региона. Поручалось организовать сбор информации о правилах функционирования армянской церкви. Указывалось на обращение католикоса Ефрема о назначении преемника, полученное при письме архиепископа Аштаракеци. Последнее представлялось сонмом "жалоб" на руководство региональной власти, вмешивающейся во внутренние дела армянской церкви и верящей наветам личных противников архипастыря Серовбе и Влангели. Отмечалась Эчмиадзинская направленность обращения иерарха: "Причина, побудившая Нерсеса к сей жалобе, была очевидна. Цель письма его и просьбы патриарха состоят почти единственно в том, чтобы склонить правительство к возвращению в Эчмиадзин".¹² Излагалась негативная реакция царя, с изложением разработанных трех значительных мер по организации деятельности армянской церкви, где бальзамом для души Паскевича являлось решение оставить Аштаракеци в Бессарабии, а также необходимость удаления архимандритов Иосифа и Аламдаряна от занимаемых должностей постановлениями католикоса.

Прилагалось письмо Аштаракеци к Блудову от 21 января 1829 г.¹³

Выработанная программа правительства по "устройству армянской церкви" и делу Аштаракеци была известна лишь узкому кругу высших сановников Российской империи. О ней не знал даже шеф тайной полиции. 24 марта глава III корпуса жандармов Бенкендорф представил царю Николаю I доклад. В нем на основе сведений, поступивших из Тифлиса, сообщалось о сожалении молвы по поводу удаления из края Нерсеса Аштаракеци, "обнесенного пред графом Паскевичем-Эриванским людьми недостойными".¹⁴ Поступившая информация представлена стимулом для дознания истины путем вызова в С.-Петербург кол. сов. Е. Г. Чиляева из Тифлиса, который исполнял обязанности прокурора Грузии, затем чиновника особых поручений министра финансов Канкрин и Тифлисского военного губернатора Сипягина. Предлагаемый эксперт характеризовался достойной личностью, хотя принадлежал к группировке Сипягина: "Чиляев как по своему образу мыслей, так и по всем вообще отзывам, даже недоброжелателей его, заслуживает вполне доверия, но остается без занятия, потому что он был первым доверенным человеком покойного ген.-ад. Сипягина, коего память теперь оскорблена".¹⁵

Царь Николай I в деле Аштаракеци имел преимущество, заключающееся во всеобъемлющей и самодержавной власти, знающей решение межведомственного совещания. При всем том, что Бенкендорф предоставлял ежегодно монарху значимость министров, как, например, Канкрин, до установки контроля над текущей деятельностью высших правительственных сановников было еще далеко. Во всяком случае, Николай I наложил 25 марта относительно Чиляева обнадеживающую, но и трудно реализуемую резолюцию: "Надо будет в этом поступать осторожно и узнать сперва, не нужен ли он г. Паскевичу".¹⁶ Самодержец прямо не отказывал Бенкендорфу, но фактически поддерживал главу региональной власти, готовящегося к возобновлению турецкой кампании и выполнившего поставленные до этого цели.

1 апреля 1829 г. Хачатур Лазарев в очередной сводке из Кишинева доложил шефу тайной полиции о политике преследований неугодных лиц со стороны главы Закавказья: "Граф Паскевич сначала сокрыто и принужденно ласкал и привлекал армян, ибо на каждом шагу имел в них поддержку в разных отношениях. Ныне, напротив, граф питает явную ненависть к племени армянскому, преследует всех без изъятия и без различия. Одних за то, что к бывшему генералу Ермолову были близки, других за то, что память генералов Сипягина и Бенкендорфа чтят, третьих за то, что

архиепископу Нерсесу привержены, иных за оказанное содействие в исполнении прежних военных поручений генерала Красовского".¹⁷ Информационную сводку А. Бенкендорф представил царю, который предписал послать копию "отцу-командиру".¹⁸

5 апреля 1829 г. Паскевич направил Чернышеву объяснения, затребованные царем по жалобе Нерсеса Аштаракеци к графу Дибичу. Напоминалось, что о действиях архипастыря им представлялось еще 5 января 1828 г., что было бы достаточно для понимания возникшей проблемы, если бы Дибич захотел. Глава Закавказья отверг, по его словам, наличие заговора против армянского духовенства. При этом он сохранил в неизменности все предшествующие аргументы об опасной деятельности Аштаракеци: "Два раза он подвергал российские войска опасности для выполнения честолюбивых своих намерений. Властолюбие и односторонние виды сделали участие в непрерывных притязаниях его на счет казенного имущества в пользу армянской церкви и явно обнаружилось".¹⁹ Первая угроза представлялась следствием ввода отряда ген. Бенкендорфа, когда якобы не было запасного провианта (а он был на пять дней), и солдаты "три дня ели коренья". После прибытия к Еревану Паскевич застал в отряде больных 1500 солдат. Второй угрозой представлено Ошаканское сражение 17 августа 1827 г.

Личная неприязнь к архиепископу Нерсесу Аштаракеци отвергалась: "Вообще я оказывал Нерсесу всякое уважение, жил с ним в одном месте, виделся с ним непрерывно, взял его с собою с нами к Сардар-Абаду и также к Эривани. С моей стороны, я забыл все вышеназванные поступки архиепископа Нерсеса".²⁰ Знание местных особенностей обусловило введение архипастыря в состав Ереванского правления, но вскоре "отец-командир" убедился в своей ошибке, так как Аштаракеци, подчинив своему влиянию Красовского, стал действовать самостоятельно в пользу Эчмиадзинского монастыря. Точно так же говорилось о заграничной переписке и связях с пограничным начальством, вследствие чего глава региона пришел к выводу о необходимости пресечения "республиканских правил" управления.

Отвергалась ошибка относительно Макинского магала, поскольку Туркманчайский мир был заключен на основах, указанных самодержцем: "Трудно было вообразить, чтобы генерал лейтенант (Красовский) совместно с архиепископом, вздумали формально предлагать мне советы, как должен я заключить мир, по полномочию коего я удостоен Государем Императором". Уступка Макинского магала обоснована рядом факторов: "1) что и без сего

округа мир с Персией заключен мною довольно выгодный; 2) с присоединением Макинского магала мы имели бы границу весьма меопределенную; 3) приобретение Макинского магала было очень желательно Нерсесу, собственно потому, что в оном находится богатый армянский монастырь".²¹

Паскевич вновь обвинил Нерсеса Аштаракеци в интригах против него, проводимых совместно с генералами Сипягиным, Бенкендорфом и Красовским. Однако главной опасностью представлялась национальная деятельность Аштаракеци, умалялась деятельность и значение в общественной жизни: "Архиепископ Нерсес, выставя себя главою, представителем и протектором всех армян, обнадеживает в своем представительстве по сему предмету в С.-Петербург и лишь такими средствами поддерживает свою партию, ибо впрочем армянский народ не имеет к нему ни любви, ни уважения за притязания его в пользу армянской церкви, за безотчетность в употреблении доходов оной и за безмерное его властолюбие".²²

По всей вероятности, из армянских источников Паскевич узнал, что успешное противодействие архипастыря его представлениям и эпистолярная война на высшем уровне связаны с деятельностью фамилии Лазаревых. Это позволило затронуть их роль: "Фамилия Лазаревых, живущая в Петербурге, известна между армянами по своему богатству. Не по знатности происхождения представляет себя также покровителем всего армянского народа, и все они вместе с богатейшими из армян не щадят и не будут щадить ни происков, ни пронырств, дабы исторгнуть у правительства преимущества в пользу своих единокровцев, нарушающие общие государственные постановления и желающие поддерживать торговлю купечества".²³

Кредом собственной деятельности Паскевич представил противостояние национальным поползновениям: "Решительно сознаюсь в том, что я противодействовал и буду противодействовать таковому стремлению богатейших из армян (ибо прочие и, в особенности, земледелием занимающиеся в нем не участвуют) и, конечно, предпочту пользу всего государства пользе одних купцов армянских". Представляемая державная позиция была якобы отвергнута Аштаракеци: "Но таковое противодействие мое умышленно архиепископ Нерсес называет заговором и мерами, возбуждающими недовольство".

Под защиту были взяты недоброжелатели Нерсеса Аштаракеци. Действительный статский советник Влангели, который являлся греком по национальности, использовался по дипломатическим

поручениям, особенно по турецким. Использование архимандрита Серовбе против турок мотивировалось его "совершенным знанием театра войны", который как уроженец Эрзерума имел обширный круг знакомств и был полезен в "новоприсоединенных пашалыках" - Карсском, Ахалцихском и Баязетском: "Всегда был доволен ревностью его и усердием, потому он был послан в Баязет для раскрытия полезных дел правительства нашего между тамошними армянами, сие исполнено им также с успехом".²⁴

Относительно устройства армянской церкви Паскевич сообщал об установлении секретного контроля над Эчмиадзинским монастырем со стороны начальника Армянской области кн. Чавчавадзе, и "благонамеренного армянина", руководителя комитета переселения христиан из Персии подп. кн. И. Аргутинского-Долгорукову, представлявшего Грузинский гренадерский полк. Вновь, как и ранее, отвергалась возможность Аштаракеци быть главой армянской церкви, поскольку он стал бы руководить "светскими делами" армянского народа, оставив правительству заведование лишь духовной иерархией: "Никогда наше правительство не должно ожидать введения лучшего порядка и благоустройства в духовном управлении армянском и приличного образования священнослужителей". Вновь спроецирована угроза борьбы за привилегированный статус армян: "Он будет всячески стараться поддержать себя богатейшими из своих соотечественников и наконец употребит все происки и пронырства, дабы исходатайствовать у правительства в пользу их особые преимущества и привилегии ко вреду преданным Российских".²⁵ Развитая угроза использования заграничных армян против интересов России: "Наконец, если он увидит сильное противодействие его замыслам со стороны высшего начальства, то он не затруднится прибегнуть к армянам, и в Персии живущим, станет возбуждать раздоры и расколы, будет стараться всеми мерами противодействовать благим намерениям правительства России".²⁶

Аргументы, используемые Паскевичем были относительными. Любой выгодный мир можно было всегда усилить, несмотря на предписания власти. Сам Паскевич при заключении Адрианопольского мира, уже как опытный военно-политический деятель, вышел в своих предложениях за рамки границ, предписываемых Петербургским двором. В чем был бы ущерб для русской державы, если бы одним армянским монастырем, притом на армянской земле, стало бы больше. Упор на мнимые интриги Аштаракеци в пользу Эчмиадзинского монастыря и армянского народа противопоставлялся реальным его заслугам. Точно так же желание ге-

нералов К. Бенкендорфа и Красовского взять штурмом Ереванскую крепость без осадной артиллерии можно было представить пренебрежением державных интересов и выставить их изменниками. При том Паскевич обвинял Аштаракци в Ошаканском сражении, хотя сам царь воздал должное деятельности отряда Красовского. "Отцу-командиру" удалось определить руководящую роль архиепископа Аштаракци и фамилии Лазаревых в национально-освободительном и общественном движении, стремящихся составить привилегированный национальный статут для армян Армянской области и Эчмиадзина. Паскевич, из-за недостатка информации, национальное движение за армянскую государственность представлял как движение купечества за льготы, которое стремилось к сохранению льготного закавказского тарифа. Армянская мечта о возрождении государственности и имперские интересы, в условиях подчинения Закавказья, вступили в противоречие.

К своему докладу Паскевич приложил ряд документов для обоснования своей позиции против жалобы архиепископа Аштаракци. Представлялось письмо четырех иеромонахов от 8 октября 1828 г. к "отцу-командиру" по поводу обеспокоенности Эчмиадзинского духовенства сложившимся положением вещей после удаления Аштаракци от управления армянской церковью.

Интерес представляет рапорт подп. Аргутинского-Долгорукова от 27 февраля 1829 г. Миссия ознакомления с устроением Эчмиадзинского монастыря, под предлогом замещения умершего главы Астраханской епархии Иоанеса, была ему поручена Паскевичем предписанием от 26 января за № 13. Достойным кандидатом сочтен архиепископ Иоаннес Карбеци, характеризующийся как образованная и умная личность, пользующаяся уважением среди всего духовенства Эчмиадзинского монастыря и населения Армянской области. Раскола среди высшего армянского духовенства не было выявлено: "Что же касается раздоров между духовенством Эчмиадзинского монастыря, извиняюсь, что их не заметил во все время моего здесь пребывания". Отмечен пиетет вокруг опального иерарха: "Но нетрудно мне было видеть с первых дней приезда моего сюда величайшую покорность всего духовенства архиепископу Нерсесу и влияние его на ум патриарха Ефрема".²⁷ Авторитет Аштаракци представлен следствием возможного назначения на Эчмиадзинский престол со стороны высшей власти: "Причина сего не есть общая любовь или уважение к нему духовенства, по милости Государя Императора, близость Вашего Сиятельства и даже нечаянный вызов в Россию.

Духовенство армянское, предвидя скорый конец жизни всем ослабевшему патриарху, ожидает видеть Нерсеса в скором времени занимающим место его, мимо старших архиереев по назначению правительства".²⁸

Интерес к письму Аргутинского-Долгорукого диктуется рядом моментов. Возможно, что именно в связи с этим в поле зрения властей оказался архиепископ Иоаннес Карбеци, стремившийся всеми силами достичь Эчмиадзинского престола, явный соперник Аштаракеци, что стало трамплином для получения затем сана католикоса. Кроме Карбеци, более старшим по возрасту являлся местоблюститель католикоса архиепископ Мартирос, который также был затем использован руководством Кавказа при выборах главы армянской церкви. Становится также понятным настойчивое нежелание Паскевича допустить Аштаракеци к избранию католикосом и выяснение наличия поддержки извне, которое могло обеспечить назначение со стороны правительства.

Были приложены отношения и письма Паскевича графу Дибичу от 3 марта и 10 июля; "Записка о архиепископе Нерсесе"; к архиепископу Нерсесу от 19 марта 1828 г. за N 461; письмо от католикоса Ефрема за 9 октября 1828 г. В последнем глава армянской церкви благодарил за награждение алмазными знаками ордена св. А. Невского. Главнокомандующего поздравляли с занятием "неприступной" крепости Ахалциха, укреплений Ахалкалаки, Артвина и др. Выразилось пожелание о достойном "служении" архимандрита Серовбе при главнокомандующем.²⁹ Отмечен личный вклад в торжество русского оружия: "И я, с своей стороны, написал вместе с сим увещательное письмо к армянскому народу в Баязете, и окрестностях онаго находящегося, и с отечественною любовью просил их быть ему в обширных намерениях, его послужить нам, и оказать ему во всем нужные пособия и содействия".³⁰ Завершалось "Приложение" письмом Нерсеса Аштаракеци к шерифу Аге Магизбердскому.³¹

29 апреля 1829 г. ген. Аделберг зафиксировал резолюцию Николая I по докладу Паскевича о причинах жалоб архиепископа Аштаракеци: "Я велел считать сие дело конченным".³² Об этом Аддебергер поручил графу Чернышеву уведомить Паскевича.³³

Не зная ещё о последствиях своего доклада, Паскевич 3 мая 1829 г. поспешил направить Блудову очередное послание о "кознях" Нерсеса Аштаракеци. Сообщалось о наличии писем архипастыря в регион, где он подписывался архиепископом Тифлиским и Бессарабским, а также поминался в армянских церквях. В своих письмах Аштаракеци указывал на свое скорейшее возвращение и

назначение католикосом высшей властью. Паскевич указывал, что в отношении католикоса Ефрема от 16 ноября 1828 г. была представлена организация управления закавказскими епархиями Нерсесом Аштаракеци перед отъездом в Бессарабию: Тифлис - Симеону Бзнуни, Шемаха - епископу Минасу, Шамшадин - епископу Григорию Манучаряну, Карабах - архиепископу Саркису Джалаляну, Бамбак - епископу Аракелу. Через архиепископа Бзнуни и его заместителя, директора Тифлисского армянского училища Аламдаряна Аштаракеци, из Бессарабии он продолжал руководить всеми закавказскими епархиями. Церковные доходы переводились в Тифлис и расходовались без отчетности, в доказательство чего приводились два письма архиепископа Иоаннеса Карбеци из Эчмиадзина в Тифлис. Значительным признавалось воздействие Нерсеса на католикоса Ефрема. Парализование влияния Аштаракеци допускалось назначением другого архиепископа для Грузинской епархии и окончательным назначением Нерсеса Аштаракеци руководителем Бессарабской либо другой епархии.³⁴

Паскевич продолжал свой прессинг против Аштаракеци, стремясь лишь его фактического управления закавказскими епархиями и финансовыми источниками. Новым являлось предложение оставить Аштаракеци в пределах закавказских епархий. Между тем, решение монарха по поводу отношения Паскевича от 5 апреля граф Чернышев исполнил 4 мая 1829 г.³⁵

Любопытным являлось письмо архиепископа Иоаннеса Карбеци к Паскевичу, позволяющее проследить о направлении развития дела против Аштаракеци и внутренних процессах в управлении армянской церковью. В нем сообщалось о передаче Грузинской епархии Аламдаряну и Бзнуни. Новым штрихом являлось указание о том, что Аштаракеци избрал и назначил для каждой армянской церкви синдиков (ктиторов), отдав предписание все доходы предоставлять руководству епархии, а от них суммы поступали к Нерсесу в Бессарабию. С освобождением Эчмиадзина весной 1827 г. Аштаракеци возобновил деятельность Синода из своих приближенных, за исключением архиепископа Карбеци. Факт объяснялся тем, что он являлся старшим по своим заслугам и уважению среди духовенства. Власть в Синоде Аштаракеци поручил архимандриту Иосифу. Для упразднения всех "беспорядков" и приостановления "совершенного разрушения" Эчмиадзинского монастыря предлагались следующие меры: оставить Аштаракеци главой Бессарабской епархии; возвести в сан епископа архимандритов Серовбе, Эманнуэля и Иосифа Крымского для назначения руководителями епархий; предоставить Грузинскую

епархию Иоаннесу Карбеци.³⁶

Тем самым Паскевич сумел составить проправительственную группировку из армянских духовных сановников, которые имели заслуги и достоинства перед нацией, но в угоду своим амбициям стремились переступить через интересы ближнего. Главным являлось то, что сказав "А" они должны были продолжать "Б" и так далее, не оказывая сопротивления установкам правительственных сановников относительно армянской церкви, в особенности Паскевича, так как были бы обязаны ему своим возвышением.

В середине мая 1829 г. Аштаракеци прибыл в г. Григориополь Херсонской губернии, который за 40 лет своего существования не обогатился ни промышленностью, ни процветанием. Здесь находился Хачатур Лазарев, который совместно с Нерсесом Аштаракеци был озабочен положением армянской общины.³⁷ До этого Григориопольский городской магистрат по ходатайству архипастыря выделил в пользу местной армянской церкви пустующий участок земли. Этот участок Аштаракеци предписал вспахать и осуществить посев.³⁸ 15 мая Хачатур Лазарев сообщил Бенкендорфу о занятиях с архиепископом Нерсесом: "Совокупно занимаемся общими силами и совещанием в том числе, дабы составить план внутреннего хозяйственного распорядка и дабы преподать способы к благоустройству онаго как для пользы Общества, так и для выгоды правительства".³⁹ По этому вопросу состоялась встреча с генерал-губернатором Новороссийского края графом Воронцовым, с которым обсуждались перипетии судьбы Аштаракеци. Меры, принятые генерал-губернатором для развития г. Григориополя сочтены позитивными. Обсуждена конфигурация Бессарабской епархии на основе точки зрения Аштаракеци. Об этом свидетельствуют строчки Лазарева: "Архиепископ Нерсес потом паки отправится в Бессарабию, отсель в Молдавию и Валахию по управлению епархиею армян".⁴⁰

Уже 16 мая 1829 г. Аштаракеци прибыл в Кишинев, продолжая интересоваться состоянием церковного имущества Григориополя.⁴¹ 25 мая он направил письмо ктитору Григору Худобащеву по поводу ожидаемой перемены в своей судьбе путем представления монарху: "Христофор Якимович Лазарев сообщил мне, что представлялся его величество государю и брату его великому князю, коего должен сопровождать в пути, и что его величество император изволил приказать вызвать его (Нерсеса) в С.-Петербург".⁴² Аштаракеци стал готовиться в путь, ожидая царского указа.

Представление Х. Лазарева, который являлся камергером импе-

раторского двора, действительно имело место между 16 и 25 мая 1829 г. Из письма Александру Худобашеву (от 30.VII), аудиенция имела места в главной императорской квартире в Тульчино: "Имел счастье представиться Императору, удостоился неоднократно лестных приветствий, разговаривал о разных предметах". Николай I стремился сопоставить свое представление об армянском народе с информацией Лазарева: "Расспрашивал о нации, о фамилии нашей, - о переселении в новую область (Армянскую), - о войне." Отмечен вклад Лазарева в ход противоборства с Турцией: "Благодарил лично меня за усердие - прошу продолжать и впредь ревностно".⁴³ Встреча с великим князем Михаилом Павловичем состоялась в пути следования по организации переселения армян в Бессарабию, Молдову и Валхию, который также "много любопытствовал" об армянском народе. В ходе аудиенции Николай I дал согласие на приезд Аштаракеци в Петербург, продолжая линию, выработанную межведомственным комитетом по "ласкательству" архипастыря, но не допуская в Эчмиадзин.

Паскевич был вынужден подчиниться воле царя о прекращении дела Аштаракеци, который в августе 1829 г. вместе с Хачатуром Лазаревым принял участие в переселении армян Молдовы и Валахии в Бессарабию. Решались имущественные и правовые вопросы, а также вопросы быта и поселенчества.⁴⁴

Окончание войны с Османской Турцией ознаменовалось подписанием Адрианопольского договора. 14 сентября 1829 г. Завершилось утверждение Закавказья в составе Российской империи. Реализовано одно из предложений армянских деятелей. В российские пределы переселились 84 тыс. армян.⁴⁵ Дибич удостоился громкого титула графа Забалканского. В октябре 1829 г. в С. - Петербурге состоялось молебствие в честь окончания войны, на котором присутствовал генеральский состав Дунайской армии. Затем граф Дибич-Забалканский дал торжественный обед. Состоялся разговор о трудностях кампании на Дунае и Грузии (Кавказ). Обращено внимание на то, что Паскевичу в вопросе преодоления провиантских трудностей содействовал чиновник особых поручений Иван Корганов (Ванька-Каин). По словам главнокомандующего Дибича, пребывавшего на Кавказе, он принадлежал к числу "умных людей", который поссорил Ермолова с Паскевичем.

После обеда закавказская тема была развита. Обобщая свои знания о деятельности армянских патриотов фамилии Лазаревых и Аштаракеци, Дибич откровенно суммировал впечатление об их патриотической и программной деятельности по воссозданию армянской государственности: "У нас есть армянская партия, имею-

щая целью восстановить единство армянского народа, иметь свои войска, свои законы, как то сделано с Польшей и Финляндией". Высказана неприязнь к их деятельности: "Я почитаю сии меры весьма вредными, так как учреждение Литовского корпуса; Государь Александр Павлович сие сделал по врожденному в нем чувству уважения к добродетели; по сей причине он уважал в завоеванных народах и главнейшую добродетель, то есть любовь к отечеству, но в последние годы своей жизни он в них раскаивался". После чего обобщение о национальном вопросе было продолжено на армянском факторе: "Митрополит Нарцес (Нерсес Аштаракеци) был одним из главных ревнителей армянского общества". Истоки его национальной деятельности были якобы просмотрены проконсулом Кавказа: "Ермолов делал ошибки как генерал, как властелин Закавказского края".⁴⁶

Сказанное Дибичем метко и четко отразило параметры армянской мечты о возрождении армянской государственности в составе Российской империи. Осознанно представлено лидерство Нерсеса Аштаракеци в общенациональном движении как руководителя армянской церкви и популярного деятеля. И если бы не скоропостижная смерть Дибича, то весьма возможно, что получила бы воплощение резолюция Николая I о высылке архипастыря в Россию, а не об оставлении в Бессарабии.

Активность Аштаракеци в Бессарабии обусловила отношение Паскевича к Блудову от 26 декабря 1829 г. В нем сообщалось, что после удаления в закавказские пределы России католикоса Ефрема в 1822 г. он предоставил Аштаракеци титул наместника и вручил свою печать, что поставило в зависимость от него Эчмиадзинский Синод. По мнению Паскевича, Нерсес не изменил своего властолюбивого характера в Кишиневе. В его распоряжении оказались не только армяне Бессарабии, Молдовы и Валхии, но и, по поступившим сведениям, Астраханской епархии, глава которой архиепископ Иоаннес скончался. С учетом влияния опального архипастыря на закавказские епархии ситуация сочтена тревожной. Для её изменения сочтено оставить Нерсеса епархиальным в Бессарабии. Предлагалось назначить главой Грузинской епархии архиепископа Иоаннеса Карбеци, характеризруемого деятелем с умеренными взглядами, с последующим возведением на Эчмиадзинский престол. Для замещения Астраханской епархии назывались некоторые архимандриты, но главным рассматривался Серовбе, которого следовало возвести в сан епископа.

Отмечена политико-духовная значимость института католикоса для всех армян, поскольку правительство Персии в армянских

делах действовало через него, предоставляло обширные полномочия и по гражданскому управлению. На взгляд Паскевича, это не соответствовало процессу закрепления Армянской области в составе державы.⁴⁷ "Но для Российского правительства нужен человек, который не мешал бы нам вводить в сию страну Русские учреждения".⁴⁸ Заявлено об организации в Тифлисе секретного комитета под председательством ген. м. В. О. Бебутова, архимандрита Серовбе, кол. асс. Очкина и армянского профессора из Франции Джрпета. Он был вызван из Парижа архиепископом Аштаракеци для замещения должности ректора Тифлисского армянского училища, но остракизм архипастыря оставил его без средств существования, и Паскевич решил использовать его знания.⁴⁹

Акция Паскевича вызвала противодействие Лазаревых. Хачатур Лазарев 13 января 1830 г. в Москве подал Бенкендорфу сообщение о необходимости оправдания Аштаракеци перед царем путем вызова: "Необходимо для выгод России - для блага армянского народа, чтобы архиепископ Аштаракеци, пока ещё поддерживают его физические силы, при испытанной преданности, при общем полезном объеме дел был бы вызван в С.- Петербург для окончания национальных и духовных дел; в устройении Армянской области и наипаче в прочных основаниях цветущего состояния Эчмиадзинского первопрестольного армянского монастыря".⁵⁰ Необходимость акции мотивировалась и тем, что во второй половине декабря в Тифлис прибыл архиепископ Карбеци, где он вел тайные переговоры с Паскевичем: "Необходимо верховным патриархом назначить архиепископа Аштаракеци и тем сделать общую развязку".⁵¹

26 января 1830 г. шеф тайной полиции Бенкендорф⁵² напомнил императору Николаю I обращении католикоса Ефрема о необходимости вызова архиепископа из Бессарабии и назначении своим преемником. На это не было получено высочайшего ответа. Наличие раздора среди армянского населения и духовенства Грузии заставило католикоса обратиться с частным письмом о "возвращении" архиепископа Нерсеса по высочайшей воле.⁵³ Сообщено о желательности приезда архипастыря в Петербург для назначения католикосом.⁵⁴ Неопределенность ответа - "посмотрим" — побудила Хачатура Лазарева 8 марта 1830 г. представить сводку известий из Закавказья с пожеланием армянского населения видеть католикосом Нерсеса, имевшего бы духовную власть "отдельно от гражданской, что поныне существовало и что нарушено в Грузии вопреки узаконений".⁵⁵

20 марта 1830 г. секретным отношением за № 13 Паскевич направил проект "Учреждения об управлении духовными делами армян в России". Определялись права и обязанности армянского духовенства. Главой церкви являлся "патриарх Эчмиадзинский", под председательством которого находился Верховный совет. Отказ от названия Совета Синодом Тифлиссский комитет обосновывал тем, что в этом понимании он "превышал" полномочия католикоса. Учитывалось и то, что создание Синода в 1807 г. при католикосе Даниэле вызвало недовольство турецких армян, считавших что этим упраздняется власть католикоса. Эчмиадзинский монастырь, согласно армянской традиции, не входил в состав епархий, подчинялся непосредственно главе церкви и Верховному совету. Закавказские провинции делились на три епархии. За деятельностью Верховного совета должен был наблюдать обер-прокурор, а в консисториях - прокуроры, которые подчинялись Министерству духовных дел иностранных исповеданий. В епархиях намечались богоугодные заведения и семинарии.

Для привлечения симпатий турецких армян намечалось предоставить Эчмиадзину больше привилегий перед Сисским (Киликия) патриархом: во-первых, уравнивать армянское духовенство в правах с русским - свобода богослужения, освобождение от налогов, повинностей и телесного наказания, награждение; во-вторых, посвящение католикосом иностранных епископов и безденежная раздача св. миро, пастырские благословения католикоса для всех заграничных армян, награждение почетными мантиями. Паскевич заключал: "Можно надеяться, что турецкие армяне, убедясь в пользе сего нового учреждения, будут сами искать случая к исполнению".⁵⁶

Активным участником разработки проекта "Учреждения об управлении делами армянского духовенства в России" представлялись архимандрит Серовбе, который в Баязете и Эрзеруме являлся членом временных правлений, а также профессор Джрпет. Каждого из них предлагалось наградить ежегодным пенсионом в 50 руб. сер.⁵⁷

Разработанный проект церковного "Учреждения" имел базисный характер. Заголовок "Об управления духовными делами армян в России" фиксировал его правомочность лишь для российских армян и не был пригоден для воздействия на зарубежных армян. Не был выработан механизм выборов и контроля католикоса, отсутствовала четкость понятия Синода как надзирательного органа, а предоставлением армянскому духовенству прав православного духовенства вводилась процедура наследования имуще-

ства, не свойственная армянским священнослужителям. Все это обнаружилось позже и привело к созданию С.-Петербургского комитета для разработки "Положения" армянской церкви.⁵⁸

Наличие церковного проекта позволило ведомству иностранных исповеданий сдвинуть дело Аштаракеци. 2 апреля Блудов сообщил Паскевичу, что в совещаниях с вице-канцлером были приняты основания "Учреждения об управления духовными делами армян в России", а также желание католика Ефрема назначить архиепископа Аштаракеци главой Астраханской епархии. С учетом правительственных интересов Блудов решил использовать проект 1826 г. о создании Нахичевано-Бессарабской епархии для армян Новороссийского края, Кишинева, Григориополя и Карасубазара под главенством архиепископа Аштаракеци. Этим самым намечалось не допустить влияние Нерсеса на турецких армян и уменьшить воздействие на Эчмиадзин и Синод. Соответствующее представление было утверждено Николаем I. Вместе с тем от католика Ефрема затребовано осуществить замещение свободных армянских кафедр в Грузии и Астрахани.⁵⁹

В тот же день Блудов отправил письмо католику Ефрему с оповещением о принятых решениях относительно руководства армянских епархий. В Нахичеване численность армян определялась в 10500 человек. Значительной сочтена численность армян в Григориополе, Карасубазаре, Старом Крыму и Кишиневе. Их объединение представлено следствием прошения армян Бессарабии 1826 г. о создании единого духовного управления. К новой епархии присоединялись также армяне трех Новороссийских губерний по инициативе графа Воронцова. Царь, одобрив создание Нахичевано-Бессарабской епархии, причислил к ней также приходы армянских церквей С. - Петербурга и Москвы (т. е. Лазаревых), а также армян северных и западных губерний. Руководителем новой епархии был назначен архиепископ Аштаракеци. Требовалось заместить свободные епархии в Грузии и Тифлисе.

По мнению Паскевича, перевод Аштаракеци на новую кафедру ослаблял его влияние на заграничных армян, но подчинение ему армянских церквей С.-Петербурга и Москвы усилило позиции. Новое устройство армянских епархий в России представлялось "отцу-командиру" ослаблением значения Астраханской епархии: "Сделается ныне самую ничтожною, с назначением архиепископа Аштаракеци в епархию Бессарабскую или лучше Всероссийскую".⁶⁰ Вместо того чтобы лишить архиепископа Аштаракеци влияния на общее управление армянской церкви, произошло возвышение. В сложившейся ситуации католику рекомендовалось

требовать улучшений по епархии со стороны Аштаракеци, который получил новый трамплин деятельности: "Новое назначение не уменьшило его влияние; он будет уметь им воспользоваться и предоставит оное в Эчмиадзин как доказательство наибольшей доверенности правительства; орудия его действия, известные неблагонамеренные духовные лица, останутся на тех же местах... Продлив время своей власти обещаниями, он будет уметь употребить оное в свою пользу".⁶¹ По словам главы региона, время должно было расставить всё на места и заставить ведомство иностранных дел вернуться к предложенным им мерам против влияния Аштаракеци.⁶²

Возражения Паскевича против назначения Аштаракеци главой новой епархии с подчинением армян С.-Петербурга и Москвы шли от осознания личности архипастыря, который, несмотря на его старания, все время выходил невредимым из расставленных политических силков. Осознавалось, что с Лазаревскими столичными церквями Аштаракеци приобретал возможность воздействовать не только на Эчмиадзин, но и на высшую бюрократию Российской империи. Было ясно также, что в утихомиривании конфликта между Паскевичем и Аштаракеци царь Николай I пошел на компромисс. Были учтены точки зрения как "отца-командира", так и фамилии Лазаревых. Имелся и внешнеполитический момент. В конце 1829 и 1830 гг. католикос Ефрем, Константинопольский патриарх Карпет и Иерусалимский патриарх Гавриил отправляли кондаки в Григориополь по различным делам. Удаленность от контроля из Кишинева и армянская почта позволяли получать информацию о положении архиепископа Аштаракеци. Освещались будни. 15 апреля 1830 г. архипастырь провел пасху в Кишиневской церкви. В городе собирались отменить карантин из-за чумы.⁶³ Хачатур Лазарев поставлял информацию из Азиатской Турции за март и апрель, представлял структуру армянской церкви, состоящей из патриаршеств Константинопольского, Сисского, Ахтамарского и Иерусалимского, во главе которых находился Эчмиадзинский престол, отмечал роль армянского духовенства в переселении турецких армян.⁶⁴

20 апреля 1830 г. Блудов поставил в известность Нессельроде о получении от Паскевича церковного "Учреждения" армянской церкви, разработанного Тифлиским комитетом. К проекту Паскевич приложил ответы на вопросы главы иностранных исповеданий об армянском исповедании, запрошенные в предшествующем году. Представлено мнение о необходимости задержки времени с принятием "церковной хартии: "Главнейшее мнение мое

состоит в том, можно ли будет ввести правила сего нового учреждения, не возбудив сильного ропота и жалоб духовенства армянского".⁶⁵ Мнение было обоснованным, поскольку предстояло разрешить проблему управляющих армянских епархий.⁶⁶

Указ Николая I Правительствующему Сенату о создании новой Нахичевано-Бессарабской епархии последовал 23 апреля 1830 г., мотивируемое затруднительностью руководства армян Новороссии и Бессарабии духовным управлением из Астрахани. Главой новой епархии назначался Грузинский епархиальный Нерсес, который увольнялся от прежней должности.⁶⁷

Деятельность Нерсеса Аштаракеци получила значительное и неоднозначное освещение в армяно-русской историографии. Различные перипетии по освобождению Араратской страны и как лидера национально-освободительного движения получили отражение в оценке трех направлений - личностного, политического и классового, включающих вкраплины каждого из них. Начальным из них стало личностное, получившее отражение в "Сжатой истории армянской церкви" за 1856 г.⁶⁸ Г. Патканян в 1863 г. для представления деятельности Нерсеса Аштаракеци использовал сопоставительный прием. По его мнению, начало XIX в. сопровождалось появлением двух политических богатырей таких как самодержец России Александр I и император Франции Наполеон. Смерть Александра I развязала агрессивные устремления Османской Турции и Персии. В борьбе против персидской агрессии активно выступил Нерсес Аштаракеци, который затем оказался в Бессарабии для участия в борьбе против Османской Турции. Избрание католикосом Иоаннеса Карбеци в 1831 г. побудило Аштаракеци остаться предводителем армян европейской России. При этом автор уклонился от оценки причин столь крутых перемен в жизни архипастыря.⁶⁹ В воспоминаниях Н. Н. Мурзакевича долговременное "заточение" в Бессарабии Аштаракеци объяснено жалобами Паскевича, но без раскрытия их сути.⁷⁰

Углубление личностного подхода осуществил историк А. Д. Ерицов. Активная деятельность Аштаракеци в ходе русско-персидской войны 1826-1828 гг. объясняется давнишним желанием освободить Эчмиадзинский престол и армянский народ: "Только что рукоположенный в епископы Нерсес дал себе задачу вырвать Эчмиадзинский престол и угнетенное христианское население из рук магометанских правителей".⁷¹ Причиной же удаления в Бессарабию вначале указана ссора с Паскевичем: "До сих пор не исследована причина, вызвавшая столь жестокую неприязнь между двумя сановниками, до того действовавшими рука об руку". В ка-

честве возможной мотивационной модели указаны амбиции главнокомандующего Кавказским корпусом: "Полагают, между прочим, что гнев Паскевича был вызван тем, что Нерсес умалял личные заслуги графа в персидской кампании, а все победы приписывал сподвижникам его Красовскому и другим, также пострадавшим от мести графа."⁷² Зависть и талант, "слепое счастье" и мелочность полководца стали определяющими в судьбе архипастыря.⁷³ "Граф Паскевич, в три-четыре года пребывания своего на Кавказе, прославился рядом блистательных побед над персиянами и турками, но он не любил делить лавры свои с кем бы то ни было. Он низверг и удалил из края кн. Мадатова, Бенкендорфа, Красовского и многих других из выдающихся своих сподвижников. Более же всех поплатился архиеп. Нерсес, заслуги которого были забыты и попораны".⁷⁴

Кавказовед В. А. Потто связывает возникновение конфликта Паскевича с Аштаракеци с представлением последнего предложения о присоединении Макинского магала к Ереванской границе и проведении новой границы с Персией. Развитие конфликта обусловило устранение Аштаракеци из состава Ереванского временного правления. Деятельность Аштаракеци стала представляться царю Николаю I как противоречащая интересам российского правительства.⁷⁵

Биограф фельдмаршала Паскевича А. П. Щербатов изложил "дело Аштаракеци" в контексте проблемы совершенствования управления армянской церкви. Необходимость мотивирована претензиями высшего армянского духовенства после освобождения Араратской страны, видным представителем которого указан Аштаракеци: "Известный архиепископ Нерсес в этом отношении особенно отличался среди епископов армянских и, обладая притом пронзительною ловкостью, даже в Петербурге сумел найти сочувствие и поддержку".⁷⁶ В вину архипастыря поставлена начальная версия Паскевича о нарушении архиепископом Аштаракеци, в качестве члена Ереванского временного правления, баланса отношений между армянской и мусульманской общинами. Полностью поддержан вывод Аштаракеци из состава Временного правления Еревана как соответствующий интересам Российской империи: "Распоряжение это было как нельзя кстати, особенно вслед за указом Сената о наименовании ханств Эриванского и Нахичеванского областью Армянской, что могло подать повод к легкомысленному заключению о желании правительства нашего как бы возродить армянскую нацию, заботиться о благосостоянии преимущественно армянского населения".⁷⁷ Признается вклад Паске-

вича в дело удаления Аштаракеци в Бессарабию.⁷⁸

На взгляд Лео, архиепископ Нерсес Аштаракеци был реальным политическим деятелем, прошедшим "огонь и воду".⁷⁹ Отношение Паскевича к Аштаракеци оценивается византийской интригой, направленной против деятелей, преданных проконсулу Кавказа Ермолову.⁸⁰ Личные счеты Паскевича стали наносить вред интересам армянского народа, который чистосердечно относился к России.⁸¹ Публикация в ж. "Армянский Вестник" за № 1916 г. сохранила это мнение о причине остракизма Аштаракеци: "Увенчанного славою и любовью, народ хотел видеть его католикосом в 1831 г. на свободную кафедру католикоса. Но Паскевич, вместе с личным противником Нерсеса Бебутовым, всеми силами препятствовал этому и добился избрания престарелого Иоанеса VIII".⁸²

Политическое содержание в личностный подход внес М. Я. Алавердянц. По его мнению, Паскевич в отношении к армянскому населению Араратской страны руководствовался "политическим планом" обоснования преимуществ жизни под патронажем России, чем в Персии. Для осуществления этой идеи "отец-командир" использовал разнокалиберных деятелей: "С этой целью в своей армии он держал достаточное количество военных и гражданских чинов из армян, которые, по-видимому, играли второстепенные и третьестепенные роли, но все же сделали очень много полезного дела".⁸³ Используя "нравственное влияние" Аштаракеци как выдающегося деятеля церкви, Паскевич отстранил его с поприща. Первым серьезным конфликтом между Аштаракеци и Паскевичем представляется оценка Ошаканского сражения в начале сентября 1827 г.⁸⁴ Между тем он имел место в начале июня из-за "монастырских притязаний".

Е. Шахазиз находит, что деятельность Ереванского временного правления не имела характера постоянной государственной структуры. Отношения Красовского и архипастыря характеризуются дружественными, которые были направлены на содействие армянскому народу.⁸⁵ Отношения же Аштаракеци и Паскевича представлены личностными, которые были затем политизированы главой Кавказа. Удалив Аштаракеци, Паскевич продолжил преследования архипастыря и его окружения. Были приняты усилия по недопущению возведения Аштаракеци в сан католикоса. Утвержденный правительством католикос Иоаннес Карбеци стал ярким противником Бессарабского архипастыря.⁸⁶

Политический подход к оценке роли архиепископа Аштаракеци связан с представлением его деятельности по защите интересов армянской церкви и созданием армянской государственности. Он

косвенно зафиксирован официальным историографом Министерства внутренних дел П. А. Варандиновым. Будучи знаком с состоянием дел армянской церкви, он постарался нивелировать политическое значение остракизма Нерсеса Аштаракеци, связав удаление в Бессарабию с наличием свободной епархиальной кафедры. Однако Варандинов признает наличие "политических событий" 1828 г., которые стали причиной преобразования главного управления армянской церкви.⁸⁷

Метаморфозу политического положения Нерсеса Аштаракеци известный церковный деятель М. Мурадянц объясняет отказом руководства России пойти на удовлетворение обещания о предоставлении свободы армянскому народу и создании национального образования после войны с Персией. Требование Нерсеса о выполнении обещанного совпало с конфликтом Паскевича и Красовского. Глава Кавказа направил Аштаракеци в С.-Петербург, но после проезда через Ростов на Дону поступил приказ о его направлении в Бессарабию. Чтобы не выполнить обещания по созданию государственности для армян, руководство России в 1831 г. утвердило католикосом Иоаннеса Карбеци. Это позволило принять "Положение" 1836 г., которое совершенно изменило порядок управления армянской апостольской церкви.⁸⁸

Константинопольский патриарх М. Орманян замысел удаления Аштаракеци из состава Ереванского временного правления связывает с Паскевичем, а орудием осуществления представляет А.Х. Бенкендорфа. Тайна почетной ссылки сочтена наличием "льготных обещаний" со стороны Паскевичем, что получило отражение в "бумаге Аштаракеци". Допускается возможность обещания типа проекта Екатерины II о воссоздании армянской государственности 1789 г. Противоречие обещанного видам Российской державы обусловило удаление Аштаракеци в Бессарабию. Наряду с этой рабочей версией приводится "неудовольствие", которое возникло между двумя деятелями.⁸⁹

Политический подход к деятельности Аштаракеци представляют "Записки" Н. Н. Муравьева, дружившего с архипастырем, составившим концепцию "армянского дела".⁹⁰ Им указано на наличие армянской надежды на восстановление царства Армении, где главным поборником представлен архиепископ Нерсес Аштаракеци: "Казалось, что новый дух вселился между всеми армянами, которые надеялись на восстановление своего царства. Умами их управлял архиепископ Нерсес, человек весьма умный и приятный".⁹¹ Политический взлет и падение Аштаракеци связаны с исполнением обязанностей управляющего армянской церковью. Ар-

мянские чаяния Аштаракеци пришли в столкновение с видами Паскевича, который удалил его в Кишинев, где он стал управлять епархиальной кафедрой из 150 домов.⁹²

Этот фрагмент "Собственных дневных записок" Муравьев вел с сентября 1827 г. по 12 июня 1831 г.⁹³ и не полностью воспроизведён в журнале "Русский архив". В оригинале указывается о наличии "интриги" Красовского в Ереване против Паскевича, в которой участвовал архиепископ Аштаракеци, из-за чего архипастырь потерял доверие главы Кавказа.⁹⁴ Негативизм "отца-командира" относительно Красовского и Аштаракеци объясняется верой в "заговоры" против него, а также стремлением удалить неудобных ему людей.⁹⁵

М. Варандян характеризует Нерсеса Аштракеци новым Варданом Мамиконяном, героем национально-освободительного движения V в. Один из выдающихся армянских деятелей использовал крест для освобождения Араратской страны, однако стал жертвой "Кавказского Макиавеллии", а именно - Паскевича. После окончания войны с Персией главой Кавказа был организован "антиармянский поход", чтобы не допустить создания "армянской автономии", проявлением чего представляется существование легенды о наличии "бумаги Аштаракеци". Общее воззрение архипастыря представлено охваченным либеральными настроениями.⁹⁶

Е. Гехамян считает Нерсеса Аштаракеци преимущественно политическим деятелем армянского народа, защищавшим нацию и церковь: "Изначально Нерсес Аштаракеци был более политическим деятелем, чем дьяком, архимандритом, епископом и архиепископом".⁹⁷ Гехамян утверждает о выдающихся качествах Аштаракеци как лидера в церковной иерархии: "В его тени находился католикос Ефрем Дзорагехци, который, в силу своих личных качеств, мог быть лишь настоятелем монастыря."⁹⁸ Российское самодержавие не оценило бесценные заслуги Нерсеса Аштаракеци в период освобождения Араратской страны и направило в Бессарабскую ссылку. Этим самым был положен "большой крест" на политической деятельности Аштаракеци как русофильского деятеля. Причиной указывается "черная неблагодарность" Паскевича к деятельности архипастыря, который стал расправляться с его окружением. При этом отмечается наличие "бумаги Аштаракеци", хранимой католикосом на груди, представляющей собой обещание высшей власти основать "Армянское графство".⁹⁹ Борьба Аштаракеци за восстановление репутации ничем не завершилась, что было связано с нежеланием официальных лиц "огорчить" Паскевича.¹⁰⁰

Г. Лазян считает, что после завершения освобождения Араратской страны в конфронтацию вступили две модели её развития. Первая модель предусматривала свободное и беспрепятственное развитие армянского народа, которую воплощал Нерсес Аштаракеци. Вторая модель намечала русификацию, представляемую Паскевичем. Для воплощения своей модели командир отдельного Кавказского корпуса стал проводить интриги против архипастыря и добился его удаления в Кишинев.¹⁰¹

Классовый подход советских историков обусловил вначале представление, что царизм в завоевании Ереванской области использовал армянскую торговую буржуазию, политическую тенденцию и идеологическое оружие Эчмиадзинского престола. Б. А. Борьян отмечает, что война с Персией в 1826 г. отразила для России политическое значение армянского духовенства, которое было использовано для подчинения Араратской страны. Недовольство трудящихся новыми порядками было приписано влиянию армянского духовенства. Приняты репрессивные меры, что обусловило ссылку в Кишинев "вдохновителя освобождения" архиепископа Нерсеса Аштаракеци. Началось преследование духовенства, поскольку оно разочаровалось в своих ожиданиях.¹⁰²

Заинтересованность Эчмиадзинского престола во взаимодействии с самодержавием объясняется интересами клерикального сословия. В связи с этим утверждается, что архиепископ Нерсес Аштаракеци ставил целью превратить Араратскую страну в окраину русского империализма. Это отрезок времени характеризуется "фокусным", когда царизм недооценил деятельность русофильского архипастыря, отказывая ему в историческом положительном образе.¹⁰³ В. А. Ваганян утверждает, что Нерсес Аштаракеци был "офицером охранительного корпуса" самодержавия. Охаиванию подверглось армянское духовенство. Католикос всех армян провозглашен вождем самодержавной "армянской интеллигенции", представляемым также как "деспот армянских трудящихся".¹⁰⁴

На взгляд В. А. Парсамяна, в это время Нерсес Аштаракеци задавал "тон" в церковных и политических делах.¹⁰⁵ Он всегда использовал свое положение для восстановления владельческих прав Эчмиадзинского монастыря.¹⁰⁶ Деятельности Ереванского правления содействовала дружба Красовского и Аштаракеци. Паскевич же был противником их дружбы, из-за самостоятельности действий и авторитета среди армянского населения. Изгнав Красовского и Аштаракеци, по мнению Парсамяна, Паскевич фактически распустил Ереванское временное правление.¹⁰⁷

Развитие исторической науки позволило углубить представления об Аштаракеци. Н. А. Тавакалян дал комплексную оценку деятельности Аштаракеци как национального деятеля и церковного сановника: "Следует сказать, что Нерсес Аштаракеци был действительно ревностным поборником освобождения Армении от ига Персии и присоединения её к России. Но он исходил не из интересов трудового народа, а исключительно из своих узкоклассовых задач и перспектив. Он рассчитывал с помощью царизма восстановить над армянским народом и Арменией господство феодалов".¹⁰⁸ Занятие политикой связано с личными амбициями иерарха: "Перспективы своей духовной карьеры он связывал с победой русских".¹⁰⁹ При этом автор подвергает критике колониальную политику царизма в Восточной Армении, проводимую "завистливым" и "самодовольным" Паскевичем".¹¹⁰

А. Иоаннесян отмечает деятельность Аштаракеци в Ереванском временном правлении как яркого представителя ограниченного клерикального духовенства, поскольку он стремился закрепить над армянским народом власть Эчмиадзинского монастыря и церкви. В силу чего он противостоял принципу самоуправления церкви, стремился увековечить зависимость народных масс от знати и церкви. В сфере национальных чаяний Аштаракеци находил нужным включить Макинский магал в состав "Армянской области" (Ереванской), что Паскевич и Петербургский двор оценили как проявление сепаратистской замашки.¹¹¹

Н. Б. Саруханян сумел представить Нерсеса Аштаракеци как руководителя "общеоармянского движения" по освобождению Восточной Армении, что не исходило из узкого "русоподданнического" расчета и из церковно-административной заинтересованности. Причиной конфронтации с Паскевичем представлен не личный фактор, а политический. Обоснованием указана известная "бумага Аштаракеци", хотя притязания Аштаракеци выходили за пределы созданной царем Николаем I Армянской области.¹¹²

1. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 2, л.51 об, 52.

2. Там же, л. 54 об.

3. Там же, л. 54 об, 55.

4. Там же, л. 55.

5. Там же, л.49 - 56 об.

6. Там же, л. 49.

7. ГИА, ф. 109. Сек. архив, оп. 4, д. ед. хр. 23, л. 1, 1 об.

8. ГИА, ф. 821, оп. 146, д. 2, л. 58, 58 об.

9. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 111, д. 36, ед. хр. 64, л. 1.

10. Там же, л. 1 об.

11. Там же, л. 12.
12. АКАК, т. 7, N 221, с. 268, 269.
13. Там же, с. 268 - 271.
14. ГИА, ф. 109, оп. 221, д. 12, л. 135.
15. Там же, л. 136.
16. Там же, л. 135.
17. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 47 об.
18. ЦГАДА, д. 1252, оп. 1, д. 531, л. 18 - 20 об.
19. АКАК, т. 7, N 222, с. 275.
20. РГВИА, ф. 1, оп. 1, ч. 2 а, д. 3769, л. 48.
21. Там же, л. 54 об.
22. Там же, л. 56 об, 57.
23. Там же, л. 57, 57 об.
24. Там же, л. 57 об.
25. Там же, л. 61 об, 62.
26. Там же, л. 62.
27. Там же, л. 64 об.
28. Там же, л. 65.
29. Там же, л. 63 - 74.
30. Там же, л. 74 об, 75.
31. Там же, л. 75.
32. Там же, л. 22.
33. Там же, л. 76.
34. АКАК, N 223, с. 276.
35. Там же, N 224, с. 277.
36. Там же, N 227, с. 278, 279.
37. ГИА, ф. 109, Сек. архив, оп. 4, д. 8, л. 1.
38. Фаньян Дж. Описание армянских документов..., с. 113.
39. ГИА, ф. 109. Сек. архив, оп. 4, д. 8, л. 1 об, 2.
40. Там же, л. 2.
41. Фаньян Дж. Описание армянских документов..., с. 113, 114.
42. Там же, с. 114.
43. ИНА НА, ф. 58, оп. 2, д. 1529, л. 3.
44. Там же, л. 5.
45. Тунян В. Г. Россия и Армянский вопрос..., с. 49 - 52.
46. Выдержки из записок военного. - В кн.: Памятники новой русской истории. Спб., 1873, т. 3, с. 424,
47. АКАК, т. 7, N 228, с. 280 - 282.
48. Там же, с. 282.
49. Там же, N 229, с. 282.
50. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 79 об.
51. Там же, л. 80.
52. Там же, л. 81.
53. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, д. 36, п. 111, ед. хр. 65, л. 1.
54. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 79 об - 81.
55. Там же, л. 84 об.
56. АКАК, т. 7, N 231, с. 286.

57. Там же, с. 284 - 286.
58. Тунян В. Г. "Положение" армянской церкви. Ер., 2001, с. 8 - 18, 23, 24.
59. АКАК, т. 7, N 232, с. 286.
60. Там же, с. 287.
61. Там же, с. 288.
62. Там же, с. 286 - 288.
63. Фаньян Дж. Описание армянских документов..., с. 114, 115.
64. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 78,86, 86 об, 91.
65. АВПР, ф. Армянские дела, 1831 - 1842, д. 8, л. 13.
66. Там же, л. 13, 13 об.
67. ПСЗРИ - II, т. 5, N 3620.
68. Сжатая история армянской церкви. Тифлис, 1856, с. 33, 34. - На арм. яз.
69. Патканян Г. История армянского народа. Спб., 1863, с. 259 - 261. - На арм. яз.
70. Записки Н. Н. Мурзакевича..., с. 601.
71. Ерицов А. Д. Армянский полк, сформированный в 1827 г. - Тифлис - ский Вестник. 1877, 2 июня.
72. Ерицов А. Д. Участие России в деле избрания Эчмиадзинских католикосов. - Кавказ. 1884, 15 мая.
73. Ерицов А. Д. Всеармянское патриаршество и Кавказские армяне в XIX в. Тифлис, 1894, ч. I, с. 267. - На арм. яз.
74. Ерицов А. Д. Патриарх всех армян Нерсес V - й..., с. 7.
75. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, людях и биографиях. Спб., 1887, т. 3, с. 741,742.
76. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Спб., 1891, т. 3, с. 317.
77. Там же, с. 320
78. Там же, с. 323.
79. Лео. История армянской епархиальной духовной школы в Эривани (1837 - 1912 гг). - Тифлис, 1914, с. 99. - На арм. яз.
80. Лео. Новейшая история Армении. - Сочинения, Ереван, 1984, т. 4, с. 487. - На арм. яз.
81. Лео. История армянской епархиальной..., с. 115.
82. Патриарх-католикос Нерсес V. - Кавказский Вестник. 19126, N 5, с. 3.
83. Алавердянц М. Я. И. Ф. Паскевич и его деятельность на Кавказе в очерках армянского историка. Спб., 1912, с. 27
84. Там же, с. 26, 27.
85. Шахазиз Е. Старый Ереван..., с. 228, 229.
86. Шахазиз Е. Воспоминания и портреты. Ереван, 1980, с. 212. - На арм. яз.
87. Варандинов П. А. История министерства внутренних дел. Спб., 1862, ч. III, кн. 1, с. 170, 226.
88. Мурадянц М. М. История армянской апостольской святой церкви. Иерусалим, 1872, с. 599-602. - На арм. яз.
89. М. Орманян. Азгапатум. Ер.,2001, т. 3, с. 4136-4140. - На арм. яз.
90. ОПИ ГИМ, оп. 1, д. 26, л. 121.

91. Записки Н. Н. Муравьева-Карсского. - Русский Архив. 1889, N 9, с. 95.
92. Там же, с. 96.
93. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 26. Тит. лист.
94. Там же, л. 32.
95. Там же, д. 87, л. 8.
96. Варандян М. Из предыстории армянского движения. Женева, 1912, с. 214, 215, 221. - На арм. яз.
97. Гехамян Е. Исторические выписки. Баку, 1915. Вып. 8, с. 127.
98. Там же, вып. 3, с. 121.
99. Там же, вып., 4, с. 284, 285.
100. Там же, вып. 8, с. 1213, 1217, 1220, 1221, 1257.
101. Лазян Г. Армения и Армянский вопрос в свете русско-армянских отношений. Ереван, 1991, с. 6, 8. - На арм. яз.
102. Борьян Б. А. Армения, международная дипломатия и СССР. М.-Л., 1928, ч. I, с. 143 - 146, 170.
103. От редакции. - Старый Ереван. Ереван, 1931, с. А -Г. - На арм. яз.
104. Ваганян В. А. Хачатур Абовян. Б. м. и г., с. 14, 47, 99.
105. Парсамян В. А. А. С. Грибоедов и армяно-русские отношения. Ереван, 1947, с. 31. - На арм. яз.
106. Парсамян В. А. Эчмиадзин в прошлом. Ер., 1931, с. 14. - На арм. яз.
107. Парсамян В. А. Армения в первой половине XIX в. Вып. 7. Ереван, 1960, с. 88, 92, 93. - На арм. яз.
108. Тавакалян Н. А. Роль армянского народа в русско-персидской войне 1826 - 1828 гг. - В кн.: Ученые записки. Грозный, 1956, N 9, с. 126.
109. Там же, с. 127.
110. Тавакалян Н. А. Роль России в освобождении Восточной Армении и армянского народа от деспотического ига шахской Персии. - В кн.: Ученые записки. Грозный, 1958, N 10, с. 176, 178, 202.
111. Иоаннисян А. Налбандян и его время. Ереван, 1955, кн. 1, с. 43, 44. - На арм. яз.
112. Саруханян Н. Б. Проблема присоединения Восточной Армении к России в дореволюционной армянской историографии. Ереван, 1971, с. 62, 64, 70, 73. - На арм. яз.

Глава III. Глава Нахичевано-Бессарабской епархии

1. Внеочередной выбор католикоса

30 апреля 1830 г. глава ведомства иностранных исповеданий Блудов направил поздравительное послание архиепископу Аштаракеци по случаю его назначения главой новой армянской епархии Южной России. Назначение представлялось знаковым со стороны монарха: "Е. и. в. изволил избрать Ваше Преосвященство, яко более всех других армянских архипастырей Его Величеству известен по усердию к престолу и по важным заслугам России оказанным".¹ Правительствующему Сенату прилагалась копия высочайшего указа от 23 апреля о создании новой епархии и назначении Аштаракеци. Блудов указал также, что по его всеподданнейшему докладу 2 тыс. десятин земли близ Аккермана, принадлежащих ранее Бессарабскому армянскому архиепископскому дому, переходили в распоряжение архипастыря. Доходами с этих земель Нерсес Аштаракеци мог распоряжаться по своему усмотрению и на содержание организации канцелярии консистории. В консистории намечалось преобразовать одно из духовных правлений, поступавших в распоряжение иерарха.

30 апреля 1828 г. глава иностранных исповеданий направил также указ Правительствующего Сената Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору Воронцову о новой армянской епархии. Её создание мотивировано поступившим к Воронцову обращении Бессарабского армянского общества в 1828 г. о преобразовании архиерейского дома в Кишиневе в училище и богадельню, а также обращением графа в кабинет министров по поводу создания новой епархии. Её создание было отложено до окончания войны с Турцией и получило разрешение. Оповещено, что под контроль Аштаракеци переходило 2 тыс. десятин под Аккерманом. Это же известие было продублировано 8 мая 1830 г. Бессарабскому гражданскому губернатору Сорокумскому. Информация была направлена и Паскевичу.²

В то же время стала воплощаться правительственная программа по устройству армянской церкви. 22 мая 1830 г. состоялось посвящение архимандрита Серовбе в сан епископа,³ предназначенного возглавить Астраханскую епархию. Католикос Ефрем учел соответствующую просьбу Паскевича. Этому же содействовала позиция начальника Армянской области кн. Бебутова. Имело значение

обращение Блудова к главе армянской церкви о назначении глав Грузинской и Тифлисской епархий, поскольку Нерсес Аштаракеци возглавил армянскую епархию юга России. Все это новости секретарь католикоса Хачатур Абовян сообщила 28 мая архимандриту Аламдаряну. Указано о наличии перемен в Эчмиадзинском монастыре при кн. Бебутове и раздорах в среде Эчмиадзинского братства.⁴

Правитель Армянской области Бебутов в нем занимался наведением правительственного лоска. По возвращении из Эчмиадзинского монастыря он 29 мая 1830 г. поставил в известность Паскевича о получении католикосом Ефремом письма от Лазаревых из С.-Петербурга. Запрашивалось всеподданнейшее обращение католикоса к царю о назначении архиепископа Аштаракеци главой Грузинской епархии. Известие в Эчмиадзинском Синоде произвело "мгновенное волнение", но после предупреждения Бебутова было оставлено без ответа. Им было предписано выявить письмо, чтобы отправить управляющему министерством иностранных исповеданий Блудову для представления нарушения высочайшей воли о замещении вакансий руководства епархий. Католикос Ефрем представил обращение Блудову о выделении Эчмиадзину ссуды в количестве 50 тыс. руб. сер. без процентов на пять лет. Предусматривалось покрытие долгов Эчмиадзинского монастыря, которые накопились с 1801 г. Отмечалось, что архиепископ Нерсес управлял Грузинской епархией в течение 15 лет, но без фактического предоставления доходов в распоряжение Эчмиадзинского монастыря. Возврат ссуды намечался по частям в течение указанного срока.⁵

23 июня 1830 г. Нерсес Аштаракеци сообщил Блудову о получении письма от 30 апреля по поводу основания новой армянской епархии под его руководством. Принесена благодарность за высочайшее внимание: "Милостливый Государь, ежели сердце царево в руке Божией написано, то что воспоследует мне сказать, кроме того, что благословлять святую волю Его и просить покровительства преблагого Государя и человеколюбия его ныне и вечно".⁶ Изъявлена признательность за 2 тыс. десятин аккерманской земли на поддержание архиерейского дома в Кишиневе, а относительно открытия консистории дано обязательство сообщить.⁷

Архиепископ Аштаракеци был обескуражен решением Николая I. Об этом свидетельствует сообщение Хачату-ра Лазарева шефу корпуса жандармов от 23 июня: "Из Кишинева сообщают, что архиепископ Нерсес, получив неожиданное назначение, со свойственным ему смирением и духовной горечью произнес следующее.

Да будет воля Божия и царя". Выражено сожаление по поводу неучастия в процессе развития Араратской страны, но предвиделось время, когда истина остракизма станет известной: "После войны и тяжких трудов готовились пожинать в Армении плоды благоустройства, но отдаленная сия страна испытует годину бедствий от преследований, кои рано или поздно обнаружатся, с верою и терпением предам жребий наш провидению".

Вместе с тем показан рост авторитета Нерсеса Аштаракеци, который шел на пользу закрепления Бессарабии для Российской империи. Лазаревым было отмечено: "В Константинополе, в Румелии и других местах Европейской и Азиатской Турции сделалось известным, что архиепископ Нерсес находится в Бессарабии; по сношениям сего сановника и по влиянию его армяне решатся переселиться из Турции в Россию; начальное, до 150 семейств, прибыло уже в карантине в Бессарабию".⁸ Архипастырь отправил священника Гагика для водворения этих переселенцев в местечко Хынчит, принадлежащее Мурад Манук-бею, сыну драгомана Манук - бея.

Хачатур Лазарев указал о получении известия относительно "неожиданного назначения" Нерсеса Аштаракеци в Эчмиадзине, которое вызвало "удивление". Информация из Грузии от 5 мая и Армении (Армянской области) от 11 мая указывала на наличие негативной реакции: "Бедствия Эчмиадзина и самой Армении должны умножиться, нет здесь уважаемого и любимого архипастыря, коего примерным трудом и неусыпным попечением храм Божий и духовная вся паства в продолжение 30-лет управлялись, коего мудрыми действиями благоустройство в частях и во всем целом сохранилось; были сношения со всей Азией, Индией и со всеми странами, где обитают армяне. Ныне весь порядок разрушен, связи по вере прекращены, добра нет, одни крамолы и изветы верх берут. Враги церкви торжествуют: два архимандрита Серафим (Серобе) и Захарий своими сообщениями приобрели ненависть армян, но к изумлению всех пользуются расположением и покровительством главного начальника Грузии".⁹

Представлено наличие международного резонанса вокруг дела Аштаракеци. По словам информаторов, раздоры в Эчмиадзине и во отношениях армянского духовенства с правительственными инстанциями России стали обращать на себя внимания английских дипломатов в Тавризе и Тегеране: "Англичане получают известия из Армении, удивляются беспорядкам - видят общее негодование армян. Никто не ожидал, чтобы после 30-летней преданности архиепископа Нерсеса можно было видеть подобного рода

преследование".¹⁰ В происходящем виделось вероломство Паскевича.

Раскол в рядах Эчмиадзинского братства завершился в июне 1830 г., когда Иоаннеса Карбеци назначили главой Грузинской епархии. От архимандрита Аламдаряна был затребован отчет о деятельности и использованных суммах во время управления епархией. Архимандрит Иосиф должен был перевестись в Нахичевано-Бессарабскую епархию, но по настоянию католикоса оставлен Паскевичем в Эчмиадзине до собственного усмотрения.¹¹ Оформились две группировки армянского духовенства: нерсисянская и антинерсисянская. Лозунгом нерсисянской группировки являлось: "Да дарует нам в католикосы мудрого и заслуженного Нерсеса Верховный патриарх и Государь император".¹² Противоположная группировка находила, что слово и мнение главноуправляющего Паскевича - закон. В личном плане спор шел о деятеле, который мог содействовать интеграции армянской церкви в составе Российской империи. В церковном, национальном и общественном планах имелось различие видений относительно роли самобытности армянской церкви и выражения национальных чаяний. Проправительственная группировка получала поддержку власти. Нерсисянская группировка мифологизировала предшествующую и будущую деятельность Аштаракеци, зная о его поддержке во влиятельных кругах русских сановников.

В июле 1830 г. граф Блудов доложил царю об отношении Паскевича, в котором отмечалось, что "решительное перемещение армянского архиепископа Нерсеса в Бессарабию принято в Эчмиадзине вообще с удовольствием". Однако вскоре поступило известие от Лазаревых к католикосу Ефрему о том, что Аштаракеци вскоре вернется в Эчмиадзин если он обратится к монарху. Известие имело незначительное значение: "Сие письмо произвело некоторое, впрочем, предварительное волнение в умах". Реакция Николая I оказалась негативной: "Не будет ли графу Паскевичу-Эриванскому возможно получить и прислать сюда означенное письмо в подлиннике для изобличения вечных пронырств Лазаревых".¹³ Сказанное означало, что Лазареву необходимо довольствоваться компромиссным решением по созданию новой армянской епархии во главе с Аштаракеци. Наличие оригинала письма позволило бы приструнить активность известной фамилии в пользу Аштаракеци. Осуществлен запрос к Паскевичу.

8 октября 1830 г. католикос Ефрем Дзорагехци объявил в Эчмиадзинском монастыре о сложении сана и обязанностей главы армянской церкви. Уведомление было послано начальнику Армян-

ской области Бебутову, который 11 октября прибыл в Эчмиадзин. В ходе личной встречи католикос подтвердил свое решение, обусловленное великовозрастностью, ослаблением физических сил и плохим зрением, отсутствием сил для управления Эчмиадзинским монастырем и духовными делами. Общая слабость представлена помехой для осуществления двух важных прерогатив главы армянской церкви: проведение таинства мирования и возведение в сан епископов. Турецко-армянские епархии, подчинявшиеся Эчмиадзинскому престолу, оставались без посвященных епископов. Возникла угроза, что эти епархии, по интригам Сисского католикоса, отложились бы от Эчмиадзина. Запрошена санкция главы Закавказья на проведение выборов католикоса.

В присутствии Бебутова состоялось заседание Эчмиадзинского Синода. Были заданы два вопроса. Первый относился к правомочности отречения католикоса и процедуры проведения выборов. Второй вопрос был без обиняков, а именно: согласны ли они предоставить выбор главе Закавказья и министру иностранных исповеданий. Члены Синода знали, естественно, что миропомазаный католикос всех армян не имеет право на отречение. В то же время учтено, что католикос Ефрем был возведен на Эчмиадзинский престол рескриптом царя Александра I и, следовательно, имел право на отречение. Постановлено, что будущий католикос должен быть из Эчмиадзинского братства. Члены Синода заявили о своем согласии с мнением Паскевича относительно кандидата на замещение Эчмиадзинского престола. По предложению начальника Армянской области, члены Синода постановили сообщить об этом ведомству иностранных исповеданий.

Обо всем этом Бебутов 19 октября 1830 г. доложил Паскевичу. Было представлено мнение о необходимости проведения выборов католикоса, чтобы не допустить отпадения западнотурецких епархий от Эчмиадзинского престола. Бебутовым отмечена решающая роль "отца-командира" в процедуре выбора: "Я не могу думать, чтобы члены Синода приступили к выбору кого-либо в патриархи без предварительного донесения о том Вашему Сиятельству, о чем просил меня сам патриарх".¹⁴ Отмечено единогласие членов Синода.¹⁵

В другом секретном отношении Бебутов обратил внимание Паскевича на возможных кандидатов. Возможность выбора Константинопольского патриарха исключалась ввиду его молодости и нежеланию подвергнуть турецких армян преследованию со стороны Высокой Порты. При неутверждении султанским фирманом он бы потерял влияние на западных армян. Из Эчмиадзинского

духовенства возможными кандидатами были указаны техапа (блюстителем престола) Мартирос и глава Грузинской епархии Иоаннес Карбеци. Возраст первого составлял 76 лет, и он не мог исполнять обязанности католикоса, а возраст второго составлял около 60 лет, он имел "хорошие способности" и потому сочтен "достойным" быть главой армянской церкви.¹⁶

Возможным кандидатом был представлен архиепископ Нерсес Аштаракеци. По этому поводу состоялось совещание между членами Эчмиадзинского Синода. По информации Бебутова из 9 - ти членов Эчмиадзинского Синода в его пользу не было подано ни одного голоса. Ему было вменено нарушение "коренных законов" армянской церкви, поскольку он осуществлял посвящение католикоса Даниеля в Баязете, в то время как лже-патриарх Давид был помазан в Эчмиадзине. Нерсес Аштаракеци являлся главным лицом по расстрижению Давида, управлял эчмиадзинскими делами из-за состояния здоровья католикоса Даниеля, самовластно распоряжался доходами Эчмиадзинского монастыря и оставил множество долгов. Главным же аргументом для членов Синода стало отсутствие воли е.и.в. на назначение Нерсеса Аштаракеци католикосом. Вынесено Соломоново решение: "Члены Синода полагают себя не в праве судить о Нерсесе".¹⁷

Князь Василий Осипович Бебутов, мало того что являлся фигурантом главы Закавказья, но в то же время имел фамильную неприязнь из-за отца к Нерсесу Аштаракеци. Во время пребывания архипастыря в Грузинской епархии он имел столкновение с князем Дарчи Бебутовым, бывшим полицмейстером г. Тифлиса при последнем царе Восточной Грузии. Спор шел о доминировании в жизни местного армянского общества. Католикос Ефрем тогда оказал полное доверие Аштаракеци и не отозвал его.¹⁸ Приводимая же информация Василия Бебутова о решении Синода относительно Аштаракеци свидетельствовала лишь об их стремлении уклониться от столкновения с региональной и верховной властью.

При этом Бебутов сообщил Паскевичу о приезде в Эчмиадзин архимандрита Аламдаряна с просьбой жителей г. Тифлиса к католикосу о возведении его в сан епископа. Ему было отказано по недавности присвоения звания архимандрита, после чего он отправился в Ахпатский монастырь. Наличие сторонников Аштаракеци заставило Бебутова указать, что "Нерсес постарается обратить выбор в патриарха в свою пользу".¹⁹ Решение католикоса Ефрема было доведено до сведения главы иностранных исповеданий.²⁰

1 декабря 1830 г. Блудов доложил Николаю I о сложении като-

ликосом Ефремом сана и отказе от участия в управлении армянской церковью. Эчмиадзинский Синод представил возможными кандидатами архиепископов Мартироса и Карбеци. Указано на неизменность позиции графа Паскевича-Эриванского относительно кандидатуры архиепископа Нерсеса Аштаракеци, а также мнения Эчмиадзинского Синода. Точка зрения графа Блудова сводилась к отсутствию возможности отклонить отрешение католикоса Ефрема и необходимости провести выборы.²¹

16 декабря 1830 г. Блудов представил царю доклад "О мерах для избрания нового патриарха католикоса армянского". Изложена собранная информация о выборах верховного католикоса. Со времени принятия христианства и до последних дней происходили выборы католикосов соборами: "С 14 по 17 век в Армении существовали Соборы или Советы, на коих решались важнейшие церковные дела, избирались и низлагались патриархи".²² На церковном соборе, включая светских представителей, выдвигались 3 кандидата, из которых один утверждался царем. С установлением мусульманского владычества выборы констатировались прекратившимися. Последние выборы отнесены к избранию Иерусалимского патриарха 1651 г. После падения Киликийского армянского царства, на протяжении пяти веков, было избрано 18 католикосов совместно с народными представителями, а 20 назначены Эчмиадзинским братством.²³

Для избрания нового католикоса намечено выдвижение двух кандидатов Эчмиадзинским Синодом под председательством католикоса Ефрема, в присутствии ближайших глав армянских епархий и других знатных духовных сановников. Отбор последних должны были произвести католикос Ефрем и граф Паскевич-Эриванский. Затем должно было последовать окружное послание католикоса Ефрема армянскому населению ближайших епархий для отдания предпочтения одному из кандидатов путем голосования. Оба кандидата представлялись царю, который утверждал одного из них. Предусматривалось обеспечение интересов Российской державы через деятельность доверенных лиц. Новый глава армянской церкви должен был оповестить всех армян о восшествии на Эчмиадзинский престол. Русские дипломаты в Константинополе и Тегеране, в отличие от ранее требуемых утвердительных актов-бератов, фирманов, должны были обеспечить лишь признание духовного первенства Эчмиадзина. Константинопольскому министру России вменялось поставить в известность армянских патриархов-Константинопольского, Сисского, Иерусалимского и Ахтамарского - о временном характере процедуры, принятой для "успо-

коения угнетенного старческими недугами Ефрема", возможности занять Эчмиадзинский престол в последующем.²⁴

17 декабря 1830 г. царь Николай I вернул доклад Блудова, выразив согласие с его "предположениями".²⁵ Об этом глава иностранных исповеданий поставил в известность Паскевича 20 декабря: "Государь Император, принимая во внимание, что образ назначения армянских католиков относится и к делам нашей внешней политики, тем более, что доселе они утверждались в сем сани тремя державами - Россией, Персией и Портою,- высочайше повелел снести мне с вице-канцлером".²⁶ Подчеркнуто политическое значение выборов запрета участия в них иностранных держав путем утвердительной процедуры нового католика. Отдано указание о подготовке выборов.²⁷

Между тем Хачатур Лазарев стремился поддерживать значимость политического реноме Аштаракеци. 18 ноября 1830 г. Бенкендорфу было сообщено о получении через архиепископа Нерсеса письма из Ост-Индии. Армянский капиталист Иосиф Амирхан из г. Самаранга, имеющий флот и ежегодный доход в 4-5 лак рупий (500 тыс. руб.), изъявил желание поселиться в Армянской области. Для этого запрашивались сведения об Араратской стране. Это предложение рассматривалось выгодным как для России, так и для армянского народа. России оно позволило бы оживить азиатскую торговлю, а армянскому населению консолидироваться: "Без армян и без купцов капиталистов Армения лишится населения и торговли, иби другие из племени не имеют тех способностей, тех побуждений и даже не знают ни языка, ни обычаев, не в состоянии производить с удобством торговых сношений с Персией и Турцией".²⁸

Всепопданнейший доклад Бенкендорфа состоялся 30 ноября. Подчеркнуто об уважении к капиталисту Амирхану со стороны правительства Англии. Царь на это отреагировал оперативно: "Пусть он приезжает сюда, а сведения, им требуемые, я ему дам, когда его увижу".²⁹ Позитивная реакция сообщена Хачатуру Лазареву 3 декабря. Амирхан вскоре выехал, но скончался в пути. Сыновья капиталиста возвратились.

Ситуация, возникшая после отказа католика Ефрема от сана, и деятельность Нерсеса Аштаракеци стали предметом обсуждения между Хачатуром Лазаревым и представителем внешнеполитического ведомства Александром Худобашевым. В письме последнего от 28 декабря 1830 г. из С.-Петербурга прямо указывалось на необходимость решительного действия архипастыря, для чего надлежало прибыть в столицу: "Нерешительность архиепископа Нер-

сеса к приезду сюда много дала вреда нации; время проходит, обстоятельства изменяются, и Бог знает, далече чего ожидать можно". Отказ от представления Николаю I и от использования ситуации указан вредным для национального развития. Худобашев отмечал: "Я предвижу бедственное положение нации и то затруднение, которое, впоследствии не позволит и помышлять о благосостоянии её".³⁰ Армянские соратники обвинялись в колебательности и непоследовательности, а архипастырь - в излишнем прагматизме: "Вина ляжет на тех, которые горячо принялись и вдруг охладели. А архиепископ Нерсес, кажется, предал себя излишней трусости и по времени вовсе неуместным".³¹ Иного мнения придерживался Аштаракец: "Легко сказать, поехать в столицу? А что затем, что делать, на кого опереться, как быть".³²

Ни Лазаревы, ни Аштаракец не собирались сжигать за собой бесповоротно мосты, поскольку они могли оказаться в беспросветной пропасти, но определялись лишь в моменте действия. Над Хачатуром Лазаревым висело обвинение в противодействии воле Николая I относительно устройства армянской церкви. 17 февраля 1831 г. граф Блудов представил царю доклад "О письме Лазаревых к патриарху Ефрема касательно архиепископа Нерсеса". Отмечалось июльское сообщение 1830 г. Паскевича о том, что перемещение архиепископа Нерсеса в Бессарабию было воспринято удовлетворительно. Затем поступило письмо Лазаревых к католику о скором прибытии Нерсеса в Эчмиадзин, если католик обратится к монарху. По приказу Николая I Блудов через Паскевича занялся поиском оригинала письма, чтобы "приструнить" Лазаревых. Однако все усилия начальника Армянской области Бебутова оказались "тщетными". Причиной провала задания Блудов представил глубокую секретность: "Ибо подобная переписка, сколько мог Бебутов узнать, производится с большой осторожностью и по прочтении тотчас истребляется".³³

28 февраля 1830 г. ген. Бенкендорф представил графу Блудову записку "О положении армянского духовного управления" и частное письмо Арутюна Аламдаряна. В записке ставилось в известность, что архимандрит Серовбе после возведения в сан епископа для руководства Астраханской епархией остался в Тифлисе, чтобы через главного начальника Грузии стать главой Грузинской епархии, а также для возведения архиепископа Иоаннеса Карбеци на Эчмиадзинский престол. Деятельность тандема Серовбе-Карбеци, направленная против устранения значения Нерсеса Аштаракца, признавалась весьма эффективной: "Успев удалить всех достойных сановников, Серафим и Иоаннес овладели Эчми-

адзинским Синодом и довели патриарха Ефрема до того, что он принужденно отказался от своего звания и представляет себе в преемники архиепископа Иоаннеса, тогда как желание народа и его собственное есть, чтоб в патриархи был избран архиепископ Нерсес".³⁴

Предпочтительность Нерсеса Аштаракеци перед другими кандидатами мотивировалась общенациональной известностью и распадом плодов его деятельности: "По причине всех сих непорядков духовные лица из Турции и Персии прекращают уже свои сношения с Эчмиадзином. Завещания, устроенные архиепископом Нерсесом в Тифлисе, как-то - армянское училище и семинария - приходят в совершенный упадок, и типография упразднена".³⁵ Завершалась записка изъявлением "народного гласа" о необходимости прекращения "неустройств" по главному управлению армянской церкви, недопущения вмешательства региональной власти во внутренние дела Эчмиадзинского престола и защиты архимандритов Аламдаряна и Иосифа, "гонимых ныне без всякой их вины". Во имя общественного блага, согласно желанию католикоса Ефрема, предлагалось избрать архиепископа Аштаракеци на Эчмиадзинский престол. Епископ Серовбе должен был быть удален из Тифлиса в Астраханскую епархию.

Архимандрит Аламдарян ставил в известность, что с согласия архимандрита Иосифа и архиепископа Иоаннеса Карбеци он посетил Эчмиадзин для получения епископского сана. Однако епископ Серовбе не допустил этого, поскольку считал, что Аламдарян являлся приверженцем архиепископа Аштаракеци. При вторичном посещении Эчмиадзинского монастыря Аламдарян узнал от архиепископа Иоаннеса, что Паскевич четыре раза секретно писал католикосу о его удалении из Тифлиса, с запретом перевода в Эчмиадзин либо в Кишинев. Затем последовало повеление католикоса отбыть в Ахпатский монастырь, где он и находился. Им была принесена жалоба на "незаслуженность наказания", на что получил ответ от архиепископа Иоаннеса Карбеци, что это сделано по воле Паскевича. После описания происков архиепископа Иоаннеса и епископа Серовбе, изложенных в записке Бенкендорфа, Аламдарян просил разрешение отправиться в С.-Петербург либо к Нерсесу Аштаракеци в Кишинев.

Блудов сообщил царю о близких отношениях Аламдаряна и Нерсеса Аштаракеци, перипетиях "управления" им Грузинской епархией, установлении над ним тайного надзора и требования отчетности в расходах со стороны Паскевича. Глава региона по просьбе католикоса Ефрема оставил архимандрита Иосифа в Эч-

миадзинском монастыре. Подчернуто наличие похвальных отзывов Паскевича в адрес Серовбе, который был направлен в Эчмиадзин для подготовки выборов, и архиепископа Иоаннеса Карбеци, избранного Эчмиадзинским Синодом в кандидаты на сан католикоса. При этом глава иностранных исповеданий не упустил случая добавить, что в письме архиепископа Нерсеса от 21 января 1829 г. и в частных записках ген. Бенкендорфа Серовбе характеризовался сварливой и безнравственной личностью, получившей образование в Риме, неоднократно являвшейся прозелитом из армянского исповедания в католичество и обратно.

По словам Блудова, отречение католикоса Ефрема было представлено графом Паскевичем-Эриванским. Имела место тяжба между группировками Нерсеса Аштаракеци и Иоаннеса Карбеци: "По жалобам приверженцев и противников Нерсеса и их взаимным обвинениям в происках и разорении церковного имущества, беспрестанно друг на друга возводимым, здесь трудно или вовсе невозможно открыть истину".³⁶ Для успокоения страстей граф Блудов просил сенаторов-ревизоров управления Закавказья П. И. Кутайсова и Е. И. Мечникова обратить внимание на положение армянской церкви. Отсутствие от них информации связано с желанием её изложить лично по прибытию в С.-Петербург. Других средств для получения объективной информации Главное управление духовных дел иностранных исповеданий не располагало и было вынуждено ориентироваться на сведения региональной власти. По вопросу Аламдаряна предложено, через архиепископа Иоаннеса, получить санкцию Паскевича на отъезд в Кишинев к архиепископу Нерсесу, где бы мог быть задействован в планируемой к созданию консистории.

Доклад по записке и письму Аламдаряна, как и свои соображения, Блудов представил царю 17 марта 1830 г. В тот же день изложено представление архиепископа Аштаракеци "О сохранении древнего обычая заклания животных в оградах храмов"(матах). Все они были рассмотрены царем 19 марта 1831 г. Санкционирован перевод Аламдаряна в Кишинев, а осуществление жертвоприношений допускалось вне церковей и оград храмов.³⁷

При внешней объективности имелся небольшой византийский штрих со стороны графа Блудова относительно документов, полученных от Бенкендорфа 28 февраля и представленных царю 17 марта, позволяющий говорить о продолжении политики двойных стандартов в деле Аштаракеци. Дело в том, что 15-17 марта 1831 г. собор Эчмиадзинского престола провел выборы главы армянской церкви. Духовное собрание выслушало отречение Еф-

рема от звания католикоса и предложение об избрании двух кандидатов. Были единогласно выдвинуты кандидатами на сан католикоса архиепископы Мартирос и Иоаннес с запрограммированным результатом, который и был осуществлен. "Акт избрания" был провозглашен "католикосом" Ефремом и разослан армянскому населению закавказских провинций для утверждения.³⁸

Возник временной зазор для утверждения Ионаннеса VIII Карбеци утвердительной грамотой царя Николая I. Это позволило Хачатуру Лазареву 6 апреля 1831 г. вновь поднять вопрос высочайшего назначения католикосом Нерсеса Аштаракеци: "Осмеливаюсь присовокупить общий Армянский глас усердных молений, чтобы праведным представительством Верховным Эчмиадзинским патриархом на упраздняемую ваканцию был назначен и утвержден заслуженный архиепископ Нерсес, в продолжение более 30 лет являвший важные подвиги, непоколебимо преданный России и стяжавший истинными действиями всеобщее уважение населения Тифлиса".³⁹ Выразалась надежда на пересмотр дела Аштаракеци.

2 мая 1831 г. Блудов представил доклад царю "Об учреждении армянской епархиальной консистории в Кишиневе". Отмечено о затруднениях, связанных с её организацией архиепископом Аштаракеци в г. Новом Нахичеване и недостатком способных священнослужителей из местного духовенства. Архипастырь предлагал обратиться в консисторию Московское духовное правление. Предложение было отвергнуто Блудовым из-за малого числа армян в Москве, отдаленности как от епархиального начальника, так и от центра проживания армян епархии. Взамен поступила просьба архиепископа Нерсеса об её открытии в г. Кишиневе, являвшемся местом его постоянного пребывания и имевшем духовное правление. Блудов счел возможным удовлетворить это предложение, по крайней мере, до принятия нового "Устава армянского духовенства". Разработку нового церковного "Устава" царь поручил Блудову и вице-канцлеру Нессельроде. Мнение главы иностранных исповеданий было утверждено царем.

15 мая 1831 г. Блудов сообщил монарху о получении "бумаг" от Бенкендорфа относительно избрания нового армянского католикоса и отрицательных черт одного из кандидатов. От оценки сообщения Блудов уклонился, рассматривая их как проявление столкновения группировок Нерсеса и Карбеци: "Считаю долгом немедленно представить на высочайшее усмотрение в. и. в. без всякого с моей стороны заключения по причинам, кои я имел счастье неоднократно объяснять в прежних моих всеподданнейших

докладах".⁴⁰ Сам порядок избрания главы армянской церкви сочтен соответствующим разработанному ритуалу: "Осмеливаюсь также заметить, что порядок избрания армянского католикоса, ко- ему, как уведомлял меня ген. фельд. гр. Паскевич-Эриванский, он предписал следовать предначертанным на основании древних узаконений и обычаев Армении, в прилагаемой у сего всеподданнейшей докладной записке моей от 16 декабря 1831 г., удостоенной высочайшего одобрения в. и. в."⁴¹ Отмечена, однако, возможность местной специфики: "Впрочем, мне неизвестно, до какой степени Эчмиадзинское духовное собрание соображалось с моими предположениями и предположениями графа Паскевича-Эриванского".⁴²

Теневую сторону прошедших выборов позволяет представить письмо князя Ивана Аргутинского-Долгорукого из Армянской области к дяде Д. Аргутинскому-Долгорукому от 6 июля 1831 г. В нем утверждалось о наличии правительственной санкции на отстранение Нерсеса Аштаракеци от выборов: "Князь Василий Бебутов имел официальное предписание о невнесении архиепископа Нерсеса в число кандидатов. Я его видел третьего того дня (то есть 3 марта). В предписании сем выставлен Преосвященный Нерсес как самый неблагонамеренный правительству человек". Указано, что подписка "Акта избрания" в пользу избрания католикосом проходила насильственно среди армянского населения Тифлиса. Выражалась надежда на возможность пересмотра результатов выборов в С.- Петербурге: "Авось Бог благословит правое дело Нерсеса". Рассчитывалось на взаимопонимание со стороны новоизбранного католикоса: "Иоаннес сам готов уступить, если только скажут, что Нерсес назначается в кандидаты: ибо он очень справедливо говорит, что достойнее его, кроме Нерсеса, нет в сем монастыре".⁴³

16 мая 1831 г. царь счел возможным обсудить эти "бумаги" вместе с Бенкендорфом и Паскевичем, который был отозван с Кавказа для подавления польского восстания. Перед отъездом Паскевич дал "Предписание" ген. м. Панкратьеву об управлении Закавказским краем, где отмечалось значение Эчмиадзинского престола для внешних интересов России, диктующей желание иметь "преданного католикоса". Изложено о расстроенном состоянии дел Эчмиадзина, удалении Нерсеса Аштаракеци в Бессарабию и наказании его сторонников. Кандидат в католикосы Иоаннес Карбеци сочтен предпочтительным перед Аштаракеци, который, якобы, вел несанкционированную переписку с Персидским двором и турецкими пашами, присвоил себе правительственную

власть. Вывод гласил: "Сего от архиепископа Иоаннеса ожидать нельзя".⁴⁴ Сообщено о докладе царю по утверждению Карбеци.⁴⁵

18 мая 1831 г. Блудов доложил монарху о донесении главы Грузинской епархии Иоаннеса Карбеци относительно избрания его 17 марта кандидатом на сан католикоса и возвращения в Тифлис. Из "бумаг" Бенкендорфа составлена выписка, которую предлагалось рассмотреть не только с Бенкендорфом и Паскевичем, но и с вице-канцлером Нессельроде. Николай I выразил свое согласие.⁴⁶

Приход к руководству Эчмиадзинского престола группировки Карбеци усилил гонения против сторонников Аштаракеци. Причастным к судьбе Артемия Аламдаряна являлся Хачатур Лазарев. 26 мая 1831 г. Аламдаряна из Ахпатского монастыря выразил свою признательность: "Письмо ваше к архиепископу Карпинскому на счет избавления моего из Ахпатского монастыря произвело в нем важнейшее действие. Страшась противоречить Вам, прибегнул он к новым низостям. Сперва предлагал он мне звание викарного архимандрита в Елисаветполе, коего заразительный климат без пощады убивает всех, а теперь свирепствует там и холера". Отмечены безвыходность и уязвимость положения: "Впрочем, я согласился на сие пагубное предложение, дабы не умереть в сей безлюдной пустыне; но Тифлисская паства, узнав о сем, настоятельно требовала от Карпинского отложить сие намерение свое и не посылать меня на явную смерть; он долго колебался и, видя выезд из Грузии Графа, невольно согласился оставить меня в сем же монастыре".

Представлено наличие запроса министра иностранных исповеданий к Тифлисскому военному губернатору о личности и заслугах просветителя Аламдаряна, которое являлось результатом представления его к награде со стороны Нерсеса Аштаракеци: "Точно я издал российско-армянский словарь, перевел катехизис и книгу о должностях приходских священников, завел типографию, открыл училище и был директором онаго, и проч.". Канцелярия Тифлисского военного губернатора запросила заключение Карбеци, который, по советам Серовбе и архимандрита Мануила, дал негативный ответ: "Все это справедливо, но труды Аламдарова никакой пользы не принесли нации и церкви нашей, он не заслуживает никакой награды".⁴⁷ Ответ Аламдаряна считал несправедливым, так как 600 экземпляров словаря и 1000 экземпляров катехизиса разошлись в течение двух лет, и у него не осталось ни одной книги. При этом католикос Ефрем наградил за эти труды благословительной буллой и золотым крестом с надписью. Также он был удостоен благоволения и награждения крестом с алмазами, на

что имелось отношение бывшего министра духовных дел иностранных исповеданий.

Внимание Лазарева, запрос Блудова, защита тифлисской паствы относительно Аламдаряна встревожили Карбеци, который 22 мая предписал ему сдать дела в течение двух дней и прибыть в Эчмиадзин. По тифлиским сведениям, отсюда намечалось сослать Аламдаряна в монастырь Арайуры, находящийся в 80 верстах от Еревана. Ставилась цель прекратить связь Аламдаряна с архиепископом Нерсесом, Лазаревым и Тифлисской паствой. Прогноз Аламдаряна о своей судьбе при Карпеци был неутешителен: "Если в отсутствие Графа он так жестоко притесняет меня, если же он возвратится, то неминуемо постигнет меня смерть - уже я и теперь в сухотке - и дай Бог, чтобы я не долго страдал болезненными припадками, но скоро бы изошел в лоно вечности". Заявлялось о последнем обращении: "Если бы не боялся Вас Карбинский, то давно бы я был в недрах сырой земли".⁴⁸

Отказ Аламдаряна прибыть в Эчмиадзин побудил архиепископа Карбеци обратиться за содействием к главе региона. Панкратьев поручил главному приставу осуществить высылку Аламдаряна в Эчмиадзинский монастырь. Однако к 7 июня 1831 г. Паскевич предписал Аламдаряну, согласно высочайшей воле, направиться в Кишинев к архиепископу Нерсесу. Архиепископ Иоаннес воспротивился предписанию под предлогом несдачи Аламдаряном дел по Грузинской епархии, особенно по доходам и расходам, но под воздействием армянской общественности Тифлиса отступил. 8 июня архимандриту сторонниками из Тифлиса было отправлено сообщение о незаконности отправления к предназначенному месту и необходимости выполнения высочайшей воли.⁴⁹

29 мая 1831 г. департамент духовных дел иностранных исповеданий сообщил Азиатскому департаменту министерства иностранных дел о получении от начальника штаба отдельного Кавказского корпуса Панкратьева актов и подписей об избрании католикоса Эчмиадзинского престола. Запрошены перевод, а также подготовка утвердительной грамоты. 12 июня Азиатский департамент поставил в известность Главное управление духовных дел иностранных исповеданий о завершении подготовки составления грамоты на пергаменте с позолотой. Намечалось осуществить перемены. Так, предлагалось ввести указание об участии в выборах архиереев и духовенстве, что не было в грамоте католикоса Ефрема. Если ранее утвердительная грамота посылалась католикосу, находящемуся в "мусульманской области", с большой государственной печатью, то теперь он жил в "русской области", и доста-

точным представлялось наличие подписи монарха.⁵⁰

Проект утвердительной грамоты начинался с обращения к католикусу Ефрему, чтобы подчеркнуть его высокий авторитет в армянской церкви и обосновать создание нового института Араратского престола - старшего католикоса и действующего католикоса: "Нашему, любезноверному, Высокопочтенному Ефрему, первенствующему патриарху Эчмиадзина, патриарха всех армян, архиепископам, епископам, архиереям, Синоду Эчмиадзинскому и всему духовенству армянской церкви, честным меликам, юзбашам и управителям и всему честному армянскому народу, коим Императорскую милость объявляем".⁵¹ Приводилась мотивационная преамбула смены действующего главы армянской церкви. Отмечался отказ царя Александра I в 1822 г. принять прошение католикоса Ефрема об отречении. В 1828 г. прошение было повторено, с просьбой назначить преемника, но встретило желание Николая I продолжить управление армянской церковью. В очередном обращении великовозрастный Дзорагехци указывал, что из-за физической немощи он не может исполнять две важные прерогативы католикоса - мироварение и возведение в сан католикоса. Прошение было уважено Эчмиадзинским Синодом, который "разработал" процедуру избрания согласно древним армянским традициям. Духовное собрание 16(17) марта 1831 г. избрало двух кандидатов - техапа Мартироса и архиепископа Иоаннеса. В соответствии с волей Духовного собрания, духовенства ближайших епархий к Эчмиадзину, архиереев, меликов, юзбашей и пр. в сани Эчмиадзинского патриарха (католикоса) утверждался архиепископ Иоаннес.⁵² Католикос Ефрем обязывался помогать новоутвержденному католикусу: "Будет содействовать новоизбранному патриарху во всех каждах, касающихся до управления сей церкви случаях, своими советами и наставлениями, плодом мудрости, многолетней опытностью приобретенной".⁵³

Текст грамоты легитимизировал законность избрания и прав католикоса Иоаннеса, утверждение которого было осуществлено без актов Турции и Персии. На цитированном проекте проставлено карандашом: "Грамота сия по переписке утверждена и отправлена".⁵⁴ Действительно, 29 июня 1831 г. граф Блудов известил директора Азиатского департамента К. К. Родофиникина о принятии текста грамоты. 11 июля Блудов указал вице-канцлеру Несельроде о подписании утвердительной грамоты е. и. в. и отправлении по предназначенности. От посланников при султанском и шахском дворах требовалось испрашивать не утвердительных грамот, а всего лишь разрешения местным армянам обращаться по

важным духовным потребностям к Эчмиадзинскому престолу.⁵⁵ 30 июня 1830 г. Николай I подписал грамоты о награждении Иоаннеса Карбеци орденом св. А. Невского, наместника католикоса Мартироса - орденом св. Анны I-ой степени, как и епископа Серовбе, католикоса Ефрема - орденом св. А. Первозванного.⁵⁶ Награждались четыре участника выборов в Эчмиадзине: католикос-отказник, выбранный католикос, наместник, олицетворявший наличие выбора, дирижировавший кулисами правительственный епископ. Иоаннеса наградили орденом А. Невского как носителя высокого сана, но без алмазных знаков, которых надо было еще заслужить.⁵⁷ В грамоте католикоса Ефрема Николаем I указывалось о наличии "преклонных лет", приведших к невозможности исполнения обязанностей главы армянской церкви, подписании утвердительной грамоты на имя Иоаннеса и существовании "оснований" для награждения высшим орденом Российской империи. Архиепископа Мартироса наградили за "ревностные труды" в пользу армянской церкви, а Серовбе - в защиту интересов державы.⁵⁸

Награды имели продуманный и осознанный характер. Власть поддерживала и награждала тех сановников армянской церкви, которые не противились подчинению армянской церкви влиянию самодержавия. Каждый из них получил соответствующую степень награды. В стане группировки Карбеци было ликование: "Хорошего кандидата избрали".⁵⁹

Разочарование деятелей группировки Аштаракеци происшедшим отразило письмо Александра Худобашева к Христофору Лазареву от 21 июля 1831 г. из С.- Петербурга: "Дело о патриаршестве приведено к концу, жаль, очень жаль, что противники восторжествовали, и сие можно было предвидеть, как я вам прежде писал". Деятель министерства иностранных дел в торжестве группировки Карбеци видел вклад и архиепископа Аштаркеци: "Пресвященный Нерсес, всегда бодрствовавший, доказал, что он потерял вовсе дух; и теперь не понимаю, почему он не решается приехать сюда, хотя бы для того, чтобы оставить за собою Грузинскую епархию, в противном случае, все, им начатое, неминуемо доведено будет до разрушения вконец. Жители же тамошние, сколько известно, питают к нему хорошее расположение. - Злонамеренных же и враждующих ему есть еще время удержать, пока в живых патриарх Ефрем".⁶⁰

27 августа 1831 г. торжество Паскевича в деле Аштаракеци в письме к Хачатуру Лазареву признал другой сторонник возрождения армянской государственности кн. К. Аргутинский-Долгору-

кий: "Патриаршие дела, как Вам известно, кончилось по желанию властелина За-Кавказских стран". Отдавалось должное Аштаракеци, обращалось внимание на политизацию его дела, не позволившее стать главой армянской церкви: "Нерсес - муж сей добродетельный и заслугами своими отличающийся, содельвается в глазах Государя неблагонамеренным и лишается патриаршего сана".⁶¹ Вина за происшедшее возлагалась и на армянскую сторону: "Ефрем, Синод его и тифлиские армяне дали на то свое согласие". Сообщено о прибытии в Одессу архимандрита Артемия Аладаряна, следовавшего в Кишинев, раскрывшего различные проделки группировки Карбеци для прихода к власти. Сделано негативное заключение: "Одни самовластные наши могут себе позволить подобные дела".⁶²

Произошла передислокация рядов высших сановников Российской империи, касавшихся судьбы Аштаракеци. Паскевич подавил польское восстание, что на два года отложило подготовку "Устава армянской церкви". За это он получил титул князя Варшавского. Иоаннес Карбеци поддержал польскую политику самодержавия, но Аштаракеци дистанционировался.⁶³ Скончался Дибич, на похоронах которого 11 сентября 1831 г. А. Худобашеву было поручено нести орден св. Георгия I-ой степени в сопровождении двух ассистентов гвардейского штаба.⁶⁴

Окончательный анализ прошедших выборов для сторонников Аштаракеци отразило письмо Александра Худобашева от 13 октября 1831 г, отправленное из С.-Петербурга Хачатуру Лазареву. Предлагаемая пессимистический прогноз событий для правительственных и церковных участников выборов, победа которых признавалась Пирровой: "Дела патриаршие приведены к концу, это правда, но не предвидится никакой от того пользы, ни правительству, ни нации, ни престолу Эчмиадзинскому, который теперь вовсе лишен преимуществ, коими был прославляем". Отмечалась антипрестольная деятельность католика Сиса: "Армяне, живущие в Турции, по доходящим сюда слухам, восстановили патриаршество в Сисе, что в Киликии, и через сие посудите, какой может быть ущерб для Эчмиадзинского монастыря".⁶⁵

Нерсес Аштаракеци принял вызов судьбы. Он вновь стал уделять внимание хозяйственным делам, стараясь в Григориополе окончательно наладить церковные участки и заведения.⁶⁶ Хачатур Лазарев должен был обеспечивать свое служебное реноме, чтобы продолжать содействие Аштаркеци и осуществлять национальное служение. 26 октября 1831 г. Бенкендорф запросил его награждения знаком беспорочной службы за 30 лет у вице-канцлера Нес-

сельроде, поскольку он являлся прикомандированным чиновником министерства иностранных дел.⁶⁷ Прошение было удовлетворено лишь 22 августа следующего года. Задержка означала порицание за активную поддержку Нерсеса Аштаракеци. Там медаль за турецкую кампанию 1828 и 1829 гг. он получил 17 декабря 1829 г., а знаки ордена св. Анны II степени - 31 декабря того же года.⁶⁸

Карбеци стал католикосом "императорской грамотой".⁶⁹ Это позволило Блудову в начале сентября поставить в известность ген. Панкратьева о запросе Карбеци по поводу возможности замещения освободившейся Грузинской кафедры двумя кандидатами для утверждения одного из них царем. Об этом Панкратьев известил 14 сентября 1831 г. военного министра Чернышева. Подход сочтен обоснованным, чтобы деятельность любого епархиального не имела антиправительственного духа. Отрицательным примером подобного рода указан Нерсес Аштаракеци. Запрошено участие руководства Закавказья в назначении епархиального Грузии и в других делах, относящихся к армянской церкви.⁷⁰ 30 сентября 1831 г. Николай I утвердил доклад Блудова о прошении Иоанеса Карбеци принять меры по получению утвердительного фирмана от султана Турции по примеру прошлого времени, чтобы местные армяне имели возможность обращаться по духовным тревам в Эчмиадзин. Блудов указал католикосу, что вице-канцлер Нессельроде принял соответствующие меры по восстановлению духовной связи между турецкими армянами и Эчмиадзином.⁷¹

8 ноября 1831 г. в Эчмиадзине состоялось торжественное миропомазание Иоанеса III Карбеци католикосом всех армян. Для поддержания его авторитета старшим католикосом стал именно - ваться Ефрем Дзорагехци. Своим присутствием власть олицетворяли д.с.с. Влангели, архиепископ Серовбе, а от руководства Кавказа чиновник особых поручений кн. Н. Палавандов.⁷² Правительство Российской империи было озабочено образом нового главы армянской церкви. Палавандову было предписано узнать мнение местной и зарубежной армянской общественности о католикосе Иоаннесе, о том как он вел себя в пути из Тифлиса и по прибытию в Эчмиадзин. Поручено составить представление о политической ориентации: "Какие люди пользуются особенной доверенностью Иоаннеса, ибо по их свойствам и качествам можно будет судить, благонамерен ли к нам патриарх или нет".⁷³ Интересовались отношениям с Дзорагехци: "Не интригует ли Иоаннес против Ефрема, чтобы отдалить вовсе сего старца от влияния на дела управления и тем самым действовать произвольно".⁷⁴ Требовалось обратить внимание на наличие возможных заграничных связей.

Завершился процесс устранения архиепископа Нерсеса Аштаракеци от управления армянской церковью, начатый ещё Паскевичем. Однако правителем Закавказья стал барон Г. В. Розен, не имевший пиетета перед "отцом командиром", знавший Нерсеса Аштаракеци и Карбеци с начала XIX в. Еще 20 октября 1831 г. католикос Иоаннес поздравил барона Розена с назначением главой Закавказья: "Начальника, коего неустрашимая храбрость и примерные добродетели еще давно были мне известны".⁷⁵

24 ноября 1831 г. Розен в отношении к Панкратьеву запросил доказательств сепаратизма Аштаракеци: "Из дел о высылки архиепископа из Грузии я не мог найти никаких доказательств о командировании его к правительству и сношениях с заграничными властями". Запрос мотивирован сохранением влияния архипастыря: "Сведения сии необходимы для соображений моих в отношении привязанности всех здесь армян к нему".⁷⁶ Популярность Аштаракеци ослабляла значение Карбеци для главноуправляющего Розена, который был заинтересован в определенной напряженности вокруг Эчмиадзинского престола для обеспечения своего влияния.

-
1. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 2, л. 2.
 2. Там же, л. 1-7.
 3. АКАК, т. 7, N 235, с. 290.
 4. Архив Хачатура Абовяна. Ер., 1940, т. 1, N 4, с. 27. - На арм. яз.
 5. АКАК, т. 7, N 236, с. 290, 291.
 6. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 2, л. 4 об.
 7. Там же, л. 4, 4 об.
 8. ГИА, ф. 1717, оп. 1, д. 11, л. 72 об.
 9. Там же, л. 73.
 10. Там же, л. 73 об.
 11. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 4, л. 157 об.
 12. ГИА, ф. 1717, оп. 1, д. 11, л. 74 об.
 13. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 4, л. 139 об.
 14. АКАК, т. 7, N 239, с. 294.
 15. Там же, с. 293, 294.
 16. Там же, N240, с. 295.
 17. Там же, с. 296.
 18. НАА, ф. 53, оп. 1, д. 3, л. 6 - 8.
 19. АКАК, т. 7, N 241, с. 296.
 20. Там же, N 243, с. 290.
 21. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 3, л. 209 - 215 об.
 22. Там же, л. 216 об.
 23. Тунян В. Г. Эчмиадзинский престол XIX - нач. XX вв. Ер., 2001, с. 13.
 24. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 3, л. 222 - 226.
 25. Тунян В. Г. Эчмиадзинский престол ..., с. 17.

26. АКАК, т. 7, N 245, с.298.
27. Там же, с. 298 - 301.
28. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 118 об.
29. Там же, л. 122 об.
30. ЦГАДА, ф. 1252, д. 342, л. 86 об.
31. Там же, л. 86 об, 87.
32. Там же, д. 1274, л. 47.
33. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 4, л. 139.
34. Там же, л. 154 об, 155.
35. Там же, л. 155.
36. Там же, л. 159.
37. Там же, л. 154 - 163 об.
38. Там же, ф. 1018, оп. 3, д. 189, л. 3, 3 об.
39. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 130.
40. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 4, л. 203.
41. Там же, л. 203, 203 об.
42. Там же, л. 203 об.
43. Там же, ф. 880, оп. 5, д. 391, л. 8.
44. АКАК, т. 7, N 253, с. 308.
45. Там же, с. 306 - 308.
46. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 4, л. 203 - 204.
47. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л. 75.
48. Там же, л. 76.
49. Там же, л. 77 - 78.
50. АВПР, ф. Азиатский департамент, оп. 710/1, д. 1123, л. 34, 52, 52 об.
51. Там же, л. 55.
52. Там же, л. 55 - 56 об.
53. Там же, л. 56 об.
54. Там же, л. 55.
55. Там же, л. 61, 61 об.
56. Собрание актов..., ч. 1, с. 307 - 308.
57. НАА, ф. 56, оп. 1, 809, л. 14.
58. Собрание актов..., ч. 1, с. 307 - 308
59. РГИА, г. 880, оп. 5, д. 391, л. 9.
60. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л. 89 об.
61. Там же, л. 99 об, 100.
62. Там же, л. 100.
63. АВПР, ф. Армянские дела, 1831 - 1842, д. 8, л. 21, 27 об.
64. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л. 107 об.
65. Там же, л. 124 об.
66. Там же, л. 140.
67. ГИА, д. 109, I эксп., д. 51, л.146.
68. АВПР, ф. ДЛС и X, д. 1932, л. 13 об, 14.
69. Архив Хачатура Абовяна ..., с. 267.
70. АКАК, т. 7, N 257, с. 310.
71. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 5, л. 103, 103 об.
72. Тунян В. Г. Эчмиадзинский престол..., с. 18, 19.

73. АВПР, ф. Азиатский департамент, оп. 710/1, д. 1123, л. 98.

74. Там же, л. 98 об.

75. ОПИ ГИМ, ф. 6, оп. 1, д. 68. л. 234.

76. АКАК, т. 8, N 177, с. 263.

2. Попытка низвержения Карбеци

24 декабря 1831 г. главноуправляющий Розен представил директору Азиатского департамента Родофиникину итоги секретной миссии кн. Палавандова относительно католикаса Иоаннеса УШ. Владыка признавался личностью деятельной, но не "чуждой корысти". Порок прикрывался добродетелью: "Однако сему пороку патриарх Иоаннес дает благовидный предлог, якобы старается, по возможности, уплачивать монастырские долги, до значительной суммы накопившиеся".¹ Окружение оказывало уважение Иоаннесу, что являлось результатом выбора католикаса Ефрема. Заграничных официальных делегаций не было. Однако до миропомзания прибыли частные армяне из Эрзерума, Тавриза, Баязета, Карса, Токата и Вана, которые принесли поздравления новому католикосу. Многие из них имели обращения на имя обоих католикосов на армянском языке. Из Египта присутствовала лишь одна женщина с сыном. В августе из Константинополя на имя Ефрема прибыло письмо от Арутюн-амира, входящего в окружение султана, стремящегося узнать "правду" об избрании Иоаннеса. Податель письма был определен шпионом из Константинополя. Поздравление из-за границы прислал Иоаннесу Баязетский Беглюк-паша. Он был с ним знаком, когда Иоаннес, выполняя поручение Ефрема, ездил в Константинополь и другие места Турции.

По прибытии в Эчмиадзин католикос Иоаннес вел себя скромно. Он представил отчет Эчмиадзинскому Синоду по управлению Грузинской епархией и заплатил 6 тыс. руб. сер. церковного долга. Отмечалось об отсутствии распоряжений, вредящих интересам России как в Грузии, так и в Персии. Окружение нового католикаса сочтено вызывающим доверие: "При патриархе Иоаннесе пользуются доверенностью все те же люди, которые имели оную при Ефреме, и хотя они не все просвещены разумом, но по крайней мере благонадежны". Выделено значение архимандрита Иосифа: "Более всех снискал к себе уважение нового архипастыря, член армянского Синода архимандрит Иосиф, любимец старшего католикаса и человек хороших свойств".² Отмечалось об отсутствии случаев отправления агентов за границу со стороны Иоаннесом. Признавалось наличие приятных отношений нового католикаса к старшему Ефрему Дзорагехци: "Не только Иоаннес не интригует против старшего патриарха, чтобы

отдалить его вовсе от влияния на дела духовные, но совершенно ему раболепствует, спрашивая всегда его советов и решений, по предоставленному ему армянскою церковью; ибо он хорошо постигает, что, действуя иначе, может потерять все и уважение в народе".³

В свою очередь, Розен запросил графа Блудова уважить просьбу католикаса Ефрема о награждении бриллиантовым крестом на клобуке. Католикосы Ефрем и Иоаннес просили также разрешение посвящать в архимандриты и епископы без предварительного утверждения с главой региональной власти. Эта мера представлялась соответствующей традициям армянской церкви, являлась прерогативой главы Эчмиадзинского престола и должна была повысить его авторитет среди зарубежного и местного духовенства. Такое же значение имело и отправление духовной депутации за границу с благой вестью о восшествии католикаса.

20 января 1832 г. Блудов вошел к царю Николаю I с двумя представлениями. Первое касалось предоставления ссуды в 50 тыс. руб. сер., запрошенной католикосами Ефремом и Иоаннесом для покрытия долгов Эчмиадзинского монастыря. Взамен гарантом возврата предоставлялось церковное имущество. Помимо этого, предлагались хлопок и рис, вносимые в подать населением Армянской области. Подход диктовался тем, что предшествующее обращение католикаса Ефрема к Паскевичу о ссуде без обеспечения было оставлено без внимания. Главноуправляющий Розен предлагал выделить ссуду для возврата долгов, взяв в обеспечение церковное имущество. Долг Эчмиадзинского монастыря Розен оценивал в 6-7 тыс. туманов, то есть от 24 до 28 тыс. руб. сер. Предложение взять взамен части ссуды хлопок и рис Розен отклонил, поскольку это означало отказ от доходов с Армянской области на её управление, восполнение которых потребовало бы вмешательства государственного казначейства.⁴

Второе представление касалось желания католикаса Ефрема Дзорагехци воздвигнуть памятник русским воинам павшим в Ошаканском сражении 17 августа 1827 г., которые спасли Эчмиадзинский монастырь от занятия персами. Памятник намечалось соорудить за счет средств Эчмиадзинского монастыря. Главноуправляющий Розен поддержал предложение, "тем более, что сей старец, всеми за святого мужа почитаемый, передаст и памятнику, им воздвигнутому то уважение, которым он повсюду пользуется".⁵ Николай I направил вопрос о ссуде на согласование с министром финансов Канкриным, а второе санкционировал 23 января 1832 г.⁶

26 января 1832 г. Блудов уведомил Розена о согласии Николая I на награждение католикоса Иоаннеса бриллиантовым крестом на клобук.⁷ Разрешение получили и другие прошения у царя. Они были удовлетворены как составные части канонического права католикоса и затрагивающие интересы зарубежного духовенства: "Высочайше соизволил, чтобы, не стесняя прежних преимуществ католикоса, предоставить ему полную власть посвящать в епископы и архимандриты и отправлять духовных за границу, не испрашивая предварительного разрешения, но извещая лишь о том главное местное управление духовных дел иностранных исповеданий".⁸ В назначении епископов в российские епархии предписывалось руководствоваться процедурой назначения архиепископов Иоаннеса и Серовбе, заключающейся в предоставлении кандидатов через главу региона в Главное управление духовных дел исповеданий на утверждение одним царем. На основе ст. 19 проекта "Учреждения" Тифлисского комитета число кандидатов, представляемых католикосом совместно с Верховным советом, должно было быть три.

Тем самым составлен контрольный механизм над католикосом путем увеличения представительной-надзорной функции Верховного совета относительно кандидатур внутренних епархиальных глав и фильтрации удобных лиц самодержавной властью.

14 февраля 1832 г. получило разрешение представление "большого армянского патриарха" Ефрема от 19 сентября 1831 г. В нем запрашивалось "приличное награждение" трех членов Эчмиадзинского Синода - архимандритов Барсега Гарнийского, Стефана Кегамова и Иосифа Крымского орденом св. Анны 2 -й степени и выделении последнему 600 руб. сер. пенсионера. Проверка достоверности представления у католикоса Иоаннеса выявила, что используя факт "потери зрения" католикоса Ефрема, архимандрит Иосиф Крымский сам себе представил к награде и пенсиону. Согласно донесению Розена, старший католикос "не подозревал о подлоге". По заключению начальника Армянской области Бебутова, архимандрит Барсег Гарнийский, ранее управлявший Нахичеванской епархией, имел "ограниченные способности", но вел себя скромно. Аналогичным представлялся и архимандрит Иосиф Крымский, пользовавшийся доверием католикоса Ефрема и Иоаннеса до выявления последнего поступка. В результате архимандрит Иосиф Крымский был удален католикосом Иоаннесом от всех дел по духовному управлению Эчмиадзинским престолом. Католикос Иоаннес ходатайствовал лишь о награждении архимандрита Барсега Гарнийского.

Согласно представлению Блудова, архимандрит Иосиф Крымский подлежал лишению награды за "подлог", а архимандрита Барсега Гарнийского следовало наградить орденом св. Анны 2-й степени. Царь утвердил мнение главы духовного управления иностранных исповеданий.⁹ Однако данный подлог, как представлялось, являлся всего лишь фрагментом борьбы за управление армянской церковью группировок Аштаракеци и Карбеци. Обвинение в подлоге архимандрита Иосифа Крымского позволило католику Карбеци освободиться от его влияния в Эчмиадзинском монастыре и начать дистанцироваться от старшего католика Ефрема.

21 февраля 1832 г. граф Блудов уведомил главноуправляющего Розена о получении его отношения от 2 декабря. К нему прилагались проекты воззвания католиков Ефрема и Иоаннеса к турецким армянам об избрании нового католика всех армян. Иоаннес VIII желал отправить воззвание в Константинополь с традиционной духовной делегацией, что позволило бы упоминать его имя во всех местных армянских церквях, осуществлять сбор добровольных приношений и получать завещанные имущества, посвящать в сан епископов заграничных иерархов. Однако русский посол Бутенев в Константинополе выступил против этой идеи из-за известной политики Высокой Порты, которая видела в Эчмиадзинском католике выразителя интересов Российской империи. Об этом граф Блудов поставил в известность кн. наместника Польши Паскевича. Деятельность русских представителей в соседних азиатских странах рассматривалась залогом признания первенства Эчмиадзинского католика и необходимостью избежать "повода неприятных объяснений" с Высокой Портой.¹⁰

Азиатский департамент министерства иностранных дел избрание Иоаннеса VIII Карбеци католиком всех армян представил сдержанно: "По случаю отречения армянского патриарха Ефрема преемником избран Грузинский архиепископ".¹¹ Была задействована дипломатическая служба в Тегеране и Стамбуле. Иерусалимскому и Константинопольскому патриархам были пожалованы богатые бриллиантовые кресты для ношения на клобуках. Стоимость первого креста составляла 1200 червонцев, а второго - 900 червонцев.¹² Однако Константинопольский патриарх отклонил возможность обращения турецких армян по духовным делам в Эчмиадзин "до восстановления спокойствия" в Турции. Легитимность Иоаннеса VIII Карбеци не была признана, что затрагивало интересы Российской державы и показывало отсутствие общенациональной поддержки у нового главы армянской церкви.¹³

Между тем, сторонники архиепископа Нерсеса Аштаракеци готовились оспорить функциональную дееспособность католикоса Иоаннеса Карбеци. 25 января 1832 г. Хачатур Лазарев счел нужным обратить на это внимание шефа тайной полиции: "Новый патриарх не на своем месте".¹⁴ Это умозаключение обосновывалось выдвинутыми критериями лидера, "ибо ни достоинства, ни доверенности не имеет". Состояние духовных дел представлялось желающим лучшего: "Церковь при таком главе много терпит. В иерархии беспорядки разного рода".¹⁵ Критике подвергалась деятельность Астраханского архиепископа Серовбе, заправлявшего делами при новом католикосе. Восхвалению удостоен архиепископ Нерсес Аштаракеци. Приложена записка об архиепископе Нерсесе.¹⁶

Хачатур Лазарев рассматривал Аштаракеци "исторически необыкновенным человеком" и "выдающимся иерархом". Для него лишь архиепископ Нерсес был достоин сана католикоса всех армян. Это было следствием политического максимализма, которым он руководствовался с русско-персидской войны, и остракизма архипастыря. Между тем, после присвоения Карбеци сана католикоса возникла новая ситуация, когда трамплином для возвращения Аштаракеци стало рассматриваться занятие им поста главы Грузинской епархии. Этот подход отстаивали прагматичные сторонники легендарного деятеля Аштаракеци. Каким при этом были бы отношения между Аштаракеци и Карбеци, региональной и высшей властью не проецировалось

Умонастроение прагматичных сторонников Аштаракеци кн. К. Аргутинский-Долгоруков 15 февраля 1832 г. представил Лазареву на основе сообщений из Тифлиса. В условиях правления главноуправляющего Розена произошло определенное потепление отношений в пользу Аштаракеци. Начато движение в пользу возвращения к управлению Грузинской епархией Нерсеса Аштаракеци, к которому приглашался правительственный сановник: "Тамошние наши единоземцы, дыша свободнее, желают видеть снова посреди себя того, который так много оставил там о себе памяти. Я посредством своих близких действую столично, сколько в возможности моей есть средства. Вы, без сомнения, сами должны продолжать иметь влияние по сим делам, и успехи будут по желанию. Заботы Ваши вознаграждаются". Архипастырь представлен единственным и достойным занять руководство Грузинской епархии: "Правда должна быть открыта, невинность угнетенного обнаружится. Сношение Ваше с лицами, прежде близкими, произведет должное спасительное влияние".¹⁷ Сложившаяся ситуация сочтена

трудной, но не безнадежной: "Хотя поздно, но все со временем уляжется, и принесете величайшую пользу Нерсесу, невинно пострадавшему в понятии царя".¹⁸ Запрошено отношение вице-канцлера Нессельроде к Аштаракеци из-за прохладного отношения заграничных армян к католику Карбеци.

Воззрения прагматичных сторонников Аштаракеци о характере возвращения в регион оказали воздействие на Хачатура Лазарева, который стал представлять эту идею в обтекаемой форме. На основе сведений из Закавказского края от 11 марта 1832 г. Бенкендорфу сообщено: "Общее желание и общая просьба армян в том, чтобы велением монарха возвратился архиепископ Нерсес из Бессарабии в Грузию и Армению - как необходимый сановник - для благоустройства по армянской духовной иерархии".¹⁹ Этим самым намечалось разрешить все трудности и выявить истину остракизма. Имеющиеся страсти вокруг него признаны судьбоносными для архиепископа: "При перемене ныне обстоятельств в Грузии, при нахождении Главного начальника, привлекающего любовью, все сомнения могут разрешиться обнаруженной истиною. - Вопрос в том: преданный ли и полезный ли сочтен архиепископ Нерсес?".²⁰ Вопрос: быть или не быть возврату Аштаракеци был решен в отрицательную сторону, но борьба за положительное решение продолжалась.

Очередную положительную весть об Аштаракеци кн. Аргутинский-Долгорукий направил Лазареву 4 апреля 1832 г.: "Все вести, получаемые мною из Тифлиса о нашем почитаемом пастыре, весьма благоприятны и дают последнюю надежду, что жители сего города, наши единоземцы, восчувствовавшие потерю, в Нерсесе сделанную, стараются всячески поправить сие дело".²¹ Положительной по отношению к Аштаракеци представлялась позиция главноуправляющего Розена: "В чем и глава закавказской страны, как муж справедливый, не отвергает искания их". Выражалась надежда на возможность сдвига в желаемом направлении: "Мало-помалу откроется путь, который загроможден был клеветою и кознями зломыслящих людей".²²

Архиепископ Аштаракеци стремился представить свою значимость перед правительственными инстанциями. 18 апреля 1832 г. граф Блудов сообщил Николаю I о представлении архиепископа Нерсеса Аштаракеци относительно награждения архимандрита Артемия Аламдаряна орденом св. Анны 2-й степени за отличную духовную службу и полезные переводы различных работ на армянский язык. Прежнее представление было направлено на заключение графа Паскевича, которое не удостоилось положитель-

ного отношения, в частности, из-за непредставления отчета о расходах по Грузинской епархии. После прибытия Аламдаряна в Бессарабию Аштаракецци поставил в известность главу духовных дел иностранных исповеданий, что Аламдарян еще в 1829 г. сдал все дела по управлению Грузинской епархией архиепископу Симеону Бзнуни. Затем католикос Иоаннес сообщил о взятии отчетов у архиепископа Симеона. При этом Блудов находил, что награждение Аламдаряна орденом св. Анны 2-й степени излишне, поскольку за перевод книг и издание русско-армянского словаря в 1827 г. ему был пожалован наперстный крест с драгоценными камнями. Настойчивость второго представления Аштаракецци побудила графа Блудова представить Аламдаряна к ордену св. Станислава 3-й степени. Николай I выразил свое согласие.²³

Католикос Иоаннес Карбеци начал свою деятельность с положительных перемен. 14 мая 1832 г. граф Блудов представил сообщение Николаю I "Об успехах патриарха Иоаннеса в устройстве Эчмиадзинского престола". Первейшей своей обязанностью католикос Иоаннес находил нужным привести в "надлежащее устройство" Эчмиадзинский престол. Внутри Эчмиадзинского престола была возобновлена деятельность духовного училища, где обучалось 30 человек, готовящихся к монашескому званию. Были открыты два народных училища: одно - в церковной деревне Эчмиадзина, где обучалось около 50 юношей различных сословий, а второе - в Ереване при армянской церкви на 50 человек. В этих училищах обучали чтению, чистописанию, пению, армянской словесности и русскому языку. Возобновлена деятельность Эчмиадзинской типографии, находящейся давно в "упадке", построенная "по образцу европейскому". Стало приводиться в порядок делопроизводство католикоса и Синода. Доклад принят к сведению царем.²⁴

3 мая 1832 г. Артемий Аламдарян сообщил Хачатуру Лазареву о неоднократном прочтении работы "Описание переселения армян в Россию из Азербайджана", изданной типографией Лазаревского института восточных языков. Сообщены последние новости из Тифлиса. Извещалось о подготовке в Эчмиадзине к священному мироварению и посвящению в епископы на место умерших. Относительно намерения архиепископа Аштаракецци продолжить борьбу за возвращение в Закавказье не имелось точных сведений: "Кажется, никуда не думает ехать".²⁵ Время сделало архиепископа более осторожным в отношениях с близкими и в собственных действиях.

24 мая 1832 г. Хачатур Лазарев направил поздравительное пи-

сьмо Артемию Аламдаряну из Москвы по случаю его награждения орденом св. Станислава 3-й степени. Оно сочтено "утешительным" по сравнению с испрашиваемым архиепископом Аштаракеци орденом св. Анны 2-й степени. В деле получения награды значительное содействие оказал Лазарь Лазарев. Сообщалось об отправлении почтой 1000 руб. архиепископу Нерсесу на осуществление необходимых строений и приглашении прибыть ко двору:²⁶ "Убеждаем архипастыря прибыть в Москву и С.-Петербург для более важных дел, а нынешние в строительстве оставить до другого удобного времени".²⁷ Запрашивалась отправка, с разрешения архиепископа Нерсеса, одного священника и дьякона с "хорошими голосами" для армянской церкви Москвы. Ставилось в известность о контакте с католикосом Карбеци, который стремился стабилизировать отношения с семейством Лазаревых: "Новый патриарх вошел с нами в сношение, в переписку, обнадеживает в расположении своем к полезному, также к устройству учебных заведений". Хачатур Лазарев отнесся к этому скептически: "Время и опыт докажут".²⁸

В начале июня 1832 г. граф Воронцов предпринял обозрение Бессарабской области. Был осуществлен неожиданный визит в архиерейский дом к Нерсесу Аштаракеци, который представил хозяйственную деятельность по улучшению состояния вверенной епархии. Об этом Лазарев 12 июня 1832 г., на основе письма Нерсеса, представил панегирик Бенкендорфу: "Цель просвещенного патриота стремиться к благоустройству по разным отраслям. Заботы и труды его многообразны, встреча с ним приятна и утешительна. Сколь заметно много по характеру и свойствам, умеет снискать расположение и уважение, отдает справедливость кому следует".²⁹

Ощущая напряженность вокруг собственной деятельности, католикос Карбеци решил не отказываться от руководства Грузинской епархией. Об этом 4 июня 1832 г. граф Блудов доложил Николаю I. Вопрос был связан еще с запросом ген. Панкратьева о заполнении вакансии Грузинской епархии представлением двух кандидатов на утверждение монарха. Розен сообщил о желании Иоаннеса оставить этот вопрос до того времени, "пока Эчмиадзинский престол не возвратит свое прежнее влияние на турецких и индийских армян". Другим аргументом указывались финансовые поступления с Грузинской епархии, которые позволяли "прилично" содержать католикоса и его окружение. Новый глава Грузинской епархии неминуемо обратил бы доходы на свое содержание и на штат управления. Главноуправляющий Розен вы-

разил согласие с мнением Иоаннеса и указал на отсутствие достойного видам правительства России кандидата на должность главы Грузинской епархии. При этом под сомнение было поставлена необходимость епархиального главы:³⁰ "Нет в занятии сего места особенной надобности по всегдашнему непрерывному сношению Грузинской епархии с Эчмиадзином, находящимся в весьма близком расстоянии и ныне в пределах Империи".³¹

По мнению Блудова, приводимые аргументы заслуживали уважения. Предложено пойти навстречу просьбе католикоса: "При распоряжении о назначении на место патриарха Ефрема нового католикоса армян не было в виду точных сведений как о состоянии Эчмиадзинского монастыря, ни о том, что Грузинская епархия может доставлять ему какие-либо способы; а потому за возведением в сан патриарха архиепископа сей епархии Иоаннеса и было предложено избрание кандидатов к замещению по нем вакансии. Как изложенные ныне патриархом Иоаннесом и бароном Розеном обстоятельства достойны уважения, то, кажется, можно отложить выбор особого начальника Грузинской епархии, согласно желанию патриарха".³² 4 июня царь утвердил мнение графа Блудова: "Согласен".³³ Решение закрывало путь к возвращению архиепископа Ашгаракеци к руководству Грузинской епархией.

25 июня 1832 г. Ованнес и Хачатур Лазаревы направили письмо католикосу Иоаннесу Карбеци в ответ на кондак, отправленный 24 апреля. Приносилось поздравление по случаю открытия в Эчмиадзине типографии и развертывания издательской деятельности. Отмечалось, что католикосы Симеон Ереванци и Аргутинский-Долгорукий всегда занимались издательской деятельностью на пользу просвещения нации. Испрашивалось возведение в сан епископа архимандрита Михаила, активного сотрудника по Лазаревскому институту и приближенной личности.³⁴ Уроженец Константинополя архимандрит М. Салантян с 1822 г. преподавал в Лазаревском институте восточных языков и восемь лет являлся ректором института, знал языки и имел публикации, исполнял обязанности викарного наместника епархиального архиепископа и возглавлял местное духовное правление.³⁵ Он считался не менее достойным тех пяти архимандритов, которых Иоанес VIII возвел 15 мая в сан епископа, причем один из них являлся родственником начальника Армянской области кн. Бебутова.³⁶ Процедура посвящения должна была продолжиться. Выражалась заранее благодарность и обещалось содействие в нуждах католикоса. В качестве доказательства посылались 10 архимандритских крестов, 4 литра типографской краски, по 30 экземпляров книг по грам-

матике и богословию, 36 экземпляров книг по описанию переселения армян из Азербайджана, по 6 экземпляров "Устава" Лазаревского института на русском, немецком и французском языках.

При этом указано, что от преосвященного архиепископа Нерсеса Аштаракеци Лазаревы получили пасторское увещание католикоса Карбеци, которое публично было зачитано 15 числа в армянской церкви г. Москвы, в присутствии паствы и духовенства. Оно вызвало отклик и духовную радость. Заявлялось о здравии в честь Господа Бога. С нетерпением ожидалось исполнение просьбы архимандрита Салантяна.³⁷

Глава армянской церкви оценил официальное признание со стороны фамилии Лазаревых и компромиссный жест по возведению архимандрита Салантяна в сан епископа. Архимандриту в 1832 г. было направлено приглашение прибыть в Эчмиадзин с учетом "многолетней и полезной службы" на духовном и просветительском поприщах.³⁸ Лазаревыми запрошено покровительство главноуправляющего Закавказья барона Розена для Салантяна, отправляющегося в Эчмиадзинский монастырь к католикосу Иоаннесу для "повышения следующего по праву" очередного сана.³⁹

Возведение в сан епископа и пастырское увещание получило резонанс в Кишиневе. 27 июня 1832 г. Артемий Аламдарян направил сообщение Хачатуру Лазареву, что посвященные являются "необразованными архимандритами", которым удалось устроить духовную карьеру. Отмечено наличие определенной прохладности в отношениях с архиепископом Аштаракеци, который также требовал отчетности в доходной части по управлению Грузинской епархией: "Всеми даны хорошие епархии. Один я несчастный архимандрит, оставленный здесь против ожидания моего без должности, без содержания, одним словом, без всего".⁴⁰

Архиепископ Аштаракеци продолжал деятельность по возведению хозяйственных построек на пустопорожной земле в Кишиневе, принадлежащей епархии. Но настроение его было хуже, чем когда-либо. Являясь наместником главы армянской церкви, публичным и фактическим преемником католикоса Ефрема, он вместо лелеемой мечты стать Айрапетом нации оказался во главе отдаленной от центра армянской жизни Нахичевано-Бессарабской епархии. Он становился всё более ожесточенным, отделялся от окружения. Об этом свидетельствуют строки письма Аламдаряна к Хачатуру Лазареву от 12 августа 1832 г.: "Иерарх сей привык обходиться с подчиненными своими, как с животными бессловесными. Все удалились от него, видевав невероятную перемену в его характере".⁴¹ Бог дарует надежду, а личность воплощает. Иногда

он писал критические письма своим сторонникам в Эчмиадзине по обличению недостатков управления католикоса.⁴²

7 февраля 1833 г. граф Блудов представил царю доклад "О собрании сведений об избрании патриархов". Отмечалось, что составленный Тифлиским комитетом проект "Учреждения для управления армянской церковью в России" был поручен министерству иностранных дел и Главному управлению духовных дел иностранных исповеданий. Отъезд Паскевича в Польшу и занятость вице-канцлера Нессельроде отложили на время процедуру рассмотрения проекта. Прежде чем начать обсуждение, Нессельроде и Блудов договорились оговорить процедуру избрания католикоса, затребовав через некоторое время и заключение католикоса Иоаннеса.

По мнению графа Блудова, целесообразно было отказаться от услуг католикоса из-за ограниченных способностей: "Размыслив ныне по собранию мною достоверных сведений, что патриарх Иоаннес, не имея ни отличного ума, ни обширных знаний, сам не будет в состоянии доставить нам полезных на сей счет указаний, он должен будет советоваться с другими, что от сего дело неминуемо разгласится и что сделанное нашим правительством может показаться сомнением в правильности избрания самого Иоаннеса в патриархи и тем поколебать до некоторой степени общую доверенность и уважение армян к святости сего выбора, я осмеливаюсь полагать, что лучше не подвергаться опасности возбудить какие-либо в сем толки, предоставить во всяком случае установленным Вашим и. в. в 1830 г. порядок и самое избрание совершенно сообразным с первобытным состоянием правил армянской церкви".⁴³ Доклад был принят к сведению.⁴⁴

Проблема состояла ни в отсутствии знаний и способностей главы армянской церкви относительно избрания католикоса, а в том, что этот вопрос должен был быть разрешен с точки зрения интересов самодержавия. Сама же постановка такого вопроса графом Блудовым свидетельствовала о неудовлетворенности популярностью избранного католикоса, который не получил признания турецких армян, а также возможности противодействия видам правительства. В "Отчете министра внутренних дел за 1832 г." Блудов, со слов Розена, утверждал о лояльности католикоса: "Новый патриарх ведет себя очень скромно, не делая никаких распоряжений, противных пользам России".⁴⁵ В заслугу католикоса ставилось возобновление деятельности типографии и двух духовных училищ.⁴⁶

Архимандрит Салантян был помазан 30 апреля 1833 г. в Эч-

миадзине в сан епископа.⁴⁷ Ему было предложено управление одной из ближайших к Эчмиадзину епархий, что не было принято. Для ослабления власти Нерсеса Аштаракеци в российской епархии Салантяну было присвоено звание наместника католикоса в армянских церквях С.-Петербурга и Москвы, вдобавок к званию викарного архимандрита. В мае 1833 г. он был направлен Иоаннесом в Нахичевано-Бессарабскую епархию для раздачи св. миро. Находясь в Новом Нахичеване, он поставил в известность католикоса о наличии недостатков в местном духовном управлении.⁴⁸

Проведение различных мероприятий и сардарский долг Эчмиадзинского монастыря требовали сосредоточения всех церковных материальных ресурсов. Одним из финансовых источников восполнения стала система внутренних поборов. Только перед прибытием Карбеци в Эчмиадзин он привез с Грузинской епархии 50143 рубля, из которых лишь часть пошла на уплату монастырского долга. За исполнение различных треб стала взиматься такса в 10, 20 и 30 руб, что являлось значительной суммой.⁴⁹ Для возведения в священнослужители критерием полезности стала мзда. 9 сентября 1832 г. дьяк Сурб Ншанской церкви Геург Арутюнов, принадлежащий обществу граждан (мокалаков), был уволен обществом Тифлиссских мокалаков из своих рядов, чтобы открыть путь в духовное общество и после стать священнослужителем. При этом общество тифлиссских мокалаков брало на себя все его предшествующие платежи. После чего процедуру перехода в духовное сословие и приобретения сана священнослужителя следовало закрепить в Синоде, что требовало проявления внимания.⁵⁰

Подобные и другие явления становились предметом общественной критики. 29 июня 1833 г. Авель Гургенбеков, выпускник Лазаревского института, из Тифлиса направил Х. Лазареву обличительное письмо относительно состояния армянского духовенства, духовного управления и его главы: "Жалостное положение церкви нашей в Закавказье, унижительные и корыстолюбивые наклонности носящего имя патриарха Иоаннеса и во всем его подражающее целое почти настоящее духовенство наше породило в народе омерзение ко всему тому, что только считалось прежде священным. В сих словах ограничиваюсь описанием сих сановников, ибо оные вам отчасти известны, а душе так стыдно, что стыжусь изложить здесь". Отмечена активность католического армянского священника Ефрема Сетоева из конгрегации мхитаристов Венеции по расширению паствы. Сделан нелицеприятный вывод: "Не такое ли поведение духовенства нашего в Турции

было причиною превращения множества соотечественников наших в католики?". Имелись также отдельные факты активности лютеранской церкви, в лоно которой перешли два священника из Карабаха. Прогнозировался упадок значения армянского духовенства в общественной жизни: "При таком управлении духовною частию, в течение небольшого времени, народ наш совершенно потеряет нравственность и сделается подобно священникам, хищным, или многие отвергнут от себя религию, от великого Григория нам данную, в особенности те, кои сколько-либо будут образованы".⁵¹

Напряженные отношения сложились между католикомс Иоаннесом и главой Закавказья Розеном. Желание большего взаимопонимания обусловило обращения католикоса к Паскевичу в Польшу, что лишь обострило ситуацию. Гургенбеков сообщал: "Некоторые письма патриарха, заключающие в себе корыстолюбие его и жалобу на барона, схвачены, а другие дошли уже до князя Варшавского. - Вот причина, по которому барон истребляет Иоаннеса". Указаны и негативизм католикоса к архиепископу Нерсесу Аштаракеци: "А непреданность его к Нерсесу, или Армении, хотя может быть таковую старается выказать только на словах и в Петербург". Углубился конфликт взаимоотношений Иоаннеса и Розена, который негативно отражался на армянских служащих: "Барон имеет людей, кои всячески стараются открыть злоупотребления патриарха, вероятно, для сообщения об этом в столицу. - Равным образом и Иоаннес старается погубить барона, отправляя на него жалобы. - Кто бы из них ни погиб, выгодно для армян, ибо один вводит зло по духовной части, а другой - по гражданской".⁵²

Возможность смены действующего католикоса сочтена Гургенбековым эфемерной, но его полномочия подлежали ограничению: "Патриарха Иоаннеса лишить сана невозможно, но ограничить права его, учреждением в Эчмиадзине Синода, назначением в оный опытных и благонравных членов и определением в Тифлис хорошего епархиального начальника, сколько же возможно, сколько же необходимо".⁵³ Личность Нерсеса Аштаракеци представлена удобной армянскому населению Грузинской епархии, но не региональной: "Иметь Нерсеса здесь - значит истребить все беспорядки, но не думаю, чтобы барон согласился на вызов его сюда без посредства важной особы; из опасения, чтобы Преосвященство, не останавливая его барона в исполнении предположений, не в пользу армян клонящихся, и вообще, как умный, вмешиваясь во все дела, не служил бы защитою и укрощением того народа,

которого он ненавидит". Решающей фигурой представлялся шеф тайной полиции: "Один генерал Бенкендорф, кого боится он и которого, как говорят здесь, его поддерживает, может уговорить барона действовать в пользу Его Преосвященства".⁵⁴

Письмо Гургенбекова отражало воззрения представителей группировки Нерсеса Аштаракеци, умаляя всю деятельность католикоса Иоаннеса, хотя и отражало реальные процессы. Член мхитаристской конгрегации Сетоев, пользовавшийся доверием католикоса Ефрема, активно содействовал миграции католических армян Эрзерума в российские пределы. Значение его деятельности оттенял тот факт, что в Армянской области и Грузии имелось около 2 тыс. армянских католических дымов. Обоснованным являлось опасение Гургенбекова относительно прозелетизма. Париж в марте 1831 г. добился организации Константинопольского армянского патриаршества для армян Османской Турции.⁵⁵ Однако Гургенбеков не знал, что правительство санкционировало временное сохранение Грузинской епархии за главой армянской церкви, а фамилия Лазаревых сочла возможным пойти на конструктивное взаимопонимание с ним. Католикос же Иоаннес как писал Паскевичу, так и продолжал писать.⁵⁶ При этом самодержавие учитывало положение финансов Эчмиадзинского престола. В 1833 г. было выделено 10 тыс. руб. сер. пособия из доходов Армянской области. Были учтены представления католикосов Ефрема и Иоаннеса о "бедственном положении" Эчмиадзинского монастыря, "совершенно разоренного" персами.⁵⁷

Архиепископ Аштаракеци стремился поддерживать интерес к себе различными способами. 14 июля 1833 г. он направил письмо Хачатуру Лазареву об Араратской кошенили, которая представляла собой "червь красный", из которого производилась краска алого цвета, используемая для печатей армянских католикосов.⁵⁸ Министерство финансов проявляло внимание к промышленной добыче краски, чтобы заменить мексиканскую кошениль. Попытки в этом направлении были проведены академиком Гамелем. Полученная краска была использована для окраски шелка, шерсти и бумаги. Несовершенство тогдашних технологий не позволило развернуть массовое производство.⁵⁹

Между тем интерес к личности Нерсеса Аштаракеци возрастал и за рубежом. 27 июля 1833 г. Лазарь Лазарев написал письмо Хачатуру Лазареву из курорта Карлсбад. Говорилось об издании "Биографического лексикона" в Париже и Ахене, но до "литеры L", то есть до Лазаревых, ещё не дошло. Оба издателя просили сведения о фамилии Лазаревых на французском языке. Интерес

был проявлен издателями к архиепископу Аштаракеци: "Особенно просили, чтобы я дал сведения о Нерсесе".⁶⁰ Запрашивалось мнение Хачатура о подаче необходимых сведений: "О преосвященном Нерсесе (хотя он сего и не заслуживает) не худо сделать статейку особую, как о человеке больших услуг оказавшем и упомянуть несправедливости, ему оказанные, или что он должен был быть патриархом. Сие будет отдано издателю, который умоляет меня о том".⁶¹ Запрашивалась быстрая присылка затребованной статьи о Нерсесе в Дрезден. Такой подход Лазаря Лазарева был неосторожным, поскольку Нерсес Аштаракеци являлся важным участником прошлой и текущей политики самодержавия.

Деятельность епископа Салантяна после Эчмиадзина вызвала значительный резонанс. Граф Блудов 18 августа 1833 г. сообщил Нерсесу Аштаракеци мнение католикоса Иоаннеса, переданное через Розена, что миссия Салантяна имеет исключительно вынужденный характер. Официальная точка зрения заключалась в том, что архиепископ Нерсес "по преклонности лет и слабости здоровья не может объездить города вверенной епархии".⁶² Далее указывалось, что в течение 6 лет не было осуществлено обозрение церковью Нахичевано-Бессарабской епархии. Аштаракеци предписывалось вместе с Салантяном провести обозрение армянских церковей епархии. 30 августа новым отношением Блудов, со слов католикоса, указал Аштаракеци на наличие "недостатков" в управлении епархией, которые требовали устранения. Салантяну поручался сбор добровольных приношений в пользу Эчмиадзинского монастыря. Интерес графа Блудова диктовался тем обстоятельством, что на министерство внутренних дел было возложено описание церковнослужителей иностранного исповедания.⁶³

Обращение католикоса Иоаннеса к подчиненному архиепископу Аштаракеци через главу Закавказья и графа Блудова свидетельствовало о напряженности отношений между ними. Оно преследовало двоякую цель. С одной стороны, высшая власть становилась гарантом иерархических требований католикоса, а с другой - под предлогом преклонности лет и здоровья он старался заменить Нерсеса Аштаракеци Салантяном. Ничем кроме вызова со стороны католикоса, который находил свое положение стабильным, предпринятый шаг нельзя объяснить. Ответной меры из удаленной епархии не предвиделось.

8 сентября 1833 г. Нерсес Аштаракеци ответил на послания Блудова. Им было заявлено о недостоверности полученных сведений относительно отсутствия св. миро: "В церквях моего ведомства никогда не обреталось недостатка в сей святости".⁶⁴ Указывалось

об отсутствии снабжения св. миро из Эчмиадзина и соответствующего обращения к католику: "Не утруждал патриарха Иоаннеса, не предвидя в том нужды, откуда же известны Его Преосвященству сие недостатки". Самообеспеченность епархии св. миро объяснялась дальнорукостью Аштаракеци: "С прибытием моим в Бессарабию привез с собою св. миро, и у меня оно имеется в довольном количестве".⁶⁵ Отправление Салантяна в кишиневские пределы вверенной епархии указывалось невозможным, поскольку духовное правление объявило ему о необходимости дальнейшего следования в Москву. Недостатки, выявленные Салантяном в Нахичеване, были связаны с пропитанием местного армянского общества. Указано, что от Моздока до Нахичевана "армяне терпели крайний недостаток в пропитании семейств, по случаю неурожая хлеба",⁶⁶ что вызвало массовую смертность. Аштаракец было предписано Салантяну оставить св. миро в распоряжении Нахичеванского духовного правления. Местопребыванием Салантяна указан г. Москва. Для укрепления собственных позиций Аштаракеци направил Артемия Аламдаряна в Новый Нахичеван.⁶⁷

Разгорелся сыр-бор. Хачатур Лазарев поставил в известность Лазаря Лазарева об обострении отношений архиепископа Салантяна и Аштаракеци, который выразил желание поехать в С.-Петербург с жалобой в департамент иностранных исповеданий по поводу самовольных действий католика и архиепископа Михаила. В связи с этим пришлось в сентябре ограничить активность Аштаракеци: "Велено Преосвященному Нерсесу не двигаться после неоднократных призывов".⁶⁸ Ответный ход архиепископа Аштаракеци не заставил ждать. 2 октября Хачатур Лазарев известил брата о получении письма от Нерсеса с запретом Салантяну ехать в С.-Петербург и пребывать в Москве.⁶⁹

Началось углубление конфликтности отношений Аштаракеци и Салантяна, который стремился обособиться в духовном управлении, что привело к отстранению от должности. 4 ноября 1833 г. епископ Салантян направил графу Блудову представление о невыполнении предписаний епархиального главы Аштаракеци и желании отложиться. 20 декабря Блудов поставил Салантяна в известность, что по всем государственным законам ответственным перед правительством является глава епархии: "На основании сего и Ваше Преосвященство находитесь в зависимости Преосвященного архиепископа Нерсеса по поручению Высококостепенного патриарха Иоаннеса и не можете отказываться от исполнения его предположений".⁷⁰ Об этом Блудов, через барона Розена, поставил в

известность католикоса Иоаннеса. Сообщалось о возможности пребывания Салантяна в Москве в качестве частного лица по собственным делам. В случае подобного выбора просилось сообщить, чтобы департамент духовных дел иностранных исповеданий оповестил католикоса и Нерсеса Аштаракеци. В защиту Салантяна выступили Лазаревы. От Аштаракеци последовало приглашение Салантяна в Кишинев, от которого он благоразумно уклонился.⁷¹

Активность действий католикоса Иоаннеса против архиепископа Аштаракеци обернулось бумерангом. 16 ноября 1833 г. Эчмиадзинское духовенство представило письмо католикосу Иоаннесу, состоящее из преамбулы, анализа положения и требований. В преамбуле говорилось, что после отказа старшего католикоса от управления Эчмиадзинским престолом от нового католикоса ожидалось наведение порядка. Действительность принесла разочарование: "Однако же, мы видели и видим ясно, что по выбору вашему и посвящению, не только не было поныне никакого успеха в ожидании общего блага, в делах и распоряжениях, но, напротив того, произошли многие новые беспорядки и увеличились таковые день ото дня ко вреду, безусловно св. Эчмиадзина, его духовенства, народа и церкви".⁷² Католикос обвинялся в самовластии и забвении роли Сионда, от которого осталось лишь имя. Сохранялись недоимки по Эчмиадзинскому долгу, хотя они должны были уменьшиться из-за роста доходов монастыря. Указывалось на наличие многочисленных слуаев отпадения армян Грузинской епархии от духовной власти Эчмиадзина

В укор католикосу ставилось то, что, будучи избран вопреки первенству архиепископа Нерсеса Аштаракеци, он нарушил порядок главное управление церкви: "Священный патриарх! Мы не намерены здесь исследовать, каким образом или какими достойными способами и обстоятельствами был сделан выбор ваш или восшествие ваше на престол патриаршества всех армян, но изыскивали только то, какие были причины ваши в сем, в разных беспорядках и неустройствах, по священно-помазании вашем возникшими".⁷³

Анализ положения дел Эчмиадзинского монастыря позволил указать ряд причин ситуации разложения: 1) деспотическое правление католикоса упразднило Синод; 2) отсутствие дел в пользу общественного блага; 3) сохранение долга Эчмиадзинского монастыря, поскольку "золото и серебро" безотчетно направлялось на расширение власти католикоса и обогащение его светских родственников; 4) использование угроз для подчинения Эчмиадзинского братства; 5) возведение в священники и протоиереи многих

недостойных лиц из "собственного интереса"; 6) отсутствие попечения об армянских епархиях России; 7) пренебрежительное отношение к "святому патриарху" Ефрему, при этом вопреки требованию графа Блудова, и удаление из вегарана; 8) отсутствие заботы о делопроизводстве и отчетности.

Для изменения ситуации разложения предлагалось выполнить следующие требования: 1) просить е. и. в. восстановить правление Эчмиадзинского Синода; 2) более не возводить "произвольно" в сан епископа, а советоваться с Синодом и осуществлять выбор достойных священнослужителей; 3) католикозу предоставить "ясный отчет" Синоду о произведенных доходах и расходах; 4) удалить обратно из покоев католикоса женщину, прибывшую с ним из Тифлиса. На ответ католикозу отводилось три дня, а после просители угрожали обратиться "куда следует".⁷⁴

Кризис церковного руководства армянской церкви обнажил теневые стороны главного управления. Представители Эчмиадзинского братства просили права стать соправителями католикоса для выхода из кризисного состояния и обеспечения нравственного примера для собственной духовной паствы. Отчетность и прозрачность деятельности католикоса представлялись залогом развития армянской церкви. Пример легендарного Аштаракеци позволял представителям Эчмиадзинского братства, при всей идеализации, проводить параллели с правлением католикоса Иоаннеса. Первый стал олицетворением созидания, а второй - разрушения.

Католикос был вынужден проявить благоразумие и не выносить конфликт на обсуждение властей и общечужденности. Сочтено необходимым пойти на уступки. Представителям Эчмиадзинского братства сообщено о готовности дать отчет по доходам монастыря. Синодальному управлению предложено составить "Правила" для предоставления высшей власти. Просителей справедливости это не успокоило, и некоторые стали заявлять о необходимости "переворота" в управлении Эчмиадзина, то есть смещения католикоса. Главными зачинщиками "распри" явились епископ Симеон Бзунян, бывший глава Тифлисской епархии, и Иосиф Крымский, отстраненный от руководства Эчмиадзинским католикосом путем обвинения в подлоге. Оба деятеля были и оставались сторонниками Нерсеса Аштаракеци. Благоприятное развитие "переворота" могло закончиться отставкой католикоса и восшествием Нерсеса Аштаракеци. Борьба двух группировок вокруг Эчмиадзинского престола достигла кульминации.⁷⁵

29 декабря 1833 г. католикос Иоаннес направил представление главноуправляющему Закавказья Розену. В нем заявлялось о ло -

яльности российскому самодержавию: "До небес довольны мы непобедимым правительством Российским; оно в возмещение таких услуг оказало нам- армянскому народу - благодати милосердия своих гораздо более, нежели сколько существует; они превышают всякую меру услуг наших".⁷⁶ Воздавалось должное освобождению армянского народа из-под владычества Персии и созданию Армянской области.

Восточная величавость понадобилась для обоснования необходимости регламентации деятельности Эчмиадзинского Синода. Как церковный институт он признавался существующим с "позднего времени" Армении, но функциональное состояние признавалось нарушенным: "Сохранил существование свое, но без всяких правил, без всяких правовых и особенно преимуществ".⁷⁷ Испрашивалось высочайшее утверждение грамотой Духовного Синода Эчмиадзинского престола "на основании прежних законов своих и правил". Наглядным примером желаемого института представлялся Эчмиадзинский Синод как духовный совещательный орган при католикосах Даниеле и Ефреме. Синод должен был иметь законодательную власть как присутственные места российской администрации, а служащие в нем пользоваться всеми правами русских чиновников.⁷⁸ Это означало введение принципа коллегиального и совместного управления Синода и католикоса в духовной сфере.

Глава Закавказья получил письмо 11 января 1834 г.⁷⁹ Уступчивость католикоса в вопросе прерогатив власти была объяснена Розену в докладе начальника Армянской области Бебутова, где говорилось о "беспорядках" в Эчмиадзинском монастыре, которые скрывались от постороннего взгляда: "Сам патриарх и противостоящая ему сторона Эчмиадзинского духовенства тщательно стараются скрывать происходящее между ними".⁸⁰ О происшедшем главноуправляющий Розен 18 января 1834 г. сообщил графу Блудову. Указано о предписании Бебутову принять все меры в поддержку католикоса Иоаннеса и восстановить должный порядок в Эчмиадзинском монастыре.⁸¹

Ответ католикосу о Синодальном управлении был задержан главноуправляющим Розеном, поскольку на высшем уровне должно было произойти обсуждение проекта Тифлисского комитета об "Учреждении" армянской церкви.⁸² Оперативное расследование происшедшего позволило Розену 14 февраля 1834 г. доложить Блудову, что главным фигурантом прямо или опосредственно является Нерсес Аштаракец, ставший знаменосцем национальных сил. Эпицентром происходящего представлены армянские

знатные фамилии Тифлиса - князья, дворянство и мокалаки, хотя сторонники имелись и в других местах: "Здесь именно в Тифлисе преданы архиепископу Нерсесу". Многочисленные почитатели архиерея имелись в обеих столицах Российской империи - Москве и С.- Петербурге. Всех их объединяла одна мысль: "Иоаннес будет заменен Нерсесом". Происходящее Розен объяснял наличием таланта лидера у Аштаракеци: "Он умел влить в них мысль, что армянский народ под его руководством может не только процвести, но и возвыситься".⁸³

Изучение архивных материалов времен Паскевича о стремлении Аштаракеци ко вмешательству в светские дела, "особенно умение направлять дела армян по своему произволу", побудило Розена четко высказать негативное отношение к возможности смены главы армянской церкви: "Я нахожу, что архиепископ Нерсес, при настоящем положении армян, когда они не отвыкли еще видеть патриарха своего главою всего армянского народа, едва ли может быть с пользою для правительства назначен в сан патриарха, если бы и представился к тому благовидный случай".⁸⁴ Нежелательным сочтено и назначение Нерсеса епархиальным архиереем в Закавказье, поскольку это привело бы к катализации усилий по низвержению католикоса Иоаннеса. При этом признавалось наличие недостатков у действующего католикоса, из которых главными являлись серебролюбие и почитание звонкой монеты, но правительственные интересы ставились выше: "По его простоте и особенно по изъявлению, хоть по наружной готовности соответствовать цели правительства, может быть, нам полезнее в звание патриарха, нежели архиепископ Нерсес".

Правительству предложено продемонстрировать твердость в поддержке католикоса Иоаннеса и отвержении Аштаракеци: "А посему, дабы отвратить навсегда неминуемые происки армян и, так сказать, искоренить надежды, я счел бы нужным дать им сим заметить, что лицо, Высочайшей властью единожды в сан патриарха утвержденное, не подвергнется ни проискам армян, ни насилию духовенства в Эчмиадзине и не иначе замещается другою особою, как по навлечению на себя своими поступками гнева Государя императора, или по наличии особенно важной причины, что удобно и благовидно, по моему мнению, сделать при предстоящем приведении в действие нового "Положения об управлении армянской церкви", а до того времени, явно поддерживая власть Иоаннеса над духовенством армянским, тайно укротить его корыстолюбие, дозволить при том, чтобы разглашать из-под руки что никакое покровительство и никакие происки не могут достигнуть

до того, чтобы властолюбивый Нерсес когда-либо возвратился в край Закавказский".⁸⁵

Таким образом, главноуправляющий Розен пошел по стопам Паскевича. Нерсес Аштаракецки как национальный лидер, как представитель Армении не имел права действовать в Закавказье. Ему был заказан путь к руководству Грузинской епархией. Для него был выбран путь отшельника в отдаленном крае.

Граф Блудов одобрил действия и помыслы главноуправляющего Розена в отношении от 12 марта 1834 г. Проведена связь происшедшего с архиепископом Аштаракецки: "Сообразив все обстоятельства сего дела, я, с своей стороны, нахожу, что меры, принятые вами, совершенно соответствуют видам правительства и, несомненно, согласно с мнением вашим, что действительно, означенные беспорядки могли произойти если не от самого Нерсеса, то от действий приверженных ему армян". Возможность прибытия архиепископа Аштаракецки для замещения католикоса исключалась, хотя Блудов вину с главы церкви Иоаннеса не снимал. От католикоса ожидалось в дальнейшем проявление политкорректности с окружением и самоограничение от серебролюбия: "Не излишним было бы, по моему мнению, сделать ему частным образом некоторые по сему предмету представления, убеждая его поступать вообще правильно и сообразно с возложенным на него важным саном, воздерживаясь от корыстолюбия и стараясь сохранить любовь Ефрема, старца, столь уважаемого всеми армянами".⁸⁶

Аштаракецки формально находился в отдалении от Эчмиадзинских событий. Естественно, что он знал о них, но ему приходилось учитывать как внешние последствия при установлении его непосредственно участия, так и продолжать борьбу со смутьяном Михаилом Салантяном внутри епархии. Задействованы были все связи с семейством Лазаревых, принесены жалобы на его интриги с министром внутренних дел Блудовым. 12 января 1834 г. Ованнес Лазарев сообщил свое мнение об этом брату Хачатуру из Москвы: "Преосвященный Нерсес пишет об архиерее Михаиле, ему всё ложно донесено, одна только бумага была им написана к министру, тебе известно, более он ни с кем не переписывался".⁸⁷

Архиепископу Нерсесу приходилось доказывать также наличие активной деятельности о соответствии занимаемой должности, осуществлять предписания министерства внутренних дел. Весной 1834 г. министр внутренних дел Блудов представил годовой отчет царю Николаю I. По департаменту духовных дел иностранных ис-

поведаний были собраны сведения о состоянии армянского духовенства Нахичевано-Бессарабской и Астраханской епархий как результат проведенной работы ведомства.

Состояние белого духовенства Астраханской и Нахичевано-Бессарабской епархий за 1833 г.

Губернии	Кафедральные церкви	Приходские церкви	Священнослужителей	Церковнослужителей	Приход. училищ	Учеников
Астраханская	1	2	15	30	1	70
С. Петербург-я		1	2	3		
Московская	1	1	3	3		
Таврическая	1	8	7	13	3	111
Екатеринослав-я	1	10	16	57	5	53
Херсонская	1	1	4	4		
Бессараб. об.	1	5	8	10	3	93
Всего...	6	28	55	120	12	327

По Нахичевано-Бессарабской епархии имелась всего 31 армянская церковь, священников - 40, церковнослужителей - 90. Наибольшая численность приходских церквей имелась в Таврической и Екатеринославской губерниях - соответственно, 8 и 10. Отмечалось наличие армянской семинарии в Херсонесе с 50 учениками. Общее количество приходских училищ и учащихся равнялось 11 и 257. Нахичевано-Бессарабская епархия превосходила Астраханскую епархию по всем показателям, за исключением числа духовенства. В последней имелись кафедральная церковь, две приходские церкви, 15 священнослужителей и 30 церковнослужителей, приходское училище с 70 учениками. Имелись также 3 монастыря - по одному в Астраханской, Таврической и Екатеринославской губерниях, но число монашествующего духовенства было показано в последних - 2 и 2.⁸⁸ Министром было отмечено, что сведения об армянской церкви в Закавказье и Кавказе, зависящие от Эчмиадзинского католикоса, не были доставлены. Статистический учет в Нахичевано-Бессарабской епархии оказался на должном уровне.⁸⁹

Роль С. - Петербургского и Московского духовного ведомства в составе Нахичевано-Бессарабской епархии формально была не очень значительной - один кафедральный собор, две приходские церкви, пять священнослужителей и шесть церковнослужителей. Однако их отпадение означало бы для Аштаракети окончательно лишиться поддержки фамилии Лазаревых и показать ослабление собственных позиций в армянском церковном мире. Помимо этого, такой шаг прямо противоречил законодательной воле Ни-

колая I, который мог сменить опального Аштаракеци при соответствующих донесениях министра внутренних дел.

С Салантяном не все было так просто, поскольку он вел большую интригу. 3 мая 1834 г. он направил письмо католикосу Иоаннесу о готовности служить 1800 - летней армянской церкви. Однако при этом не имелось "Устава" армянской церкви, который регламентировал бы её деятельность, деятельность Синода, епархий, консисторий, духовного сословия. Указано о начале работы над проектом подобного "Устава" во имя улучшения деятельности церкви и просвещения нации. Предложено основать духовную семинарию в Эчмиадзине.⁹⁰ Этим письмом Салантян стремился закрепить отношение с католикосом для ослабления зависимости от Аштаракеци.

-
1. АВПР, ф. Азиатский департамент, оп. 710/1, д. 1123, л. 98 об.
 2. Там же, л. 99 об.
 3. Там же, л. 100.
 4. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 7, л. 44, 44 об.
 5. Там же, л. 46.
 6. Там же, л. 44 об, 46.
 7. АКАК, т. 8, N 185, с.268.
 8. Там же, N 186, с. 268.
 9. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 7, л. 54, 55.
 10. АКАК, т. 8, N 180, с. 264.
 11. АВПР, ф. Отчеты по Азиатскому департаменту 1831-1832, л. 223 об.
 12. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736, л. 89.
 13. АВПР, ф. Отчеты по Азиатскому департаменту 1831-1832, л. 224.
 14. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 147, 147 об.
 15. Там же, л. 147 об.
 16. Там же, л. 147 - 153.
 17. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л. 158 об.
 18. Там же, л. 159.
 19. ГИА, ф. 109. Сек. архив, оп. 4, д. 23, л. 1.
 20. Там же, л. 1 об.
 21. Там же, л. 170 об.
 22. Там же, л. 171.
 23. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 7, л. 59 - 61.
 24. Там же, оп. 11, д. 7, л. 63, 63 об.
 25. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л 184.
 26. Там же, л. 180.
 27. Там же, л. 180, 180 об.
 28. Там же, л. 181.
 29. ГИА, ф. 109, I эксп. д. 51, л. 147, 147 об.
 30. РГИА, ф. 821, оп. 146, д. 7, л. 65.
 31. Там же, л. 65, 65 об.

32. Там же, л. 65 об.
33. Там же, л. 65.
34. Состояние просвещения восточных армян 1830 - 1870. Сб. док и мат. Рук. Тавакалян Н. А. - Вестник архивов Армении. 1987, N 1, с.26, 27. - На арм. яз.
35. РГИА, ф. 733, оп. 157, д. 1, л. 3.
36. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л 187 об.
37. Состояние просвещения восточных армян..., N 8. с. 26 - 28.
38. РГИА, ф. 733, оп. 157, д. 1, л. 3.
39. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 4390, л 199, 199 об..
40. Там же, л. 187 об.
41. Там же, л. 223.
42. Из близкого прошлого. - Мшак, 1895, 27 января.
43. РГВИА, ф. 821, оп. 11, д. 8, л. 3,4.
44. РГИА, ф. 711, оп. 1, д. 7, л. 59, 60.
45. Там же, д. 6, л. 68.
46. Там же, л. 67 об, 68.
47. РГИА, ф. 733, оп. 157, д. 1, л.3, 3 об.
48. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 23, л. 88.
49. Из близкого прошлого. - Мшак, 1895, 27 января.
50. НАА, ф. 53, оп. 1, д. 13, л. 16, 26.
51. Там же, ф.400, оп. 1, д. 23, л.100.
52. Там же, л. 101 об.
53. Там же, л. 101 об, 102.
54. Там же, л. 102.
55. Тунян В. Г. Церковная политика самодержавия..., с. 47 - 49.
56. РГИА, ф. 1018, оп. 4, д. 100, л. 4; д. 105, л. 1; д. 108, л. 1-4.
57. Там же, ф. 711, оп. 1, д.8, л. 81.
58. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736 а, л. 97.
59. Там же, ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 82, 82 об, 184, 184 об.
60. ЦГАДА, ф. 1252 оп. 1, д. 736, л. 148.
61. Там же, л. 148 об.
62. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 23, л. 81.
63. Извлечение из отчета министерства внутренних дел за 1833 г. Спб., 1834, с. 71.
64. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 23, л. 83.
65. Там же, л. 83 об.
66. Там же, л. 88.
67. Там же, л. 121.
68. ЦГАДА, ф. 1252, оп, 1, д. 736, л. 246 об.
69. Там же, л. 250.
70. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 23, л. 123.
71. Там же, л. 123 об, 131, 131 об.
72. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736 а, л. 116.
73. АКАК, т. 8, N 194, с. 273.
74. Там же, с. 273 - 276.
75. Там же, N 197, с. 278.

76. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 66, л. 110.
77. Там же, л. 111, 111 об.
78. Там же, л. 110 - 113.
79. Там же, л. 1, 110.
80. АКАК, т. 8, N 197, с. 278.
81. Там же.
82. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 66, л. 5.
83. АКАК, N 198, с. 279.
84. Там же, с. 279, 280.
85. Там же, с. 280.
86. Там же, N 199, с. 211.
87. ЦГАДА, д. 1252, оп. 1, д. 736, л. 334
88. Извлечения из отчета министра... Приложение. Ведомость об устройстве армяно-григорианской церкви за 1833 г.
89. Там же. Ведомость N 24. Примечание
90. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 23, л. 212.

3. "Забывье"

Начались мероприятия по заглушению кризиса церковного руководства. 24 марта 1834 г. мятежные представители Эчмиадзинского братства - Симеон Бзнуни, Тер-Марукян, Иоаннес Крымский и Мартирос Шахазиян - представили Розену точную копию обращения к католику от 16 ноября, предлагая провести изучение всех обвинений через специальных чиновников с целью составления реального положения Эчмиадзинского монастыря, с докладом е. и. в. Помимо этого архимандрит Иоаннес Крымский представил отдельное прошение Розену, где указал на наличие "притеснений" и просил разрешения прибыть в Тифлис.

Розен решил извлечь из происшедшего максимум возможного, чтобы приструнить католика. 9 мая 1834 г. он сообщил Иоаннесу об обращении четырех указанных священнослужителей и запросил их высылки в Тифлис "под благовидным предлогом". Он собирался командировать чиновника Языкова в Эчмиадзин для расследования происшедшего и вразумления католика. Однако от Иоаннеса поступило отношение от 21 апреля, в котором он отмечал, что просьбе католика Ефрема он простил трех духовных лиц, позволило покончить с раздором. Затем, к удивлению главноуправляющего, поступило новое отношение, в котором четыре священнослужителя были названы зачинщиками беспорядков. Было затребовано специальное расследование. Главным зачинщиком указан архиепископ Бзнуни. В его деятельности представлено наличие следа архиепископа Нерсеса Аштаракеци¹: "Сановник, совершенно преданный архиепископу Нерсесу, вызванный последним в Бессарабию в 1831 г. и потом возвратив-

шийся сюда в 1833 г., с прибытием которого в Эчмиадзине начались беспорядки".²

Главноуправляющий, как и ранее намечал, направил Языкова в Эчмиадзин. От него требовалось удалить из Эчмиадзинского монастыря архиепископа Симеона Бзнуни и трех главных участников мятежа через начальника Армянской области кн. Бебутова. Он также должен был сообщить католикосу секретную установку высшей власти: об известности "беспорядков" правительству, заинтересованному в ограждении его достоинства; необходимости "правильного соображения" доходов Эчмиадзинского монастыря и армянских церквей; назначении за границу, особенно в Турции, лишь преданных ему священнослужителей и недопущении там разглашения происшедшего для отрицательного воздействия на местных армян; введении отчетности и оказании уважения католикосу Ефрему.³

Иоаннес Карбеци метался как между долгом и обязанностями католикоса, так и нежеланием выносить сор из избы. В письме к главе региона от 22 мая 1834 г. католикос определил прошение 8-ми представителей Эчмиадзинского братства как действия "злоумышленников", дерзнувших посягнуть на его авторитет. Представлена миротворческая роль католикоса Ефрема, ставшего снова авторитетом, для преодоления кризиса: "Мы по убеждению престарелого патриарха Ефрема, отца нашего, отечески простив их, предали забвению все поступки их".⁴ Само ноябрьское прошение представлено следствием приверженности к архиепископу Нерсесу. Пребывание тифлисской женщины в монастыре объяснено необходимостью проявления милосердия. Точно так же указано на наличие таких прислужниц при католикосе Ефреме и Бессарабском архиепископе Аштаракеци.

Под давлением кн. Бебутова католикос был вынужден принять меры. 24 мая 1834 г. он сообщил Розену о наказании участников "беспорядков": архиепископ Симеон Бзнуни был сослан в Саннинский монастырь, епископ Никогос Тер-Марукян и архимандрит Иоанес Крымский - в монастырь около Севанского озера, архимандрит Мартирос Шахазизян (родной племянник архиепископа Нерсеса) тюремно изолирован в Эчмиадзине. Порядок в Эчмиадзинском монастыре сочтен восстановленным.⁵

Об этом Розен 17 июня 1834 г. поставил в известность графа Блудова. Однако содержание в Эчмиадзине архимандрита Мартироса Шахазизяна было сочтено неприличным, которого надлежало удалить в какой-либо монастырь. На основе обобщения распоряжений католикоса подтверждена его полезность видам прави-

тельства России: "Иоаннес в звании патриарха может быть полезнее, чем кто-либо другой".⁶ Оценка значимости католикоса была прямо направлена против архиепископа Нерсеса Аштаракеци. Костатировался провал цели зачинщиков "беспорядков", заключающейся в замене Иоаннеса. Утверждалось о необходимости принятия "Правил об управлении армянской церкви За Кавказом", что позволило бы контролировать как католикоса, так и Эчмиадзинское духовенство. Отношение Розена о наведении порядка в Эчмиадзине было утверждено министром внутренних дел 21 июля 1834 г.: "Все сделанные вами распоряжения соответствуют своей цели".⁷

Заглушение Эчмиадзинских событий ослабило противостояние между группировками католикоса Карбеци и архиепископа Аштаракеци, сторонники которых внимательно следили за достижениями и промахами противоположной стороны. Идея повышения уровня развития духовенства через просвещение, которую проповедовал Салантян, имела общественную значимость. 10 июня 1834 г. Хачатур Абовян письмом вынес её на усмотрение Нерсеса Аштаракеци: "Просвещение нашей нации, по моему мнению, необходимо начать с священнослужителей, которые являются головой и душой нашей нации".⁸ Предлагалось собрать детей священников из разных уездов в возрасте 10-15 лет, которые бы в течение шести лет занимались изучением наук и дисциплин, кроме латинского и немецкого. После окончания ими срока обучения должен был последовать новый набор слушателей. Практически предлагалась организация высшего духовного заведения, занимающего место между семинарией и академией.⁹

11 июня 1834 г. Аштаракеци из Кишинева направил сообщение Хачатуру Лазареву о просьбе католикоса Иоаннеса вызвать архимандрита Артемия Аламдаряна в Эчмиадзин. Это оказалось невозможным, поскольку архимандрит погиб 6 мая в монастыре Хачванк Нового Нахичевана в результате ударов неизвестных злоумышленников. Тем самым архиепископ Аштаракеци потерял деятельного соратника, а нация - просветителя.¹⁰ В то же время Аштаракеци готовился к поездке в С.-Петербург, причем разрешение на эту поездку должен был обеспечить генерал-губернатор Новороссийского края граф Воронцов. Об этом указывает письмо князя К. Аргутинского-Долгорукого, отправленное 23 июня 1834 г. из Москвы Хачатуру Лазареву: "Преосвященный Нерсес дал слово выехать в сем месяце, но никаких известий нет. Видно, графа Воронцова представление о сем осталось без действия".¹¹

Кризис церковного руководства заставил высшие круги уско-

ритель разработку "Учреждения армянской церкви". Весной 1834 г. в С.-Петербурге был создан межведомственный комитет для принятия "Устава" армянской церкви. Членами комитета стали: граф Блудов, вице-канцлер Нессельроде, шеф тайной полиции Бенкендорф, управляющий Азиатским департаментом Родофиникин. Комитет возложил подготовку проекта на департамент духовных дел иностранных исповеданий.¹² 12 мая Блудов отвергнул представление Бенкендорфа об участии Хачатура Лазарева в качестве равноправного члена в деятельности С.-Петербургского комитета. Мнение было обосновано желанием избежать одностороннего влияния видного сановника, известного всем армянам поддержкой архиепископа Нерсеса Аштаракеци. Под давлением шефа корпуса жандармов 28 мая Блудов согласился с возможностью привлечения Лазарева лишь экспертом в деятельности комитета. Для уравнивания позиции противостоящих группировок армянских иерархов Блудов допустил экспертную деятельность архиепископа Серовбе в комитете. Замечания Лазарева и сведения Серовбе заставили министерство внутренних дел пойти на переработку проекта Тифлисского комитета.¹³

Уделено внимание епархиальному устройству армянской церкви в Закавказье. Была рассмотрена записка Лазарева "Некоторые сведения по управлению духовенства Григорианского исповедания в Закавказском крае". Карабах, Баку, Куба, Дербент, Шеки, Ширван и Нуха составляли одну "главную епархию" под руководством митрополита Багдасара. Грузинская епархия оставалась вакантной, которой временно заведовал архиепископ Степан. В Нахичеванской провинции действовали архимандриты Мартирос и Филипп. Ереванская провинция управлялась архимандритом О. Шахатуняном, которому подчинялись местные переселенцы - армяне из Персии и Турции. Первенствующей епархией признавалась, руководимая митрополитом Багдасаром. До 1815 г. она составляла Агванское патриаршество и не предоставляла отчета о своей деятельности Эчмиадзинскому католикосу. Все остальные епархиальные начальники выполняли требования главы Эчмиадзинского престола.¹⁴

Из записки явствовало отсутствие упорядоченного епархиального устройства. Сохраняла актуальность проблема признания первенства Эчмиадзинского престола среди турецких армян. Католикос Иоаннес в иерархии армянского духовенства считался с архиепископом Багдасаром, который по его представлению летом 1834 г. получил орден св. Анны I-й степени.¹⁵

16 октября 1834 г. Нессельроде поставил в известность Розена о

том, что Высокая Порта согласна, чтобы Константинопольский и Иерусалимский патриархи приняли известительные грамоты Иоаннеса Карбеци. Сложнее обстояло дело с 4-мя требованиями Карбеци: 1) провозглашение имени католикоса всех армян на эктениях (моление); 2) посылка св. миро; 3) сбора подношений в пользу Эчмиадзинского монастыря; 4) наличие векиля (представителя) для заведования пожертвованиями в пользу Эчмиадзина. В этих вопросах подвижек не было.¹⁶

Осенью 1834 г. Лазаревы продолжали следить за развитием событий в Закавказье, взаимоотношений Розена и Иоаннеса, но открытую лоббистскую деятельность в пользу Нерсеса Аштаракеци они прекратили.¹⁷ В октябре главноуправляющий Розен посетил Ереван и Эчмиадзин, чтобы лично ознакомиться с положением дел в главном управлении армянской церкви. В честь главы Закавказья католикос Иоаннес устроил пышный прием. Было подано прошение, чтобы Розен ходатайствовал перед царем об оказании пособия ряду епископов и об утверждении главами епархий.

Архиепископ Салантян сообщил об этом Хачатуру Лазареву в ноябре, с указанием, что в его пользу не было сделано никакого представления. Накопившаяся обида позволила сделать заключение, что выдвигенцы католикоса отблагодарили его лично, а он в Эчмиадзинском монастыре имеет несколько противников. Именно их злословием объяснялась обойденность вниманием католикоса.¹⁸

В конце 1834 года архиепископ Салантян, усложнив жизнь Лазаревым, начав вести интригу не только против Нерсеса Аштаракеци, но и против католикоса Иоаннеса. Помимо этого, в разговоре с видным военным деятелем, дипломатом и графом П. А. Толстым он допустил определенную утечку информации о главном управлении армянской церкви. Об этом позволяет судить письмо Ованнеса Лазарева брату Хачатуру от 5 декабря 1834 г.: "Архиерею Михаилу я говорил и дал прочитать письмо. Он весьма встревожился и говорил, что не помышлял действовать против патриарха, а при свидании с графом Толстым в разговоре об Эчмиадзине говорил графу, что нужно было бы ученых посвящать в архиепископы". Выяснилась самостоятельность действий архиерея от Лазаревых: "Уверял, что никогда не думал и не помышлял противодействовать патриарху и раскаивается, что, помимо нас, сносился, сам будто к тебе писал со всей откровенностью. Я ему просто сказал, что проiscaми недалеко можно уйти".¹⁹

Подведение итогов кризиса церковного руководства осуществил граф Блудов. В "Отчете министра внутренних дел за 1834 г."

движение в Эчмиадзинской обители за отстранение католикоса Иоаннеса от власти было оценено как результат внутренних несогласий и имеющее локальное значение: "Возникшие в одной распри между духовными сановниками и происки некоторых против патриарха благоразумными распоряжениями главноуправляющего Розена совершенно прекратились."²⁰ Положение католикоса Иоаннеса сочтено полностью стабилизированным.

10 мая 1835 г. министр внутренних дел Блудов в С.-Петербурге представил проект "Положения об управлении делами армяно-григорианской церкви в России", составленный Петербургским комитетом, и журнал четвертого заседания, который утвердил царь. По возвращении в Тифлис разрешалось отдельные части проекта представить на заключение католикоса Иоаннеса, чтобы его точка зрения была учтена министерством внутренних дел.²¹

Перед католикосом Иоаннесом Карбеци стала проблема времени, заключающаяся в адаптации Эчмиадзинского престола к общественно-политической действительности Российской империи, требующая решения вопросов устройства епархий, обеспечения просвещения, содействия развитию армянской церкви. Значительная часть проблем упиралась в кадровый вопрос. Для содействия делу управления Эчмиадзинского монастыря после девятимесячного заключения в Севанском монастыре архимандрит Иоанес Крымский был отозван. 7 апреля, в день армянской Пасхи, состоялось примирение в присутствии членов Эчмиадзинского Синода. Имея в виду недовольство части Эчмиадзинского братства католикос отмечал, что е. и. в. никогда не забудет произошедшие эчмиадзинские "беспорядки", подчеркивая невозможность возврата Нерсеса Аштаракеци. Разрешение вопросов просвещения католикос связывал с епископом Салантяном и Тифлисским армянским училищем.²²

16 апреля 1835 г. католикос Иоаннес направил письмо Хачатуру Лазареву. В нем говорилось, что обучающийся в Тифлисском армянском училище Мелик Нубарян племянник члена Эчмиадзинского Синода архиепископа Барсега, подает надежды на будущее. Просилось принять его в Лазаревский институт. Отмечалось качество обучения Лазаревского заведения.²³ Подтекст обращения был связан с повышением просвещенности армянского духовенства. Еще 2 мая 1833 г. архиепископ Михаил Салантян обратился к Карапету Эрзерумскому с просьбой присылать в Лазаревский институт армянский детей из Ахалкалаки и Ахалцихи, стремящихся получить образование.²⁴ 2 июля католикос оповестил Розена, что предложенное армянское епархиальное устройство

соответствует действительности, с пожеланием сохранить за собой Татевский монастырь.²⁵

2 июля 1835 г. Розен счел нужным ответить из Тифлиса на обращение католикоса от 29 декабря 1833 г. относительно учреждения Эчмиадзинского Синода аналогично присутственным местам власти. Поставлено в известность об уделении внимания этой проблеме во время пребывания в С.- Петербурге. Вынесено желание осуществить организацию четырех армянских епархий в Закавказском крае - Грузинской, Карабахской, Ширванской и Ереванской.

16 июля 1835 г. скончался католикос Ефрем Дзорагехци. На следующий день состоялись скромные похороны. Начальник Армянской области кн. Бебутов сообщил об этом министру внутренних дел графу Блудову, который сразу же доложил царю Николаю I.²⁶ Католикос Иоаннес стал более свободным в своей деятельности и более зависимым от властей.²⁷ Блудов 29 июля сообщил Розену о необходимости поддержки главы Эчмиадзинского престола. Предложено отвергнуть рассмотрение давних прошений архимандрита Иоаннеса Крымского: "Дать жалобам архимандрита Крымского на патриарха Иоаннеса надлежащий ход, значило бы унижить его в глазах армянского народа".²⁸

Важной проблемой для высшей власти явилось укрепление нравственных и материальных устоев Эчмиадзинского монастыря. 17 сентября 1835 г. Розен уведомил графа Блудова о необходимости противостояния влиянию католицизма среди турецких армян, ведущего к ослаблению роли Эчмиадзинского престола и попирающего интересы России. Предложено поддерживать власть католикоса и содействовать поступлению финансовых ресурсов как из Турции и Персии, так и внутри Российской империи: "Я считаю бесполезным, если даже епархии Ереванская, Астраханская, Нахичеванская и, в особенности, смежная с Турциею Бессарабия были обязаны доставлять хотя самое малое пособие первопрестольному Эчмиадзину".²⁹ В пределах Российской империи намечено иметь шесть епархий: четыре в Закавказье и две в России.³⁰ Интерес к финансовым ресурсам Нахичевано-Бессарабской армянской епархии диктовался значимостью внутри Российской империи и налаженностью отчетности со стороны архиепископа Аштаракети. Численность армянских прихожан всей Астраханской епархии определялась в 16135 чел., а Нахичевано-Бессарабской епархии - в 19792 чел.³¹ Возвышению значения католикоса Иоаннеса VIII было призвано содействовать награждение алмазными знаками ордена св. Александра Невского 27 ноября 1835 г.³²

Втуне главноуправляющий Розен счел разработанный церковный проект содействующим "установлению постоянного, однообразного в управлении для армянской церкви порядка". Проект был одобрен католикомс Иоаннесом в отношении епархиального устройства для Закавказского края.³³ 31 декабря 1835 г. граф Блудов внес на утверждение Государственного Совета проект "Положения об управлении армянской церкви", как "соответствующий видам правительства".³⁴

21 января 1836 г. католикос Иоаннес запросил содействия Розена в принятии мер против католической пропаганды как среди заграничных армян, так и в Закавказье. Розен направил представление министру Блудову для доклада царю. Борьба против католицизма среди заграничных армян сочтена "хлопотной", а деятельность католических миссионеров в регионе подлежала подчинению контроля при содействии особого духовного учреждения.³⁵

В то же время поступило обращение индийских армян из Мадраса к католикосу Иоаннесу от 15 июня 1835 г., содержащее осмысление событий, происходящих вокруг Эчмиадзина: "Мы слышали, что русские намеревались уничтожить патриаршество армянское, слух сей крепко опечалил нас и почти наполнил нас горестью, а потому мы ожидаем, что Ваше Святейшество купно с достойными сановниками вашими будете прилагать все возможное старание обратить на себя внимание императора, дабы не содействовал он приведению в действие сего намерения своего во вред и истреблению от лица земли имени Гайка и Арама, но чтоб опять изволил покровительствовать Вам".³⁶ Запрашивалась причина удаления "преосвященного" Нерсеса Аштаракеци из "отечества" и почему католикос Иоаннес не занимался вопросом его возвращения: "Из сего заключили мы, что или им учинен какой-либо вред, либо злоречия были наведены для удаления его". Ставился вопрос привлечения покровительства и содействия внешней силы: "Если при наипаче владычестве русских подобные дела случились в Армении, то лучше было бы насильственное властительство персиян".³⁷ Документ поступил в распоряжение Розена и министерства внутренних дел.³⁸

Отметим одно любопытное письмо, проливающее общее настроение правящих кругов к Нерсесу Аштаракеци до и после эчмиадзинских событий. 14 марта 1836 г. князь Бебутов из Еревана направил ответное письмо своему другу Н. Н. Муравьеву, который в начале года как корпусной генерал участвовал в военных маневрах в Могилеве Подольском и имел встречу в Кишиневе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци. Опальный архиерей поразному

относился к этим друзьям, соответствующее отношение было и с их стороны. Во всяком случае, очевидно, что Муравьев запросил своего приятеля о причине опалы Нерсеса Аштаракеци. Последовала интерпретационная официальная версия: "Очень рад, что виделся ты с Нерсесом, от коего я недавно получил письмо, причиною отъезда его отсюда, сколько мне известно, не что иное было, как необходимость иметь в Бессарабии опытного и благонамеренного пастыря Армянской церкви; куда Нерсес, кажется, по Высочайшему назначению и выехал отсюда в 1828 году; более же никаких причин мне неизвестно".³⁹

Председатель Тифлисского комитета по устройству управления армянской церковью, начальник Армянской области, контролер процесса избрания Иоаннеса УШ и орудие подавления эчмиадзинских событий Василий Бебутов поступал согласно русской поговорке: "Дружба дружбой, а служба службой". Однако, поскольку письмо должно было поступить к Муравьеву армянской почтой, то Бебутов счел возможным приподнять определенную завесу над делом Аштаракеци: "Слухом земля полнится, поговорка, которую ты часто мне говаривал; основываясь на сей поговорке, я сообщу тебе одно обстоятельство, по слухам же мне известное; Нерсес, как гласит стоустая молва, еще при Алексее Петровиче (Ермолове) хлопотал, чтобы по случаю глубокой старости бывшего тогда патриархом Ефрема (ныне уже умершего) позволено было Нерсесу управлять всеми духовными армянскими делами и иметь влияние на Эчмиадзинский монастырь, потому что наше правительство не хотело вмешиваться".⁴⁰

На деле, как уже известно, Нерсес Аштаракеци после удаления католикоса в закавказские пределы являлся его наместником и первенствующим членом Эчмиадзинского Синода, с чем считались Ермолов и высшая власть, а также Тегеранский двор. Именно с Нерсесом в 1825 г. вели переговоры представитель Лондонского общества воспитания пастор Вольф относительно посылки армянских детей на христианское обучение в Лондон по методу Бея и Лайнастера. Такие училища для армян были учреждены в Басре, Бендер Бушире и Алеппо. Соответствующие переговоры пастор вел с Константинопольским и Иерусалимским армянскими патриархами. Везде он пользовался покровительством британских дипломатических деятелей. В Тифлисе он удостоился отрицательного ответа от Аштаракеци, заявившего что Россия ближе, чем Лондон. Суть ответа заключалась в отказе от политической периферии, а он был изложен наместником католикоса. С Нерсесом Аштаракеци в 1825 г. персы вели переговоры о сохранении

верности армян Араратской страны.⁴¹ Ларчик под названием Нерсес Аштаракеци был не так прост и значительно объемнее чем, представлял Василий Бебутов.

Далее начальник Армянской области развивал концепцию притязаний Аштаракеци на управление армянской церковью, и что из этого вышло: "В 1828 году, кажется, или прежде, домогательство сие Нерсес опять возобновил и, говорят, заставил патриарха Ефрема писать письмо Государю, что по глубокой старости своей он отрекается от бремени управления духовными делами и просит преемником своим назначить Нерсеса; на сие Высочайшего соизволения не последовало, посему Ефрем в 1830 году, будучи уже совершенно расслаблен от старости, имея более 80 лет и будучи лишен зрения и слуха, решительно отказался от патриаршего сана, и от себя дал Эчмиадзинскому Синоду свое отречение письменно, не доводя о сем до Высочайшего сведения. Воспоследовало е.и.в. повеление о созвании в Эчмиадзинском монастыре духовенства армянского и о выборе на основании древних обычаев двух кандидатов в патриархи, и после представлении их на Высочайшее утверждение".⁴²

Прикрыв политическую подоплеку отстранения Нерсеса Аштаракеци, Бебутов продолжил изложение хронологической канвы событий, но, что интересно, как очевидец событий: "Высшее духовенство армянское всего Закавказского края было созвано в Эчмиадзине в присутствии патриарха Ефрема, всех епископов и членов Эчмиадзинского Синода; открыто происходило оное под председательством Ефрема, который объявил о (причине) приглашении их собрания и потом приступил по объявлении высочайшего повеления к выборы кандидатов. Выбор пал на нынешнего патриарха и другого епископа Мартироса; оба сии кандидата по утверждении были Высочайше представлены главноуправляющим сим краем, и Государь император утвердил настоящего патриарха Иоаннеса".

Итогом происшедшего было представлено аффектное состояние архиепископа Аштаракеци с определенными последствиями: "Говорят, Нерсес разгневался и был очень недоволен, что выбор пал не на него, с тех пор возникли многие кляузы и подозрения, будто выборы нового патриарха сделаны были по интригам и прочее." В то же время Бебутов взял под защиту законность выбора Иоаннеса: "Но я могу утвердительно сказать, что такого выбора, торжественного и блистательного, по словам самих престарелых Эчмиадзинских монахов, никогда не бывало, а что Нерсес не достиг своей цели, проискавшими с давних времен предпринимаемых,

никто в этом не виновен, кроме самого его, ибо он не умел вести себя прилично своему званию, более ничего я не знаю, а слышал по слухам, что Нерсес мною недоволен, но за что бог весть".⁴³

Самое интересно при этом то, что Бебутов так и не указал на содержание обращения к нему Нерсеса Аштаракеци. Архипас - тырь был обижен на него, но обращался к начальнику Армянской области. Следовательно, это был вынужденный шаг, связанный с необходимостью заступиться за кого-либо, возможно, и за племянника архимандрита Шахазизяна.

Имеются два письма Аштаракеци к Муравьеву. Первое датируется 12 февраля 1836 г., где Нерсес Аштаракеци указывает, что после отъезда Муравьева из Кишинева до него дошла информация о интересе к его судьбе - "обеспокоенности испытаниями мною".⁴⁴ Второе письмо архиепископа Нерсеса от 31 мая 1836 г.: "Проезд Вашего Превосходительства через Кишинев доставил мне сердечное удовольствие приятным мигом с Вами свиданием, когда я имел честь утруждать Ваше Высокопревосходительство покорнейшей просьбою за моего Сатова, который под начальством Вашего служил в Виленском егерском полку прапорщиком. Принимая живейшее участие в сем молодом человеке, я вновь усерднейшим образом прошу Вас принять его в особенное Ваше внимание".⁴⁵ Заканчивалось письмо передачей приветов жене Муравьева графине Наталье Григорьевне Чернышевой, что свидетельствовало о знакомстве.⁴⁶

Из писем Аштаракеци к Бебутову и Муравьеву явствует, что архипастырь сохранял активность и интерес к происходящим событиям, проявляя заботу к устройству судьбы той или иной личности, используя для этого свои обширные знакомства среди кавказских деятелей. При этом отметим, что русский язык Нерсес Аштаракеци изучил в зрелом возрасте, используя церковнославянский язык. Данные письма написаны хорошим русским стилем, но подписаны армянским именем.

Интерес писем к Муравьеву диктуется и другим обстоятельством. Муравьев в 1835 г. стал исполняющим обязанности начальником штаба первой армии, находящимся в Киеве, войска которой располагались в Подольской губернии. Дела были приняты у давнего знакомого и приятеля ген. Красовского, вернувшегося к командованию армейскими войсками. Затем Муравьев возглавил пятый пехотный корпус.⁴⁷ При этом герой Ошаканского сражения котировался в кандидатах на пост главы Закавказья вместо Розена, как лицо, знающее Кавказ, но неприязнь Паскевича и в этом сыграла отрицательную роль.⁴⁸ Несомненны контакты Красов-

ского с Нерсесом Аштаракеци, от которого он, очевидно, узнал о возведении памятника на месте Ошаканского сражения.⁴⁹

21 марта 1836 г. граф Блудов направил послание барону Розену, в бде отмечал, что его представление от 17 сентября 1835 г. об укреплении экономических устоев Эчмиадзинского монастыря было направлено на высочайшую санкцию. Сообщалось о представлении "Положения об управлении делами армяно-григорианской церкви в Российской империи" на утверждение Государственного Совета, которое затем было санкционировано царем 11 марта 1836 г. Подчеркнуто значение церковной хартии, которую предстояло воплотить: "Поспешая сообщить Вашему Превосходительству об окончании таким образом столь важного дела, как устройства армянской церкви, я прошу покорнейше...".⁵⁰ Сообщение было получено 26 апреля.

"Положение" устанавливало свободу древнего христианского вероучения армянской церкви. Она признавалась соборной и вселенской, глава которой-католикос всех армян (верховный католикос) - находился в Эчмиадзине. Нахождение духовно-политического центра армянского народа в Российской империи давало определенные преимущества Петербургскому двору, поскольку выборы главы армянской церкви, посвящение в сан епископов для зарубежных армян, рассылка св. мерона, пастырские увещания осуществлял российский подданный. Был разработан механизм контроля главы армянской церкви. Католикос подлежал выбору избирательным собранием в Эчмиадзине. Вначале выдвигались четыре кандидата из высшего армянского духовенства, из них избирались два старших, из которых царь мог утвердить одного, либо отвергнуть обоих. Эчмиадзинский Синод превращался в хозяйственно-контрольный орган под председательством католикоса. Делопроизводственную и правовую сторону был призван контролировать Эчмиадзинский Синодальный прокурор. Для ограничения свободы деятельности католикоса и проведения необходимых лиц было сочтено нужным назначить епархиальных начальников предоставить е.и.в. При сохранении примата армянского церковного и канонического правопорядка было одно новшество, которое разрешало армянскому духовенству передавать личную собственность в наследственность своим родственникам.⁵¹

5 июня 1836 г. царь Николай I предписал Розену передать в распоряжение Эчмиадзинского престола пять церковных деревень - Вагаршапат, Мастара, Ошакан, Гетаркей и Егвард. Решение мотивировалось обращением католикоса Ефрема и необходимостью укрепления экономических устоев Эчмиадзинского престола. Ме-

стное население деревень освобождалось от казенных податей и земских повинностей, а Эчмиадзинский монастырь обязывался не "обременять их новыми налогами", сохраняя имевшиеся поступления.⁵² Против чего боролись, к тому и пришли. Ведя борьбу против монастырских притязаний Нерсеса Аштаракеци, самодержавие в конце концов пошло на их удовлетворение. Деятельность архиепископа Нерсеса в этой сфере увенчалась успехом. Текущие интересы самодержавия возобладали над эмоциональным отношением к укреплению экономической базы Эчмиадзина, чтобы получать политические дивиденды от турецких армян.

Надзирательная часть "Положения" явилась полной неожиданностью для католикоса Иоаннеса, поскольку отличалась от проекта Тифлисского комитета, что заставило его в кругу приближенных выразить негодование для сохранения престижа: "Знал бы о таком, то не принял бы сан католикоса".⁵³ Однако деваться было некуда и надлежало протестовать. 6 июля 1836 г. Иоаннес направил представление графу Блудову о несоответствии ряда статей "Положения" традициям армянской церкви. Вначале обращено внимание, что назначение епархиальных начальников осуществляется из духовных сановников и им же увольняются. Этот подход противоречил указанию царя от 26 января 1832 г. о представлении двух кандидатов через региональную власть в Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. Запрашивалось определение в двух подходах: "Я нахожу себя обязанным обратиться к Вашему Высокопревосходительству с вопросом - должен ли исполнять на счет избрания и назначения армянских епархиальных начальников в России прежний порядок, предписанный в 1832 году, и изъяснить при том, что если сие будет отменено, тем некоторым образом ограничиваются собственные права католикоса, как ближайшего Духовного начальника над всеми духовными сановниками армянской церкви, ибо армянские духовные, имея прямую и непосредственную зависимость от меня, ни личными достоинствами своими, ни благовещием не могут кому-либо столь известны, как мне".⁵⁴

Указано на несоответствие армянским традициям распоряжения личным имуществом: "В примечании же § 32 того же Положения сказано: Патриарх распоряжается собственным имуществом по усмотрению своему, если им не сделано завещания, то сие имущество переходит к законным его наследникам, или когда их нет, причисляется к имуществу армяно-григорианской церкви". Аналогичный порядок распоряжения имуществом предусматривался в статьях §71 и §91 для епархиальных начальников и монаше-

ствующего духовенства. Иоаннесом был отмечен народный характер армянской церкви и ее предназначенность служить нации: "По долгу звания моего Я нужным считаю объяснить: ни из предания, ни из духовных грамот не видно ни одного примера, чтобы когда-либо после смерти патриарха или простого монаха наследники их могли пользоваться имуществом их, ибо армянские монашествующие, по большей части с малолетства, поступив в монастырь Эчмиадзина, в основном там и содержались на монастырском иждивении, без всякого участия в том родственников. Они по достижению совершеннолетия посвящаются в разные саны, определяются к местам и должностям, и во все сие время не только не получают никакого пособия от родственников, но даже многие из них дают часть вспомоществования бедным родителям своим и родственникам. Монашествующие наши были бы крайне несправедливы пред Эчмиадзинским престолом и пред прочими обитателями своими, если бы они, воспитываясь, живя и приобретая на счет Эчмиадзинского монастыря, наконец все имущество свое передали в чужие руки, оставляя ближайшего наследника своего -Эчмиадзинский монастырь, коего они называются чадами".⁵⁵

Поэтому католикос Иоаннес запрашивал, чтобы в случае отсутствия духовного завещания личное имущество священнослужителей поступало в распоряжение их обители: "Чрез сие Эчмиадзинский престол избавится от излишних и беспрестанных неприятностей и неудовольствий, кои должен будет он иметь всегда с родственниками умерших монашествующих Эчмиадзинского монастыря и прочих ему подведомственных обителей о наследстве их. В особенности же армянский народ, будучи рассеян по разным странам света, и во всяком месте следуя древним обычаям своим и обычаям, по прочтении выше объясненной статьи положения на счет наследования после монашествующих, возникнет невыгодное мнение, которое наконец удержит их от всех добровольных пожертвований в пользу Эчмиадзинского престола и Братства онаго".⁵⁶

Важное значение имела образовательная часть "Положения", которая требовала организации духовной семинарии в каждой из шести армянских епархий Российской империи путем решения кадрового и финансового ресурсов. 15 июля 1836 г. католикос Иоаннес запросил у главноуправляющего Розена содействия в этой сфере: "Известно Вашему Высокопревосходительству, что св. Эчмиадзин сколь много нуждается в ученых людях, в особенности в духовных, - для внутреннего и внешнего распорядка онаго. Недостаток сей гораздо ощутителен для меня при настоящем новом

преобразовании управления Эчмиадзинского монастыря Положением".⁵⁷ Запрашивался вызов архиепископа Салантяна в Эчмиадзине для службы при католикосе, который в Москве занимался печатанием личных трудов и переводов, что можно было делать и в Эчмиадзине. Католикос находил: "Я уверен, по образованности своей и желанию быть полезным отечеству и правительству большою пользою и успехом совершит сие".⁵⁸ Вся издательская деятельность Эчмиадзина должна была находиться в распоряжении архиепископа Салантяна.

Представление католикоса Иоаннеса свидетельствовало о наличии недовольства двумя компонентами церковной хартии - надзорного механизма и наследственного. Эти отрицательные черты явились следствием деятельности С.-Петербургского комитета, но не армянского духовенства. Самодержавие ставило целью создание механизма контроля и наличие симпатий армянских священнослужителей, но не самоотстраненности и "азиатства" армянского духовенства.

В начале августа 1836 г. Розен поддержал представление католикоса Иоаннеса о необходимости образованных священнослужителей для Эчмиадзинского монастыря перед графом Блудовым. С этой точки зрения обоснована необходимость Салантяна в Эчмиадзине. Удовлетворение же желания католикоса назначить Салантяна главой какой-либо епархии в Закавказье, по представлению Хачатура Лазарева, сочтено преждевременным, поскольку он имел кратковременный срок пребывания в сане епископа. Кроме того имелись претенденты с заслугами перед правительством России. Среди них были выделены архиепископ Карпет Багратуни и епископ Стефан Хажакян, которые возглавляли переселение эрзерумских и карсских армян. По представлению Паскевича, первый был награжден орденом св. Анны 1-й степени, а второй орденом св. Владимира 3-й степени. От назначения их епархиальными ожидалась та польза, что под их духовное управление перешли бы переселенцы и местные армяне. Карабахскую епархию намечалось сохранить за архиепископом Багдасаром, причем вопреки желанию католикоса.⁵⁹

20 августа 1836 г. граф Блудов ответил на представление католикоса Иоаннеса об устранении недостатков в "Положении". Сохранение порядка 1832 г. о представлении католикосом двух кандидатов на замещение вакансий епархиальных глав в Российской империи сочтено политически нецелесообразным: "Так как сие было бы некоторым образом ослаблением прав самодержавия и вообще преимуществом перед другими, равнопокровительстве-

мым Российской державою иностранным исповеданиям".⁶⁰ Относительно статей §§ 32, 57, 71, 81 "Положения" о наследовании имущества священнослужителями Блудов осуществил отписку: "Я нахожу, что оные не имеют достаточного повода к применению сих параграфов, ибо постановления армяно-григорианской церкви, по собственным отзывам Вашего Высокопревосходительства и самого патриарха Иоаннеса, не заключают в себе такого правила о наследовании движимого имущества духовенства сего исповедания; простой же обычай, коему доньше в таковых случаях следовали, как несообразный с существующими на сей предмет законом государства, не может иметь перевеса, и в особенности там, где дело идет о правах собственности. Почему я и не решаюсь входить с представлением об отмене постановлений Положения".⁶¹

Как показала последующая историческая практика, предостережения католикоса Иоаннеса о последующих осложнениях статей о наследовании имущества полностью оправдались. Осенью 1836 г. Блудов дал согласие на приезд Салантяна в Эчмиадзин и необходимость организации духовных семинарий и высшего духовного заведения - академии. Нерсес Аштаракецци в ноябре 1836 г. содействовал миролюбивой сделке Манук-бея с управляющим Аствацатуром.⁶²

7 декабря 1836 г. указом Правительствующего Сената Грузинскую епархию стал возглавлять архиепископ Карапет Багратуни, Ширванскую - Стефан Хажакян, а Карабахскую митрополит - Багдасар. Ереванская епархия оставлена подконтрольной католикосу. Членами Эчмиадзинского Синода стали: архиепископы Барсег Кесарийский, Иосиф и Лука; епископ Стефан Араратов, архимандриты Иоаннес Крымский, Исаак Сатулян, Иоаннес Вагаршапатский и Иоаннес Шахатунян. Подавляющее большинство из них являлись приверженцами католикоса.

15 декабря Блудов уведомил Розена, что относительно желания католикоса Иоаннеса упразднить армянское училище в Тифлисе, организованное Нерсесом Аштаракецци, получена записка от ген. Бенкендорфа. В ней говорилось об особом юридическом статусе учебного заведения, существующего за счет доходов с оговоренной собственности, изменение которого нарушило бы право собственности. Училище готовило образованных юношей для Грузии и Армении. В нем преподавали армянский, русский, грузинский языки и другие предметы. Католикос же Иоаннес хотел после упразднения Тифлисского училища обратить его доходы в пользу Эчмиадзинского монастыря для организации там духовной семи-

нарии.⁶³

Автором записки являлся Хачатур Лазарев, прогнозирующий печальные последствия от упразднения училища Нерсисян в различных сферах общественной жизни: "Подобная противозаконная мысль и мера разрушат училище, лишат его собственности, не сообразно ни с целью образования, ни с рассудком, ни с правом принадлежности".⁶⁴ Каждый должен был основать деятельность на своих источниках поступлений: "Эчмиадзинский монастырь, имея свои источники доходов, может хозяйственным или другим распоряжением, или частными пожертвованиями основать армянскую семинарию, столь нужную, сколь полезно существование Тифлисского армянского училища, необходимого для образования юношества Грузии и Армении".⁶⁵ Для недопущения негативного исхода Лазарев предлагал запросить мнения министров просвещения, финансов и внутренних дел, к которым из Грузии поступило несколько "невыгодных представлений" относительно мнения католикоса.⁶⁶

17 января 1837 г. граф Блудов поставил в известность Бенкендорфа о представлении главы Закавказья барона Розена о желательности реорганизации Тифлисского армянского училища в духовную семинарию Грузинской епархии Эчмиадзинского престола. К руководителю Южной окраины с этой просьбой обратился еще в январе 1836 г. католикос Иоаннес, намечавший за счет поступлений Тифлисского армянского училища обучать детей священников и других сословий. На это дело предлагалось обратиться 1000 руб. сер., согласно духовному завещанию жены тифлисского мокалака Бежана Хатисова. В пользу училища предназначались и ежегодные 150 руб. сер. скончавшимся в 1830 г. дворянином Егором Арцруни. Блудов не признал училище Нерсисян духовным, но окончательное решение вопроса передавал на усмотрение министра просвещения С. Уварова: "Принимая в рассмотрение, что по всем вышеизложенным обстоятельствам Тифлисское армянское училище нельзя считать духовным и что по сему вопрос об учреждении оно не может быть разрешен одним духовным начальством, коим управление мне вверено, но зависит более от соображений министерства народного просвещения".⁶⁷ Министр внутренних дел под давлением Бенкендорфа устранился от личного решения проблемы Тифлисского армянского училища, перекладывая ответственность на другое ведомство.

21 января 1837 г. барон Розен направил свое мнение Бенкендорфу, которое полностью поддерживало точку зрения католикоса. Указано, что училище было основано в 1825 г., без упоми-

нения имени Нерсеса Аштаракеци и высочайшего утверждения, а также должно было поступить в ведомство министерства народного просвещения, так как не являлось духовным заведением. В то же время оно находилось в зависимости от местного гражданского училищного начальства. После отъезда Нерсеса Аштаракеци в Бессарабию архиепископ Иоаннес создал для его управления специальный комитет. Предписанием от 3 февраля 1831 г. комитету было поручено приведение в известность раходов и источников дохода Тифлисского училища, а также создание "Устава" деятельности заведения. В течение шести лет комитет не выполнил порученные задачи. Само Тифлиское училище представлялось переживающим упадок из-за отсутствия контроля и нехватки средств финансирования. В пользу закрытия Тифлисского училища указано и то обстоятельство, что, согласно "Положению о Закавказских училищах" 1835 г., в регионе имелись Тифлисская гимназия и 19 уездных училищ. Обучение в них представлялось бесплатным, а Тифлисская гимназия предоставляла выпускникам чин служащего 14 класса.⁶⁸ Обосновывалась необходимость духовной семинарии.

21 января 1837 г. Блудов представил Бенкендорфу заключение министра просвещения Уварова. Оно носило двойственный характер: "Я не считаю себя вправе дать решительно какого-либо заключения об уничтожении означенного заведения (Тифлиского), не состоящего под наблюдением вверенного мне управлению ведомства; впрочем, предположения на сей счет ген.- ад. барона Розена являются уважительными".⁶⁹

5 февраля 1837 г. Бенкендорф в осторожной форме указал Уварову, что хотя вопрос закрытия Тифлисского армянского училища и открытия духовной семинарии не относится к его ведомству, но присвоение средств одного для использования другим сочтено неприемлемым: "Я нахожу несколько несправедливым предположение обратить доходы сего училища, состоящие из пожертвований частных людей, обращении на другой предмет".⁷⁰ 12 мая министр внутренних дел запросил у Нерсеса Аштаракеци информацию о Тифлиском училище, который сообщил о её задержке из-за болезни. Этим ответом ставилась цель выиграть время для сбора сведений.

Нерсес Аштаракеци, помимо возможностей Бенкендорфа - Лазаревых в вопросе сохранения Тифлисского армянского училища, стремился иметь поддержку значительного круга влиятельных лиц. Среди них находился и Н. Н. Муравьев, который прибыл в столицу по поводу представленной записки о состоянии армей-

ских частей и получил благодарность от царя.⁷¹ 4 марта Аштаракци сообщил Муравьеву о назначении командиром конно-горского полка майора Курганова, известного обоим по Кавказу, который следовал на службу через Кишинев к Паскевичу в Варшаву.⁷² В письме архипастыря от 15 марта 1837 г. было указано: "Был извещен о прибытии Вашего Высочества в С.- Петербург в добром здравии..., но теперь еще более радуюсь возвращению вашему с благополучным успехом. Для меня оно тем более приятно, что таковую мою радость разделяют и все Ваши подчиненные, имея доброго и благодетельного начальника".⁷³

Ответным письмом от 22 марта 1837 г. Муравьев оповестил Нерсеса Аштаракци о проблемах со здоровьем.⁷⁴ Речь шла о том, что царь Николай I пригласил его на летние красносельские маневры, где хотел его посрамить, но случилось обратное.⁷⁵ Письмом от 24 апреля архиепископ Аштаракци пожелал Муравьеву здоровья и поздравил его с праздником Пасхи. При этом он выразил удовольствие по поводу приезда ожидаемого гостя, возможно Красовского, и ожидал выполнения обещания Муравьева относительно приезда в Кишинев.⁷⁶

Весной подошло время отчета министерства внутренних дел за прошедший год. Как и ранее, оно располагало сведениями лишь по внутренним армянским епархиям за 1836 г.

Состояние белого духовенства Астраханской и Нахичевано-Бессарабской епархий за 1836 г.⁷⁷

Губернии	Церквей	Священнослужителей	Церковнослужителей	Училищ	Учеников	Прихожан
Астраханская	4	26	20	1	26	5000
Кавказская	17	67	50	1	34	11135
С. Петербург-я	2	6	4			65
Московская	3	3	2			122
Таврическая	9	6	18			3718
Екатеринослав-я	11	24	30			12587
Херсонская	4	5	9			1454
Бессараб. об.	6	7	36			3718
Всего...	56	144	169	2	60	55927

Приводимые сведения приобрели реальный характер. Уточнению подверглись данные по Бессарабской области, С.- Петербургу и Москве. Исчезли раздутые данные по училищам, а точнее начальным школам чтения, которые представлялись по завышенной категории. По Нахичеванско-Бессарабской епархии значилось - 35 церквей, священников - 51, церковнослужителей - 96. При этом указано об отсутствии училищ и учеников. Один монастырь зна-

чился в Екатеринославской губернии с двумя монахами, два монастыря с двумя монахами - в Таврической губернии. Численность прихожан Нахичевано-Бессарабской и Астраханской губерний возросла с 35927 до 55927.

В феврале 1837 г. состоялось торжественное открытие Эчмиадзинского Синода. Верховный католикос привел членов Синода к установленной присяге на верность службе российского самодержавия. Министр внутренних дел счел дело организации управления "прочным" организованным.⁷⁸ Радости от этого у главы армянской церкви не прибавилось. 10 апреля с католикосом Иоанесом случился апоплексический приступ, что явилось следствием болезненных переживаний из-за "Положения" об управлении армянской церкви. Тяжелое состояние католикоса заставило князя Бебутова 13 мая 1837 г. обратиться из Еревана секретным отношением к главе Закавказья Розену. В нем говорилось, что лучшей кандидатуры, чем архиепископ Карапет Эрзерумский, на сан католикоса не сыскать. В ходе запрашиваемого свидания в Тифлисе Бебутов обещал ознакомить с "некоторыми толками", имевшими место при избрании главой церкви Иоаннеса. Знакомство с ними мотивировалось пребыванием в Эчмиадзине во время выборов для сохранения "порядка" по предписанию фельдмаршала Паскевича. Речь шла об отстранении архиепископа Нерсеса Аштаракеци от возможных выборов путем замены новым протееже власти: "Я повторяю мнение мое, что в преемники патриарха нельзя найти способнее Карапета, который по понятным причинам достойней других".⁷⁹ Предлагалось заблаговременно запросить мнение вышестоящего руководства о возможной смене главы армянской церкви.⁸⁰

Был задействован созданный механизм управления армянской церкви. Начал набирать силу Эчмиадзинский Синод. Прокурор Ф. Корганов стал контролировать делопроизводство Синода, которое велось на армянском языке, требуя личного согласования всех дел.⁸¹ В июле 1837 г. Эчмиадзинский Синод затребовал от всех епархиальных глав, в том числе Нахичевано-Бессарабской, о числе церквей, духовенства и прочее. В августе поступил рапорт епархиального Нерсеса Аштаракеци за N 170 с представлением численности подведомственного ему духовенства, церквей и т. д.⁸²

7 августа 1837 г. архиепископ Карапет Багратуни торжественно открыл армянскую консисторию. Было совершено молебствие в присутствии главноуправляющего Закавказья Розена и высокопоставленных чиновников. Воздано должное попечительной политике самодержавия по отношению к армянской церкви.⁸³ Католи-

кос Иоаннес был представлен одним из двух инициаторов принятия "Положения" армянской церкви: "По просьбе Высококостепенного патриарха всех армян Иоаннеса и по ходатайству Его Высокопревосходительства попечителя сего края (Розена) всемилостивейшим манифестом соизволил утвердить положение об управлении делами армяно-григорианской церкви". Дарованная хартия была превознесена до правительственных высот: "Даровав ей те же права, какими пользуется православная греко-российская церковь".⁸⁴ Заявление было изложением верности самодержавию, поскольку армянское христианское вероисповедание как относилось к иностранным вероучениям, так и продолжало относиться. В то же время оно было отчасти право в вопросе возможности наследования имущества священнослужителями. Этот факт, спустя время, попытался использовать архиепископ Карапет.

Заявка Карапета Эрзерумского на сан католикоса привлекла впечатление на главноуправляющего Розена,⁸⁵ но католикос Иоаннес выздоровел. Более того, за успешное содействие организации управления армянской церкви он 11 ноября 1837 г. был награжден орденом св. Владимира I-й степени.⁸⁶ Католикос принес "чувствительную благодарность" за награду главноуправляющему Закавказья Розену.⁸⁷ Представлен полный титул Иоаннеса: "Раб Иисуса Христа Иоаннес и милости его Католикос всех армян и Верховный патриарх святой апостольской церкви христовой и первопрестольного Араратского собора Эчмиадзина".⁸⁸

Собранные Эчмиадзинским Синодом сведения позволили составить впервые представление о положении армянской церкви.

Состояние белого духовенства за 1837 г.

Наименование епархий	Церкви	Часовни	Священнослужителей	Церковнослужителей	Семинарий	Училищ
Н. Бессарабская	28	8	54	99		11
Астраханская	19	4	56	110	1	1
Ереванская	208	235	599	1078	1	3
Грузинская	240	28	381	244	1	12
Карабахская	99	33	178	167		4
Ширванская	25	2	40	1		1
Всего...	619	310	1308	1699	3	32

В епархиях имелось 42 монастыря: в Нахичевано-Бессарабской - 3 и 7 монахов, Астраханской - отсутствовало, Ереванской - 72, Грузинской - 30, Карабахской - 14 и 6 монахов, Ширванской - 1. Общая численность монашествующего духовенства составляла 126 м. п. и 32 ж. п. Наибольшая численность была в Ереванской епархии - 72 м. п. и 4 ж. п., в Грузинской - 30 м. п. и 22 ж. п., Карабах-

ской - 14 м. п. и 6 ж. п.⁸⁹ Наибольшая численность армянского духовенства в Российской державе была представлена в Ереванской епархии: священнослужители - 45,8% и церковнослужители - 63,4%. Затем шла Грузинская епархия: священнослужители - 29,1% церковнослужители - 14,4%. Подведомственное духовенство архиепископа Нерсеса Аштаракеци составляло: священнослужители - 4,1% и церковнослужители - 5,8%. Оно чуть-чуть уступало Астраханской епархии: священнослужители - 4,3% и церковнослужители - 6,5%.

Впервые были представлены данные о семинариях. Причем под Грузинской подразумевалось Нерсисянское училище, где стало вестись духовное и светское образование. Обращает внимание малочисленность приходских училищ в Ереванской епархии - 3, а также непомерно высокий уровень в Нахичевано-Бессарабской епархии - 11. Если в первой данные, очевидно, следует признать реальными, то во второй желаемое выдавалось за действительность.

Проблема подготовки просвещенных священнослужителей оставалась актуальной. В середине 1837 г. Лазаревы подали через Бенкендорфа, главного попечителя Лазаревского института, предложение министру внутренних дел о создании специального отделения для юношей из армянского духовного сословия при фамильном заведении для поступления в епархиальные семинарии и в духовное звание. Для этого намечалось соединить армянские церкви С.-Петербурга и Москвы и Лазаревский институт в единое хозяйственное управление, что должно было позволить направить доходы церквей на содержание духовных воспитанников. Мотивационной основой указывалось отсутствие училищ при армянских церквях С.-Петербурга и Москвы. Без создания единого хозяйственного управления проблема организации училищ представлялась неразрешимой.

Рассмотрение предложения Лазаревых о создании духовного отделения граф Блудов признал полезным. Однако, поскольку общий контроль за церквями и богоугодными заведениями, как и основание семинарий, относились к кругу занятий Эчмиадзинского Синода, согласно "Положению", то через главноуправляющего Закавказья был сделан запрос о необходимости его учреждения при Лазаревском институте. Однако к концу 1837 г. отзыва по этому вопросу из региона не было.⁹⁰

Создание духовной семинарии в Грузинской епархии затрагивало кровные интересы архиепископа Нерсеса Аштаракеци, поскольку основывалось на созданном им Тифлисским армянским

училище. 29 апреля 1838 г. архиепископ Нерсес Аштаракеци представил обширную записку о Тифлисском армянском училище ген. Бенкендорфу. Излагалась история создания училища "собственными средствами" в 1822 г. в Тифлисе на церковной земле. Из-за непрочности построенного здания оно было разрушено. Новое здание было воздвигнуто в 1826 г. В одной части здания располагалось училище, а доход от другой части, сдаваемой в аренду, и 20 лавок, построенных также на церковной земле, использовались на его содержание. Другим источником поступлений являлись два сада и пожертвования. Общий доход, направляемый на содержание училища, составлял около 3 тыс. руб. сер. в год. После отъезда Аштаракеци в Бессарабию архиепископ Иоаннес подчинил себе доход с торговых лавок, как находящихся на церковной земле. Однако Нерсес Аштаракеци обязывался уплачивать долги, взятые для строительства этих лавок. Стремление Иоаннеса-Розена преобразовать Тифлисское училище в духовную семинарию признавалось несоответствующим видам правительства, поскольку это могло бы привести к возникновению узкопрофильного заведения.

Отмечалась возможность потери ежегодно значительных средств, так или иначе связанных с деятельностью Тифлисского училища: 1) дом в городе - 1080; 2) виноградный и фруктовый сад в Саганлуге - 500; 3) сад в Кизляре - 200; 4) армянская типография; 5) 1500 экземпляров армянской грамматики, составляющих капитал в 5 тыс. 6) завещанный Чарукциановым капитал в 4500 руб. сер.; 8) четвертая часть завещанного капитала Хатисова.

Архиепископ Нерсес Аштаракеци запрашивал сохранение существовавшего порядка управления Тифлисского армянского училища с источниками финансирования. В случае положительного исхода он обещал подарить училищу собственный сад в Елисаветполе с ежегодным доходом в 490 руб. сер., а взамен брал на себя торговые лавки, уплачивая церкви за земли 3% в год, и дом в Тифлисе, построенный за собственные деньги. Этим предложением Нерсес Аштаракеци выступал как правовой собственник, который не желал, чтобы кто-либо пользовался его собственностью. При этом продолжалась бы деятельность Тифлисского училища.

Бенкендорф направил записку архиепископа Аштаракеци министерству внутренних дел, которое запросило мнение руководства Закавказья. Главноуправляющий Е. А. Головин передал записку на заключение председателя Закавказской комиссии по реформированию управления Южной окраины барону П. Д. Гану.⁹¹

Имелась и другая головоломная проблема. В 1837 г. главноуправляющий Закавказья Розен поставил в известность графа Блудова о желании католикоса Иоаннеса присоединить г. Новый Нахичеван с соседними армянскими деревнями к Астраханской епархии. Однако оно было отклонено министром внутренних дел из-за несоответствия епархиальному устройству, изложенному в "Положении" об управлении армянской церкви. 19 апреля 1838 г. шеф тайной полиции Бенкендорф направил министру внутренних дел записку за N 2114 об архиепископе Михаиле Салантяне с его предложением о реорганизации Нахичевано-Бессарабской епархии. Предлагалось выделить из её состава армянские церкви С. - Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода и Нахичевана - на-Дону с подчинением Салантяну. Сам архиепископ Салантян удостоился положительной характеристики со стороны Бенкендорфа.⁹²

За всеми этими представлениями о реорганизации состава Нахичевано-Бессарабской епархии вначале стоял архиепископ Серовбе, который просил католикоса Иоаннеса содействовать материальному укреплению Астраханской епархии. Для этого указывались два способа - расширение состава епархии за счет Нового Нахичевана, либо получение пособия от государственной казны. При этом возможность получения пособия считалось маловероятной, что указывало на истинное намерение вернуть г. Новый Нахичеван и его значительную паству в состав Астраханской епархии. Идею поддержал католикос Иоаннес, считая её средством разрешения материальной проблемы, но на деле он стремился ослабить влияние и роль Нерсеса Аштаракеци в главном управлении армянской церкви и тем самым укрепить свои позиции. В курсе происходящего был прокурор Эчмиадзинского Синода Фома Корганов.⁹³ Практически за Нерсесом Аштаракеци оставалась бы Бессарабская епархия 1826 г. с Новороссийским краем, а в России создавалась бы третья армянская внутренняя епархия.

Поддержка представления о реорганизации состава Нахичевано-Бессарабской епархии Бенкендорфом означала лоббирование интересов, в первую очередь, фамилии Лазаревых. Это позволило бы удовлетворить амбиции архиепископа Салантяна, а Лазаревым иметь при себе в Москве епархиального главу, которого, при оказии, можно было бы затем выдвинуть на сан католикоса. Нахождение же во главе армянской церкви ученого епископа позволило бы усилить образовательный процесс армянских священнослужителей. В то же время это означало угасание надежды на возврат Нерсеса Аштаракеци к управлению армянской церкви.

Министр внутренних дел Блудов отверг просьбу архиепископа

Салантияна. Вновь указано на несоответствие предложения "Положения". При этом выдвинут новый аргумент, заключающийся в том, что этим самым был бы "оскорблен" архиепископ Нерсес Аштаракец.⁹⁴ Им учитывалась активность Эчмиадзинского Синода по налаживанию хозяйственной сферы и части просвещения в Закавказском крае, потому начинать новый виток жалоб и взаимных обвинений представлялось нежелательным.⁹⁵

Барон Ган подготовил заключение по Тифлисскому училищу. Из отчета комитета по управлению училища были взяты сведения, что к 1837 г. оно имело около 300 учеников. Из них около 100 в течение пяти последних лет поступили в высшие учебные заведения и на гражданскую службу, а "значительная часть" занялась коммерческой деятельностью. Текущее число учащихся составляло 170 чел. Распоряжение католикоса о преобразовании Тифлисского училища в духовную семинарию было сочтено преждевременным со стороны министерства внутренних дел и приостановлено.

Училище имело трехпрофильный характер, готовя подростков к деятельности в духовной, гражданской и коммерческой сферах. По мнению барона Гана, первоначальной целью училища являлось предоставление детям купеческого сословия коммерческих знаний, хотя в нем учились и представители других сословий. Функционирование училища указывалось полезным для развития русско-азиатской торговли. Приобщение детей армянского купечества к европейским знаниям рассматривалось залогом расширения круга их действий. Аналога подобного заведения не имелось в Грузии, а преобразование училища в духовную семинарию рассматривалось "несправедливостью" к общественным интересам.

Для правительственных торговых видов предлагалось упразднить Тифлисское имущество и поместить вырученный капитал в кредитные учреждения, чтобы на половину вырученных процентов открыть коммерческий класс в Тифлисской гимназии. Другую половину процентов предлагалось направить на содержание духовной семинарии в Тифлисе. Для воздаяния заслуг архиепископа Нерсеса Аштаракец предлагалось направлять пожертвования в духовную семинарию, а коммерческий класс назвать его именем. Тем самым сохранился бы целевой поток пожертвований, получили бы удовлетворение интересы купечества, духовенства и правительства.

Заключение барона Гана было одобрено главноуправляющим Головиным и предоставлено министерству внутренних дел. Об этом Головин сообщил архиепископу Аштаракец 20 мая 1838 г.⁹⁶ Ско-

ротечность ответа была обусловлена сведениями председателя управленческого комитета по управлению Тифлисского училища архиепископа Карапета и главы закавказской таможенной службы И. Е. Арцруни. Этим объясняется дуализм ответа Гана, который постарался соединить воедино интересы духовенства и купечества. Так, Арцруни еще 5 октября 1837 г. представил Гану записку с описанием закавказской торговли и местного коммерческого сословия. В ней предлагалось переорганизовать Тифлисское училище в коммерческое заведение: "Преобразование Тифлисского армянского училища в коммерческое будет полезно, тем более, что оно не получало до сих пор от правительства никакого характера учебного заведения. Здесь молодые армяне, с наследственными наклонностями и способностями к торговле, присоединив полезные знания коммерции и правильного счетоводства, могут служить верными проводниками русской торговли в отдаленные земли Азии".⁹⁷ Скрестились различные интересы. Завертелась ведомственная переписка, но все упиралось в согласие собственника Нерсеса Аштаракеци, которое так и не поступило.

Архиепископ Нерсес Аштаракеци вначале не был в курсе интриги о реорганизации состава Нахичевано-Бессарабской епархии. Поэтому в 1838 г. и до мая 1839 г. он поддерживал переписку с прокурором Эчмиадзинского Синода Коргановым.⁹⁸ Аштаракеци ходатайствовал о переводе его брата Ивана Корганова (Ваньки Каина), высланного бароном Розеном в Полтаву. Ходатайство Аштаракеци посредством Воронцова было удовлетворено, и бывший сподручный Паскевича оказался в Кишиневе.⁹⁹ Поступившая информация о реорганизации Нахичеванско-Бессарабской епархии, очевидно через нового министра внутренних дел А. Строганова и Воронцова, заставила Аштаракеци с мая 1839 г. прервать переписку с прокурором Эчмиадзинского Синода. Архипастырь, мало того, что являлся невольным источником о состоянии своей епархии, но и стал объектом контроля со стороны сосланного Ваньки Каина.¹⁰⁰

Имеется и другой, более вероятный источник разглашения эчмиадзинских намерений относительно Нахичевано-Бессарабской епархии. 16 марта 1839 г. архиепископ Нерсес Аштаракеци дал знать С.-Петербургскому духовному правлению, что католикос командировал к нему архимандрита Иосифа Крымского для сбора добровольных приношений во вверенной ему епархии в пользу Эчмиадзинского монастыря. Решение католикоса учитывало близость Иосифа Крымского к Аштаракеци, что должно было содействовать возложенной миссии, но он же, как член Эчмиадзин-

ского Синода, должен был быть в курсе различных дел.¹⁰¹

15 ноября 1839 г. Правительствующий Сенат издал указ на имя главноуправляющего Закавказья об отказе в иске архиепископу Нерсесу о принадлежности армянскому духовенству садовых мест в предместье г. Тифлиса, находящихся в Горетубани. 9 января 1840 г. главное управление Грузии, Кавказской области и Закавказского края направило об этом извещение Эчмиадзинскому Синоду.¹⁰²

Между тем, материальное положение Эчмиадзинского монастыря улучшилось. 3 мая 1840 г. Тифлисской военной губернатор направил вексель армянина Геворка Манукова, проживающего в Батавии, на 5500 талеров. Они были заняты им у покойного архимандрита Фомы, бывшего помощником сборщика добровольных приношений в пользу Эчмиадзинского монастыря архиепископа Вардана. Вексель был выдан на имя банкиров "Форбса и К" в Бомбее. Сумма была полностью выплачена.¹⁰³ Главноуправляющий Закавказьем Головин 20 июня 1840 г. сообщил Синоду, что пожертвованные католикосом Иоаннесом 1437 червонцев и 5689 руб. сер, как и привезенные из Лондона 10 тыс. руб. сер. для монастыря, положены им в Государственный коммерческий банк. Представлялся билет вложения, по которому можно было получить деньги, отданные в рост.¹⁰⁴

В то же время лица, приносящие добровольные пожертвования, хотели быть уверенными, что они пойдут на пользу Эчмиадзинского монастыря. 8 августа 1840 г. католикос Иоаннес направил министру внутренних дел два прошения армянских общин Калькутты (14 декабря 1839 г.) и Мадраса (27 января 1840), адресованные Эчмиадзинскому Синоду и главе армянской церкви. Они содержали прошение исходатайствовать у Николая I изменение некоторых статей "Положения", в первую очередь, статью об отмене передачи собственности армянских священнослужителей их родственникам. Кавазанаптух - сбор добровольных приношений в пользу нвирака епископа Погоса - был предоставлен лишь исключительно из уважения и преданности к главе армянской церкви, но в дальнейшем пожертвования не гарантировались из-за возможности их перехода светским наследникам духовных деятелей. Прощения были доведены до сведения вице-канцлера Нессельроде.¹⁰⁵

Была продолжена интрига вокруг реорганизации Нахичевано-Бессарабской епархии. В июле 1840 г. архиепископ Серовбе прибыл в Тифлис, где оставался до осени, стремясь обеспечить поддержку своего плана у главноуправляющего Головина, хотя пу-

блично изъяснялось о желании переждать жаркую погоду. Затем в конце октября он на десять дней прибыл в Эчмиадзин. Целью вояжа являлось улучшение материального положения Астраханской епархии, ежегодный доход которой составлял около 6-7 тыс. руб. сер. На эти доходы он был обязан содержать архиерейский дом в Астрахани, духовную семинарию, дом викарного архимандрита, духовное правление и приходское училище в Кизляре. Вновь был поднят вопрос причисления Нахичевана-на-Дону к Астраханской епархии.¹⁰⁶

Католикос Иоаннес внял положению могущественного иерарха по связям с Паскевичем и сделал новое представление министерству внутренних дел. Это встретило противодействие Лазаревых, тем более, что архиепископ Салантян собирался переехать в Константинополь ввиду отсутствия перспективы роста. В распоряжении Лазаревых оставался лишь Нерсес Аштаракеци как общенациональная личность на церковном уровне. 30 апреля 1841 г. Бенкендорф представил министру Строганову записку со сведениями из Грузии и Нахичевана-на-Дону. В ней превозносились достоинства архиепископа Нерсеса Аштаракеци и его преимущества перед главой Астраханской епархии Серовбе. Последний склонил католикоса к представлению о передаче Нового Нахичевана и ряда территорий от Нахичевано-Бессарабской территорий к Астраханской епархии.

16 мая 1841 г. Строганов дал ответ. В нем указывалось на переменчивость позиции шефа тайной полиции Бенкендорфа относительно состава Нахичевано-Бессарабской епархии. Сохранено заключение графа Блудова о несоответствии плана реорганизации Нахичевано-Бессарабской епархии "Положению" армянской церкви и самолюбию Нерсеса Аштаракеци.¹⁰⁷

Архиепископ Аштаракеци продолжал свою активную деятельность. В конце 1839 и 1840 гг. им было оказано содействие мещанину из Григориополя А. И. Попову в вопросе открытия литографии и армянской типографии в Кишиневе, где насчитывалось более 700 армян, составлявших чуть более 1% населения города. Бессарабский военный губернатор П. И. Федоров 11 января 1840 г. сделал представление графу Воронцову о необходимости "полезного предприятия" в виде литографии, который внес его в министерство внутренних дел. Последовало положительное решение. Кишиневская литография Попова открыла деятельность в июне 1840 г. Затем началась подготовка к открытию армянской типографии,¹⁰⁸ что не встретило поддержки у Бессарабского военного губернатора и вызвало напряженность с архиепископом Нерсесом

Аштаракеци.¹⁰⁹

15 июня 1841 г. архиепископ Нерсес направил письмо Николаю Муравьеву с напоминанием о пройденных временах в Тифлисе и в Араратской стране: "Достойное и памяти, и уважения знакомство Ваше еще с юных лет Ваших и надолго. Воспоминания и чтимые мною Ваши добродетели служат мне поводом передать в коротких словах чувства мои к Вам беспредельного почтения, исполнить давнее желанное, так сказать, побеседовать с вами. С того времени как я имел честь видеть Вас в Кишиневе, я довольствовался известиями о Вас от сослуживцев Ваших и любезного мне г. Писаржевского, что я знаю вполне твердость Вашу, руководящую миром душевным. В том вы можете быть уверены, что Вы знаете единообразную, откровенную мою к Вам привязанность. В том я не сомневаюсь."¹¹⁰

Внешне это бесхитростное письмо, в котором иерарх в почтенном возрасте говорит о своем приятном отношении кавказскому деятелю Муравьеву, с которым соприкасался непосредственно с 1816 по 1828 гг. и в Кишиневе. Однако контекст письма более сложный. В 1839 г. Муравьев участвовал на красносельских учениях, где руководимый им Петербургский корпус предназначался для битвы частями царя, но произошло обратное. Маневры вместо трех дней завершились в один день. Через год Николай I придрался к состоянию корпуса, вверенного Муравьеву. Произошло резкое столкновение. Муравьев был удален от управления корпусом, лишен звания генерал-адъютанта и покинул службу. К удалению с военного поприща талантливого генерала приложили руку Паскевич и граф Воронцов.¹¹¹ Именно о том, что произошло с Муравьевым свидетельствуют строки письма Аштаракеци, который выразил поддержку опальному генералу. Муравьев об этом никогда не забывал.

Очередное письмо Аштаракеци к Муравьеву относится к 11 сентября 1841 г., где он пишет о судьбе известных им лиц: "Вам знакомый и добрую память о Вас хранящий И. О. Корганов здесь у меня в Кишиневе, а приятель Ваш князь Василий Бебутов в царстве Польском".¹¹² При этом все писалось без подробностей и обиняков, поскольку оба понимали происходящее. Ванька-Каин являлся авантюристом и подручным Паскевича, которому в тяжелое время архипастырь протянул руку помощи. Перемещение же Бебутова под защиту Паскевича имело связь с делом о похищениях в Ахалцихской провинции, которой руководил Бебутов до назначения начальником Армянской области. Возглавлял против него кампанию сенатор барон Ган.¹¹³

Архипастырь сохранял определенные внешние связи. 23 января 1842 г. Константинопольский патриарх Степан направил письмо Нерсесу Аштаракеци о желании капиталиста Н. С. Говсуняна переселиться в Российскую державу и, возможно, в Бессарабскую область. Запрашивалось содействие Аштаракеци в санкции на прибытие в Россию. Сообщение архиепископ представил Бенкендорфу, а от него оно поступило к вице-канцлеру. Константинопольское посольство получило соответствующую кармян с архиепископом Нерсесом из-за претензии на ряд участков церковных земель, вследствие чего они подали жалобу католикосу. О происшедшем прокурор Эчмиадзинского Синода Корганов запросил мнение Хачатура Лазарева, а именно, желательности дать делу ход или приостановить его.¹¹⁵

-
1. АКАК, т. 8, N 201, с. 283.
 2. Там же, с. 284.
 3. Там же, с. 283 - 285.
 4. Там же, N 200, с. 281.
 5. Там же, N 201, с. 285, 286.
 6. Там же, с. 286.
 7. Там же, N 205, с. 290.
 8. Архив Хачатура Абовяна..., N 4, с. 22.
 9. Там же, с. 21 - 23.
 10. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 20, л. 121-122.
 11. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736 а, л. 40 об.
 12. РГИА, ф. 1149, оп. 2, д. 1, л. 3
 13. Тунян В. Г. "Положение" армянской церкви 1836 - 1875. Ер., 2001, с. 23 - 27.
 14. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 66, л. 117 - 118.
 15. ОПИ ГИМ, ф. 6, оп. 1, д. 68, л. 263, 264
 16. АКАК, т. 8, N 207, с. 291.
 17. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736 а, л. 75 - 84.
 18. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 23, л. 211.
 19. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736 а, л. 591 об.
 20. РГИА, ф. 711, оп. 1, д. 8, л. 81, 81 об.
 21. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 20, л. 151.
 22. АКАК, т. 8, N 292, с. 292.
 22. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 20, л. 151.
 24. Письмо арх. М. Салантяна арх. Карапету. - Лума. 1904, N 3, с. 143. - На арм. яз.
 25. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 77, л. 31.
 26. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736 а, л. 116
 27. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 77, л. 21.
 28. АКАК, т. 8, N 212, с. 292.
 29. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 77, л. 21.

30. Там же, л. 23.
31. Извлечение из отчета министра внутренних за 1836 г. Спб., 1836. Ведомость N XI.
32. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 809, л. 14.
33. Извлечение из отчета министра внутренних за 1835 г. Спб., 1836, с. 46.
34. РГИА, ф. 1149, оп. 2, д. 1, л. 3.
35. ОПИ ГИМ, ф. 6, оп. 1, д. 71, л. 5.
36. Там же, д. 68, л. 514, 514 об.
37. Там же, л. 514 об.
38. Там же, л. 507 - 515.
39. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 366, л. 151.
40. Там же, л. 151, 152.
41. Азиатские новости и смесь. - Азиатский вестник. 1825, кн. 7, с. 69 - 75; ЦГАДА, ф. 1252, д. 735, л. 12 - 14.
42. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 366, л. 152.
43. Там же, л. 152 об.
44. Там же, л. 61.
45. Там же, л. 213
46. Там же, л. 213, 214.
47. Задонский Н. Горы и звезды. М., 1965, с. 321, 322, 329.
48. Тунян В. Г. Политика самодержавия России в Закавказье XIX - нач. XX вв. Ер., 2006, ч. 2, с. 130.
49. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 108, д. 122, ед. хр. 14, л. 4.
50. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 77, л. 31.
51. Тунян В. Г. "Положение"..., с. 33 - 37.
52. АКАК, т. 8, N 217, с. 298.
53. ЦГАДА, ф. 1252, д. 1781, л. 12.
54. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 77, л. 50 об, 51.
55. Там же, л. 52
56. Там же, л. 53.
57. Там же, л. 67.
58. Там же, л. 67, 67 об.
59. Там же, л. 71, 72.
60. Там же, л. 73.
61. Там же, л. 74.
62. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736 а, л. 135 об.
63. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 77, л. 101 - 103, 118, 125, 126, 150.
64. ГИА, ф. 109, I эксп. 1836, ед. хр. 291, л. 1.
65. Там же, л. 1, 1 об.
66. Там же, 1, 1 об.
67. Там же, л. 4 об, 5.
68. Там же, л. 8-13.
69. Там же, л. 6.
70. Там же, л. 7.
71. Задонский Н. Горы и звезды..., с. 331, 332.
72. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 368, л. 114.
73. Там же, л. 83.

74. Там же, л. 157.
75. Задонский Н. Горы и звезды..., с. 331 - 338.
76. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 368, л. 157.
77. Извлечение из отчета министерства внутренних дел за 1836 г. Спб., 1837. Ведомость N XI.
78. Там же, за 1837 г, с. 62.
79. ОПИ ГИМ, ф. 6, оп. 1, д. 53, л. 1424, 1425.
80. Там же, л. 1427.
81. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 874, л. 1 - 2.
82. Там же, оп. 2, д. 11, л. 84, 149 об.
83. ОПИ ГИМ, ф. 6, оп. 1, д. 68, л. 269.
84. Там же, л. 269 об.
85. Там же, л. 270.
86. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 809, л. 14.
87. ОПИ ГИМ, ф. 6, оп. 1, д. 68, л. 263, 263 об.
88. Там же, л. 241.
89. Извлечение из отчета министерства..за 1837. Ведомость N XX.
90. Там же, с. 62 - 64.
91. Материалы к созданию училища Нерсисян. - Пордз, 1880, N XI - XII, с. 50 - 87; Состояние просвещения армян..., N 25, с. 53 - 58.
92. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 10, л. 19 - 20.
93. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 39, л. 36 - 37.
94. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 10, л. 19 об, 20.
95. Извлечение из отчета управляющего министерством внутренних дел за 1838 г. Спб., 1839, с. 47.
96. Состояние просвещения восточных армян..., N 25, с. 55 - 61, 200.
97. Тунян В. Г. Записки И. Е. Арцруни о закавказской торговле (1836-1838). - Вестник общественных наук. 1988, N 4, с. 75.
98. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 39, л. 37 об.
99. Самуэлянец С. Воспоминания .., с. 257.
100. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 39, л. 37 об.
101. Там же, д. 30, л. 83, 83 об.
102. Там же, ф. 56, оп. 8, п. 37, ед. хр. 3365, л. 6.
103. Там же, ед. хр. 3395, л. 140 об.
104. Там же, д. 3410, л. 55.
105. АВПР, ф. Армянские дела, 1831 - 1842, д. 8, л. 108 - 136.
106. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 349, л. 36.
107. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 10, л. 19 - 20.
108. Фаньян Дж. С. Из истории Кишиневской армянской типографии. - Вестник архивов Армении. 1986, N 1, с. 40 - 42.
109. РГИА, ф. 880, оп. 5, д. 384, л. 10.
110. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 376, л. 254.
111. Задонский Н. Горы и звезды..., с. 333, 335 - 344, 462
112. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 376, л. 254 об.
113. ЦГАДА, ф. 19, оп. 1, д. 30, л. 2 - 3.
114. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 8, л. 444 - 446.
115. Там же, д. 39, л. 68, 70.

Глава IV. Католикос всех армян

1. Новые выборы

26 марта 1842 г. представился католикос Иоаннес VIII Карбеци.¹ За свои 11 лет правления он стремился сделать все, что мог, особенно в устройстве духовной части армянской церкви.² Он погасил сардарский долг Эчмиадзина в 60 тыс. руб. и оставил в казне 65 тыс. руб. сер. Личное имущество католикоса унаследовали ближайшие родственники. Накопительство как характерная черта личности покойного католикоса не содействовало его популярности.³ Передача накопленного богатства родственникам стала затем примером подражания для ряда иерархов и явилась причиной напряженности в главном управлении армянской церкви. Неразглашаемое недовольство церковной хартией не было достоянием широких кругов, а мероприятия по адаптации Эчмиадзинского престола к деятельности в Российской державе не получили должной оценки. Во многом этому содействовали конфронтации с архиепископом Нерсесом Аштаракеци и яркость деятельности личности последнего. Возникшая ситуация в управлении армянской церкви регламентировалась § 32 "Положения": "По кончине патриарха-католикоса Эчмиадзинский армяно-григорианский Синод собирается немедленно для принятия мер к сохранению как находящихся у него, касающихся дел управления и церкви бумаг, так и бывшего в его ведении церковного имущества".⁴

27 марта 1842 г. состоялось экстренное заседание Эчмиадзинского Синода. Заслушано сообщение о длительной и изнуряющей болезни католикоса всех армян. Членам Синода - архиепископам Иосифу и Луке - поручено опечатать все имущество и документы католикоса в патриарших покоях. Печать главы армянской церкви передавалась на хранение казначею Синода. Постановлено известить всех армянских епархиальных начальников Российской империи о кончине патриарха. Намечено провести святую литургию и панихиду по обряду армянской церкви, осуществить "печальное сообщение" для всех армян "приличную речь", известить руководство Закавказья о принятых мерах. Председательство в Эчмиадзинском Синоде поручено старейшему архиепископу Барсегу, согласно § 42 "Положения", но решение духовных дел было вне его компетенции. Этот порядок должен был сохраняться до избрания нового католикоса. Прокурор Эчмиадзинского Синода Корганов сообщением о кончине Иоаннеса направил министру

внутренних дел 27 марта 1842 г.⁵

6 апреля 1842 г. последовал журнал Эчмиадзинского Синода, на основе которого был составлен доклад главноуправляющему Закавказья Головину. Было указано, что заграничное армянское духовенство не было оповещено о кончине католикоса. Обращено внимание на необходимость приведения в действие §§ 11, 12 и 13 второй главы "Положения",⁶ предусматривающих на этот случай рассылку известительных грамот и назначение годичного срока для избрания главы армянской церкви. Каждая епархия обязывалась выдвинуть два депутата: статус духовного представителя отводился начальнику епархии либо избранному им священнослужителю, а светский - выдвигался меликами, юзбашами и значными лицами паствы.⁷ Были заготовлены известительные грамоты на имя армянского патриарха Константинополя Аствацатура и заместителя Иерусалимского патриарха, наместника архиепископа Погоса, а также главам Испаганской и Тавризской епархий в Персии архиепископам Иоанесу Крымскому и Никогосу, которые испрашивались к рассылке через российских посланников в Константинополе и Тегеране, и индийским армянам. Информация направлена руководству Закавказья.

Выборы главы армянской церкви были намечены на март 1843 г. в Эчмиадзине, непосредственно после празднования св. Пасхи. Обращено внимание на важность представительства турецких армян: "От участия ныне духовенства и армян в Турции в избрании нового верховного патриарха зависит будет будущая надежда Эчмиадзина на восстановление древних сношений с нами означенных армян".⁸ Запрашивалась санкция царя и правительства на избрание западноармянского иерарха на Эчмиадзинский престол: "Эчмиадзинский Синод полагает на сей токмо раз предоставить нашему духовенству в Турции и тамошним армянам избрать из среды своего духовенства достойнейшего патриарха всех армян, которого и отправить сюда для посвящения с Высочайшим утверждением в Эчмиадзинский монастырь, с оставлением его здесь, по примеру предшествовавших".⁹

Позиция Эчмиадзинского Синода о предпочтении западноармянского иерарха в Эчмиадзине свидетельствовала как о важности признания его примата со стороны турецкоармянского духовенства, так и о стремлении избежать конфликта с русской администрацией в случае установки на избрание главы церкви из русскоармянских духовных. Среди них по всем параметрам доминировала личность Нерсеса Аштаракеци.¹⁰

Хачатур Лазарев известие о кончине католикоса получил ра-

ныше, чем официальные структуры. Этому содействовало письмо прокурора Эчмиадзинского Синода Корганова. В день русской Пасхи, в начале апреля, в Зимнем дворце был прием, на котором Хачатур Лазарев сообщил с министром внутренних дел, директором иностранных исповеданий, графами Бенкендорфами и Орловым "потрясающий слух". Получив после официальное сообщение от руководства Закавказья, министр внутренних дел сделал доклад царю.¹⁰ Николай I поставил соответствующую резолюцию: "Жаль, был почтенный старец".¹¹ Основой резолюции явилась личная встреча царя с католикомс Иоаннесом во время закавказского проезда в октябре 1837 г. и его деятельность как главы армянской церкви.

Министр внутренних дел, графы Бенкендорф и Орлов, а также директор департамента иностранных дел стали консультироваться у Хачатура Лазарева по поводу возможных кандидатов, число которых определили двумя-тремя иерархами. Было постановлено ждать официального уведомления Эчмиадзинского Синода, с заключением главноуправляющего Закавказья и мнением военного министра Чернышева, который вместе с статс-секретарем М. П. Позеном осуществлял ревизию гражданского и военного управления Закавказья.

В черновике ответного письма Корганову Лазарев в деликатной форме отдал должное покойному католику: "Усопший иерарх Иоаннес имел отличительные достоинства и, судя по его действиям, был осторожным, терпеливым, внимательным, притом действовал как крайний и приверженный церкви сановник". Выразилось подобающее соболезнование, носящее протокольный характер.

Затрагивалась тема предстоящего выдвижения кандидатов на сан католикомса. Хотя проблема признавалась ранневременной, но требовалось учесть значение предстоящих выборов: "Весьма желательно, даже полезно и необходимо для благосостояния Эчмиадзинского престола, для блага церкви и нации, чтоб без всяких неприятностей и мероприятия были правильны, и лучшее избрание произошло достойнейшего и способнейшего". Запрашивалось содействие: "В политике нужны скрытность и умолчание. Но в деле религиозном и общественно-национальном потребна откровенность".

Представлены соображения о процессе избрания: "Сообщаем Вам слабые мои мысли. Судя по политическому положению вещей, предстоит вместо определения одного Уставом двух, трех кандидатов". Четко излагалось представление о лидерстве Нер-

сеса Аштаракеци как достойного кандидата: "По праву первенства и старшинства, из замечательных маститый, доблестный архиепископ Нерсес". Недостатками лоббируемого кандидата указывался возраст и остракизм: "Но тут разгорается вопрос, по преклонности лет, по слабости здоровья, по неудовольствию, бывшим относительно разных лиц, может ли он занять место католикоса, брать на себя заботы, и надолго ли?". Лазарев, опираясь на собственный опыт, давал отрицательный ответ: "Если бы я был на его месте и если бы меня избирали, то я решительно отказался, ибо физические и моральные силы не позволяют. Даже на его месте просил бы ли выставить себя кандидатом?".¹²

К этим строкам добавлялось: "Честь, однако, приложить, какое следует и по порядку, и по приличию. Иногда случается, что старый и опытный предпочтительнее молодого".

Из имевшихся кандидатов Лазарев представлял архиепископа Барсега (Василий) далеко не первым. По имевшимся сведениям он являлся добродушным, но без отличительных духовных способностей. Однако по возрасту признавался способным к деятельности в качестве главы церкви. Другим достойным кандидатом рассматривался архиепископ Карапет, "коего по общей молве хвалят и отдают справедливость". Учтена его заслуга в деле переселения турецких армян.

Заострено внимание на общественно-политической значимости католикоса в национальной жизни: "Сей иерарх есть глава-поборник - сподвижник общего благоустройства как в духовном, так и вообще в светском национальном отношении. Он, так сказать, сеятель обильной жатвы и плодов настоящего и будущего просвещения".¹³ Католикосу отводилась роль знаменосца просвещения: "Патриарх при его значении, власти и способах положения, управления семинариями и училищами для образования духовенства - для распространения света между народом, по истинам религиозным является предводителем".¹⁴ Запрашивались сведения у прокурора Эчмиадзинского Синода о возможных кандидатах на сан католикоса.

10 апреля 1842 г. Хачатур Лазарев направил письмо прокурору Эчмиадзинского Синода Корганову. Относительно жалоб кишиневских армян указывалось, что если бы они исходили от местных знатных армян и Григориополя, какими являлись князья Абамелек, Аргутинские - Долгорукие, Манук бей, Гр. Семенов, то они имели бы достоверный характер. В противном случае, эти жалобы представлялось результатом интриг никчемных людей, организованных военным губернатором Бессарабской области

Федоровым. Архиепископ Ашгаракеци представлялся народным вождем и любимцем, стоящим выше всяких интриг: "О достоинствах, бескорыстии, общем служении и заслугах доблестного Нерсеса - известно, трудно и неверно верить наветам порожных, вредных людей".¹⁵

В отличие от Федорова, руководство Новороссийского края о нем имело другую точку зрения. Лазарев отмечал: "Знаменитый вельможа Новороссийский генерал - губернатор граф Воронцов уважает и любит архиепископа, и общество уважает и любит его Высокостепенство, даже и русские архиереи с ним в приятных отношениях". Отмечены вес и влияние собственных возможностей. Указано на сближение с новым директором департамента иностранных исповеданий В. Скрипциным: "Кажется, благонамерен и образован. Обнадежил более содействовать в пользу церкви и национальных дел".¹⁶

Важной была информация о завершении экзаменов в Петербургской духовной академии православной церкви. Одному из выпускников было дано сочинение на тему сравнения арианского вероучения с греческим. Работа была на высоком уровне, и по, поступившей сведениям, св. Синод готовился к её изданию.¹⁷ Тонкость информации состояла в том, что среди части православного духовенства звучали нападки на монофизитский характер вероучения армянской церкви и обвинения в арианстве.

22 апреля 1842 г. министр внутренних дел представил царю доклад на основе отношения главноуправляющего Закавказья от 9 апреля. Квинтэссенция предлагаемых мер главноуправляющего Закавказья заключалась в поддержке постановления Эчмиадзинского Синода об избрании западноармянского иерарха католикосом всех армян: "Для восстановления древних сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с армянами Турции небезполезно, если бы выборы католикоса всей церкви армянской пали на благожелательное, известное Константинопольской миссии лицо из духовенства сей церкви в Турции, ибо таковой выбор, соединив выгоды здешних и чужеземных армян, уничтожил бы семена раздора между ними и тем упрочит власть и первенство престола Эчмиадзинского".

В то же время глава Закавказья страховался определенным образом относительно намерений Петербургского двора, представляя альтернативным внутренним кандидатом архиепископа Карапета Багратуни: "Но есло бы в высших видах нашего правительства признано было полезным назначить католикосом церкви армяно-григорианской кого-либо из сановников её в Российской

империи, то считаю долгом указать на начальника Грузино-Имеретинской епархии архиепископа Карапета, как достойного из всех известных ему духовных особ армянского исповедания в Закавказском крае".¹⁸

Если первое предложение главноуправляющего Головина означало проведение избирательного процесса на основе "Положения", то второе фактически представляло собой назначение угодного кандидата. Самодержавию России предлагалось определиться между соотношением внешнеполитических и внутривосточных интересов.

В свою очередь, министр внутренних дел, по согласованию с вице-канцлером, стал на позицию исполнения требований "Положения", а именно оповестить всех армян об избрании католикоса установленным порядком церковной хартии; негласно провести сбор сведений всех достойных иерархах армянской церкви как внутри державы, так и за границей, чтобы иметь возможность определиться в их политическом отношении к самодержавию России и в степени важности для Эчмиадзинского престола; зарубежными миссиями в Константинополе и Тегеране представить информацию об отношении местных армян к Эчмиадзинскому престолу и их желании относительно нового главы церкви. Монарх утвердил предложения министров о проведении выборов на основе "Положения".

1 мая 1842 г. Хачатур Лазарев поставил в известность шурина Ивана Манук - бея о кончине католикоса Иоаннеса, хотя весть должна была быть ему известна. По предстоящим эчмиадзинским выборам указано на наличие неопределенности в правящих кругах: "Не решено, каким будет избрание и кого назначат преемником".¹⁹ Неопределенность в правящих кругах диктовалась тем фактом, что католикос Иоаннес, как протеже правительства, так и не сумел обеспечить восстановление связи турецких армян с Эчмиадзинским престолом. В письме министру внутренних дел от 26 апреля 1839 г. Иоаннес даже согласился не требовать от Константинопольского патриарха отчета за 12 лет после перерыва контактов.²⁰ Доставленный экземпляр "Положения" не прельстил западноармянское духовенство, возможностью иметь представителя на Эчмиадзинском престоле, поскольку ясно был виден механизм ограничения прав католикоса. Министерство иностранных дел пришло к выводу, что эта проблема очень деликатная и требует осторожности и осмотрительности.²¹

Лазарев запрашивал Манук - бея узнать умонастроение Нерсеса Аштаракци: "Старайся осторожно узнать мысли архиепископа

Нерсеса". Эта необходимость диктовалась возможностью предстоящего лоббирования интересов архипастыря: "Если бы Его предназначили по общему народному и правительственному избранию, - не знаю, согласился ли бы он, по преклонности лет и слабости здоровья, принять новые трудные заботы патриарха - ибо без здоровья и без сил нельзя действовать". Указывалось на наличие настороженности к личности легендарного Аштаракеци со стороны выдвигенцев католикоса Иоаннеса в Эчмиадзине: "До кончины патриарха получил я из Эривани некоторые неподписанные бумаги относительно архиепископа Нерсеса. По принадлежности и по делу отправил к нему". Предложено узнать и фактор личных взаимоотношений Аштаракеци и Лазарева, которые уже несколько лет имели несколько прохладный характер: "Стороною узнайте, - какого он о том мнения, и не негодует ли на меня за откровенность, которую я по дружескому уважению к нему всегда имею".²²

У Нерсеса Аштаракеци имелось основание "негодовать" на Лазаревых. Высочайший указ из Правительствующего Сената от 4 марта 1841 г. гласил, что армянские церкви С.-Петербурга, их имущество и Лазаревский институт составляли одно ведомство, подчиненное непосредственно главному начальнику учебного заведения. Соответствующие "Правила", по докладу комитета министров царь утвердил еще 31 января 1841 г. Практически это означало, как и раньше, непосредственное подчинение армянских церквей Лазаревым. Высочайшее постановление было отрицательно встречено Кишиневской консисторией. От духовного управления было затребовано прежнее подчинение. Происшедшее Лазаревы оценили как "вредный раздор".

24 мая 1842 г. министр внутренних дел Л. А. Перовский поставил в известность главноуправляющего Головина о получении его секретного отношения от 9 апреля относительно избрания патриарха-католикоса, которое было доложено Николаю I. Также было сообщено о прошении мадрасских и калькутских армян относительно изменения ряда статей "Положения". Царь распорядился о проведении выборов главы армянской церкви на основе "Положения". Рассмотрение прошения индийских армян было отложено до избрания нового католикоса: "Участие которого, как главного духовного начальника армянского народа, необходимо в деле, касающемся некоторых статей в церковном положении".²³ Присланные главноуправляющим Закавказья известительные грамоты о кончине католикоса были направлены вице-канцлеру Нессельроде для рассылки заграничным адресатам. Поступившая инфор-

мация была направлена главноуправляющим в Эчмиадзинский Синод 13 июня.²⁴

В июне 1842 г. состоялось совещание министра внутренних дел Перовского и вице-канцлера Нессельроде по Эчмиадзинскому вопросу. Глава внешнеполитического ведомства Нессельроде написал посланнику в Константинополе Титову установить отношения с великим везирем, диваном и разными лицами для заблаговременного извещения Высокой Порты турецких армян о предстоящих выборах главы армянской церкви. По мнению Хачатуря Лазарева, изложенному в частном письме за июль 1842 г., акция была направлена на объединение армянских рядов вокруг Эчмиадзинского престола: "Эта мера проложит путь сближения и, вероятно, упрочит звено союза армянской общей иерархии и всего народа".²⁵ Уже имелось донесение Титова, что порученная миссия в пользу Эчмиадзинского престола встретила затруднения, хотя выражалась надежда на их преодоление.

Консультации с Хачатуром Лазаревым предпринял новый глава внутривластного ведомства Перовский, которого интересовали сведения об армянском народе, положении армянского духовенства и Армении, процедуре избрания верховного католикоса. По желанию министра ему была представлена записка "Сведения, относящиеся до Эчмиадзинского патриаршего всех армян престола, заграничных армянских епархий, духовенства сего исповедания и проч". Структура армянской церкви была представлена из патриаршеств Ахтамарского, Сисского, Константинопольского и Иерусалимского. Патриархи Ахтамара и Сиса указывались самостоятельными католикосами, которые в течении исторического времени отложились от Эчмиадзинского престола и стали анти-престолами, хотя имели локальное значение в ряде мест Ванского пашалыка и в Киликии. Их существование являлось отзвуком армянских царств в Васпуракане и в Киликии. Они не имели отношений с Эчмиадином, осуществляли рукоположение в сан епископа и освящали св. миро. Однако, по мнению Лазарева, патриархи являлись лишь обладателями титулов: "Можно сказать, носят они одно лишь название католикоса, не пользуясь присвоенными этому высокому званию правами и преимуществами".²⁶

Подавляющее большинство армянских епархий Османской Турции подчинялось Константинопольскому и частично Иерусалимскому патриархатам. Константинопольский патриархат, согласно партикулярному церковному собору 29 ноября 1830 г., состоял из 18 епархий и 36 викариатств. Их руководство концентрировалось в браздах Константинопольского патриарха, при котором для

организации управления состоял Совет под названием "Лонджа". Константинопольский и Иерусалимский патриархи признавали примат Эчмиадзинского престола, где осуществлялось рукоположение их архиереев в сан епископа и откуда они получали св. миро. Однако в текущее время их связи с Эчмиадзином были почти прерваны. Если Константинопольский патриарх Степан в 1840 г. уведомил католикоса Иоаннеса о представлении кандидатов в сан епископов, то от его преемника патриарха Аствацатура подтверждения в 1841 г. не последовало.

В Персии были две епархии - Тавризская и Испаганская, округа Артазский и Салмастский с монастырями св. Фадея и св. Степана. В Российской империи имелось шесть епархий и викариатства. Из закавказских отмечена выделена Карабахская епархия с монастырем Гандзасар. Она была создана на основе Агванского патриаршества, упраздненного в 1815 г. В Нахичеване, Ахалцихе и Гори находились викарные епископы. Викариатство в Ахалцихе было создано после переселения Эрзерумских армян, которому подчинились и 90 семейств армян г. Кутаиси.

Были представлены сведения об армянских архиепископах. В духовном завещании католикоса Иоаннеса никто из них не был назван его преемником. Старейший архиепископ Барсег являлся первым членом Эчмиадзинского Синода и временным председателем, с 1832 г. - главным ризничим Эчмиадзина. Значительными сановниками являлись архиепископы Лука и Иосиф, причем первый контролировал хозяйственное отделение Синода. Отмечались епископы Стефан Араратов, Иоаннес Крымский и Иоаннес Шахатунов. Причем как Крымский, так и Шахатунов были уволены из состава Эчмиадзинского Синода. Важной фигурой представлялся архиепископ Карапет Багратуни, возглавлявший управление Грузино-Имеретинской епархией с 1837 г. Наместником Ереванской епархии являлся архиепископ Степан.

Отмечены образованные и известные заграничные иерархи. Выделен бывший Константинопольский патриарх Павел (Погос), который в 1841 г. был избран Иерусалимским патриархом, но он был в преклонном возрасте. Из местного братства св. Акопа выделен Закарий, который осуществлял фактическое управление. Обязанности Константинопольского патриарха также исполнял архиепископ Акоп Марсеванский, вынужденный добровольно уступить свое место после волнений армянских низов в конце 1840 г. в столице Османской Турции, затем возглавивший управление Евдокийской епархии. Архиепископ Павел (Погос) Смирнский знал иностранные языки, был посвящен в сан епископа в 1831 г.

и долгое время был наместником Константинопольского патриарха Степана. Он являлся управляющим Смирнской епархией.

Вышеуказанные сведения о структуре армянской церкви и армянском духовенстве были взяты Хачатуром Лазаревым из различных трактатов, а также получены от прокурора Эчмиадзинского Синода. Вся эти сведения в совокупность позволяли составить представление о разветвленности и сложной системе механизма управления, и антипрестолов, значимости роли Константинопольского патриархата и "обилии" высшего духовенства за рубежом, а также о неясных политических воззрениях.²⁷

Прилагалась записка о Нерсесе Аштаракеци и Карапете Багратуни. Утверждалось о значимости Аштаракеци для закавказских армян как главы армянской церкви из-за отсутствия поступательности развития в Эчмиадзинском монастыре: "По доходящим из Закавказского края сведениям все там обитающие армяне постоянно изъявляют желание иметь архиепископа Нерсеса Верховным главою армяно-григорианской церкви. Все они твердо уверены, что только сей архипастырь в состоянии возвысить армянское духовенство от того нравственного упадка и уничижения, в которое его возвели невежество и корыстолюбие его высших сановников, и что только примерная его честность и точность в исполнении возложенных на него обязанностей может ввериться управлению дел церковных и надлежащий порядок".²⁸ Указано отвержение армянской общественностью кандидатуры архиепископа Карапета как известного стяжателя, мало заботящегося о духовном просвещении паствы. Естественно, Лазарев знал о достоинствах известного заслугами архиепископа Карапета. Он основал армянскую школу в Эрзеруме и в 1836 г. в Ахалкалаки, но вместе с тем составил большое состояние после переселения в российские пределы и являлся владельцем различной собственности.²⁹ Тем не менее образ чрезмерного стяжателя был представлен спустя семнадцать лет в первой восточноармянской памфлет-комедии драматурга Галуста Ширмазяна "Описание кое-каких проделок епископа Карапета".³⁰

За данные сведения директор департамента иностранных исповеданий представил благодарность Хачатуру Лазареву. Как министра Перовского, так и директора Скрипцина интересовал вопрос возможного кандидата на сан католикоса. На вопрос Перовского о шансах главы Астраханской епархии архиепископа Серовбе Лазарев отвечал: "Он более светский деятель, но мало духовный".³¹ Не обошел министр и проблему отношений Аштаракеци с фельдмаршалом Паскевичем, которую Лазарев связал с личностными

амбициями. Свои положительные рекомендации представили министру также кавказские деятели Воронцов, Сухателен, Красовский, Муравьев и другие. Наиболее весомой для Николая I являлась рекомендация Воронцова. Правитель Новороссийского края "горячо" ходатайствовал перед царем и представил достоинства Нерсеса Аштаракеци для политики России на Востоке и управления Эчмиадзинским престолом.³²

9 июля 1842 г. прокурор Эчмиадзинского Синода направил письмо Хачатуру Лазареву, в котором постарался представить реальную картину положения в "религиозном и общественно-национальном деле". Уделено внимание раскрытию позиции Синода, которая расходилась с представлениями и указаниями Лазарева, дистанцировавшего от личности Нерсеса Аштаракеци: "Главная цель Эчмиадзинского Синода состоит в том, чтобы в избрании достойнейшего патриарха всех армян участвовали турецкие армяне, с некоторого времени охладевшие усердием к Эчмиадзинскому престолу".³³ Сообщено, что члены Эчмиадзинского Синода письменно просили военного министра Чернышева, во время его посещения Эчмиадзина 4 мая 1842 г., использовать возможности правительства и дипломатической службы в Константинополе. По просьбе членов Эчмиадзинского Синода прокурор Корганов отбыл в Тифлис, где 18 июня вручил Чернышеву записку о необходимости восстановления отношений турецких армян с Эчмиадзином и желательности проведения ряда мероприятий в этом направлении.³⁴

Камуфлируя оппортунизм в вопросе Нерсеса Аштаракеци, Корганов показывал свою нейтральность: "Насчет же кандидатов не указал ни слова, ни в официальном представлении моего г. главноуправляющему, ни в записке, поданной г. военному министру, так как назначение кандидатов зависит по смыслу "Положения" от большинства голосов при выборе".³⁵ Указано на наличие повеление царя провести выборы на основе церковной хартии 1836 г., а также на распоряжение министерства внутренних дел о доставлении известительных грамот вице-канцлеру. Многозначительно отмечено о необходимости принятия фортуны и существующего статус-кво: "После такового Высочайшего разрешения, Ваше Превосходительство изволите убедиться, что невозможно уже допустить никаких изменений в предписанных настоящих правилах, следовательно нельзя также предпринять ныне что-либо насчет кандидатов, согласно последнему письму Вашему, а следует предоставить судьбе и благоразумным размышлениям, имеющих присутствовать на выборе лиц".³⁶

При этом указано на уважительное отношение Лазарева относительно выдающихся качеств Нерсеса Аштаракеци: "Я совершенно убеждаюсь в справедливости суждений Ваших и вполне разделяю мысли Ваши, что, судя по последнему положению вещей и зная до одного всех начальников духовных, обитающих в России, помянутые в письме вашем три духовных сановника только достойны быть кандидатами для сего важного назначения; совершенно согласен также с мыслями Вашими относительно заслуг и достоинств архиепископа Нерсеса, которого заслуги и подвиги в пользу нации и церкви обессмертили имя Его на вечные времена".³⁷

Также сообщено, что военный министр Чернышев выехал 2 июля 1842 г. из Тифлиса. В день отъезда тифлисские армяне вручили графу Чернышеву записку в пользу назначения архиепископа Нерсеса Аштаракеци католикосом всех армян. Корганов отметил: "Я записки этой не видел, но, говорят, что некто опытной рукой составил её, и что изложение вовсе не соответствует важности предмета".³⁸ Напоследок Корганов запросил у Лазарева информацию относительно позиции турецких армян к Эчмиадзинским выборам.³

Военный министр выехал из Тифлиса в Кисловодск, где ему вместе со статс-секретарем Позеном предстояло составить отчет о ревизии военно-гражданского управления Закавказским краем. Однако информация прокурора Корганова относительно примата участия западноармянства на выборах католикоса была воспринята военным министром как односторонняя, поскольку исключала архиепископа Нерсеса Аштаракеци из избирательного процесса. Об этом было сообщено Хачатуру Лазареву для учета в деятельности в пользу прославленного архипастыря.⁴⁰

Статс-секретарь Позен 12 июля 1842 г. направил докладную записку Корганова главноуправляющему Головину для заключения, которое должно было поступить к военному министру в Кисловодск до его отъезда. Уже 13 июля главноуправляющий рапортом доложил военному министру, что аналогичную записку он получил от прокурора Корганова. Поддержано главное положение о необходимости восстановления "древних отношений" турецких армян с Эчмиадзинским престолом, которому мешали интересы "некоторых константинопольских вельмож".⁴¹

1 августа 1842 г. Хачатур Лазарев сообщил прокурору Корганову о проделанной лоббистской работе в пользу Нерсеса Аштаракеци. По своей деятельности, реальным достижениям и преданности армянской церкви он был представлен выдающимся ие-

рархом: "Нет сравнения с другими. Он украшение и честь нашего народа".⁴² Сообщено о демонстрации тифлисских жителей в июне 1842 г. в пользу Нерсеса Аштаракеци, устроенной перед местопребыванием военного министра Демонстранты вручили графу Чернышеву прошение в пользу архипастыря. Возглавлял демонстрантов последний правитель Армянской области полк. Г. Сумбатов. Явление было необычным, но все прошло корректно, так как военный министр, имевший контакты с Хачатуром Лазаревым, не раздул происшедшее. Прошение через статс-секретаря Позена поступило к министру Перовскому, во внешнеполитическое ведомство, а также руководству Закавказья. Отмечено извещение русского уполномоченного в Константинополе о согласии турецких армян принять участие в Эчмиадзинских выборах путем посылки депутатов.⁴³

В начале августа 1842 г. военный министр Чернышев вернулся в С.-Петербург. На местном уровне был дан официальный ход прошению тифлисских армян в пользу Нерсеса Аштаракеци. 9 августа гражданский губернатор Грузии ген. м. Скалон указал тифлисскому полицмейстеру о подаче прошения в пользу архипастыря Нерсеса со стороны местных жителей. Изложена обтекаемая установка Чернышева об ее учете лишь как части армянских подданных. Скалон отмечал: "Хотя князю Александру Ивановичу известны прежние заслуги сего достойного архипастыря, однако же Его Сиятельство, принимая во внимание, что на избрание и утверждение Эчмиадзинских патриархов установлены особые постоянные правила, не счел себя в праве утруждать Государя Императора о таковом желании одной части армян и поручить изволил Главноуправляющему Закавказским краем сделать распоряжения, сообразные с обстоятельствами".⁴⁴ Прошение в пользу архиепископа Аштаракеци было отвергнуто: "Объявить тифлисским армянам, что выбор патриарха зависит от участия всех армянских обществ как в пределах Российской империи, так и за границу, а потому никакого прямого ходатайства тут места иметь не может".⁴⁵

Между тем даже сам факт подачи прошения официальному представителю высшей власти был использован Хачатуром Лазаревым как факт знаменательное явление. В "Извлечении сведений из Грузии, Мингрелии, Армении и Кавказа" Лазаревым от 17 августа 1842 г., направленном шефу корпуса жандармов, были рассмотрены итоги ревизии военного министра в управлении Закавказским краем. При этом указано на наличие прошений военному министру. Из них выделено в пользу Аштаракеци: "В числе

прошений подано Министру от всего Тифлисского армянского общества, коим общество избирает и убеждает назначить в Эчмиадзин патриархом первого по достоинствам, по заслугам, оказанным церкви, России и нации архиепископа Нерсеса, который для правительственной и общественной пользы давно должен был быть патриархом".⁴⁶ Далее должна была действовать известная схема представления информации Бенкендорфом руководству державы. Выписка из прошения тифлисских армян затем была направлена Бенкендорфом новому главе Закавказья А. И. Нейдгарту и главе Закавказского округа жандармов полк. Викторову.⁴⁷

11 сентября 1842 г. прокурор Эчмиадзинского Синода Корганов направил письмо Хачатуру Лазареву, где сообщал, что его поездка в Тифлис получила превратное толкование в армянском обществе: "Будто бы я приехал туда единственно для того, чтобы содействовать архиепископам Карапету и Серафиму к достижению патриаршего престола".⁴⁸ При этом молва видела в действиях прокурора корыстолюбие. В то же время указывалось, что архиепископ Карапет, узнав о прошении тифлисских жителей в пользу Нерсеса Аштаракеци, постарался провести дознание. Он громкогласно заявил среди приближенных, что невозможно изменить "Положение" для назначения Бессарабского архипастыря. Податели же прошения военному министру И. Тер-Гукасов, полк. Г. Сумбатов, С. Матинов и А. Гургенбеков заявили архиепископу Карапету о вынужденности своего шага, поскольку прокурор Корганов действовал в его пользу. Сам же военный министр Чернышев указал архиепископу Карапету, что податели сего прошения действовали по совету Хачатура Лазарева и представили направленный им текст. Так что Корганов характеризовал себя безвинно пострадавшим в вопросе выбора главы армянской церкви: "Принесли меня в жертву делу религиозно-национальном и пользе обществу".⁴⁹

Представлена благодарность за сведения о деятельности русской миссии в Константинополе в пользу Эчмиадзина и получение текста записки "Сведения, относящиеся до Эчмиадзинского патриаршего всех армян престола, заграничных армянских епархий, духовенства сего исповедания и проч.", представленной министру внутренних дел. Высказано сожаление о деятельности архиепископа Салантяна, который отказался от участия в деле поддержки кандидатуры Нерсеса Аштаракеци на сан католикоса проявив тем самым "неблагодарность" по отношению к благодетелю Хачатуру Лазареву. Этот факт стал поводом для заверения Корганова о "расположении" к архиепископу Нерсесу Аштара-

кеци как "достойному патриарху" Указано о стремлении устранить "неудовольствия" между Аштаракеци и покойным католиком, пресечь соответствующие интриги Эчмиадзинского духовенства за "излишнюю строгость" со времени католика Ефрема и "будто бы недоступчивость". Обращено внимание на причины "охлаждения" к Корганову архиепископа Нерсеса и прекращения с ним переписки. Из информации Хачатура Лазарева явствовалась подрывная деятельность брата прокурора Ваньки Каина. Фомой Коргановым было заявлено, что он впервые узнает о ссоре брата с архипастырем и действиях против него. Личная деятельность указывалась беспристрастной и в пользу Аштаракеци.

В письме прокурора Фомы Корганова был отражен вынужденный разворот к кандидатуре Нерсеса Аштаракеци на сан католика под влиянием позиции ревизоров управления Закавказья Чернышева и Позена, а также деятельности Лазарева. В письме от 21 ноября 1842 г. Фома Корганов сообщил, что составление сведения по Эчмиадзинскому духовенству министерство внутренних дел поручило архиепископу Салантяну. Выражено мнение, что от "счастливого" проведенных выборов будет зависеть сближение Эчмиадзина с нацией. "Доблестный" архиепископ Нерсес сочтен единственным, способным направлять этот процесс. В приписке заявлено о желательности содействия Хачатура Лазарева в вопросе возвращения брата из ссылки в Тифлис. Прокурор Эчмиадзинского Синода из сложившейся ситуации постарался выжать максимум возможного в пользу брата взамен поддержки кандидатуры Нерсеса Аштаракеци.⁵⁰

19 декабря 1842 г. царь Николай I утвердил доклад управляющего Закавказским отделением личной канцелярии статс-секретаря Позена "О делах армянской церкви в Закавказском крае". Поддержана необходимость участия турецких армян в Эчмиадзинских выборах, согласно записке Корганова, а уполномоченными представителями высшей власти и контролерами выполнения "Положения" назначены служащие министерства внутренних дел ст. сов. В. Желтоухов и Я. Айрапетов. Последний являлся родственником фамилии Лазаревых и был предназначен стать проводником их установок.⁵¹

Самодержавие России было вынуждено учитывать популярность кандидатуры Нерсеса Аштаракеци на предстоящих выборах в Эчмиадзине. Проявлением деликатного внимания стало возвышение пенсия, производимого из капитула. Если раньше он получал пенсией по ордену св. А. Невского 321 руб. 70 коп. сер. в год, то с 1 января ежегодная выплата составила 500 руб. сер. Вер-

ховная власть умела ободрять и привлекать, когда это было необходимо.⁵²

12 января 1843 г. Лазарев поставил в известность Корганова о положительной реакции турецких армян относительно выборов в Эчмиадзине. В Константинопольском патриархате были зачитаны известительные грамоты Эчмиадзинского Синода. С согласия султана и Высокой Порты постановлено направить архимандрита Петра уполномоченным в Эчмиадзин. Запрошены подробные известия о ходе избирательной борьбы и кандидатах. Изложена личная установка: "По нашему понятию, судя по многочисленным заслугам, по большим достоинствам ума и способностям, первый кандидат, согласно избранию и просьбе грузинских армян, есть старейший и доблестный архиепископ Нерсес".⁵³ Ответа с запрошенными сведениями не было, так как Корганов скоропостижно скончался 31 января. Посланные Лазаревым золотые часы не дошли до адресата.⁵⁴

Реальную картину состояния дел в Эчмиадзине 20 марта 1843 г. и. о. прокурора Синода Матинов направил Хачатуру Лазареву. Будучи активным сторонником партии архиепископа Нерсеса Аштаракеци, он находил позиции Эчмиадзинского духовенства разговором против архипастыря, притом не без участия прокурора Корганова, который хотел быть политиком и законником: "К замыслу которому не только поощрял сам почтенный предместник мой, в жилах которого текла известная фамильная кровь, но хотел все эти привести в исполнение, с одной стороны, в угодность ненавистного достойного Нерсеса и в ограждении собственной безопасности, с другой - для насыщения жадностью, с которою он приготовился было встретить выборы, как важнейшую эпоху в жизни его или, лучше сказать в его кармане!" Сделан макиавеллистический вывод о нежелательности доверия кому-либо: "Нельзя ли сообщить Нерсесу, что он напрасно полагает на привязанность некоторых из здешнего духовенства: они все враги его и всех порядочных людей".⁵⁵ Доказательством двуличия Корганова представлено отправленное ему письмо от 19 февраля архиепископа Салантяна из С.- Петербурга.

Выделена значимость фамилии Лазаревых для Эчмиадзинского престола, которая, однако, стала меркнуть. Матинов сообщал: "Стыжусь сказать Вам, где я нашел портрет почтенного Мина Лазарева. Я поправил его и поместил в дворце патриаршеском". Выражено желание иметь коллекцию портретов других членов семьи Лазаревых: "Не забудьте и Ованнеса и Егиазара".⁵⁶ Эту часть отношения можно оценить как подобострастие Матинова перед

Лазаревыми. Однако истина состоит в том, что партия католикоса Иоаннеса действительно стала на путь умаления роли Лазаревых в национальной жизни. Как Минас, Иоаким Лазарев, так и Хачатур Лазарев официально являлись уполномоченными представителями Эчмиадзинского престола перед Петербургским двором.

Из поступивших сведений о предстоящих выборах следовало, что Испаганское духовенство и светская община высказались в пользу архиепископа Нерсеса Аштаракеци. Ожидался аналогичный отзыв от армян Индии. Без всяких оговорок симпатии тифлисских армян признавались на стороне Нерсеса, но противодействовал в этом направлении архиепископ Карапет. Признавалась необходимость осторожности в выборе светского депутата от Грузино-Имеретинской епархии, которым стал известный богач и сторонник Аштаракеци Давид Иванович Тамамшев. Не предвиделось проблем от других местных епархий: "Депутаты прочих здешних епархий не покривят душой. Он все меня знают, и за них я ручаюсь".⁵⁷

18 марта 1843 г. Желтоухов и Айрапетов прибыли в Тифлис. Узнав об их миссии, к ним пришли представиться депутаты от Астраханской и Грузинской епархий, почетные жители города, которые высказались в пользу кандидатуры Нерсеса Аштаракеци. Такой же подход продемонстрировали массы: "Это не минутный порыв легкомыслия, но убеждение". По мнению Айрапетова, подход носил осознанный характер и был связан с падением доверия к духовным сановникам: "И все это от того, что глава здешнего духовенства архиепископ Карапет сам человек ничтожно корыстолюбивый и допускающий за известную плату всякие беспорядки. Этим он совершенно оттолкнул от себя народ, который ненавидит его".⁵⁸ Архиепископ Карапет оказал сдержанный прием высоким визитерам. Он не произвел впечатления на Желтоухова и Айрапетова ни уровнем образованности, ни манерами. Но за ним значилось приобретенное огромное богатство, из коего частица была направлена в пользу Эчмиадзинского духовенства.

Эчмиадзинский Синод формально занимал позицию законной беспристрастности в процедуре выборов. 13 июля 1842 г. глава Тавризской епархии архиепископ Никогос запросил предварительное мнение Синода о желаемом им кандидате для согласования с духовной паствой. 30 сентября направлен ответ гласивший, что по утвержденным правилам проходит кандидат, набравший большинство голосов. 5 января 1843 г. Эчмиадзинский Синод направил секретное представление главе Закавказья Нейдарту об отсутствии заграничных представителей для участия в Эчмиадзинских вы-

борах и неполучении отзывов от всех внутренних епархий. Предлагалось рассмотреть две альтернативы выборов: проведение с участием зарубежных представителей либо силами армянских епархий Российской державы с Эчмиадзинским братством.⁵⁹

Внезапный поворот к идее повторения сценария выборов 1831 г. имел связь с деятельностью архиепископа Карапета и прокурора Корганова. Архиепископ сумел установить хорошие связи с канцелярией главы Закавказья и добиться хорошего отзыва ген. Головина в адрес министра внутренних дел. Симпатии прокурора Корганова удалось добиться путем обещания 2 тыс. червонцев. Из них тысяча была выделена, а вторая часть должна была поступить после окончания успешных выборов. Назначение главноуправляющим Закавказья Нейдгарта, которого Хачатур Лазарев считал "честной и ученой" личностью, а также неожиданная кончина Корганова спутали все эти планы. Осталась надежда на духовных иерархов, которые большинством голосов в ходе тайного голосования могли возвести архиепископа Карапета на Эчмиадзинский престол. Расчет был следующим. Шесть внутренних епархий в России должны были выдвинуть шесть духовных депутатов. В Эчмиадзинском Синоде имелось 8 членов и 7 епископов Эчмиадзинского братства. В совокупности получался 21 депутатский мандат, противостоящий меньшему числу светских депутатов доминирующих, обеспечить триумф архиепископа Карапета.

К представлению Эчмиадзинского Синода был приложен проект "Правил для руководства при избрании верховного патриарха-католика всего Гайканского народа", как соответствующие "Положению". В них санкционировалось принятие отзывов к голосованию неприбывших депутатов, избрании четырех кандидатов в сан католика, но необходимость выбора двух старших кандидатов была обойдена молчанием. Говорилось и о примате константинопольских и иерусалимских депутатов во время выборов.⁶⁰

К привлечению Эчмиадзинского Синода на сторону архиепископа Карапета заинтересованная сторона готовилась заранее. В 1841 г. в Новой Джульфе армянское население вступило в конфликт с епархиальным Хачатуром из-за самовольных распоряжений. Католикос Иоаннес отозвал архиепископа Хачатура из Испанской епархии в Эчмиадзин, а Синод 9 июня назначил бывшего своего члена епископа Иоаннеса епархиальным. Обращает внимание, что к исполнению своих обязанностей Крымский приступил лишь в марте 1842 г. Так что, хотя католикос Иоаннес не назначил своего преемника, но он приложил усилие, чтобы его партия су-

мела восторжествовать на выборах. Примат зарубежных депутатов и возможность манипуляции их голосами также являлись частью сценария действий в пользу архиепископа Карапета.

Главноуправляющий Нейдгарт, после переписки с министром внутренних дел, санкционировал "Правила" выборов католикоса.⁶¹ Однако ознакомление с ними в Тифлисе Желтоухова и Айрапетова вызвало их настороженность. Во время представления визитеров 19 марта 1843 г. Нейдгарту последний заявил об ожидании их приезда с "нетерпением". Глава Закавказья поддержал мнение Желтоухова и Айрапетова о необходимости избрания Нерсеса Аштаракеци, пользовавшегося народным доверием, с указанием о нежелательности оказать воздействие на свободу выборов. Данная инструкция главноуправляющему предусматривала лишь поддержание порядка во время деятельности избирательного собрания.

В Ереване высокие визитеры познакомились с епархиальным Степаном кн. Аргутинским-Долгоруким. С его стороны состоялось характеристика противостоящих партий, которые, по его словам, были основаны на личных выгодах. На следующий день состоялось представление членов Синода, епископов и депутатов. Желтоухов и Айрапетов развивали тезис о заботе правительства об армянской церкви, народе и духовенства, указывали на важность проведения выборов верховного католикоса и контролировании хода выбора в духе "Положения". На следующий день состоялись ответные визиты. Прокурор Матинов составил представление о наличии нескольких партий в Эчмиадзинском духовенстве: сторонники архиепископа Барсега, защитники архиепископа Карапета, поклонники архиепископа Серовбе и желающие видеть западноармянского иерарха на Эчмиадзинском престоле. Начались встречи с прибывшими депутатами и ознакомление с поступившими отзывами. Желтоухов для недопущения кривотолков прекратил встречи с духовенством, а Айрапетов прямо заявлял о желании народа видеть Нерсеса Ашаракеци католикосом.⁶²

К этому времени имелось уже много оснований для определения хода выборов. 23 марта 1843 г. в Эчмиадзин прибыл депутат Константинопольского патриархата архимандрит Петрос. Он доставил в Синод послания Константинопольского патриарха Аствацатура, Бабердского епархиального начальника архимандрита Карапета, Кесарийского главы епископа Акоба, епархиального Варнинского архимандрита Гукаса, по два отзыва от духовенства и мирян Никомедийской, Шумлинской и Никонийской епархий, Адрианопольского и Никомедийского епархиальных епископа Са-

ркаса и архиепископа Степана. Тонкость позиции западноармянских отзывов заключалась в том, согласно посланию Константинопольского патриарха, что они заранее соглашались признать выборного католикоса. Это означало превышение числа духовных депутатов над светскими. Отличалась лишь позиция Никомедийского архиепископа Степана, который желал провести выборы усилиями братства св. Эчмиадзина и общего правления.

Глава Нахичевано-Бессарабской епархии представил Эчмиадзинскому Синоду два рапорта от 18 февраля 1843 г. Первым рапортом указывалось о скором представлении обществом армян епархии отзыва относительно выборов нового католикоса. Вторым рапорт заключал список четырех кандидатов от духовенства Нахичевано-Бессарабской епархии: бывший константинопольский патриарх Погос; исполняющий должность председателя Синода архиепископ Барсег; Смирнский глава архиепископ Матевос; представитель Эчмиадзинской братии епископ Иоаннес Шахатунян. Все четыре кандидата характеризовались как хорошо известные Аштаракеци. Каждый из них имел свои достоинства: Барсег как реальный управляющий армянской церковью, Матевос в дальнейшем сменит Аштаракеци на Эчмиадзинском престоле, Погос находился в Иерусалиме, а Шахатунян был известен ученостью. При этом Аштаракеци проявил принципиальность и не включил себя в избирательный список.

Нерсес Аштаракеци являлся единственным кандидатом армян С.-Петербурга и Москвы. Обращение к главноуправляющему Закавказья Нейдгарту подписали действительные статские советники, камергеры Иван Лазарев, Хачатур Лазарев, Александр Худобашев, Александр Меликов, которые желали видеть Аштаракеци католикосом всех армян. Затем шли подписи надворных и титулярных советников, как и военных.⁶³ Аналогичный шаг приняли армяне г. Нового Нахичевана, во главе с городской головой Артемием Халибовым от 28 февраля. Были отмечены заслуги жизненного пути иерарха: "Весь народ армянский, уважая Нерсеса Аштаракеци, архиепископа Бессарабской епархии за добродетели его, им поднятые в течение 40 лет на пользу церкви армянской, принимая во внимание и старшинство его пред прочими архипастырями и долговременное заведование делами Эчмиадзинского монастыря при жизни покойного Ефрема и управление его в то же время обширною епархиею Грузинской, зная притом верноподданническую его приязнь венценосцам России, обращает на него виды... занять патриарший престол Эчмиадзинский".⁶⁴

Желтоухов и Айрапетов обратили внимание на "Правила" выбо-

ров. По их настоянию глава региона ген. Нейдгарт внес существенное изменение, а именно, тайная баллотировка была заменена открытым голосованием. Каждый из голосующих публично должен был изложить свое отношение к кандидатуре Аштаракеци, лишаясь возможности утаить свое мнение в тайне голосования. Для наблюдения за порядком были присланы рота солдат и отряд казаков, расположившихся вне Эчмиадзинского монастыря. что вызвало возмущение архиепископа Иосифа от имени всего духовенства. Стражи порядка были переведены на скрытое представительство. Этим была завершена подготовка к выборному процессу.⁶⁵ Айрапетов позже сообщил Х. Лазареву: "Средство это совершенно успокоило всех. Таким образом, все было готово к избранию и все предвещало счастливое ему окончание; но многие, более других интересующиеся заключением этого важного дела, все еще колебались между страхом и надеждою".⁶⁶ Надежду подпитывало заверение председателя Эчмиадзинского Синода, что Нерсес Аштаракеци станет одним из двух старших кандидатов.

15-17 апреля 1843 г. в Эчмиадзине состоялись выборы католикоса всех армян. Избирательное собрание составило 26 духовных и светских лиц. Викарий Тавризской епархии архимандрит Симеон имел два голоса от местного епархиального главы и знатных армян, но помимо этого представлял и армян Индии. Епархиальные главы Брусы и Текирдага в Османской Турции получили известительные грамоты, но из-за дальности расстояния не смогли присутствовать. Не прибывшие в Эчмиадзин делегаты представили свои письменные голоса как от Испаганской и Нахичевано-Бессарабской епархий. Письменные отзывы в Эчмиадзинский Синод, без назначения депутатов, направило духовенство Карабахской епархии. 16 апреля были определены четыре кандидата. Первым единогласно стал архиепископ Нерсес Аштаракеци, вторым и. о. иерусалимского патриарха Закарий, набравший 17 голосов. Третью и четвертую позиции заняли бывший глава Смирны архиепископ Погос - 11 голосов и бывший Иерусалимский патриарх Карапет - 3 голоса.⁶⁷ 17 апреля были выдвинуты два старших кандидата - архиепископ Нерсес Аштаракеци и и. о. патриарха Иерусалима Закарий.⁶⁸ За Аштаракеци единогласно было подано 17 голосов, преимущественно из духовных делегатов, а за Закария - четыре голоса.⁶⁹

1. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 39, л. 70.

2. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 223, л. 94.

3. Там же, л. 104 об.; Из ближайшего прошлого. - Мшак. 1895, 27 ян - варя;

4. Документы и материалы по истории армянского народа. Под. ред. Н. А. Тавакаляна. Ер., 1993, N 26, с. 96.
5. РГИА, ф. 821, оп. 7, д. 31, л. 117.
6. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 1082, л. 4 - 7, 17, 17 об.
7. Документы и материалы..., N 26, с. 94, 95.
8. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 1082, л. 20.
9. Там же, л. 21.
10. Там же, л. 26 - 28.
10. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 40, л. 44.
11. РГИА, ф. 821, оп. 7, д. 31, л. 117.
12. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 40, л. 45.
13. Там же, л. 45 об, 46.
14. Там же, л. 46.
15. Там же, л. 41 об.
16. Там же, л. 41.
17. Там же, л. 41, 41 об.
18. РГИА, ф. 821, оп. 7, д. 31, л. 117 об.
19. Там же, л. 117 об - 118 об.
20. НАГ, ф. 11, оп. 1, д. 763, л. 1 - 2.
21. АВПР, ф. Армянские дела, 1831 - 1842, д. 8, л. 94 об, 97.
22. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 40, л. 50.
23. Там же, ф. 56, оп. 1, д. 1082, л. 72.
24. Там же, л. 71 - 72.
25. Там же, ф. 400, оп. 1, д. 40, л. 51.
26. Там же, д. 48, л. 48.
27. Там же, л. 48 - 50.
28. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 13, л. 27.
29. Тунян В. Г. Эчмиадзинский престол..., с. 28.
30. Татинцян А. Формирование восточноармянской драматургии и первый театральные центр Тифлиса. - Вестник общественных наук. 1987, N 12, с. 29. - На арм. яз.
31. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 40, л. 52 об.
32. Там же, л. 55.
33. Там же, д. 39, л. 77, 77 об.
34. Тунян В. Г. "Положение"..., с. 68.
35. НАА, ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 77 об.
36. Там же, л. 78.
37. Там же, л. 78, 78 об.
38. Там же, л. 78 об.
39. Там же, л. 79 об.
40. Тунян В. Г. "Положение"..., с. 69.
41. РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 226, л. 7, 20 - 22.
42. НАА, ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 77.
43. Там же, л. 77, 77 об.
44. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 107, д. 44, ед. хр. 54, л. 1, 1 об.
45. Там же, л. 3.
46. ГАРФ, ф. 109, I эксп. д. 258, л. 143 об.

47. Там же, л. 196, 197.
48. НАА, ф. 39, оп. 1, д. 39, л. 88 об.
49. Там же, л. 89.
50. Там же, л. 86 - 94 об, 98.
51. Тунян В. Г. "Положение"..., с, 89.
52. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 81, л. 4.
53. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 46, л. 5.
54. Там же, л. 14.
55. Там же, л. 23.
56. Там же, л. 23 об.
57. Там же, л. 24.
58. Там же, л. 28.
59. Там же, ф. 56, оп. 1, д. 1082, л. 88 - 90.
60. Матенадаран, п. 127, д. 33, ед. хр. 153, л. 1 - 2 об.
61. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 1082, л. 96, 97, 105 - 111.
62. Матенадаран, п. 127, д. 33, ед. хр. 153, л. 2 об - 5.
63. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 1082, л. 169, 184, 190, 194 - 200.
64. Там же, л. 199, 200.
65. Матенадаран, п. 127, д. 33, ед. хр. 153, л. 6.
66. Там же, л. 6 об.
67. Тунян В. Г. Эчмиадзинский престол..., с. 33, 34.
69. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 48, 41 об.

2. Петербургские перипетии

Постановление Эчмиадзинского собора получило резонанс в различных кругах. После поступления доклада от Желтоухова и прокурора Матинова о подробностях избирательного процесса главы армянской церкви главноуправляющий Нейдгарт 24 апреля 1843 г. направил сообщение графу Паскевичу. Зафиксировано прибытие 26 делегатов и единогласное избрание Нерсеса Аштаракеци. Указано о поступлении письменных отзывов в его пользу от духовного и светского сословий Карабахской и Бессарабской епархий, армян России, Грузино-Имеретинской и Испаганской епархий, а также армян Индии. Из 17 избирательных голосов в пользу архиепископа Закария из Иерусалима отмечалось 15 голосов Эчмиадзинского братства. При этом ни один из светских депутатов не подал голоса в пользу представителя Иерусалимского патриаршества. Голосование духовных представителей в пользу Закария объяснено тем, что четыре года тому назад он был посвящен в сан епископа в Эчмиадзине и фактически управлял Иерусалимским патриаршеством в связи с болезнью патриарха Погоса: "Провозглашен там патриархом, но еще не помазан в сан".¹

Свершилось то, чего не желал никогда Паскевич, который целенаправленно устранял Нерсеса Аштаракеци от занятия Эчмиадзинского престола. Однако "отец - командир" имел достаточное

влияние среди высшего армянского духовенства, где непосредственными представителями являлись архиепископы Карпет, Серовбе и епископ Степан Араратов. После выборов Эчмиадзинское духовенство обратилось к министру внутренних дел с прошением о назначении преемника католикосу. Прошение мотивировалось великовозрастностью Нерсеса Аштаракеци, которому исполнилось 73 года, имеющему "хрупкое" здоровье, и нежелательностью вновь видеть вакантным Эчмиадзинский престол.²

На выборах присутствовал член Совета Главного управления Закавказья ст. сов. Н. Безак. 13 мая 1843 г. руководителю Закавказского отделения канцелярии е. и. в. Позену были представлено выдержки из его частного письма одному из сотруднику отделения. В них приоткрывалась конфронтация интересов светских и духовных интересов вокруг личности Нерсеса Аштаракеци. Эчмиадзинское духовенство опасалось легендарного архипастыря как человека волевого, знающего всю поднаготную их поведения со времени остракизма, поэтому боялось установления железной дисциплины. Корпоративные интересы имели локальное значение. Заграничное духовенство и светские депутаты ожидали от архиепископа Аштаракеци деятельности в пользу армянской церкви и нации. Светские депутаты были сплочены губернским секретарем из Тифлиса Давидом Тамамшевым. Безак отмечал: "Он умел упрочить большинство Нерсесу и тем поставил Эчмиадзинское духовенство между двух крайностей: иметь его патриархом по воле или по неволе".³ Тамамшев проявил активность и при голосовании вокруг кандидатуры архиепископа Закария, за которого, в отличие от Эчмиадзинского духовенства, не подал голос ни один светский депутат. Следствием явилось единство голосов духовных и светских депутатов вокруг кандидатуры Аштаракеци.⁴

15 мая 1842 г. министр внутренних дел Перовский предоставил Позену записку о ходе выборов, полученную от ст. сов. Желтоухова. Единство голосования делегатов вокруг Аштаракеци мотивировано тем, "что он один соединяет все дарования, необходимые для достоинства и исполнения обязанностей верховного патриарха престола".⁵ Было указано на готовность заграничных представителей выделить в распоряжение Нерсеса Аштаракеци 300 тыс. руб. асс. на общепользные мероприятия. Временный председатель Эчмиадзинского Синода архиепископ Барсег был вынужден признать воздействие патриотической личности Нерсеса Аштаракеци на заграничных армян: "Доколе он будет в живых, никто не может считать себя достойнее его патриаршего сана".⁶

Ликованию не было предела у Хачатура Лазарева от вести об

избрании архиепископа Аштаракеци: "Нерсес назначен".⁷ Сверх того, за что он выступил 15 лет тому назад с открытым забралом в его пользу. 5 мая 1843 г. Хачатур Лазарев представил Бенкендорфу сводку известий из разных городов России, Закавказья, Турции, Персии и Индии, которые свидетельствовали, что все слои армянского народа желают видеть главу Нахичевано-Бессарабской епархии архиепископа Нерсеса Аштаракеци католиком всех армян. Представлялось наличие прошения в его пользу на имя военного министра, главы внутривосточного ведомства и главноуправляющего Закавказья и избирательных листов в пользу прославленного архипастыря: "Архиепископ Нерсес есть старейший между епископами армяно-григорианской церкви: он желал этот сан более 40 лет. Его полезное служение церкви, отечеству и соплеменникам его, добродетели и твердый характер его приобрели ему с давнего времени уважение, любовь и доверенность армянского народа и желание видеть его облеченным в сан первосвященника".⁸ Все имеющиеся данные свидетельствовали о значении личности Аштаракеци для поступательного развития: "Для благоустройства армянской иерархии, для пользы Российского правительства, для большего привлечения армян к древнему Эчмиадзину необходимо и полезно, чтобы был патриархом сановник Нерсес, многоуважаемый по доблестям и заслугам".⁹ Были приведены данные голосования относительно двух старших кандидатов в избирательном собрании.

Известие о желании Эчмиадзинского духовенства иметь преемником католикоса архиепископа Закария встретило у Лазарева негативное отношение. 5 мая министру внутренних дел Перовскому указаны возможные политические последствия относительно протежируемой кандидатуры и его значения: "Сей архипастырь мало известен и по действиям и по достоинствам своим. Утверждение его патриархом может оскорбить армян, обитающих в России, и удалить от Эчмиадзинского престола армян заграничных, ибо доказал бы невнимание к избранию архиепископа Нерсеса".¹⁰ Вся армянская нация характеризовалась сплоченной вокруг Аштаракеци, получившего мандат доверия и карту-бланш: "Сие избрание представляет редкий пример доверенности целого народа, в разных странах разделенного, к одному и тому же лицу и может служить верным ручательством его отличных достоинств".¹¹

14 мая 1843 г. Хачатур Лазарев написал письмо Нерсесу Аштаракеци. Указывалось, что кончина католикоса Иоаннеса VIII предоставила возможность Нерсесу Аштаракеци к занятию Эчмиад-

зинского престола. Просилось принять титул католикоса. Ставилось в известность о доведении Бенкендорфом до сведения министра внутренних дел и царя точки зрения о том, что единодушное мнение армян заключается в стремлении видеть архипастыря католикосом всех армян.¹²

16 мая 1843 г. Лазарев поставил в известность директора департамента иностранных Скрипцына, что после выборов в Эчмиадзине был дан торжественный обед для членов Синода, всех депутатов и представителей министерства внутренних дел Желтоухова и Айрапетова. Были произнесены тосты за здоровье царя Николая I и августейшей фамилии, министра внутренних дел. Представители турецких армян отметили достигнутое национальное единодушие. Никомедийский депутат архимандрит Петрос произнес речь о готовности "соединения" всех армян под скипетром всероссийским. Характерной чертой выборов указан пиетет русскоподданных и заграничных армян к Русскому престолу, что обратило на себя внимание чиновников министерства внутренних дел.¹³

27 мая 1843 г. царь Николай I утвердил результаты доклада министра внутренних дел Перовского о результатах выборов в Эчмиадзине. Единодушным стремлением армянского народа было представлено желание видеть архиепископа Нерсеса Аштаракеци католикосом всех армян. Для личного представления царю и встреч с главами министерств было намечено приглашение иерарха в С.-Петербург. В то же время намечалось осуществить его "сближение" с православным духовенством. Предложение Эчмиадзинского духовенства о назначении преемника избранному католикосу, под воздействием аргументов Лазарева о нежелательных политических последствиях, решено было оставить без ответа: "Потому что с признанием Закария преемником предложенного в патриархи Нерсеса, права патриаршие неминуемо должны перейти к епископу Закарию, но как он, будучи турецким подданным, мог бы в то время пожелать остаться в своем отечестве, то и власть верховного армянского патриарха, утвердившаяся в Эчмиадзине, тогда легко могла перейти под влияние турецкого правительства". Другим аргументом признано нежелание нарушать правила принятой церковной хартии: "При том же назначение преемника патриарху было бы отступлением от высочайшего утвержденного положения об управлении армянской церковью, в коем преемника не положено".¹⁴

В тот же день Перовский направил сообщение Аштаракеци о благосклонном внимании царя Николая I к результатам выборов в

Эчмиадзине на степень верховного католикоса армянской церкви и приглашении прибыть в С.-Петербург:¹⁵ "Ваше Преосвященство, Милостливый Государь! На бывших в Эчмиадзине выборах патриарших минувшего 17 апреля все депутаты единогласно избрали Ваше Преосвященство верховным патриархом-католикосом всех армян. При всеподданнейшем о том докладе моем Государю Императору благоугодно было всемилостливейше повелеть мне предварительно уведомить вас, Милостливый Государь, о столь высоком назначении, приглашении немедленно прибыть в С.-Петербург".¹⁶ Выделялись прогонные 1000 руб. сер. К приезду Аштаракеци в северную столицу Российской державы должна была быть готова утвердительная грамота в сан католикоса. Поздравлялось по случаю знаменательного избрания.

Известие о согласии царя вызвало гамму противоречивых чувств у Нерсеса Аштаракеци. Самодержец отстранивший когда-то его от управления армянской церковью, теперь сменил гнев на милость. Первой реакцией архипастыря было желание отказаться, но затем после долгих раздумий он заявил архимандриту Мсеру, что это, возможно, было бы против воли монарха. Более того, это подтвердило бы имевшиеся "злопыхательства" Паскевича перед царем и стало бы поводом для новых: "Следовательно, отказ подаст повод императору думать, что самоуправ и амбициозен".¹⁷ Намечено использовать визит для представления Николаю I ряда национальных проблем в пользу церкви и прав католикоса. Аштаракеци находил: "Если заблагорассудит их принять, то приму сан католикоса, а если не примет, то вернусь к своему состоянию".¹⁸

16 июня 1843 г. Аштаракеци направил министру Перовскому извещение о получении приглашения прибыть в С.-Петербург для утверждения в сане католикоса. Отмечена покорность божественному провидению и фортуне: "Я имел честь получить почтеннейшей отзыв Вашего Высокоблагородия от 27 мая N 1612. Известясь из этого отзыва, что всевышнему Промыслу угодно призвать меня на степень верховного деятеля Армянского католикоса и что предположение сие осчастливлено благосклонного соизволения Государя императора".¹⁹ Указанно о "немедленном" выезде в С.-Петербург.

Из Кишинева было направлено сообщение Хачатуру Лазареву о принятии сана католикоса и желании выехать в С.-Петербург 21 июня. Информация была представлена камергером Лазаревым Скрипцыну.²⁰ В пути Владыку сопровождали викарный Тавриды архимандрит Тадеос (Фадей) Бекназарян, глава Кишиневской консистории Арутюн Ованнисян и архимандрит С. Самуэлян. Путь

занял две недели. В г. Липовец иерарх заболел и четыре дня проболел.²¹ 7 июля 1843 г. Нерсес Аштаракецци приехал в северную столицу и остановился в доме Лазаревых.

8 июля 1843 г. состоялась встреча с министром внутренних дел Перовским, которая носила протокольный характер и позволила составить личное представление друг о друге. Итоги знакомства получили отражение в письме Хачатура Лазарева от 9 июля к и. о. прокурора Эчмиадзинского Синода Матинову. Была обсуждена проблема взаимоотношений духовенства православного и армянского исповеданий. Матинову как чиновнику канцелярии главноуправляющего Закавказья дан совет направлять свою деятельность в пользу армянского духовенства и Эчмиадзинского престола, пресекать интриги и злопыхательства. Так как 6 января 1843 г. в Ереване, при праздновании Иоардани на р. Зангу, возник спор об очередности празднования между православным и армянским духовенством, то Лазарев указывал на необходимость тактичности и вежливости: "Ссоры, споры, тяжбы взаимно и всюду весьма неприятны и безвыгодны. Православное духовенство сильно и по числу, и по связям, наше слабо, потеря будет с нашей стороны. Иногда добром можно побеждать зло. Миром поддерживать согласие и отвращать личности, вражды, интриги и крамолы".²² Требовалась деликатность требовалась в отношениях с главой Закавказья Нейдгартом, имевшим влияние при царском дворе. Положительное мнение о деятельности Матинова представлено в наличии у Перовского и Скрипцына.²³

Указано о предстоящей аудиенции Нерсеса Аштаракецци монарху: "Вскоре представится Его Величеству, и начнутся некоторые сношения".²⁴ Указан маршрут возвращения в Армению через Москву и Грузию. Обтекаемо представлен характер предстоящих правительственных контактов: "Здесь всё, что токмо можно, что удобно, что успеть не трудно, будет исполнено в пользу нашей церкви и нации". Проявлен сдержанный оптимизм и указана необходимость поэтапности действий: "Известно, что не всегда желаемое иногда достигается, что разные препятствия встречаются от многих причин, и даже иногда от пренебрежительности, свойственного людям. С благоразумным терпением и осторожностью, при действиях и подготовке, можно достигнуть справедливого и полезного. На неудачи роптать и негодовать не следует".²⁵

Официальные встречи, подъемы и спуски по парадным лестницам четырехэтажных зданий, смена климатической обстановки сказались на состоянии Нерсеса Аштаракецци. Имелись встречи с представителями тифлиских армян. Католикос заболел в начале

августа. Началась болезнь с головокружений. Помощь личного врача военного министра Ю. Ахвердова, бывшего выпускника училища Нерсисян, не исправила положения.²⁶ 3 августа 1843 г. произошел "нервический удар", а точнее, паралич. Обеспокоенные Лазаревы задействовали семейных и известных врачей. Положение несколько стабилизировалось. Николай I принял решение дать аудиенцию до своего отъезда за границу.²⁷

10 августа 1843 г. царь Николай I подписал высочайшую грамоту об утверждении Нерсеса Аштаракеци в сане патриарха Эчмиадзинского и католикоса всех армян.²⁸ Монарх также сделал подарки Иерусалимскому патриарху Закарию, избранному вторым кандидатом, уполномоченному от духовных депутатов турецких армян архимандриту Петросу и персидских армян архимандриту Симеону. Из кабинета е. и. в. была доставлена панагея с драгоценностями для патриарха Закария.²⁹ 13 августа министр внутренних дел Перовский направил грамоту Нерсесу Аштаракеци, который не смог выразить свою благодарность из-за обострения болезни.³⁰ 16 августа произошло резкое ухудшение состояния больного - отнялись правая рука, правая нога и память, что заставило Николая I прислать шесть своих врачей, поскольку болезнь могла иметь трагический конец.³¹ Окружение католикоса погрузилось в "печальное ожидание".³² 17 августа 1843 г. царь в Петергофе подписал рескрипт о награждении Нерсеса Аштаракеци орденом св. А. Невского, украшенными бриллиантами. Награждение обосновывалось вниманием к армянскому народу и "лично" к католикосу всех армян. 23 августа Перовский известил Аштаракеци о разрешении Николая I от собственного имени послать известительные грамоты об утверждении в сане "патриарха" Эчмиадзинского и католикоса всех армян во все заграничные епархии.³³ 25 августа последовало препровождение бриллиантовых орденов св. А. Невского с наградительной грамотой.³⁴

31 августа Х. Лазарев направил письмо прокурору Матинову, в котором отмечалось о наличии с начала месяца "опасной и тяжелой болезни" у католикоса: "По приезде сюда, Его Святейшество был здоров, хотя он и устал от длительной суеты, от волнения, на дороге был четыре раза болен; здесь, кажется, отдохнул - приглашал на свидание всех министров, русского митрополита и архиереев; после делал посещения к ним, обедал у здешнего митрополита Андреева, с коим произошло ознакомление".³⁵ Обращено на монаршее внимание к больному, приславшего фельдегеря для информации о состоянии здоровья и личного врача

лейб-медика Арендта, графа Бенкендорфа и обер-прокурора св. Синода Н. А. Протасова. Предлагалось оповестить о болезни главы армянской церкви "всему нашему духовенству". Указано на частые посещения Нерсеса Аштаракеци со стороны министра внутренних дел Перовского, директора и вице-директора департамента иностранных исповеданий Скрипцына и Н. Ребиндера и других сановников, которые просиживали у постели больного и выражали сожаление. Ситуация сочтена критической: "Между страхом и надеждою находимся, - ибо велика опасность, при большом расслаблении и при крайнем истощении физических сил"³⁶

Лазарев также затронул душевное и физическое состояние Нерсеса Аштаракеци: "Патриарх переносит болезнь свою с твердостью истинного христианина и сохраняет силы ума своего и, может быть, незаметно от докторов".³⁷ Отмечена необходимость длительности пребывания католикоса в столице: "Мы видим, однако, ясно, что патриарх, в случае восстановления своего здоровья, не может выехать из С.- Петербурга раньше весны будущего года".³⁸ Лазарев указал на представление министру внутренних дел, что нет причины оставлять Желтоухова и Айрапетова в Эчмиадзине до прибытия католикоса.³⁹ 28 августа один из медиков заявил, что больному осталось всего шесть часов.⁴⁰

Строки письма о критическом состоянии Аштаракеци были продиктованы тем, что видя несостоятельность врачебных средств, Ованнес и Хачатур Лазаревы, по совету доктора Штендера, прибегли к магнетизму ген.- м. А. И. Пашкова. Первый сеанс начался 28 августа и сразу же дал облегчение. Отказ от приема лекарств был сокрыт от врачей, которые считали положение католикоса "безнадежным" и прогнозировали кровоизлияние мозга. После трех сеансов магнетизма Лазаревы заявили об отказе от услуг врачей, что их ошеломило. Петерсон заявил об опасности принятого решения: "Патриарха хотят погубить, потому что без сказанных порошков он должен умереть через 24 часа".⁴¹ Лазаревы взяли ответственность на себя. С 4 сентября магнетизмом, по просьбе Пашкова, занялась княгиня Ек. Ал. Висковатая (урожденная Дондукова-Корсакова). Выздоровление католикоса допущено на 21 день, начиная с 28 августа. По её мнению, было начато использование также гомеопатических приемов. С 10 сентября католикоса стали кормить бифштексом и жидкой гречневой кашей на масле. 21 день настал в субботу 24-го сентября. Силы Нерсеса Аштаракеци стали возвращаться, он стал подниматься с постели, стал ощущать левую, а затем правую ноги, что позволило в конце сентября передвигаться по комнате.

В начале октября католикос стал почти ходить. 6 октября 1843 г. Лазаревы, вице-директор Ребиндер, викарный Тавриды Фадей Бек-Назаров и другие подписали журнал об успехе лечения католикоса Нерсеса Аштаракеци "ясновидением".⁴² 11 октября Висковатая дала заключение: "Он хорош. Небольшие остатки болезни пройдут. Ему нужны ванны. Лекарство продолжать".⁴³ Оставалась опухоль на руке. Лечение продолжалось и в в декабре. Ованнес Лазарев, архимандрит Фадей Бек-Назаров и духовный С.- Петербургских армянских церквей Ефрем Суварян письменно подтвердили успех "ясновидения", завершившегося "неожиданным восстановлением угасавших сил старца".⁴⁴

Начало выздоровления католикоса позволило ему принимать адреса, поздравления и краткосрочные визиты. Это имело связь с публикацией в разноязычной прессе информации о его утверждении царем, которая получила живой отклик за границей. В конце сентября г. "Айренасер", издававшаяся в Смирне (Измир), поместила об этом известие с "невыразимой радостью". Указано об императорской грамоте и награждении бриллиантовыми знаками ордена св. А. Невского первой степени. Были представлены краткие биографические сведения о деятельности Нерсеса Аштаракеци с 1808 по 1843 гг. Особенно отмечался вклад Владыки в дело освобождения Араратской страны в ходе русско-персидской войны 1826 - 1828 гг. и организации переселения армян Персии. Указывалась патриотическая деятельность католикоса Ефрема и архимандрита А. Аламдаряна. Затрагивались личные перипетии конфликта тандема Аштаракеци-Красовский с графом Паскевичем, завершившиеся удалением архипастыря в Бессарабию.⁴⁵

4 октября 1843 г. к Аштаракеци письменно обратился проповедник Фелициан Заремба из "Общества Евангелия", находящегося в Швейцарии. Указывалось, что в 1823 г. в Тифлисе Нерсес Аштаракеци принял их представителей доброжелательно. Католикос Ефрем допустил их просветительскую деятельность в Шуши, учитывая возможности по печатанию книг на армянском языке. Однако католикос Иоаннес в 1836 г. запретил их деятельность, справедливо полагая, что они должны как миссионеры действовать не среди армян, а среди иноверцев. По этому поводу Заремба указывал: "Знаем мы точно, что если бы, как предполагалось было, Вы наследовали почтенному Вашему другу - многопочтенному католикосу Ефрему, - то не было бы столь плачевным образом прервано начатое в пользу почтенного Вашего народа Библейского дела".⁴⁶ Поздравление по вступлению на Эчмиадзинский престол и обращение о разрешении деятельности были продиктованы публи-

кацией во "Франкфуртской газете" от 3 октября 1843 г. известия об утверждении Николаем I Нерсеса Аштаракеци.

Что же касается сущности обращения, то изменились времена и отношение к деятельности "Общества Евангелия". С 1817 г. официальным принципом политики самодержавия стало распространение христианства в православной форме на Кавказе, что побудило активизировать деятельность "Российского библейского общества". В феврале 1818 г. было открыто Грузинское отделение общества. Вице-президентами стали экзарх Грузии и глава местной армянской епархии Нерсес Аштаракеци. Деятельность общества должна была содействовать укреплению самодержавия на Южной окраине и "сближать" христианские церкви.⁴⁷ Руководство армянского общества должно было поддерживать официальную политику Александра I и интересовалось типографскими возможностями общества. По одобренному католикосом Ефремом переводу "Нового Завета", осуществленному кол. сов. Ходженцевым, комитет Московского отделения "Библейского общества" в 1820 г. отпечатал 5 тыс. экземпляров на турецком языке армянскими буквами. Подготовленные экземпляры были направлены в распоряжение Константинопольского патриарха.⁴⁸ При этом католикос Ефрем имел "заблуждение" думать о равенстве прав армянского духовенства в Грузии с российскими священнослужителями, которое было развеяно проконсулом Кавказа Ермоловым в отношении от 30 октября 1824 г. В нем указывалось, что армянское христианское вероисповедание относится всего лишь к терпимым конфессиям: "Кротость Российского правительства терпит все вероисповедания, и, оказывая им защиту и покровительство не, равняет, однако же, оные с правами господствующей церкви".⁴⁹ Поправление интересов армянского духовенства обусловило решение католикоса Иоаннеса.

По возвращении "первых сил" 25 октября 1843 г. Нерсес Аштаракеци выразил признательность Перовскому за направление высочайшей утвердительной грамоты и получение орденских знаков с бриллиантами св. А. Невского.⁵⁰ Отмечался знаковый характер выздоровления: "Молю Бога, явившего уже ко мне великую милость свою, воззвав меня, подобно Лазарю, снова к жизни; да укрепит Всевышний душевные и телесные силы мои на положения трудных обязанностей, содержащихся в звании патриарха Эчмиадзинского, на оправдание Высочайшего ко мне доверия Всеавгустейшего монарха, избравшего меня преданного Всемилолюбивейшего Государю всего армянского народа католикосом".⁵¹

В ходе имевшихся бесед католикоса с Лазаревыми в С. - Петер-

бурге были составлены программные "Мысли и предположения патриарха Нерсеса". Прежде всего намечалось возвысить духовное значение Эчмиадзина как звено соединения армян, разбросанных по всему миру; предпринять меры по возвращению армян-католиков в лоно веры предков; организовать семинарию в Эчмиадзине и там же основать духовную академию, чтобы возвысить религиозное, нравственное и учебное образование армянского духовенства. Академия была намечена стать центром духовного обучения армянского юношества из различных стран. Обучение должно было включать богословские предметы, освоение языков - армянского, русского, латинского, а деятельность учебного заведения подчиняться "Уставу". Армянское училище Нерсисян в Тифлисе должно было состоять из двух отделений - духовного и светского, для обучения детей соответствующих сословий, базирующихся на гимназическом курсе обучения, предполагался коммерческий кур. Для основания духовной семинарии, а затем академии католикос Нерсес намеревался пригласить в Эчмиадзин известных и просвещенных армян. Намечалось воплотить требование "Положения" о существовании духовной семинарии в каждой епархии. На все предполагаемые учебные заведения требовалось найти финансовые ресурсы и обеспечить капиталом их существование. От соединения религиозного, нравственного и учебного обучения ожидалась польза для армянской церкви и нации, правительства Российской державы.⁵²

"Предположения" отражают размышления католикоса вокруг переписки 1837-1838 гг. и судьбы армянского училища в Тифлисе, профилизации и учета собственной деятельности, необходимости шагать в ногу со временем. Центральным пунктом намерений католикоса являлось учреждение духовной академии. Министру внутренних дел Перовскому было заявлено о желании организовать духовную академию на 2 тыс. студентов. На замечание министра о трудностях создания такого училища католикос указал, что духовные чада помогут.⁵³

Однако приходилось учитывать реалии возможности текущего момента. 12 ноября 1843 г. Хачатур Лазарев подал записку министру внутренних дел "Об учреждении Армянских семинарий". Существующие недостатки деятельности армянской церкви, особенно в Закавказском крае, были связаны с недостатком образования духовенства. Исправление ситуации сочтено возможным лишь при организации деятельности семинарий "на основаниях, на котором существуют они для православного духовенства". Такой подход открывал перспективу создания духовной академии в

Эчмиадзине: "Цветущее состояние этих семинарий предоставит со временем возможность основания в Эчмиадзине и армянскую духовную академию, которая, сосредотачивая в себе умственную деятельность армян, могла бы привлечь к себе их любознательных соплеменников, рассеянных по всему пространству земного шара и с успехом с католическими заведениями такого рода".⁵⁴

Было обращено внимание на средства достижения "желанной цели". Эффективность деятельности существующих армянских семинарий страдала по двум причинам: во - первых, от недостатка подготовки образованных преподавателей в светских и богословских науках; во-вторых, сказывалось "догматическое" преподавание предметов на древнеармянском языке (грабар), удаленном от повседневного светского армянского языка (ашхарабар). Первый недостаток указано возможным преодолеть в течение жизни одного поколения, но не за счет образования в Эчмиадзине и Тифлисе, не в католической конгрегации мхитаристов св. Лазаря в Венеции и не в России, а лишь за счет создания училища для армянских семинаристов в столицах - С. - Петербурге либо Москве. В этом училище должны были получить возможность учиться армяне различных стран, что вызвало бы их симпатии к Эчмиадзину и Российской державе: "И тогда этим средством не возвратно умножился бы плод многолетних усилий нашего правительства - сблизить заграничных армян с Эчмиадзином, распространяя на них просвещение высшей духовной власти, сосредоточить в монастыре, находящемся под русским скипетром".⁵⁵

Наиболее удобным местом основания армянского духовного училища указан Лазаревский институт восточных языков, при котором уже с 1841 г. функционировало духовное отделение для подготовки армянских священнослужителей. В пользу подобного решения вопроса подготовки образованных духовных кадров армянской церкви указан опыт почти 30-ей деятельности Лазаревского заведения и наличие доверия к нему со стороны армянского общества. Институт находился под непосредственным контролем известных профессоров Давыдова и Мирошкина, из которых один являлся инспектором в православной семинарии.⁵⁶ Это позволило бы преодолеть второй недостаток - "догматизм" в обучении. Лазарев отмечал: "Я тем более убежден в справедливости этой меры, что тогда люди, прибывшие сюда с азиатских пределов России и восприняв под наблюдением русских профессоров, вместе с коренными жителями, неминуемо станут более и более сблизиться с сими последними и с европейскими взглядами на вещи, вывезут с собою в свое отечество господствующее в русском народе во-

спитание".⁵⁷

Указывалось на возможность предоставления профессором богословия Московского университета программы своих лекций для рассмотрения в Эчмиадзинский Синод, по которым ежегодно обучались бы направляемые из Эчмиадзинского монастыря семинаристы. Составление общих пособий для обучения предусматривалось поручить архиепископу Салантяну.⁵⁸

15 ноября 1843 г. Аштаракеци представил Перовскому желание ряда богатых армянских торговцев из Турции - Геворка Маркарова, Арутюна и Мартироса Хачатуровых, Карапета Нурьяна и Огана Мартиросояна, принявших российское подданство и живущих уже два года в Одессе, о получении заграничных паспортов для посещения Константинополя и возвращения обратно. 17 ноября ген. Бенкендорф поставил в известность католикоса об обращении к генерал-губернатору Новороссийского края графу Воронцову по решению ходатайства.⁵⁹ В ноябре Аштаракеци запросил санкции Перовского на разрешение для выезда в Константинополь архиепископа Михаила Салатяна, который не имел епархии в Российской державе, а католикос Иоаннес отклонил соответствующую просьбу.⁶⁰ 26 ноября был направлен кондак Эчмиадзинскому Синоду о том, что, "помимо своей воли и желания", он был избран католикосом. Отмечено об улучшении состоянии здоровья и необходимости ведения дел в строгой законности.

27 ноября 1843 г. Перовской поставил в известность Нерсеса о царском приеме на следующий день в Зимнем дворце, после обеда в монаршей комнате. Хачатур Лазарев предложил представиться царю в мантии, как католикос Аргутинский-Долгорукий царю Павлу I, что было резко отвергнуто Аштаркеци, поскольку характерным убранством для армянского духовенства признавался филон.⁶¹ 28 ноября состоялась долгожданная встреча, которую Нерсес Аштаракеци жаждал иметь четверть века тому назад.⁶² Аудиенция носила подобающий характер. Вначале католикос громко благословил монарха: "Во имя отца и сына". Николай I приблизился и пригласил присесть. Аштаракеци не хотел, но при повторном приглашении он сел. Сам же царь поинтересовался вначале здоровьем патриарха. Католикос изложил "скорбь" за "невинное оклеветание" Паскевичем в конце двадцатых годов. Царь заявил, что не сожалеет о его избрании. Учитывая слабое состояние здоровья католикоса, Николай I пожелал ему провести зиму в северной столице. Он также поручил, согласно просьбе индийских армян, осуществить пересмотр статей "Положения"

1836 г. о наследовании имущества церковнослужителями. Беседа происходила в присутствии Хачатура Лазарева, камергера двора, на русском языке. Разговор перешел на проблемы развития Эчмиадзина, а затем они вышли в приемную.⁶³

В присутствии министров было сказано о заглаживании прошлого и наличии будущей деятельности: "Много жаль, что патриарх не 20 лет тому назад поступил в католикосы, тогда бы больше оказал плодов устроения. Даруй Боже ему долголетие и силы на несение тяжких забот".⁶⁴ Монарх пожелал благоденствия армянской нации и чтобы католичество не получило распространения: "Всячески защищайте армянский народ от католичества".⁶⁵ Аштаракец положительно оценил встречу: "Во всю жизнь мою в первый раз я удостоился Богоугодного торжественного зрелища".⁶⁶ Точка зрения носила парадный характер и была предназначена для официальных лиц.

Информация о встрече была направлена Эчмиадзинскому Синоду 13 декабря 1843 г. с указанием о попечительстве царя Араратскому престолу и армянскому народу, бесславно утраченных 20 лет на пользу управления армянской церкви и региона.

21 января 1844 г. Нерсес Аштаракец в письме сообщил ряд подробностей о состоявшейся встрече Константинопольскому патриарху, которая была сочтена полезной и плодотворной: "Да, много-премного восхитил меня царственный, кроткий, услаждающий разговор е.и.в. В продолжение коего он изъяснил нам намерения и желания свои относительно стран Закавказских и народов, там обитающих и подвластных Его скипетру, и снабдить особенным Высочайшим покровительством патриарший престол св. Эчмиадзина".⁶⁷ Указано на желание царя иметь приятные отношения с православной церковью и подлечить здоровье пребыванием зимой в северной столице.⁶⁸

Главноуправляющему Закавказья Нейдгарту в январе сообщено: "Взор Государя императора очаровал меня".⁶⁹ Отмечено о требовании к Эчмиадзинскому Синоду предоставить краткий отчет о его управлении. Указано на заявление монарха о "благоволительном расположении и покровительстве" ко всем закавказским подданным, в особенности, к Эчмиадзинскому престолу и подчиненному ему духовенству. Представлено желание самодержца получить записку от католика о нуждах армянской церкви в С.- Петербурге после окончательного излечения.

Требование католика к Эчмиадзинскому Синоду диктовалось информацией прокурора Матинова о печальном состоянии армянского духовенства. Стущая краски в письме от 30 сентября

1843 г., им отмечено: "Создано духовенство из маркитантов дел и невежд не только неграмотных, но из людей, не знающих своего языка".⁷⁰ Подтверждением указано состояние дел в Эчмиадзинском монастыре. По данным Матинова, численность Эчмиадзинского братства сократилась за 12 лет и составила всего 36 человек. Открытым текстом указано на расхищение церковных доходов в Ереванской и Грузинской епархиях, что сказывалось на отношении народных масс к церкви. Прокурором был затронут вопрос возможного преемника Нерсеса Аштаракеци, в случае его кончины. Иерусалимский патриарх Закарий представлялся сведущим лишь в политике Турции, а архиепископ Карапет - корыстолюбивым иерархом. По мнению Матинова, на Эчмиадзинском престоле должен быть человек просвещенный, политик и прагматик: "Нам нужен теперь не откупщик, а человек образованный, честолюбивый и знакомый с духом русского правительства, столь много пекущийся о благе армянского народа".⁷¹ Таким кандидатом на сан католикоса был представлен архиепископ Серовбе, которого предлагалось откомандировать из Астрахани в Эчмиадзин для исполнения обязанностей председателя Эчмиадзинского Синода. Затем было сообщено о полезности использования архиепископа Карапета в составе Эчмиадзинского Синода.

Интрига Матинова вокруг личностей архиепископа Серовбе и Карапета привлекла внимание Х. Лазарева. В письме от 28 ноября 1843 г. он счел необходимым представить поведение монарха в ходе аудиенции Нерсесу Аштаракеци как к личности, имеющей доверие. Приведено выражение Николая I о 20 потеренных годах для улучшения деятельности армянской церкви, выражено сожаление о прошлом, сказано о наличии благодатной нивы деятельности.

Лазарев был солидарен с мнением прокурора о наличии "многих недостатков" в церковном управлении, о которых сообщили также вернувшиеся Желтоухов и Айрапетов. Обращено внимание на необходимость постепенных перемен, которые были связаны с выздоровлением католикоса. Матинову указана совместная деятельность с Аштаракеци в пользу армянской церкви: "С католикосом соображаем, какие благоразумные меры следует принять для предупреждения вкравшегося зла".⁷² Ожидалось принятие судьбоносных решений, в противном случае, предвиделся застой: "Но если патриарх не пожелает принять здесь решительных мер, тогда от промедления до лета, до прибытия и до обзора могут быть худые последствия".⁷³

Содержание письма свидетельствовало о безоговорочной под-

держке Лазаревыми деятельности католикоса Нерсеса. Однако последний фрагмент письма подтверждал наличие определенных разногласий между Хачатуром Лазаревым и католикосом, возможность ревизии состояния армянской церкви после возвращения в Эчмиадзин. Первый как политик стремился выжать максимум возможного из пребывания Нерсеса Аштаракеци в пользу армянской церкви, даже за счет определенных уступок высшей власти. Католикос же являлся главой древнейшей христианской церкви Востока, нес ответственность за её состояние и развитие, не желая отказываться от своих прав и привилегий. Лазаревым было прямо заявлено о "бесполезном и вредном" характере "Положения", хотя и признавалось, что оно включало важные статьи и каноны, обычаи и традиции армянской церкви. Это означало недовольство католикоса созданным механизмом контроля самодержавия над главным управлением Эчмиадзинского престола и статьями о наследовании имущества духовенством.⁷⁴

Лазарев не проявил негативизма к кандидатуре архиепископа Серовбе по использованию в качестве и. о. председателя Эчмиадзинского Синода, что означало сохранение его как возможной кандидатуры на сан католикоса в случае форсмажорной ситуации. Однако он корректно попрекнул прокурора в излишней любознательности к различным процессам. В частности, мнение Матинова о Карапете стало известным в правительственных кругах и вызвало нареkanie. Дан "добрый совет", как бывшему питомцу Лазаревского института, о необходимости отказа от "запальчивости" в прокурорской деятельности. Деликатно указано на наличие кадрового вопроса среди высших армянских иерархов: "Молодые еще не созрели. Так сказать, голод в достойных ваятелях и исполнителях духовных. Кто добр, тот прост и не делец, кто умен, опытен, тот ухищрен".⁷⁵ Сообщено о награждении Желтоухова орденом св. Анны 2 - й степени и 2 тыс. руб. сер., а Айрапетовачином коллежского асессора.⁷⁶

28 декабря 1843 г. Матинов ответил на письмо Лазарева. Свое мнение о восполнении состава Эчмиадзинского Синода было обосновано необходимостью подготовки смены старших членов - Иосифа, Луки, Барсега и Араратова, как вопроса, относящегося к его непосредственной компетенции. Интерес к состоянию здоровья католикоса Аштаракеци представлен следствием отсутствия предписаний с его стороны: "Молчание патриарха на мои бумаги, бездействие его, непредставление никаких указаний, самое плохое здоровье его, невнимание правительства - за двухгодичное безначалие - сказалось на положении монастыря".⁷⁷ К этому была

прибавлена ответственность за все происходящее. На это ему в ноябре указал член Совета Главного управления Закавказским краем ген. м. Жеребцов, который довольно долго пробыл в Эчмиадзине и проверял состояние дел. Выявилось самоуправство старших членов Синода: "Генерал этот изумился деянием и качествам поименованных четырех главных членов Синода, в особенности похищением доходов и в особенности разврату".⁷⁸

На обвинение Лазарева в гласности сведений об использовании возможностей архиепископа Карапета, ставших известными в Петербурге, Эчмиадзине и Тифлисе, указана сама невинность деятельности: "Все, что я пишу, делается по прямой обязанности, которая требует, чтобы я о всех протестах моих и злоупотреблениях писал не патриарху, а главному местному начальству и в то же время доводил до сведения монастыря, и если я о том же обращаюсь к Его Святейшеству, то из особенного моего положения и уважения".⁷⁹

Относительно мнения Лазарева о кадровом голоде в Эчмиадзине Матинов счел нужным обратить внимание на его относительность. Представлена личность епископа Шахатунова, пользующегося уважением среди Эчмиадзинского братства, отмечена возможность использования архиепископа Карапета в Эчмиадзинском Синоде. В пользу архиепископа Серовбе было указано "блестящее" положение армянского духовенства в Астраханской епархии, а его членство в Синоде указано залогом "успеха дел наших в Тифлисе". Наконец, допущен вызов архиепископа Иоаннеса Крымского из Испанага, как популярного и способного иерарха, для исполнения обязанностей председателя Эчмиадзинского Синода. Поднят вопрос удаления трех старших членов Эчмиадзинского Синода и "терпимости" к архиепископу Барсегу. Далее отмечалась желательность замены трех "неграмотных членов" Синода из архимандритов. От назначения архиепископа Серовбе либо архиепископа Крымского старшим членом в Эчмиадзинском Синоде и заполнения всего состава Синода опытными иерархами ожидалось изменение положения дел в Эчмиадзинском монастыре.⁸⁰

Позиция Матинова была обоюдоостра. С одной стороны, он выступал как стражник державного интереса, обязанный контролировать исполнение требований "Положения". С другой стороны, нагнетание негативизма вокруг деятельности Эчмиадзинского Синода и Эчмиадзинского братства, стремление предоставить влияние Серовбе и Карапету, приближенных к Паскевичу на Главное управление армянской церкви свидетельствовало о наличии на-

правления в правящих кругах принять заранее меры по ограничению власти католикоса Нерсеса Аштаракеци. Именно с этим, очевидно, и был связан визит в Эчмиадзин ген. м. Жеребцова. Сам Матинов стал участником нагнетения страстей во время отсутствия католикоса в Эчмиадзине.

Обвинение же католикоса в пренебрежении своими обязанностями было несостоятельным. Еще 10 ноября 1843 г. Нерсес Аштаракеци обратился к начальнику Кавказа Нейдгарту об оказании покровительства армянской церкви в случаях его представления, которые могли относиться к сфере просвещения, устройству духовенства, либо "расширению нравственного влияния" Эчмиадзинского престола на армян азиатских стран. В последнем случае представлялось заинтересованным русское правительство как по политическим, так и по экономическим соображениям.⁸¹

13 января 1844 г. Нейдгарт ответил Нерсесу Аштаракеци об оказании содействия во всех вопросах, относящихся к внутреннему устройству армянской церкви и обеспечению влияния Эчмиадзинского престола на заграничных армян.: "Я почту себя счастливым, ежели участие мое в сем важном деле будет полезно".⁸² Выражена уверенность в возвращении Эчмиадзину "прежнего блеска", который с недавнего времени был утрачен. Указано на необходимость скорейшего возврата в Эчмиадзин после выздоровления Владыки.

Следует отметить о доброжелательности высшей власти ко всем обращениям католикоса. 17 декабря Аштаракеци обратился к обер-прокурору св. Синода графу Протасову с просьбой прислать "Положение об управлении хозяйственной частью православных церквей и монастырей". До этого были запрошены "Уставы" духовных академий и семинарий.⁸³ Прошение отражало сферы занятий и интересов католикоса, стремившегося путем сопоставления духовного просвещения с православной церковью извлечь рациональное зерно для пользы армянской церкви. 31 декабря Протасов направил Аштаракеци запрошенные уставы духовных учебных заведений.⁸⁴

29 декабря 1843 г. министр внутренних дел поставил в известность Аштаракеци об удовлетворении царем его прошения о награждении орденами ряда духовных лиц: орденом св. Владимира 4-й степени предназначался членам Кишиневской армянской духовной консистории протоиереям Артемию Самвелову и Гукасу Авакову; орденом св. Анны 2-й степени - викарному Тавриды архимандриту Фадею Бек-Назарову; ордена той же степени без украшения удостоился член СПб армянского духовного правления ар-

химандрит Ефрем; третью степень св. Анны получили члены духовных правлений Московского - протоиерей Иоаким Меликов и С.-Петербургского протоиерей - Георгий Хирджиев. Награды удостоились священнослужители, составлявшие ближайшее окружение и управление Аштаракеци как главы Нахичевано-Бесарабской епархии.

В тот же день католикос сообщил Перовскому о представлении со стороны Карасубазарского армянского духовного правления прошения татарки Элип, жены мещанина г. Перекопа Али Адиева, с желанием принять армянское христианское вероучение. Прощение было удостоверено Перекопской городской полицией. Аштаракеци запрашивал санкцию Перовского на совершение крещения по обрядам армянской церкви. Санкция министра последовала 8 января 1844 г.⁸⁵

В ноябре - января имели место этикетные встречи католикоса с представителями августейшей фамилии, которые учитывали "слабость" его здоровья, и шли навстречу в выборе дня представления. Среди этих встреч наиболее важной была с наследным цесаревичем Александром, состоявшаяся 10 января 1844 г. в Петергофе.⁸⁶ Сирийский митрополит Яков в Иерусалиме, подчиненный в духовном управлении армянскому патриарху в Константинополе, 20 февраля 1844 г. послал представление Аштаракеци. В нем указывалось на домогательство католиков подчинить себе сирийские церкви и принадлежащие им святые мощи. Испрашивалась поддержка России на сохранение прав и преимуществ сирийской общины.

26 января 1844 г. состоялась встреча католикоса с немецким путешественником по Закавказью бароном А. Гакстаузеном, организованная Хачатуром Лазаревым. В ходе оживленной беседы немецкого путешественника заинтересовало отличие статуса Константинопольского и Иерусалимского патриархов от главы Эчмиадзинского престола. Аштаракеци было указано, что патриархов можно низвергнуть, а католикоса, после миропомазания, никогда. Оказалась затронутой проблема русской ориентации, которую Аштаракеци рассматривал средством по освобождению армянского народа от мусульманского господства Турции и Персии: "Уже 200 лет как мы обращали наши взоры к России и вздыхали, ожидая от нее спасения".

Было указано на отвержение переориентации со стороны англосаксонских стран: "До персидской войны, когда я был викарным и доверенным лицом католикоса Ефрема и находился в Баязете, английские миссионеры, бывшие в Индии, предложили мне при-

соединиться к ним; они хотели учредить армянские училища, которые были бы приняты под покровительство англичан и североамериканцев, и чрез весь армянский народ был под защитой этих держав. Но я не захотел этого, - боялся за мою церковь, и мог видеть спасение только в соединении с Россией".⁸⁷

Проблему просвещения католикос представил актуальной. В этом направлении им было создано Тифлисское армянское училище, планировалось организовать "большой пансион" в Эчмиадзине для армян всех стран и при нем организовать духовную академию. В связи с этим уделено внимание численности армянского народа: "Говорят, что армян считается до 15 миллионов душ; мне кажется это преувеличением, но существование более 8 миллионов могу я утверждать достоверно".⁸⁸ Численность армян в Кавказских провинциях России определялась в 18 тыс. чел. На память подарен портрет с дарственной надписью.⁸⁹

27 января 1844 г. католикос направил Гакстаузену письмо с признательностью за предоставленные сведения о положении закавказских провинций и армянского населения. Обращено внимание на противоречивость сведений европейских путешественников, которые своими публикациями представляли себя знатоками Южной окраины России, и необходимость их уточнения. В то же время признана точность излагаемых Гакстаузенем сведений о закавказских жителях.⁹⁰

20 февраля 1844 г. католикос направил "достойному христианскому писателю" Андрею Муравьеву памятный знак, а именно, образ св. Нерсеса. Обращение Аштаракецци действительно имело целевую и смысловую направленность. В 1835 г. вышла книга Андрея Муравьева "Путешествие ко св. местам" в двух частях. Как богомолец, Муравьев описал святые места в Иерусалиме, представив ведущую роль армянского духовенства у Гроба Богоматери.⁹¹ В 1844 г. появилась работа "История святого града Иерусалима" из двух частей. Отмечалось значение армянского духовенства для восточного православия: "Армяне не оставались спокойными зрителями торжества православия".⁹² Весомость Иерусалимского патриархата отмечалась участием в священнослужении в пещерах Герсимонской и Вифлемской, контроллинровании северного крыла Вифлемского храма.⁹³

-
1. АКАК, т. 9, N 600, с. 715.
 2. РГИА, ф. 821, оп. 7, д. 31, л. 133.
 3. Там же, ф. 1268, оп. 1, д. 226, л. 49.
 4. Там же, л. 48 - 49 об.
 5. Там же, л. 51.

6. Там же, л. 51 об.
7. Матенадаран, Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 14, л.28.
8. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 48, л. 40 об, 41.
9. Там же, л. 42.
10. Там же, д. 46, л. 30.
11. Там же, л. 30, 30 об.
12. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 109, ед. хр. 466, л. 1, 1 об.
13. Там же, Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 15, л. 29.
14. РГИА, ф. 821, оп. 7, д. 31, л. 133.
15. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 81, л. 12.
16. Матенадаран, Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 16, л. 30.
17. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 255, 256.
18. Там же, с. 256.
19. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 81, л. 13.
20. Там же, ф. 400, оп. 1, д. 46, л. 37.
21. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 256.
22. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 46, л. 53.
23. Там же, л. 52 - 55 об.
24. Там же, ф. 400, оп. 1, д. 46, л. 52.
25. Там же, л. 52, 52 об.
26. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 256.
27. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 47, л. 58.
28. Там же, д. 46, л. 38.
29. АКАК, т. 9, N 603, с. 715.
30. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГИАМ), ф. 2050.
оп. 1, д. 7, л. 25.
31. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 47, л. 58.
32. Там же, д. 46, л. 68.
33. ЦГИАМ, ф. 2050, оп. 1, д.7, л.6, 11, 25.
34. НАА, оп. 1, д. 46, л. 65, 66.
35. Там же, д. 47, л. 60.
36. Там же, л. 60 об.
37. Там же, л. 58 об.
38. Там же, л. 59.
39. Там же, л. 58 - 60 об.
40. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 46, л. 68.
41. Журнал лечения верховного армянского патриарха-католикоса Нер - сеса У посредством магнетизма. Октября 6 - го числа 1843 г., в Петербурге. - Кавказский Вестник. 1901, N 5. Смесь, с. 97.
42. Там же, с. 95 - 98.
43. Там же, с. 102.
44. Там же, с. 99.
45. Внутренние известия. - Айренасер. 1843, 24 сентября.- На арм. яз.
46. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п.137, ед. хр. 31, л. 90.
47. Тунян В. Г. Церковная политика., с. 8, 9.
48. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 36, ед. хр. 142, 1- 2 об.
49. Там же, п. 49, ед. хр. 384, л. 1-2 об.

50. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 46, л. 70, 71.
51. ЦГИАМ, ф. 2050, оп. 1, д. 7, 25.
52. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 69. л. 94, 95.
53. Там же, п. 112, ед. хр. 57, л. 1.
54. Там же, д. 33, ед. хр. 154, л. 1, 1 об.
55. Там же, л. 2 об.
56. Там же, л. 3.
57. Там же, л. 3 об.
58. Там же, л. 3 об.
59. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 81, л. 11.
60. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 35, л. 54, 57.
61. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 344.
62. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 40, л. 62.
63. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 546, л. 2.
64. Там же, ф. 400, оп. 1, д. 47, л. 88 об.
65. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 109, ед. хр. 462, л. 1.
66. НАА, ф. 400, д. 46, л. 133 об.
67. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 110, ед. хр. 167, л. 2.
68. Там же, л. 1 - 2 об.
69. НАА, ф. 400, д. 46, л. 134.
70. Там же, л. 64.
71. Там же, л. 66.
72. Там же, л. 89.
73. Там же, л. 89, 89 об.
74. Тунян В. Г. "Положение"..., с. 76.
75. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 46, л. 89.
76. Там же, л. 89 об.
77. Там же, л. 91 об.
78. Там же, л. 92.
79. Там же, л. 92 об.
80. Там же, л. 93 об.
81. Документы и материалы..., N 42, с. 181, 182.
82. Там же, N 44, с. 184.
83. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 81, л. 22.
84. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 104, ед. хр. 12. л. 1, 1 об.
85. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 81, л. 15, 17.
86. Там же, л. 33 - 35, 37
87. Гакстаузен А. Закавказский край. Спб., 1857, ч. 2, с. 11.
88. Там же, с. 12.
89. Там же, с. 13.
90. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 110, ед. хр. 160, л. 1-1 об.
91. Муравьев А. Н. Путешествие ко св. местам. Спб., 1835, ч. 1, с. 132, 242, 243.
92. Муравьев А. Н. История святого Иерусалима. Спб., 1844, ч. I - II, с. 375.
93. Там же, с. 376.

3. Подготовка всеподданнейшего прошения

Постепенно пребывание Аштаракеци стало трансформироваться в прикладную сторону. 23(17) февраля 1844 г. Перовскому было подано прошение об освобождении армянского общества Кизляра от податных недоимок на сумму в 5605 руб. и повинностей в 4390 руб. 50 коп. Запрашивалось воздержание Кизлярского местного начальства от предъявленных требований, которые служили лишь поводом к "разорению" местного армянского общества. Подобные просьбы имелись и от депутатов других армянских обществ.¹ Постепенно приходили к мнению необходимости избегания фрагментарности отдельных представлений и подачи высочайшего прошения.

В распоряжении католикоса имелись различные варианты прошения. В феврале 1844 г. проект прошения к царю представил Шахвердов из г. Нахичевана, сын бывшего городского головным выпускник Лазаревского института, сотрудничавший с Хачатуром Лазаревым. В нем предлагалось добиться подтверждения льгот по высочайшим грамотам конца XVIII - начала XIX вв. Намечалось сохранение Армянского суда в Астрахани, основанного высочайшей грамотой 13 января 1765 г. и носившего название Азиатский суд. Постановлением комитета министров от 2 июня 1839 г. из 3000 астраханских армян привилегии были сохранены лишь за армянами, значившимися по переписи 1795 г., т. е. 139 душ. Просилось изменение ситуации, сохранение армянского общества Астрахани в составе "привилегированных армян" и изъятие их из податного сословия.² К этому времени кончились гильдийские пятилетние послабления для армянского купечества, что вызвало их недовольство.³

Проект Манук-бея, шурина Хачатура Лазарева, предусматривал испрошение у царя по 200 тыс. руб. беспроцентной ссуды для каждой из армянских епархий в Российской державе для деятельности семинарий и 600 тыс. руб. Эчмиадзинскому монастырю на основание духовной академии. Ссуду намечалось погасить в течение 20 лет. При этом каждая из епархий обязывалась истратить на учреждение семинарии 50 тыс. из 200 тыс. руб. Оставшиеся 150 тыс. предполагалось разделить на 15 частей по 10 тыс. руб. и раздать 15 армянским купцам в рост на пять лет под залог с получением ежегодного дохода в 6%. Со 150 тыс. руб. намечалось для каждой епархии ежегодно получать 9 тыс. руб., используемых на содержание семинарии. Точно так же предусматривалось поступить с деньгами, предназначенными на создание и поддержание

Эчмиадзинской академии. Это позволило бы как создать капитал существования семинарий и академии, так и выплатить ссуду. В то же время это позволило бы обеспечить экономическую деятельность 540 армянских предпринимателей.

Предусматривалось печатание книг на русском языке об армянском вероисповедании и достижение запрета на книги с критикой ее вероучения. Важной мерой являлось предложение освобождению армянских церквей и недвижимого имущества от платежа пошлин и сборов. Для лучшего управления церквями и их имуществами намечалось учреждение епархиальных комитетов из четырех членов - президента, епархиального и двух светских граждан. Отчетность о деятельности должна была ежегодно поступать к католикосу и в Эчмиадзинский Синод. Аналогичный комитет предполагался в Эчмиадзине для управления имениями монастыря. Католикос и епархиальные обязывались поощрять зажиточных армян в деле организации школ. К зафиксированному "Положением" праву обращения с пастырским увещанием к заграничным армянам предлагалось добавить новое, а именно, льготу непосредственного обращения к армянскому народу без какой-либо санкции кого-либо. Сочтено необходимым облегчить иностранным армянам, особенно армян Турции, процедуру вступления в российское подданство как средство привлечения зажиточных армян в Россию. После обозрения армянской церкви намечена подача второго прошения к монарху для изложения возникших проблем.

В поле зрения католикоса должна была находиться проблема учреждения 100 школ в странах населенных армянами, путем сбора еженедельных пожертвований в кружках каждой церкви от 2 коп. до руб. серебра в течение десяти лет. Общая численность армян исчислялась в 6 млн. армян, ежегодный сбор приношений, за вычетом престарелых и бедных армян, должен был составить 2 млн. руб. В течение 20 лет возникла бы сумма в 20 млн., достаточная на основание не только 100 школ, но и семинарий. Это требовало наделения нвираков контрольными и отчетными функциями над собираемыми суммами, из которых производилась бы трата лишь на их переезды. Собранная сумма по правилам католикоса Нерсеса V и Эчмиадзинского Синода должна была иметь целевое назначение, чтобы будущие католикосы не имели права распоряжаться ею по своему усмотрению. На католикоса возлагалась и задача пропаганды жемчужин армянской культуры путем печатания в Эчмиадзинской типографии 500 работ, хранящихся в форме рукописей в Эчмиадзинской библиотеке. Намечалось восполнение

армянских рукописей путем розыска в различных странах, чтобы содержащиеся в них знания стали достоянием всех народов.⁴

Практически Манук-бей предложил создать национальную систему образования под руководством католикоса в Российской империи: школы-семинарии- академия. Слабой стороной проекта являлась вера в филантропизм самодержавия. Она компенсировалась верой в предприимчивость армянских предпринимателей. Так, в 1842 г. житель г. Нахичевана-на Дону Артемий Халибов, являвшийся купцом первой гильдии, намереваясь открыть образовательное училище, пожертвовал 50 тыс. руб. сер., что затем было реализовано.⁵ В 1843 г. архиепископ Иоаннес Крымский основал в Джульфе духовную семинарию, типографию и библиотеку. Финансовую поддержку оказали местные армяне и армяне Ост-Индии.⁶ Негоциант А. Абгарян из Калькутты содействовал в начале сороковых годов организации училища в Новой Джульфе. Затем появилось училище Мурадяна в Париже, активизировалось училище Агабабова в Астрахани и проч.⁷ Так или иначе, Нерсес Аштаракец серьезно воспринял проект Манук - бея и стал затем проводить его в жизнь. Армянские католикосы в начале 60-70 - х гг. XIX годах создали национальную систему образования в Российской империи.⁸

Лазаревыми был составлен проект обращения к Николаю I в связи с патриаршими грамотами. По случаю направления грамот Константинопольскому армянскому патриарху и турецкоармянским иерархам ставилась задача объяснить причины упадка влияния Эчмиадзина на армян Турции и Персии и возможности их преодоления. Главными причинами указаны прозелитизм миссионеров Англии и Франции, покровительственная деятельность западных консулов, просвещение, отсутствие училищ для бедных и воздействие католической конгрегации мхитаристов. Негативным центром воздействия указан также учрежденный в Константинополе армянский католический католикосат. В этой борьбе потери стала нести армянская церковь.

Ставился риторический вопрос - "Что делать?": "Но как остановить этот поток, гибельный для церкви армянской и вредный для политического влияния России на Востоке?".⁹ Для сохранения воздействия Эчмиадзинского престола и противостояния "морального усиления" западных стран на армян требовалось принять под российское влияние как все кафедры армянской церкви в Османской Турции и Персии, так и их паству. С этой целью предлагалось задействовать возможности русских посольств и консульств, что резко ограничило бы воздействие западной диплома-

тии. Предлагалось разрешить Эчмиадзинскому Синоду иметь прямые контакты с заграничными епархиями и армянским духовенством, непосредственно направлять патриаршие грамоты зарубежным адресатам, посылать духовных миссионеров в Турцию и Персию. Монарху предлагалось стать "державным главой" всей армянской церкви, чтобы превратить Эчмиадзин в "верховно-духовное правительственное место" для зарубежных армян.

Представлялся синтез власти самодержавия с духовным влиянием Эчмиадзина: "Таким образом, наш Августейший Государь Император были бы в одно время духовным главою двух древних восточных церквей - греческой и армянской, и Властелином будущих судеб Востока; а Эчмиадзинский Синод состоял по-прежнему в ведении министерства внутренних дел, возвратил бы утраченное влияние свое над церквями Армении и имел бы всегда возможность, под мощным покровом Великого Главы своего, противостоящий завоеваниям заграничной церкви, остановить расширение нравственного влияния западных держав на народы Востока.¹⁰ Прощение представлялось знаком "бесконечного доверия" католикоса Нерсеса Ашгаракеци к российскому самодержавию.¹¹

По сути, признание Николая I духовным и, естественно, светским главой армянской церкви резко бы укрепило положение обеих сторон на Ближнем Востоке. Весь вопрос упирался в возможность создания подобного статуса привилегированного положения Эчмиадзинского престола. Реализация, очевидно, могла бы обусловить появление политических осложнений для самодержавия на Ближнем Востоке из-за прямой конфронтации со странами Запада. Более естественным следствием прощения явилось бы создание союза либо слияние русской и армянской церквей. От этого армянская церковь, как более слабая в организационном плане, понесла бы невосполнимые потери. Во всяком случае, создание такого альянса прорабатывалось.

Армянская церковь причисляла себя к православному христианскому вероучению, но считала себя апостольской, основанной апостолами Фадеем (Тадевосом) и Бардогимеосом в I в. Она отличалась монофизитским восприятием христианской триады - Бог отец, Бог сын и святой дух, имела народный характер и являлась носителем армянской государственности на протяжении более тысячелетия. В силу этого униячество двух церквей означало бы потерю этнической и исторической самобытности, утверждение неравенства отношений.

Эта проблема в косвенной форме затрагивалась директором Скрипциным, членом св. Синода архиепископом Литвы Симашко,

поборником православия д. т. с. Андреем Муравьевым и другими. Их интересовало толкование армянской церковью постановлений Халкедонского собора 451 г. о христианской триаде, где армянское духовенство отсутствовало из-за национально-освободительной борьбы под руководством Вардана Мамиконяна против религиозного притеснения языческой Персии, что вызвало раскол между греческой и восточными церквями. Вероучение армянской церкви представлялось следствием раскола в христианском мире.¹² Нерсес Аштаракец, что со стороны армянской церкви нет раскола. До Халкедонского собора как греческая, так и армянская церкви были православными. Однако затем греческая церковь, исходя из имперских интересов Византии, пошла на эту меру и отложилась от древних церквей Востока. Формальное объединение, из-за специфики положения армянского народа, могло стать реальной угрозой. Аштаракец находил: "Если бы я и успел бы присоединить армян, находящихся под властью России, то, наверное, не согласились бы на это армяне, находящиеся в других странах".¹³ Более того, предлагаемая идея признавалась негативной и для местных армян: "Но и русских армян присоединить невозможно, и между ними наверное произошел бы раскол". Подчеркнуто было также личное отрицательное мнение: "Я, католикос, менять свою неповрежденную святую веру ни в коем случае не намерен".¹⁴ В силу изложенного католикос находил существоющее разделение между армянской и греко-русской церковью неизбежным.¹⁵

Подача проекта всеподданнейшего прошения Лазаревыми в связи с патриаршими грамотами была отклонена из-за опасности официального обсуждения единения обеих церквей в правительственных ведомствах, что могло иметь различные последствия.

В середине апреля 1844 г. состоялся разговор между Хачатуром Лазаревым и министром двора князем Волконским относительно возможной унии русско-православной и армяно-апостольской церквей. Последним было сказано: "Христофор Якимович, армянское духовенство имеет во главе себя достойного главу. Если он согласится принять решение Халкедонского собора, то я первым назову его подлым, потом вас". Затем назидательно было продолжено: "Господин Лазарев, вы видите, что мы бывшего униатора, а сейчас епископа Литвы Иосифа не называем по имени, а говорим Симашко. Между тем, как вы знаете, по имени у нас называют лишь именитых священнослужителей, а монашествующим принято давать имя с их должностью вместе, к примеру Антоний, архиепископ Петербурга и Новгорода".¹⁶

Весной 1844 г. были разработаны два варианта прошения католикоса царю. Первый проект касался нужд армянского народа в России. В нем сжато излагалось состояние русско-армянских отношений со времени Петра I, содержание прав и привилегий армянских общин, затрагивался их вклад в развитие производительных сил империи. Указывалось на внезапность отмены преимуществ, отмечался упадок экономической жизни армянских общин в Астрахани, Моздоке, Кизляре и св. Креста. Зигзаобразность внутренней политики самодержавия объяснялась стремлением фиска к увеличению поступлений в казну. Упразднение льгот признавалось "рановременной мерой" для закрепления южных рубежей. Намечалось восстановить "прилив переселенцев" из Турции и Персии, укрепить границы державы христианским элементом, разводить в Закавказье технические культуры. Путем основания армянских колоний на восточном берегу Каспия предвиделась возможность оживить русскую торговлю со Средней Азией и Северной Индией.¹⁷

Второй проект прошения "С предположениями об устройстве для церкви Армянской" преимущественно затрагивал проблему улучшения управления армянской церковью. В соответствии с поручением царя от 28 ноября 1843 г. католикос представлял свои соображения по улучшению церковного управления, образованию духовенства и облегчению российского подданства для заграничных армян: "Августейший Монарх, всякое благодеяние, оказанное армянскому народу в России, разнесется молвою по свету и усилит еще более любовь и преданность в иностранных армянах, какие они питают к Вашему Императорскому Величеству и Августейшему семейству Вашему; и сия любовь, и сия преданность могут, со временем, облегчить великие предприятия России на Востоке".¹⁸

Намечалось освобождение имущества церкви от платежа податей и разных сборов, положительное участие властей к просьбам епархиальных глав, организация управления собственности хозяйственными комитетами, выделение царской ссуды на 20 лет для содержания духовных семинарий в шести епархиях России по 30 тыс. руб. каждой и 180 тыс. руб. сер. на основании духовной академии в Эчмиадзине, передача части указанных сумм в рост армянским купцам для получения процентов, основание школ и наличие прямых контактов католикоса с зарубежной паствой, содействие правительства России патриархам Константинополя и Иерусалима против "притеснения местных властей" и католицизма.¹⁹

На обоих проектах прошения значится помета "отменено". Проблемой привилегий армянских обществ России занимались правительственные ведомства. Отказ от второго проекта Нерсеса Аштаракеци диктовался опасением, что правительство России откажет ему в выделении ссуды в 200 руб. руб. сер. и тем самым нанесет ущерб его достоинству. Опасение, как оказалось затем, было небезосновательным.²⁰

Вновь возник личностный фактор Аштаракеци. 10 апреля 1844 г. Аштаракеци направил обращение министру Перовскому с просьбой организовать его представление царю: "Желая иметь еще по преклонности лет моих, может быть в последний раз, счастья удостоиться лицезрения Августейшего монарха и повергнуть лично к стопам е.и.в. чувства моей верноподданной преданности и живейшего благодарения за все блага, излившиеся Его державною рукою на духовенство и народ армянский, я заблаговременно обращаюсь с покорнейшей просьбою о истребовании мне разрешения предстать перед е. и. в., ибо начинает приближаться удобное время к отъезду моему за Кавказ".²¹

Новая аудиенция позволила бы представить прошение царю о нуждах армянской церкви. 11 апреля 1844 г. Нерсес Аштаракеци обратился к Бенкендорфу оказать содействие Иерусалимскому патриарху Закарию, который жаловался на "притеснения" русского консула Базили в управлении духовными местами, подчиненными армянской церкви, как Гроб Господня, столик Божьей Матери и проч.²² В тот же день аналогичное послание было направлено министру внутренних дел.²³

14 апреля 1844 г. Аштаракеци написано А. И. Пашкову прощальное письмо с благодарностью за осуществленное лечение: "В то время, когда искуснейшие врачи Северной столицы произнесли надо мной последний приговор и когда угасал даже слабый луч надежды на возврат мой к жизни; за беспримерные посещения меня в продолжение трех месяцев, за неоднократные посещения меня каждый день, и, наконец, за совершенное излечение меня посредством магнетизма от тяжестей и, по словам медиков, неизлечимой болезни".²⁴

Министр Перовский всеподданнейшим докладом представил желание католикоса проститься перед отъездом в Закавказский край. На доклад последовала многозначительная резолюция: "Дам знать". Николай I не отказал в приеме, но и не обнадежил, а лишь выдержал официальный этикет. Об этом Перовский уведомил Нерсеса Аштаракеци 15 апреля 1844 г.²⁵ Прохладность ответа царя шла от наместника Польши Паскевича, который нахо-

дился в столице и воздействовал на царя. При получении известия о кончине католикоса Карбеци фельдмаршал Паскевич находился в С.-Петербурге. Он заявил о нежелательности избрания Аштаракеци главой армянской церкви и необходимости осуществления выбора из двух "заслуженных" архиереев Карапета и Луки. Возвращение Паскевича в Варшаву постепенно, через посредничество Лазаревых-Бенкендорфа и Перовского, позволило обеспечить утверждение Аштаракеци.²⁶

В этих условиях, очевидно, вместе с Лазаревыми было принято решение осуществить встречу давних противников, которая могла бы смягчить их отношения. 24 апреля 1844 г. католикос направил уведомление Паскевичу о желании "засвидетельствовать свое почтение" по случаю предстоящего отъезда в Грузию. Перечислялись все титулы "отца - командира": князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский, фельдмаршал и наместник царства Польского.²⁷ Встреча состоялась. После обычных приветствий начался разговор о прошлом. Причем "отец-командир" заявил: "Вы меня не знаете". Католикос понял угрозу контекста сказанного и ответил сознательно в простодушном тоне: "Как не знаю, когда даже наш враг-командующий персидской армией Аббас-Мирза знал, что вы главнокомандующий нашей армией". Паскевич был вынужден пояснить свою мысль: "Это так, но вы других уважаете более, а меня нет". Перебивая ответ Нерсеса Аштаракеци, Паскевич заключил: "Оставим, однако, прошлое". Лишь тогда прозвучал христианский ответ Аштаракеци: "18 лет, как я оставил!".²⁸ Затем разговор переключился на другие темы.

После встречи Паскевич пожаловался военному министру Чернышеву на то, что правительство, считая его врагом Нерсесом Аштаракеци, не захотело узнать его мнение, когда состоялись выборы. Этот разговор Чернышев передал, как знак доверенности, Хачатуру Лазареву и католикосу.²⁹ Более откровенен Паскевич был с царем, который вскоре стал предсказывать неудачное патриаршество и отсутствие возможной поступательности в развитии армянской церкви. Был сделан новый зондаж возможных пределов уступчивости католикоса. Директор департамента иностранных исповеданий Скрипцын предложил Аштаракеци от имени царя "соединение церкви армянской с православной", на что последовал отказ в "энергичных выражениях".³⁰ Царь Николай I сразу вспомнил про преклонный возраст католикоса: "Едва ли в чем успеет".³¹ В конечном счете министр внутренних дел сообщил Нерсесу Аштаракеци 5 мая о приеме его на следующий день лишь наследным цесаревичем.³² Аудиенция состоялась, но в тот же день

брат царя Михаил Павлович оповестил католикоса о "занятости" для личной встречи.³³

Несмотря на удаленность из Эчмиадзина, католикос стремился быть в курсе происходивших там событий. 26 марта 1844 г. министр внутренних дел Перовский обратился к главному начальнику Кавказа Нейдгарту с указанием о секретном представлении Нерсеса Аштаракеци по поводу "беспорядков" в Эчмиадзинском Синоде.³⁴ Затребованный краткий отчет о деятельности Синода был представлен архиепископом Барсегом 11 марта с неудовлетворительными объяснениями. Собираемые суммы в Османской Турции и пожертвования в пользу Эчмиадзинского монастыря не поступали адресату. Лишь в 1839 г., при посредничестве русского правительства и Константинопольского патриарха Акоба, в Эчмиадзин было направлено 66974 левов (7654 руб. сер.)³⁵ Католикосом было указано Перовскому, что Эчмиадзинский Синод, на основе информации приезжающих из Грузии, "свое влияние использует во зло". Нарушителями своих прерогатив были указаны два члена Синода - епископы Иосиф Тер-Мурадян и Стефан Араратов, известные Нерсесу Аштаракеци с отрицательной стороны. Во избежания негативных последствий католикос предлагал их удалить из Эчмиадзина в г. Моздок по причине необходимости организации торжественной встречи католикоса.³⁶

Обращение католикоса явилось отражением конфликта между Эчмиадзинским Синодом и прокурором Матиновым. 17 ноября члены Синода направили главе Кавказа Нейдгарту жалобу на прокурора: "Теперешний исправляющий должность прокурора кол. асс. Матинов, ничем не уступая предместнику своему, ни поведением, ни действиями, очень превышает его в прочих частях неправильного поведения. Он делает больше, чем позволяет должность его, вмешивается в дела, не относящиеся до должности его, разбирает жалобы крестьян, наказывает жителей Вагаршапата и даже служителей монастыря перед всеми братьями".³⁷

Неэтичным признавалось поведение прокурора и относительно представителей самого Эчмиадзинского братства, так как он поднял руку ыбранным выражениям - "безмозглые животные", "разбойники", "воры". Нравственное третирование Матинова происходило и в присутствия зарубежных богомольцев: "Эчмиадзинский престол хочет силою Русского правительства привлечь с себя заграничных армян, скажите, может ли благоразумный народ иметь какое-либо уважение к сей пещере разбойников, где царству есть зло и беспорядок". Перехлест в поведении государственного служащего был представлен сознательным: "Подобные

действия Матинова дают нам мысль, что он не по одному только свойственному ему беспокойному характеру, но даже с намерением старается унижить в глазах всех патриархий всех армян престол, 15 веков славившийся у всех народов".³⁸ Запрашивался новый "благонадежный" прокурор. Жалобу подписали члены Синода: архиепископы Барсег, Иосиф, Гукас, Стефан и архимандриты Саак, Пилиппос, Аветик.³⁹

Жалоба была готова еще 3 ноября.⁴⁰ В промежутке до 17 ноября произошло событие, переполнившее терпение членов Эчмиадзинского Синода. Матинов убедил членов Синода построить отдельное место в Эчмиадзинском храме для серебряного сосуда с мерона. После этого за свой счет он стал возводить мраморный постамент, что вызвало возражение архиепископа Иосифа Тер-Мурадяна. Под угрозами архиепископа рабочие прекратили работы. Матинов вновь был вынужден обратиться в Синод за разрешением продолжать строительство, но архиепископы Иосиф Тер-Мурадян и Стефан Араратов выступили против. 4 января 1844 г. члены Синода приняли "самопроизвольное" решение о повышении жалованья и закрыли глаза на нарушения в финансовом отчете архиепископа Карапета как главы Грузино-Имеретинской епархии. Матинов затребовал от начальника Кавказа Нейдгарта наказания архиепископов как зачинщиков беспорядков. Распри были урегулированы. Глава Кавказа сместил Матинова с должности, а архиепископам Иосифу Тер-Мурадян и Стефан Араратову была уготована высылка в Калугу.⁴¹

Оценку происшедшего в Эчмиадзине Ашгаракеци изложил министру Перовскому 14 марта 1844 г. Распри Матинова с членами Синода были признаны проявлением амбициозности ряда духовников: "Показывает, что между членами Синода находятся такие, которые руководят другими, употребляют свое влияние во зло Синоду и всему церковному управлению".⁴² Виновниками конфликтной ситуации в Эчмиадзинском монастыре, на основе поступавшей информации из разных источников, сочтены члены Эчмиадзинского Синода архиепископы Иосиф и Степан Араратский. Католикос конфиденциальным порядком запросил, чтобы архиепископы были высланы не в Калугу, а Моздок, для подготовки торжественной встречи. За ними намечалось сохранение звания членов Эчмиадзинского Синода. Мнение представлялось средством для избежания внутренних раздоров. Прошение католикоса было удовлетворено.⁴³

Имели место хлопоты, связанные с отъездом в Эчмиадзин. 1 мая 1844 г. Перовский представил Нерсесу Ашгаракеци грамоты,

извещающие заграничных армян о его восшествии на Эчмиадзинский престол.⁴⁴ Грамоты были адресованы: Константинопольскому патриарху Аствацатуру, патриархату и армянскому обществу; архиепископу Карапету в Константинополе, Иерусалимскому патриарху Закарию и обществу; Адрианопольскому архиепископу Месропу и местным армянам, архиепископу Смирнскому Погосу и обществу; архиепископу Матевосу в Бурсе и его пастве; архиепископу Степану в Никомедии с приходом; архиепископу Акобу в Марсеване с прихожанами и армянской общине в Лигаве. Всего было подготовлено девять конвертов с известительными грамотами, но допускались и новые обращения к духовным предводителям и армянским общинам разных стран.⁴⁵

Интерес представляет содержание грамоты, отправленной 21 апреля Константинопольскому патриарху, как образец менталитета Аштаракеци. В ней затрагивались перипетии национально-церковной истории: "Обо всем приключившемся с нами мы кратко уведомили Ваше Высокопреосвященство в особом послании, и как мы в оном не упоминали о бедствиях, перетерпеваемых, со дня кончины католикоса Луки в 1798 году, патриаршим престолом от разных иноплеменников и даже от иноверцев наших, ни о бессловии, до которого он доведен был ими, то ныне почитаем необходимым высказать Вашему Высокостепенству, чем проникнуто сердце наше".⁴⁶ Лейтмотивом послания являлась необходимость единства: "Содействовать нам к уничтожению раздоров, пока продолжающихся между нами и приведших церковь нашу в разрозненное положение и нуждающейся об улучшении".⁴⁷ Армянская церковь как хранительница единства нации сама должна была быть единой: "Вспомните приговор Христа, "что дом разделившийся в себе, не устоит".⁴⁸

Точно так же католикос Нерсес говорил о необходимости единства армянской церкви в грамоте к Константинопольским амирам, почетным духовным и светским лицам и всему армянскому обществу, находящемуся в составе Османской Турции. Иной подход приводил к распылению национальных сил и измене национальной церкви, примером чего указывались армяне-католики, которые имели своего патриарха в Турции.⁴⁹

В силу всего перечисленного католикос запросил 28 апреля 1844 г. министра внутренних дел получения санкции правительства Австро-Венгрии на рассылку миро армянам Вены, Сучавы и других мест.⁵⁰ 4 мая Нерсес поднял вопрос о рассылке подготовленных грамот за границу от собственного имени.⁵¹ 7 мая Аштаракеци прос рассылки грамот в различные города Османской Тур-

ции. В поступившем ответе было указано на отсутствие сношений канцелярии с Иерусалимом, Адрианополем и другими турецкими городами, а также на необходимость обращения к вице-канцлеру Нессельроде. 9 мая 1844 г. католикос поставил в известность директора департамента иностранных исповеданий Скрипцына о предстоящем отъезде на родину по маршруту: С.-Петербург - Москва - Киев - Кишинев - Нахичеван-на-Дону - Владикавказ - Тифлис-Эчмиадзин. На проезд получена санкция по использованию прогонных лошадей. Выдалось несколько свободных дней, и католикос посвятил их чтению книги "Путешествие по Армении американских миссионеров, совершенного в 1834 г." Работа была переведена с английского на русский язык и прислана министром Перовским.⁵²

11 мая 1844 г. католикос направил два представления Перовскому. Первое касалось прошения католикоса Иоаннеса к управляющему министерством внутренних дел А. Г. Строганову об издании книги "Исповедание христианской веры армянской церкви" на русском языке. Работа была впервые издана в 1798 г., и все экземпляры разошлись. Переиздание позволило бы познакомиться духовных и светских лиц России с армянским исповеданием. Уточненный текст нового издания должен был дать представление о православном характере армянской апостольской церкви и отвергнуть критические выпады против нее: "что догматы армянской восточной церкви, в сущности, согласны с принятыми церковью греческой, и тем, с одной стороны, показать, сколь несправедливы и оскорбительны были суждения и мнения некоторых писателей об армянской церкви, и, с другой - загрузить уста будущим писателям распространять разного рода нелепости о предмете им неизвестным".⁵³ К представлению имелась приписка, что в связи с отъездом католикоса из столицы проблемой издания книги должен был заняться дейс. ст. сов. Хачатур Лазарев.⁵⁴

Второе представление от 11 мая затрагивало проблему просвещения. Тифлисское армянское училище давало светское и духовное образование. Число его воспитанников достигло 377, затем училище стало приходить в упадок из-за безразличия католикоса Иоаннеса и Эчмиадзинского Синода. Между тем, "Положение" 1836 г. требовало наличия семинарий в каждой армянской епархии Российской империи и в Эчмиадзинском монастыре. На организацию семи семинарий предусматривалось истратить 200 тыс. руб. сер, а на ежегодное содержание намечалось 40 тыс. руб. сер. Помимо этого, надлежало содержать преподавательский состав до 56 человек, кроме ректоров и инспекторов. Однако про-

блема создания семинарий упиралась в отсутствие соответствующих финансовых ресурсов. Поэтому католикос намечал по возвращении в Эчмиадзин вначале открыть духовную семинарию из двух-трех классов, а затем после подбора кадров для преподавания богословских наук, греческого и латинского языков, задействовать высшие классы. Лишь после этого намечалось изыскать средства для организации второй семинарии в Эчмиадзине.

Католикоса был озабочен не проблемой финансов, а кадровым вопросом: "И если Бог помог мне открыть источники доходов для устранения и поддержания, на первый случай, двух закавказских семинарий, то я никак не придумаю теперь, где найти достойных учителей для преподавания всех наук, необходимых для полного образования будущих служителей церкви".⁵⁵ Указывалось, что правительство России, даже при наличии мощных средств, долго не могло обеспечить Тифлисскую гимназию высококвалифицированными преподавателями.

Выход в обеспечении преподавательского состава и образования священнослужителей усматривался в расширении воспитанников духовного отделения Лазаревского института. К 20-ти воспитанникам намечалось добавить еще 30 юношей духовного звания. После завершения обучения они должны были получить назначение для преподавания в закавказских духовных семинариях и в качестве священнослужителей - в Астраханской и Бессарабско-Нахичеванской епархиях.

Фамилия Лазаревых бесплатно обеспечивала обучение 35-40 армянских воспитанников. Принятия на содержание еще 30 юношей не имело возможности, поскольку не имелось поступлений из доходов С. - Петербургских церквей и двух армянских епархий в России. В силу чего от правительства России запрашивалось выделение соответствующего пособия на содержание 30 юношей духовного звания: "Вот одно средство, которое может обеспечить существование духовных армянских семинарий, развить их учебную деятельность и поставить их на желаемую высшим правительством степень совершенства и в то же время отвратить недостаток в достойных священно-и церковнослужителях, который ныне так ощутителен в двух епархиях - Астраханской и Бессарабско-Нахичеванской".⁵⁶

Представление было составлено таким образом, чтобы не получить отказа, поскольку, в первую очередь, решалась проблема кадров священнослужителей и преподавателей армянских епархий внутри России. Поэтому католикос не пошел на предоставление ходатайства о выделении самодержавием ссуды в 200 тыс. руб.

сер., рассчитывая, очевидно, на проявление инициативы со стороны правительства.

16 мая 1844 г. Перовский ответил на оба представления католикоса. Сообщено, что по поводу издания книги "Исповедание христианской веры армянской церкви" будет сделано распоряжение по получению экземпляра от Хачатура Лазарева.⁵⁷ Вопрос же увеличения воспитанников духовного отделения Лазаревского института представлялся вневедомственной проблемой, поскольку речь шла о частном учебном заведении. Отписка министра внутренних дел имела связь с единением армянской церкви с греко-православной и позицией самодержца Николая I под воздействием Паскевича.⁵⁸

24 мая 1844 г. католикос подготовил отношение к министру внутренних дел по проблеме католичества. Номинальной причиной явилось сообщение Тифлисского головы об убийстве иезуитами сына армянского дворянина Кайхасрова Григория. Глава армянской церкви запросил архиепископа Карапета досконально разобраться в происшедшем. Нерсес Аштаракеци представил Перовскому пожелание монарха бороться против прозелитизма не только для заграничных армян, но и против внутренних. Католики-армяне жили в Тифлисе, Крыму, Ахалцихе и других местах. От Перовского запрашивалась просьба представить царю средство по решению этой проблемы: "Чтобы все священники из армяно-католиков были перемещены в Польшу, а польские в города Российской империи, где живут армяне, дабы таким образом ограждены были сыны армянской церкви от католицизма".⁵⁹ Возможным местом поселения представлялся г. Григориополь. Здесь и в Закавказье армянское духовенство должно было осуществить возврат католических священнослужителей в лоно веры предков.⁶⁰ 26 мая 1844 г. католикос был оповещен министром внутренних дел о выделении на проезд до Эчмиадзина дорожных 1325 руб. и подъемной суммы от монарха в 2 тыс. руб. сер.⁶¹ По случаю своего отъезда 30 мая Аштаракеци выразил признательность Перовскому за оказанное гостеприимство..⁶²

Как опытный церковный сановник Нерсес Аштаракеци ощущал необходимость материальной опоры до полного вступления в управление Эчмиадзинским престолом. Учитывалось отсутствие прохладности со стороны Эчмиадзинского Синода, состоящего преимущественно из малоизвестных ему деятелей. В силу изложенного им было принято решение оставить за собой временно управление Нахичевано-Бессарабской епархией. Соответствующая аргументация была направлена министру внутренних дел 30

мая 1844 г.: "Не в состоянии будучи судить по одним слухам о нравственных качествах членов Эчмиадзинского Синода и прочих духовных лиц, там находящихся, и не будучи знаком с образом их жизни, ни с нравами их, и не зная из них лично многих, кроме архиепископов Иосифа и Степана, считаю теперь невозможным назначить себе преемника в епархию Нахичевано-Бессарабскую и полагаю, кроме этого, и согласным с "Положением", Высочайше утвержденным об управлении армянской церкви, коим одна из епархий армянских, находящихся в России, предоставлена в непосредственное управление самого патриарха, оставить по-прежнему в моем управлении Нахичевано-Бессарабскую епархию до приезда моего в Эчмиадзин и до избрания мною преемника".⁶³ В случае согласия обещалось по прибытии в Кишинев поручить все дела управлению местной консистории, а затем подыскать способного епархиального в Эчмиадзине. Просьба была удовлетворена.⁶⁴

-
1. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 40, л. 59.
 2. Там же, п. 111, д. 36, ед. хр. 131, л. 1 - 3 об.
 3. НАА, ф. 385, оп. 1, д. 18, л. 16.
 4. Тунян В. Г. Церковная... Приложение, N 4. с. 119 - 126
 5. НАА, ф. 416, оп. 1, д. 60.
 6. АВПР, ф. Гл. архив, 1-1, д. 84, 1844, л. 16
 7. Внутренние известия. - Кавказ, 1862, 18 марта.
 8. Тунян В. Г. Эчмиадзинский вопрос в политике России. Ер., 2002, с. 24 - 64.
 9. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 148, л. 293 об.
 10. Там же, л. 295 об, 296.
 11. Там же, л. 289 - 296.
 12. Там же, л. 344, 345.
 13. ИНА НА, ф. 58, оп. 1, д. 208. л. 15.
 14. Там же, л. 15 об.
 15. Там же, л. 16.
 16. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 350.
 17. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 163, л. 338 об.
 18. Там же, ед. хр. 164, л. 347.
 19. Там же, л. 347 - 364.
 20. В. Г. Тунян. "Положение"..., с. 77.
 21. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 110, ед. хр. 121, л. 1.
 22. Там же, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 145, л. 1.
 23. Там же, ф. Архив католикосата, п. 110, ед. хр. 122. л.1.
 24. Там же, п. 110, д. хр. 166, л. 1, 1 об.
 25. Там же, ед. хр. 2, л. 1.
 26. ЦГАДА, ф. 1252, оп.1, д. 390, л. 379 об, 380.
 27. Матенадаран, ф. Архив католикосата п. 110, ед. хр. 169, л. 1, 1 об.

28. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 350.
29. Там же, с. 350.
30. НАА, ф. 113, оп. 1, д. 4 б. л. 65 об.
31. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 390, л. 381.
32. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 110, ед. хр. 14, л. 1.
33. Там же, ед. хр. 4, л. 1; ед. хр. 5, л. 1; ед. хр. 121. л. 1; ед. хр. 175, л. 1, 1 об.
34. АКАК, т. 9, ч. 2, N 604, с. 716.
35. Документы и материалы ..., N 45, с. 185
36. АКАК, т. 9, ч. 2, N 604, с. 716.
37. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 104, ед. хр. 121 г, л. 1.
38. Там же, л. 2.
39. Там же, л. 1- 2 об.
40. Там же, ед. хр. 121 б, л. 1 - 3 об.
41. Там же, ед. хр. 121 г. л. 2; ед. хр. 121 б, л. 1 - 3 об.
42. Там же, п. 110, ед. хр.125, л. 1.
43. Там же, л. 1 - 2.
44. НАА, ф. 400, д. 47, л. 155, 160.
45. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 169, л. 373 - 373 об.
46. Там же, ед. хр. 155, л. 313.
47. Там же, л. 313 об.
48. Там же, л. 136.
49. Там же, ед. хр. 156, л. 317 - 319.
50. Там же, ед. хр. 126, л. 1-2.
51. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 47, л.161 об.
52. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137. ед. хр. 175, л. 383; ед. хр. 191, л. 434, 435.
53. ЦГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 721, л. 376.
54. Там же, л. 376 об.
55. Состояние просвещения..., N 34, с..., 72.
56. Там же, с. 73.
57. Тунян В. Г. "Положение"..., с. 77.
58. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 109, ед. хр. 462.
59. Там же, л. 1 - 2.
60. Там же, п. 110, ед. хр. 9, л. 1,1 об.
61. Там же, л. 3.
62. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 47, л. 54, 167,183.
63. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 125, л. 1.
64. Там же, л. 1, 1 об.

Глава V. Эчмиадзинский престол

1. Возвращение

30 мая 1844 г. католикос Аштаракеци выехал из С. - Петербурга и 3 июня в 11 часов прибыл в Москву.¹ Здесь католикос поселился в доме Лазаревых при институте восточных языков. Вечером инспектор института представил католикосу сведения об учебном заведении. 5 июня Владыка принял у себя армянских питомцев института, интересуясь их положением и учебными делами.² В ходе разговора с ними и начальником института католикос заявил, что по окончании получения образования и прибытии в Грузию и Эчмиадзин они все будут устроены на соответствующие должности по способностям, в том числе и по епархиям.³ Стало известно об армянофобской позиции профессора Давыдова к армянским учащимся, призывавшего их не заниматься армянским чтением.⁴ По представлению Аштаракеци профессор был уволен. Имелось намерение Лазаревых увеличить число армянских питомцев в духовном отделении. В первый же свободный день 6 июля 1844 г., католикос занялся перепиской. Он обратился к директору департамента иностранных исповеданий Скрипцыну по поводу предоставления заграничного паспорта для архиепископа Михаила Салантяна, для которого было исходатайствовано выделение 1000 руб. сер. на дорогу перед министром внутренних дел. Вынесена признательность личному представителю графа Воронцова в С.-Петербург С. В. Сафонову за радужное гостеприимство, "которое так приятно сокращало продолжительность пребывания в северной столице". Выражено сожаление по поводу отбытия из Москвы в "далекую страну" с потерей надежды на последующую встречу. Судьба распорядится иначе, и вскоре Сафонов станет директором канцелярии наместника Кавказа Воронцова. Аналогичные прощальные письма были написаны княжне Висковатой, ген. м. Пашкову, вице-директору департамента иностранных исповеданий Ребиндеру.

Следует отметить относительность понятия свободного времени для Нерсеса Аштаракеци. Сохранился реестр "Переписка Его Святейшества верховного патриарха и католикоса всех армян Нерсеса с гг. Министрами и прочими лицами со времени утверждения в сан патриарха". Здесь значитесь содержание 60 документов, которые отражают входящее и исходящее делопроизводство. В них представлено содержание переписки католикоса, начиная с

отношения министра внутренних дел от 27 мая 1843 г. об утверждении до 31 мая 1844 г., когда Перовский ассигновал деньги для армянской консистории в Кишиневе. Представлены извещения о награждении орденами духовных лиц, "Акт о лечении патриарха способом магнетизма", ответы патриарха о льготах армянских обществ в России и выдаче зарубежных паспортов одесским армянам. Указаны переписка с шефом тайной полиции Бенкендорфом, статс-секретарем Позеном и главноуправляющим Закавказья Нейдгартом, отношение от католика к графу Клейнмихелю о необходимости восстановительных работ в армянском соборе г. Астрахани. Отмечены приглашения и представления высшему руководству Российской империи, письма частным лицам. Имеются записи о важных записках, как например, "О исповедании армянского богословия, "Сведения, относящиеся до Эчмиадзинского престола, заграничных епархий и духовенства и проч."⁵

Все эти виды документации требовали времени для освоения и реагирования. Если в правительственной переписке принимали непосредственное участие представители фамилии Лазаревых, то параллельно с этим Нерсес Аштаракецци вел армянскую переписку по управлению армянской церковью. Проявлением этого являлись кондаки. Имеется информация о наличии более 1500 кондаков, составлявших три тома, имевших 1219 листов. Самый ранний датировался за 1844 г. и самый поздний - 1856 г. Кондаки Петербургского периода деятельности католика близки к содержанию вышеуказанного реестра "Переписки" и затрагивают проблему признания его полномочий со стороны западноармянского духовенства, излагают содержание аудиенции Николая I, армянские копии известительных грамот и проч.⁶ Все это свидетельствует о высокой плотности времени католика Нерсеса Аштаракецци, активности и компетентности в управлении армянской церкви.

В Москве была проведена служба в Ваганьковской церкви Лазаревых.⁷ Состоялись визиты к живой легенде покорения Кавказа Ермолову и посещения известных армян. Среди последних выделялись Делянов, женатый на дочери Хачатура Лазарева, ставший затем министром просвещения России, и князя Абамелек. Католик подружился с митрополитом Филаретом Московским, с которым он посетил находящийся в 45 верстах от столицы храм Возрождения, именуемый "Новый Иерусалим", поскольку имел форму церкви "Старого Иерусалима".

Вначале не состоялась встреча ни в церкви, ни в гостях с епископом Михаилом Салантяном, что являлось нарушением субординационных отношений в главном управлении армянской церкви.

Причиной стало письмо Салантяна в начале 1842 г. к католику Иоаннесу о том, что Нерсес стал престарелым и слеповатым. Прогнозировалась скорая смерть. Этот миф понадобился для обоснования просьбы о назначении Салантяна главой Нахичевано-Бесарабской епархии. Письмо прибыло после смерти католика Иоаннеса, затем местоблюститель Эчмиадзинского престола архиепископ Барсег переправил его Аштаракеци. Конфуз для Салантяна был страшный. Под давлением окружения Нерсеса Аштаракеци встреча состоялась.⁸ После прочтения строк письма о своем здоровье католикос сказал Салантяну: "Посмотри преосвященный, чей глаз слеп: твой или мой". (Салантян был близорук) Закончил он великодушно и на мирной ноте: "Ты желал уехать в Константинополь, и я испрошу у правительства заграничный паспорт".⁹ Что и было осуществлено.

Католика мучала проблема функционирования Эчмиадзинского Синода. Еще в Москве 26 мая 1844 г. министр внутренних дел Перовский сообщил о представлении главы Кавказа Нейдгарта по поводу "самопроизвольного" увеличения членами Эчмиадзинского Синода жалованья и необходимости наведения порядка. С этой целью исправляющий должность председателя Синода архиепископ Барсег направил секретное сообщение католику от 2 марта о том, что члены Синода не согласились с его предложением испросить согласия у главы церкви на повышение содержания. Отмечалось, что члены Синода получали при католике Иоаннесе единовременное пособие, а о повышении жалованья они не испросили согласия высшей власти. Об этом был принят журнал от 4 января 1844 г. членами Эчмиадзинского Синода, которые отказались пересмотреть свое решение 3 марта. После чего 10 марта последовало отношение главы Кавказа о необходимости отказа от принятого решения. Отмечалось также наличие правительственного постановления 1843 г. о том, что жалованье членам Синода должно назначаться ежегодно.¹⁰

30 июня 1844 г. Аштаракеци ответил министру по вопросу произвольного увеличения жалованья. Основу ответа составила концепция "согласника", обязательная для представителей Эчмиадзинского братства, требующая скромности в повседневной жизни для всех священнослужителей. Вне рамок "согласника" представлялось поведение членов Синода: "В течение XV веков все духовные лица, обитающие в Эчмиадзинском монастыре, несмотря на различие чинов духовных, назывались всегда согласниками, довольствовавшиеся общею трапезою, получали все необходимое для содержания их из казны монастырской, и до того не было при-

мера, чтобы кому-нибудь из архиепископов и епископов, исправляющих какие-либо должности в Эчмиадзинском монастыре, началось особенное положение денежное".¹¹

Католикос находил актуальным сохранение исторических традиций и примерность поведения всех священнослужителей, независимо от чинов и должностей. Жалование членам Синода было заморожено, и им вынесен выговор: "Признавая порядок сей, установленный впервые в начале христианства святителями восточной церкви и строго поддерживаемый в течение полуторатысячи лет всеми армянскими патриархами, необходимый и в настоящее время для водворения в обителях истинного братства и благочиния и для отстранения монашествующих от мирских помыслов, я предложил Синоду прекратить выдачу жалования и сделал замечания сим послушникам за отступление от древних монастырских установлений, за самопроизвольное распоряжение казною Эчмиадзина в собственную их пользу, за присвоение себе особенных преимуществ пред прочею монашествующею братиею и за изгнание из стен древней обители того житейского равенства, которое донныне соблюдали все вступающие в Эчмиадзин, принимая с первого дня своего вступления в оный название согласника".¹²

Имелась другая проблема, связанная с Эчмиадзинским Синодом. Исправляющий должность прокурора Синода тит. сов. Соколовский 14 апреля 1844 г. направил сообщение начальнику Кавказа о том, что объяснение главы Грузино-Имеретинской епархии архиепископа Карапета о допущенных им финансовых "злоупотреблениях" поступило в конце января. Члены Эчмиадзинского Синода решили закрыть дело. Соколовский отмечал: "Как таковые объяснения оказались несообразными и вовсе несогласными с обстоятельствами дела, то оные сокрыты и по исправлению возвращены к архиепископу Карапету, с тем чтобы он предъявил вторично от себя в Синод объяснения сообразно с деланными поправками".¹³ Секретное расследование прокурора заставило членов Эчмиадзинского Синода предъявить отношение от архиепископа Карапета за 22 января как полученное ими 3 марта.

Инициатором происшедшего прокурор находил секретаря Эчмиадзинского Синода Карташева. Он главы региона было затребовано его удаления для наведения порядка в деятельности членов Синода: "До того времени не может быть водворен в Эчмиадзине порядок и спокойствие, пока Карташев там будет находиться, ибо все подобное происходит при его сильном руководстве; он не перестает ходатайствовать и действовать по делам, производимым в Синоде, посещая для сего членов Синода и бывая часто у них".¹⁴

Глава региона Нейдгарт затребовал Карташева в Тифлис и добился его отстранения от должности.

По вопросу удаления Карташева католикос 7 июля 1844 г. направил сообщение начальнику Главного управления Закавказья ген. И. А. Гурко, в котором высказал свое согласие. Указано, что по прибытии в Закавказье он произведет расследование деятельности архиепископа Карапета, а также членов Эчмиадзинского Синода относительно его объяснений по финансовой отчетности. Заверялось, что при содействии руководства Закавказья будет восстановлен "нарушенный порядок" деятельности в Эчмиадзинском Синоде и установлена строгая отчетность по всем делам.¹⁵

22 июля 1844 г. католикос выехал из Москвы в Бессарабию. Провожали Лазаревы вместе с питомцами института, а также местные армяне.¹⁶ По пути в Туле было посещено имение Лазаревых в с. Лапоткова со знаменитым специальным помещением для пребывания императрицы Екатерины II, где католикос находился с 24 по 26 июля, откуда продолжил свой путь.¹⁷ В Киеве он попрощался на могиле Красовского со своим другом.¹⁸ Затем взял направление на Кишинев. В это же время в Варшаве произошел знаменательный разговор между наместником Польши Паскевичем и князем Бебутовым, который собирался на Кавказ для командования войсками в Дагестане. Помимо прочих тем, главной являлся Нерсеса Аштаракеци. В ходе беседы Паскевич неоднократно возвращался к личности архиепископа Серовбе, упоминал о его заслугах в ходе турецкой кампании, наличии многих его достоинств для управления армянской церковью. Архиепископ прямо рассматривался преемником Нерсеса Аштаракеци на Эчмиадзинском престоле.¹⁹

11/23 августа 1844 г. русский представитель Титов в Турции доложил канцлеру Нессельроде о беседе с новоизбранным Константинопольским армянским патриархом Матевосом Чухаджяном, который до этого возглавлял Смирнскую епархию, в которой говорилось о необходимости признания прерогатив католикоса Нерсеса Аштаракеци. Были вручены известительные грамоты главы Эчмиадзинского престола. Патриарх запросил времени для их прочтения и принятия через неделю поминовения нового католикоса в армянских церквях. Он обратил внимание, что, по слухам, Нерсес Аштаракеци находится где-то около Тифлиса. Изъявлено желание получить св. миро из Эчмиадзина.²⁰

Константинопольский патриарх Матевос оказался человеком слова. В обоснование необходимости признания католикоса Нерсеса Аштаракеци Константинопольский патриархат использовал

фирман султана о признании полномочий католикоса Давида Корганова в 1801 г. при вступлении на Эчмиадзинский престол, что "обезоружило" подозрение Высокой Порты в прорусской направленности местного духовенства. Указано и на то, что предшествующие армянские католикосы о своем вступлении на престол св. Григория не ставили в известность турецких армян и не требовали их голоса при избрании. Вследствие этого они были "как бы презренны своим пастырем", что обусловило их отказ обращения к нему за своими духовными потребностями. Иначе проходили выборы Нерсеса Аштаракци, на которые был приглашен епископ из Константинополя и был послан духовный депутат.²¹

6 сентября 1844 г. армянское духовенство и Национальное собрание в Константинополе подписало "Акт" признания Нерсеса Аштаракци католикосом всех армян.²² Посланник Титов 14 сентября поставил в известность ген. Нейдгарта об успехе в Эчмиадзинском вопросе. Высокая Порта согласилась на ходатайство патриархата и армянских старейшин установить отношения с католикосом Нерсесом Y. Национальное собрание армян Константинополя приняло четыре его требования: 1) именование католикоса всех армян как верховного духовного пастыря во время церковного служения (в чем отказано было католикосу Иоаннесу) в армянских церквях Турции; 2) принятие светского поверенного по духовной части (векиля) для принятия пожертвований и завещанного имущества; 3) принятие св. миро лишь из Эчмиадзина; 4) осуществление денежных сборов в пользу Эчмиадзина. По мнению Титова, произошел решительный сдвиг в достижении "нравственного влияния" Эчмиадзинского престола: "Ныне должно почитать немалым успехом уже и то, что армянское духовенство приняло их открыто и официальнее, нежели прежде".²³

В Кишиневе католикос пробыл восемь месяцев, восстанавливая силы и готовясь к новому переезду. Преимущественное внимание было уделено проблеме церковного управления армян Молдавии, Валахии и Румынии. Направленный католикосом епископ Геворк, несмотря на наличие русского паспорта, не получил разрешения от турецких властей на въезд. В происшедшем католикос Нерсес узрел слабость Константинопольского патриархата перед Высокой Портой, не сумевшего обеспечить проезд представителя главы армянской церкви. Тем более, что патриарх утвердил епископа Геворка епархиальным главой. Однако решающее противодействие приезду епархиального главы оказывали армяне Молдавы. Запросы католикоса о наличии поместий, школ и состоянии местных армянских церквей выявили напряженность отношений предста-

вителей местной общины к церковному имуществу. Молдавские армяне сообщили о наличии имений при церквях, которые, по их словам, принадлежали нации, а не церкви. Католикам удалось в армянской школе устроить их единове́рца Сероба Папикяна инспектором и учителем Закона Божия. В силу этого молдавские армяне не собирались предъявлять отчет в чем-либо и кому-либо. Этим объяснялось их противодействие приезду епископу Геворка. Нерсес Аштаракеци был вынужден уведомить о происшедшем министра внутренних дел Перовского, чтобы подобное явление не повторялось более.

Также было уделено внимание положению армян в Голландии, особенно статусу армянской церкви Амстердама, оставшейся без прихода, а точнее, сохранению там имущества армянской церкви. Посредством Перовского, Аштаракеци заставил департамент иностранных исповеданий обратиться к голландскому правительству о защите собственности армянской церкви. Этим было дано временное решение этой проблемы, хотя ею затем безуспешно занимался и Константинопольский патриарх в 1853 г. Точно так же католикос Нерсес Аштаракеци находил необходимым установить иерархические отношения с армянами Австро-Венгрии, особенно с армянским монастырем в г. Сучава. Участвовал католикос и в разборе напряженных отношений между амиром Константинополя и местным армянским патриархом. Посредством русского представителя в Константинополе католикос добился запрета на приезд в Россию епископа Салантяна, что потребовало предъявления причин решения.²⁴

В этот отрезок времени положительное значение имели связи, приобретенные в С. - Петербурге. 28 сентября И. Делянов из С. - Петербурга поблагодарил католикоса за письмо от 6 сентября. Заявлено о неизменной поддержке национальных интересов: "Я постоянно буду иметь в виду пользу общей нашей матери церкви и моих соплеменников".²⁵ Указано об эффективной деятельности учрежденного Совета для управления делами петербургских церквей, который обязывался предоставлять отчет католикосу в "установленное время". Выражена надежда на отправление католикосом письма к статс-секретарю Позену, проект которого до этого был отправлен Деляновым, чтобы поддерживать полезную связь.²⁶

Письмо католикоса поступило к главе 6-го Закавказского отделения канцелярии е.и.в. Позену. Ответ был направлен 25 ноября 1844 г. В нем выражалась признательность за письмо, полученное от Нерсеса Аштаракеци. Позен выражал нелицеприятное уваже-

ние к католику: "Давно привык я чтить имя Ваше, и незабвенное для меня личное знакомство с Вами еще более усилило чувство глубочайшего и неизменного к Вам уважения".²⁷ Прогнозировалось поступательное развитие армянской церкви и армянской нации под руководством Нерсеса Аштаракеци: "Под благочестивым управлением Вашим Эчмиадзин - древняя и первенствующая святыня армянской церкви - воссияет в свой лепоте и соединит неразрывными узами Веры и христианской любви армянский народ всех стран. Закавказские армяне будут постоянно видеть в Вас назидательный пример любви, преданности и верности к новому отечеству и, сливаясь с ним более и более выгодами просвещения, торговли и промышленности, достигнут той степени благосостояния, на которой Всемилолюбивейший Государь император желает видеть все народы, скипетру Его подвластные".²⁸ Позен также сумел показать свою значимость в закавказской политике самодержавия: "Счастливым себя почитаю, что е. и. в. благоугодно было избрать и меня орудием к исполнению благотворной Его воли по устройству общего и частного благосостояния жителей Закавказского края".²⁹ Письмо представляло расположение высокопоставленного сановника Николаевской бюрократии, который являлся ваятелем руслу развития Закавказского края.

22 ноября 1844 г. Аштаракеци из Кишинева направил царю ходатайство о возведении в княжеское достоинство сыновей действ. сов. Манук-бея. Мотивацией обращения указывалось аналогичное прошение главы российских армян Аргутинского-Долгорукого к царю Павлу I в пользу своих родственников, которое было утверждено. К ходатайству прилагалась записка в пользу сыновей Манук-бея.³⁰ Проблему эту давно пытались решить Лазаревы, но безуспешно. 30 декабря из Петербурга Нерсесу Аштаракеци было направлено сообщение, что ходатайство об утверждении сыновей Манук-бея в княжеском достоинстве царь предписал рассмотреть министру юстиции.³¹

Приезда католикоса ждали на Кавказе. В Эчмиадзине его ждали с трепетом, ожидая установление железной дисциплины. Армянские массы жаждали встречи с живой национальной легендой. Среди них имелись чины, стремящиеся понять, чем обернется правление католикоса. Но также были лица, напряженно следившие за продвижением католикоса к Кавказу, вынашивавшие определенные виды. 27 января 1845 г. кн. Бебутов направил архиепископу Серовбе ответное письмо на два его послания, которого мучил вопрос - как было допущено избрание Нерсеса Аштаракеци, почему ему не преградили путь на Эчмиадзинский пре-

стол и чего ожидать? Князь находил происшедшее прихотью судьбы, но главным указывалось видение князем Паскевичем Серовбе католикосом всех армян: "Князь Варшавский часто упоминал о ваших заслугах и достоинствах и отзывался очень лестно на счет Вашей особы; это мне весьма приятно сообщить Вам, тем более, что знаю хорошо и уважение, которое вы питаете к Его Светлости". Актуальность внимания Паскевича к особе Серовбе подчеркнута отсутствием сведений о католикосе: "О нашем патриархе совершенно не имею никаких сведений, где он теперь находится; с Кавказской линии и даже из Тифлиса никто о Нерсесе ничего не пишет. Из этого можно заключить, что и там неизвестно ничего".³²

В начале января 1845 г. Нерсес Аштаракеци получил известие о назначении графа Воронцова наместником Кавказа. 17 января он поздравил Воронцова с высоким назначением: "Я прежде всего в излиянии теплых молитв возблагодарил Господа Бога, вложившего в сердце премудрого Помазанника Своего столь благодетельную мысль, а затем от чистейшего сердца и глубины души, спеша принести Вашему Сиятельству мое поздравление с этим назначением, - мысленно поздравляю с оным самого себя и всех вверенных армян".³³ Выражалась уверенность в процветании края.³⁴ Воздавая должное графу Вороноцову, католикос хотел установить отменные отношения с руководством Кавказа, что имело немало важное значение при столь сложной биографии и наличии влиятельных противников.

12 июня 1845 г. Нерсес Аштаракеци выехал из Кишинева на Кавказ по маршруту: Одесса - Крым - Таганрог - Нахичеван - на - Дону - Ставрополь - Тифлис. Время прибытия в Тифлис было определено 15 августа, где предстояло заняться "важными делами", а затем в сентябре прибыть в Эчмиадзин. Об этом министр внутренних дел поставил в известность наместника Кавказа.³⁵

Желание и возможность исполнения разработанного маршрута разошлись. В столице статс-секретарь Позен подал в отставку после конфликта с князем Воронцовым по поводу прерогатив наместника Кавказа. Высший контроль над управлением региона был сосредоточен в Кавказском комитете под председательством военного министра Чернышева. Произошла смена чиновников и в министерстве внутренних дел, которые были неопытными, что сказывалось на решении различных вопросов. 1 июля Деянов сообщил Аштаракеци о необходимости проявления деликатности к Позену:³⁶ "Всякое внимание, оказанное ему, для него теперь тем более драгоценно, что в нем теперь не нуждаются". Прилагался

проект письма к бывшему статс-секретарю, которое Десянов обязывался доставить Позену.³⁷

По пути Нерсес Аштаракецци стремился посетить места, где проживало армянское население, чтобы встретиться с предпринимательскими кругами и армянскими массами. По предложению Воронцова он посетил в Крыму известный его дворец в Алушке. Затем погостил на даче князя Голицына, обер-прокурора св. Синода, бывшего министра просвещения и иностранных исповеданий, с которым Аштаракецци состоял в переписке во время возглавления Грузинской епархии. В Крыму состоялись посещения городов Орбазар, Евпатория, Ак-мечет (Симферополь) и Карасубазар. В Евпатории он посетил вначале армянскую церковь, затем мечеть мурьянман и синагогу караимов. Озвучивалось положение, что представители всех конфессий должны жить в мире, поскольку всю люди - дети Адама. При посещении мхитаристской армянской церкви в Карасубазаре, учитывая желание Николая I о борьбе против католицизма среди армян, католикос подверг их представителей критике за отход от лоны веры предков. После Феодосии Нерсес Аштаракецци направился в Новый Нахичеван, стремясь урегулировать ряд вопросов. Еще в начале руководства Нахичевано-Бессарабской епарии у него были большие затруднения в вопросе сбора церковных денег с местных ктиторов, что обусловило переписку с министром внутренних дел. Состоялась встреча с известным предпринимателем Артемием Халибовым, который из противника католикоса в вопросе сбора церковных денег превратился в его союзника. Если Халибов стремился к обогащению, то католикоса интересовали его финансовые способности по наращиванию денег.³⁸ Этим католикос стремился приступить к накоплению средств для реализации программы обеспечения деятельности духовных семинарий и создания академии. Помимо этого, в пути оговаривалась идея создания епархиальных комитетов.

19 октября 1845 г. Нерсес Аштаракецци отправил из Нахичевана на Дону письмо Воронцову. В нем сообщалось, что во время пребывания в Кишиневе он узнал о назначении Воронцова наместником для "управления и спокойствия" кавказских и закавказских стран. Выражены дружеские чувства: "Душевно радуясь о наилучшем успехе Вашем, я не могу упустить настоящего случая, чтобы не изложить пред Вашим Сиятельством все чувства мои к вам и не уверить Вас, что я всегда буду возносить теплые молитвы к Всевышнему о долголетии вашем, необходимом для блага народов вверенного в сем крае".³⁹

8 ноября 1845 г. жители г. Нахичевана - на - Дону направили благодарственное письмо наместнику Кавказа Воронцову, не без воздействия католикоса, по случаю предстоящей созидательной деятельности на Южной окраине: "Вы призваны были на усмирение мятежного Кавказа и на укрощение хищных его племен".⁴⁰ Прибытие в Нахичеван католикоса Нерсеса оценивалось душевным порывом в жизненных силах, а деятельность Воронцова - развитием гражданских начал. Благодарственное письмо было доставлено Нерсесом и получило признательный отклик наместника Кавказа 22 декабря.⁴¹

Нерсес Аштаракеци намеревался провести зиму в Новом Нахичеване. Однако известный его сторонник Давид Тамамшев заявил о нетерпеливом ожидании католикоса армянским населением Тифлиса. Помимо этого, зимнее время благоприятствовало встрече с армянскими кругами. В конце ноября католикос выехал из Нового Нахичевана. По пути состоялись встречи с армянами городов Георгиевска, Моздока, Ставрополя и Владикавказа.⁴² Известие о приближении католикоса к краевому центру Тифлису сообщалось живой почтой - армянским купечеством.

17 декабря 1845 г. состоялся въезд Нерсеса Аштаракеци в г. Тифлис, имевший характер общенародной встречи. Приехавшего легендарного католикоса пришли встречать и стар, и млад многонационального Тифлиса, выражая уважение национальному, региональному и духовному деятелю. Современник в краевом офицере г. "Закавказский Вестник" отмечал: "Нет ничего умильтельного и торжественнее зрелища, когда народ, при шуме радостных восклицаний, выходит на встречу ими любимого Вождя, с честью подвизавшегося на пользу и славу отчизны, или же - пастыря духовного, давно ожидаемого своею паствою". Костяк встречавших в предместье Веры составляли армяне Тифлиса, приложившие значительные усилия к торжеству католикоса: "Чтобы только понять, как трогательна и умильтельна была эта встреча, должно сказать же, что армяне Закавказские, составляющие почти значительную часть населения края, облагоденствованы во многих отношениях Нерсесом и сохранили к своему пастырю чувство уважения и признательности". Рапорт католикосу отдал сын наместника Кавказа. Светлый день и ожидаемое событие переплелись: "Казалось, сама природа сочувствовала восторгам народа, встречавшего своего мудрого Нерсеса после продолжительной разлуки". Нерсес Аштаракеци был вознесен в печати на недостижимую высоту народного восхищения: "Проникнутые любовью к религии и национальности своей армяне имеют одного Верхов-

ного Пастыря, одного духовного главу-патриарха, избираемого самим народом и утвержденного императором Всероссийским". Сбылась давно желанная и лелеемая народная надежда: "Так изъявил Гайканский народ радость свою о прибытии в Тифлис того, кого за 18 лет пред сим проводил со слезами в Россию".⁴³

Католикоса приветствовала официальная делегация Эчмиадзина, которую составили епископы Ованнес Шахатунян, Саак Цахкарян и архимандрит Петрос, являвшийся представителем западноармянства на выборах главы армянской церкви. Состоялось торжественное шествие к Ванскому собору, а затем встреча с князем Воронцовым. Учитывая жалобы местного населения, католикос составил из членов Эчмиадзинской делегации комиссию для рассмотрения деятельности епархиального Карапета и бывшего прокурора Матинова. Светскими членами комиссии стали князь О. З. Аргутинский, дворянин Д. Г. Херодонян, а обязанности секретаря были возложены на О. Миракянца. Деятельность комиссии охватила 45 дней. Деятельность Матинова сочтена выходящей за рамки прокурорской деятельности и попирающей права Эчмиадзинского духовенства. Сделано заключение о необходимости смещения архиепископа Карапета и руководства местной консистории, с чем католикос не согласился.⁴⁴ Позиция католикоса носила тактический характер, не желавшего начинать управление с раздоров во внутренних рядах. Этим же он надеялся уговорить архиепископа Карапета и его окружение.

В январе 1846 г. в Тифлисе состоялась встреча князя Бебутова и католикоса. Свои впечатления князь изложил архиепископу Серовбе в письме от 26 января 1846 г. Представлен образ деятельного и рачительного главы церкви с отличной памятью. Бебутов писал: "Он очень бодр и свеж. Память у него удивительная, и мельчайшие подробности, с ним случившиеся с 1828 г., помнит без упущения". В осторожной форме было прозондировано мнение католикоса об архиепископе Серовбе, позволившее уяснить христианскую терпимость Аштаракеци к своим бывшим противникам: "Из разговора Святейшего патриарха я заметил, что он не забыл все тогда происшедшее, но как по всему видно, не имеет он той мысли, чтобы вредить кому-либо за прошедшее время, или мстить комунибудь". Прямо указано о проповедовании католикосом "воспреещения мщения", которое, однако, было воспринято с оговоркой: "Впрочем, из всего разговора его я ничего не заметил, чтобы он произносил против вас; по этой причине я полагаю, что он сохраняет все приличия и не допускает никаких несообразностей как умный архипастырь, которому оказали дове-

рие армяне и уважение от правительства".⁴⁵ Подчеркнуто о наличии уважения к католику со стороны наместника Кавказа Воронцова. Сообщено, что Аштаракец лишь весной собирается поехать в Эчмиадзин. В непосредственном управлении церковными делами содействие католику оказывали епископы Шахатунян и Цахкранян, прибывшие из Эчмиадзина.⁴⁶

В начале 1846 г. предметом обсуждения между наместником Кавказа и католиком стала проблема нового устройства закавказской торговли. Граф Воронцов намечал ввод "свободной торговли" в регионе, завершившийся восстановлением закавказского транзита в конце года. Намечалось усилить привоз русских товаров из внутренних губерний в Закавказье и активизировать их вывоз в сопредельные азиатские страны. В обоих аспектах важную роль могло играть армянское купечество, занимавшее доминирующие позиции в крае.⁴⁷ Католиком был составлен проект "Устава Гайканского Коммерческого училища". О содействии католика Воронцов доложил царю Николаю I, однако из этого проекта удалось создать лишь Коммерческую гимназию в Тифлисе, содействовавшую повышению образования армянских предпринимателей.⁴⁸

2 марта 1846 г. начальник гражданского управления Закавказья П. А. Ладинский обратился с просьбой к Нерсесу Аштаракцу об использовании чудодейственного копья из Эчмиадзина по случаю чумы в Ереванском и Нахичеванском уездах, которым было прободано ребро Иисуса Христа: "Я совершенно уверен, что смертность не только не уменьшится, но прекратится вовсе".⁴⁹ Просьба была учтена. Во времена правления главноуправляющего Закавказья И. Ф. Ртищева имелся аналогичный случай: "Зараза не только не распространилась, но уничтожилась".⁵⁰ Затем копье с успехом было использовано и в Тифлисе.

Католикос стремился сохранить созданные связи во время пребывания в столице Российской империи. 26 апреля 1846 г. ему было направлено письмо из С.-Петербурга гем.- м. Пашковым, заключающее ответ на письмо католика от 31 марта. Сведения о прибытии католика в Тифлис уже было известно. Указано, что московский митрополит Филарет запросил у Пашкова описание болезни католика Нерсеса, поскольку сам перенес инсульт, и у него оказалась парализована рука. Представлены последние новости петербургского света, и отмечены тяжелые последствия трудной зимы для великовозрастных людей. Заявлено о мысленном прослеживании путешествия католика Нерсеса, который должен был 15 апреля выехать из Тифлиса в Эчмиадзин для при-

нения миропомазания.⁵¹

Маршрут возвращения Нерсеса Аштаракеци был рассчитан так, чтобы иметь встречи с армянским населением Ереванского уезда и не вызвать утомление. Католикос специально 11 мая 1846 г. остановился в Сардар-Абаде, чтобы вспомнить время освобождения Араратской страны, прочувствовать дистанцию времени сквозь отношения с Паскевичем. Встречала его в Сардар-Абаде торжественная делегация из светских и духовных лиц. Во главе делегации находился его известный сторонник Хачатур Абовян, исполнявший должность смотрителя Ереванского уездного училища, выделявшийся белой праздничной одеждой. Бывший секретарь католикоса Ефрема Дзорагехци, закончивший Дерптский университет, избрал поприщем деятельности стезю просвещения. Но, как и раньше, являлся сторонником Нерсеса Аштаракеци.

12 мая 1846 г. в Ереване, по предписанию уездного начальника В. Н. Блаватского, католикос встречали все чиновники гражданского ведомства в полной форме. Присутствовали депутация Эчмиадзина и население города. Армянские ученики уездного училища во главе с демократом-просветителем Хачатуром Абовяном подготовили праздничный церемониал.⁵² Растроганный приветственными речами и выступлениями учащихся, католикос заявил Абовяну о желании послать группу детей на обучение в европейские университеты.⁵³ Своей активностью во встрече выделялся Хачатур Абовян. На этой почве произошел инцидент. На следующий день уездный начальник направил письмо управляющему учебной частью Закавказья, что за городом он встретил Абовяна в белом сюртуке, хотя все чиновники были в полной униформе. На сделанное замечание о необходимости быть в форменном платье Абовян заявил: "Вы не можете мне ничего говорить, и знаю более Вас, что мне делать должно".⁵⁴ Уездной начальник счел поведение Абовяна "дерзким", "непозволительно себе державшим", достойным наказания.⁵⁵ Как демократ-просветитель Абовян стремился добиться содействия Нерсеса Аштаракеци в деле просвещения армянского подрастающего поколения.

13 мая 1846 г. католикос Нерсес Аштаракеци прибыл в Эчмиадзин, приветствуемый местной братией. В ознаменование своего прибытия 27 мая 1846 г. Нерсес Аштаракеци приступил к сооружению строительства озера для смягчения климата вокруг Эчмиадзина, которое было завершено спустя два года. По армянской традиции вода являлась живородящим символом, и католикос, быть может, хотел таким считать свое правление во главе армянской церкви.⁵⁶

Торжественное священное миропомазание состоялось 9 июня 1846 г. в день кафедрального собора Эчмиадзина. Присутствовали 175 духовных лиц: 14 епископов, 50 архимандритов, 61 священнослужителей и 50 дьяконов.⁵⁷ Представителем наместника Кавказа явился военный губернатор Грузино-Имеретинской губернии ген.-м. Жеребцов, которому поручалось выразить официальное пожелание Нерсесу Аштаракеци длительно управлять Эчмиадзинским престолом на пользу церкви и армянского народа. Граф Воронцов, из-за занятости боевыми действиями на Кавказской линии, передал через адъютанта полк. Минквица личное поздравительное послание. Обещалось посетить Эчмиадзин спустя год, а взамен до этого встретить католикоса в Тифлисе. При губернаторе Жеребцове находился чиновник Н. П. Ваксмут, который написал картину миропомазания Нерсеса У, а затем ему подарил.⁵⁸ После миропомазания католикос предложил архиепископу Карапету стать членом Эчмиадзинского Синода, сохраняя управление Тифлисской епархией, но с удалением своего окружения. Обещалось удовлетворять просьбы архиепископа Карапета об отсутствии из Эчмиадзина по тем или иным причинам, но предложение не было принято.⁵⁹

Общую атмосферу торжественной церемонии миропомазания передает письмо князя Воронцова, отправленное бывшему проконсулу Кавказа Ермолову от 1 июля 1846 г. из Владикавказа: "Теперь скажу тебе только в добавлении, что ты увидишь в газетах и что в этом письме написано: патриарх Нерсес миропомазан и посвящен в Эчмиадзине 9 июня при огромном скоплении народа. Мне бы самому хотелось быть при церемонии, но это было невозможно; ездили туда присутствовать при оной исправляющий должность губернатора Жеребцов и адъютант мой полковник Минквиц". Воронцовым высказано мнение об успешности предстоящей деятельности Аштаракеци как знаменательной личности: "При сем я должен тебе сказать, что Нерсес и для нас - человек драгоценный и совершенно превосходный против его нации, особливо по духовенству". Выражено сожаление по поводу запоздалости вступления Аштаракеци в сан католикоса: "Горестно думать, что этот человек был 15 лет в отсутствии и бездействии, когда бы он во все это время оказал величайшую пользу, сперва как епископ в Тифлисе и потом как патриарх. Во все это время черт знает, какие у них были люди, и что они здесь делали. В Тифлисе всё начатое прежде Нерсесом было брошено и запущено, что делалось в Эчмиадзине?"⁶⁰

Колкость Воронцова в национальный адрес шла от негативного

отношения армянского купечества к его торговой политике, когда в Тифлисе готовились действовать "Депо русских мануфактурных изделий" и "Общество для торговли с Закавказским краем". Наблюдалось сокращение закупок товаров на Нижегородской ярмарке и снижение коммерческой активности, что вызвало недовольство в адрес наместника Кавказа.⁶¹ Остальное являлось результатом высоких визитеров на миропомазание и знанием положения дел армянской церкви от католика.

Возглавив официально армянскую церковь, Нерсес Аштаркеци принял на себя всю ответственность за её состояние, управление и развитие. Положение "армяно-григорианской" церкви в 1846 г. в российских пределах имело следующий вид: прихожан - 364236 чел.; церквей - 1007, духовенства - 2264, монашествующих - 115 м. п. и 30 ж. п. и монастырей - 31.⁶² По сравнению с 1837 г. был сделан значительный шаг в представлении состояния армянского духовенства.

Положение армянской церкви в в России 1837 и 1846 гг.

Состав	1846 г.	%	1837 г.
Духовенство	2264	75,3	3007
Прихожан	364236	70,1	255304*
Церквей	1007		619
Монашествующих	145	91,8	158
Монастырей	31	73,8	42

Сопоставление данных позволяет выявить довольно неожиданную картину. Вместо поступательного роста после вхождения в состав Российской империи произошло сокращение состава священнослужителей на 743 чел.(24,7%); монашествующих - на 13 (8,2%), монастырей - на 11 (26,2%). Количество прихожан под графой 1837 г. представлено за 1840 год, которое увеличилось на 108932 чел. (29,9%), что отражало уточнение статистики. Чтобы наглядно понять динамику происходящего процесса спада состояния армянской церкви, отметим, что число духовенства за 1840 г. значилось 2577 (священнослужителей -1360 и церковнослужителей -1217), церквей - 894.⁶³

Вся совокупность данных позволяет заключить, что после 1840 г. спад численности армянского духовенства в Российской империи можно объяснить двумя моментами: сменой поколений и отсутствием замещения. Усложнилась общественная жизнь армян в составе Российской империи и открылись новые перспективы самоутверждения. Если раньше принадлежность к духовному сословию означала наличие умственной и относительно благоустроенной жизни при отказе от мирских благ, то в новых условиях

открылись перспективы, связанные с гражданской и военной службой армян. Часть священнослужителей покидала ряды церкви, чтобы устроиться на гражданскую службу. Наглядным примером являлся Хачатур Абовян, получивший высшее образование в Дерптском университете. Католикосу Нерсесу Аштаракеци пришлось учесть это обстоятельство. По его представлению в 1850 г. высочайше разрешено было армянским священнослужителям поступать на государственную службу.⁶⁴

Практически католикос Нерсес Аштаракеци принял бразды правления Армянской церкви в немобилизованном состоянии, когда к вопросу существования семинарий и создания духовной академии, проблеме учительских и преподавательских кадров, функционирования Эчмиадзинского Синода, изыскания финансовых средств для обеспечения деятельности церковных структур по "Положению" 1836 г. прибавился ещё дефицит священнослужителей. Католикос Иоаннес Карбеци начал процесс адаптации армянской церкви в условиях Российской державы на основе требований самодержавия 1836 г., но не успел его завершить. Перед 77 - летним католикосом встала проблема: осуществлять реформы или изменять сущность имевшихся явлений. В первом случае программой - минимум могли стать накопление финансовых ресурсов для последующих преемников, текущая трансформация и постепенность преобразования. Во втором случае, как с Эчмиадзинским Синодом и Синодальным прокурором, приходилось учитывать возможную реакцию со стороны высшей власти Российской державы.

-
1. Матенадаран, Архив Лазаревых, п. 115, д. 101, ед. хр. 35, л. 1.
 2. Там же, п. 114, д. 93, ед. хр. 91- 92, л. 129 -132.
 3. Там же, п. 112, д. 64, ед. хр. 57. л. 1.
 4. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 351.
 5. НАА, ф. 400, оп.1, д. 48, л. 242 - 246 об.
 6. Архимандрит Месроп. Кондаки католикоса Нерсеса Y.- Арарат. 1904, N 2, с. 317 - 321.
 7. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 81, л.72 - 77.
 8. Самуэлян С. Воспоминания...с. 351, 352
 9. Там же, с. 352.
 10. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 112, ед. 576, л.4 - 6 об.
 11. Там же, ед. 576, л.1.
 12. Там же, л. 1, 1 об.
 13. Там же, л. 14.
 14. Там же, л. 14 об.
 15. Там же, л. 18.
 16. Матенадаран, Архив Лазаревых, п. 115, д. 101, ед. хр. 35, л.1.

17. Там же, п. 137, ед. хр., л. 502.
18. Записки Н. Н. Мурзакевича..., с. 601.
19. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 116, ед. хр. 234, л.1, 1 об.
20. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 176, л. 5.
21. Там же, д. 408, л. 1 об, 2.
22. АВПР, ф. Гл. архив, 1844, д. 84, л. 68 об, 69.
23. АКАК, т. 9, ч. 2, N 606, с. 717.
24. Архиепископ Месроп. Кондаки католикоса., N 2, с. 321 - 325.
25. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п.110, ед. хр. 73, л.1, 1 об.
26. Там же, л. 1 - 2.
27. Там же, ед. хр. 71, л. 1.
28. Там же, л. 1, 1 об.
29. Там же, л. 1 об.
30. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 110, ед. хр. 175, л. 1.
31. Там же, п. 110, ед. хр. 75, л. 1.
32. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 116, ед. хр. 234, л.1, 1 об.
33. Ерицов А. Д., Патриарх всех армян..., с. 119.
34. Там же, с. 119, 120.
35. АКАК, т. X, N 242, с. 240.
36. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 116, ед. хр. 110, л. 1.
37. Там же, л. 2.
38. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 403 - 405.
39. АКАК, т. X, N 243, с. 240.
40. НАА, ф. 415, оп. 1, д. 282, л. 1.
41. Там же, л. 1, 1 об.
42. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 405.
43. Бабаджан Лазарев. Приезд верховного патриарха и католикоса всех армян Нерсеса в Тифлис. - Закавказский Вестник. 1845, N 19 декабря.
44. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 406, 407.
45. Матенадаран, ф. Архив А. Ерицяна, п. 154, ед. хр. 389, л. 1 об; Ерицов А. Д., Патриарх всех армян., с. 126.
46. Тунян В. Г. Административно., с. 224 - 229.
47. Ерицов А. Д., Патриарх всех армян., с. 13 - 15.
48. Письмо начальника гражданского управления Закавказским краем П. А. Ладинского к его Светлейшему патриарху Нерсесу от 2 марта 1846 г. - Кавказская старина. 1873, N 4 и 5, с. 114
49. Там же, с. 113.
50. Там же, с. 113,114.
51. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 116, ед. хр. 112, л. 1.
52. НАГ, ф. 4, оп. 1, д. 631, л. 1,1 об.
53. В. А. Ваганян. Хачатур Абовян. 1934, с.258.
54. НАГ, ф. 4, оп. 1, д. 631, л. 2.
55. Там же, л. 1- 2.
56. Архимандрит Месроп. Кондаки католикоса..., N 5, с. 405.
57. Орманян М. Азгапатум..., т. 3, с. 4372.
58. Ерицов А. Д., Патриарх всех армян..., с. 17 - 20.

59. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 407.
60. Князь Воронцов и А. П. Ермолов. Их переписка о Кавказе 1845 - 1847 гг. - Русский архив. 1890, кн. 1, с. 196.
61. К истории торговых сношений Москвы с Закавказьем. - Русский архив. 1892, кн. 1, с. 476
62. Краткий обзор правительственных действий ..., Спб., 1847, с. 75, 76.
63. Извлечение из отчета..., Спб, 1841, Вед. X.
64. Из всеподданнейшего отчета министра внутренних дел. - Кавказ. 1850, 30 декабря.

2. Внешние отношения

Русская миссия в Константинополе поддерживала отношения с армянским патриархом Матевосом Чухаджяном. Предметом внимания являлись противодействие духовному влиянию западных стран и отношения с католиком всех армян. Патриарх Матевос заявлял об успешной деятельности против учения евангелистских миссионеров. В записке драгомана М. Л. Гамазова поверенному посланнику Титову от 3 апреля 1846 г. отмечалось, согласно информации патриарха Матевоса, что из 1000 армян, находящихся в сетях миссионеров, осталось не более 200. При этом в армянских церквях было объявлено о духовном "ослепении" сторонников протестантизма. По словам патриарха, после признания примата Эчмиадзинского престола в 1844 г. наступило затишье в отношениях. Матевос сетовал на отсутствие какого-либо отзыва Нерсеса V к армянскому духовенству в Турции, не известил о своем посвящении в июне в Эчмиадзине. В министерстве иностранных дел России было известно желание турецкого армянского духовенства, изъявленное в 1843 г., о получении св. миро из Эчмиадзина. Сложным являлось положение армян Киликии и Малой Азии. Здесь распространялась точка зрения, что влиянию религиозных воззрений Англии и Франции может противостоять Россия. В июне 1845 г. два армянских священника г. Алеппо написали прошение посланнику Титову в Константинополь о защите от гонений французского консула.¹ 27 октября 1846 г. состоялось мироварение в Эчмиадзине и рассылка по всем епархиям, в том числе и Константинопольскому патриарху.²

1 ноября 1846 г. драгоман Гамазов подал записку посланнику Титову об отношениях Эчмиадзинского престола с Константинопольским посольством, которые не сложились в системный характер. Не был послан векиль в Константинополь и не оказана поддержка Константинопольскому патриарху в борьбе против про-

тестантизма.³ Представитель русской миссии пришел к отрицательной оценке подхода Нерсеса Аштаракеци: "По этому обстоятельству Константинопольские армяне прямо в молчании Эчмиадзинского престола находят невнимание или равнодушие его к армянской церкви в Турции. Полагаю должно, что мысль эта распространилась и в народе и была с успехом схвачена противниками патриарха Константинопольского, дабы уронить в общем мнении".⁴ Излагалось желание патриарха Матевоса, чтобы католикос поддержал его ободряющим посланием. Предлагалось сделать соответствующее представление католикосу Нерсесу.⁵

4 апреля 1847 г. русское посольство в Константинополе сообщило о кондаке Нерсеса У к местному армянскому духовенству, в котором выразилась поддержка деятельности патриарха Матевоса в борьбе против протестантизма и католицизма. В то же время посольство обращало внимание внешнеполитического ведомства на непрекращающиеся жалобы патриарха Матевоса на деятельность протестантов, получающих поддержку как со стороны Англии, так и Османской Турции. Высокая Порта стремилась максимально ослабить влияние Эчмиадзинского престола на турецкоармянское духовенство, что заставляло русское посольство предпринимать контрмеры в русле ближневосточной политики.⁶

Однако движение за смещение патриарха Матевоса набирало силу. Формально руководителями выступали армянские амиры (старейшины). В записке русскому посланнику от 10 апреля 1847 г. Гамазов указывал, что вначале движение возглавил Сурсат Мисак амира, который стремился отомстить за отказ патриарха выполнить его "излишние требования". Влияние императорской миссии позволило на время подавить движение. Новым толчком к возникновению страстей явилось создание в 1846 г. Совета по инициативе патриарха и распоряжению Высокой Порты, где противоборствующие стороны пытались получить доминирование. Созданный Совет состоял из двух структурных советов: светских дел и духовных занятий. Этим были относительно удовлетворены сословные амбиции представителей армянской общины Константинополя, а созданный порядок управления армянского населения Турции сохранился до принятия "Сахманадртюна" (Национальной конституции) 1860 - 1863 гг.

В конце 1847 г. кардинал Инокентий Фериери посетил Константинополь для изучения положения местных католиков и поднял вопрос об унии. 29 января 1848 г. состоялась встреча Фериери и патриарха Матевоса, вынужденного учитывать давление Высокой Порты. Константинопольскому патриарху было предложено от-

казаться от армянского "заблуждения" и присоединиться к римской церкви. В ответ прозвучало заявление Матевоса об истинном характере армянского вероучения как древнейшего на Востоке. Вторая встреча состоялась 25 марта в Бешикташском доме известного армянского деятеля Погоса Дадяна, где Ферриери попытался оспорить православный характер учения Григория Просветителя, но с тем же результатом. На банкете 1 апреля в доме Дадяна кардинал Ферриери заявил, что армяне в вопросе исповедания не могут различать "добро и зло". В ответ Матевос прокричал возмущенно: "Ты не Бог, чтобы нас судить!"⁷ После чего покинул присутствующих и прервал контакты. Итогом же визита Ферриери явилась деятельность католического армянского патриархата в Константинополе во главе с Гасуном.

Все эти события Нерсес Аштаракецци прослеживал, но их решение оставил на усмотрение Константинопольского патриарха. Для воздействия на турецких армян важное место отводилось наличию личного представителя католикоса в Константинополе. В 1848 г. он отправил епископа Иоаннеса Шахатуняна как личного представителя в Константинополь. Важность акции указывает тот факт, что Шахатунян являлся управляющим архивом и Эчмиадзинской школой, а также членом Эчмиадзинского Синода. Скоропостижная смерть епископа Шахатуняна заставила католикоса отказаться от своей идеи, поскольку ощущалась нехватка высокообразованных иерархов. В начале 1849 г. в Эчмиадзине находилось 5 епископов, 24 архимандрита, из которых пригодными считались шесть, а из них лишь трое надежных. В число последних входили Саргис Гасан-Джалалян, Карапет Шахназарян и Макар Тер-Петросян. Шахназарян был назначен главой Тифлисской духовной консистории, Гасан - Джалалян стал передвижным пропагандистом, а Макар использовался для особых поручений. Приходилось учитывать и прохладное отношение Константинопольского патриархата к вопросу о наличии представителя Эчмиадзинского престола, который, помимо прочего, занимался бы и имущественно-денежными вопросами и пожертвованиями.⁸

При этом католикос испытал чувство горечи от информации полномочного министра России в Персии, сообщенной управлением наместника Кавказа 30 марта 1849 г. о том, что его ближайший сподвижник архиепископ Иоаннес Крымский скончался в Испагане и необходим новый пастырь для местных армян. Дело в том, что князь Д. И. Долгорукий, отношение которого от 28 марта прилагалось, сообщал, что после кончины архиепископа Крымского среди армянского общества Испагана начались раздоры, а

новоназначенный исполняющий обязанности епархиального архимандрит Фадей Бекназаров еще не прибыл.⁹ Расследование католиком происшедшего позволило выяснить, что испаганские армяне, по предварительному соглашению с индийскими армянами, хотели иметь утверждение от Эчмиадзина своего архимандрита в сане епископа. При этом глава шиитов Испагана имам Джомов, покровительствовавший армянской общине, желал иметь поддержку русского посланника князя Долгорукова.¹⁰

Сообщая об этом наместнику Кавказа 11 июля 1849 г., католикос запросил, чтобы русский посланник князь Долгорукий принял под "особенное свое покровительство" защиту не только армян Испагана, но и все армянское население Персии: "Тем внушить наиважную мысль, что они не изъяты от тех соплеменников своих, на которых изливается непрестанная милость моего Его Величества Государа Императора".¹¹

Мощное влияние России на Тегеранский двор позволяло католику надеяться на реализацию своего обращения. Выгоды от предложения Аштаракеци для политического влияния России были несомненны. Вот почему дипломатическая канцелярия наместника Кавказа 4 августа 1849 г. обратилась к католику, чтобы он представил ходатайство о покровительстве армян Испагана и всей Персии напрямую русскому посланнику Долгорукову. Обращение дипломатической канцелярии завизировал начальник Главного управления Закавказья кн. Бебутов.¹²

Из обращения следовало два факта для католику. Прежде всего, правительство России не желало брать на себя всю ответственность за покровительство персидских армян, стремясь представить дело как результат инициативы и следствия обращения католику. Помимо этого, надлежало отныне считаться с князем Бебутовым, который стал прямым управляющим Закавказья под главенством наместника Кавказа.

13 сентября 1849 г. князь Долгорукий направил отношение управляющему гражданской частью Закавказья кн. Бебутову. Покровительство армянам Персии представлялось возможным, но указывалось на задержку в отправлении архиепископа Фадея Бекназарова в Испан, а католикос Нерсес сообщил о готовности посвятить в епископы местного представителя, согласованного с индийскими армянами. Отмечалась заинтересованность миссии в наличии иерарха из Эчмиадзина: "Тем не менее я должен обратить внимание Вашего Сиятельства, что назначение того или другого лица начальником Испанской епархии не может быть одинаково для миссии в отношении покровительства, о котором Его

Священство ходатайствует в пользу армян".¹³

Причина такой постановки кадрового вопроса объяснялась функционированием в рамках законности иностранной державы: "Вашему Сиятельству небезызвестно, что миссия и консульства не перестают делать предстательства в пользу христиан, если они подвергаются гонению в Персии, но сие покровительство оказывается им в той мере, в которой по существующим положениям им позволено оным пользоваться, не уничтожая их обязанностей к Персидскому правительству, как подданных шаха. Чтобы удовлетвориться в том, что домогательство, с которым они через начальника епархии могут войти в миссию, согласны с общими видами управления армянско-григорианской церкви, миссия не излишне должна быть убеждена, что духовная особа во главе епархии была проникнута видами, которые святой католикос внушить имеет для блага своей паствы, и при сем случае я осмеливаюсь думать, что в сем отношении лицо, избранное самим патриархом и известное ему по своим качествам, представило бы более ручательства, нежели тот, который неизвестен лично ни Его Святейшеству, ни миссии".¹⁴ Обещалось покровительство имаму шиитов Испагана.

Между тем борьба между Англией и Россией за влияние на персидских армян обострилась. 14 ноября 1849 г. генеральный консул Аничков сообщил в Азиатский департамент об успехе английского консула в провинции Азербайджан: "На днях я получил от здешнего начальства отношение, из коего также официально уже можно было видеть не токмо передачу со стороны шаха английскому здесь консулу Азербайджанских армян, но даже и том, что здешние власти сами не могут более удовлетворить нас в претензиях на персидских армян, и станут обращаться к г. Стивенсену".¹⁵ Сложилось положение, когда русские претензии в защиту армянского населения тавризские власти должны были представлять английскому консулу.¹⁶

31 января 1850 г. католикос Нерсес направил кн. Долгорукову сообщение, что ожидаемый им представитель армян Испагана, как и индийских армян, так и не прибыл для посвящения в Эчмиадзин. Чтобы избежать "неприятных последствий" от безначальства в епархии, он посвятил известного ему "по своим добрым качествам" архимандрита Фадея Бекназарова в епископы для Испаганской паствы. Сообщалось также о получении сообщения русского генерального консула в Тавризе от 24 июля 1849 г. по поводу кончины местного армянского епархиального Никогоса, взамен которого был рукоположен в епископы архимандрит Иса-

ак Сатулян для Азербайджанской епархии. Сатулян был известен католикосу с Бессарабии, был с ним в С. - Петербурге и затем в Эчмиадзине исполнял обязанности казначея. Нерсес Ашгаракеци вновь поднял вопрос о принятии посланником в покровительство всех армян Персии, а также глав Испаганской и Азербайджанской епархий.¹⁷

В конце 1849 г. появились слухи о согласии католикоса Нерсеса У передать покровительству Англии армян Персии. Вероятным источником явилось письмо Нерсеса Ашгаракеци в Каир к аге Аракелу Мелик Минасяну, в котором выражалось удовлетворение деятельностью британского консульства в Тавризе по защите интересов армянской общины. Копия письма была переправлена брату адресата Степану Мелик Минасян хану, который являлся ювелиром шаха в Тегеране. Соответствующая информация была опубликована в Смирнской газете "Аршалуйс Араратян".¹⁸

Расследование факта согласия Нерсеса на покровительство Англии армянам Персии со стороны русского генерального консульства в Тавризе позволило опровергнуть его. В донесении генерального консула Аничкова полномочному министру Долгорукову от 27 февраля 1850 г. было отмечено: "Нет сомнения, что все это ложно... Письмо Его Святейшества к Аракелу, как мне очень известно, выражало, напротив, сомнение: почему в покровительство армян мешается английская миссия, а не русская. Но, как бы то ни было, обстоятельство это очень важное, ибо влияние католикоса на персидских армян весьма важно. Действуя подложно, именован Нерсеса, нетрудно отвратить от нашего правительства все армянское население".¹⁹ Причиной порождения слуха указывалось стремление Туманного Альбиона сохранить свое влияние в провинции Азербайджан, сопредельной с закавказскими владениями, осуществить переориентацию армянского населения: "С восшествия на престол нынешнего шаха, англичане стараются склонить на свою сторону все армянское народонаселение Азербайджана, отчуждать его от влияния России и уничтожать преданность онаго нашему правительству".²⁰ Возможной контрмерой представлялось воздействие Эчмиадзинского престола: "При подобном положении вещей самым естественным средством против их козней было бы действовать чрез духовенство армянское, которое в здешних краях имеет не токмо моральное влияние на своих соотечественников, а даже и светскую власть".²¹ Предлагалось исходатайствовать у католикоса Нерсеса принятие просьбу архиепископа Никогоса об отставке, находящегося в монастыре Партогимеос, и назначить нового главу армянской епархии Азербай-

джана.

В начале 1851 г. положение в Персии обострилось. Турция заняла ряд пограничных территорий и причислила монастырь Партогимеос Аракелоц к ведомству Константинопольского патриарха. Настоятелем монастыря был назначен архимандрит Пилипос. Донесение консула Аничкова от 26 февраля 1851 г. отразило возникшую угрозу как для интересов России, так и для Эчмиадзинского престола: "Распоряжение это может иметь весьма неблагоприятные для нас следствия. Монастырь Партогимеос Аракелоц заведовал всеми армянскими домами Урмии и Салмаста, которые поставляли ему солидную добровольную подать, и отчуждение их из управления епископа русского подданного, назначенного из Тифлиса, было бы, очевидно, потерей для нашего влияния сих нескольких тысяч христиан, если даже не восстановление их против нас".²²

6 марта 1851 г. католикос направил посланнику Долгорукову отношение об острой необходимости покровительства армян Персии: "Армянская нация, обитающая в Персии, претерпевает разные угнетения от персиян, и не имея защитника, прибегает ко мне и просит мою защиту". Свое мнение Нерсес Аштаракеци мотивировал содержанием письма, полученного от армянской общины Новой Джульфы. В нем указывалось резкое сокращение численности армянской общины, возникшей в начале XVIII в., после переселения населения Восточной Армении в Персии при Шах-Аббасе: "Небезызвестно Вашему Святейшеству о происхождении Джульфы, когда нацию нашу взяли в плен и переселили сюда, состояла из двенадцати тысяч дымов (60 тыс. чел.), не говоря о поселенных пленных в разное время, которые также сократились здесь, а ныне осталось 350 дымов (1750 чел.), и они уже близки к падению". Отмечалась причина сокращения численности джульфинских армян: "Конечно, от угнетения, Владыка! От безжалостного угнетения, которому подвергались как наши предки, так и мы сами".²³ Указывалось об отсутствии гарантии собственности, чести и достоинства: "Мы не хозяева жизни нашей, ни хозяева имений, не говоря и о чести, ибо лишены мы и этого, и как скотины умерщвляют кого хотят из нашей нации, нет защитника, нет покровителя".²⁴

Отмечалось, что за два последних года из членов общины трое погибли без вины и причины, поскольку являлись христианами. Бесправие царило в судопроизводстве: "Сверх того, если кто -нибудь из армян оказывался виновным в чем - либо, то все его ближние, почти вся нация находятся в опасности". Причиной раздо-

ров являлась шариатская норма о закреплении имущества "неверного" родственника за мусульманином: "Здесь существует закон, по силе которого принимающие магометанскую религию владеют всем имуществом родственников своих. Закон сей приводит нас в крайнюю бедность, ибо не уменьшается из нашей нации людей злонамеренных, легкомыслящих и корыстолюбивых, кои по причине каковой неограниченной жадности предают от своих видов нацию, и по сим сказанного, будучи наследниками всех блестящих домов, присваивают все имущество их, подвергая хозяев крайней бедности". Низменный инстинкт руководил подобными людьми: "Надеждою многие, вовсе незнакомые нам называют себя родственниками нашими и притесняют бедную нацию нашу. По силе того закона, сколько домов уничтожено? И кто даст голодающим вкусить?".

Имело место обострение национальных репрессий в период отсутствия покровительства армянскому населению в Персии: "Владыка! Таковые гонения усиливаются в особенности тогда, когда мы находимся без защитника, и напротив ослабевают, когда состояли мы под защитою патриота Пастыря. Из всего вышеизложенного благоволите заключить, каковы должны быть бедствия и участь наши".

По мнению Нерсеса Аштаракеци, подобное положение персидских армян требовало перемен. Так как Эчмиадзин находился в составе Российской империи, не имея непосредственно прямых связей с границей, то приходилось использовать возможности русской миссии в Тегеране: "Трогательное письмо это, изображающее бедственное положение нации армянской, обитающей в Персии, приводит всякого в сожаление. Для прекращения таковых вышеуказанных угнетений в прежние времена патриархи Эчмиадзинские или письменно протестовали, или, только являсь ко двору персидскому, могли помочь нации своей".²⁵

В пользу заступничества армянского населения Персии католикос Аштаракеци указывал наличие фирманов правителей Персии, хранящихся в Эчмиадзинском монастыре, по которым армянская церковь и церковные имения были избавлены от налогов, а армянскому населению гарантировались "спокойствие и мир". Прилагалось прошение на имя шаха, где представлялось положение местных армян, и указывалось на дарование им "свободы" со стороны его предков. Простение и письмо посланнику Долгорукову должен был представить глава Испаганской епархии Бекназаров.²⁶

Последовало очередное давление со стороны представительств

Франции и Англии. 23 июля 1851 г. русский генеральный консул поставил в известность правительство об уничтожении фирмана покойного Могамед шаха, запрещавшего обращение местных христиан в другие религии. Эчмир Тавриза заявил о свободе прозелитизма в Персии. Активность проявлял французский консул Шиль. Аничковым был задан зондирующий вопрос консулу Стивенсону: "Как Вы поступите, если я воспротивлюсь обращению миссионерами армян в католицизм". Последовал обезоруживающий откровенный ответ: "Возьму в таком случае миссионеров под английское покровительство".²⁷ Ответ был показателен тем, что Англия и Франция сознательно вели деятельность в пользу изменения вероисповедания персидских армян. Под влиянием Англии персидские власти стали заявлять о нежелательности присутствия в Персии русскоподданного армянского епископа.²⁸

В день Богоявления 6 января 1852 г. в Тавризской армянской церкви произошел международный инцидент. В этот день обычно упоминались имена царя, персидского шаха, посланников и консулов как покровителей христианства и особенно армянского населения. Протоиерей Тер-Габриел осуществил обычай упоминания, исполняемый им уже 24 года, но не помянул имени английской королевы, а после императорской миссии и генерального консульства России помолился за Великобританское посольство и консульство. Это вызвало недовольство консула Стивенсона, который счел себя "оскорбленным" за свое правительство и посоветовал протоиерею вообще оставить поминания в этот день. В этом Аничков увидел намек на "враждебность" Стивенсона к России, но оставил без последствий: "Тем более, что его мнение не могло иметь особого влияния на действия армянской церкви".²⁹ Однако затем правитель Азербайджана заявил то же самое, с угрозой наказать протоиерея Тер-Габриеля. Аничков предпринял демарш перед шахзаде, который заявил, что никто не имеет права запрещать молиться за е. и. в. Об этом Аничков сообщил католикосу Нерсесу, чтобы Тер-Габриель не уклонялся от установившегося обычая поминания:³⁰ "Неоставление этого древнего обычая произвело бы здесь слишком невыгодное впечатление".³¹

29 сентября 1852 г. посланник Долгоруков ответил на письма католикоса от 31 января 1850 г. и 6 марта 1851 г. Сообщалось об истребовании фирманов от шахского правительства на деятельность новоназначенных глав Тавризской и Джульфинской епархий Самуэляна и Бекназарова. Встреча посланника с Бекназаровым произошла во время его пребывания в Испагане, куда он отправился по делам джульфинских армян. По ходатайству послан-

ника внешнеполитическое ведомство выделило 800 червонцев для выкупа заложенного имения Джульфинского монастыря и приведения в порядок внутреннего помещения. Учитывая позицию русского посланника, Тегеранский двор отменил для армянского населения Испаганской области рекрутский набор и восстановил ряд ранее имевшихся льгот, предоставленных прежними правителями Персии.³²

20 октября 1851 г. католикос выразил свою признательность князю Долгорукому за выкуп Джульфинского монастырского имения и восстановление льгот армян Испаганской области. Со стороны Аштаракеци главе Испаганской епархии было указано, чтобы по всем необходимым вопросам, он обращался к русскому посланнику.³³ О переписке католикоса с русским посланником в Персии и непосредственном обращении католикоса к шаху стало известно министерству внутренних дел из сообщения прокурора Эчмиадзинского Синода. Управляющий министерством внутренних дел в отношении от 17/21 ноября 1851 г. через наместника Кавказа запросил содержание переписки.³⁴ 13 марта 1853 г. посланник Долгоруков поставил в известность Аштаракеци, что шах Персии облегчил на 100 туманов налог, взыскиваемый с Джульфинского мужского монастыря, что рассматривалось как облегчение положения армянской общины Испагана.³⁵

В поле зрения католикоса находились и проблемы западноармянского духовенства, имеющие значительную специфику в отличие от Персии. Много политического шума имела борьба Константинопольского патриархата против протестантизма. По данным русского посольства, когда в 1843 г. патриарх приступил к исполнению обязанностей, численность армян-протестантов в Константинополе составляла 6 тыс. чел., а на момент отставки всего 70. 21 сентября 1848 г. движение за смещение получило успех. Шесть руководителей Константинопольского патриархата потеряли свою должность. Константинопольский патриарх Матевос и логофет (секретарь) Акоп Карджикян подписали свое отречение. Новым патриархом стал архиепископ Акоп.

Анализ происшедшего переворота событий привело к тому, что русское посольство составило мнение о патриархе Акопе как слабой личности, не имеющей влияния в Совете, не пользующийся поддержкой в общественной жизни. При нем влияние получили логофет Карджикян и его окружение. Втуне выявилась причастность Англии к происшедшим событиям, поскольку его брат являлся видным протестантом, возглавившим в 1851 г. армянский протестантский патриархат. Пирровый успех был обеспечен же-

ланием части армянского населения получить личную и имущественную безопасность, даже за счет отказа от веры предков.³⁶ Происшедшее получило отрицательную оценку русского посольства: "Одного этого события достаточно, чтобы понять всю неестественность и всю опасность положения армянского общества в Турции".³⁷ Отрицательное значение имела и занятость Нерсеса Аштаракци преимущественно налаживанием Главного управления армянской церкви и укреплением экономических устоев Эчмиадзинского престола. Католикос так и не послал своего векиля в Константинополь, из-за противодействия Константинопольского патриархата, предпочтя вся финансовые проблемы решать на месте.³⁸

6 июля 1850 г. Андрей Муравьев направил письмо к Нерсесу Аштаракци, в котором отмечал о своем пребывании в Иерусалиме, где имел встречи с армянским патриархом Киракосом. Отмечалось присутствие при первом "облечении" его в сан патриарха, значимость в церковной жизни и положение местных дел.³⁹ Патриарх Киракос умер в мае, а его место занял Ованнес. Взаимоотношения же конфессий в "святых местах" обострились, где католическое духовенство пользовалось покровительством императора Наполеона III, а православные священнослужители - царя Николая I.

Активную позицию в попирании прав армянского духовенства занимали представители католической церкви, которые требовали передать им "престол Армянский" в Геосинии, а в Вифлемском армянском отделе запрещали вешать лампы на цепи кукольные, открывать и закрывать окна наравне с другими духовными. Армянское духовенство стремилось сохранить за собой ключи монастырской двери Вифлемского храма, по одному экземпляру которого имелось у греков и католиков, а также желало иметь определенный день на месте "Вознесения Господня" для проведения отдельной литургии наравне с другими исповеданиями. Это заставило патриарха Ованнеса в конце 1852 г. вручить жалобу "По святым вопросам" драгоману русского Константинопольского посольства Гамазову для представления поверенному А. П. Озерову. Векиль Вардан просил императорскую миссию направить письмо на имя консула Базили, чтобы он учитывал жалобы армянского духовенства, "как и прочих". Осуществлено обращение к католику всех армян.⁴⁰

Представители Зейтуна в Киликии направили секретную делегацию к поверенному Озерову в Константинополь с просьбой о защите от угнетения турецких властей. Заявлялось о готовности в

армянской общиной Зейтуна готовности в числе 1500 человек принять русское подданство. Сисский католикос подал записку посланнику с уверениями торжественно признать первенство Эчмиадзина, как и старейшины Киликии. Имелось в виду, что политическое влияние России в Киликии позволит иметь сильного покровителя, смягчит "турецкие зверства" и положение христиан, прекратит переход в иноверчество: "Благодарный народ этот (Киликии) в огонь полезет за Россию". Миссию попечительства Россия могла осуществить консульской сетью - генерального консула, вице-консулов и корреспондентов. Отказ от этой миссии лишь бы усилил позиции католической Франции в Киликии.⁴¹

При этом западные страны в качестве контрмеры стремились ослабить воздействие России на Кавказе, публикуя даже дезинформацию относительно позиции Эчмиадзина. Немецкая газета "Algemeine Zeitung" 19 апреля 1850 года опубликовала информацию о деятельности эмисаров Шамяля в Трапезундском районе по организации "джихада" (священной войны) против России в Дагестане, Чечне и на всем Кавказе.⁴² Указывалось о вовлечении в эту интригу и армянского населения Османской Турции: "Армяне из окрестностей Карса и Вана, которые до настоящего времени были неизменно преданны русским и служили им агентами и доносчиками в военных действиях, получили письмо от Эчмиадзинского патриарха, в котором он, сильно жалуясь на притеснения и самоволие русских, повелевает православным армянам воздерживаться на будущее время от всяких неприязненных действий против Турции и не оказывать никакого пособия русским".⁴³

Содержание публикации свидетельствует о почерке и причастности турецких властей. Основой же дезинформации, очевидно, послужило обращение католикоса Нерсеса Аштаракеци к русскому консулу Герси в Трапезунде, через управляющего наместника дипломатической канцелярии К. Лелли, об оказании содействия во взыскании долга российскому подданному Карапету Мамиконяну с бывшего вали Трапезунда Гасан паши в 1848. За удовлетворение обращения католикос Нерсес в 1849 г. из Тифлиса направил свою признательность русскому консулу Герси.⁴⁴ Очевидно, что огласка факта участия главы армянской церкви во взыскании долга с вали и стала основой для предположения турецких властей о наличии негласной переписки "Эчмиадзинского патриарха" со своими подданными армянами.

Русское посольство в Константинополе поддерживало отношения с бывшим католикосом Матевосом. Для получения духовного

удовлетворения Матевос в 1852 г. запросил через драгомана Гамазова желательность получения пастырской грамоты от католикоса как знак признательности за борьбу против протестантизма во время патриаршества. Неустойчивость позиций нового Константинопольского патриарха Акопа заставила обратиться за покровительством к католикосу Аштаракеци. Соответствующее письмо руководитель дипломатической канцелярии наместника Кавказа Лелли передал католикосу 12 сентября 1852 г.⁴⁵

Константинопольский патриархат в конце 1852 г. года, оказывая давление на русское посольство, заявил, что в случае отказа решения проблемы "святых мест" он будет искать другие средства для "врачевания ран" армянской нации. Драгоман Гамазов был уполномочен со стороны поверенного Озерова заявить делегации Константинопольского патриархата, что они должны обратиться к католикосу всех армян Нерсесу Аштаракеци от имени западноармянства. Рассчитывалось, что в этом случае глава армянской церкви мог бы стать "проводником покровительства России" для западноармянства. Предложение русской миссии "несколько смутило" делегацию Константинопольского патриархата, куда входили амира Погос Барутчи - паша и логофет Карджикян. "Смутение" объяснялось тем фактом, что Погос Барутчи, пользуясь своим влиянием при Высокой Порте, стремился присвоить пять домов армянской церкви св. Троицы в дипломатическом квартале Перы. Помимо этого учитывалось недовольство Нерсеса Аштаракеци по поводу устранения патриарха Матевоса. В конечном счете, поверенный Озеров в начале января 1853 г. заявил, чтобы армянская делегация Константинопольского патриархата обратилась к греческому патриарху Кириллу, чтобы он внес ходатайство по "святым местам" перед Высокой Портой. Насчет окон, лампы и ключа армянскому духовенству было посоветовано "дружелюбно" поговорить с греческим патриархом, что могло компенсировать необходимость обращения к Высокой Порте.

18 января 1853 г. Константинопольское посольство объявило логофету окончательную позицию, заключающуюся в том, что при обостренном состоянии Иерусалимского вопроса между Францией и Россией оно не может ни прямо, ни косвенно взять на себя обязательство по защите интересов армянского духовенства. Вновь было посоветовано обратиться к греческому патриарху Кириллу, которого Россия считала "стражем и покровителем св. мест". Ответом Карджикяна явилось указание на "недоброжелательность" отношения греческого духовенства в вопросе "святых мест" к армянскому духовенству, которое могло использовать

обращение в свою пользу.⁴⁶

19 января 1853 г. Иерусалимский векиль и логофет Константинопольского патриархата вновь провели переговоры с русским поверенным, оставшимся на своей позиции. В ответ армянские представители обратились с новой просьбой, а именно, чтобы русские консулы взяли под свою защиту армянскую нацию в Анатолии. Особое внимание было обращено на удовлетворение "нужд" армян Муша и Вана, где разбойничали два курдских аширета. Поверенный обещал учесть и эту просьбу. На следующий день переговоры были продолжены в Бишакташском доме О. Дадяна. Русская сторона настойчиво советовала константинопольским представителям обратиться к католикосу всех армян, чтобы придать их обращению официальный характер. Логофету указано на необходимость вести себя "скромно", не вдаваться в интриги и не обращаться к кому-либо. Ответом явилось заявление Карджикяна, что он "успел" склонить Константинопольского патриарха на обращение к Нерсесу Аштаракеци. Поверенный обещал передать обращение секретным образом через наместника Кавказа и "поручить" Нерсесу Аштаракеци сохранить ходатайство в "глубокой тайне". Было также оговорено обращение западноармянства к фамилии Лазаревых и князю Бебутову через Гамазова посредством Азиатского департамента министерства иностранных дел России. Армянская сторона, которая, в случае огласки переговоров, обобнованно боялась репрессий со стороны Османских властей, заверила о предоставлении письма к католикосу 5 февраля 1853 г.

В конечном счете обращение к Нерсесу Аштаракеци было послано, но русско-турецкая и Восточная война (1853-1856) смешали все расчеты.⁴⁷ Перипетии военных действий, в частности, связанных с занятием Карса и действиями князя Бебутова, представлялись католикосу Ереванским военным губернатором И. Ф. Назаровым.⁴⁸

-
1. ИНА АН, ф. 58, оп. 1. д. 408, л. 3, 6 об, 7.
 2. Орманян М. Азгапатум..., с. 4373.
 3. ИНА АН, ф. 58, оп. 1. д. 408, л. 3, 6 об, 7.
 4. Там же, д. 176, л. 78 об.
 5. Там же, л. 78 - 79.
 6. Там же, л. 1-2.
 7. Ерицян А. Д. История армянской церкви. Б. м. и г., с. 361, 362. - На арм. яз.
 8. Архимандрит Месроп. Кондаки католикоса..., N5, с. 405 - 407.
 9. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 145. ед. хр. 236, л. 1, 1 об.
 10. Там же, ед. хр. 245, л. 10 - 11.

11. Там же, л. 12.
12. Там же, ед. хр. 243, л.10 - 11.
13. Там же, ед. хр. 245, л. 17.
14. Там же, л. 18.
15. АВГР, ф. Гл. архив I-9, д. 2 ч. III, л. 154, 154 об.
16. Там же, л. 161.
17. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п.145, ед. хр. 245, л. 14 - 16.
18. Вести. - Аршалуйс Араратян. 1849, 23 декабря. - На арм. яз.
19. АВГР, ф. Гл. архив I-9, 1833, д. 2, п. III, л. 146.
20. Там же, л. 154, 154 об.
21. Там же, л. 146 об.
22. Там же, ч. IV, л. 133, 133 об.
23. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 145, ед. хр. 259, л. 40.
24. Там же, л. 40, 40 об.
25. Там же, л. 41.
26. Там же, л. 40 - 42.
27. АВГР, ф. Гл. архив I-9, д. 2 ч. IV, л. 55.
28. Там же, л. 54 - 56.
29. Там же, л. 160, 160 об.
30. Там же, л. 160 об. - 162.
31. Там же, л. 162.
32. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 145, ед. хр. 275, л.74 -75 об.
33. Там же, ед. хр. 276, л. 76.
34. Там же, ед. хр. 277, л. 78.
35. Там же, ед. хр. 282, л. 87.
36. ИНА АН, д. 58, оп. 1, д. 406, л. 3 -4.
37. Там же, л. 4 об.
38. Там же, д.408, л. 1-3.
39. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 152, ед. хр. 187, л. 1.
40. ИНА АН, ф. 58, оп.1, д. 176, л. 85 об, 86.39.
41. Там же, д. 408, л. 6.
42. Матенадаран, Архив Мсрянов, п. 206, ед. хр. 1692, л. 1.
43. Там же, л. 1, 1 об.
44. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 133, ед. хр. 461, л. 1, 1 об; ед. хр. 4562, л. 1 1 об.
45. ИНА АН, ф. 58, оп.1, д. 176, л. 85 об, 86.
46. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 152, ед. хр. 176, л. 1,1 об.
47. ИНА АН, ф. 58, оп.1, д. 176, л. 85 - 89 об.
48. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п.176, ед. хр. 162, л.1, 1 об.

3. Внутренние отношения

Смена поколений выдвинула проблему замещения вакантных должностей епархиальных и членов Эчмиадзинского Синода. 23 августа 1846 г. наместник Кавказа направил в Кавказский комитет представление католикоса Ашгаракеци о назначении исправляю-

щего должность Ширванского епархиального епископа Матевоса Вегапетяна на вакантное место главы Нахичевано-Бессарабской епархии. Глава армянской церкви характеризовал Вегапетяна как личность "более других достойную" из всех иерархов. Этим представлением Аштаракеци выполнил свое обещание перед министром внутренних дел Перовским о замещении Нахичевано-Бессарабской епархии по прибытии в Эчмиадзин, которое было дано перед отъездом из С.- Петербурга. Мера католикоса означало высокое доверие Вегапетяну, который должен был развить созданное им устройство. В то же время Аштаракеци вверил управление Ширванской епархии викарному из-за незначительности местных поступлений как временной меры, что означало установление личного контроля. 25 сентября царь утвердил представление.

27 ноября 1846 г. управление наместника Кавказа направило председателю Кавказского комитета графу Чернышеву ходатайство католикоса о замещении пяти вакантных членов Эчмиадзинского Синода. Католикос ходатайствовал об увольнении архимандрита Сатуэляна от должности члена Эчмиадзинского Синода. Вместе с тем предлагалось заместить три вакансии епископов и две вакансии архимандритов. На епископские места были выдвинуты Степан Аргутинский, Никогос Тер-Марукян и Иоаннес Шахатунян, на архимандритские - С. Тер-Давыдов и Макар Тер-Петросян. Епископские кандидаты представлялись не имеющими альтернатив, а архимандритскими значились Г. Пашиманов и С. Назлуханов.

Католикос лукавил относительно кандидатур епископов на места в Эчмиадзинский Синод. Степан Аргутинский и Никогос Тер-Марукян, участники мятежа против католикоса Иоаннеса в 1833-1834 гг., вознаграждались за верность Аштаракеци. Иоаннес Шахатунян в 1842 г. издал книгу "Описание Эчмиадзинского монастыря и пяти уездов Арарата" и являлся наиболее приемлимым иерархом из представителей среднего поколения епископов. Проведению представления католикоса содействовала поддержка графа Воронцова. В то же время Аштаракеци выполнял требование "Положения" с формальной стороны, поскольку состав Эчмиадзинского Синода позволял проводить желаемые решения. 21 января 1847 г. последовала высочайшая санкция.¹ При этом католикос добился возвращения из Моздока в Эчмиадзин архиепископа Стефана Араратского, а Тер-Мурадян скончался.²

9 февраля 1847 г. католикос издал кондак о проведении ревизии в главном учреждении армянской церкви. Для рассмотрения состояния делопроизводства присутственных мест Эчмиадзинского

престола была создана комиссия в составе архиепископа Минаса, священника Исая, сына священника Исая Заалова, служащего Варламова и дворянина Д. Г. Херодоняна, которым поручалось управление имениями св. Эчмиадзина. Ревизии со стороны комиссии подлежала и делопроизводство армянской консистории в Грузии и в г. Елисаветполе, а также Тифлисское армянское учебное заведение, приведенное католикосом Иоаннесом УШ в расстройство, чтобы обеспечить успешный ход процесса просвещения среди армян. Для руководства Эчмиадзином создавалось монастырское правление из членов братства.³

В апреле 1847 г. католикос Нерсес, вследствие поступивших жалоб из Грузино-Имеретинский епархии, поручил чиновнику Варламову осуществить ревизию местного управления. К ней также были привлечены епископ Никогос, архимандрит Карапет Шахназарян. Были выявлены злоупотребления и незаконные действия со стороны ряда священнослужителей. Противодействие устранению выявленных недостатков оказал архиепископ Карапет. Следствием этого стало удаление членов, секретаря и главы Тифлисской консистории Акопа Каринянца кондаком католикоса от должностей, что было санкционировано наместником Кавказа.⁴ Епархиальный Карапет обратился для защиты себя и собственного окружения письменно к князю Паскевичу. Обращение наместника Польши о защите епархиального князь Воронцов отверг ссылкой на обоснованность действий Нерсеса Аштаракеци, который удовлетворил чаяния тифлисских армян по поводу наказания священнослужителей.⁵ Тем не менее архиепископ Карапет на время удержался во главе епархии, тем более что имел заслуги перед нацией. В августе министерство внутренних дел было извещено о продолжении ревизии, но об её окончании сведения так и не поступили.⁶

В этих условиях католикос Нерсес Аштаракеци счел необходимым осуществить регулирование церковных источников и делопроизводства в Тифлисской епархии. Были приняты "Правила старшим священнослужителям", обязывающие вести метрические книги о рождении, крещении и браках, а также реализовать продажу свеч. Все поступающие средства от духовных треб подлежали передаче церковным ктиторами. "Правила священнослужителям Тифлиских церквей" требовали от духовенства поддержания порядка, чистоты, спокойствия и опрятности одежды в храмах. Все священнослужители, за исключением больных, должны были находиться во время литургии в церквях. Церковные таинства должны были совершаться с помощью креста, библии, свеч, цер-

ковной одежды и при прислужнике. Запрещались поборы при похоронах, свадьбах и крещениях, кроме законно установленных такс. Также имелись "Правила" персонального характера для отдельных священнослужителей. Были составлены "Правила" для деятельности духовенства Тифлисской и Шушинской консисторий.⁷ Подобные "Правила" Нерсес Аштаракеци в 1815 - 1817 гг. составил для руководимой им Грузинской епархии, в том числе и для улучшения управления имений.⁸ При этом в заново составленных "Правилах" католикос Нерсес опирался и на статьи "Положения".⁹

17 июля 1847 г. министр внутренних дел Перовский направил сообщение Аштаракеци, что католикос Иоаннес в 1841 г. ходатайствовал о недопущении нападок на армянское вероисповедание в печати. Для придания делу официального хода запрашивалось предоставление вероучения армянской церкви.¹⁰ В ответ было составлено отношение "Объяснение церкви Армянской касательно верования и обрядов, кои она соблюдает".¹¹

12 мая 1848 г. состоялось награждение католикоса Нерсеса орденом св. Владимира I степени. В представлении наместника Кавказа Воронцова говорилось о содействии католикоса региональной власти: "Я всегда с удовольствием встречал в нем полную готовность к споспешествованию по всем видам правительства по управлению армянскими церковнослужителями".¹² При этом учитывались орденские награды Нерсеса Аштаракеци - св. Анны 1 степени, бриллиантовый крест на клобуке и св. А. Невского, к которому в 1843 г. получил бриллиантовые знаки. Было обращено внимание и на то, что католикос Иоаннес был награжден орденом св. Владимира I степени 11 ноября 1837 г.¹³ В рескрипте Николая II причиной награждения указывались "неутомимые и полезные труды" Аштаракеци по управлению армянской церкви. Орденская награда представлялась также знаковым отличием за заслуги перед Российским престолом и за рачительное попечение паствой.¹⁴

14 июня 1848 г. наместник Кавказа поставил в известность католикоса об удовлетворении его ходатайства от 16 декабря 1847 г. о повышении зарплаты солеломщикам Кульпинского солерудника. Царь Николай I утвердил соответствующее ходатайство наместника Кавказа и Кавказского комитета под председательством военного министра Чернышева. Отменялась прежняя плата по 4 коп. за брус и взамен вводилась плата по весу соли. Устанавливалась плата по 2 коп. сер. за пуд соли в брусках, но при условии наличия правильной формы и требуемого веса. При этом каждый

брус соли, превышающий три пуда, подлежал возвращению соломщикам для распилки на два бруса. Брусья, имеющие вес менее полутора пудов подлежали бесплатному приему казной как брак.¹⁵

5 сентября 1848 г. в Тифлисе состоялось открытие Армянского училища, которое было закрыто в предшествовавшем году из-за холеры. Значительное усилие в этом направлении приложил католикос, чем отмечалось в поздравительном письме директора канцелярии наместника Кавказа Сафонова от 6 сентября: "Примите мое душевное поздравление с исполнением вашего давнишнего желания. Дай Бог, чтобы заведение это шло по указанной вами дороге и чтобы оно успехами своими оправдало патриаршие ваши заботы".¹⁶ В это же время поступило письмо ген. - м. Пашкова от 5 сентября, спрашивавшего о принятии католикосом сеансов магнетизма для поддержания здоровья. Нерсес Аштарекец, естественно, после Петербургского излечения являлся сторонником магнетизма.¹⁷

Граф Воронцов в это время был в Крыму. Известие о желании наследника посетить Закавказье, повторяя маршрут Николая I, заставило наместника Кавказа предпринять обозрение мест проезда. Вместе с Воронцовым в Эчмиадзин 24 октября 1848 г. приехала и его супруга княгиня Елисавета Ксавериевна. Их сопровождал князь Бебутов.¹⁸ Католикосом была отслужена литургия в Эчмиадзинском храме. На память католикос подарил княгине картину Ваксмута о церемонии миропомазания.¹⁹

В благодарственном письме от 28 октября 1848 г. из Еревана князь Воронцов высоко оценил прием католикоса, созданные хозяйственные постройки, шелкомотальню и искусственное озеро. Им было указано: "Весь народ ваш и весь здешний край из всего этого видит, что армянская церковь имеет теперь достойного главу и должно только сожалеть о потере более десяти лет, в течение коих вы бы сделали столько полезного во всех отношениях; но Бог вас сохранит еще на многие годы, и вы получите достойную награду, видя успехи неусыпных и благоразумных трудов ваших".²⁰ Итогом поездки княжеской четы стало создание в Ереване отделения женского благотворительного общества св. Нины и женского училища св. Рипсиме 2-го января 1850 г. Учебному заведению католикос подарил церковный участок в Дарачичаге для летнего отдыха учащих.²¹

В то же время католикосом были предприняты меры по обеспечению Нерсисяновского и Эчмиадзинского училищ преподавателями европейских языков, а также нового приходского училища в Гаваре и Александропольского уездного училища законоучите-

лями армянского исповедания и армянского языка. Имелось соответствующее указание министра народного просвещения о строгом отборе законоучителей во всех учебных заведениях от университета до приходских училищ. Католикосом были использованы возможности купца А. Акимова для направления двух молодых армян на учебу в Москву.²² Учитывалось стремление директора училищ Тифлисской губернии к снятию армянского языка и закона Божия армянского исповедания из учебных предметов Горийского, Сигнахского и Телавского уездного училищ, что потребовало ходатайства католикоса о внесении изменений в "Положение Кавказского округа" за 1851 г.²³ Им были запрещены побои и насилия над учащимися приходских школ. Преимущество было отдано нравственному воздействию в воспитании подрастающего поколения.²⁴

24 января 1849 г. Правительствующий Сенат заслушал представление министра юстиции В. Н. Панина об "особом ходатайстве" Нерсеса Аштаракеци по освобождению всех строений и подворья армянской церкви от постоя, поземельного сбора и других городских повинностей, аналогично закону 1842 г. относительно православной церкви. Ходатайство католикоса было поддержано наместником Кавказа и Кавказским комитетом.²⁵ В то же время 26 января наместник Кавказа сообщил о повторном запросе по поводу предоставления вероучения армянской церкви. Нерсес Аштаракеци ответил 13 января 1850 г. о сборе исторических сведений. Указывалось о наличии канонического труда католикоса Нерсеса Клаэнского XII в., содержащегося в книге "Исторические памятники вероучения армянской церкви, относящиеся к XII столетию", изданной в переводе Ал. Худобашева за 1847 г. в С.-Петербурге. Высылались два экземпляра книги: один - для наместника Кавказа, а другой в св. Синод.²⁶

Важной мерой католикоса стало назначение архиепископа Карапета членом Эчмиадзинского Синода, с высочайшим утверждением в 1849 г., а управление Грузино-Имеретинской епархии поручено викарному.²⁷ Тем самым католикос осуществил удаление архиепископа Карапета и поставил в зависимость от себя епархию. Обиженный архиепископ удалился в Ахалцих и отверг посредническую миссию архимандрита Макара Тер-Петросяна, посланного Нерсесом Аштаракеци. При этом предлагалось стать главным членом Синода, т. е. заместителем католикоса. Начались жалобы архиепископа Карапета в правительство на действия Нерсеса Аштаракеци по отстранению от управления епархией.²⁸

Была продолжена регламентационная деятельность церковных

структур армянской церкви, взяв за основу "Правила" для Тифлиссских церквей. Так, в "Правилах" для Гандзакской консистории от 14 января 1849 г. санкционировалось четвертое и пятое обручение в случае кончины предшествующих жен. В "Правилах" для Шемахинской консистории 1849 г. было введено требование запрета развода из-за бездетности, если не имелись другие основательные причины. Согласно кондаку католикоса Нерсеса от 30 июня, запрещались свадебные церемонии с 5 марта (праздник бун барекендан) до первого воскресенья Пасхи, в воскресные дни и в дни воздержания.²⁹

Наместник Кавказа отдавал должное деятельности Нерсеса Аштаракеци сквозь призму дружеских чувств. В своем "Отчете об управлении Закавказским краем" за 1846 - 1848 гг. князь Воронцов отметил положительное значение от управления армянской церковью со стороны Нерсеса Аштаракеци. Наиболее важным достижением сочтено признание Константинопольским и Иерусалимским патриархатом примата Эчмиадзинского престола.³⁰

Точно так же министр внутренних дел во всеподданнейшем отчете за 1850 г. представил позитивное значение церковной хартии под руководством католикоса Нерсеса Аштаракеци для возвышения роли Эчмиадзинского престола как внутри страны, так и за рубежом: "Положение армяно-григорианской церкви продолжает её образование вполне с утвержденным для неё порядком, при постоянном сохранении приятных отношений Эчмиадзинского верховного патриарха с заграничными армянами, признающими его своим духовным главою". Представлены меры по укреплению устоев армянской церкви. Согласно ходатайству наместника Кавказа, было разрешено церковным ктиторами продавать восковые свечи прихожанам для пополнения скудных средств армянской церкви. Епархиальному Нахичевано-Бессарабской епархии Матевосу было установлено жалованье предшественника в размере 1372 руб. сер. в год.³¹ Общее число прихожан армянской церкви определялось в 367075.³²

Сложными оставались отношения католикоса с князем Бебутовым. 31 июля 1850 г. начальник Главного управления Закавказья направил католикосу сообщение о предстоящем маршруте наследника российского престола Александра Николаевича. Предлагалось руководствоваться церемонией приема царя Николая I в 1837 г. при посещении Эчмиадзинского монастыря. Церемониал носил заголовок "О встрече и приеме Государя Императора в армянском первопрестольном патриаршем монастыре Эчмиадзине по древнему онаго обыкновению". Католикос Иоаннес выехал на-

встречу царю верхом за одну версту от ограды Эчмиадзинского монастыря по направлению к реке Касах, сопровождаемый двумя шатирами (сороходами), почетной стражей из 50 человек, свитой из епископов и архимандритов. Впереди шли два духовных сановника с патриаршим посохом и хоругви. При приближении к императору католикос и духовные особы должны были сойти с лошадей и после его приветствия совместным конным ходом продолжить путь к Эчмиадзинскому монастырю. За четверть версты до Эчмиадзина вся братия должна была приветствовать монарха "приличным" духовным гимном, а два епископа должны были поднести чудотворную икону св. Богородицы и хлеб с солью. При приближении к северным воротам Эчмиадзина патриарх отделялся с сопровождающим духовенством от процессии и направлялся в храм во всем патриаршем облечении. Монарх въезжал в главные ворота монастыря царя Трдата и вступал в храм, где католикос вел к месту сошествия Единородного сына. Причем Николай I отклонил предложение Иоаннеса занять патриарший престол. Католикос произнёс краткое слово и благословение, совершил молебствие. После чего царь был приглашен в патриаршие покои и местопребывание. При последней аудиенции католикос Иоаннес преподнес царю св. дар, представляющий собой частицу животворящего креста Спасителя. Были произнесены слова:³³ "Знамение победы животворящего креста да сопутствует тебе и высокому потомству твоему, противу видимых и невидимых врагов, отныне и довеки. Амин".³⁴

Осенью 1850 г. цесаревич Александр посетил Закавказье. Согласно рапорту Ереванского военного губернатора Назарова наследнику от 5 октября, в губернии имелось священнослужителей и их семейств - 1179, монашествующих мужского пола - 87, церковнослужителей и их семейств - 1188. Общая численность населения Ереванской губернии была определена в 217234 чел.³⁵ Для будущего царя был подготовлен и "Дорожник Кавказского края", где важной достопримечательностью признавался Эчмиадзинский монастырь. Численность Эчмиадзинского Синода определялась в восемь человек: 2 архиепископа, 2 епископа и 4 архимандрита. Давалась положительная характеристика деятельности католикоса Нерсеса Аштаракеци, раскрывались устремления и возможности исполнения:³⁶ "Назначение Нерсеса католикосом имело самое положительное влияние на устройство армянской церкви. Если он успеет привести в исполнение задуманное свое предположение об открытии в Эчмиадзине духовной армянской семинарии, то это учреждение будет иметь самые выгодные последствия как собст-

венно для армянского духовенства, так и в политическом отношении, ибо тогда армяне из Константинополя, Индии и самых отдаленных мест всегда будут присылать своих детей в Эчмиадзин".³⁷

При посещении Эчмиадзинского монастыря 6 октября 1850 г. был использован разработанный "Церемониал". Эчмиадзинский храм и патриаршие покои были торжественно украшены красным сукном и коврами. От дверей храма до места иджман Тех (место сошествия) ростлан пиандал (ковровая дорожка). Однако католикос, которого сопровождал архиепископ Гукас, вышел встречать наследника в одежде простого монаха. Встреча с наследником состоялась у реки Касах. В храме цесаревич приложился к святым мощам и отправился в патриаршие покои.

После встречи князь Бебутов стал попрекать Нерсеса Аштаракеци за то, что он не был в официальной церковной одежде. В ответ католикос обратил внимание на то, что принимающей стороной являлся он и церемониал приема определялся им. Указано, что папа Рима принимал царя Николая I в своей комнате как равный с равным, и точно такие права имели все главы различных исповеданий. Громко для окружения сказано: "Если будет случай, то я не позволю папе Рима, чтобы шаг впереди меня сделал". В данном же случае к наследнику было проявлено отменное внимание. Нерсес Аштаракеци также указал на неуместность замечания князя Бебутова: "Я всеобщий глава армян пошел встречать цесаревича на протяжении трех верст (из них две в коляске-В. Т.), и если вы поймете, то мы в официальной одежде исполняем лишь свои обязанности в церкви перед столом Христа, а не для того, чтобы встречать знатных лиц".³⁸

Резон в подходах как Бебутова, так и католикоса имелся. Говоря о необходимости патриаршего облечения, начальник гражданского управления выполнял как требование ранее разработанного "Церемониала" католикоса Иоаннеса, так и, очевидно, учитывал мнение цесаревича. Помимо этого, князь Бебутов был участником персидского посольства под руководством проконсула Кавказа Ермолова, которого 1 мая 1817 г. Ефрем Дзорагехци вышел встречать на коне в торжественном облечении с российскими орденами св. А. Невского и св. Анны.³⁹ Католикос же Нерсес V, в отличие от Иоаннеса VIII и Ефрема Дзорагехци не украсил себя орденами, а простой одеждой монаха представил себя выше суетного мира.

Католикос устроил торжественный банкет для цесаревича и его свиты, состоявшей из 21 человека, Праздничные стол украшали апельсины, цитрусовые угощения из Смирны, голубиные яйца и

проч. Произнесены были тосты за царствующую династию и Россию. Ответный тост наследника Александра был за католикоса Нерсеса. Отслужена торжественная литургия. Встреча удалась. По прибытии в Ереван цесаревич направил в Эчмиадзин 100 голландских золотых монет в знак благодарности.⁴⁰ Между тем расходы католикоса на организацию приема составили 14 тыс. руб. сер.⁴¹

На окружение главы армянской церкви инцидент с Бебутовым по поводу встречи цесаревича произвел отрицательное впечатление. Однако католикосу приходилось считаться с высоким положением князя. Поэтому, когда княгиня Мария Соломоновна была награждена орденом св. Екатерины, то католикос 14 января 1851 г. поздравил её. Учтивость католикоса была оценена ответным посланием князя Бебутова от 19 января с принесением "живейшей благодарности" за поздравление.⁴² Точно так же Нерсес Аштаракци поддерживал корректные отношения с директором департамента иностранных исповеданий Скрипцыным. 11 мая 1851 г. он поблагодарил за поздравления с Пасхой и пожелал ему успехов "среди многочисленных занятий".⁴³

Католикос уделил внимание поручению царя Николая I по поводу учета критики индийских армян относительно наследования имущественных статей "Положения". 23 января 1846 г. наместник Кавказа запросил о ходе их пересмотра. Нерсес Аштаракци 17 июня 1848 г. в отношении N 174 сообщил наместнику Кавказа и министру внутренних дел о необходимости санкции монарха на упразднение четырех статей "Положения" - 32, 71, 89 и 91, затрагивающее право патриарха, епархиальных глав, монашествующих иметь духовные завещания в пользу своих светских родственников либо обители, если нет такового и законных наследников. Имелись частные замечания по статьям 10-13, касающиеся прав католикоса, избрания и представительства от епархий; статьям 33, 35 и 37, затрагивающие круг действий Эчмиадзинского Синода. Лейтмотивом опровержения имущественных статей являлось их несоответствие канонам армянской церкви: "Епископу не подобает радеть и заботиться в обогащение своей родни, забывая своего Господня".⁴⁴ Обращено внимание на значимость общественных поступлений для существования церкви: "Самый Эчмиадзинский монастырь в Иерусалиме содержится подобными средствами, и все это приобретает посредством монашествующих".⁴⁵ Подчеркнуто, что против имущественных статей выступал ещё его предшественник католикос Иоаннес Карбеци. Поэтому требовалось их упразднение для армянских священно-

служителей, начиная от католикоса до монашествующего. Они должны были касаться не только имевшихся дел до принятия "Положения" 1836 г., но и возникших после: "Это успокоит умы целой нации и сохранит в святости церковные законы, коими руководствовались армяне с самого введения христианства". Указано на сохранение традиционного подхода к имуществу священнослужителей среди заграничных армян.

10 сентября 1848 г. состоялось заседание Совета главного управления Закавказья, рассмотревшего отношение католикоса Нерсеса V, счешшего раскрытыми подход католикоса лишь относительно имущественных статей.⁴⁶ Принята выжидательная позиция относительно "необходимости иметь совокупное соображение по всем поднятым вопросам". Постановлено отложить дело до составления заключения по всему формату отношения и особенно по затронутым оставшимся параграфам "Положения",⁴⁷ то есть 11, 12, 13, 33, 35 и 37.⁴⁸

Несмотря на это, Аштаракеци повторил свое обращение в 1849 и 1850 гг. Настойчивость католикоса заставила министра внутренних дел удостоить его ответа о том, что предложение об изменении ряда статей "Положения" "неудобно" представлять царю. Ответ Перовского носил отписочный характер, поскольку католикос предпринял ряд мер по упразднению неудобных статей "Положения".⁴⁹ В свою очередь, руководство министерства внутренних дел находило, что католикос не предоставил "удовлетворительного ответа" о необходимости пересмотра тех или иных статей "Положения".⁵⁰

20 июля 1851 г. католикос ответил на запрос министра внутренних дел от 6 октября 1850 г. о причине помех по приведению в действие духовного завещания архиепископа Серовбе. Мотивом католикос указал наличие жалобы о присвоении бывшим Астраханским епархиальным 6 тыс. руб. сер., которые он взял из церкви при условии возвращения. Проведенная ревизия Астраханской епархии выявила, что количество ее дохода за 17 лет составило до 106048 руб. сер. 24,5 коп. сер. По дополнительно поступившим сведениям было выявлено еще 12266 руб. 24, 3/4 коп., что вместе составило 118314 руб. сер. Из этой суммы в Московский сохранный банк было положено 21731 руб. 39, 3/4 коп. Католикос находил все эти суммы принадлежащими Эчмиадзинскому престолу: "Добровольные приношения нации поддерживают как Эчмиадзинский монастырь, так и все прочие церкви." Между тем, из доходов Астраханской епархии в Эчмиадзинскую казну ничего не поступало. Это положение признавалось проти-

воречащим канонам армянской церкви, так как ст. § 91 "Положения" не давала монашествующему духовенству право вопреки национально-церковным правилам иметь собственность. Предлагалось стать выразителем чаяний армянской церкви: "Посему приглашаю Ваше Сиятельство защищать право Эчмиадзинского престола всех армян".⁵¹ Результаты ревизии Астраханской епархии обещалось предоставить по первому требованию.⁵²

Мнение католикоса было учтено, но с определенным выводом о раздражении против "Положения" и несостоятельности надежды на содействие самодержавия в сфере просвещения. Об этом управляющий министерством внутренних дел 18 августа 1851 г. сообщил князю Воронцову: "По одному частному делу патриарх Нерсес изъясняет в отношении своем к министру внутренних дел, что армянская нация, ожидавшая от могущественного покровительства России восстановления утраченного под иноверным игом верховного значения Эчмиадзинского престола, видит ныне, против всякого ожидания и к общему несчастью, что упования оной на защиту нашего правительства не исполнились, потому что патриарший Эчмиадзинский престол и все прочие монастыри Араратские находятся в жалостном положении, не имея достаточных средств к учреждению учебных заведений для воспитания и приготовления монашествующих, и что, наконец, по недостатку духовенства некоторые епархии остаются без начальников".⁵³

Приведенное мнение католикоса свидетельствует также об определенном разочаровании в собственных усилиях по накоплению материальных средств для развития армянской церкви и духовной системы образования. Имевшиеся же ресурсы царского режима направлялись на поддержку официального православного вероисповедания. Создавшуюся патовую ситуацию в сфере просвещения для главы армянской церкви раскрывает анализ Хачатура Лазарева: "Без приготовительных школ и без училищ, как первых фундаментов и рассад, невозможно учреждать внезапно семинарии, а еще менее духовной академии, для которой неизбежны ученые из профессоров богословия, языков и наук. К учреждению армянской духовной академии потребны большие капиталы, как на прочное основание, так и на ежегодное содержание".⁵⁴

Между тем отношения между главой армянской церкви и главой Нахичевано-Бессарабской епархии архиепископом Матевосом обострились. От Матевоса был затребован отчет, отсутствие которого стало поводом для назначения архимандрита С. Джалалянца ревизором местного положения дел. Это вызвало запрос

министерства внутренних дел от 30 июня 1852 г. В октябре католикос мотивировал ревизию управляющему министерством внутренних дел М. И. Лекку необходимостью улучшения финансового положения Эчмиадзинского престола: "Ни в одной из армянских епархий, состоящих в пределах Российской и других заграничных государств, не существовало епархиальных доходов; равным образом и ныне не существует каких-либо источников, приносящих доходов".⁵⁵ Их изыскание было возложено "Положением" на епархиальных начальников, которые, однако стали их себе присваивать. С 1837 по 1847 гг. главы Астраханской, Грузино-Имеретинской, Карабахской и Шемахинской епархий не оказали никакого финансового перечисления Эчмиадзину, что побудило католикоса назначить общую ревизию. Точно так же поступил архиепископ Матевос в 1848 г., когда вступил в управление Нахичевано-Бессарабской епархией. Ревизия выявила, ко всему прочему, наличие церковного долга в 1500 руб. сер. Происшедшее католикос находил следствием того, что все доходы епархии архиепископ Матевос присвоил себе, в то время как он получал от армянской общины ежегодное содержание.⁵⁶

От правительственных невзгод Нерсеса Аштаракеци оберегал наместник Кавказа. Во всеподданнейшем отчете князя Воронцова от 29 сентября 1852 г. отмечалась неутомимая деятельность католикоса Аштаракеци по "устройству армянского духовенства". Обобщающий вывод был оптимистическим, с упором на решение кадрового вопроса: "Я осмеливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству, что теперешнее управление армяно-григорианскою церковью находится в удовлетворительном состоянии, и первая нужда и желание патриарха - есть приготовление хороших для себя и преемников своих помощников".⁵⁷

В кондаке Карабахской консистории от 26 марта 1853 г. католикос затребовал проведения описания церквей, сел, жителей мужского и женского пола. Для не менее 80 домов, имеющих до 320-400 жителей обоего пола, назначались один священник и два писаря. После подсчета прихожан обоеих полов в г. Шуши требовалось назначить священников. Там, где надобно было иметь четырех священника, там надлежало иметь четыре писаря и одного дьякона; при трех священниках предусматривались три писаря и дьяк, а при двух священниках - два писаря и дьяк. Требовалось составить список всех сыновей, дочерей и жен священников. При этом подлежало выяснить, кто из них не желал вступать на церковное поприще и стать священником, чтобы представить местным властям как податных лиц. Желающие же стать священни-

ками подлежали обучению с 9 лет, а с 15 лет обязывались надевать духовную одежду и помогать при службе. Описанию подлежали все церковные имения, которые подлежали хозяйственной и упорядоченной деятельности. Отчеты о управлении имениями, их документация подлежали нумерации за подписью епархиального и консистора. Один экземпляр надлежало хранить в делах консистории, а другой прислать в Эчмиадзин. Все отчеты управляющих подлежали ревизионной проверке. Бездеятельные светские и духовных управляющие имениями подлежали увольнению, с предоставлением отчетности. Надлежало составлять ежегодный реестр прихода, расхода и сальдо доходов. Консистории предлагалось выявить вся документы со времени Агванского патриархата, упраздненные католикосом Ефремом Дзорагехци в 1815 г. и относящиеся к деятельности покойного митрополита Багдасара. После чего они должны были быть переписаны, заверены и направлены католикосу Нерсесу Аштаракеци.⁵⁸

Для католикоса проблемой оставался искусственный вопрос наследования имущества духовенства со стороны светских лиц. В письме к наместнику Кавказа от 27 марта 1853 г. он вновь затронул проблему оставшегося имущества архиепископа Серовбе. Соответствующая статья N 91 церковной хартии представлялась нарушением всех "древних уставов" армянской церкви. Статья гласила: "Все движимое имущество, остающееся после смерти монашествующего, принадлежит его обители, если им не сделано завещание и он не имеет законных наследников".⁵⁹ Указано наличие жалобы на наследственно-имущественные статьи "Положения" со стороны таврических армян. Вследствие чего католикос обещал им добиваться отмены отдельных статей "Положения" и особенно N 91. Вектором намечаемых перемен представлялось соответствие традициям армянской церкви: "Положение об управлении армяно-григорианской церкви непременно должно быть согласовано с коренными правилами церкви и древнейшими обычаями народа, ибо влиянию его должны подчиняться не одни армяне России или в Закавказском крае обитающие, но и армяне, живущие в Турции, Персии, Индии, Аравии и других странах света, находящиеся под влиянием Эчмиадзинского престола, соединяющего их с Россией, от коей они всегда ожидают защиты и покровительства".⁶⁰ В противном случае предвиделось отпадение заграничных армян от влияния Эчмиадзинского престола и ослабление воздействия на российских армян.⁶¹

Эту же проблему Аштаракеци поднял 7 октября 1853 г. перед Воронцовым. Причиной явился запрос министра внутренних дел

к наместнику Кавказа о сущности "суждении" католикоса о "неудовлетворительном положении дел армяно-григорианской церкви". Католикос остался непоколебимым в своем мнении, однако связал существующее положение вещей со своим предшественником и трудностью изменить все в одночасье. Выражено кредо преобразователя, который действует без соответствующей поддержки окружения, обрекающей его деятельность на безрезультатность: "Я и ныне нахожу их в расстроеном состоянии. Всякое учреждение, приведенное в подобное положение, требует уже особенных средств и усилий к исправлению, а для исправления издавна вкравшихся беспорядков, вовлекших армянскую церковь в значительные лишения, необходимы способные и благонамеренные сотрудники, коих я, к несчастью, не нашел в духовной пастве, Богом, вверенной мне, создание же их требует средств и времени, почему и все заботы мои к улучшению не достигают цели".

Приведены два примера "беспорядков". Указана проблема достоинства архиепископа Серовбе: "Гражданское начальство и доселе в течение нескольких лет препятствует духовному начальству получить возмещение похищенной собственности церкви; о чем и происходит переписка с министерством Духовных дел, как неизвестно вам". Контрастным примером показано состояние этой проблемы у заграничных армян: "Прошли века, и по сей день армянская церковь и духовенство, обитающее преимущественно в Персии и Турции, довольствовались народным приношением, а собственность церкви была неприкосновенною, чем пользуется она и ныне в самых отдаленных странах". Отсюда и представлялся пессимизм к положению дел армянской церкви в Российской империи: "Посему не могу не скорбеть, что в настоящее время нашел я духовенство доведенным до такого послабления, что собственность церкви и общественные пособия расхищены им самим и что поверки и открытия действий подчиненных, произведенные самым тщательным образом, не могут вознаградить потерь, как доказывает изложенный выше пример".⁶²

Другим примером "беспорядков" указан почти десятилетний отказ астраханского священника Сукиасова прибыть в Эчмиадзин либо в Ереван, тем более, что он был назначен католикосом к службе в Ереванской епархии. Министр внутренних дел счел затруднительным высылку священника через этапы, а губернатор Астраханской губернии адмирал Басаргин обычный порядок пересылки счел невозможным из-за состояния здоровья подчиненного священника. Точка зрения была подтверждена медицинским зак-

лючением. Сделано обобщение о подрыве авторитета главы армянской церкви: "Таким образом, Астраханское местное начальство этим маловажным случаем и вмешательством как бы обнародовало по всему духовенству, сколь доступна борьба с Верховным патриархом".⁶³

Католикос Нерсес V ужесточил соблюдение церковных норм в повседневной жизни. 30 июля 1854 г. Шемахинской консистории было предписано лишать святого причастия лиц, которые, вопреки церковным кононам, незаконно содержали при себе женщин для сожителства, будь даже вдовцы. Причащение допускалось лишь в случае смертельной болезни и выражения сожаления, но их похороны допускались в отдельных местах от достойных лиц.⁶⁴ Резкой критике также подвергались шемахинские протестанты, которые подлежали осуждению со стороны армянского населения.

Общее представление о результатах достигнутых католикосом Нерсесом Аштаракеци по управлению армянской церковью в Российской империи, позволяют судить данные министерства внутренних дел за 1855 год.

Состояние белого духовенства за 1855 г.

Наименование епархий	Церкви	Священнослужителей	Церковнослужителей	Прихожан	Монастырей	Училищ
Н. Бессарабская	36	54	48	23948	3	9
Астраханская	20	76	18	7002		2
Ереванская	455	504	350	143479	13	2
Грузинская	299	312	332	127560	11	6
Карабахская	168	163	82	62127	2	1
Шемахинская	38	32	32	15502	2	1
Всего...	1016	1141	862	379618	31	21

Общая численность представленного армянского духовенства в 1855 г. составила 2157 чел. По сравнению с 1846 г., она сократилась на 107 чел., хотя количество церквей возросло на 9. Число монастырей осталось в неизменности. При этом произошло увеличение численности прихожан на 15382. В то же время отсутствовали данные о семинариях. Если раньше они не значились лишь в Нахичевано-Бессарабской, Астраханской и Ширванской епархиях, то теперь к ним прибавилась упраздненная Ереванская семинария.⁶⁵ Католикос находил, что существующие семинарии не оправдывали себя, в качестве таковых значились Эчмиадзинская и Тифлисское армянское училище с духовно-светским образованием. Вместо Ереванской семинарии полезным сочтено иметь четыре приходские школы, которые могли обойтись существую-

щей квалификацией преподавателей.⁶⁶ 12 августа 1854 г. католикос Нерсес сообщил попечителю Кавказского учебного округа о согласии члена Карабахской консистории священнику Б. Тер-Мосесову открыть в г. Шуши мужскую школу, с обучением грамоты на армянском и русском языках.⁶⁷

В целом, при всей неполноте приведенных данных о состоянии белого духовенства за 1855 г., можно говорить, что произошла оптимизация состава священнослужителей, либо стабилизация. Тем более, что армянские священнослужители получили право на гражданскую службу. Несомненно одно, что Нерсес Аштаракеци затормозил тенденцию сокращения численности армянского духовенства в составе Российской империи, открыл новое поприще деятельности на ниве просвещения в приходских училищах и школах.

1. РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 226, л. 61 - 62, 65, 68.
2. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 348.
3. Матенадаран, Архив католикосата, п. 129, ед. хр. 35, л. 1 - 2.
4. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 225, л. 85, 85 об.
5. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 408.
6. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 225, л. 85, 85 об.
7. Мелик-Тангян Н. Право армянской церкви. Шуши, 1903, кн., 1, с. 603 - 606. - На арм. яз.
8. Тунян В. Г. Церковная политика..., с. 24, 25.
9. Мелик-Тангян. Право армянской церкви..., с. 604.
10. Матенадаран, Архив католикосата, п. 136, ед. хр. 555, л. 1, 1 об.
11. Там же, ед. хр. 558, л. 1 - 31 об.
12. РГИА, ф. 1268, оп. 2, д. 933, л. 1 об.
13. Там же, л. 6 - 8.
14. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 137, ед. хр. 161, л. 1, 1 об.
15. Там же, п. 139, ед. гр. 429, л. 1-2
16. Состояние просвещения ..., N45, с. 93.
17. Ерицов А. Д.. Патриарх Нерсес V и мисмеризм. - Новое обозрение. 1897, 14 августа.
18. О поездке М .С. Воронцова. - Араратян Аршалуйс. 1949, 4 февраля.
19. Ерицов А. Д. Патриарх всех армян..., с. 21, 26 - 29.
20. Там же, с. 29.
21. Там же, с. 31, 32.
22. Состояние просвещения ..., N 38 - 42, с. 80 - 83; N 56 - 57, с. 101,102.
23. ЦГАДА, д. 1252, оп. 1, 810, л. 1, 1 об.
24. Архимандрит Месроп. Кондаки католикоса..., с. 406.
25. Матенадаран, Архив католикосата, п. 144, ед. хр. 23, л. 1.
26. Там же, п. 157, ед. хр. 541, л. 1 - 2 об.
27. РГИА, ф. 1268, оп. 26, д. 6, л. 12.
28. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 267, л. 2.

29. Мелик-Тангян. Право армянской церкви..., с. 613, 614.
30. АКАК, т. 10, с. 857.
31. Из всеподданнейшего отчета министра внутренних дел. - Кавказ. 1850, 30 декабря
32. Обзорение русских газет и журналов. - Журнал министерства народного просвещения. - 1851, ч. 69 - 70, IV, с. 191.
33. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 2644, л. 1 - 7.
34. Там же, л. 7 об.
35. ГИА, ф. 678, оп. 1, д. 549, л. 1 об.
36. РГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 162, л. 162.
37. Там же, л. 62 об.
38. Самуэлян С. Воспоминание..., с. 420.
39. Бороздин В. Краткое описание путешествия российского императорского посольства в Персию в 1817 г. Спб., с. 34.
40. Самуэлян С. Воспоминание..., с. 412-414.
41. Ерицов А. Д. Нерсес Y и князь Воронцов. - Мшак. 1898, 10 февраля.- На арм. яз.
42. Матенадаран, Архив католикосата, п. 160, ед. хр. 198, л.1.
43. Там же, п. 162, ед. хр. 373, л. 1, 1 об.
44. НАА, ф. 57, оп.1, д. 84, л. 139.
45. Там же, л. 140.
46. Там же, л. 141.
47. Там же, л. 142.
48. РГИА, ф. 821, оп. 130, д. 180. л. 5.
49. Матенадаран, Архив католикосата, п. 167, ед. хр. 375, л. 1 - 2.
50. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 84, л. 166.
51. Матенадаран, Архив католикосата, п. 167, ед. хр. 375, л. 1 об, 2.
52. Там же, л. 2.
53. Смесь. - Кавказский вестник. 1901, N 9, с. 163.
54. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 58, л. 12.
55. ИНА, ф. 58, оп. 1, д. 80, л. 6.
56. Там же, л. 1- 5.
57. АКАК, т. 10, с, с. 899.
58. Мелик-Тангян Н. Право армянской церкви..., с. 611 - 613.
59. Документы и материалы..., N 26, с. 104.
60. НАА, ф. 113, оп. 1, д. 4 а, л. 47, 47 об.
61. Там же, л. 46 - 47 об.
62. Смесь. - Кавказский Вестник. 1901, N 9, с. 164.
63. Там же, с. 165.
64. Мелик-Тангян Н. Право армянской церкви..., с. 614.
65. Извлечение из всеподданнейшего отчета..., Спб., 1857, Вед. N 17.
66. Лео. История Тифлис, 1914, с. 168. - На арм. яз
67. Состояние просвещения..., N 64, с. 109.

Глава VI. Апофеоз

1. Личная переписка

Составной частью деятельности главы армянской церкви являлась личная переписка, которая подчас затрагивала глубинные процессы вокруг Эчмиадзинского престола. 3 октября 1846 г. поборник православия Андрей Муравьева направил из Тифлиса письмо католикусу с признательностью за пастырское послание. Выражено желание присутствовать при мироварении. Изъявлено намерение реализовать давнюю мечту - посетить Эчмиадзин, осуществить поездку к Арарату, познакомиться с достопримечательностями Армении, местом захоронения Ноя в Нахичеване, увидеть Гегардский монастырь и другие святыни армянской церкви. Расчитывалось прибыть в Эчмиадзин 10-11 октября.¹ Католикос принял поборника православия в летних покоях. Беседа затронула их знакомство в 1843 г. и носила живой характер. В опубликованных впечатлениях Муравьева указано: "Мы вспомнили обстоятельства того времени, и видно было, что он с удовольствием чувствовал себя в своем престольном Эчмиадзине, во главе отечественной церкви, пламенно им любимой, и, в свою очередь, глубоко уважающий своего верховного пастыря". Отмечена опытность Нерсеса Аштаракеци в делах управления армянской церковью: "Впрочем, управление церковью армянскою не есть нечто новое для патриарха Нерсеса. Он был к этому подготовлен с юного возраста, и даже ему как бы указано было его выше назначение".² Были затронуты также вопросы как совместная деятельность Аштаракеци с католикосом Ефремом, отход от него в 1814 г. для управления Грузинской епархией, русско-персидская война 1826-1828 гг. и удаление в Кишинев, ставший затем трамплином для возвращения в Эчмиадзин.

В 1848 г. вышла книга Муравьева "Грузия и Армения". Вторая часть содержала раздел "Эчмиадзин". Имелось изложение "торжества мироварения". Ценной частью раздела являлось описание октябрьской встречи 1846 г. с католикосом. Главным положением работы, однако, являлось признание близости вероучения греко-православной и армянской церкви, долженствующее стать основой единства.³ Возник общественный резонанс. Общим впечатлением для Александра Худобашева от работы стала та мысль, что армянская вера "одинакова" с православием.⁴ Тот же подход по-

чувствовали другие армянские деятели.⁵

В защиту собственной позиции Андрей Муравьев 27 мая 1848 г. из С.-Петербурга написал письмо католикоосу. В нем указывались как почтительное отношение к армянской церкви и католикоосу, так и обоснованность чувств православного деятеля: "Вы увидите, что не какое-либо неприязненное чувство меня одушевляло. Мне хотелось, чтобы гениальное лицо патриарха Нерсеса отразилось в моем творении, как и в моем сердце. - Но любовь моя к патриарху не должна была воспрепятствовать мне сказать то, что я чувствовал, как принадлежащий к иному исповеданию, при посещении Церкви Армянской и, воздавая ей должную хвалу, замечал, однако, то, что, по моему понятию, хотя и несовершенному, было виною давнего несогласия, но не для умножения разборов, а для желанного сближения в будущем излагал я, со всевозможною осторожностью, сии щекотливые теперь еще для нас предметы, а потому с чистою совестью и открытым лицом представляю их Святыне Вашей, дружескою рукою и от сердца искренно Вам преданного и глубоко Вас уважающего".⁶ Запрашивался "милостливый отзыв" Нерсеса Аштаракеци на работу.

Католикос счел необходимым не предоставлять отзыва на щекотливую тему единства двух церквей, поскольку изложение мнения по этому вопросу, при предании огласке, могло обернуться непредвиденным резонансом, и просто заморозил на время переписку с Андреем Муравьевым. В этом проявилось уважение к его брату и давнему приятелю Николаю Муравьеву.

Для высшей власти важным явилась записка "О Армении", предоставленная А. Муравьевым по возвращении министру внутренних дел. Из нее явствует, что окончательная санкция на поездку в Грузию и Армению была получена у царя Николая I. Общая численность прихожан армянской церкви в составе Российской империи определялась в 300 тыс., а за границей - 5 млн. чел. Этим обосновывалось духовно-политическое значение главы армянской церкви, учение которой представлялось близким к православию. Положение армянской церкви в составе державы сочтено скромным: "Я не нашел в Эчмиадзине богатств, каких можно было ожидать от первопрестольной обители".⁷ Имевшиеся ценности представлялись расхищенными в ходе "внутренних беспорядков", которые возникли после смерти католикоса Аргутинского-Долгорукого, и противостояния патриархов Давида-Даниеля. Это понадобилось для изложения историко-политического портрета действующего главы армянской церкви. Карьера молодого архимандрита Нерсеса Аштаракеци была увязана с деятельностью католи-

коса Даниеля и активным содействием главноуправляющему Закавказья кн. П. Д. Цицианову. Свои дипломатические способности Аштаракеци проявил в отношениях с властями Персии и России.

Составлена текущая зарисовка личности католикоса, которая отражала фиксацию воспринятых черт: "Нерсес устарел и сделался мнителен; последняя болезнь его в Петербурге сильно на него подействовала, как он сам признается, но, к несчастью, он не имеет доверенности. Сам все хочет делать. Целый день пишет письма во все концы Армении, в Турцию, в Персию, Индию". Имевшиеся проблемы католикос пытался решить сам, без опоры на окружение, что не содействовало воплощению его планов: "Ему не хватает времени, ни сил и средств для создания чего-либо прочного. Должно сказать, к сожалению, что он не сделал, что либо достойного в пользу общества достойного".⁸

Муравьев знал об ограниченность ресурсов Эчмиадзинского престола по сравнению с Российской державой, но знал также и то, что имевшиеся средства использовались недостаточно. С оценки Нерсеса Аштаракеци за это были подвергнуты критике за это предшествующие руководители: "Ничто не могло быть гибельнее управления Иоаннеса и Курганова".⁹ Члены Эчмиадзинского Синода характеризовались представителями старшего поколения, которые владели турецким и персидским языками, но не русским. Это обстоятельство представлялось отрицательным фактором: "Без языка может ли быть какое-либо сближение?". Положительно представлялся старший член Синода архиепископ Лука (Гукас). Самым образованным членом Синода указывался епископ Иоаннес Шахатунов. На вопрос Муравьева о наиболее способных иерархах последовал пессимистический ответ Нерсеса Аштаракеци: "Я не имею при себе настоящих помощников, хотя и доволен Лукою".¹⁰ Похвально католикос отозвался о турецкоармянском епископе Акопе Токатском.

Для политических видов России Нерсес Аштаракеци представлялся незаменимой личностью: "Никто не может заменить Нерсеса Аштаракеци армянскому народу и правительству нашему по его преданности России, потому что после его не предвидется человека с таким нравственным влиянием на своих сограждан; никто, как он, не управлял так долго делами церковными". Представлялась неразрешимой проблема иметь достойного преемника Нерсесу Аштаракеци: "Всякий другой, если будет избран из русских подданных, то будет чужд прочей миссии народа, если будет избран из турецких, то может окажется сомнительным в отноше-

нии к нашему правительству, привыкши к совершенной безотчетности в пределах Оттоманской империи; он не сможет подчинить себя закону русскому, нужно входить в дела гражданские и церкви народа".¹¹ С этой точки зрения возможной кандидатурой отмечалась личность Константинопольского патриарха Матевоса. Ему значительно уступал архиепископ Карапет в образовании и толерантности, "хотя едва не был избран патриархом", чему содействовал прокурор Синода Матинов.

Обращено внимание на противостояние патриарха Нерсеса и архиепископа Карапета. По возвращении из Бессарабии, по словам Муравьева, католикос "увещал" архиепископа отказаться от своего окружения и восстановить деятельность Тифлисского училища. Первое архиепископ обещал учесть, а на второе отозвался отсутствием денежных средств. Нерсес Аштаракеци предложил учесть свой опыт деятельности в Грузинской епархии, но, видя бесполезность назидания, отстранил его и членов консистории от своих должностей, назначив ревизию. Для восстановления размаха деятельности Тифлисского училища было удержано 5 тыс. руб. сер. из казначейства Тифлисской армянской консистории. Следствием представлялся "сильный ропот" среди армянского населения Тифлиса, где архиепископ Карапет имел сторонников.

Андрей Муравьев считал актуальной проблему единства русско-православной и армянской церквей: "Не полагаю излишним для полноты сведений о церкви армянской коснуться здесь весьма щекотливого предмета о ее соединении с православною, потому что при нынешних обстоятельствах, когда беспрестанно возникают на Востоке вопросы церковные, тесно связанные с политическими, могут наконец сняты наболевший этот вопрос".¹² Наиболее негативные настроения по данному вопросу представлены среди духовенства турецкоподданных армян, особенно в Иерусалиме. Русскоармянское духовенство отмечалось более терпимым, что объяснялось отсутствием "предубеждения" против русского и греческого духовенства. Глава армянской церкви являлся противником идеи соединения: "По несчастью, сам Нерсес, который всем говорит, что одна и та же вера у нас и у них, менее всего расположен к какому-либо сближению, потому что он дорожит народностью армянскою и главенством политическим, более нежели церковным. Одаренный обширным умом, он вовсе не имеет образования богословского, и этим ограниченность его трудами армянских историков, которые весьма одиозным образом представляют историческую роль своего народа, превносящие древности и неуместные представления".¹³

Указано на несостоятельность обращений по этой теме к католику: "Несколько раз я слегка заводил речь с патриархом о мирных отношениях императора Мануила и католика Нерсеса Благодатного, но нынешний патриарх смотрит на это дело совсем другими глазами".¹⁴ Затронута сущность оценки святой триады-Бог, Бог сын и святой дух со стороны православной и монофизитской армянской церковью. По этому поводу Нерсес Аштаракец находил: "Между нами нет нет разницы, одна природа или две природы в лице Богочеловека, почти все то же".¹⁵

Андреем Муравьевым был сделан негативный вывод об отношении католика Нерсеса Аштаракец к единству церкви: "Одним словом, патриарх весьма далек от всякого сближения, под видом общего ко всему радушия, и если он желает остановить пропаганду Римскую в своей пастве, то столько же старается отклониться и от православия и преследует желающих обратиться".¹⁶ Если при католике Аштаракец идея единства церковью отвергалась, то при его преемниках допускалась ее реализации: "Не надобно выпускать из виду сей благой цели, спасительной для всего христианства; она и в политическом отношении может дать нам сильное влияние на всю Анатолию и даже Персию и Индию, где много армян".¹⁷ Представлялось необходимым найти лишь приемлемую форму соединения, однако уступки требовались лишь от армянского вероучения: "Духовенство и особенно католикос всего более боятся утратить свою независимость. Надобно успокоить их в сем отношении, сохранив самобытность католику наравне с греческими патриархами, иначе он будет иметь сильное влияние только на русских подданных, а не на весь свой народ. Язык, богослужение, обряды, посты - все должно сохранить неприкосновенность. Одно только необходимо требовать от армян, что собственно избавит их от нареkania в ереси, а именно, правильное исповедание двух природ в едином лице Господи Иисуса Христа, отклонению неправильно их требований к святой пяти, признание семи Вселенских соборов, и еще для единства, в общем торжестве всей присяги, представление Рождества Христа отдельно от крещения".¹⁸

Для достижения слияния армянской церкви предлагалось использовать соответствующие средства и имеющиеся аналоги, в особенности у католической церкви: "В этом случае мы должны брать пример с Римлян, чтобы иметь тот же успех".¹⁹ В случае необходимости допускалось применение различных мер: "В святом деле мира церковного не может быть одна главная сила, но творение человека возможно Богу!"²⁰

Лакмусной проверкой прошлого Нерсеса Аштаракеци стала проблема возвращения из ссылки Корганова - "Ваньки-Каина". 31 октября 1846 г. фельдмаршал Паскевич из Варшавы запросил содействия Воронцова по возвращению в Закавказье подп. Корганова, которому было более 60 лет, для устройства на службу в личном окружении. Причиной последних невзгод Корганова наместник Польши указывал Нерсеса Аштаракеци. При этом не щадились краски для очернения светлого образа католика: "Я удивлялся, что могло быть поводом высылки Корганова из Бессарабии, и случайно вспомнил, что там жил удаленный мною из Грузии Нерсес, человек, которого я считаю гораздо хуже Корганова, ибо он по всем вредным качествам присоединяет подлость". Мотивацией позиции Аштаракеци представлялась личная предвзятость: "Нерсес видел в Корганове врага своего, потому что приписывал ему причины, по которым сам он был выслан из Грузии".²¹

Паскевич приподнял и завесу личного отношения, приведшего к остракизму Нерсеса Аштаракеци, но в выгодной для себя интерпретации событий: "Много было поводов к неудовольствию моему против Нерсеса, но кроме 10-ти расскажу здесь только главные".²² Голословно утверждалось о расхищении Нерсесом Аштаракеци Эчмиадзинской казны: "По взятии Эривани он вместе с Красовским обворовывал Эчмиадзин, первенствующий армянский монастырь". Вновь был выдвинут аргумент о заграничной переписке: "Я молчал и думал, что домашним выговором исправлю вредных людей, но вообразите мое удивление! Менее, нежели через год, после того, берем мы штурмом Карс, и в доме тамошнего паши, под подушкою его постели, находят письмо Нерсеса". Согласно представлению царю 1828 г., утверждалось об изменнической подоплетной: "В письме том Нерсес объяснял, что как можно ожидать, оружие турецкое, под предводительством такого вождя, как паши, наверное, восторжествует над русским, то он заранее предлагает туркам свои услуги и просит о покровительстве, добавляя, что посланный человек расскажет еще более".²³ При этом Паскевич, очевидно, не знал, что Нерсес Аштаракеци в ходе турецко-персидской войны 1821-1823 гг. призвал армян Карсского пашалыка переселяться в российские пределы, что не могли ему простить турки.²⁴

Вопреки расчетам, "проказы" Паскевича против Нерсеса Аштаракеци сработали отчасти: "Я думал, что за это сошлют Нерсеса в Соловецкий монастырь; но его отправили только в Бессарабию; откуда он продолжал мешаться в дела Кавказские". Бельмом для

Паскевича оставалось Ошаканское дело, получившее высокую оценку армянских масс и верхов, которое он всячески умалял. Во всем этом виделась коварная роль Нерсеса Аштаракеци: "Плодом же пронырств его и интриг Красовского было то, что, несмотря на поражение, понесенное последним из них при Ушагане, постановлен наконец при Розене памятник во славу этой битвы, и памятник этот стоит до сих пор под Эчмиадзином".²⁵

По словам Паскевича, "Карсская история" была приписана Нерсесом Аштаракеци Корганову, "хотя, впрочем, нельзя умолчать, что Корганов часто доносил мне об интригах армянского пастьра".²⁶ В Бессарабии Аштаракеци якобы получил возможность свести счеты: "Впоследствии, когда они оба ссылаются в Бессарабию, Нерсес, вероятно, искал и нашел случай погубить того, к кому издревле питал ненависть". Более того, католикос Аштаракеци представлялся такой величиной, перед которой отступил князь Бебутов при защите своего родственника "Ваньки-Каина": "Не удивляет меня также, что князь Бебутов, будучи родственником Корганова, полагает, что не должно дозволить возвращения ему в Грузию. Мудрено князю Бебутову идти противу своего Патриарха, которого впрочем он совсем не уважает, но однако же это глава армянской церкви; за ним, хотя наружное, общее мнение армян, и можно ли в таком случае не следовать за молвою, даже против своего убеждения".²⁷

2 февраля 1847 г. наместник Кавказа Воронцов сообщил о своем негативном мнении по "делу" подп. Корганова фельдмаршалу Паскевичу. Возвращение на родину допускалось, а служба при наместнике Кавказа категорически отвергалась из-за возможных интриг. Воронцов также сообщил, что причиной высылки "Ваньки-Каина" из Бессарабии явилась черная неблагодарность к его протектированию и Нерсесу Аштаракеци: "Корганову было велено жить внутри Империи. Я для него выпросил согласие Нерсеса поехать в Бессарабию; Нерсес его принял как сына. Корганов жил, спал, ел и пил у него, и вместо благодарности представил через два месяца Федорову (губернатор Бессарабии) самый гнусный и несправедливый донос на своего благодетеля".²⁸ Формальный отказ от заступничества князя Бебутова в пользу Корганова Воронцов характеризовал не боязнью католикоса Нерсеса Аштаракеци, а желанием оказать услугу: "Князь Бебутов отнесся мне о нем. Я вас уверяю, совсем не для того, чтобы не ссориться с Нерсесом, а потому, что он весьма хорошо его знает, и знает все, что он в разные времена и в особенности в последние годы здесь делал".²⁹

Граф Воронцов специально для Паскевича уделил внимание характеристике Нерсеса Аштаракеци сквозь личное восприятие и призму времени: "Теперь два слова о Нерсесе. Опять скажу, не люблю говорить что - либо Вам противное; но со всем полным, душевным к Вам почтением, не могу разделить Вашего мнения о патриархе; - не начну здесь с Вами подробной о том дискуссии, потому что ни я Вас, ни Вы меня в этом отношении неперуверите".³⁰ Совместная деятельность с Аштаракеци представлялась по-рукой знания его личных качеств: "Я знал Нерсеса еще при Цицианове под Ганжою и под Эриванью; видел я его несколько лет сряду в Бессарабии и теперь второй год опять вижу его и все его действия".

Предлагалось замять проблему Корганова и Аштаракеци. Воронцов указывал: "Не буду более говорить о том, ибо Ваше мнение, я думаю, решительно противоположно на этот счет, но я своего переменить не могу, и если бы нужны были факты на подтверждение о том, что делается у армян при нем и в последние годы делалось без него, то их бы можно здесь весьма легко собрать. - Оставим теперь эти два дела".³¹

Воронцов остался верен дружеским чувствам к Нерсесу Аштаракеци. Более того, из письма явствовало воздействие католикоса Аштаракеци в вопросе восстановления самостоятельной Ереванской (Армянской) области. После ее упразднения в 1840 г., при содействии сенатора П. Д. Гана, в Закавказье стала утверждаться губернская система управления национальных территорий. По этому поводу Воронцов указал: "Вы видели в газетах, что Имеретия, разжалованная сенатором Ганом в уезд, опять сделалась губернией; надобно будет постараться то же сделать и с Эриванскою областью".³²

После получения ответного письма Паскевича с испрошением разрешения Корганову вернуться в родные пенаты Воронцов направил свое согласие. Указано, что по этому поводу им написано письмо военному министру, председателю Кавказского комитета Чернышеву. При этом решающим аргументом указано заступничество Нерсеса Аштаракеци, подчеркивая его милосердность и доброжелательность: "Я сейчас же пишу о том князю Чернышеву, присовокупляя, что патриарх Нерсес вошел ко мне с этою просьбою. Надеюсь, что в этом не откажут". Выражалась надежда на мирное проживание Корганова под родным кровом.³³

Компромиссное предложение наместника Кавказа Паскевич принял. В письме к Воронцову от 30 марта 1847 г. было указано: "Оставляю Корганова. - О Нерсесе не скажу ни слова".³⁴ Начато

восхваление князя Бебутова, который вскоре стал начальником гражданского управления Закавказья.³⁵ Корганов вернулся в Тифлис, а Ереванская губерния открыла присутственные места 1 января 1850 г.

Бывший проконсул Ермолов проявлял интерес к деятельности Аштаракеци, как к составной части своих взаимоотношений с Паскевичем и деятелям из своего окружения. 31 августа 1846 г. Ермолов направил письмо наместнику Кавказа Воронцову, где отдавал дань уважения личности католикоса и представлял ощущение горечи от его деятельности у Паскевича: "Весьма приятно видеть, что патриарха Нерсеса ты разумеешь, как он достоин. Воображаю, если бы друг мой (Паскевич - В.Т.) не изгнал его и не был бы он праздным 15 лет, что бы мог он сделать для пользы страны. Это человек высоких способностей".³⁶

Естественно, что Воронцов не мог не сообщить католикосу о столь высокой оценке Ермолова, который направил дружеское письмо бывшему проконсулу. В ответ 26 января 1847 г. Аштаракеци было отправлено письмо, в котором Ермолов писал: "Я имел честь получить письмо Вашего Святейшества и совершенно признателен за воспоминания Ваши. Оно бесценно для меня, имевшего беспредельное уважение к высоким достоинствам Ваших". Ермолов, как и Аштаракеци, сам непосредственно вел свою переписку. Причем писал четко, ясно и откровенно. Именно потому представляет интерес его уважительное отношение к Аштаракеци: "Не в теперешнем знаменитом сане, но прежде, по сравнению с меньшими средствами, приносимая Вами Правительству польза была побуждением к общему всем почтению особе Вашей".³⁷ С интересом была воспринята информация католикоса о преобразовании г. Тифлиса как краевого центра: "После долговременного отсутствия, возвратясь в Тифлис, прежнее пребывание Вашего Святейшества, Вы изволили найти его великолепно преобразившимся".³⁸ В этом виделось поприще их общего приятеля князя Воронцова, деятельность которого в регионе должна была превзойти память о Паскевиче: "Труды и попечения могущественного начальника утвердят благоденствие страны и на создаваемое наложат печать величия. Я воображаю, сколько ничтожность всего прежнего должна поражать каждого, и с каким удовольствием изглаждает оное из памяти".³⁹ Напоследок бывший проконсул выразил признательность своего двоюродного брата Сергея Николаевича Ермолова, который стараниями Воронцова стал Кутаисским вице-военным генерал-губернатором за "благодарное" отношение католикоса.⁴⁰

Из другого письма Ермолова Ермолов к католику от 16 мая 1849 г. явствовало, что личность Нерсеса Аштаракецци была известной в регионе и пользовалась особым вниманием: "Не пропускаю ни одного из знакомых жителей Закавказского края, чтобы не разузнать о Святейшем патриархе, и с удовольствием встречаю в каждом те же чувства почтения и высокого уважения, которые всегда посвящал особе Вашей. Долгое время свидетелем бывшим деяний Ваших на славу Государя и пользу народа обращенных, с благодарностью вспоминаю благосклонное расположение, которого удостоивать меня изволили".⁴¹

Письмо было доставлено католику купцом Кетхуровым. В ответном послании от 18 июня 1849 г. Нерсес Аштаракецци отметил ценность дружеских чувств Ермолова: "Вполне чувствую, как много обязан я Вам, милостивый Государь, благодарностию за расположение, которым не оставляете меня". Указано на значимость мнения закавказских жителей о бывшем проконсуле Кавказа: "И мне также бывает весьма приятно видеть и слышать от всех и каждого жителя Закавказского края, с каким неизъяснимым чувством глубочайшего уважения передают они известие об особе Вашей, с каким энтузиазмом принимают это известие другие, и как все равно остаются исполненными восхищенной радости, что имеют иногда случай видеть Вас и об Вас говорить. Это одно из тех невыразимых удовольствий, в которых человек не может иногда дать себе отчета".⁴²

Достойным истории Кавказа сочтено время правления Ермолова: "И действительно, нельзя без особенного умиления вспомнить о времени, ознаменованном пребыванием Вашим здесь в Грузии и вообще на Кавказе, ибо, невзирая на отсутствие Ваше, однажды навеянный Вами на него страх и теперь неразлучен с ним. Знаменитое имя Вашего Высокопревосходительства произносится туземцами во всех углах за Кавказом с тем же душевным восхищением, которым сопровождалось оно в бытность Вашу здесь. Все же это не есть ли неотвергаемое доказательство той любви и благовеинного уважения, с которым пребывал и пребывает к Вам народ Закавказский".

Имя Ермолова представлялось вписанным в историю покорения Кавказа Россией: "Так, Ваше Высокопревосходительство, дела, с неизменным достоинством человека созданные, олицетворяют существо его, от чего весьма справедливо содеывается он бессмертным". Выражалась надежда на неизменность отношений: "Я и прежде гордился расположением Вашим и теперь высоко ценю его, потому, конечно, что как прежде, так и ныне одинаково

ценил и ценил достоинства, которыми Вы обладаете".⁴³

19 июня 1849 г. министр внутренних дел направил католикосу запрос в связи с обращением к нему и наместнику Кавказа Ереванского жителя Тер-Давыдова по поводу недопущения вступления во владение имуществом умершего епископа Геворга. Требование наследник мотивировал необходимостью уплаты долгов, оставшихся после покойного епископа.

Ответное послание католикоса от 17 октября 1849 г. представляет собой осмысление состояния управления армянской церкви. Состояние Эчмиадзинского престола признавалось из вон худым: "После шестнадцатилетней отлучки моей в России, - прибыв в 1845 г. в Эчмиадзинский монастырь, - я нашел оный в весьма скудном состоянии, вовсе не соответствующем прежнему его благосостоянию".⁴⁴ Знакомство с состоянием дел выявило удручающую финансовую картину: "Войдя, по долгу моего звания, в положение монастыря, что уже около шестнадцати лет, как из подведомственных епархий, равно от Астраханской, нисколько доходов не поступало". Следствием представлялось принятие решения о ревизии, хотя она была запрограммирована еще в С. - Петербурге: "Зная между тем по опыту, что в епархиях этих, в особенности из коих Грузино-Имеретинской и Астраханской, собираются ежегодно значительные суммы, я счел себя обязанным открыть: куда девались оные в продолжение стольких лет".⁴⁵

Ревизия выявила отсутствие собранных 6 тыс. руб. сер. с паствы со стороны Нухинского викарного Саркиса в Карабахской епархии. Точно так же Ахалцихским викарным епископом Геворгом в Грузино-Имеретинской губернии было оставлено духовное завещание в пользу своих родственников, между тем за ним значилось по отчетности 13 тыс. руб. сер., которые отсутствовали в церковной казне. Имущество, переданное родственнику епископа Геворга, оценивалось в 8 тыс. руб. сер. Общего представления по Грузино-Имеретинской епархии архиепископа Карапета, как и по другим, еще не было составлено.

Католикос указал на отсутствие "законности" притязаний Тер-Давыдова, а также на то, что имущество умершего епископа Геворга должно поступить в "пользу церкви". В качестве доказательства приводилось отношение к наместнику Кавказа по этому вопросу от 24 декабря 1848 г. за N 320, аналог которого был направлен Тер-Давыдову. Министру заявлено о принятии соответствующей статьи "Положения" о наследовании имущества, хотя сам католикос имел свое мнение: "Мне очень хорошо известно, какие бы ни имел я предположения, но во всяком случае,

до установления новых правил закона, нельзя не руководствоваться существующими. Параграф же 91 того Положения исполняется мною в точности и ныне по делу о духовном завещании архиепископа Стефана Аргутинского".

Сделано заключение о выполнении требований церковной хартии: "Следовательно, одно неприведение в действие духовного завещания епископа Геворга, удержавшего у себя церковные деньги, с намерением обратить их в пользу своих наследников, не только не представляет нарушение Высочайшего утвержденного Положения 1836 года, но, напротив того, являет еще точное соблюдение прямой силы онаго; ибо Положение это, предоставляя монашествующим завещать свое имущество, кому они хотят, отнюдь не дает означенным права переводить таким образом достояние церковное, паствы и изъять их из целостного сохранения церкви и духовенства ея".

Иной подход к собственности священнослужителей представлялся грозящим разрушить основы армянской церкви: "В противном же случае, если послаблять подобные действия монашествующих и заведующих церковным достоянием, то ни один монастырь и ни одна церковь не удержится в их достоинстве". Предлагалось учитывать также общественное мнение: "Не говоря уже о справедливом негодовании, которое уже замечается и будет увеличиваться в пастве, жертвующей свою собственность единственно с той целью, чтобы оставалось в пользовании отреченного от света духовенства ее, а не обогащения родственников монашествующих, которые могут, кажется, быть довольными и тем приобретением, которое оставляют им монашествующие при вступлении их в это звание".⁴⁶ Запрашивалась поддержка министра внутренних дел по имущественной проблеме.

Католикос был чуток также к запросам армянского окружения. Сподвижник Хачатур Абовян пришел к выводу, что пришло время не разбрасывать камни, а собирать созданное. В черновике письма католикосу за 1846 - 1847 гг. Абовян предъявил критический подход к реальности, возникшей после освобождения Араратской страны. За двадцать лет свободы произошло разрушение патриархальных устоев армянина - земледельца, падение нравов и семейных устоев, усилился обман в торговле и воцарилась политическая тирания: "Какая польза и слава нации от освобождения Армении, когда сама Армения находится в более темном невежестве по сравнению с прежним временем, когда она находилась под властью варваров". Во время персидского правления, когда народ подвергался притеснениям, тогда он преклонялся пе-

ред Богом и тепло относился к религии. Возникшая "политическая свобода" представлялась наносящей удар по армянской чести и доблести, так как после потери государственности армяне всегда отличались от других наций своей религиозностью и набожностью: "Под плетками персидских и турецких палачей нас утешала наша святая религия, сегодня под покровом благословенной Русской державы, бесчестье и неустройства грабят всякого, невинное сердце видящего, чем может освободить нас от этой боли".⁴⁷

Причиной всех неустройств признавалось воинствующее невежество, пользующееся покровительством закона. Спасение виделось лишь в наличии нравственных пастырей, призванных сеять справедливость и добро, недостаток которых остро ощущался. Между тем, священники покидали ряды духовенства, отказывались от веры и оставляли паству беззащитной. Католикос всех армян Нерсес Аштаракеци призывался к борьбе против невежества и к деятельности в пользу просвещения, наведения порядка в рядах духовенства и обеспечения нравственных пастырей, что вновь бы позволило армянской нации идти по пути прогресса.⁴⁸

Выйдя из среды духовенства, получив высшее образование Хачатур Абовян потерял надежды и увлечения молодости при самодержавном строе. Усложнение общественной жизни, дифференциация интересов привлекали молодое поколение армян к благам жизни, которые оборачивались и нравственными падениями. Выбирая между правдой и справедливостью, Хачатур Абовян выступил за социальную справедливость в обществе, которое могло дать армянское духовенство и к чему он страстно призывал католикоса всех армян. Бюрократизация общественной жизни при режиме Николая I душила свободомыслие и вызывала рецидив доброжелательности к прошлому, которое армянский народ во главе с Аштаракеци отверг в конце 20-х годов. Розовые надежды на свободную жизнь, защиту чести и достоинства подверглись жестокому испытанию в прозе жизни. Устами Тифлисского священника Хачатур Абовян в "Очерке о Тифлиских армянах" представил безбрежный оптимизм в адрес Аштаракеци до избрания его католикосом: "Если бы Бог нас любил, то Нерсес был бы здесь. Когда он читал проповедь, то казалось, что перед нами стоит Христос. Лучше бы Бог дал нам смерть чем взял бы из наших рядов".⁴⁹

Каково же было Нерсесу Аштаракеци сойти с церковного Олимпа, пройти остракизм и оказаться на Эчмиадзинском престоле в условиях самодержавного строя. Негативизм к новым порядкам дорого обошелся Хачатуру Абовяну, поскольку он был на-

казан властями за инакомыслие. Католикосу же удалось добиться в 1846 г. санкции на открытие священнослужителями приходских училищ в "отдельных местах" и типографии при Карабахской консистории для издания учебников.⁵⁰ Деятельность армянского духовенства в приходских училищах и школах выводила их за пределы компетенции Кавказского учебного округа. Желание же католикоса относительно организации обучения армянского юношества в Европе оказалось радужной мечтой. Когда Хачатур Абовян за свои воззрения был арестован, католикос приложил усилия для направления его сына Вардана Абовяна на бесплатную учебу в Лазаревский институт восточных языков в 1851 г.⁵¹

18 февраля 1849 г. Нерсес Ашгаракеци обратился с просьбой к начальнику Ереванского уезда Блаватскому о личном одолжении. Ставилось в известность, что еще в мае 1847 г. к нему обратилось армянское общество деревни Аликамарлю Сурмалинского участка, принадлежащее мульткодару Абас-Кули беку, с просьбой о разрешении выселиться на жительство в "разоренное" казенное село Караван-Сарай Сардарабатского участка. Участковый заседатель Сурмалинского участка затребовал согласия мульткодара и остающихся жителей, которые должны были уплачивать за переселенцев все подати и выполнять их повинности. Это и заставило переселяющихся обратиться к католикосу, мотивируя позицию желанием освободиться "от рабства" у мульткодара. Нерсес Ашгаракеци принял их просьбу близко к сердцу.⁵² Блаватскому было указано: "Как сие армяне переселились из персидских владений в пределы России по моему приглашению, то я обязанным счел себя принять в них участие, а потому намерен был о домогательстве их довести до сведения князя Наместника". Наличие нового обращения армянского общества с Аликамарлю заставило католикоса выяснить компетенцию уездного начальника по прошению: "Не можете ли Вы пособить горю этих армян, дозволяя им переселиться с Тальшинского магала в деревню Караван-сарай".⁵³ В противном случае католикос находил возможным обратиться за содействием к наместнику Кавказа. Вопрос, хотя и со скрипом, был решен положительно для 16 семейств переселенцев спустя четыре года.⁵⁴

15 мая 1850 г. командующий Черноморской береговой линией Лазарь Маркович Серебряков выразил признательность католикосу за содействие в сохранении христианского облика армян Новороссийского края. Сюда, особенно в портовый г. Новороссийск, переселялись турецкие армяне из Трапезунда, Синопа и других пограничных мест, а также закубанские армяне, выходящие из

гор, находившиеся среди мусульманского окружения.⁵⁵ Необходимость удовлетворения духовных потребностей и поддержания национального сознания новороссийских армян Нерсес Аштаракеци счел не только обязанностью, но и гражданским долгом: "Да, при моем звании, конечно, это мой долг; но скажу более откровенно, что если бы я и не был даже тот Нерсес, к которому Вы адресуетесь, то и тогда столь просвещенное внимание Ваше к единоверным мне армянам имело бы полное право на всю благодарность, которую в состоянии когда-либо и кому изъявить".⁵⁶ Для проведения добровольного сбора на постройку армянской церкви в г. Новороссийск был направлен протоиерей Иоанн Хос.⁵⁷

Неожиданно для католика на горизонте дружеских отношений с семейством Лазаревых появилось штормовое предупреждение. Предвестником его явилось письмо Хачатура Лазарева от 23 мая 1850 г. В нем Хачатур Лазарев сообщал о неудачном сватовстве князя Василия Бебутова в пользу сына к его дочери. Отвергнутым посредником вначале оказался Давид Бебутов, а затем сам фельдмаршал Паскевич. Желанием Лазарева было, чтобы младшая дочь вышла замуж за князя Аргутинского, который, однако, не выразил своего согласия. Вследствие чего запрашивалось согласие католика на выдачу дочери за московского родственника князя Абамелика, в которого она была влюблена.⁵⁸

8 декабря 1850 г. Хачатур Лазарев направил католику согласие своей супруги и старшего брата Ивана (Ованеса) на выдачу замуж младшей дочери Елисаветы за племянника полковника, князя Семена Абамеликова. Запрашивалось благословение по обряду армянской церкви, с оформлением в Эчмиадзинском Синоде. В тот же день Хачатур Лазарев предусмотрел аналогичный брак для старшей дочери Анны за племянника камергера, ст. сов. Ивана Деянова.⁵⁹

Необычные браки шли вразрез с каноническим правом армянской церкви. И будь просителем простой мирянин, то до него не снизошли бы. Католику приходилось учитывать роль Лазаревых как в общественной жизни, так и в его судьбе. Он также был крестителем в Москве единственного сына Ивана Хачатура Лазарева, который умер в раннем возрасте. Пресекалось прямое наследование фамильного достояния, поскольку у Ованеса не было детей, а у Лазарева Хачатура были три дочери. Этими браками выражалась надежда разрешить сложные семейные вопросы.

Стоял вопрос: отвергать или не отвергать прошения. Для их рассмотрения католикос в 1851 г. созвал заседания членов Синода и Эчмиадзинского братства. Лишь архиепископ Гукас счел воз-

возможным удовлетворить прошения Лазаревых, учитывая их заслуги перед армянской нацией. Все оставшиеся отвергли. Итог заседания подвел католикос Нерсес V, заявивший, что "церковный закон" о браке, утвержденный различными соборами, не позволено никому попираť. Было также отвергнуто посредничество влиятельных предпринимателей Акоюнца и Тамамшева. Однако глава Нахичевано-Бессарабской епархии Матевос дал согласие на браки и осуществил их негласно подручными священнослужителями.⁶⁰

Лазаревы обиделись на католикоса Нерсеса V и запустили механизм связей по легитимизации церковного таинства. 15 мая 1853 г. Константинопольский патриарх Акоп выдал грамоту на бракосочетание дочерей Хачатура, а 3 июня последовали грамоты Иерусалимского патриарха Ованеса.⁶¹ Вскоре возникла еще одна проблема - Александр Худобашев стал пропагандировать единство армянской и русской церквей. Для пропаганды этой цели он в 1853 г. съездил в Москву, но потерпел неудачу среди местных армян. Все это вызвало раздражение католикоса.⁶²

Интерес Аштаракети к хозяйственной деятельности был учтен Кавказским обществом сельского хозяйства, принявшего участие в проведении краевой выставки произведений региона. 25 мая 1850 г. Совет общества запросил от католикоса "обстоятельные сведения" о знаменитой "Арагатской" кошенили.⁶³ Желание наместника Кавказа открыть в конце 1853 г. выставку естественных и промышленных произведений Кавказа в Тифлисе обеспечило содействие католикоса. Председатель Учредительного комитета барон А. К. Мейендорф выслал Нерсесу Аштаракети 10 программ выставки для ориентации и восполнения экспонатов.⁶⁴ В 1851 г. скончался архиепископ Михаил Салантян, оставивший свои ученые труды Лазаревскому институту.⁶⁵

6 января 1853 г. Андрей Муравьев из С.- Петербурга направил письмо католикосу по случаю празднования Богоявления Господня. Отмечалось об отсутствии письменной связи и пожелании восстановить приятные отношения. Причиной же разрыва указывалось положение о необходимости единства православной и армянской церквей, изложенное в работе "Грузия и Армения": "Не знаю, почему я лишился вдруг милости Вашей и чем заслужил такое равнодушие ко мне, после той благосклонности, какую столь долго пользовался. Если я, в описании моем Грузии и Армении, сказал искренно мое мнение, о близкой нам церкви Армянской, с пламенным пожеланием союза, то, конечно, никто не может меня упрекнуть в каких - либо непочтительных выраже-

ниях к её Архипастырю и духовным лицам и Святыне; для сего надобно только прочесть книгу, чтобы видеть, справедливо ли я теперь говорю и в каком духе написана была вся книга".⁶⁶

Обращение оказало воздействие для восстановления письменной связи. 20 мая 1853 г. Андрей Муравьев сообщил Нерсесу Аштаракеци о получении его "пастырского письма" после длительного молчания.⁶⁷ 9 апреля 1854 г. Нерсес Аштаракеци из Тифлиса ответил на новогоднее поздравление и в связи с праздником Богоявления Андрея Муравьева. Указано на прослеживание деятельности Муравьева как богомольного пилигрима в святых местах. Выражено ответное поздравление с наступающим праздником Пасхи. Запрошены сведения о Николае Муравьеве.⁶⁸

Личная переписка католикоса с наместником Кавказа затрагивала различные аспекты их деятельности и совместных интересов. 29 декабря 1850 г. Воронцов указал Нерсесу Аштаракеци на живой отклик цесаревича Александра Николаевича при посещении им духовного центра армян: "Его императорское высочество с восхищением говорит об Эчмиадзине и вашем приеме". Наместником Кавказа выражено пожелание вскоре видеть католикоса в Тифлисе, несмотря на занятость в Эчмиадзине, которое планировалось на февраль следующего года: "Однако здесь дела армянской церкви и нации не могут быть решаемы без Вас".

Ответным письмом Нерсес Аштаракеци от 1 января 1851 г. симптоматичным для века счел принятие в стенах Эчмиадзина царя Николая I в 1837 г. и цесаревича в 1850 г.: "Пусть эта половина века будет началом счастья и благоденствия, пусть сыновья Гайка помнят из века в век спасительную и счастливую половину века для Великой Армении". Было отмечено болезненное состояние католикоса во время приема цесаревича, но с Божьей помощью, он сумел оказать соответствующий прием. Болезнь длилась три месяца и завершилась выздоровлением. Тем не менее, передвижение католикоса ограничивалось опочивальней, и по улучшению погоды намечался приезд в Тифлис. Однако католикос не сумел выехать и на Пасху, что заставило семью Воронцовых запросить его "святые молитвы" для их сына, который женился на представительнице известного рода Столыпинах.⁶⁹

Затрагивался хозяйственный аспект интересов Эчмиадзина. В письме от 30 июня 1852 г. католикосом указано на предоставление двумя индийскими армянами собственного имущества Эчмиадзину завещаниями от 1794 и 1795 гг.⁷⁰ Имелось завещание армянского купца К. Ходжамалова в пользу Гандзасарского монастыря, церкви Нового Нахичевана, монастыря Св. Креста в г.

Керчи, благочинному г. Григориополу. Также говорилось о завещаниях в пользу Эчмиадзина из Индии за 1812 и 1816 гг., как и других.⁷¹ В этом контексте 27 марта 1853 католикос обратил внимание Воронцова на то, что "домогательство" наследников имущества архиепископа Серовбе противно интересам армянской церкви.⁷²

1-го марта 1854 г. наместник Кавказа Воронцов ушел в отпуск, что оказалось тихим отходом от управления южной Окраиной. Его временно заменил ген. Ред. Начальником штаба Кавказского корпуса остался ген. ад. А. И. Барятинский, а гражданская служба была подчинена директору канцелярии д. с. Щербинину. Начальником гражданского управления Закавказья оставался князь Бебутов.⁷³ Напоследок граф Воронцов не забыл отдать должное католикосу в инструкции об управлении Редду, указав что в лице его он имеет пособника видам правительства. Отмечено, что Иван Корганов "оклеветал" Аштаракеци перед Паскевичем, "непонявшего" козни собственного подручника, обернувшееся удалением в Бессарабию. Остракизм имел серьезные последствия для армянского общества: "Армянская церковь лишилась того человека, который мог установить в ней порядок, основать семинарии и школы и подготовить хороших священников для будущего". Несмотря на то, что возраст католикоса превышал 90 лет, он, по словам Воронцова, имел достаточно сил для активной деятельности и утверждения влияния России среди западных армян: "Я видел в нем всегда совершенную готовность оказать нам содействие во всем".⁷⁴

Состав руководства региона оставался знакомым католикосу Нерсесу Аштаракеци, который отразил переходный характер власти до прибытия нового наместника его приятеля Николая Муравьева. Поддерживалась связь с руководителем русских войск в Дагестане князем Иосифом Аргутинским-Долгоруким. 24 мая 1855 г. он поставил в известность католикоса о получении его письма от 15 марта с известиями о брате Моисее Захаровиче, родственниках и общих знакомых.⁷⁵ В то же время князь Иосиф Аргутинский-Долгорукий поддерживал переписку как с Воронцовым, так и Бебутовым, имея точки взаимоприкосновения и круг знакомства.⁷⁶ Мир связей власти при всей обширности был так тесен, что заставлял Аштаракеци балансировать в отношениях и учитывать статус каждого знакомого.

- - - - -

1. Из переписки Андрея Муравьева и Нерсеса Аштаракеци. Шекикан А. Г - Историко-филологический журнал. 1981, N 4, с. 237.
2. Муравьев А. Н. Грузия и Армения, Спб., 1848, ч. 2, с. 43.

3. Там же, с. 42 - 45.
4. Матенадаран, ф. Архив. Лазаревых, п. 137, ед. хр. 57, л. 256.
5. ЦГИАМ, ф. 2050, оп. 1, д. 30, л. 1.
6. Из переписки Андрея Муравьева и Нерсеса Аштаракеци..., N 3, с. 259.
7. РГИА, ф. 880, оп. 5, д. 634, л.13.
8. Там же, л. 16.
9. Там же, л. 16 об.
10. Там же, л. 17.
11. Там же, л. 17 об.
12. Там же, л. 18 об.
13. Там же, л. 19, 19 об.
14. Там же, л. 19 об.
15. Там же, л. 21.
16. Там же, л. 21 об.
17. Там же, л. 23 об.
18. Там же, л. 24.
19. Там же, л. 24, 24 об.
20. Там же, л. 24 о4 об.
21. РГИА, ф. 1018, оп. 7, д. 351, л. 1.
22. Там же, л. 1 об, 2.
23. Там же, л. 2, 2 об.
24. НАГ, ф. 2, оп. 1, д. 5091, л. 121 - 124.
25. РГИА, ф. 1018, оп. 7, д. 351, л. 2.
26. Там же, л. 2 об, 3.
27. Там же, л. 3.
28. РГИА, ф. 1018, оп. 7, д. 341, л. 1 об.
29. Там же, л. 1 об, 2.
30. Там же, л. 2 об, 3.
31. Там же, л. 3.
32. Там же, л. 5, 5 об.
33. Там же, д. 343, л. 1.
34. Там же, оп. 10, д. 28, л. 1.
35. Там же, л. 4.
36. Архив князя Воронцова. М., 1890, т. 36, с. 319.
37. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 123, ед. хр. 21, л. 1
38. Там же, л. 1, 1 об.
39. Там же, л. 1 об.
40. Там же, л. 1, 1 об.
41. Там же, п. 147, ед. хр. 477, л. 1.
42. Там же, ед. хр. 599. л. 1
43. Там же, л. 1 об.
44. Там же, п. 149, ед. хр. 749, л. 1.
45. Там же, л. 1, 1 об.
46. Там же, л. 2 об.
47. Архив Хачатура Абовяна, т. 2, с. 51.
48. Там же, с. 50 - 53.
49. Там же, т. 8, с. 167.

50. Краткий обзор правительственных действий министерства внутренних дел в 1846 г. Спб., 1847, с. 7.
51. В отношении директора Лазаревского института от 16 ноября 1851 г. указывается о неприбытии Вардана Абовяна в Москву. - Мате - надаран, Архив католикосата, п. 181, ед. хр. 366, л. 1, 1 об.
52. НАА, ф. 100, оп. 1, д. 61, л. 1, 18 -19.
53. Там же, л. 31.
54. Там же, л. 31, 31 об.
55. Микаелян В. А. Переписка Н. Аштаракеци и Л. Серебрякова. - Вестник общественных наук. 1973, N 10, с.106-108,111.
56. Там же, N 3, с. 109.
57. Там же, N 6, с. 112.
58. Матенадаран, ф. Архив, А. Ерицяна, п. 147, ед. хр. 51, л. 2.
59. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 2685, л. 3 - 4.
60. Самуэлян С. Воспоминания., с. 422.
61. НАА, ф. 56, оп. 1, д. 2685, л. 46 - 48, 51, 60 - 63.
62. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 44, л. 1 об.
63. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 152, ед. хр. 768, л. 1.
64. Там же, ед. хр. 250 а, л. 1 - 2
65. НАА, ф. 400, оп. 1, д. 49, л. 11.
66. Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 171, ед. хр. 209, л. 1, 1 об.
67. Из переписки..., N 10, с. 263.
68. Там же..., N 11, с. 263.
69. Ерицян А. Д. Нерсес Y и князь Воронцов..., 14 февраля.
70. Матенадаран, ф. Архив А. Ерицяна, п. 148, ед. хр. 291. л. 1.
71. Там же, ед. хр. 290, л. 1 - 2.
72. Там же, ед. хр. 297, л. 1, 1 об.
73. РГВИА, ф. 38, оп. 7, д. 237, л. , 16, 26.
74. Ерицян А. Д. Нерсес Y и князь Воронцов..., 27 февраля.
75. Матенадаран, ф. Архив А. Ерицяна, п. 152, ед. хр. 159, л. 1 - 2.
76. РО ГПБСЦ, ф. 32, ед. хр. 3, л. 1-12, 117.

2. Новое дело Аштаракеци

1 марта 1855 г. в Тифлис прибыл новый наместник Кавказа Николай Муравьев, который вступил в управление вверенным краем. Отбывая на турецкий театр действий, Муравьев 26 мая назначил своего закадычного приятеля князя Бебутова управляющим гражданской частью на Кавказе и в Закавказье,¹ что означало переход в его бразды непосредственного надзора над главным управлением армянской церкви. Возникла новая ситуация для недоброжелателей католикоса Нерсеса Аштаракеци. 28 июля 1855 г. прокурор Эчмиадзинского Синода К. Васакон сообщил министру

внутренних дел С. Ланскому о наличии беспорядков в главном управлении армянской церкви: "Не существует тот порядок, который определен от действия Положения 1836 г."² Для представления соображений запрашивалось обеспечение их конфиденциальности. Письмо поступило к министру 18 августа и стало предметом обсуждения с Хачатуром Лазаревым. Последний хранил обиду на католикоса. Приняв непосредственное участие в восшествии Аштаракеци на Эчмиадзинский престол, он же вознамерился устранить его.

По его запросу из Эчмиадзина поступил донос на католикоса Аштаракеци, датированный 27 июля 1855 г. из Тифлиса. В нем высшая власть ставилась в известность о "противозаконных поступках" католикоса Нерсеса Аштаракеци. Вначале представлялся политический портрет главы армянской церкви как популиста и макиавеллиста, который для достижения поставленной цели использовал соответствующие средства: "В смутные времена, когда Эчмиадзинский монастырь и патриарший престол были в зависимости от персидского и турецкого дворов, Нерсес, хитрый от природы, снискал к себе народное доверие и еще сам в сане простого монаха управлял судьбами патриархов". Вхождение на церковный Олимп представлялось средством иерархического выделения с помощью католикосов: "Получив степень Епископа и вместе с тем Епархиального начальника в Тифлисе, он пользовался слабостью патриархов и чрез них приобрел известность и распространял свое влияние до высшей степени".³

Каждую ситуацию Нерсес Аштаракеци использовал в свою пользу. Как глава Грузинской епархии, он построил Тифлисское армянское училище, оказав значительное воздействие на умонастроения и чувства армянского народа. В качестве ректора позитивной отмечалась деятельность Арутюна Аламдаряна. Вопреки исторической реальности, автор доноса остракизм Нерсеса Аштаракеци связывал с мнимым заговором против новых властей: "Овладев умами всех, он задумал восстать против русского правительства во время персидской кампании. Но к счастью нации, замыслы его были открыты, и правосудный Монарх удалил его в Бессарабию".

Политические манипуляции позволили, якобы, Нерсесу Аштаракеци добиться канонизации в народных массах при жизни: "Но с удалением его бессмысленный народ не переставал считать его необыкновенным человеком и всегда ожидал от него чрезвычайных переворотов в народном просвещении, и это одно слепое верование заставило народ после смерти патриарха Иоаннеса, из-

брать его на престол". Однако массы оказались разочарованными в своих ожиданиях: "Вскоре народ понял пагубную свою ошибку, но уже не мог отворотить ее, и Нерсес, достигший давно-желанной цели своей, сделался Тираном для народа и скрытым врагом правительства".

В обоснование деспотизма и антицаризма Нерсеса Аштаракеци представлялись 22 поступка. Прежде всего Эчмиадзинский Синод стал руководствоваться лишь волею католикоса: "Одним только я служу Вам положением и законом, какое право имеют Русские надо мною и над моими законами. Никто не смеет требовать отчета в моих делах, моя воля для вас закон".⁴ Упразднение право - способности Синода католикос достиг доведением его численности до двух членов. Оправданием представлялся миф об отсутствии достойных духовников: "Какая нелепость! В армянском духовенстве всегда были и в настоящее время есть достойнейшие епископы и архимандриты. - Их было и гораздо больше, но жестокость его и тиранские поступки одних довели до отчаяния и смерти, других вынудили отказаться от всякого участия в делах, а третьих - бежать за границу". Пострадавшим от католикоса представлялся архиепископ Карапет, который удалился в Ахалкалаки. Жалобу архиепископа на католикоса министр внутренних дел не довел до сведения царя по просьбе фамилии Лазаревых. Духовенство подвергалось унижениям при обращении в правительственные ведомства, Нерсес Аштаракеци находил: "Как осмелились вы жаловаться на меня? Какую власть имеют надо мною Государь и Министр; у армян нет ни Царя, ни Министра, кроме меня. Министр не хочет сознаться, что я выше его. Я буду жаловаться на него Государю. Я пренебрегаю министром, и вот все его бумаги ко мне лежат у меня под сукном без внимания, не хочу даже отвечать ему".⁵

Из всех армянских епархий лишь в Нахичевано-Бессарбской имелся глава, а должности остальных отданы представителям светского сословия, которые, минуя Синод и консистории, направляли церковные доходы прямо католикосу. Такими представителями являлись родственники: в Сигнахе - гражданин Нубаров, Шамшадине - чиновник Варшамов, а в Татеве - Ширмазанов и проч. Собранные суммы представлялись бесцельными. Указывалось, что на построение озера около Эчмиадзина католикос затратил 30 тыс. руб. сер. В другом доносе от 4 апреля говорилось о сумме в 100 тыс. руб. сер. Разорителем Эчмиадзинского духовенства указывался казначей С. Самуэлян. Всю свою деятельность католикос находил обосновывал финансовой необходимостью:

“Государь мне ничего не дает, я не обязан служить для него. Он мне ничего не может сделать; он думает, что я скоро умру, но ошибается, я переживу Его.”⁶ В противоположность “Положению”, запрещавшего главе церкви жить 4 месяца вне Эчмиадзина, Аштаракеци 4 года периодически проживал в Тифлисе и вел дела с Синодом через переписку. Ангелом - хранителем представлялся Нерсесу Аштаракеци наместник Кавказа Воронцов. Говорилось и том, что через персидского консула католикос пытался склонить шаха к участию в Восточной войне против России, взамен обещая воззвать армян Закавказья к восстанию против России.

В заключение автор доноса предлагал довести изложенное мнение до царя и опросить Эчмиадзинскую братию, прокурора Эчмиадзинского Синода, Тифлисского городского голову, армянских и русских чиновников, экзарха Грузии, которые бы показали обоснованность выдвинутых обвинений.⁷ Составителем доноса был епископ Геворг Вегапетян, действия которого являлись следствием пограния католикосом его вседозволенности от времен Иоаннеса VIII и личных амбиций. Были составлены русский и армянский варианты. Русский вариант был адресован шефу корпуса жандармов графу А. Ф. Орлову и председателю Кавказского комитета В. П. Буткову. Донос был отправлен из Тифлиса, минуя Ереванскую почту, чтобы избежать контроля.

Обвинительные пункты представляли собой подобранные “жареные факты” в соответствующем политическом соусе. Естественно, что все факты и высказывания католикоса Нерсеса Аштаракеци были так или иначе направлены на укрепление армянской церкви, ослабление уз контроля со стороны царизма над деятельностью главы церкви, на развитие материальной базы Эчмиадзинского престола и подготовку к развертыванию системы просвещения. Озеро католикос построил для смягчения жаркого летнего климата вокруг Эчмиадзинского монастыря. Вначале вода озера стала просачиваться, что вызвало ликование противников католикоса. Узнав об этом, Нерсес Аштаракеци заявил, что построит вдвое больше и добился своего. При этом из реки Касах была запущена рыба, которая стала подспорьем в питании Эчмиадзинской братии. Было начато строительство сахарного завода, мастера которого прошли обучение в Полтавском имении бывшего статс-секретаря Позена, и начато разведение свеклы. Из Крыма, при содействии Воронцова, привозились сорта винограда для замены сортов, пострадавших от филосеры. Были выстроены хозяйственные постройки для содержания скота и птиц, которые стали поставлять мясо и яйца в питание монахам. Осуществлено строи-

тельство шелковичной мастерской, и в первый же год получено два пуда шелка. Имелась проблема с церковными деньгами. Артемий Халибян собрал до 150 тыс. руб сер. за счет церковных доходов, торговых операций и ростовщичества. По требованию католикоса он стал поставлять собранные деньги траншами, чтобы они через Эчмиадзинский Синод были положены в Эчмиадзинскую казну. Вначале поступило 15 тыс. руб. сер, а затем и 10 тыс. Однако иметь дело с этими деньгами члены Синода отказались. Архиепископ Гукас запросил, чтобы расписку в их получении дал сам католикос. Мотивация предложения исходила из опасения, что поступившие деньги могли быть потрачены, а католикос затребовал бы эти суммы. Об этом разговоре казначей архимандрит Самуэлян сообщил Нерсесу Аштаракеци. На что удивленный католикос заявил, что эти деньги должны были быть сконцентрированы в Эчмиадзинской казне, поскольку он намеревался открыть банк, чтобы под легкие проценты предоставлять их массам и крестьянам, вместо занятия их под высокие проценты от ростовщиков. В то же время он учел опасения членов Синода о транжировании поступивших сумм и предписал Халибяну придержать деньги. Притеснения отдельных священнослужителей действительно имели место, чтобы они не осуществляли личного накопительства. Слабой стороной деятельности католикоса являлось отсутствие видимых достижений в сфере просвещения. Католикос намеревался открыть представительную семинарию после окончания Восточной войны путем закупки строительного материала в Карсе.

Тифлис являлся краевым центром Закавказья, где были сосредоточены реальные рычаги воздействия как на отрицательные явления в отношении Аштаракеци и армянской церкви, так и на получение возможности использовать их для достижения поставленных целей. Взаимоотношения с персидским консулом имели связь с защитой армянских подданных шаха и армянского духовенства.

Пути Господни неисповедимы. Бог все видит и шельму метит. Донос епископа Вегапетяна поступил от министра внутренних дел на конфиденциальное заключение прокурора Синода Васакова. При отправлении заключения из Тифлиса к министру весь пакет документов попал к Нерсесу Аштаракеци. Возмущенный происшедшим католикос послал кондак архиепископу Гукасу, чтобы он собрал Эчмиадзинскую братию и сообщил о наличии доноса на него. Обещалось по возвращении в Эчмиадзин достойно наказать автора подметного письма. Сопричастный к доносу секретарь Си-

нода Симонянц освобожден от должности, а астраханский священник Сукиасов, служивший перевалочным пунктом оказался, как и раньше, вне досягаемости власти католикоса. Прокурору Васакову было предложено освободить помещение Эчмиадзинского монастыря и прекратить пользоваться церковной столовой.

Васаков получил медицинское образование и исполнял обязанности прокурора Синода по ходатайству Нерсеса Аштаракеци. Участие в интриге против главы церкви являлось с его стороны черной неблагодарностью, но имело дальний прицел. По мнению Васакова, донос на католикоса должен был завершиться его отпущением. Тем более что гражданское управление Кавказа и Закавказья возглавлял князь Бебутов, который до этого предписал прокурору контролировать все происходящее и особенно, чтобы католикос Нерсес не выходил за пределы своей власти.⁸ Поэтому еще 28 июля 1855 г. он направил из Эчмиадзина князю Бебутову информацию о нарушении 33 статьи "Положения", предусматривающей в составе Эчмиадзинского Синода четырех архиепископов и четырех архимандритов под председательством католикоса. Имелось же в наличии по два архиепископа и архимандрита. Сообщено и о других "беззакониях" Нерсеса Аштаракеци.⁹

Содержание доноса стало обоснованием для Хачатура Лазарева курса на отстранения Нерсеса Аштаракеци от руководства армянской церкви. 7 февраля 1856 г. министру внутренних дел Ланскому была подана записка "Сведения об Эчмиадзинских верховных патриархах и епархиальных армянских архиепископах в России". В ней представлялись контакты Эчмиадзинского престола с Россией со времен царя Ивана Грозного, но действительный характер они приобрели при Петре Великом. Большое место в восточной политике Екатерины II отводилось российскому епархиальному кн. Аргутинскому-Долгорукому. Следствием представлялось основание армянских городов на южных рубежах России - Моздок, Кизляр, Нахичеван — на - Дону и др.

С избранием Иоаннеса УШ католикосом всех армян, по ходатайству фельдмаршала Паскевича, Нерсес Аштаракеци оказался в Бессарабии. По словам Лазарева, этого времени утвердились прохладные отношения Аштаракеци к Эчмиадзину: "В Бессарабии Нерсес огорченный, питая личную неприязнь к патриарху Иоаннесу УШ, не имел никаких с Эчмиадином сношений, не повиновался патриарху, не предоставлял сведений об управлении Бессарабскою епархиею".¹⁰

Указывалось об отрицательном отношении католикоса к церковному "Положению". Представлялся негативный вывод о цер-

ковной деятельности Аштаракеци: "Патриарх Нерсес находился в Эчмиадзине с 1844 по 1855 год, что составило 11 лет, а также в Бессарабско-Нахичеванской епархии с 1828 по 1842 год, что равняется 16 годам. Ничего не начал, не исполнил ни Высочайшего положения 1836 г., ни семинарии, ни школ не оставил, ни отчетности, ни управления не учредил".¹¹ Для понятия восхождения Нерсеса Аштаракеци на Эчмиадзинский престол Хачатур Лазарев был вынужден представить и частицу объективности в его исторический портрет. Католикос характеризовался самородком, отдача от которого была лишь при освобождении Араратской страны: "Патриарх Нерсес по необыкновенному от природы уму, по утонченным способностям, по азиатским обычаям в приемах в действиях, по трудолюбию, по видам политическим, по некоторым принципам, заслуженным в молодости, и потом, когда честолюбивые виды его одушевляли, вначале, особливо по окончании войны с Персией и Турцией, заслуживал внимание".¹² Все сказанное понадобилось для обоснования отсутствия у Аштаракеци перспективы в руководстве армянской церкви: "К сожалению, он пережил свою духовную славу, утратил значение, влияние, даже потерял то, что снискал в общем выгодном мнении в России, в Турции".¹³

Создавшееся положение в управлении армянской церкви трактовалось озобоченностью и требовало смены главы Эчмиадзина: "Все в целом добра желают, перелома и перемены к отворачению худых последствий, к ограничению самоуправства, к водворению порядка, столь необходимого для армянской иерархии, для правительства, для всего народа".¹⁴ От имени российских армян министру внутренних дел предлагалось раскрыть незаконную деятельность лиц, которым Аштаракеци передал церковные деньги на приращение: Нахичеван - на - Дону - Артемий Халибян; Таврическая губерния, Крым, Карасу-Базар - Арсен Довлатов; Бессарабская область и Кишинев - Аствацатур Аветов и проч. Притом прямо указывалось, что это деньги католикос Нерсес Аштаракеци собирал на создание армянских училищ и школ. Эта деятельность католикоса признавалась наносящей вред армянской церкви.

Обобщающий вывод гласил о необходимости быстрее отлучения Нерсеса Аштаракеци: "Чем долее патриарх Нерсес останется в исправлении своего сана и должности и чем позднее он будет уволен, тем пагубнее последствия для церкви, для правительства, для армянской иерархии и нации, которая из самолюбия, из терпения переживала, скрывала и не обнаруживала слабостей патриарха Нерсеса".¹⁵ Политический момент для принятия во-

левого решения по назначению нового католикоса представлялся удобным: "Ныне как с Турцией продолжается война, как Персия не заключает столь значительного числа армян, то без всякого избрания можно уволить патриарха Нерсеса, потерявшего свой вес, значение и уважение в общем мнении армянского народа".¹⁶

Достойными кандидатами на Эчмиадзинский престол указывались архиепископ Карапет и член Синода архиепископ Гукас. являющиеся наиболее опытными и известными иерархи. Из молодых архиепископов значительным лицом представлялся глава Нахичевано-Бессарабской епархии Матевос, в заслугу которому указывалось его пребывание в Эчмиадзине. В обоснование собственной точки зрения Лазарев прилагал "Донос" на католикоса из Тифлиса от 27 июля 1855 года с подробным изложением обвинительных пунктов.¹⁷ Очевидно, учитывалось и то обстоятельство, что архиепископ Карапет в 1855 г. направил жалобу высшей власти на католикоса Нерсеса Аштаракеци как на носителя антирусских настроений.¹⁸

В своей ярости на Аштаракеци Хачатур Лазарев, предав гласности негативность католикоса к брачному делу, потерял чувство реальности и дал определенную интерпретацию представляемым фактам. Политическая манипуляция фактами была призвана умалить, раздавить и отстранить "защитника отечества" - Аштаракеци. Для Хачатура Лазарева понадобилось время, чтобы более реально оценить место в истории армянского народа и Эчмиадзинского престола. В середине 60-х годов XIX в. для него более осязаемо стало величие Нерсеса Аштаракеци: "Покойный патриарх Нерсес обладая обширным умом, твердою волею и энергическим характером почти неограниченно и произвольно управлял духовными делами церкви для ее устройства".¹⁹ Тем более, когда стало известно что католикос собрал на устройство академии, училищ и школ 1 млн. руб.²⁰ Не транжирил и не присвоил.

Представление Лазарева повлекло за собой последствия. 9 февраля 1856 г. министр внутренних дел Ланской сообщил наместнику Кавказа Николаю Муравьеву, что в 1855 г. прокурор Эчмиадзинского Синода Васаков в 1855 г. поднял перед его предшественником вопрос о незаполненности состава Эчмиадзинского Синода, вопреки "Положению". Из необходимого состава (четыре епископа и четыре архимандрита) имелось всего лишь два епископа и два архимандрита.²¹ Имели место также жалобы на католикоса Аштаракеци со стороны скончавшегося главы Грузино-Имеретинской епархии архиепископа Карапета и руководителя Нахичевано-Бессарабской епархии архиепископа Матевоса, кото-

рые обвиняли его в "самовольном" управлении, устранении епархиальных начальников, бесконтрольном присвоении церковных доходов, которые собирались доверенными лицами.²²

15 февраля 1856 г. министр внутренних дел Ланской запросил бывшего управляющего своего ведомства Строганова об управлении Нерсесом Аштаракеци Нахичевано-Бессарабской епархией и отношении к "Положению" 1836 г. К главе Астраханской армянской епархии был послан запрос по поводу собираемых церковных сумм для католикоса Аштаракеци, о лицах, причастных к этому, и представлении мнения о путях изменения "существующих беспорядков".²³ 20 февраля директору департамента иностранных исповеданий Д. П. Хрущеву была направлена записка Лазарева.

Прилагалась записка с обвинениями в адрес католикоса, сходная с доносом 1855 г.²⁴ Из новых фактов обращено внимание на желание католикоса прибыть в Москву на коронацию царя Александра II, чтобы ускорить лелеемую мечту о финансировании сферы духовного просвещения, которое было сочтено нежелательным: "Еще новое мечтательное предположение 96 летнего старца прибыть летом в Москву с поздравлением и с просьбой о выдаче ему значительной суммы из казны, или пожертвованием в пособие, или же заимообразно на многие лета. Благоприлично конфиденциально отклонить несовместный приезд старца истощенного и во все бесполезно".²⁵ Обращает внимание указание о великовозрастности католикоса, чтобы обосновать нежелательность приезда и старческую мечтательность, что затем проникло в ряд официальных документов.²⁶

Продолжая нагнетать давление на министерство внутренних дел по поводу оформления нового дела Нерсеса Аштаракеци, Хачатур Лазарев 14 марта 1856 г. представил Ланскому записку "Обзор управления армяно-григорианской церкви в России, что и как примерно можно было бы начать устройство при настоящем очевидном упадке и при полном разрушении". Постулатом записки явилось огульное утверждение о сознательном бездействии католикоса в управлении армянской церкви, приведшем к застою и деконструктивным явлениям. Отталкиваясь от ранее сообщенного, указывалось: "Известно и доказано, что патриарх, его окружение и поверенные, из сомнительных граждан и из духовных, имеет в виду доказать, чтобы во всех армянских епархиях ничего хорошего, полезного необходимо не устраивать, ничего не содержать, ни консисторий, ни духовных правлений, ни училища".²⁷

Яростный критик правления католикоса Нерсеса Аштаракеци

Хачатур Лазарев выдвинул проект идеального устройства армянской церкви в духе концепции правового управления: "Истинное благоустройство древней церкви, принявшей в начале первого века христианство в Армении, нуждается в России направления, основанного на отчетности и на правилах, более обоснованных и добросовестно исполняемых".²⁸ Обоснованием наличия противоправности в управлении Эчмиадзинским престолом указывались мнения прокуроров Синода - Матинова, Мирзояна и Васакова, видных деятелей руководства Закавказья - бывших главноуправляющих, князей Воронцова и Бебутова, окружных начальников, иерархов Астраханской и Грузино-Имеретинской епархий Серовбе и Карапета. Всеи они, якобы, указывали на самоуправство Нерсеса Аштаракеци и стремление уничтожить "Положение" 1836 года: "Словом, все церковные узаконения, все указы, Высочайшие постановления для патриархата Нерсеса не существуют; он их не знает, и все разрушает, ибо все церковные капиталы, бездоимно собираемые, присваиваются, раздаются и расхищаются". Противники политики католикоса Нерсеса представлялись удаленными с общественного поприща, а клеветы действующими в свою пользу: "Обманывающие сего упорного старца, 96-летнего, почти в младенчестве и в истощенных умственных силах, иногда даже впадающий в яростный пыл гнева, что как новорожденный в рас судок поступает".²⁹ Борьба католикоса Нерсеса против расхищения церковного достояния, путем высказывания сомнения в подлинности духовных завещаний, представлялась еще одним фактом в пользу доказательств расстройства умственных сил главы армянской церкви.³⁰

В ту же дудку пел и прокурор Эчмиадзинского Синода Васаков. В рапорте от 26 апреля 1856 г. министру внутренних дел Ланскому было указано, что некоторые армянские епарий в России (Грузино-Имеретинская, Астраханская, Шемахинская и Карабахская) довольно длительное время не имеют духовного главы. Точно так же в Ереванской епархии долгое время отсутствовали викарии. Управление всеми четырьмя викариатствами осуществлял католикос всех армян, что являлось тяжелым бременем. Поступали сигналы, что по делам Синода прослеживается управление духовными делами и доходами светских лиц, которые отчитывались лишь перед католикосом.

28 апреля 1856 г. Васаков отослал представление директору канцелярии министра внутренних дел о положении дел в Эчмиадзине как результат запроса Ланского от 8 марта. В нем указывалось, что требования "Положения" 1836 г. об управлении армян-

ской церковью не исполняются. Синод, состоящий из трех членов, практически не функционировал в 1851 - 1853 гг. Затем последовало восполнение двумя членами, из которых архиепископ Макар являлся сторонником католика Нерсеса. В 1855 г. князь Бебутов и наместник Воронцов просили восполнить состав Синода, но безуспешно. Васаков писал: "Его Святейшество находит несовместным с особыми видами своими, а потому письменно и словесно провозглашает оный бесполезным и всегда вредным церкви".³¹ Все отношения епархиальных консисторий, минуя Синод, поступали прямо к католику. Отмечалось о безосновательном отстранении глав Грузино-Имеретинской и Нахичевано-Бессарабской епархии архиепископов Карапета и Матевоса: "Между тем патриарх Нерсес присвоил себе права, власть и титул начальников названных епархий и, поставив в некоторых епархиях и викариатствах непосредственно им самим поверенных из светских лиц и священников в качестве патриарших представителей и уполномоченных управлять духовными делами и денежными доходами, довольствуется лишь тем, что по всем епархиям одно Его влияние должно иметь силу и значение и тем, что чрез живейшее содействие помянутых представителей его епархиальные и церковные денежные средства доставляются прямо к нему или употребляются по его воле".³² Перечислялся сонм обвинений в адрес главы армянской церкви.³³ Общий вывод: "Все действия патриарха Нерсеса явно клонятся к утверждению за собою неограниченного единовластия над церковным управлением армянского мира".³⁴

30 апреля 1856 г. директор департамента иностранных исповеданий Д. Н. Хрущов направил прокурору Васакову два отношения министра внутренних дел, как результат представления его от 31 марта. Первое содержало запрос по жалобе армянского общества г. Нахичевана - на - Дону о передаче чиновниками Артемия Халибяна около 100 тыс. руб. сер. из церковных доходов католику, а второе - о необходимости восполнения состава Эчмиадзинского Синода. Запрашивалось конфиденциально о реакции католика на эти отношения и принятые им меры. 16 мая последовал запрос о причинах закрытия в 1854 г. Елисаветпольского армянского духовного правления.³⁵

12 июня 1856 г. Эчмиадзинский прокурор Васаков представил министру внутренних дел справку, что с 1845 по 1854 гг. в Эчмиадзинском Синоде находилось 44 дела, ожидающих решения католика. Сверх того, у Нерсеса находилось таковых 14 дел. А всего 58. Представлялась "Выписка из частных сведений о патри-

архе Нерсесе". В ней указывалось о наличии жалобы Константинопольского патриарха Акопа русскому чрезвычайному послу А. С. Меншикову на католикоса Нерсеса по поводу притеснения им архиепископа Карапета. По этому царь Николай I послал запрос наместнику Кавказа Н. Н. Муравьеву, но последний замаял дело. Отмечалось, что архиепископ Саркис Джалалян после посвящения в сан епископа не был приведен католикосом к присяге на верность царю, в то время как в 1852 г. перед посвящением турецкоподанных архимандритов в сан епископа он привел их к присяге в самом Синоде. Повторено утверждение об игнорировании церковной хартии самодержавия.³⁶

Гвоздем обвинений стало два пассажа. Первым являлось утверждение о том, что католикос Нерсес Аштаракеци через доверенных лиц ведет тайную и "изменническую переписку" с иностранными деятелями. Вторым указывалось антидержавное настроение: "Говорит против России со злобою, этому свидетельствуют духовные и светские лица".³⁷ Информацию о противозаконных действиях католикоса Нерсеса министр внутренних дел направил 15 июля в III отделение канцелярии е. и. в. для проверки достоверности.³⁸

Противодействие намерению поехать на коронацию царя Александра II заставило католикоса поехать в Тифлис, чтобы на месте разобраться в подспудных причинах просиходящего. Наместник Кавказа Николай Муравьев представил различные доводы против поездки как изматывающие последствия путешествия и изменения климата. Указывалось, что 14 лет тому назад при поездке Нерсеса Аштаракеци из Кишинева в С.-Петербург он "смертельно заболел", и лишь божественное провидение в доме Лазаревых спасло его. В ответ на противодействие наместника Кавказа католикос решил направить своим представителем на коронацию епископа Саркиса Джалаляна,³⁹ который был снабжен письмами к различным влиятельным деятелям - князю Воронцову, ген. - ад. Орлову, члену Государственного Совета Муравьеву, сенатору Сазонову и ген. Шербинину. Епископу Джалаляну было предписано останавливаться не в доме Лазаревых, а на Комиссариатском в помещении ком. сов. Акопова.⁴⁰

Откровенное мнение о происходящем Нерсес Аштаракеци изложил в письме от 6 июля 1856 г. князю Воронцову. Свое послание католикос представил как давнее желание вновь побеседовать с человеком, имевшим влияние на развитие армянского народа: "Вы со светлым проникательством и глубоким знанием дела устраивали все, касающееся до Гайканского поселения вообще, и

даже в частности, так, что улучшение судьбы, церкви и народа, как в настоящем, так и в будущем, согласуясь с видами Правительства, казалось и было результатом, который запечатлется, конечно, на скрывалях истории Гайканцев всего света".⁴¹ Воздав должное прошлому, католикос находил, что новое царствование сопровождается преданием его заслуг перед высшей властью: "Я с сокрушенным сердцем должен высказать, что ныне наступила, как видно, пора, когда приходится мне, при вновь возбуждающемся духе моем, служить новому Государю с новым усердием, узреть, что и долговременная служба моя Вам, князь, более всех известная, и непреложные усердие и преданность нации моей без внимания предаются забвению. - Жаль, очень жаль и нескончаемое жаль, ибо ни я ни нация моя, ничем сего не заслужили".⁴²

Причиной крайности мнения католикос указал противодействие властей его приезду на коронацию Александра II в Москву. Министр внутренних дел отношением от 30 апреля всего лишь сообщил о необходимости направления одного депутата для участия в намеченной царственной церемонии, каковым Александр II назначил архиепископа Матевоса. Принятое решение было сочтено игнорированием его права присутствовать при коронации и "оскорбительным": "Почему именно я сам не могу быть при столь великом торжестве или хотя бы сказать было, если почему - либо не могу, то в таком случае просить депутата, но обо мне решительно ни слова, как между тем по всем правилам и законам право присутствовать принадлежит мне". Все происходящее католикос представлял как "происки" архиепископа Матевоса и фамилии Лазаревых.⁴³

Формально министр внутренних дел, с подачи Хачатура Лазарева, взял за основу прецедентом коронации Николая I в августе 1826 г., когда на ней присутствовали армянские депутаты, главы поскольку католикос Ефрем был немощен и находился в Ахпатском монастыре, а Эчмиадзин подчинялся Тегеранскому двору. Однако с завершением присоединения Восточной Армении и принятием церковного "Положения" 1836 г. ситуация кардинально изменилась. Главы внутренних армянских епархий не могли иметь предпочтения в представительстве при коронации перед главой армянской церкви, находящимся в российских пределах. Так что предпочтение архиепископа Матевоса перед католикосом Нерсесом Аштаракеци означало спланированное выражение недовольства его управлением армянской церковью со всеми вытекающими последствиями.

Реализуя право представительства, Нерсес Аштаракеци своим

депутатом на коронацию назначил архиепископа Саркиса Джалаляна, о котором похвально оотзвался Андрей Муравьев в книге "Грузия и Армения" (ч. II, с. 301). Запрашивалось покровительство для Джалаляна со стороны князя Воронцова. В то же время испрашивалось приглашение на коронацию и аудиенцию для представления новому монарху: "Но желание мое этим не ограничивается, оно ждет успокоения тем, чтобы положение мое было доведено до Высочайшего сведения, чтобы Всемилостливейший Государь соизволил на проезд мой, и я вмиг явлюсь к подножию Его Величества, присылка же депутата сему не помешает".⁴⁴

Общая тональность письма Нерсеса Аштаракеци являлась отражением признательности и уважения к Воронцову, оказывавшему поддержку и содействие на протяжении длительного времени, представлявшему дружбу русского аристократа и армянского иерарха.

6 июля 1856 г. католикос изложил свою "душевную скорбь" министру внутренних дел Ланскому по поводу отношения от 30 апреля. Рассмотрению подлежали два царских повеления: о направлении депутата на коронацию и разрешении присутствовать на торжественной церемонии главе Нахичевано-Бессарабской епархии Матевосу. Первое распоряжение сочтено попранием прерогатив главы армянской церкви и достоинства армянского народа: "Я лишен, как видно, Всемилостливейшего воззрения, а народ Гайканский, обитающий по всему пространству земного шара, потому что достоин той поры, того времени, когда глава церкви его забыт".⁴⁵ Именно католикос представлялся рупором о восшествии царя Александра II на престол для всего армянства: "Но кто же должен отзвонить этот сладкий звон благовести в умонастроении армян далеких стран: Персии, Индии, Турции, во всех других местах проживания, как не глава их церкви, как не патриарх-католикос всех армян Нерсес. Я, и именно Я первым должен и обязан двигать и ударить этот колоссальный язык столь необъятного колокола, но я, к несчастью моему и к сокрушению всего армянского народа, я оставлен без внимания, так даже, что на этот раз имени моего не поминается в устах коронации Монарха, но даже и в бумагах Ваших не упоминается точно так, как я патриарх -католикос всех армян и несуществую". Общий вывод: "Ни я, ни народ думать, ничем еще таковой немилости не заслужили".

Проявленное игнорирование высшей власти к личности и сану католикоса Нерсес Аштаракеци находил следствием интриги личного порядка: "Я имею справедливый повод думать, что исходит

все это от происков Нахичевано-Бессарабского епархиального главы армянского архиепископа Матевоса, который, чтобы избежать явиться в Эчмиадзинский Синод, суду которого он подлежит за неповиновение свое к законной моей власти".⁴⁶ Архиепископ Матевос представлялся покинувшим епархию и отправившимся в С. - Петербург, где добился права присутствовать при коронации.

Резкой критике подверглась флюгерная позиция Ланского относительно деятельности католикоса: "Вы, г. министр, во всех других бумагах, до армянской церкви касающимися делами, порицая мои распоряжения, сами говорите, что Высочайше утвержденным 11 марта 1836 г. Положением об управлении делами армянской церкви было во всем и во всей точности исполнено". Обоснованием мысли указывалось дело о церковных капиталах в распоряжении архиепископа Серовбе, "кои родственники сего римского исповедания домогались отнять у нашей церкви, а я всячески доказывал, что по коренным правилам и обычаям армянской церкви капиталы эти никому другому принадлежать не могут, кроме как церкви".⁴⁷ Указывалось на наличие аналогичного мнения со стороны министра: "Ваше Высокопревосходительство еще в 1851 г. отношением от 17 августа за N 2286, противу отзыва моего, что это положение составлено людьми неблагонамеренным, чти индийские армяне протестовали и что вследствие сего императору Николаю I угодно было предоставить мне пересмотр этого положения".⁴⁸

Другим показательным примером представлена проблема сбора церковных доходов. Согласно отношению министра внутренних дел от 11 апреля 1856 г. за N 10003, армянское общество г. Нахичевана - на - Дону и пяти окрестных селений представило жалобу на "удержание" до 100 тыс. руб. сер. чиновником Артемием Халибовым, оправдывающим свою деятельность предписаниями католикоса по управлению церковным имуществом. Ланской извещал и о предписании главе Нахичевано-Бессарабской епархии архиепископу Матевосу обеспечить законный порядок управления с передачей отчетности избранному обществу старостой и представлением Новороссийскому и Бессарабскому губернатору.

Ответ католикоса был сведен к игнорированию его роли в расследовании жалобы: "Но каким образом могло случиться, что Ваше Высокопревосходительство, имея в виду оправдание чиновника Халибова, ссылаетесь на мои приказы, Вы, Милостливый Государь, неблаговолили предварительно спросить об этом меня?".⁴⁹ Министру было также предложено проверить отчетность Эчмиадзинского Синода, чтобы выявить задолженность 100 тыс. руб. сер.

церковных доходов у Халибова.

Требовательность министра к исполнению законного порядка католикос предложил проявить также при назначении депутата на коронацию е.и.в. Личность же архиепископа Матевоса для депутатской функции указана недостойной. Еще 16 марта 1855 г. управляющий министерством внутренних дел Бибиков запросил католикоса о представлении архиепископа к ордену св. Анны 11 степени, на основании ходатайства генерал - губернатора Новороссийского и Бессарабского, что было сочтено неосновательным со стороны Нерсеса Аштаракеци. Носителем высоких качеств духовного деятеля представлялся Саркис Джалалян. Просилось об этом доложить царю, с предписанием Матевосу направиться в Эчмиадзинский Синод для ответа о причинах неповиновения главе армянской церкви.

В заключение католикос обращал внимание министра, что требование о присутствии на коронации - не только вопрос принципа, но и общественной значимости: "Ибо я не хочу, чтобы Свет думал, что я, Нерсес, не умел и не умею сохранять с достоинством права и преимущества с коренными правилами и вековыми обычаями нации и самими гражданскими законами Верховному патриарху и католикосу всех армян присвоенных". Новым аргументом в свою пользу католикос представил умение Николая I подбирать управленческие кадры: "При том же, вместе с тем, я не вправе не оставлять по себе доказательства в том, что Великий Государь, ныне в Бозе почивающий, император Николай Павлович, колоссально правивший Монархией, в выборе людей не ошибался".⁵⁰

К этому же времени католикос получил письмо из Ахалкалаки, отправленное 27 июня 1856 г. от Д. Аствацатурова. В нем указывалась смерть родственника адресата архиепископа Карапета от 2 июня. Своим духовным завещанием архиерей подарил Аствацатурову и его братьям половину деревни Гури Дадеш. Однако, поскольку деревня была приобретена на имя церкви св. Спасителя, то наследники добровольно отказались от нее через депутатов духовного управления. Впоследствии выяснилось наличие еще одного завещания от 31 мая. Сам же "огромный капитал", нажитый архиепископом при жизни, исчез, что могли осуществить при нем находящиеся до последнего часа священнослужители Суренянц и Демурчян. Командированный католикосом епископ Арутюн для приведения в известность церковного достояния лишь зафиксировал его существование.⁵¹

16 июля 1856 г. наместник Кавказа Муравьев сообщил пред-

седателю Кавказского комитета графу Орлову о направлении дела относительно правления католикоса Нерсеса. Муравьев находил: "Действия его по управлению армяно-григорианской церковью не могут быть оправданы". Вину за сложившееся положение дел наместник Кавказа брал на себя, указывая на давнее знакомство и уважение к Нерсесу Аштаракеци: "Не могу скрыть от Вас, что сорокалетнее мое знакомство с Нерсесом и уважение к его достоинствам является причиной тому, что я обязанность свою по сему предмету исполняю против всякого моего душевного влияния". В то же время подчеркивалось и то обстоятельство, что глава армянской церкви находился в преклонном возрасте. В результате он не мог, по мнению Муравьева, контролировать все церковное управление. Сделан неутешительный прогноз о функциональном состоянии Айрапета: "Не в состоянии уже править порученным ему делом, расстройство коего, при дальнейшем существовании вводимых им порядков, должно все более и более усиливаться".⁵² Для восстановления "законного порядка" управления Муравьев, как сообщалось Орлову, обратился к царю о почетном удалении Нерсеса Аштаракеци. При этом предлагалось учитывать "прежние заслуги" Аштаракеци, "дающие ему право на внимание правительства", несмотря на наличие "неправильных действий". В круг последних Муравьев включал покупку недвижимых имений без уведомления Эчмиадзинского Синода, игнорируя требования гражданского законодательства, которое запрещало подобные приобретения духовным учреждениям без санкции царя.⁵³

В перипетии возникшего конфликта свое понимание внес католикос Нерсес. В представлении от 27 июля 1856 г. к Муравьеву он известил о получении письма от министра внутренних дел, где сообщалось о наличии двух периодов в развитии и образовании армянского духовенства. Первым периодом указано время от перехода армянского духовенства под "покровительство" Российской державы до 1842 г. Вторым периодом указан отрезок времени от избрания католикосом Нерсеса Аштаракеци до текущего состояния дел. Относительно первого периода католикос отметил свою непричастность к образованию духовенства: "Ибо я не обладал властью верховного патриарха". Несмотря на это, как указывалось им в 1811 г, было учреждено духовное училище в Эчмиадзине. Этому же содействовало основанное им Тифлисское армянское училище. Собственное правление Аштаракеци отводил к 1846 г., когда прибыл в Тифлис и за десятилетний срок содействовал образованию и укреплению устоев армянской церкви. Между тем, по его словам, Айрапет застал Эчмиадзин в упадке и

расстройстве финансов. Налаживание нормального функционирования Главного управления армянской церкви затребовало приложения колоссальных сил. Что же касается образования духовенства, то здесь католику пришлось столкнуться с непреодолимым кадровым вопросом: "Министр имеет образованнейших директоров, вице-директоров, начальников отделов, чиновников особых поручений и целый отряд чинов канцелярий, между тем как я, я - один! Но и тут отказали мне в учреждении хотя скудной канцелярии."⁵⁴

В новом отношении от 28 июля 1856 г. был представлен комплексный характер распыления церковных доходов. В ходе ревизии Грузинской епархии было установлено, что архиепископ Карапет не послал в Эчмиадзин 250 тыс. руб. сер. Аналогичную позицию продемонстрировали митрополит Карабахской епархии Багдасар и другие иерархи, которые, по сути дела, превратились в феодалов баронов, не выполнявших обязанностей перед своим сюзереном. Между тем в Российской державе устанавливался капиталистический уклад, осуществлялся промышленный переворот и усложнялась общественная жизнь. Армянской же церкви, располагавшей скромными возможностями, надлежало учесть новации общественного развития. Возврат церковных сумм, запрет на духовные завещания представлялись католику возможностью обеспечить развитие всей армянской церкви.⁵⁵

Представление католика наместник Муравьев направил председателю Кавказского комитета Буткову 6 августа 1856 г. Был отмечен отказ католика от идеи поездки на коронацию: "Слух о намерении патриарха-католика ехать в Москву для присутствия при коронации Государя Императора был распространен и в Тифлисе, но не имел никакого основания, ибо по прибытию сюда патриарха он сделал распоряжения об отправлении на сей предмет в Москву Саркиса Джалаляна".⁵⁶ При этом было указано на наличие недовольства католика церковной хартией самодержавия России, что явилось причиной создавшейся ситуации: "Нет сомнения, что Нерсес питает неудовольствие к правительству за "Положение" 1836 г., от исполнения коего он уклоняется, а потому понять можно, что в речах его прорывается выражение сего неудовольствия".⁵⁷ При этом отмечалось, что из всех иноверческих исповеданий наиболее близким является армянское духовенство.⁵⁸ Наместник Кавказа предлагал осуществить избрание нового главы армянской церкви путем высочайшего назначения. Точку зрения запрашивалось предоставить на усмотрение царя.⁵⁹

Раздражение Аштаракеци от взаимоотношения с высшими ин-

станциями получило отражение в представлении к министру внутренних дел. Поводом стало отношение Ланского от 17 июля 1856 г. за № 1456, где министр отверг желание католикоса присутствовать при коронации и указал лишь на необходимость представления делегата. Католикос указал о своем желании лично присутствовать при коронации в Москве для изложения интересов армянской нации, защиты своего престижа от различных наветов и осуждения главы Нахичевано-Бессарабской епархии": "Я для сего оставил священный престол Эчмиадзинский, предпринял далекий путь и теперь нахожусь в Тифлисе. Поэтому прошу Вас, г. Министр, доложить о сем намерении моем Е. И. В., тем более, что я желаю представиться Государю Императору и лично ходатайствовать пред Е. В. об ограждении прав Верховного патриарха всего Гайканского народа и оправдать себя пред государем в тех внушениях, что внушения ошибочны, что в сем действии Вы руководились клеветами Матевоса, которого я давно жду на суд, на святую гору Араратскую, но который не внимая призыву своего Верховного патриарха, пишет в С. - Петербург под личным покровительством Вашим и еще одного семейства, по рождению и крещению своего принадлежащего к церкви, над которой законным избранием святителей Европы, Азии и Африки я поставлен верховным главою и пастырем".⁶⁰ Праведный гнев католикоса был настолько велик, что он постарался использовать все возможные средства для низвержения как духовной величины архиепископа Матевоса, которого защищал от католикоса министр внутренних дел, не говоря о Лазаревых, и желал видеть делегатом на коронации царя Александра II. Нерсесом Аштаракеци были приняты экстраординарные меры: "Матевос, бывший архиепископ Нахичевано-Бессарабской епархии, теперь не архиепископ, ибо я лишил его сана и отлучил от церкви, предал анафеме, равно как и семейство ему покровительствующее".

Не было силы, по мнению Нерсеса Аштаракеци, которая могла бы вмешаться в установленный им порядок неограниченного личного епархиального управления. Исключением являлся лишь Господь Бог, подтверждающий лишь установленную закономерность действий: "Уведомляя Вас об этом, г. Министр, для того, чтобы Вы знали о том, что сила Вашего отношения от 7 января сего года № 10256, посланного армяно-григорианским епархиям, касается только епископа несправедливого, ибо в сих шести епархиях, за проклятием Матевоса, не имеется более одного епископа, на то есть моя, верховного патриарха, воля. В духовных делах армяно-григорианской церкви выше моей воли есть одна только

воля, та самая, которая сажала меня наместником св. Григория, воля Бога единаначального".⁶¹

Точно таким же представлялось отношение католикоса к деятельности Эчмиадзинского Синода как рупора политики самодержавия, сочтенного упраздненным за ненадобностью как коллегиального органа. При этом в запальчивости католикос забывал, что он сам содействовал созданию Синода в Эчмиадзине как совещательного органа. Поэтому как основатель этой структуры управления армянской церкви, Аштаракец считал себя правомочным обойтись и без него: "Что касается до Эчмиадзинского Синода, в котором, как Вы, г. Министр, пишете, вместо положенных 8 членом состоит только 3, уведомляю Вас, что и тех членом в нем нет, и самого Синода более не существует, ибо я распустил Синод и данною мне Богом властью уничтожил его, на том основании, что власть патриарха, митрополитов, архиепископов и епископов во всем христианском мире установлена Господом Богом Иисусом Христом. Синод же суть выдумка людей, насилюющих церковь. Сие неведомо христианству и грозит осквернить растлением".⁶²

Ярость души католикоса была настолько сильной, что он даже решился поставить под сомнение свой полувековой путь борьбы за освобождение армянского народа при содействии России и пригрозить о возможной смене ориентации на Англию: "Прошу Вас, г. Министр, доложить обо всем этом государю Императору и исходатайствовать дозволение Е. И. В. лично мне изложить пред его высоким тронем то, что я имею сказать, просить и требовать. Вы знаете, конечно, г. Министр, что в случае, если бы воспрепятствовали личному моему и Государю Императору объяснению или же доложили бы Его Величеству мою просьбу в таком виде, что если бы она была отринута, то я найду в других венценосных лицах покровителей Гайканского народа и Армянской григорианской церкви. Вы знаете, конечно, г. Министр, что это дело находится в тесной связи с поставленными вопросами. От действия вашего и воли Е. И. В. зависит: России или другому великому государству на будущее время быть обладательницей народа гайканского и стран, которыми владели древние цари Армении".

Знаменательна была и подпись Аштаракец, которая носила знаковый характер как представителя православного восточно-христианского вероучения: "Божиею Милостью католикос Нерсес, всеми армянскими святителями избранный, Императорским Высочеством утверждённый, Троице преданный".⁶³ Смысловое содержание титулирования отражает подпись под известительной грамотой от 21 апреля 1844 г. Константинопольскому патриарху:

"Глава епископов и католикос армян, патриарх святого Эчмиадзина, Нерсес Аштаракец".⁶⁴ Различие в титулировании четко фиксирует различие адресатов, значение обращения и время правления католикоса Аштаракеци.

В целом католикос находил, что министр внутренних дел производя дознание в делах управления армянской церкви действует по известному имперскому принципу: "Разделяй и властвуй". Этим самым преследовалась цель вызвать внутренние раздоры, ослабить внутренние связи и ограничить власть католикоса всех армян.

Представление главы армянской церкви было доложено министром внутренних дел царю, затем информация поступила в Кавказский комитет. По рассмотрению представления наместника Муравьева Кавказский комитет постановил, чтобы вся информация министерств и главноуправляющих отдельными частями по управлению армянской церкви в Закавказье и на Кавказе в Российской империи поступала в канцелярию комитета. Решение было утверждено Александром II 10 августа 1856 г.⁶⁵ С санкции монарха, министр внутренних дел сообщил наместнику Кавказа сведения из внешнеполитического ведомства о заграничном армянском духовенстве и Эчмиадзинском престоле. Вся переписка с наместником Кавказа по Эчмиадзинскому вопросу сочтена государственной тайной, "выходящей из основанного круга" занятий для административных дел.⁶⁶ Постановления означали установление тотального контроля над Главным управлением армянской церкви и ее главой Нерсесом Аштаракеци, принятие мер по отстранению католикоса и избранию нового.⁶⁷

Католикос также добивался смещения прокурора Эчмиадзинского Синода. Однако и замещающий прокурора губернский секретарь Матинян оказался составной частью механизма контроля над главой армянской церкви. 25 августа 1856 г. им был дан ответ на запрос министра Ланского о предоставлении формулярных списков четырех кандидатов в члены Эчмиадзинского Синода: епископа Саркиса Джалаляна, архимандритов Егиазара Карапетяна, Геворга Мктрчяна, Григора Омянца и Саркиса Тер-Каспаряна, которых католикос выдвинул перед отъездом в Тифлис. Представление пяти фамилий означало отсутствие запасных кандидатов на четыре места в Синоде. Значимой из них указывалась личность епископа Саркиса Джалаляна. До 1847 г. он находился в ведомстве главы Грузинской епархии и был малоизвестен Эчмиадзинскому Синоду, а затем был использован католикосом для личных поручений. Успешное исполнение "зловредных подви-

гов" обусловило доверие Нерсеса Аштаракеци и послужило основой для иерархического возвышения. Лишь с ним Нерсес Аштаракеци проводил предварительные совещания по разным вопросам. В 1851 г. католикос добился награждения Джалаляна орденом св. Анны 2-й степени, а в июне 1855 г. возвел в сан епископа без предварительного мнения Эчмиадзинского Синода. В конце 1855 г. Джалалян был отправлен в Шуши, где урегулировал взаимоотношения паствы с должностными лицами и привез 5 тыс. руб. сер. Следствием стало представление на утверждение членом Эчмиадзинского Синода, с которым католикос не считался.⁶⁸

Оставшиеся кандидаты также характеризовались сторонниками Нерсеса Аштаракеци, "неблагонадежными" для правительства, что предоставляло ему возможность манипулировать мнением Эчмиадзинского Совета. Григор Омянц представлялся слабохарактерной личностью, не способной к самостоятельным действиям. Саркис Тер-Каспарян находился полностью под влиянием католикоса. Архимандриты Егиазар Тер-Карапетян и Геворг Мкртчян сочтены номинальными фигурами. Прокурор указывал: "Вышеописанный образ избрания патриарха и предоставление Джалаляна и прочих кандидатов и высказанная им самим мысль его, что когда дела Синодные должны решаться по большинству голосов (своих приверженцев), то для него все равно: существует Синод или нет".⁶⁹ Представление католикоса не было уважено. Согласно официозу региона "Кавказский календарь" на 1857 г., состав Эчмиадзинского Синода имел следующий вид: председатель - католикос, члены архиепископ: Гукас (Лука), епископ Макара, шесть членов оставались вакантными.⁷⁰

Нагнетанию страстей вокруг личности Нерсеса Аштаракеци послужила и записка "Сведения об армянской Нахичевано-Бессарабской епархии" Хачатура Лазарева от 31 августа 1856 г. для директора департамента иностранных исповеданий Хрущова. Создание Бессарабской епархии мотивировалось "смутными событиями" в управлении армянской церкви начала XIX в. Все епархиальные архиепископы - Иоаннес, Григорий и Нерсес - представлялись независимыми от Эчмиадзинского Синода. При этом архиепископ Нерсес все время противодействовал подчинению католикосу Иоаннесу и посылал жалобы во все инстанции. Бдительным стражем державных интересов указывался "отец-командир", который вдруг из противников видов фамилии Лазаревых был зачислен в союзники: "Но фельдмаршал князь Варшавский, граф Паскевич-Эриванский все домогательства архиерея Нерсеса уничтожал и даже доносил Государю Императору и еще сообщал ми-

нистам, что архиерей Нерсес по свойствам своим вреден и опасен для Кавказского края и для правительства, потому должно его иметь в отдаленности, что в течение шестнадцати лет и продолжалось".⁷¹ Последующее правление католикоса представлялось бесплодным соцветием, когда не были учреждены ни духовная академия в Эчмиадзине, ни семинарии в епархиях: "Все разрушается".⁷²

Сверхзасекреченность полога состояния нового дела Нерсеса Аштаракеци представляет ответное письмо князя Воронцова Нерсесу Аштаракеци от 11 сентября 1856 г. Задержка ответа на письмо католикоса от 6 июля была связана с отъездом из Дрездена, болезнью в Москве и вынужденным бездействием, хотя признавался интерес к перипетиям взаимоотношений католикоса и отмечалась протекция в пользу католикоса. Воронцов спешил успокоить Нерсеса Аштаракеци перед суетой брэнного мира, где он уже имел вечность признания: "Между тем узнал несколько подробностей о том, что с Вами случилось, и от всей души сожалею, что интриги вашего нахичеванского архиерея и гг. Лазаревых имели некоторый, хотя временный успех. Теперь все это по возможности исправлено, и вы будете иметь дело не с министерством, а единственно с новым наместником князем Бярятинским, который душевно вам предан. Он имеет к вам приятное поручение обо всем этом от Самого Государя, и я уверен, что все устроится по вашим делам к лучшему".⁷³ Сообщалось о благорасположении Александра II, который в день коронации наградил Воронцова званием фельдмаршала.⁷⁴

Воронцов достиг немалого и очень малого. Немалое заключалось в выводе из подчинения министру внутренних дел и избавляло от изнурительной и бикфордовой переписки. Малое же заключалось в "приятном поручении" наместника Кавказа Бярятинского, личного приятеля царя, заключавшимся в осуществлении отречения Нерсеса Аштаракеци и награждении прощальным знаком уважения - высшим орденом Российской империи Андрея Первозванного. Его желал иметь Аштаракеци, но не в такой форме, которая означала бы повторение пути католикоса Ефрема Дзорагехци. Для высшей власти имелась действенная проблема. "Положение" не предусматривало механизма отречения либо подсудности католикоса всех армян светской власти. В то же время Бярятинский являлся выдвиженцем Воронцова.

Глава департамента иностранных исповеданий представил министру внутренних дел записку "Сведения об армянской Нахичевано-Бессарабской епархии" 10 сентября и 30 октября 1856 г.,⁷⁵

что свидетельствовало о поисках выхода из заколдованного круга отношений с Нерсесом Аштаракеци.

Именно поэтому был избран шелковый путь отречения католикоса, который по сценарию удаления католикоса Ефрема именовался бы старшим патриархом. В этом сценарии Воронцов должен был сыграть не последнюю роль. Однако католикос не сумел ответить на письмо Воронцова, поскольку последний скончался. Нерсесу Аштаракеци пришлось с болью принять весть о кончине "неоценимого друга".⁷⁶ Верховной власти пришлось вносить коррективы по ходу намеченного сценария.

1 октября 1856 г. министр внутренних дел сообщил архиепископу Матевосу, что все жалобы на католикоса Нерсеса Аштаракеци по беспричинному его удалению от руководства Нахичевано-Бессарабской епархии были доложены царю. Царь Александр II решил оставить архиепископа в звании и правах епархиального на основании "Положения" 1836 г.⁷⁷

23 октября 1856 г. статс-секретарь, председатель Кавказского комитета Бутков направил письмо наместнику Кавказа Бярятинскому по вопросу Нерсеса Аштаракеци. Причиной указано наличие письма к министру внутренних дел с выпадами. Отмечено наличие карты-бланш у князя Бярятинского, предоставленной царем, требующей принятия мер: "Статс-секретарь указывал: "На днях я получил от Нерсеса копию с последнего письма к Ланскому. Я говорил с сим последним, и он обещал оставить это письмо без последствий, так как Государь сказал ему, что исследование поступков Нерсеса он предоставил Вашему Сиятельству".⁷⁸ Фамилия Лазаревых торжествовала, поскольку, по ее мнению, поставила католикоса на место. Оставалось малое - добиться отречения.

Князь Бярятинский действовал тонко и деликатно. Об этом свидетельствует биограф А. Л. Зиссерман: "Князь Александр Иванович установил наилучшие отношения с патриархом и, не упуская из виду важности возложенного поручения, имел все данные достигнуть успешного результата". Был очерчен комплекс вопросов к предварительному разрешению: "Нужно было заместить вакантные места членов армяно-григорианского Синода и местных епископов людьми достойными, не затрагивая, однако, самолюбия патриарха, не умаляя его значения, хотя в этом случае с его стороны было несомненное упущение; ибо в течение десяти лет он не озаботился подготовлением соответствующих лиц для столь важных должностей. Кроме того, примешивались недружелюбные отношения к патриарху некоторых петербургских влиятельных

фамилий, недостаточное повиновение ему более отдаленных епископов и проч. Одним словом, было сцепление личных отношений и интриг с делом управления епархий".⁷⁹

Произошло непредвиденное. Сердце католикоса не выдержало напряженного ритма жизни. В ночь на 13 февраля 1857 г. служащий застал католикоса скончавшимся - с пером в руках. Последнее отношение оказалось недописанным. Касалось оно ответа на следующий день наместнику Кавказа по четырем проблемам: заполнение достойными лицами вакансий в Эчмиадзинском Синоде; назначение глав епархий; определения отношений с Кишиневским епископом Матевосом; внесение изменений в церковное "Положение". После этого наместник Барятинский должен был предъявить подписанный царем Александром II рескрипт о награждении орденом Андрея Первозванного и обеспечить почетную отставку. Биограф Зиссерман замечает: "К сожалению, кончина настала его в минуту, когда он готовился, очевидно, отречься от долголетнего самовластия над армяно-григорианской церковью. Ему не пришлось дожить до приятной минуты осуществления честолюбивого желания получить Андреевскую звезду, которая, с рескриптом Государя, была уже в руках князя Барятинского, для возложения по окончании дела".⁸⁰

19 февраля 1857 г. князь Барятинский доложил царю о кончине католикоса в Тифлисе.⁸¹ Региональный официоз г. "Кавказ" скупно, но уважительно сообщил: "Вчера, в 3 1/6 часа по полуночи скончался в Тифлисе верховный патриарх и католикос всех армян Нерсес-на 96 году своей замечательной, многотрудовой жизни".⁸² Была организована большая церемония по отправлению тела в Эчмиадзин.⁸³ Соблюдены все приличия дани уважения католикосу, который всю жизнь стремился к управлению и развитию армянской церкви, отстаиванию ее самостоятельности и бесконтрольности в условиях царского режима, модернизации общественных устоев и созданию духовно-светской системы образования. Эчмиадзинский Синод постановил выбить Нерсесу Аштаракеци надгробную эпитафию - "Защитнику Отечества", раскрывающую как его церковно-национальную деятельность, так и народную признательность.⁸⁴

После кончины католикоса Нерсеса Аштаракеци Эчмиадзинский Синод предпринял описание оставшихся после него документов. 14 марта 1857 г. директор канцелярии наместника Кавказа А. Крузенштерн запросил от архиепископа Саркиса Джалаляна представления "чернового проекта "Положения" 1836 г. "в таком виде, в каком он составлен Его Святейшеством".⁸⁵ 24 марта по-

следовало направление требуемого документа наместнику Кавказа Барятинскому.⁸⁶

Отменялись четыре статьи "Положения" 1836 г. - 32, 71, 89 и 91, разрешающие патриарху, епархиальным главам, монашествующим иметь духовные завещания в пользу своих светских родственников либо обители. Всё их имущество духовных лиц оставалось в пользу Эчмиадзинского престола, чем удовлетворялись претензии мадрасских и таврических армян.

Были внесены изменения в статьи относительно Эчмиадзинского Синода. По статье 33 состав Эчмиадзинского Синода под председательством католикоса определялся в 12 человек: шесть епископов, четыре архимандрита и два иерея. Редакционная правка пункта 6 статьи 35 разрешала Синоду снимать духовный сан с монашествующих лишь по законам армянской церкви. Статья 37 сохраняла за Эчмиадзинским Синодом право под "непосредственным" контролем католикоса принимать окончательные решения по духовным и церковным делам, изложенным в статьях 35 и 36, кроме новой 24 статьи, которая была составлена Нерсесом Аштаракеци: "В случае важных вопросов, касательно исповедания и правил армянской церкви, патриарх Эчмиадзинский, как глава вселенский и всего народа, хранителя и блюстителя законов отцов, на основании духовных правил обязан, по совету с Эчмиадзинским Синодом, сообщать письменно титулярным патриархам Константинополя и Иерусалима, равно всем епархиальным начальникам и настоятелям монастырей и с единодушного согласия всего духовенства и народа, распоряжаться так, чтобы не было допускаемо соблазна ни в большом, ни в малом члене всей массы отцовской церкви, подлежащего суждению нации".⁸⁷

Статья 24 ставила католикоса выше Эчмиадзинского Синода в вопросах догмата веры, но, по существу, была направлена против возможной унии с той или иной церковью, а также касалась других возможных жизненных вопросов. При этом внесение изменений должно было осуществляться по согласию трех патриархов - Эчмиадзина, Константинополя, Иерусалима, при инициативе первого, опирающихся на поддержку духовенства и армянской паствы. Соблюдение трех условий перемен в догматах веры - патриархи, духовенство, нация - должно было обеспечить успех нововведению. При этом оно отвергало официальное вмешательство светской власти страны пребывания армянского населения. Армянский совокупный собор был призван решать духовные и национальные жизненные вопросы.

Католикос изменил статью 57 "Положения" о назначении и увольнении епархиальных глав армянской церкви в Российской империи царем, обязанных приносить ему присягу на верность. В составленной новой статье 23 католикос назначал епархиальных с согласия Эчмиадзинского Синода и представлял на высочайшее утверждение. В случае каких-либо причин католикос имел право отзыва назначенных епархиальных лиц, "не разглашая причин". В этом духе католикос отредактировал статью 58 "Положения". В оставшихся статьях церковной хартии католикос везде слово "армяно-григорианский" заменил на "армянский" и "григорианский", уточняющее смысловое содержание понятий.⁸⁸

Тем самым проект "Положения" католикоса учитывал законодательные реалии утвержденного документа высшей властью. Он не пошел в лобовую на пересмотр "Положения", а косвенным путем резко ослабил его надзирательное значение. Верховный католикос как глава соборной церкви получил инициативу по обсуждению и изменению духовных и национально-жизненных вопросов через трехступенчатый фильтр - согласие патриархов Эчмиадзинского Синода и Константинополя и Иерусалима. Ослаблялась роль Эчмиадзинского Синода и усиливалось значение католикоса, который возвращал право назначения и увольнения епископов. Ослаблялась зависимость католикоса от светской власти. Преобразование "Положения" носило умеренный характер, означающее признание значения его защитной функции для статуса армянской церкви в Российской империи.

-
1. НАА, ф. 111, оп. 1, д. 64, л. 93, 169.
 2. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 1.
 3. Донос на католикоса Нерсеса V. - Кавказский Вестник. 1902, N 1, с. 153.
 4. Там же, с. 154.
 5. Там же, с. 155.
 6. Там же, с. 159.
 7. Там же, с. 153 - 161.
 8. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 414 - 420.
 9. НАГ, ф. 4, оп. 3, д. 410, л. 3 - 4.
 10. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 10.
 11. Там же, л. 22.
 12. Там же, л. 24, 24 об.
 13. Там же, л. 25.
 14. Там же, л. 17.
 15. Там же, л. 33.
 16. Там же, л. 34 об.

17. Там же, л. 1 - 42 об.
18. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 114, л. 1, 2, 5.
19. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 105, л. 6.
20. ЦГАДА, ф. 1252, д. 539, л. 21.
21. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 2, 2 об.
22. АКАК, т. 11, N 17, с. 21.
23. ИНА, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 8-10 об.
24. Там же, л. 44 - 64 об.
25. Там же, д. 223, л. 43.
26. Орманян. М. Азгапатум..., с. 4430.
27. ИНА, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 70.
28. Там же, л. 81.
29. Там же, л. 82.
30. Там же, л. 65 - 92 об.
31. Там же, д. 81, л. 22.
32. Там же, л. 22 об.
33. Там же, л. 21 - 30.
34. Там же, л. 30, 30 об.
35. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 81, л. 14 - 19.
36. Там же, л. 50, 57, 80.
37. Там же, л. 80 об.
38. Там же, л. 83.
39. РГВИА, ф. 254, оп. 1, д. 4, л. 210.
40. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 223, л. 147, 147 об.
41. Письмо князя М. С. Воронцова от светлейшего патриарха всех армян Нерсеса от 6 июля 1856 г. из Тифлиса. - Кавказский Вестник. 1901, N 6, с. 72.
42. Там же, с. 73.
43. Там же, с. 72 - 73.
44. Там же, с. 74.
45. Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, д. 64, ед. хр. 112, док. 55, л. 1.
46. Там же, л. 2.
47. Там же, л. 3.
48. Там же, л. 3, 4 об.
49. Там же, л. 5.
50. Там же, л. 9.
51. Матенадаран, д. 49, п. 114, ед. хр. 68, л. 225, 225 об.
52. АКАК, т. 11, N 17, с. 23.
53. Там же, с. 27.
54. Там же, N 21, с. 29.
55. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 258, л. 54 об.
56. Там же, л. 34.
57. АКАК, т. 11, N 22, с. 30.
58. Там же, с. 29, 30.
59. Там же, с. 48 об. 49.
60. ИНА АН, ф. 58, оп. 1, д. 91, л. 1.
61. Там же, л. 1, 1 об.

62. Там же, л. 1 об.
63. Там же, л. 2.
64. Коңдаки католикоса Нерсеса Пятого. - Арарат. 1904, N 4, с. 320.
65. НАА, ф. 113, оп. 1, д. 4 а. л. 60 об.
66. РГИА, ф. 1268, оп. 9, д. 106, л. 26 об.
67. Там же, л. 26, 26 об.
68. Матенадаран, Архив Лазаревых, д. 64, п. 112, ед. хр. 67, л. 1 - 3.
69. Там же, л. 4.
70. Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856, Отдел, 5, с. 546.
71. Матенадаран, ф. Ахив Лазаревых, д. 64, п. 112, ед. хр. 68, л. 1.
72. Там же, л. 2.
73. Ответ кн. Воронцова. - Кавказский Вестник. 1901, N 5 - 6, с. 75.
74. Там же.
75. Матенадаран, Архив Лазаревых, д. 64, п.112, ед. хр. 68, л. 1.
76. Ерицян А. Д. Нерсес Y и князь Воронцов..., 4 марта
77. Матенадаран, Архив Лазаревых, д. 64, п. 112, ед. хр. 72, л. 1.
78. Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. М., 1890, т. 2. Приложения, с. 55.
79. Там же, т. 3, с. 18.
80. Там же, с. 19.
81. АКАК, т. 12, N 461, с. 530.
82. Тифлис. - Кавказ. 1857, 14 февраля.
83. ОПИ ГИМ, ф. 254, оп. 1, д. 392, л. 139.
84. Тер-Абрамян О. Нерсес Y - католикос всех армян. 1843-1857. 2-е изд. Ростов на Дону, с. 47. - На арм. яз.
85. НАА, ф. 57, оп. 1, д. 67, л. 6.
86. Там же, д. 84, л. 167 об.
87. РГИА, ф. 821, оп. 139, д. 180, л. 5 об.
88. Там же, л. 4 - 6.

3. Оценка деятельности

Деятельность католикоса Нерсеса Y получила отражение в лично-духовной, функциональной и культурологической концепциях историографии. Содержание личностной концепции в армянской историографии сводится к признанию "замечательной деятельности" Нерсеса Аштаракеци как епископа и католикоса, либо к частному указанию наличия трудностей.¹ Главным же является представление главы армянской церкви утесом, которым возвышался над армянским народом, внимал ему и творил историю.

Благородный образ католикоса представляет епископ С. Самуэлян в своих "Воспоминаниях", выступая против различных его искажений, стремясь использовать аргументацию осведомленного

современника сквозь тернии времени: "До сегодня многие считают Нерсеса тираном и строжайшей личностью, который являлся даже несправедливым и ошибочным в своих действиях. Он как отец общества старался утвердить в духовенство добросовестность, ненавидеть корыстолюбие и несправедливость, но когда находил неисправимыми некоторых и неограничивающихся, то таких строго наказывал, а достойных щедро вознаграждал".²

В течение двадцати лет Самуэлян находился священнослужителем при Нерсесе Аштаракеци в Бессарабии, С. - Петербурге и Эчмиадзине. Автор являлся свидетелем многих событий и отличался знанием поднаготной многих событий. Ценность приводимых значимых сведений заключается в изложении мнения Нерсеса Аштаракеци по той или иной проблеме, что позволяет пролить свет на многие штрихи его биографии и деятельности. При этом он не был ключевым участником многих приводимых событий, что сказывается на достоверности приводимых явлений. Их уточнение и восполнение требуют использования архивных документов правительственных ведомств, наместничества Кавказа и личных фондов. Приводятся аргументы критиков деятельности католикоса Нерсеса Аштаракеци и подробно излагается их опровержение. Работа отличается живостью изложения, сочностью материала, но требует конкретного установления описываемого события или явления.³

Архимандрит Месроп характеризует католикоса Нерсеса Аштаракеци как "дипломатического гения", являвшегося "несомненным "счастливым", имевшего несомненное значение для армянского народа. Затронув вопрос наличия значительной программной деятельности у католикоса, архимандрит Месроп приходит к мнению об ее отсутствии: "Взяв бразды высшего церковного правления, постаревший католикос более не был в силах иметь большие программы". Вся деятельность Нерсеса Аштаракеци представляется направленной на обеспечение деятельности армянского училища в Тифлисе: "И то обстоятельство, что он более всего находился в Тифлисе, показывает, что программа его устремлений и деятельности состояла в том, чтобы продолжить дела, начатые в его епархиальный период". В то же время опровергается миф, что католикос не любил и даже преследовал высокообразованных духовных иерархов.⁴

Вне всякого сомнения, католикос Нерсес Аштаракеци указывается "крупной личностью" в армянской истории. Однако вся его деятельность трактуется сохранившейся в его кондаках и документах, ждущих историка, которые только позволят дать пред-

ставление о его жизни и деятельности, частном и общем. Была провозглашена задача собрать документальные материалы о католикосе, прокомментировать их с целью создание фундаментального труда.⁵ Такая конкретизация деятельности не учитывает формата всей многогранной деятельности Нерсеса Аштаракеци.

Архимандрит Нерсес Мелик-Тангян первостатейным католикосом XIX в. считает Нерсеса Аштаракеци. По его мнению, в его правление была упорядочена проблема церковных доходов и регламентирована всякая деятельность. Так, от епархиальных глав требовалась строгая отчетность в поступлениях с имений, поместий, приношений и других источников; использованы светские управляющие и делопроизводители на месте епархиальных и викарных. Посредством кондаков на имя консисторий и отдельных лиц им было осуществлено благоустройство деятельности церковного механизма, определены права священников.⁶ При этом нераскрытой оказалась программная деятельность католикоса Нерсеса Y, не проведено сопоставление его регламентационной деятельности со временем деятельности во главе Грузинской епархии, что позволило бы понять происхождение ряда актов.

Обстоятельное мнение о деятельности католикоса Нерсеса Y представляет бывший Константинопольский патриарх М. Орманян. Вся жизнь главы армянской церкви указывается состоящей из исключительных обстоятельств, что подчеркивается наличием интервала в 3 года два месяца между избранием в католикосы и миропомазанием, посвящением иерархов в епископы после очередного трехлетнего цикла. Выделены два периода деятельности католикоса на общенациональном поприще: 1) национальной организации, когда с оружием в руках он освобождал Эчмиадзинский престол и Араратскую страну; 2) во главе армянской церкви. Лейтмотивом патриаршей деятельности указывается реализация экономических проектов и борьба против злоупотреблений в рядах духовенства. Целью экономических проектов являлось достижение доходности от имений, рачительное и практичное использование имеющихся поступлений, накопление средств для финансирования деятельности церковных структур. Рациональное использование создаваемых средств предполагало строгое и объективное распределение, исключая злоупотребления со стороны должностных лиц. Расхитители устранялись, а их место занимали светские уполномоченные католикоса. На этой почве возникли обвинения Нерсеса Аштаракеци в тирании и жестокости.⁷ Утрируя исторические реалии, Орманян приводит в обоснование следующий пример взаимоотношений католикоса и его противника гла-

вы Грузино-Имеретинской епархии: "Даже против своего любимца и сотрудника в деле переселения армян епископа Карина Карапета он не побоялся применить особую строгость, когда расследованием было обосновано обвинение его в злоупотреблениях".⁸

Однако подход Орманяна интересен для понятия подоплеки ряда событий времен католикоса Нерсеса Аштаракеци. Так, указывается ошибочным мнением, что Аштаракеци выступал против всего "Положения", поскольку понимал невозможность игнорирования всей самодержавной церковной хартии. Поэтому он сосредоточил внимание лишь на практическом отвержении статей "Положения" об имущественном наследовании, так как был избран на основе церковной хартии.⁹ В действительности Николай I стремился "Положением" превратить католикоса армянской церкви в "простого чиновника",¹⁰ а точнее, в председателя армянского религиозного департамента, призванного проводить политическое влияние на западноармянство. Сам же католикос Нерсес Аштаракеци использовал статьи "Положения", как это было показано в "Правилах" священникам Тифлиса, поскольку оно на две трети состояло из армянских церковных правил. Исключением являлись механизм контроля главы армянской церкви и наследственные статьи об имуществе духовенства.

Орманяном представлены две характерные черты католикоса деятельности Нерсеса Аштаракеци, позволяющие представить особенности его патриаршества: законная строгость и примерное милосердие. Проявлением первой черты указано брачное дело дочерей Хачатура Лазарева, а второй черты - отношения с князем Бебутовым.¹¹ Тем самым игнорируется роль католикоса как хранителя канонических традиций в вопросе брака, так как перед Господом все равны. Хотя следует сказать, что Нерсес Аштаракеци провел свою точку зрения через совещание с Синодом и Эчмиадзинским братством, не уделив должного внимания возможным последствиям, понадеявшись на имевшуюся близость с Лазаревыми и высокий авторитет главы армянской церкви. Отношения же с Бебутовым строились на учете реальной угрозы от обострения отношений с главой гражданского управления Закавказья. Можно лишь указать, что в этом вопросе прагматизм политика и защитника канонов разошлись в лице Нерсеса Аштаракеци. Быть может, здесь отрицательную роль сыграла и всегдашняя надежда на защитную роль наместника Воронцова.

А. Л. Зиссерман сводит взаимоотношения католикоса с верховной властью во время правления наместника А. И. Барятинского лишь к наличию упущений в его деятельности, которые подде-

жали устранению и обеспечению системной деятельности армянской церкви: "В самом начале наместничества князю предстояло разрешить одно весьма важное дело: устранить беспорядки, возникшие в управлении армяно-григорианской церкви, возбудившей неудовольствие и высшего правительства, и самих армян. Тогдашний патриарх Нерсес, человек великого ума и многих прекрасных качеств, был уже очень стар; но, с одной стороны, он, вероятно, ослабил нити в управлении столь обширную паству, с другой - не хотел отрешиться от самовластия, вопреки законоположениям".¹²

Приведенное определение деятельности поражает набором противоположных качеств. Как кавказский деятель, Зиссерман не мог не воздать должное личности Нерсеса Аштаракеци, но в то же время он показывает себя знатоком накопившихся проблем в управлении армянской церкви, которые представляет "беспорядками". Он не раскрывает осевую конфронтацию между самодержавием и католикосом относительно "Положения", ограничившего прерогативы главы армянской церкви. Признается вскользь лишь наличие "самовластия" и поправки царского законодательства. При этом не упоминается подготовка на высшем уровне отречения католикоса, а награждение высшим российским орденом Андрея Первозванного представляется как следствие выполнения им своих обязанностей согласно "Положению".

В то же время имеется точка зрения гиперболизации личности Нерсеса Аштаракеци, который своим знанием местной обстановки и региона подавлял инициативу представителей верховной власти и проводил свое мнение: "Ни одно важное начинание князь Воронцов не проводил в жизнь, не посоветовавшись с католикосом". Сквозь призму времени отдается долг народного уважения личности Нерсеса Аштаракеци: "Любимый народом архипастырь".¹³

Представители функционализма стремятся дать оценку направленности деятельности архипастыря во главе армянской церкви. По мнению М. Мурадянца, заслугой Аштаракеци является то, что он не допустил слияния армянской апостольской церкви с православной, что не позволило потерять самобытность. Как католикос, он приложил усилия по национальному просвещению и ниспровержению "Положения" 1836 г., следствием чего представляется наличие напряженности во взаимоотношениях с властями Кавказа.¹⁴

В воспоминаниях Н. Н. Мурзакевича отдается должное деятельности Аштаракеци как государственного деятеля и его дружбе с кн. Воронцовым: "Замечательно сочетание случаев жизни этого

умного и полезного для России человека с некоторыми случаями жизни кн. Воронцова".¹⁵ Основой взаимоотношений двух деятелей показаны личностные уважительные отношения: "Внезапная приязнь и уважение соединяли двух полезных деятелей".¹⁶ Эти положения получили развитие со стороны В. Потто: "Судьбе угодно было, однако, чтобы Нерсес возвратился в Армению католикосом и двенадцатилетнею деятельностью засвидетельствовал свою глубокую преданность истинным пользам России. Этим результатом он много был обязан одному из замечательнейших государственных людей того времени, князю Воронцову".¹⁷

Немецкий путешественник А. Гакстенгаузен дал образное представление исторического портрета католикоса Нерсеса Аштаракеци, который осуществил "желанное освобождение" армянского народа при помощи России. Будучи в Эчмиадзине в 1843 г., до знакомства с католикосом, он составил представление об ограниченности доходов Эчмиадзинского престола, поступающих в форме подарков и пожертвований со стороны армян различных стран. Контрастом реалий представляется содержание беседы с католикосом в С.-Петербурге. Выражена уверенность в реализации его планов: "Смотря на настоящее положение армянского народа, у нас как бы возбуждается мысль о будущем процветании этого народа".¹⁸ Реализации этой мысли связывалась с деятельностью католикоса Нерсеса Аштаракеци.

М. Вагнер рассматривает Эчмиадзин как "духовное оружие", которое желало использовать самодержавие в своих политических видах. Ставилась цель установить "нравственное господство" над армянами Азии. Сам же Эчмиадзин представляется маломощной организацией, ежегодный доход которой составлял 16 тыс. руб., уходящий преимущественно на выплату долгов Ереванского сардара. Стремление Нерсеса Аштаракеци восстановить величие и значимость Эчмиадзина натолкнулось на противодействие Паскевича и привело к его удалению в Кишинев. Возвращение католикоса в Эчмиадзин сопровождалось той же функциональной деятельностью Нерсеса Аштаракеци.¹⁹

М. Ахов признает "нравственное значение" Эчмиадзина в государственных интересах России. Этим объясняется утверждение царем Николаем I Нерсеса Аштаракеци в качестве католикоса. Образ легендарного деятеля удостоен самых лестных эпитетов: "Личность которого, как армянского патриота, общественного деятеля и в полном смысле этого слова, государственного армянского человека, - бесспорно, самая выдающаяся в XIX столетии из всех его единомышленников".²⁰ Как при освобождении Арарат-

ской страны, как в период Бессарабской деятельности, так и во время патриаршества Аштаракеци действовал с присущей ему энергией.²¹

При этом функционалисты - по разному оценивают деятельность церковного механизма и мероприятия при Нерсесе Аштаракеци. Английским деятелем Ф. Б. Линчем было обращено внимание на ограничение функций католикоса Эчмиадзинским Синодом. Католикос Нерсес V представляется борцом против самодержавного контроля, обладателем "выдающихся способностей", который мечтал о просвещении армянского народа и находился в оппозиции к русской власти.²² По мнению А. Д. Ерицова, католикос Нерсес V в центре своего внимания имел хозяйственную часть Эчмиадзинского престола, предав запущенности местную школу и типографию, создал монастырское правление и стремился к развитию торгово-промышленного класса, состоящего преимущественно из армян. Деятельность армянского училища в Тифлисе была реорганизована и подчинена надзору попечителей.²³ Все устремления по развитию нации католикос Аштаракеци связывал с просвещением, рассматриваемым двигателем общественного прогресса, что получило отражение в открытии деятельности 6-7 приходских школ и функционировании Тифлисского училища.²⁴

К. Костанян деятельность Нерсеса Аштаракеци представляет состоящей из двух периодов: 1) период освобождения Араратской страны, когда он осуществил её освобождение от мусульманского владычества, что обессмертило его имя в армянской истории; 2) период патриаршества, которое являлось малопродуктивным. Причиной несостоятельности патриаршества указывается "частая путаница принципа с удовольствием". Обращено внимание на то, что католикос Нерсес Аштаракеци в своей деятельности не избежал противостояния со стороны так называемых "протестантов", которые выискивали недостатки в его деятельности и раздували сполох конфронтации с высшей властью. Если поведение епископа Геворга Вегапетяна представляется как деятельность ученика и приближенного католикоса Иоаннеса VIII, а фамилии Лазаревых как утративших реалии, то Матевос Вегапетян из "любимчика" католикоса превратился в забияку из-за поддержки Лазаревых. Основой всех конфликтов сочтены личные амбиции. При этом не уделяется внимание сцеплению личных, церковных и общественных интересов в поведении каждого из них, в том числе и Нерсеса Аштаракеци. Решался и вопрос сословного доминирования в национальной жизни армян в составе Росси-

йской империи.²⁵

О. Гехамян конфликт архиепископа Карапета Багратуни с католиком Нерсесом Аштаракеци представляет также с позиции субъективизма. Прямо указывается на наличие в окружении первого расхитителей и корыстолюбивых лиц, хотя речь идет об отношении к церковному достоянию и национальным канонам. Уединение в Ахалцихе сочтено отрицательным лишь для архиепископа Карапета, который прекратил национальную и патристическую деятельность. Не учитывается, что от сложения усилий и взаимодействия архиепископа Карапета и католика Аштаракеци деятельность армянской церкви лишь бы выиграла.²⁶

Д. Ананун обратил внимание, что для деятельности Нерсеса Аштаракеци во главе армянской церкви сложились исключительно благоприятные условия из-за теплых отношений с наместником Кавказа Воронцовым, что позволило обойти "Положение" 1836 г. Следствием указывается отсутствие желания Аштаракеци внести изменения в "нежелательные статьи" церковной хартии. Ситуация представляется изменившейся после отставки Воронцова, когда католика Нерсеса Аштаракеци стали притеснять. При этом, Нерсес Аштаракеци установил режим личной власти как и предшественник Иоанес VIII.²⁷

Благоприятные условия для деятельности Нерсеса Аштаракеци возникли из-за санкции Николая I. Щепетильность самодержавия к личности Нерсеса Аштаракеци диктовалась его значением для восточной политики самодержавия, направленной на обеспечение воздействия Эчмиадзина на зарубежных армян, что содействовало признанию примата католика всех армян со стороны Константинопольского патриархата и активное его участие в делах армян Персии. Наместники Воронцов и Муравьев благоволили к деятельности католика Нерсеса, но при последнем интригу против Нерсеса Аштаракеци затеяли Лазаревы и усилившийся князь Бебутов, к которому присоединились Эчмиадзинский прокурор и часть высшего духовенства.

Лео, высоко оценивая личные достоинства католика Нерсеса Аштаракеци, находил подарком судьбы для армянского духовенства наличие такого иерарха как Нерсес Аштаракеци: "В нашем духовенстве появился новый герой, который последовал за Иосифом Аргутинским и продолжил его дело с куда более высокой энергией".²⁸ В то же время Лео негативно отнесся к его деятельности по возвращению от иерархов церковного достояния в Эчмиадзинский престол. На примере митрополита Карабахской епархии Багдасара, когда произошла экспроприация домашних доро-

гих вещей после его кончины, осуждается покушение на собственность в пользу Эчмиадзина со стороны католикоса: "Это было действием, которое с точки зрения закона и справедливости нельзя назвать иначе, как только захватом".²⁹ Закон представлялся выше церковного права, хотя и попирали интересы Эчмиадзинского престола. Лишь после этого правительственные ведомства придали самовластью Нерсеса Аштаракеци и уклонению от исполнения "Положения" значение антидержавного порядка. Проявленная гибкость и относительная жесткость самодержавия становятся понятными на фоне осуществления секуляризации имущества грузинской церкви в 1853 г.³⁰

А. Иоаннесян констатирует установление "административного режима католикоса Нерсеса V, основанного на векильной системе, то есть сборщиков добровольных приношений. Однако если раньше они имели лишь финансовую деятельность, то при Аштаракеци приобрели также административную. Это объясняется желанием католикоса избежать траты собранных сумм на местные нужды, хотя на деле речь шла о концентрации сумм на развитие церковно-приходской системы школьного образования и создание духовной академии. Подход католикоса вызвал недовольство церковных сановников, которые стремились к самообогащению. Однако здесь речь идет по сути дела о противоречии между "Положением", разрешающим духовенству иметь собственность, и традициями армянской церкви, закрепленными в клятве Эчмиадзинского братства, когда вся собственность духовенства рассматривается собственностью Эчмиадзина."³¹

Культурологическая концепция о деятельности Аштаракеци содержит подчас противоречивые точки зрения, что обусловлено воззрениями авторов. О. Тер-Абрамян отмечает энергичную деятельность католикоса Нерсеса, которой обессмертил свое имя. Он заботился об умственном и нравственном развитии нации, проявившемся в открытии в Тифлисе приходских церквей, которые с 1853 г. были выведены из подчинения Кавказского учебного округа. Это позволило дать национальное образование более 60 тыс. армянским детям. Важным признается издательская сфера католикоса в Тифлисе и Эчмиадзине.³²

Епископ А. Седракян находит крупным недостатком правления Аштаракеци малую заботу о просвещении духовенства Эчмиадзинского братства. Возможной причиной этого положения сочтено то обстоятельство, что Аштаракеци как католикос концентрировал в своих руках управление Эчмиадзинского престола и начатых им предприятий: "Неудивительно, что католикос Нер-

сес, являвшийся гением, обремененный малыми заботами, не сумел опекать все, что от него ожидали".³³ Не было создано правление армянской церкви, которое занялось бы преобразовательной деятельностью в Эчмиадзине.³⁴ Новый штрих в этой оценке представляет Е. Гехамян, заключающий об увлеченности католикоса Нерсеса Аштаракеци эпистолярным жанром: "Вообще Нерсес во время патриаршества больше писал, чем действовал".³⁵

По мнению Г. Агаяна, католикос Нерсес V являлся деспотом, который не считался ни с мнением народа, ни с духовенством. Сам назначал никчемных руководителей, которых защищал от праведного гнева масс, приближал к себе льстецов и никчемных людей. Сделан вывод, что история незаслуженно высоко возносит Аштаракеци, "который не принес пользы достойного собственного имени. Его имя стоит выше него".³⁶ Католикос обвиняется в том, что он не являлся источником мудрости и просвещения, не сумел оценить достойных людей и не обеспечил умственное развитие нации. Владыка не оценил значение ряда современников, прежде всего Тагиадяна, Абовяна и Налбандяна: "Нерсес ни в чем не был выше своего времени, а из замечательных людей он не захотел получить пользы. Аламдарян, Тагиадян, Абовян, Шаншиев и другие достойные люди - все были недовольны им".³⁷ Исследователь признает важность роли Нерсеса V в церковных делах, когда воцарилось его самовластие: "Католикос, Синод и Эчмиадзин, это значит Нерсес". В то же время отмечается развитие им сферы просвещения: "Нерсес проводил идею просвещения словом и делом". Особенностью эпохи констатируется отсутствие подготовленных учителей для армянской системы образования. Заслугой католикоса указывается открытие светского училища в Тифлисе, что позволило зажечь "большой факел" просвещения. Точно так же положительно оценивается привлечение Нерсесом Аштаракеци Артемия Аламдаряна к управлению училища.³⁸

В этом рассуждении умалчивается, что с Артемием Аламдаряном, архипастырь основывал Нерсисяновское училище, а Х. Абовян являлся выпускником этого заведения. Неизвестным для истории оставался тот факт, что Аштаракеци сумел собрать 1 млн. руб., на которые затем в 1874 г. была основана духовная академия в Эчмиадзине, где обучались и светские лица. Нерсес Аштаракеци представлял армянскую нацию, но не мог подменить её во всех сферах деятельности.

1. Туманов Г. М. Справочная книга, составленная старожиллом. Тифлис, 1887, с. 175.
2. Самуэлян С. Воспоминания..., с. 416.

3. Там же, с. 340 - 423.
4. Архимандрит Месроп. Кондаки католикоса Нерсеса Ү..., N 5, с. 406.
5. Там же, N 2, с. 317.
6. Мелик-Тангян Н. Право армянской церкви..., с. 603.
7. Орманян М. Азгапатум..., с. 4372, 4373, 4438 - 4441.
8. Там же, с. 4440.
9. Там же, с. 4446, 4447, 4450 - 4454.
10. Чахлушьян Гр. Армянский вопрос и армянские погромы в России. Ростов-на-Дону, 1905, с. 39.
11. Орманян М. Азгапатум..., с. 4452-4454.
12. А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал..., т. 3, с. 18.
13. Патриарх-католикос Нерсес Ү. - Армянский вестник 1916, N 5, с. 3.
14. Мурадянц М. История армянской апостольской..., с. 603, 604.
15. Записки Н. Н. Мурзакевича..., с. 601.
16. Там же, с. 602.
17. Потто В. Кавказская война..., с. 746.
18. Гастенгаузен Г. Закавказский край..., с. 35.
19. Вагнер М. Путешествие в Армению. Вена, 1851, с. 45 - 49. - На арм. яз.
20. М. Ахов. Россия и Армяне. Спб., 1897, с. 37.
21. Там же, с. 39 - 42.
22. Линч Х. Ф. Б. Армения. Путевые очерки и этюды. Тифлис, 1910, т. 1, с. 307
23. Ерицян А. Д. Патриарх всех армян..., с. 13, 14, 28, 29; История 75-й деятельности армянского духовного училища Нерсисян 1824 -1899, Тиф., 1898, с. 436 - 438. - На арм. яз.
24. Распоряжения по выбору католикоса. - Ваджаракан. 1866, 13 марта.
25. Костанян К. Нерсес Ү-й Аштаракец. Александрополь, 1902, с. 48-52.- На арм. яз.
26. Гехамян О. Архиепископ Карапет. - Пордз. 1876, N 1, с. 206. - На арм. яз.
27. Ананун Д. Общественное развитие армян в XIX в. Баку, 1916, с. 269, 272. - На арм. яз.
28. Лео. Степанос Назарян. Тифлис, 1902, т. 1, с. 10. - На арм. яз.
29. Лео. История Карабахской армянской духовной приходской школы 1838 - 1913. Тифлис, 1914, с. 112, 165, 177. - На арм. яз.
30. Тунян В. Г. Церковная политика..., с. 97,1 05.
31. Иоаннисян А. Налбадян..., с. 45 - 47.
32. Тер-Абрамян О. Нерсес Ү - й католикос всех армян. 1843 -1857. - Календарь на 1869 г. Феодосия, с. 1, 8, 22, 23. - На арм. яз.
33. Седракян А. Епископ О. Шахатунян. Спб., 1898, с. 154. - На арм. яз.
34. Там же, с. 152 - 154.
35. Гехамян Е. Исторические выписки..., вып. 8, с. 1469.
36. Агаян Г. Страница из нашей новейшей истории. - Сочинения. Ер., 1990, т. 3, с. 203. - На арм. яз.
37. Там же, с. 205.
38. А. Г. Очерки из жизни и литературы армян.- Закавказье 1911, 8 января.

Заключение

Нерсес Аштаракеци - легенда при жизни, жизнь в легенде. Овеянный славой, любимый народом, внесший значительный вклад в развитие восточных армян, он прожил бурную и активную жизнь. В хронологических рамках исследования его деятельность подразделяется на три периода: 1) управляющий армянской церковью (1826-1828); 2) остракизм в Бессарабии; 3) католикос всех армян (1843-1857). Каждый из этих периодов имеет свои отличительные особенности и этапы.

В первый период деятельность наместника католикоса Нерсеса Аштаракеци была направлена на освобождение Араратской страны от владычества Персии, восстановление прав и привилегий Эчмиадзинского престола, достижение льготного статуса для армянского населения. Весь период распадается на три этапа: 1) июнь 1826 г. - 1 октября 1827 г.; 2) 6 октября 1827 г. по март 1828 г. и 3) март 1827 г. до сентября 1828 г. На первом этапе Нерсес Аштаракеци своими обращениями к армянскому населению Закавказья обеспечил организацию ополчения для самообороны Тифлиса от грозящего натиска персов, призвал армян края к вооруженному противостоянию во имя защиты чести, веры и собственности. Осуществлено тесное взаимодействие с проконсулом Кавказа Ермоловым. Оказано содействие в создании армянских дружин как вспомогательных частей для Кавказского корпуса, организации госпитальной помощи в Эчмиадзине, доставлении разведывательных сведений и поставке провианта русским частям. Обозначился конфликт с главнокомандующим Кавказского корпуса Паскевичем, который в июне 1827 г. в Эчмиадзине уяснил наличие у Нерсеса Аштаракеци "церковных притязаний". Ошаканское сражение, не допустившее занятия персами Эчмиадзина, ознаменовало формирование личностных отношений между тандемом Аштаракеци-Красовский и Паскевичем.

На втором этапе политические интересы побудили Паскевича назначить Аштаракеци членом временного правления Ереванской области, призванного стать военно-переходным органом включения края в состав Российской империи. За короткое время Ереванская администрация благодаря организационным способностям архипастыря достигла успеха в налаживании торговой, хозяйственной и финансовой частей, сделав приступ к началу камерального описания и составления программы статистического

описания, разработав административный проект ввода губернской системы, подготовив развертывание Армянского конного полка на случай войны с Османской Турцией. Защита Нерсесом Аштаракеци необходимости включения Макинского магала, создания безопасной границы Ереванской области, учета армянских интересов при заключении мирного договора, а также возможность назначения Красовского командующим планируемой Персидской линии затронули амбиции Паскевича. Туркманчайский мир и война с Османской Турцией позволили главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом Паскевичу в марте 1828 г. осуществить удаление Аштаракеци из первого состава Ереванского областного правления.

Третий этап отразил деятельность Аштаракеци как управляющего армянской церкви, который занимался укреплением материальных устоев Эчмиадзинского монастыря, содействовал переселению армянского населения из Персии и подготовил возвращение католикоса Ефрема Дзорагехци в Эчмиадзин. В это же время Паскевичем было выдвинуто политическое обвинение против Нерсеса Аштаракеци, который стремился приобрести льготный статус для армянского населения Армянской области по примеру армянских общин внутри Российской державы. Обвинение завершилось решением царя Николая I о выселении Аштаракеци в глубь России, которое было заменено временной ссылкой в Бессарабию.

Второй период остракизма в Бессарабии отражает жизнь сосланного архиерея, отход от общенациональных проблем и занятия по улучшению подведомственной епархии. Это время жизнедеятельности иерарха состоит из трех этапов: 1) с сентября 1828 г. до назначения главой Нахичевано-Бессарабской епархии; 2) от 23 апреля 1830 г. до принятия церковного "Положения" 1836 г.; 3) с реализации церковной хартии до избрания католикосом. На первом этапе происходило вхождение Аштаракеци в статус изгнанника, который развернул активную кампанию в пользу возвращения к управлению армянской церкви. Как и раньше, использовались обширные связи архипастыря в Европейской Турции для интересов политики России. Под давлением фамилии Лазаревых-Бенкендорфа, поручившихся за политическую благонадежность, Аштаракеци получил почетную ссылку в форме главы созданной для него Нахичевано-Бессарабской епархии. При этом был установлен секретный контроль над его деятельностью со стороны тайной полиции.

Второй этап представляет собой деятельность Аштаракеци по

благоустройству Нахичевано-Бессарабской епархии путем создания хозяйственных заведений, организации поступления церковных денег в епархиальную кассу, налаживания статистической отчетности. Нахичевано-Бессарабская епархия первая из армянских епархий представила требуемую информацию о составе духовенства, церкви и паствы министерству внутренних дел. В конце 1833 - начале 1834 гг. сторонники Нерсеса Аштаракеци, видевшего в нем залог развития армянской церкви, предприняли попытку удаления католикоса Иоаннеса VIII с Эчмиадзинского престола и возведения Бессарабского изгнанника. Церковный мятеж высшего руководства армянской церкви был подавлен самодержавной властью. Кризис высшего управления Эчмиадзина ускорило принятие церковной хартии, призванной установить контроль высшей власти над армянским католикосатом.

Третий этап имеет непосредственную связь с функционированием "Положения" 1836 г., определившего епархиальную структуру армянской церкви в Российской империи, затребовавшей существования шести семинарий и создания духовной академии. Деятельность Эчмиадзинского Синода как хозяйственной и делопроизводительной коллегии вначале получила поддержку Нерсеса Аштаракеци. Однако стремление католикоса Иоаннеса VIII преобразовать Армянское училище в Тифлисе в чисто духовное заведение встретило противодействие со стороны Нерсеса Аштаракеци как основателя, стремящегося сохранить его в качестве общенационального. На этой почве произошло отложение от подчинения власти Эчмиадзинского Синода и католикоса Иоаннеса VIII. Возникли проекты ограничения власти Аштаракеци за счет передела территориальных рамок подведомственной епархии.

Третий период включает время от избрания Нерсеса Аштаракеци католикосом до кончины, когда осуществлялось формирование и проведение разработанной большой программы церковной деятельности. Весь этот временной отрезок состоит из трех этапов: 1) с мая 1843 г. по 6 июня 1846 г.; 2) от миропомзания до 1855 г.; 3) 1856-1857 гг. На первом этапе самодержавие пошло на утверждение Аштаракеци главой армянской церкви во имя обеспечения духовно-политического влияния Эчмиадзинского престола над армянским населением Османской Турции. Пребывание Нерсеса Аштаракеци в С. Петербурге было использовано для усиления роли армянской церкви в общественной жизни, сохранения льготного статуса армянских поселений в России, учреждения учебных заведений, защиты интересов имущих кругов. Католикос не пошел на союз армянской церкви с греко-православной, что

стало причиной отказа от испрошения ссуды на духовно-церковное строительство. Разработана большая программа развития армянской церкви из пяти компонентов: 1) создание хозяйственных комитетов из светских и духовных деятелей для функционирования самостоятельной армянской духовно-светской системы просвещения; 2) укрепление материальных устоев Эчмиадзинского престола; 3) обеспечение законопорядковой деятельности Эчмиадзинского Синода. 4) усовершенствование церковного "Положения"; 5) сплочение западноармянского духовенства вокруг главы армянской церкви.

Элементами намеченной национальной системы просвещения являлись: академия-семинарии-церковно-приходские школы. Укрепление материальных устоев армянской церкви предусматривало участие знатных светских граждан и епархиальной главы в хозяйственных комитетах для сбора церковных доходов, обеспечение их роста и использование полученных процентов. Их главной установкой ставилось обеспечение самофинансирования армянской церкви. Деятельность членов Эчмиадзинского Синода католикос рассматривал как самоуправство церковных феодалов, которую следовало пресекать для централизованного управления Эчмиадзинского престола и создания финансового задела для развития. Этому должна была содействовать ревизия самофинансирования армянской церкви. Усовершенствование "Положения" намечало отказ от наследования имущества армянских духовных и ограничение статей полномочий главы церкви. Сплочение западноармянства вокруг главы армянской церкви предполагало признание ими духовного влияния Эчмиадзинского престола. Произошло возвышение духовного влияния Эчмиадзина.

Второй этап с миропомзания по 1855 год стал временем реализации составленной обширной программы развития армянской церкви. Она имела актуальный характер, поскольку деятельность церковных структур была не отлажена, а армянское духовенство переживало кризис поколений и спад влияния в общественной жизни. Осуществлена ревизия армянских епархий, начата концентрация церковных денег через уполномоченных и доверенных лиц католикоса, упразднена контрольная роль Эчмиадзинского Синода, установлен контроль над епархиями и самовластием в высшем управлении армянской церкви. Проведена регламентационная деятельность священнослужителей, консисторий, духовных треб и бракосочетания, затребовано составление отчетности по управлению церковными имениями с представлением в Эчмиадзин. Предприняты меры по развитию школьной системы обра-

зования, обучению детей священнослужителей, изданию книг для школьного процесса, постройке хозяйственных заведений в Эчмиадзине. Получена высочайшая санкция на создание приходских училищ, которые затем были выведены из - под контроля правительственной власти. Начата борьба против духовных завещаний иерархов в пользу светских родственников. Восстановлено значение католикоса всех армян и Эчмиадзинского престола за границей. Подтверждена духовная власть католикоса всех армян над паствой в Персии и вновь утверждена в Османской Турции. Однако не удалось достичь создания представительства в Константинополе и сбора приношений в пользу Эчмиадзина. Значительное внимание было уделено защите персидских армян от католицизма и протестантизма. Аналогичная деятельность в Османской Турции практически была свернута после отстранения от власти Константинопольского патриарха Матевоса, из-за противодействия западных держав, Высокой Порты и амбиций руководства Константинопольского патриархата. Приязненные отношения католикоса с наместником Кавказа Воронцовым содействовали созданию Ереванской губернии.

Третий этап в 1856-1857 гг. представляет собой создание "нового дела" Нерсеса Аштаракеци со стороны правительственных ведомств Российской империи. Ведомственными структурами было обращено внимание на умаление Эчмиадзинского Синода, самовластие католикоса, противодействие реализации духовных завещаний скончавшихся иерархов. Возникло непонимание целевой деятельности католикоса со стороны как правительственных структур, так и в армянском обществе, которая позволила накопить финансовые средства для церковной сферы просвещения. Отчасти в недопонимании со стороны духовенства и общественности был виноват и сам католикос, который не создал широкого круга духовных реформаторов и предпочитал действовать через доверенных лиц; он не информировал широкую армянскую общественность о своих устремлениях, чтобы заручиться её поддержкой. Помехой в программной деятельности католикоса Нерсеса Аштаракеци стала и чехарда в высшем руководстве Кавказа, когда практически сменилось три правителя. Отрицательным фактором в восприятии деятельности Нерсеса Аштаракеци стали также доносы прокурора Эчмиадзинского Синода и со стороны различных кругов. Защита канонического права армянской церкви обернулась конфликтом с фамилией Лазаревых. Сохранялась напряженность отношений католикоса с князем Бебутовым. Возник кризис церковного управления армянской церкви, сопровож-

давшийся мятежом главы Нахичевано-Бессарабской епархии.

При этом католикосу Нерсес Аштаракеци удалось стабилизировать положение армянской церкви внутри Российской империи, затормозить падение численности духовенства, но не удалось достичь создания семинарской системы во всех приходах и духовной академии. Получила развитие приходская система школ, обеспечивавшая начальную ступень духовного образования и являвшаяся доступной формой национального обучения для детей всех сословий. Сохранялась незанятость состава Эчмиадзинского Синода, епархиальных должностей, изменение "неудобных" статей "Положения". Католикосом была начата разработка новой редакции церковной хартии, которая не получила завершения.

Соприкосновение и разобщенность частных, церковных и правительственных интересов затребовали разрешения конфликта накопившихся проблем. Каждая из конфликтующих сторон использовала различные доводы в обосновании правильности своей позиции, исключая возможность достижения консенсуса. Были задействованы личные амбиции и ведомственные интересы, национальные чаяния и имперские потребности. Направлением разрешения конфликта интересов с католикосом Нерсесом Аштаракеци правительственная администрация стала видеть в возможности отстранения католикоса от власти, неразрешимой против его согласия с правовой и канонической точек зрения, учитывая виды ближневосточной политики России. В этой ситуации на высшем уровне Российской державы было решено осуществить почетную смену католикоса Нерсеса Аштаракеци, используя метод "ласкательства", но неутомимая деятельность и напряженность происходящих событий подточили физические силы "Защитника Отечества". Проект "Положения" Нерсеса Аштаракеци предусматривал ослабление зависимости главы армянской церкви от светской власти и наметил механизм по решению жизненно-важных духовно-национальных вопросов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Записка Христофора Лазарева о необходимости избрания архиепископа Нерсеса Аштаракеци католикосом все армян
1842 г.

Из сведений Закавказского края о желании там обитающих армян иметь архиепископа Нерсеса Аштаракеци главою армяно-григорианской церкви.¹

По доходящим из Закавказского края сведениям все постоянно там обитающие армяне изъявляют желание иметь архиепископом Нерсеса Верховным главою армяно-григорианской церкви. Все они твердо уверованы, что только сей архипастырь в состоянии возвысить армянское духовенство от того нравственного упадка и уничтожения, в которое его низвело невежество и корыстолюбие его высших сановников, и что только примерная его честность и точность в исполнении возложенных на него обязанностей может ввериться управление дел церковных. С другой стороны, все тамошние армяне стремятся, чтобы происки и огромные пожертвования, которые делает Тифлисский архиепископ Карапет² для привлечения на свою сторону Эчмиадзинского духовенства, не имели бы ни малейшего успеха.

Возведение этого архиепископа в сан патриарха было бы, по их мнению, величайшим бедствием для управления армянской церкви, также и для всего армянского народа. Заботясь только о своем обогащении, он за известную плату дает места и награды людям недостойным, умаляя того заслуживающих; дозволяется духовенству делать разные злоупотребления и притеснения, лишь бы каждый из них вносил ему надлежащую подать и совершенно не печется об образовании достойных пастырей церкви и о просвещении своей паствы³.

Матенадаран, ф. Архив Лазаревых. п. 137, ед. хр. 13, л. 27 - 28 об. Автограф.

1. Заголовок записки взят из реестра дела. - НАА, п. 137, ед. хр. л. 2 об.
2. Речь идет об известном архиепископе Карапете Багратуни, имеющем значительный вклад в переселенчестве и просвещении армян. Poleмическая направленность записки была обусловлена желанием обеспечить назначение Аштаракеци католикосом.
3. Публикуется с незначительной правкой Хачатура Лазарева. Документ

был подготовлен первоначально для шефа корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфа и представления министру внутренних дел Л. Л. Перовскому.

№ 2

Представление Нерсеса Аштаракеци министру внутренних дел Л. Л. Перовскому относительно сохранения льгот для армян г. Кизляра

17 февраля 1844 г.

Ваше Высокопревосходительство, Милостливый Государь!

Петр Великий, первый из Российских самодержцев, обративший высокое внимание свое на Восток, избрал орудием для выполнения своих обширных политических и торговых замыслов народ армянский, милостливо призвав армян на устье Терека. Он основал город Кизляр и указал ему быть первым звеном цепи, долженствовавший связать Кавказ с Его неизмеримою Империею. Азийские армяне с радостью взирали на основание сего города и спешили в нем селиться. Он возрастал в народонаселении и готовился сделаться меновым двором для всех племен Кавказа.

Но вдруг права, дарованные Кизляру положением 27 ноября 1820 года, отменены постановлением 27 декабря 1832 года; развитие садоводства и промышленности подавлено откупными условиями с 1835 года по 1839 и новыми за ними следовавшими. Холера в 1830 году оставила неизгладимые следы опустошения; горцы, в 1831 году разорили некогда цветущий город и взяли в плен до 300 человек. За этими бедствиями последовали другие: голод в 1832 и 1833 годах и наводнения, разрушившие большую часть садов в 1837 году, неурожай винограда в 1841 году, ежемесячные ожидания горцев в 1842 году и вследствие того прекращение всех работ; весенний мороз, побивший все насаждения в 1840 году; наконец, восстание горцев прервало все мирные промышленные и торговые занятия и поставило на денную и ночную стражу граждан Кизляра. Несмотря на сии бедствия, Кавказское казначейство неотступно требует недоимки, накопленной вышеозначенными годами, 5605 рублей серебром и рекрутских (вместо натуральной отдачи) денег 4390 руб. 50 коп. серебром, не принимая во уважение, что кизлярцы строят окопы беспрестанно, стоят на страже, падают под саблями диких горцев и во множестве томятся в тяжелом плену!

Уверенность в постоянном стремлении Вашего Высокопревосходительства к упрочению и благоустройству всех вверенных Вам частей управления, сострадание к соплеменникам и желание блага и пользы великому отечеству побуждают меня покорнейше

просить Ваше Высокопревосходительство обратить правосудное Ваше внимание на бедственное положение армян - жителей Кизляра - и исходатайствовать им у Всемилолюбивейшего Государя Императора: сложение всех недоимок, накопленных в бедственные годы; обложение вместо подушной подати сбором с каждого двора по 2 рубля серебром, отбываемых армянами прочих городов, удаленных от разбоев, убийств и грабежей горцев; освобождение от рекрутской повинности, несовместной с справедливостью в том краю, где жизнь горожанина подвержена каждую минуту опасности.

Племя Армянское на Кавказе предано России, благовет пред Великими Монархами ее и готово развить торговлю Русскую на Востоке, и потому я считаю излишним распространяться более о правах этого племени на милосердие и покровительство русских венценосцев! Я верю, что все начатое Великим Петром будет или продолжено, или совершенно кончено Великим Его Потомком: Великий Петр основал Кизляр, Николай Великий упрочит его благоденствие.

Имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью, Молодливый Государь Вашего Высокопревосходительства.

Покорнейший слуга и богомолец Верховный патриарх и католикос всех армян Нерсес.

Матенадаран, ф. Архив католикосата, п. 110, ед. хр. 136. л. 1-2 об. Копия.

№ 3

Проект первого прошения императору Николаю I католикоса всех армян Нерсеса Аштаракци.¹

март - апрель 1844 г.

Августейший монарх, Всемилолюбивейший Государь!

Руководимый желанием блага и величия Российской империи и чувствами верноподданнейшей преданности к Вам, Августейший монарх, дерзаю повергнуть к подножию престола Ващего и. в. мысли мои - плод многолетней опытности и постоянного размышления.

Как ни бесчислены народы, находящиеся под сенью скипетра Великих венценосцев России, то число их далеко не соответствует неизмеримому пространству земель. Отсюда проистекает медленность развития народных школ, промышленности и богатства - первых условий благоденствия великих гражданских обществ; от-

сюда же происходят и те бесчисленные затруднения и неудобства, какие встречает правительство при ограждении границ империи со стороны Востока. (Этот абзац зачеркнут карандашом)

Великие предшественники Ваши, император Петр I и Екатерина II и Августейшие родители Вашего И. В., благовейно чтимые всем духовенством и народом армянским, император Павел I-й, видя чрезвычайную несоразмерность между народом и земельным пространством и неудобства от того происходящие, призвали в страну свою народы чужие, предлагали им разные льготы и облегчения, обеспечивали на будущее время те и другие своим неизменным, святым царским словом - Высочайшими грамотами.

На животворный призыв царский явилось между прочими и племя Армянское, обратившее на себя высокое внимание венценосцев России, притекло в Россию и основав города на берегах Днестра, Дона и Терека, увеличило народонаселение Астрахани людьми промышленными и торговыми.

Императрица Екатерина II даровала сим новым подданным своим разные права и преимущества, а император Павел I, видя на опыте всю пользу, приносимую сими колонистами государству, не только подтвердил права, прежде им дарованные, но еще расширил оные высочайшими грамотами своими 28 октября 1799 года, в коих между прочим написано: "А по происшествии онаго времени (10-ти летней льготы) имеют платить в казну нашу ежегодно купечество с капиталов по одному проценту с рубля, мещанство и цеховые с двора по 2 рубля, а уездные поселяне, и именно земледельцы, коим полагается для каждого по 30 десятин, вносить с каждой десятины в год по пять копеек отныне навсегда. Имуущественным же на отведенных им землях дозволить строить дома, лавки, амбары, фабрики и все, что сами пожелают, из собственного своего иждивения, пользуясь все вообще и навсегда от всяких постов свободою, кроме тех случаев, когда военные команды мимо армянских селений проходить должны; от отдачи же на войско рекрут, складочных денег Семилюбовейше освобождаем общества сии вечно, разве кто из армян оных сам в службу нашу пожелает".

Вслед за этими грамотами армянские города и селения начали увеличиваться, устраиваться, улучшаться; земледелие, садоводство и виноделие начали возникать на местах пустынных и снабжать Россию предметами потребления, получаемыми дотоле из заграницы во вред торговому равновесию; промышленность и торговля начали получать развитие и готовиться к принятию деятельного участия на многочисленных рынках Востока. И как ни прекрасно

было это зрелище возникающей гражданственности в диких пустынях, по единому мгновению благодатной царской воли; но еще было прекрасное то нравственное влияние, которое император Павел I, милостливыми грамотами своими, распротер далеко за пределы своей империи на весь народ армянский, обитающий в Турции, Персии и других странах Востока.

Я помню действие этих грамот на многих единоплеменников; оно было велико и продолжительно. Армяне, подданные Персии и Турции, благословляли имя Благодетеля их соотечественников и почитали за верх счастье стать под державную руку сего Августейшего монарха.

С тех пор, Всемилостливейший Государь, армянский народ, обитающий повсюду, питает неизменную любовь и преданность к венценосцам России, считает их своими защитниками и ожидает от них избавления своего от ига рабства, тяготеющего над ним в течение веков. Так, добро, оказанное императором Павлом I подданным своим армянам, имело следствия обширные, многозначительные и за пределами Великой Империи - и память об этом живет в народе, простирающемся до 8-ми миллионов.

Но увеличение городов, процветание колоний армян и новые переселения из глубины Азии армян были прерваны вдруг отменю Высочайших императорских грамот и следовавший одно за другим повелениями о записке их в гильдии, в мещанство и в крестьянство, о платеже вспаханных полей и о исполнении натуральных повинностей наравне с прочими подобными им условиями, обитающими внутри Империи, где издавна существует промышленность и с незапамятных времен цветет земледелие, и где промышленник и земледелец имеют постоянный, верный сбыт своим произведениям и не опасаются лишиться тех трудов своих, подобно армянам городов Кизляра и Моздока, и местечка св. Креста, в Пятигорском уезде, которых сама жизнь с некоего времени находится в определенной опасности, и из коих многие уже влачат жизнь свою в тяжелом плену у горцев.

Армяне, лишенные права и преимуществ и живущие не внутри государства, а на древних рубежах его и поставленные в новое положение, несогласное ни с их привычками, ни с образом их жизни, начали с каждым годом более и более приходить в бедность и расстройство, и в течение нескольких лет торговые капиталы иссякли, промышленность остановилась, садоводство и земледелие упали.

И Моздок, и Кизляр, цветущие под эгидою императорских грамот, теперь являются тенью прежнего довольства и устройства, и

обитатели их не в состоянии даже уплачивать государственных повинностей; то же самое явление замечается и в других городах, поселенных армянами. Астрахань, еще так недавно кипящая деятельностью купцов армянских, постепенно сходит на степень городов, лишенных торговли и промыслов.

Правительство, отменяя имперские грамоты и поставляя в уровень армянских колонистов с турецкими обитателями, конечно, имело в виду увеличение государственных доходов; но постоянное состояние дел доказывает противное тому. Если новые личные повинности, наложенные на армян, доставляют государственному казначейству несколько тысяч рублей лишних в год противу прежних подворных и юго-земельных податей, то взамен того казна часто лишается с каждым годом более и более многих тысяч рублей косвенных доходов, поступающих прежде в хранилища его от торговцев, промышленников и владельцев садов.

Итак, отмена императорских грамот, не обогатив несколько государственное казначейство, обременило армянских колонистов, расстроило их промышленность, убило совсем початки торговли кавказской и каспийской и, всего прежде, поколебало в сердцах армян святуго веру в непреклонность царских грамот и вместе с тем заградило им вход в Империю для постоянного поселения в тех местах, где присутствие новых колонистов армянских было бы полезно для государства во всех отношениях.

Несоразмерность между пространством земельным и народом, существовавшая в царствование императрицы Екатерины II и императора Павла I, побудила их даровать грамоты армянам для привлечения в империю, существует и теперь во всей силе, или не на тех, то на других точках империи. Страны, прилегающие к Кавказу и к восточным берегам Каспийского моря, ждут мирных и полезных деятелей; самое спокойствие империи и безопасность пределов ее требуют там поселения народов христианских, преданных Российскому престолу и готовых к восприятию гражданственности, к развитию промышленности, земледелия и садоводства.

Следовательно, и в этом отношении отмена прав и преимуществ, дарованных императорскими грамотами армянам, было - имею думать - армян из Турции и Перси, и может быть на несколько десятков лет отдалило полное покорение горских народов скипетру Российскому.

Окруженное со всех сторон плотными массами христианских поселений и разобщенное между собой новыми христианскими поселенцами, народы горские не в состоянии будут долго проти-

виться русскому правительству: оружие воинов и промышленность новых поселенцев покорит их и обратит к мирной жизни. Поселенцы будут находить защиту в войсках, а сие последние найдут в жилищах новых христианских поселян кров христиан и опытных проводников в ущельях горских.

Почва закавказская, способная производить различные ценные продукты, покупаемые ныне на зарубежных рынках, хлопчатую бумагу, семена высших сортов, красильные вещества, рис, шелк и т. д., вверенные искусным и трудолюбивым рукам, обогатит Российскую империю и даст ценные предметы не только для внутреннего потребления, но и для внешней торговли. И край, столь дорого стоящий России, будет наконец приносить ей существенную пользу и вознаградит сторицею за сорокалетнее пожертвования всех родов.

Но напрасно было бы надеяться на возможность осуществления этих предположений от настоящих обитателей края - мусульман. Поклонники исламизма повсюду отличаются одним разрушением существовавшего, а не воссозданием нового. Следовательно, для процветания Закавказья необходимы племенам, исповедующие христианскую веру.

Жаркий климат и другие особенности азиатских стран, вероятно, надолго будут удерживать коренных россиян от переселения за Кавказ. Но водворение спокойствия в этом крае, развитие хлебопашества требуют скорого поселения в нем трудолюбивых, мирных и преданных Российскому правительству обитателей. Из всех христианских восточных народов один армянский в высокой степени обладает этими качествами, необходимыми для поселенцев при-Кавказских.

Русская торговля в Средней Азии и Северной Индии получит тогда только прочное существование, когда основаны будут значительные колонии на восточных берегах Каспийского моря.

Я совершенно убежден, что армянский народ вполне способен выполнить все эти потребности России, возникшие из завоеваний и расширения пределов ее на Востоке. Но каким образом переселить этот народ из Турции и Персии? Мне кажется, что для сего стоит только восстановить права и преимущества, дарованные армянам, поселившимся в России, и распространить их на тех, которые вновь будут селиться или в существующих уже армянских городах, или на вновь отведенных им местах на долинах Закавказских, на побережьях Черноморских и Каспийских, Кубанских и Терских. Смею думать, что армяне, обитающие в Турции и Персии, узнав о восстановлении прав и преимуществ единоплеменни-

ков их, живущих в России, и о даровании таковых же всем желающим прибегнуть под высокий кров самодержцев Российских, будут тысячами переселяться в пределы Империи и селиться на отведенных им местах, будут приносить с собой трудолюбие, неизменную преданность и любовь к Великому престолу Российскому и призовут эти края к новой жизни, вполне соответственной благотворным видам Вашего Императорского Величества.

Увлеченный сими надеждами дерзаю всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество о восстановлении во всем пространстве грамот, дарованных Августейшими родителями Вашими всем армянам, обитающим в России, и о распространении силы оных на всех армян, которые пожелают поселиться в пределах неизмеримой Империи Вашего Величества. Эти мероприятия оживят существующие колонии армянские, увеличат число верноподданных Ваших, положат незыблемое основание владычеству России за Кавказом, усилят земледелие, промышленность и торговлю в сем крае, щедро наделенном природою, но скудном ныне, деятельными, мирными, трудолюбивыми (жителями), дадут надежную точку опоры воинству Российскому, разбросанному ныне на неизмеримом пространстве посреди народов ему враждебных, усилят доходы государственные и укрепят еще более трудолюбие и преданность всех вообще армян к венценосцам России, какую они питают повсюду к ним со времени незабвенного, в бозе почившего Великого Благодетеля их Августейшего родителя Вашего Императорского Величества.

Августейший монарх, возьми благодеяние и за личное Вашим Императорским Величеством внимание армянам, обитающим в пределах империи Вашей, отзовется в сердцах восьми миллионов армян, живущих в Турции, Персии и других странах Востока. И по случаю великих событий политических Российские венценосцы найдут в этом народе душевно-верноподданных своих, готовых на вечные жертвования.

Ежедневно преклоняя колена перед Верховным пастырем нашим, молю Его о здравствовании и благоденствии Вашего Императорского Величества, Августейшего семейства Вашего, и о преуспевании Великой державы Вашей, покоящейся в недрах своих бесчисленные народы.²

Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, п. 137, ед. хр. 163, л.333-346. Автограф.

1. Публикуется с небольшой правкой Хачатура Лазарева.

2. На документе значится помета: "Отменено". - Там же, л. 333.

Проект второго прошения императору Николаю I католикоса всех армян Нерсеса Аштаракеци

март - апрель 1844 г.

Предположения об улучшении дел церкви армяно-григорианского исповедания, об открытии армянам легких способов к поступлению в подданство Всероссийских Государей, всеподданнейше повергаемое на высочайшее Его Императорского Величества воззрение патриархом Эчмиадзинского и католикоса всех армян Нерсесом

I

Об улучшении дел церкви

Пятнадцатилетнее отсутствие из Эчмиадзина поставляет в настоящее время патриарха в невозможности изложить с надлежащею отчетливостью мысли его о введении лучшего порядка в управлении всеми делами церкви армяно-григорианского исповедания, о сближении всех патриаршеств и епископов армянских, существующих в Турции, Персии и Индии, с Эчмиадзинским монастырем и о восстановлении в первобытную силу нравственного влияния католикоса, какое он имел в прежние времена над всем духовенством и народом армянским. По прибытии в Эчмиадзин и по обозрении всех дел патриарх вменяет себе в священную обязанность изложить мысли свои об этом предмете и повергнуть оные на высочайшее е.и.в. благорассмотрение. В настоящее же время он принимает смелость спрашивать у Августейшего монарха следующие права и установления для армянской церкви по хозяйственной части.

Недвижимые имущества армяно-григорианской церкви, как-то: дома, сады, каменные земли и пр., находящиеся в России и в разных провинциях Закавказского края, изъять от платежа пошлин и различных повинностей как деньгами, так и натурою собираемых в пользу казны и городских обществ. Изъятие сие, увеличив доходы церковные, даст возможность содержать прилично храмы армяно-григорианского исповедания, консистории, в епархиях учрежденные, и священно - и церковнослужителей, и сверх того уделять остатки оных на облегчение нужды бедных армян.

Местным начальствам поставить в обязанность, в случае поступления к ним просьб от епархиальных армянских архиепископов, немедленно взыскивать с разных лиц деньги духовные и отсылать полученные суммы по принадлежности к духовным начальствам.

Для лучшего управления церковными имуществами, для введения в них возможных улучшений, строго порядка и отчетности, равно для правильного употребления остатков, какие могут со временем оказываться от церковных доходов, патриарх полагает полезным учредить хозяйственные комитеты, по одному в каждой армянской епархии, на следующих основаниях. Комитеты составлять из епархиальных архиепископов и двух светских членов из армян, известных своим богатством, добрыми нравами и привязанностью к церкви. Избрание сих членов предоставить армянским обществом (напротив проставлено карандашом - Избирает патриарх на 5 лет), а утверждение их в сих званиях - патриарху и Эчмиадзинскому Синоду. Архиепископы епархиальные суть председатели сих комитетов.

На комитеты сии возложить управление всеми церковными имуществами и заведование всеми сборами, производимыми в церквях, или на построения и украшения храмов, или на облегчение участи бедных. Все доходы, получаемые с церковных имуществ, прибыли от продажи свечей (напротив карандашная помета), разные приношения в пользу церкви должны поступать в сей комитет. Содержание в приличном благолепии училищ и других богоугодных заведений, равно вспомоществования бедным армянам (последнее слово подчеркнуто карандашом), должно зависеть от сих комитетов. Вся отчетность по приходу-расходу сумм церковных возлагается на сии комитеты, которые, вследствие того, и должны представлять, по окончании каждого года, отчеты по вверенным им частям патриарху и Эчмиадзинскому Синоду, и требовать, с своей стороны, отчета от духовных правлений, церковных старост и прочих лиц, заведовавших какими-либо имуществами церковными, или приходу-расходываемыми суммами, принадлежащими приходским церквям. Комитеты сии могут употреблять остатки епархиальных доходов или на улучшение церковных имуществ, или на покупку новых, или же новых, или же расходовать испытанными благонадежными лицами займы, под заем верный, из приращения процентов. Комитеты сии должны ответствовать за сохранение в целости церковных имуществ, за правильное расходование сумм, за полезные употребления остатков от доходов.

За все те утраты или произведенное допущение беспорядков в управлении церковными имуществами члены подвергаются строгой ответственности и взысканиям: архиепископ - вычету из жалованья, ему производимого, а светские члены предаются законной процедуре, отстраняются от должности и подпадают денеж-

ному взысканию за все убытки, причиненные им церкви. Все дела всех комитетов должны решаться по большинству голосов. Когда епархиальный архиепископ будет одного мнения с каким-либо светским членом комитета, тогда положение их, несмотря на противное мнение третьего члена, приводится в исполнение, а сему последнему предоставляется право входить с представлениями о своем несогласии к патриарху и Эчмиадзинскому Синоду. Равномерно, когда светские члены будут несогласны со своим президентом, то последние, не останавливая их распоряжений и не прекращая хода дел по хозяйственной части, доводят до сведения патриарха и Эчмиадзинского Синода о причинах, подавших повод к несогласию их с прочими членами комитета. Но когда все члены будут различного мнения о каком-либо деле, тогда запишет свое мнение в журнале, предоставляет оное на разрешение патриарха и Эчмиадзинского Синода. Епархиальный архиепископ ни в коем случае не должен распоряжаться один делами, относящимися до хозяйственной части церковного управления.

Светские члены комитетов, с своей стороны, не будут иметь права вмешиваться в дела, относящиеся до религиозно-церковного управления, которые должны по-прежнему состоять в полном и исключительном ведении епархиальных архиепископов и духовных консисторий. Для поощрения светских членов комитетов к усердному, правильному и продолжительному отправлению их должности предоставить права: дворянам, избираемым в светские члены комитетов, считаться в государственной службе и пользоваться всеми преимуществами, с оной сопряженной (напротив помета - Во уважение малочисленности армян); купцам пользоваться увольнением от городских служб по слободам.

Если предположение об учреждении хозяйственных комитетов в епархиях удостоено будет высочайшего е.и.в. утверждения, то патриарх учредит подобный комитет в самом Эчмиадзине для управления всеми имуществами, принадлежащими сему монастырю (этот абзац зачеркнут карандашом)

II

Об образовании духовенства армяно-григорианского исповедания.

Хотя в 8-й главе "Положения об управлении делами армяно-григорианской церкви в России" постановлено учредить для образования духовенства академию и семинарию в монастыре Эчмиадзине и в разных епархиях армянских, то как ни церкви сего вероисповедания, ни народ армянский, пребывающий в России,

не имеет достаточных средств не только для учреждения сих учебных заведений, то для выполнения державной и попечительной воли е.и.в. в настоящее время остается одно средство - прибегнуть к щедротам Августейшего Государя Императора и всеподданнейше испрашивает у е.и.в. о выдаче в ссуду процентов каждой епархии по 30000 рублей серебром и Эчмиадзинскому монастырю 180000 рублей серебром на основание духовной академии в стенах онаго.

И если на то предположение последует высочайшее е.и.в. соизволение, то на первый случай основать одну академию в Эчмиадзине и три семинарии: в Тифлисе. Эривани и Кишиневе (напротив карандашом - увеличить отделение, присутствующее Москве). В Тифлисской семинарии воспитывать духовных детей, принадлежавших грузинской и < > епархиям. В Эриванской священно- и церковнослужителей, состоящих в Эриванской и < > епархиях. И, наконец, в Кишиневской - детей из епархии Нахичевано-Бесарабской и Астраханской. На учреждение сих семинарий отпустить во все епархии, выше означенные, по 30000 руб. серебром из государственного казначейства, чтобы каждая епархия следующую сумму - тридцать тысяч рублей серебром - уплачивала в течение двадцати лет в равной части. т. е. по 15000 рублей серебром в год из доходов, получаемых с церковных имуществ и выручаемых за свечи.

На основании духовной академии выдать Эчмиадзинскому монастырю 180000 рублей серебром, которые он также обязан уплачивать в течение двадцати лет по равной части, т. е. по 9000 рублей серебром в год из доходов, получаемых сим монастырем от недвижимого имущества. Из судного капитала, испрашиваемого на построение духовной академии в Эчмиадзине, предполагается употребить 45 тыс. рублей серебром на возведение зданий для помещения академии со всеми принадлежностями, а остальной, затем, капитал - 135 тыс. рублей серебром - разделить на равные части, по три тысячи рублей серебром, дать сорока пяти армянским купцам займы под верные залоги из процентов по 6 на сто и на проценты сии, коих в течение года будет получаться 8100 рублей серебром, содержать академию, основанную в Эчмиадзине.

Каждая епархия из выданного ей заимообразно капитала отделит 75000 рублей серебром на построение и обзаведение семинарии в том месте, где будет назначено, а остальной капитал - 225000 рублей серебром, разделив на равные части, раздать 10 армянским купцам в заем, под верные залоги, из процентов по шесть на сто, и проценты коих ежегодно будет получаться по 1350

рублей серебром, будут обращаться на содержание семинарии. Таким образом, каждые две епархии, соединенные в один учебный округ, из выделенных им сумм употребят на построение одной семинарии 15 тыс. рублей серебром, а на остальной капитал 45 тыс., розданные под верный залог 20 армянским купцам будут получать по 2700 рублей серебром процентов, а на доход будут содержать одну семинарию.

Уплату на сроки занятых сумм возложить на ответственность епархиальных архиепископов и хозяйственных комитетов, в каждой епархии учрежденных по предположению, изложенному выше. Если долг правительству не будет уплачиваем в определенное время из доходов церковных, то в таком случае епархиальные хозяйственные комитеты, каждый за занятый им капитал будет подвергаться строгой ответственности в лице членов своих, которые обязаны будут уплачивать из собственных доходов долги правительству. Той же ответственности должен подвергаться хозяйственный комитет Эчмиадзинский за неплатеж по срокам капитала, занятого на построение духовной академии.

Таким образом, в течение двадцати лет можно будет постепенно уплатить долг правительству и обеспечить существование четырех духовных учебных заведений, просветить и образовать духовенство армянское и через него разлить свет истинного просвещения между армянами, имеющими счастье находиться под мудрым отеческим правлением Всероссийских самодержцев.

Сверх того, капиталы, розданные по вышеизложенным названиям армянским купцам за умеренные проценты, не только послужат обогащению их, но и развитию народной промышленности на отдельных краях империи и к усилению торговли Восточной, составляющей постоянную заботливость Августейшего монарха России. (Вокруг всего абзаца проведено карандашом).

III

Об облегчении способов армянам, иностранных подданных, по вступлению в Российское подданство.

В настоящее время армяне, турецкие подданные, желающие вступить в число верноподданных Государя Императора, не прежде могут получить русские паспорта и возвратиться на родину, как по прожитии трех лет в России; но этот порядок не только затруднителен для них, но даже и разорителен, ибо в течение трех лет армянин не может еще считать себя русским подданным и пользоваться всеми теми преимуществами, и теми соединенными привилегиями, и правительство турецкое, угадывая наме-

рение отсутствующего лица, начинает преследовать семейство его, находящееся в Турции. Все армяне, подданные его государства, приняли бы за новый знак высочайшего к ним покровительства всякую отмену в существующем порядке дел по принятии их в подданство русское. Например им бы дано было повеление местным начальствам допускать к присяге на подданство России даже одного члена армянской фамилии, прибывшего из Турции, и до истечения трех лет, положенных трактатом, заключенном с сим государством, для выдачи паспортов русских, выдавать ему одно свидетельство о выполнении всех обрядов, установленных на принятии иностранцев в русское подданство, для отсылки к семейству, пребывающему в Константинополе; и если бы русское посольство в Константинополе начало оказывать покровительство и защиту от притеснений турецкого правительства всем семействам армянским, предъявившим подобные свидетельства о принятии членами их присяги на подданство русское, то смело можно надеяться, что большая часть богатых армян постепенно перевели свои имущества в Россию (слева кар. О торговле) и окончательно переселились во сие государство для постоянного пребывания с семействами своими.

IV

О дозволении учреждать школы армянские, майоратства и свободно сноситься с армянами, пребывающими за границей.

Патриарх и епархиальные архиепископы могли бы приглашать богатых армян к различным пожертвованиям на учреждение школ для бесплатного в них обучения детей бедных армян. Когда соберутся достаточные пожертвования на основание школ или когда явятся желающие открыть на свой счет учебные заведения, в таком случае местные начальства не должны препятствовать открытию сих школ, которые должны состоять под непосредственным заведованием и управлением епархиальных архиепископов.

Юношество армянское, кроме природного языка, будет изучать в сих школах русский и другие языки под особенным наблюдением архиепископов и под ответственностью их перед правительством за правильное преподавание языков и других наук.

Как находится много бедных между армянами, живущими в России, и как скудость церковных доходов не позволяет содержать их про монастырях или церквях в богадельнях, то они принуждены бывают прибегать к пособиям богатых единоплеменников их.

Но чтобы со временем не оскудели эти пособия от раздробле-

ния имений богатых лиц, между многими их наследниками, то дозволять богатым лицам учреждать майораты в благоприобретенных имениях и беспрепятственно получать всеподданнейшие прошения о сем предмете к подножию престола е.и.в. (последние два абзаца зачеркнуты карандашом)

Положением об управлении армянскими церквями, в § 27-м 2-й главы, дозволено патриарху, по временам, отправлять миссионеров в разные страны, в коих находятся армяне с патриаршим посланием. Но как отправление миссионеров и пребывание их посреди армян, обитающих в Турции и Персии, может иногда породить подозрение в правительствах сих государств, насчет цели и пребывания миссионеров посреди подданных их, и даже навлекать на них гонения разного рода, то, в отвращении всех сих неприятностей, неблагоугодно ли будет даровать право патриархам Эчмиадзинским сноситься письменно во всякое время, когда они сочтут полезным и необходимым с армянами, живущими в Турции и Персии. Пользуясь сим правом, патриархи могли бы давать письменно спасительные советы, увещания и наставления армянам, пребывающим в разных странах, и поселять в них привязанность к Эчмиадзинскому монастырю, и укреплять в них более и более чувство преданности к Августейшим монархам России, постоянно покровительствующим армянский народ со времени бессмертного Петра I.

Чтобы посланники русские в Турции и все агенты правительства, находящиеся на Востоке, оказывали патриархам Константинопольскому и Иерусалимскому, архиепископам и всему духовенству армянскому при всяком случае покровительство и защиту от притеснений местных властей и различных притязаний католического духовенства, которое всегда стоит под защитою Французского и Австрийского правительств.

Когда народ армянский увидит себя и свое духовенство под могучим покровительством Августейшего Государя императора, тогда ему не будет более причин отчуждаться от своей восточной церкви и присоединяться к римско-западной.

Матенадаран, ф. Архив Лазаревых, ед. хр. 164, л. 347 - 364. Автограф.

Указатель имен

Абамелик, 298, 361.
Аббас-Лули бек, 360.
Аббас-Мирза, 8,9, 13 -15, 19, 30, 37 - 40, 42 - 44, 46, 64, 82, 288.
Абгарян А., 283.
Абовян В., 360, 366.
Абовян Х., 160, 179, 180, 207, 234, 310, 313, 314, 358 - 360, 403.
Аваков Г. прот., 276.
Аветик архим., 290.
Аветов А., 372.
Ага-Баба, 54.
Ага-Мир-Фетте, 100, 114.
Ага Мохамед хан, 11.
Агаян Г., 403.
Агаян Ц. П., 24.
Агабабов, 283.
Агамалян-мелик Саак, 39, 54, 70, 80, 83.
Адамян А., 49.
Аделберг, 103, 104,141, 291.
Адиев А., 277.
Айрапетов Я., 251, 253, 255 -257, 262, 266, 273, 274.
Акимов А., 334.
Акоб пат., 289,
Акоб Кесарийский еп., 255.
Акоб Мариванский архиеп., 245, 291, 291.
Акоп пат., 324, 327, 362, 376.
Акоп Токатский еп., 349.
Акопов, 377.
Акопянц, 362.
Алавердянц М. Я., 49, 152, 158.
Аламдарян А, 24, 32, 95, 108, 110 - 114, 116, 121, 122, 131 - 133, 142,160, 163, 165, 168 -170, 173, 174, 177, 186, 187, 190, 196, 207, 267, 367, 403.
Александр I, 9, 14, 39, 145, 150, 175, 268.
Александр II, 277, 335, 336, 363, 374, 377 - 379, 384, 388 - 390.
Амим М., 37.
Амир хан, 9, 13.
Амирхан И. И., 167.
Ананун Д., 401, 404.
Андрей митр., 265.
Аничков, 319 - 323.
Антоний архиеп., 285.
Антоний II, 75., 103.

Антропов, 62, 63.
 Араратов Ст. еп., 245, 260, 274, 289, 290, 295, 330.
 Аракел еп., 111, 140, 142.
 Арена, 265,
 Аргутинский-Долгорукий И. (Ов.), 139, 140, 172, 308, 364.
 Аргутинский-Долгорукий И., кат., 88, 90, 105, 88, 196, 189, 271, 304, 348, 371, 401.
 Аргутинский-Долгорукий Д., 172.
 Аргутинский-Долгорукий К., 176, 207.
 Аргутинский-Долгорукий М., 364.
 Аргутинский-Долгорукий Ст., 245, 255, 330, 357.
 Арзанов Д., 12.
 Арутюн амира, 181.
 Арутюн еп. 379.
 Арутюнов А., 41, 92.
 Арутюнов Г., 192.
 Арутюнов К., 39.
 Арцуни И. Е., 221, 230, 236.
 Аскер А., 68.
 Аствацатур, 220.
 Аствацатур, пат., 237, 245, 255, 291.
 Аствацатуров Д., 381.
 Ахвердов Ю., 265.
 Ахов М., 399, 404.
 Аштаракети Нерсес, 2 - 5, 9, 12, 15,16, 128,21-24, 27, 30-32, 35,36, 38, 39, 41-44, 46, 47, 50 - 56, 58 -71, 73 - 82, 84, 86, 87, 90 - 100, 102 - 129, 131 - 140, 142 -156, 160 -179, 184 -190, 192 - 202, 205 - 217, 220 - 234, 237 - 243, 246 - 253, 255 - 257, 259 - 268, 271 - 277, 279, 281 - 292, 297 - 299, 301 - 313, 315 - 322, 324 - 328, 329 - 342, 344, 345, 347 - 356, 359 - 366, 367 - 377, 379 - 394, 394 - 404, 405 - 407, 409, 411 - 413, 418.

 Багдасар Джалалян митр., 220, 383, 401.
 Бадаков С.,9.
 Бадаков Я., 9.
 Базили, 287, 321.
 Бароев Б., 68.
 Барсег архиеп., 210, 237, 240, 245, 255, 256, 260, 274, 275, 289, 290, 298.
 Барсегов К., 23.
 Бархударян А., 95.
 Барутчи П., 323.
 Барятинский А. И., 364, 388 - 390, 394, 397.
 Басаргин - 343.
 Бебутов В. О., 146, 152, 160, 161, 163 - 165, 168, 172, 183, 199, 206, 207, 209, 211 - 215, 217, 220, 224, 226, 233, 301, 304, 308, 318, 328, 333, 335, 337, 338, 353, 361, 364, 366, 370, 371, 376, 397, 401, 409.
 Бебутов Д., 165, 361.
 Бегбудов З., 115.

Бебутова М. С., 338.
Бегларян В. А., 24.
Беглюк паша, 181.
Безак Н., 260.
Бекназарян Т(Ф.) архим., архиеп., 263, 267, 276, 317 - 320, 322, 323.
Бел, 213.
Бельзер, 41.
Белов П. Д., 47.
Бенкендорф А. Х., 16, 18, 20, 70, 83, 88, 90, 94, 96, 104-106, 108, 109, 114 - 116, 118, 121, 126, 128 - 130, 136, 137, 143, 146, 153, 167 -173, 177, 186, 188, 193, 208, 220 - 222, 226 - 228, 232, 233, 239, 250, 254, 261, 271, 287, 288, 298, 406, 411.
Бенкендорф К. Х., 16, 21, 26 - 30, 32, 33, 36, 37, 40, 46, 59, 83, 90, 105, 121, 123, 125, 132, 137, 138, 140, 151.
Берхман, 67, 70.
Бзнуни Симеон архиеп., 95, 111, 115, 122, 132, 134, 142, 187, 198, 205, 206.
Бобиков, 381.
Блаватский В. Н., 310, 360.
Блудов Д. Н., 97, 106, 108, 112, 116, 117, 122, 124-126, 130, 130, 132 -135, 142, 145, 148, 149, 160, 161, 163, 165, 166, 168 -172, 175, 178, 182 - 184, 186 - 189, 191, 195 - 197, 199, 201, 206 - 212, 215, 219 - 222, 227, 228, 232.
Борьян Б. А., 155, 159.
Бородин А. И., 50, 54, 70, 85.
Бороздин В., 346.
Бсаргин, 343.
Бутенев, 184.
Бутков В. П. , 369, 383, 389.

Ваганян В. А., 314.
Вагнер М., 399, 404.
Ваксмут Н. П., 311, 333.
Варандинов П. А., 129, 153, 159.
Варандян М., 154, 159.
Вардан архиеп., 231.
Вардан векиль, 325.
Ваганян В. А., 155.
Вагаршапатский А., 115.
Вагаршапатский И., 220.
Вардан Мамиконян, 4, 154, 285.
Варлаамов, 330, 331.
Васаков К., 367, 370, 371, 373 - 376.
Варшамов, 368.
Ведбельский, 21,36.
Вельяминов, 18, 55.
Викторов, 250.
Висковатая Е. А., 266, 297.
Витте, 29.

Влангели Г., 115, 120, 122, 124, 135, 139, 178.
Вольф, 213.
Волконский, 285.
Волшиновский, 67.
Воронцов М. С., 6, 26, 106, 126, 127, 143, 148, 160, 188, 207, 230, 232, 236,
240, 246, 247, 271, 297, 305 - 309, 311, 314, 330, 331, 332, 333, 335, 340, 341,
342, 345, 351, 353 - 355, 363, 364, 366, 368, 370, 375, 377, 378, 388, 389, 393,
394, 397 - 399, 401, 409.
Воронцова Е. К., 26, 333.

Гагик св., 162.
Гавриил патр., 149.
Гакстгаузен А., 277, 278, 280, 399, 404.
Гамазов М. Л., 315, 316, 325 - 328.
Гамба Ж. К., 126.
Гамель, 194.
Ган П. Д., 227, 229, 233, 354.
Гарнийский Б., 183.
Гасан Джалалян С., архим., 317.
Гасан паша, 326.
Гасан хан, 7, 8, 24, 30, 46, 47, 50.
Гасун, 317.
Геворг еп., 357, 358.
Геворг Вегапетян еп., 369, 370, 400.
Геворг еп., 302, 303.
Герси, 326,
Гехамян Е., 154, 159, 403, 404.
Гехамян О., 400, 404.
Говсунян Н. С., 233.
Голицын, 306.
Головин, 41.
Головин Е. А., 227, 229, 233, 238, 242, 243, 248, 254.
Грибоедов А. С., 25, 33, 38, 49, 83, 101, 102, 105, 128.
Григорий Просветитель, 3, 133, 317.
Григорий (Захарян) еп, 12, 88, 89, 90, 100, 106, 107, 378, 387.
Гургенбеков А., 192 - 194, 196, 197, 201, 203, 250.
Гурко И. А., 23, 301.
Гусейн-Кули хан, 7, 37, 50,
Гудович И. В., 10, 127.
Гукас архим., 255.
Гукас (Лука) пат., 291.
Гукас (Лука) Матарци архиеп., 237, 245, 274, 288, 290, 337, 346, 361, 370,
371, 373, 387.

Давид У Енегетци (Корганов), кат., 10, 88, 89, 165, 301, 348.
Давыдов проф, 270, 297.
Давыдов Д. В., 11, 14, 15, 21, 129, 165.

Дадян О., 328.
Дадян П., 317.
Даниел кат., 10, 89, 98, 147, 165, 199, 348.
Десянов И., 298, 303, 305, 361.
Демурчян, 381.
Дехтярев, 7.
Дзорагехци Ефрем, 8, 10, 18, 27, 30, 32, 45, 55-57, 67, 88 -90, 92, 93, 95, 96, 98, 99, 102, 103, 105, 107 - 109, 111 - 113, 115 - 119, 122, 131 - 133, 135, 141, 142, 144 - 146, 148, 149, 154, 160, 161, 163 - 171, 173 -178, 181 - 184, 189, 194, 197, 199, 201, 205, 206, 211, 213, 214, 216, 251, 256, 267, 268, 277, 310, 337, 342, 347, 378, 389, 406.
Дибич И. И., 16, 17, 20 - 22, 24, 26, 29, 30, 33, 35, 55, 57, 60, 62, 65, 67, 71 - 73, 76, 77, 79, 80, 84, 85,87, 92, 103, 104, 114, 120 -124, 127, 132, 137, 141, 144, 145, 177.
Джалалян С. архим., еп., 340, 377, 378, 381, 383, 386, 387, 390.
Джалалян С. митроп., 9, 111, 142.
Джомов, 318.
Джрпет Ш., 146, 147.
Довлатов А., 372.
Довлатян Т., 32.
Долгорукий Д. И., 317, 318, 320 - 324.
Долуханов Б., 9.
Дюнанд, 62.

Екатерина II, 57, 58, 153, 301, 371, 414, 416.
Есаи Х., 39.
Ереванци С., кат., 189.
Ермолов А. П., 8 - 16, 18, 20 - 22, 26, 38, 74, 76, 98, 99, 100, 107, 123, 137, 152, 213, 268, 298, 311, 314, 337, 355, 356, 405.
Ермолов С. Н., 355.
Ерицов (ян) А. Д., 26, 47, 101, 103, 150, 314, 328, 345, 346, 366, 394, 400, 404.
Ефрем (еп.), 16.
Ефрем архим., 276.

Желгоухов В., 251, 253, 255, 256, 259, 260, 262, 266, 273, 274.
Жеребцов, 275, 311.

Завилейский П. Д., 87.
Задонский Н., 235, 236.
Закарий, пат., 245, 257, 259 - 262, 265, 273, 287, 291.
Закревский А. А., 16, 100, 129.
Зайончковский А., 25.
Заремба Ф., 267.
Зиссерман А. Л., 389, 390, 394, 397, 398, 404.
Зограб хан, 14, 40.
Захарий, 162.

Иисус Христос, 309, 351, 385.
Иван Грозный, 371.
Измаил хан, 84.
Израиль еп., 82.
Иоаннес архиеп., 12, 89, 106, 140, 145, 378, 387.
Иона, 9.
Иоаннисян А., 156, 159, 402, 404.
Иосиф Тер-Мурадян архиеп., 220, 237, 245, 257, 274, 290, 295.
Иосиф архим., 99.
Иракий II, 75.
Исайя Заалов свящ., 330.

Калантаров, 9.
Казбинский А., 39.
Кайкасаров Г., 294.
Канкрин Е. Ф., 16, 17, 20, 55, 57, 118, 126, 136, 182.
Карапет пат., 149, 257.
Карапет Бабердский архим., 255
Карапет Багратуни (Эрзерумский), 210, 219, 220, 222, 224, 225, 228, 234, 240, 241, 245, 246, 250, 253 - 255, 259, 273 - 275, 288, 290, 294, 300, 301, 308, 311, 331, 334, 350, 357, 368, 373 - 375, 377, 381, 383, 396, 400, 401, 411.
Карапет Константинопольский, 291.
Карапетян Е., архим., 386, 387.
Карбеци И., 110, 140 - 143, 145, 146, 150, 152, 153, 162 - 165, 168 - 179, 181-198, 200, 203, 205 - 214, 217 - 222, 224, 225, 227, 228, 231, 237, 239, 242, 243, 252, 254, 261, 267, 268, 271, 288, 292, 298, 299, 303, 331, 332, 335 - 338, 349, 368, 369, 371, 387, 401, 407.
Каринянц А., 331.
Карджикян А., 324.
Карнеци Серовбе, 89, 90, 93, 110, 113, 115, 120 - 122, 124, 132, 135, 139, 141, 143, 146, 147, 160, 162 - 170, 173, 176, 178, 183, 185, 208, 228, 231, 232, 246, 250, 255, 260, 273 - 275, 301, 304, 305, 308, 339, 342, 343, 364, 375, 380.
Карташев, 300.
Кашанский, 62, 69, 77.
Кашкарев Н., 80, 83.
Кегамов С., 183.
Керим Мулла кази, 78.
Керим хан, 70.
Кесарийский Б., 220.
Кетхудов, 356.
Киракос пат., 325.
Кирилл патр., 327.
Клаэнский Н., 334.
Клейнмихель, 29, 298.
Клюгенау К., 24, 25.
Корганов И. О. (Ванька-Каин), 24, 144, 230, 233, 251, 351 - 355, 364.

Корганов Ф. О., 224, 228, 230, 234, 237 - 240, 247, 248, 250 - 252, 254, 349.
Костанян К., 400, 404.
Красовский А. И., 12, 18, 23, 33, 35 - 44, 46, 47, 50, 53, 54, 57 - 74, 76 - 79, 84 - 89, 103, 115, 121, 123, 132, 134, 137, 138, 140, 151, 152, 154, 215, 223, 246, 267, 301, 352, 405, 406.
Крымский Иосиф архим., еп., 111, 113, 116, 122, 131 -132, 136, 143, 163, 169, 181, 183, 198, 205, 206, 210, 211, 220, 230, 238, 245, 254, 275, 285, 317.
Крузенштерн А., 390, 391.
Курганов, 222.
Кутайсов, 170.
Кюрси, 126.

Ладинский П. А., 309, 314.
Лазарев кап., 92.
Лазарев Б., 314.
Лазарев И.(Ованес), 16, 189, 201, 209, 252, 256, 266, 267, 361.
Лазарев И.(Иаким), 252.
Лазарев И. Х., 361.
Лазарев Л.(Егиазар),16, 54, 91, 116, 188, 194, 196, 252.
Лазарев М.(Минас), 252,
Лазарев Х., 16, 18, 20, 28, 34, 50, 55, 57, 58, 76, 84, 89, 90, 103 - 106, 108, 109, 115, 118 - 121, 124, 126, 135, 136, 143, 144, 146, 149, 161, 162, 167, 168, 171, 173, 174, 176, 177, 185 - 187, 189, 190, 192, 194, 196, 201, 207 - 208, 219 - 221, 234, 239 - 242, 244, 246 - 254, 256, 257, 260 - 266, 269, 271 - 275, 281, 285, 288, 292, 294, 298, 340, 361, 367, 372, 373 - 375, 378, 397, 411, 418.
Лазарева А., 361.
Лазарева Е., 361.
Лазян Г., 153, 159.
Лайнастер, 2134.
Ланской В. С., 55.
Ланской С. С., 367, 371, 373 - 375, 379, 380, 384, 386, 389.
Лачинов Е. Е., 37, 49, 50, 60 - 62, 72, 73, 79.
Лекку М. И., 340.
Лелли К., 326, 327.
Лео, 152, 159, 346, 401, 404.
Линч Ф. Б., 400, 404.

Магомед шах, 322.
Магмед хан, 70.
Мадаатов, 9.
Мадтов В. 9 -11, 13-15, 21, 151.
Мазарович, 38.
Макар Тер-Петросян архим., еп., 317, 333, 334, 375, 387.
Макаров Г., 271.
Мартирос архиеп., 141, 164, 165, 170, 175, 176.
Мартиросян О., 271.
Маман-Замах хан, 14.

Мамед хан, 78, 79, 80, 97.
Мамиконян К., 326.
Мануил архим., 173.
Мануил имп., 350.
Манукян Е., 130.
Манук М. бей, 89, 162, 220.
Манук И. бей, 240, 242, 281, 283.
Мануков Г., 231.
Манучарян Гр., 8, 13 - 15, 33, 111, 142.
Маркаров П., 60
Мартирос архиеп., 8, 214.
Мартирос архим., 208.
Мастарский Г., 115.
Матевос Вегапетян еп., 329, 330, 335, 340, 341, 362, 373, 374, 376, 378 - 381, 384, 389 - 391.
Матевос Смирнский (Чухаджян) арх., пат., 256, 291, 301, 315, 316, 324, 326, 327, 349, 409.
Матинов С., 250, 252, 255, 259, 264, 265, 272 - 275, 289, 290, 308, 350, 375.
Матинян, 386.
Махмуд С. хан. 83.
Медокс В., 80, 83.
Мейендорф А. К., 362.
Мелик - Тангян Н. архим, еп., 345, 346, 396, 404.
Меликов А., 256.
Меликов И. прот., 276.
Меншиков А. С., 376.
Мерлини, 21, 67, 76.
Месроп архим., 313, 314, 328, 345, 395, 403.
Месроп Адрианопольский архиеп., 291.
Мехти Мулла ахунд, 78.
Мечников, 170.
Микаелян В. А., 366.
Минас еп., 111, 142, 330.
Минасян А. П., 320.
Минасян С. М., 320.
Минасян М. Н., 2.
Минкевиц, 311.
Миракянц О., 308.
Мирза-Исмаил, 57, 69, 85, 97.
Мирза-Салех, 38.
Мирзоян, 375.
Мирошкин проф., 280.
Мисак С., 316.
Михаил Павлович вел. кн., 144, 288.
Мкртчян Г., 386, 387.
Моренас, 126.
Мошков В. И., 35.

Мсерянц М., 263.
Муравьев А. Н., 278, 280, 284, 325, 347 - 351, 362 - 365, 379.
Муравьев Н. Н., 6, 7, 24, 30, 32, 33, 37, 46 - 50, 59, 72, 153, 154, 159, 212, 215, 222, 223, 232, 233, 243, 246, 348, 363, 364, 366, 373, 377, 382, 386, 401.
Мурадян, 283.
Мурадянц М., 153, 159, 398, 404.
Мурзакевич Н. Н., 25, 127, 150, 158, 313, 398, 404.

Наги хан, 7, 28.
Назаров И. Ф., 328, 336.
Назимка Ф., 8.
Назлуханов С., 330.
Налбандян М., 403.
Наполеон, 150.
Наполеон III, 325.
Нейдгарт А. И., 250, 253 - 256, 259, 264, 272, 276, 289, 290, 298, 299, 300, 302.
Нерсес Благодатный кат., 350.
Нессельроде К. В., 29, 55, 116, 126, 126, 131 - 133, 149, 171, 173, 175, 176, 178, 186, 191, 8, 208, 231, 243, 244, 294.
Нерсисян М. Г., 24, 48 - 50,
Никогос архим., архиеп., 66, 238, 253, 319, 320.
Николай I, 9, 11, 12, 15 - 17, 21, 33, 45, 57, 67, 83,84, 87, 94, 95, 99, 102, 103, 108, 114, 116, 126, 128, 133, 136, 144, 146, 148 - 151, 156, 161, 163, 166, 167, 171, 173, 175, 176, 178, 182, 186 - 188, 201, 202, 211, 216, 223, 231, 233, 239, 243, 251, 262, 263, 265,267, 271, 273, 283, 284, 287, 288, 294, 298, 306, 325, 332, 333, 335 - 338, 348, 359, 363, 376, 378, 380, 381, 397, 399, 401, 406, 413, 418.
Носов, 19.
Нубаров, 19, 368.
Нубарян М., 210.
Нурьян К., 271.

Обрезков, 29, 38.
Ованес пат., 89.
Ованнес пат., 325, 362.
Ованнисян А., 263.
Оганез Осман, 92.
Оганян Б., 45.
Озеров А. П., 325, 327.
Омянц Г., 386, 387.
Орлов, 239, 369, 382.
Орманян М., 153, 159, 328, 392, 396, 397, 404.
Очкин, 146.

Павел I, 271, 414 - 416.
Палавандов Н., 178, 181.

Панин В. Н., 334.
Панкратьев, 62, 82, 89, 172, 174, 178, 179, 188.
Папикян С., 303.
Патканян Г., 150.
Паскевич И. Ф., 5, 12 - 15, 17, 18, 20 - 22, 24, 26, 29 - 31, 33, 35 - 39, 42 - 47, 49 - 51, 53, 57 - 60, 62, 63, 65 - 68, 70, 71, 73, 74, 76 - 99, 102, 103, 105, 107 - 109, 111 -118, 120 - 130, 130 - 156, 160, 161, 163 -174, 176, 177, 184, 186, 191, 193, 194, 200, 201, 219, 222, 230, 232, 233, 246, 259, 263, 267, 271, 275, 287, 288, 294, 297, 301, 305, 309, 310, 331, 351 - 355, 361, 364, 371, 387, 399, 404 - 406.
Парсамян В. А., 25, 155, 156, 158, 159.
Пашиманов Г., 330.
Пашков А. И., 266, 333.
Перовский А. Л., 243, 44, 246, 247, 249, 260 - 266, 268, 269, 271, 277, 297, 299, 303, 330, 332, 339, 411, 412.
Петерсон, 266.
Петр I, 286, 371, 412 - 414, 425.
Петр(ос) архим., 252, 255, 262, 265, 308.
Петрос, 40.
Петрус бек, 9.
Полипос архим., 289, 290.
Пилипос архим., 321.
Писариевский, 233.
Повало-Швейковский, 54.
Погос еп., 231.
Погос намест., пат., 238,245, 257, 258, 259.
Позен М. П., 239, 248, 249, 251, 260, 298, 303, 305, 306, 370.
Попов А. И., 232.
Потто В. А., 25, 151, 159, 399, 404.
Протасов Н. А., 265, 276.
Пуцин М. И., 50.

Рад, 364.
Ребиндер Н., 266, 266, 297.
Рененкамф, 23.
Репин, 29.
Реут, 8, 11, 12, 14.
Родофиникин К. К., 175, 181, 207.
Розен Г. В., 21, 179, 181 - 191, 193, 195, 196, 198 - 201, 205 - 212, 215, 216, 218 -221, 224, 225, 227, 230, 353.
Ртищев Н. Ф., 309.
Рубан, 62, 68, 77.
Русанов Ф., 75.

Саак архим., 290.

Саак Цахкаранян еп., 308, 309.
Савран-Кули хан, 50.
Сазонов, 377.
Салантян М., 189 - 192, 195, 196, 207, 209 - 210, 218 - 220, 228, 232, 234, 250 - 252, 271, 298, 299, 303, 362.
Самвелов А. прот., 276.
Самуэлян С., 25, 49 - 51, 71, 118, 130, 263, 278, 280, 295, 296, 313, 314, 323, 345, 346, 366, 368, 370, 392, 394, 395, 403.
Саркис, 7.
Саркис викар., 357.
Саркис Адрианопольский еп., 255.
Саруханян Н. Б., 156, 159.
Сатов, 215.
Сатуэлян И., 220, 319, 330.
Сафар юзбаши, 9.
Сафонов С. В., 297, 333.
Севарсамидзе Л. Я., 7, 38.
Седракян А. еп., 402, 404.
Семенов Гр., 240.
Серебряков Л. М., 360.
Сетоев С., 192, 194.
Симашко И. архиеп., 284, 285.
Симеон архиеп., 257.
Симеон архим., 265.
Симонич, 127.
Симонянц, 370.
Сипягин М. Н., 23, 24, 32, 33, 40, 63, 67, 68, 84, 93, 120, 121, 123, 126, 136 - 138.
Скалон, 249.
Скрипцын В., 241, 246, 262-264, 266, 284, 288, 292, 297, 338.
Соколовский, 300.
Сорокумский, 160.
Степан пат., 233, 245.
Степан Никомедийский, 255, 256, 291.
Степан Хожакян еп., 16, 66, 208, 220.
Стивенсон, 319, 323.
Строганов А. Г., 292, 374.
Суварян Е. архим., 267.
Суин-Кули хан, 7.
Сукиасов свящ., 343, 370.
Сумбатов Г, 32, 249, 250.
Суренянц, 381.
Сухателен, 45, 246.

Тавакалян Н. А., 156, 159, 204, 257, 258, 259.
Тагиадян, 403.

Тамамшев Д. И., 253, 260, 307, 310, 362.
Тарханов, 9.
Татинцян А., 258.
Абрамян О., 394.
Тер-Абрамян О., 402, 404.
Тер-Гукасов, 250.
Тер-Давыдов, 357.
Тер-Каспарян С., 386, 387.
Тер-Марукян Н. еп., 206, 330, 331.
Тер-Мосесов Б. свящ., 344.
Тер-Мурадян И., 289, 290., 330.
Титов, 244, 301, 302, 315.
Толстой, 29.
Толстой П. А., 209.
Топчиба, 40.
Туманов Г. М., 403.
Тунян В. Г., 2, 25, 26, 48, 71 - 73, 100 - 102, 129, 130, 157, 158, 179, 180, 201, 234 -236, 258, 259, 279, 280, 295, 296, 314, 404.

Уваров С., 221.

Фаньян Дж., 101, 102, 128, 157.
Федоров П. И., 232, 240, 241, 353, 354.
Фериери И., 316, 317.
Филарет Московский мит., 298, 309.
Филипп архим., 208.
Фома архим., 89, 95, 231.
Форбс., 231.

Халибян(ов) Ар., 256, 283, 306,369, 372, 376, 380.
Хатисов, 220.
Хатисов Б., 221.
Хачатур архиеп., 254.
Хачатуров А., 271.
Хачатуров М., 271.
Херодонян Д. Г., 308, 330.
Хирджиев Г. прот., 276.
Ходжамалов К., 363.
Ходженцев, 268.
Хосроян И., 361.
Хомутов, 51, 70.
Хрущов Д. Н., 374, 376, 387.
Худобашев Ал., 105, 113, 116, 144, 167, 168, 176, 177, 256, 334, 347.
Худобашев Ар., 95, 105.
Худобашев Г., 89, 95, 105, 143.

Цицианов П. Д., 10, 106, 127, 348, 354.

Чавчавадзе А. Г., 67, 70, 76, 80, 82, 85 - 87, 115, 139.
Чарукцианов, 227.
Чахлушьян Г. 404.
Чевкин К. В., 26.
Чернышев А. И., 76, 127, 137, 141, 142, 178, 239, 247 - 251, 288, 305, 354.
Чернышева Н. Г., 215.

Шагриарский И., 115.
Шамиль, 326.
Шаншиев, 403.
Шахазиз Е., 152, 159.
Шахазизян М. архим., 205, 206, 215.
Шахатунян И. (Ов.), 208, 220, 245, 256, 275, 308, 309, 317, 330.
Шахвердов Ю., 281.
Шахназарян К. архим., 317, 331.
Шах-Аббас, 321.
Швейковский, 68.
Шекинян А. Г., 365.
Шепелев Л. Е., 72.
Шериф ага Магазбердский, 95, 97, 141.
Шиль, 323.
Ширмазанов, 368.
Ширмазанян Г., 246.
Шопен И. И., 62.
Штейндер, 266.

Щербатов А. П., 26, 151, 159.
Щербинин, 364.

Эвоян С. В., 24.
Эксан хан, 37.
Элип., 277.
Эммануэль, 67.
Эммануэль архим., 143.
Эристов Е., 36, 43, 47, 59, 121.

Языков, 205.
Яков мит., 277.

Содержание

Введение 3
Глава I. Политический взлет	
1. Организация отпора персидскому вторжению 7
2. Освобождение Араратской страны 26
3. Ереванское временное правление 50
Глава II. Остракизм	
1. Армянский протектор 73
2. Определение статуса 102
3. Сюрпляр 130
Глава III. Глава Нахичевано-Бессарабской епархии	
1. Внеочередной выбор католикоса 160
2. Борьба за возвращение 181
3. "Забвенье" 205
Глава IV. Католикос всех армян	
1. Новые выборы 237
2. Петербургские перипетии 259
3. Разработка всеподданнейшего прошения 281
Глава V. Эчмиадзинский престол	
1. Возвращение 297
2. Внешние отношения 315
3. Внутренние отношения 329
Глава VI. Апофеоз	
1. Личная переписка 347
2. Новое дело Нерсеса Аштаракецци 366
3. Оценка деятельности 394
Заключение 405
Приложение 411
Указатель имен 426

ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ТУНЯН

"Защитник отечества" -
католикос всех армян Нерсес Аштаракецци

1826 - 1857 гг.

РЕДАКТОР Ж. С. СЕЙРАНЯН